ИБ

ГАНС ДЕЛЬБРЮК

III

ГАНС ДЕЛЬБРЮК

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИБ
БИБЛИОТЕКА

HANS
DELBRÜCK

GESCHICHTE DER KRIEGSKUNST

IM RAHMEN
DER POLITISCHEN
GESCHICHTE

DRITTER TEIL

DAS MITTELALTER

ГАНС ДЕЛЬБРЮК

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

„НАУКА"
„ЮВЕНТА"
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1996

ББК 63.3(0)3
Д 29

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Б. В. Ерохин, В. М. Камнев,
Б. Н. Комиссаров (заместитель председателя),
Г. Л. Курбатов, Е. В. Никитюк (секретарь),
Р. Г. Скрынников, Г. Л. Соболев,
С. Ю. Трохачев, Э. Д. Фролов (председатель)

Редактор издательства
Л. В. Арсеньева

В настоящем издании
100 нумерованных экземпляров
в улучшенном оформлении

Д 0503010000—543
ISBN 5-02-028331-2 (Т. III)
ISBN 5-02-028209-X («Наука»)
ISBN 5-87399-041-7 (Т. III)
ISBN 5-87399-011-5 («Ювента»)

© «Ювента», составление, оформление, 1996

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПОТОМКИ

ГЛАВА I

КАРЛ ВЕЛИКИЙ

ЕРМАНСКИЕ полчища вторглись некогда в римские провинции, сопровождая свое нашествие чудовищными насилиями и разрушениями. Полонив всемирную империю, они как бы заключили ее в тонкую оболочку, что, в конечном итоге, привело к образованию новой римско-германской государственности.

В королевстве франков [1]* была найдена форма длительного поддержания в военном сословии годности к боевому использованию. Этой формой был вассалитет[2], или ленная система[3], т. е. обращение воинов в вассалов посредством пожалования им земельных владений (лен). С таким войском династия Каролингов[4] спасла государство от ислама, а затем и восстановила его трудом нескольких поколений.

Воины были преимущественно конными и обязаны были приносить с собой продовольствие. Поэтому снаряжение даже одного такого воина являлось тяжелым бременем. В одном старинном франкском народном праве** указана детальная расценка оружия и скота; если сопоставить эти цифры и выразить стоимость снряжения в единицах скота, то получится следующая таблица***

Шлем	6	коров	Понож и (Beinschienen)	6	коров
Латы	12	»	Копье и щит	2	»
Меч с ножнами	7	»	Боевой конь	12	»

Таким образом, снаряжение одного лишь бойца равнялось стоимости 45 коров или — так как 3 коровы равноценны были 1 кобылице — 15 кобылицам, стоимости крупного скота целой деревни. Сюда надо добавить еще продовольст-

* Цифры выносок относятся к примечаниям редакции, помещенным в конце книги.

** «Lex Ripuaria»[5], XXXVI, 11, M. G., LL, V, стр. 231.

*** Одна корова приравнивается к 1 солиду[6]. Встречающаяся в одной из рукописей оценка в «3 солида» явно неправильна, ибо вол оценивается в 2 солида, а кобылица в 3 солида. В одном из капитуляриев[7] Людовика Благочестивого от 829 г. встречается оценка коровы в 2 солида.

вие, повозку с упряжной лошадью или вьючное животное для перевозки этого продовольствия и конюха при животном.

Франкский воин, отправлявшийся с берегов Луары в поход против саксов[8] или с берегов Майна в Пиренеи, представлял собой, таким образом, нечто совершенно иное, чем древний германский воин, который считал для себя приобретение оружия не бременем, а скорее выгодой и воевал только с ближайшими соседями. Кроме того, оседлый воин, стремившийся вернуться домой, не был уже воином времен Великого переселения народов, который, не оглядываясь, шел непрерывно вперед. Каролингское воинство представляло собой организацию, являвшуюся лишь малой и даже весьма малой частью общей массы населения, так что существовать и сохраняться эта организация могла единственно в форме вассалитета и ленных владений*.

Переход от прежней формы призыва народа королем как главой государства к призыву вассалов и их подвассалов королем как сюзереном совершался весьма медленно и, вероятно, не во всех частях государства равномерно. Зачатки вассальства заметны уже в первом столетии власти Меровингов[9]. Однако, еще при Карле Великом — и в законах и формально — массовый призыв населения продолжает существовать. Только при внуках Карла Великого он исчез окончательно, и военная организация стала основываться исключительно на вассальстве. Лишь в ландштурме, т. е. в призыве ополчения для защиты страны при вторжении неприятеля, всеобщая воинская повинность надолго еще сохранилась.

В романских областях королевства франков это социальное расслоение совершилось, должно быть легче и определеннее, чем в германских. Население в общей своей массе там все еще состояло, как когда-то в Римской империи, из колонов[10], т. е. крепостных крестьян. Городское население — plebs urbana —также считалось не вполне свободным сословием, а ремесленники и торговцы в такой же мере не были воинами, как и крестьяне**.

Только свободные люди — liberi, ingenui, часто называемые также nobiles, — преимущественно германского происхождения, могли быть воинами. Их число было крайне ограничено*** — не больше нескольких сот человек на гау (Gau) (сельский округ) в 100 кв. миль****.

Это были владельцы отчасти мелких, отчасти крупных поместий, проживавшие частью на собственной земле, частью на ленах, а частью и как безземельные вассалы, состоявшие на службе и жившие при дворе более крупного владельца.

* Примечание ко 2-му изд. — Хозяйственной основой военной организации времен Каролингов служило, как указано в т. II, натуральное хозяйство. Недавно Альфонс Допш (Alfons Dopsch) в своем труде «Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit», а именно в т. II, § 12, пытался доказать ошибочность общепринятого представления об этом натуральном хозяйстве и утверждал, что наряду с ним существовало более или менее развитое денежное хозяйство. Он считает, что различие между древними и средними веками как в этом отношении, так и вообще сильно преувеличивается. С эим взглядом я согласиться не могу и в результате моих исследований об изменениях военной организации вижу, наоборот, новое подтверждение установившегося взгляда. Превращение римского легионера в средневекового рыцаря немыслимо без перехода денежного хозяйства древности в натуральное. См. мою рецензию на труд Допша в «Deutsche Politik», 1921, кн. 26, стр. 620. «Römertum und Germanentum».

** Plebs urbana в эпоху Меровингов считался не вполне свободным сословием. «Нельзя с уверенностью определить, в чем выразилось ограничение их свободы в правовом отношении», говорит Бруннер (Brunner) в «Deutsche Rechtsgeschichte», I, 253. Не подлежит сомнению, что речь идет о разнице между воином и не-воином. У Бруннера эта разница недостаточно четко проведена: он так же , как и Рот (Roth), убежден, что существовала всеобщая воинская повинность. По Capitular Mon. Germ., Capitularia Reg. Franc., ed. Boretius, I, 145, колоны причислялись в несвободному сословию.

*** God Kurth, Les nationalites en Auvergne. «Bulletin de la classe des lettres de l'Acad. Belgique», 1899 г., N 11, p. 769, и 1900 г., N 4, p. 224 специально в отношении Оверни установил, что там франки вовсе не селились. Знатные роды, занимавшие графские должности[11], были романского происхождения. Почти в отношении всех немногочисленных германцев, которые встречались в Оверни, доказано, что они не были там оседльми; таковыми были разве только немногочисленные вестготы.[12]

**** Нем. миля — ок. 7 *км.*

Убеждение, что свободный является в то же время воином и что воин является свободным, настолько владело умами той эпохи, что в литературе V и VI вв. миряне, которых хотели противопоставить* духовенству, обозначались просто термином «miles» (воин).

Если мы из записей законов позднего средневековья графства Анжу узнаем, что «franchir» означает «anoblir» (причислять к сословию благородных), а отнюдь не «affranchir» (освобождать, делать свободным), то это нам кажется окаменелостью языка, отзвуком давно прошедших времен**.

До присоединения саксов к королевству франков чисто германских областей в него входило немного. На Рейне, а также в Швабии и Баварии, под германским владычеством сохранились довольно значительные остатки романских народов, живших здесь в тех же социальных условиях, как и по ту сторону Рейна в романских областях.

Но также и у германцев в этих смешанных областях, — особенно же у германцев в чисто германских областях при устье Рейна, на р. Шельде, в Гессене и на Майне, — создались подобные социальные условия: значительная часть населения в большей или меньшей степени потеряла свою полную свободу и вышла из военного сословия. Прямых доказательств этого мы не имеем, а потому нам не известно, когда именно, в какой степени и за какой период совершилась эта эволюция. О самом факте можно, однако, с уверенностью сделать заключение прежде всего на основании однородного характера военной организации всей империи. Из дошедших до нас указов о призыве в войска вытекает, что ратники каждой области обязаны были принести с собой все вооружение, снаряжение и довольствие; далее из них явствует, что из каждой области призывался отнюдь не определенный контингент, сообразно численности населения и экономическому состоянию, а наоборот — либо все военнообязанные, либо определенная часть их. Из этого видно, что существовало предположение о равномерном по всей стране распределении военнообязанных свободных людей, иначе совершались бы чудовищные несправедливости: какой-либо сельский округ, — например в Гессене, — должен был бы вооружить и отправить в поход всех своих взрослых мужчин, в то время как сельский округ в Средней Галлии, где кроме колонов и горожан было только небольшое число вполне свободных, обязан был бы послать только этих последних. Так как в Средней Галлии вследствие незначительного переселения туда германцев в отдельных сельских округах насчитывалось лишь небольшое число вполне свободных, то социальное расслоение в восточных частях империи приближалось к тем формам, которые существовали в западных частях.

Такой вывод подкрепляется еще и другим косвенным доказательством. Мы видим, что такая же эволюция совершилась даже у оставшихся еще язычниками саксов. Известно, что у них сословие полусвободных играло значительную роль. Мы знаем также, что при Людовике Благочестивом этих полусвободных (frilingi et lazzi) было громадное число***. В 842 г. они составили заговор с целью вернуть себе права, которыми они обладали во времена язычества. Это можно было бы понять в том смысле, что только владычество франков лишило их полной свободы, и вполне возможно предположение, что у франков перевод свободных на более низкое социальное положение действительно имел место, но дело в том, что требования саксов были направлены не на возвращение свободы, а на восстановление их прежних сословных прав, ограниченных франками. Таким образом, не подлежит сомнению, что многочисленное сословие таких полусвободных существовало уже и в языческие времена; к этому вопросу мы еще вернемся при рассмотрении саксонских войн.

* Многочисленные данные у Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse française, стр. 490.

** «Ancien Coutumier d'Anjou» цитировано у Guilhiermoz, стр. 366.

*** «Nithard» IV, гл. II.

Чем меньшее число вполне свободных было во всех сельских округах империи, тем легче возникала возможность одновременного существования двух боровшихся друг с другом оснований призыва: более старого, по которому король призывает свободных на войну через посредство своих графов, и более нового, в силу которого король выставляет в случае войны сеньоров вместе с их вассалами.

Окончательное и естественное разрешение вопроса состояло в том, чтобы из прежнего сословия свободных те, которые оставались воинами, были сделаны вассалами, те же, которые стали крестьянами, попали в положение полусвободных. Таким образом, воины не-вассалы не должны были больше существовать. Определенное указание на то, что каждый свободный должен иметь над собой сеньора, мы впервые встречаем в дошедшем до нас эдикте[13] Карла Лысого от 847 г. Но еще в 864 г. снова встречаются распоряжения* и имеется даже документ**, датированный 884 г., по которому каждый свободный (как таковой, а не как вассал) обязан был вместе с другими отправляться на войну. Однако, от действительной жизни эти эдикты были так далеки, что в литературе той эпохи слово «военный » и «вассальный» были синонимами***.

Ко времени Карла Великого еще фактически существовали рядом обе диаметрально противоположные системы военной организации. Тогда как текст целого ряда эдиктов не оставляет сомнения в том, что все свободные, если не одновременно, то по крайней мере поочередно, были на военной службе, другие эдикты подтверждают тот факт, что уже тогда на войну отправляются только вассалы.

Даже те свободные, которые превратились в вассалов, призывались графами под угрозой штрафа. Источники не дают прямых указаний на то, каким образом практически согласовывались оба эти принципа. Так как уже вскоре после смерти Карла Великого вассальство получило исключительный перевес, то приходится принять, что борьба, начало которой мы должны отнести еще к царствованию первых преемников Хлодвига, была уже при Карле Великом решена по существу в пользу вассальства, и что призыв всех свободных существовал только формально и в теории, практически же он применялся лишь в единичных случаях и более крупными владельцами. Всеобщий призыв формально сохранился не только благодаря устойчивости переходивших из поколения в поколение правовых норм, но и вследствие положительной и очень веской причины. Этой формы призыва так долго придерживались потому, что она была единственной, при которой свободного германца можно было привлечь к исполнению гражданских обязанностей, особенно же к налоговым повинностям (в этом отношении исключение для него составляли разве только судебные сходы). Если бы отказались от призыва в то время, когда одна часть подданных еще не превратилась в вассалов и вместе с тем не доведена была до положения полусвободных, то эти подданные совершенно не могли бы быть использованы для выполнения государственных повинностей.

Поэтому Карлом, а может уже и его предшественниками, изданы эдикты, в силу которых все свободные, не отправлявшиеся в поход, обязаны были, в зависимости от своего состояния, объединяться в группы и из своей среды снаряжать одного бойца. До настоящего времени эти эдикты толковались таким образом, что если, снарядить одного бойца, то под этим подразумевалось полное обеспечение его как припасами, так и перевозочными средствами. Но при этом

* Boretius, Beitrag z. Capitularienkritik, стр. 128, считает их лишь повторением.

** Baldamus, Das Heerwesen unt. d. späteren Karolingern, стр. 12.

*** Хинкмар из Реймса в сочинении, направленном против своего племянника, епископа Лаонского, пишет (870 г.): «Вот явные плоды греха гордости: ты, сказывают, на сборищах похваляешься своей силой и ловкостью, часто и охотно ведешь речи о сражениях и, как говорится по-нашему, о вассальных делах, рассказывая при этом, без уважения к своему сану, что бы ты стал делать, если бы был мирянином?» Я заимствую эту интересную цитату у Guilhiermoz, «Essai sur l'origine de la noblesse française», стр. 438, где дано много других примеров такого словоупотребления.

упускалось из виду, что подобного рода повинность слишком тяжела для трех крестьянских наделов. Снабжение армии фактически лежало на громадной массе полусвободных и крепостных, которые привлекались к этому своими господами или графами. Те из свободных, состояние которых не превышало одного или двух обыкновенных крестьянских наделов и которые обязаны были снарядить одного бойца из своей среды, выполняли это либо в форме денежного взноса, либо снабжая этого бойца какой-либо частью вооружения или одежды. Но даже и это они делали довольно неохотно, так как при их очень плохом экономическом положении каждый предмет вооружения, каждый кусок кожи или сукна, каждый окорок или сыр, которые от них требовались, представлял для них значительную ценность. Но самой существенной и дорогой частью снаряжения был боевой конь, ибо воины в большинстве были конными. Почти ежегодно отправляясь в поход, воин часто возвращался домой без своего верного коня, которого он лишался в дальнем походе. Война всегда стоила несравненно большего числа лошадей, чем людей. Крестьянин же не в состоянии каждые несколько лет поставлять годного боевого коня. Большинство крестьян вообще не имело лошадей, а тем более пригодных для войны; для полевых работ они пользовались волами или коровами.

Таким образом, эдикты королей Каролингской династии о группах свободных людей, обязанных снаряжать из своей среды одного воина, являлись по существу замаскированным налоговым обложением. В большинстве случаев призывы являлись фикцией, служившей законным поводом для короля взимать налоги со свободных и вместе с тем охранявшей последних от произвольных злоупотреблений этим правом со стороны чиновников. Если, например, трое упомянутых выше владельцев, имевших по одному наделу, снаряжали должным образом одного из своей среды, или же — что они в большинстве случаев вероятно предпочитали — доставляли снаряжение, которое граф затем передавал одному из своих вассалов, или, наконец, вносили соотвествующий выкуп, то этим они вполне исчерпывали свой долг перед графом, который больше от них ничего и требовать не мог.

По этому вопросу сохранился целый ряд королевских эдиктов, по-видимому, весьма точных. Так, например, эдиктом от 807 г. для области к западу от Сены предписано, чтобы владельцы 4—5 земельных наделов лично являлись для участия в походе; трое, имевших по одному наделу, или владелец двух наделов вместе с одним владельцем одного надела, или двое, имевших по одному наделу вместе с одним еще более мелким собственником, должны были совместно выставлять одного бойца; каждые шесть владельцев половинных наделов выставляли одного бойца; безземельные же с цензом в 5 фунтов обязаны были вшестером снаряжать одного бойца и дать ему 5 солидов. Подобная детализация не должна, однако, вызвать ложное представление о значении такого эдикта. Прежде всего для высшей администрации он почти никакой роли не играл. Какова была тогдашняя администрация, можно судить по тому, что вся верхушка ее, не владея латынью[14], вынуждена была для ознакомления с каждым документом, списком или донесением полагаться на перевод своих писцов. Центральная власть просто не была в состоянии составить себе точное представление о том, сколько людей и сколько наделов насчитывается в каждом сельском округе (Gau). Когда однажды при короле Эдуарде III английский парламент решил исчислить налоги по новой расценке, то при определении ожидавшейся суммы исходили из расчета, что в королевстве имеется 40 000 приходов; на самом же деле их оказалось неполных 9 000*. Число рыцарских ленов одними членами парламента исчислялось в 60 000, другими же членами, а также королевскими министрами — в 32 000. В действительности же их было не свыше 5 000. При этом, как мы увидим ниже, в Англии уже существовал центральный аппарат власти; что касается государства франков,

* Maitland, Domesday Book and beyond, 1891, стр. 511.

где он совершенно отсутствовал, то до нас не дошли даже расценки, могущие служить нам примерами. В дальнейшем изложении нашего труда еще не раз встретятся данные, подобные взятым нами из истории Англии, и свидетельствующие о том, что средневековая центральная власть не имела никакого представления о статистике государственного хозяйства.

В 829 г. при Людовике Благочестивом была по-видимому сделана попытка составить нечто вроде рекрутского списка с оценкой имущества по всему государству. Этот закон сохранился в четырех копиях, но характерно то, что все они различны во всех деталях. В одной из них недостает пункта, по которому для выставления бойца объединяются двое; в другой — отсутствует пункт о шестерых; в третьей — упоминается только объединение троих; в четвертой — об этих группах вообще ничего не говорится.

Обясняется это тем, что при оценке имущества и разделения его на группы был предоставлен настолько широкий простор произвольному (diskretionären) толкованию эдикта, что даже и такие разногласия в уставе не играли никакой роли. Должно быть, для составления эдикта везде пользовались известными, сохранившимися от прежних поколений формами и нормами оценки, которые и были зафиксированы.

Если эдикт в действительности и выполнялся, что весьма сомнительно, то и это ни к чему не приводило и годилось только для данного момента; через несколько лет — вследствие смерти или перехода имущества по наследству — картина изменялась. Даже в первый год этот эдикт принес мало пользы, потому что при учете приходилось в значительной степени считаться и с личным положением поселян, особенно в случаях болезни, что не поддавалось никакому контролю. Наконец, трудно предположить, что в намерения главы государства и закона входило буквальное выполнение принципа: «каждый свободный отправляется в поход», или «каждая упомянутая законом группа свободных выставляет бойца», ибо предпосылкой для этого могло бы служить только равномерное в отношении достатка распределение по всему сельскому округу (Gau). Даже незначительная неравномерность в распределении при частых походах и военных тяготах легла бы слишком тяжелым бременем на те области, которые случайно населены были большим числом свободных, т.е. где население было главным образом германским. Когда-то в Римской империи центральная власть (сенат) распределяла по общинам военное обложение на основании тщательно составленных цензовых списков.

Империя Карла Великого не располагала таким административным аппаратом. Здесь самое существенное, в конце концов, было предоставлено, несмотря на известные регулирующие предписания свыше и на инспекцию через «послов» (missi), произвольной оценке графов*. Когда войско было в сборе, то император или его полководец осматривали отдельные отряды и при малочисленности их без труда определяли, какой отряд был хорошо вооружен и в нормальном составе, а у кого из вассалов отряд был малочислен и вид дружинников был хуже. Распоряжения о выставлении определенного числа воинов встречаются в течение всего позднейшего средневековья очень редко[15], и это вполне естественно, поскольку в таком войске главную роль играет качество, которого нельзя выразить ни числом, ни мерою. Формой, в которой монарх настаивал на сборе полных контингентов, было его требование, чтобы в случае призыва на службу являлись все военнообязанные. Из этого я также могу заключить, что в сущности, здесь едва ли имелись

* Если в Сен-Бертинских анналах под 869 г. сообщается, что Карл Лысый для занятия вновь выстроенного замка с каждых 100 наделов требовал одного гастальда (Scaramannus — не-ленный воин) и с каждой 1 000 наделов — повозку с двумя волами, то и этим числом их в точности не определяется, так как при дворе не знали числа наделов в каждом графстве; это был столь же приблизительный учет, как и определение групп для снаряжения воина.

в виду одни свободные, которые должны были призываться по точному смыслу закона, ибо, несмотря на все вышесказанное, должно было существовать большое неравенство в распределении свободных по территории. Напротив, больше основания полагать, что в разных сельских округах, в соотвествии с их численностью, вассалы фактически имелись налицо и что лишь в таком случае требование, чтобы все военнообязанные являлись по призыву, могло иметь приемлемый и вполне выполнимый смысл.

По точному смыслу приведенных выше капитуляриев мы должны были бы принять, что все обязанные военной службой расценивались с военной точки зрения совершенно одинаково и призывались для обучения поочередно в определенном порядке. Однако, по всей вероятности, это было еще возможно при первых Меровингах, когда франкские народные массы, при переходе из первобытного военного состояния к земледельческому быту, едва лишь начинали приобретать крестьянский характер. В то время подобные постановления о призыве могли еще быть изданы и вполне соответсвовать условиям действительной жизни. Но в ту эпоху, к которой относятся дошедшие до нас постановления, а именно — когда франки, с одной стороны, сделались уже настоящими крестьянами, а с другой — когда они в качестве вассалов уже обособились в военное сословие, призыв крестьян в порядке известной очередности являлся совершенно невозможным. Добровольное желание, склонность и годность к военной службе проявляются среди горожан и крестьян весьма неравномерно, и хороших воинов по чисто природным склонностям немного. Если не считать исключений, допущенных в отдельных постановлениях, то устанавливаемые контингенты фактически оказываются значительно меньшими, чем кажутся на первый взгляд по указанным цифрам. Общую массу составляли, конечно, не многоземельные владельцы, а владельцы целого или половинного надела; но среди мужчин, живших на наделе или полунаделе, весьма часто находилось более одного, годного по возрасту к военной службе. Все они считались военнообязанными, но военные тяготы налагались на них сообразно их имуществу. Если, например, набор на основании указов от 807 г. проводился очень строго, то и тогда едва ли набиралось больше 10% взрослых свободных мужчин и юношей вместе. Если бы какой-либо граф явился к сборному пункту с десятой частью, или с шестой частью, или с четвертью своих крестьян, то он этим наверное поразил бы своего сеньора и других вассалов. Нет никакого основания предполагать, что военная квалификация в это время была выше, чем впоследствии в 30-летнюю войну, когда в провинции Бранденбург издан был указ, по которому каждая деревня или несколько деревень вместе обязаны были выставить по одному бойцу и , снабдив его провиантом, оружием и боевыми припасами, отправить на сборный пункт. Такими призывами столь же мало добивались в IX в., как и в XVII*.

Во всей истории средних веков мы вновь и вновь встречаемся с таким порядком, при котором по букве закона граждане призывались на войну, в действительности же этим путем с них взимались налоги.

В предыдущем томе мы указывали на то, что уже с конца VI в. в войнах Меровингов решающую роль играл не всеобщий призыв, а вассалы. При внуках Карла Великого окончательно исчезли все следы существовавших раньше форм всеобщего призыва. Из этого следует, что в дальнейшем и военное устройство базировалось не на призыве крестьянства, давно уже утратившего свою воинственность.

* Эрнст Майер (Ernst Mayer) в своем труде «Deutsche und französische Verfassungsgeschichte» правильно отметил противоречие дошедших до нас указов, но разъяснение, данное им в т. I, стр. 123, неверно; он утверждает, что на Рейне в Баварии и в готской южной Франции на войну отправлялись только германцы, в то время как в области между Сеной и Луарой всеобщая повинность касалась и римлян. Каким же образом создавалось бы такое римское ополчение среди франков и готов!

Капитулярии Карла Великого следует поэтому толковать в том смысле, что владельцы наделов или группы таких владельцев, если только случайно кто-либо среди них не проявлял добровольного желания отправиться на войну, передавали снаряжение, которое они обязаны были поставить (adjutorium), графскому вассалу, бравшему на себя выполнение их воинских обязанностей. Такое толкование королевского указа удобно было для обеих сторон, — как для крестьян, предпочитавших оставаться дома, так и для графа, которому важно было иметь не только вооруженного ратника, но и хорошего, усердного и дисциплинированного бойца.

Все обороты речи указов, содержащие как будто определенное требование о том, что один из военнообязанных сам обязан отправляться на войну, следует рассматривать только как канцелярскую риторику, переходившую из поколения в поколение, может быть, даже в течение целых веков. В действительности же в капитулярих о призыве речь идет о военном обложении, которое в различное время в различных частях империи исчислялось по-разному. Естественно, что для войны против сорбов[16] или чехов саксы привлекались в большем числе, чем для войны в Испании.

Окончательным доказательством того, что капитулярии, трактующие о вассалах, вернее отражают действительное положение вещей в эпоху Каролингов, чем те, которые свидетельствуют о якобы всеобщем призыве, служит нам определение численности войск. Чем малочисленнее войско, тем более можно быть уверенным в том, что оно состояло из профессиональных воинов; граф, приводящий с собой, примерно, всего только 100 дружинников с сельского округа (Gau) при населении его в 50 00 человек, не набирает ежегодно новых, а берет их из определенного кадра бойцов, в которых он уверен, что они его прославят.

Самым существенным в постановлениях о военной организации Каролингов и в частности самым важным для нашего понимания ее является предписание, что отдельные контингенты обязаны являться со всеми необходимыми на все время похода предметами потребления и припасами и возить их с собой. В древнеримских, как и в современных армиях, все снабжение доставлялось государством; для этого полководец в соответствующих местах закладывал магазины, организовывал их пополнения, закупал припасы и направлял их посредством своих продовольственных транспортов в лагерные места. Израсходованные запасы пополнялись непрерывным регулярным подвозом. Каролингский же воин должен был носить за собой из дома все, что было необходимо для похода и обратного пути. Тяжесть такого груза для одного бойца, как указано нами в предыдущем томе, превышает максимальную нагрузку вьючного животного и равняется полному грузу упряжного животного. Но и этого хватало только потому, что отряд каждого графства вел за собою целое стадо убойного скота. Если вспомнить, что эти воины считали себя привилегированным сословием и в некоторых местностях назывались даже «благородными», а также что они являлись потомками завоевателей и не сдерживались строгой дисциплиной, как некогда легионеры своими центурионами[17], то станет ясно, насколько эти отряды были требовательны. Они не довольствовались самым необходимым, когда им приходилось в непогоду стоять под открытым небом; они хотели быть обеспеченными, хотя бы в скромных размерах, всем, что требовалось для лагерной жизни, и, кроме того, добрым глотком вина. Карл Великий особым эдиктом (811 г.) запретил чоканье.— [«Находясь в рядах войска пусть никто не уговаривает пить ни равного себе, ни кого бы то ни было другого, а найденному в пьяном виде приказываю в виде наказания не пить ничего, кроме воды, пока он не исправится («quosque male fecisse cognoscat») — до тех пор, пока не сознает, что совершил дурное]. — Таким образом, за коралингскими воинами должно было следовать не малое число бочек пива и вина. Принадлежали ли эти бочки самим воинам или же сопровождавшим войска купцам — значения не имеет, так как в обоих случаях следовавшие за такого рода армиями обозы должны были быть

бесконечно длинными. Число сопровождавших армию людей и животных должно было во много раз превосходить число воинов и занимать на пути движения вместе с повозками и вьючными животными гораздо большее пространство, чем самые боевые отряды. Документально установленный факт, что армии Каролингов все припасы на все время похода брали и тащили с собой, служит наглядным доказательством того, что эти армии были весьма немногочисленными*. Большие армии не могли бы таким образом ни двигаться вперед, ни прокормить своих лошадей и упряжного скота. Можно считать, что у Карла Великого редко собиралось больше 5000— 6000 воинов в одном месте, ибо уже такая армия вместе с обозом растягивалась на расстояние целого дневного перехода в 3 мили. Численность боевого состава каролингской армии мы можем принять самое большее в 10000 воинов. При этом надо еще учесть, что понятие «воин» не было строго определенным. Эти 5000—6000 человек были преимущественно всадниками, но, кроме того, вся масса личных слуг, следовавших за военачальниками, графами, епископами и крупными вассалами, равно как обозные, погонщики мулов и повозочные, также были вооружены** и более или менее военизированы. Во всяком случае эти люди могли быть использованы для побочных военных целей — для фуражировок и для опустошения вражеской страны. Ведь древнегреческих и римских легковооруженных воинов мы также представляем себе как нечто среднее между слугой и воином.

Скудость источников эпохи Каролингов, всегда изображающих ход событий в самых крупных чертах, может легко ввести в заблуждение относительно значения и степени важности отдельных явлений и отдельных фактов, а также относительно тех тягот, которые ложились на население в результате ежегодных призывов его для военных целей. Мы можем без большой погрешности представить себе в отношении франкского графства то, что нам известно об императоре Фридрихе II, который в 1240 г. требовал от начальника округа в Ферре Идронти, чтобы он призвал из своего округа ленных вассалов в соотвествии с их имущественными возможностями, что доставило начальнику округа большие затруднения: только 18 ленников (feudatori) оказалось возможным зачислить на службу, остальных же он не мог даже снабдить снаряжением.

Таким образом, снаряжено было 18 (всего только 18!) человек, которым к тому же пришлось дать субсидию.

Каролингская армия не была массовой крестьянской армией, как ее считали до последнего времени; целый ряд данных об ее составе и устройстве подтверждает наше убеждение в том, что это было небольшое по численности, но высококвалифицированное войско. Из этих же данных явствует, что контингенты из самых отдаленных областей были объединены в одну армию.

В 763 г. баварцы были посланы в Аквитанию[19]. В 778 г. баварцы, аллеманы[20] и восточные франки совершили поход в Испанию; в 791 г. саксы, тюрингцы и рипуарские франки[21] совершили поход против аваров[22]; в 793 г. аквитанцы были в Южной Италии; в 806 г. бургундцы отправились в поход в Богемию; в 818 г. аллеманы, саксы и тюрингцы двинулись на Бретань. Несколько раз аквитанцы

* Это относится к таким случаям, когда, как мы увидим в дальнейшем в «Weissenburger Dienstrecht» и в других предписаниях, министериалы (дружинники) должны были после перехода Альп все довольствие получать от курии[18]. Baltzer, стр. 69, 73. Waitz, VIII, 162.

** В одной рукописи Теодорского капитулярия от 805 г., в гл. V, имеется фраза: «Крепостные не должны иметь копий; дротик, найденный после похода у крепостного, да будет сломан на его же спине». Вайц (Waitz, Verf., IV, 454, 1-е изд.) эту фразу толкует следующим образом: слугам, следовавшим за своими господами на войну, безусловно запрещалось ношение копья как специального оружия для войны. Это толкование недопустимо. Глава трактует о ношении оружия в мирное время (in patria) и о подавлении междоусобных распрей. Свободным запрещалось в мирное время ношение оружия (щита, копья, панциря), но не было указано никакой меры наказания. По отношению к слугам это запрещение усиливалось угрозой наказания.

отправлялись в поход в Саксонию; в 815 г. король Бернгард явился в рейхстаг в Падерборн со своей лангобардской армией[23]. В 832 г. Лотар с лангобардами, а Людовик с баварцами пришли в Орлеан*.

Если предположить, что каждый из этих отрядов представлял собой народное ополчение, хотя бы и в ограниченном виде, то должны были бы собираться огромнейшие армии. При известном уже нам способе снабжения это было невозможно. С другой стороны, если бы существовало хоть что-либо близкое ко всеобщей воинской повинности, то для сбора армии средней численности не было надобности перебрасывать баварцев в Испанию, рипуарских франков на р. Тайо, бургундцев в Богемию, аквитанцев в Саксонию, а саксов в Британию, ибо здоровых и годных к военной службе мужчин в каждой из этих областей насчитывалось по 100 000 и больше. Объединение столь различных отрядов, бесконечное передвижение их, огромные переходы, требовавшие большой затраты сил и средств, — все это станет понятным лишь в том случае, если полководец стремился собрать вокруг себя не только горожан и крестьян, но и профессиональных воинов.

Данные об отдельных военных событиях вполне подтверждают этот взгляд.

В 778 г. во время пребывания Карла в Испании восстали саксы; уничтожая и сжигая все на своем пути они дошли до Рейна. Карл получил сообщение об этом уже на обратном пути, в Оксерре, и тотчас же отправил против них находившихся при нем восточных франков и аллеманов. Хотя численность вторгшихся в страну саксов не могла быть велика, а силы восточно-франкской армии, с которой Карл отправился за Пиренеи, также могли быть лишь незначительны, тем не менее Рейнские провинции были в результате этого до такой степени лишены боеспособных воинов, что не в состоянии были отбиваться от саксов, и только вернувшаяся из Испании армия настолько подняла боевую силу франков, что они оказались в состоянии справиться с неприятелем.

СКАРА И ДОМЕНЫ[24]

Военная организация, основанная на расселении по всему пространству государственной территории лиц военного сословия, причем эти лица, проживающие в собственных дворах, должны быть для каждого отдельного похода сперва призваны и снаряжены, а затем после нескольких недель переходов подведены к сборному пункту, — такая военная организация слишком громоздка и совершенно непригодна для выполнения менее крупных задач, как, например, защита границ или мелкие войны с соседями. И хотя военные поселенцы в пограничных областях были, может быть, более многочисленны, чем проживающие внутри страны, причем там имелся значительно более широкий круг военизированных, хорошо подготовленных и вооруженных людей, тем не менее призыв, проведенный в одной только пограничной полосе и соседних с ней областях, всегда давал слишком незначительное число воинов, к тому же мало пригодных для наступательных действий, так как они весьма неохотно оставляли без защиты свои собственные дворы. Поэтому, как мы узнаем из документов, при Карле Великом призыв ленников дополнялся отрядом, называвшимся «scara» (оттуда немецкое слово — Schar — отряд); перевод этого названия ближе всего мог быть выражен словом «стража».

Скара представляла собой небольшой постоянный отряд, состоявший из неоседлых воинов. Содержался он при дворе или в лагере, являясь лейб-гвардией императора, достаточно многочисленной, чтобы совершать небольшие самостоятельные военные экспедиции без подкрепления и поддержки их со стороны

* См. Prenzel, Beitr. z. Gesch. d. Kriegswesens. Unter den Karolingern, Leipz. Dissert. 1887 г., стр. 34. Waitz, Deutsche Verfassungsgesch., т. IV, стр. 445.

народного ополчения. Так как этот отряд составлялся преимущественно из молодых людей, то эти последние в литературе назывались также «tirones» или «juvenes»*, немецкое обозначение этого термина — «Haistalden» или «Austalden», от чего происходит современное слово «Hagestolz» (старый холостяк), так как они не могли иметь семьи. Из них часто составляли также гарнизон крепостей в завоеванных областях, так как ленные вассалы только на известное время могли быть отозваны со своих наделов. Но этими, бывшими всегда наготове, отрядами Scharen — отсюда немецкие слова «Scharwache» (патруль) и «Scherge» (полицейский) — пользовались не только для военных действий против внешних врагов, но также для борьбы с разбойничьими шайками внутри страны и для несения полицейской службы. Кроме того они выполняли различные технические работы, как, например, установку межевых знаков, имевших в те времена большое значение; вернее сказать, среди них всегда можно было найти подходящих и хорошо подготовленных для такого рода услуг людей. В дальнейшем, — в истории Кнута, короля Дании и Англии, — мы встречаемся с термином «Hauskerle», обозначающим аналогичный институт, а терминами «milites aulici», «palatini», встречающимися в более поздних веках, обозначаются те же по существу отряды**.

Скара, или лейб-гвардия, состояла лично при короле и в то же время при его дворе, причем содержалась на одинаковом положении с последним. Франкские короли, так же как и германские, не имели настоящей столицы, а почти непрерывно кочевали по своему обширному государству***, чтобы, в соответствии с природой государственного строя, везде лично выполнять королевские функции. Такое странствование сопряжено было бы с неимоверными трудностями, если бы приходилось возить за собой припасы для всего правительственного аппарата и придворного штата. Но на самом деле об этом не только не приходилось заботиться, а наоборот — стимулом для такой подвижности королевского правительства служило как раз то обстоятельство, что для его содержания везде было приготовлено все необходимое и что королевские домены, вместо того чтобы отправлять свои продукты в отдаленные центры, держали их наготове на месте, на случай приезда королевского двора. Таким образом, не продовольствие доставлялось из доменов ко двору, а наоборот, двор переезжал от одного продовольственного пункта к другому. Конрад Плат (Konr. Plath) доказал, что уже меровингские короли выстроили бесчисленное множество замков («Pfalzen»), находившихся часто один от другого на расстоянии только одного дня пути и явно предназначенных для расквартирования путешествующего двора.

С хозяйственной точки зрения имело больше смысла создавать все эти многочисленные богатые сооружения, чем перевозить из года в год на далекие расстояния продукты из доменов, — тем более что многие из этих продуктов, как, например, убойный скот, дичь, рыба, яйца, вообще нельзя было далеко возить. Нельзя, конечно, утверждать, что кочевое королевство явилось прямым результатом натурального хозяйства, — основа его кроется глубже, в самой идее власти германских королей[25]; но, во всяком случае, оно тесно связано с натуральным хозяйством, и именно благодаря этой связи оно пустило такие глубокие корни и сохранилось так долго.

Совсем недавно Карл Рюбель**** установил, что в эпоху Каролингов на путях, возникших в связи с походами против саксов, на каждом этапе были устроены

* См. Guilhiermoz, стр. 245.

** «Ann. Fuldens» от 894 г.; «Annal. Altah.» от 1044 г.; Thietmar, VI, 16.

*** Peez, Die Reisen Karls d. Gr. (Schmollers Jahrbuch für Gesetzgb., 1891, вып. 2, стр. 16), дает обзор всех известных нам переездов Карла Великого и исчисляет, что в среднем он за время своего царствования ежегодно проделывал 235 миль. В 776 г. — 401 милю; в 800 г. — 427 миль.

**** Karl Rubel, Reichshofe im Lippe-, Ruhr- und Diemelgebeit, 1901; «Die Franken, ihr Eroberungs- und Siedlungssystem im deutschen Volkslande», 1904.

казенные помещения и крупные доменные дворы, представлявшие собой пункты для сбора податей с окрестного крестьянства. Таким образом, эти дворы были в состоянии кормить в продолжении нескольких дней не только весь королевский двор, но и сопровождавшую его или же самостоятельно отправлявшуюся в поход скару. Это обстоятельство придавало скаре такую подвижность, какой обыкновенная армия никогда не могла достичь. Последней самой приходилось доставлять для себя запасы продовольствия и возить их за собою, так как для нескольких тысяч человек запасы казенных дворов, конечно, были недостаточны. Несколько пограничных и прилегающих к этапным путям областей не в состоянии были нести бремя войны за всю страну; поэтому армия и должна была сама подвозить и затем везти с собою все свои припасы.

ПРИСЯГА-КЛЯТВА В ВЕРНОСТИ

Историю германского военного дела вернее всего отражает история германской присяги-клятвы в верности, которую мы имеем возможность проследить с достаточной определенностью, хотя и не располагаем документальными данными о каждом моменте этой истории*. Древние германцы знали не общую присягу в верности, а только ту, которую дружинники приносили лично своему вождю. При ближайших преемниках Хлодвига мы встречаемся со всеобщей присягой в верности королю. По той формуле, в какой подданные приносили эту присягу («fidelitas et leudesamio») можно заключить, что она составлена по образцу прежней присяги дружинников; по этой присяге все народности подчиняли себя единому верховному военному вождю. Весьма возможно, что первым поводом для введения присяги своему вождю всей массой воинов была служба германцев в римском войске, так как на эту службу поступали не только отдельными отрядами, но и целыми народностями. Мы встречаемся с верноподданнической присягой, приносимой германцами своему королю, не только у франков, но и у остготов, вестготов и лангобардов; у англосаксов же, никогда не находившихся на службе у римлян, она вводится гораздо позже — в X в. — в подражание франкам.

Эта верноподданническая присяга франков всем народом королю вышла из употребления при последних Меровингах; первые Каролинги, в том числе и Пипин, также еще не требовали всеобщей присяги; она заменялась введенной в это время клятвой вассалов. И при Меровингах верноподданническую присягу приносило не все население, а только та часть его, которая по духу времени считалась подлинным народом, т. е. воины**, а эти воины превратились в вассалов. Королю теперь присягали только его прямые вассалы, подвассалы же обязывались перед ним только через своих сеньоров. Карл Великий понял опасность такого порядка, когда во время восстания, поднятого, по всей вероятности, тюрингцем Хардрадом в 786 г., мятежники ссылались на то, что они королю не присягали. В связи с этим случаем, как определенно указывается во вступительной части сохранившегося эдикта, король приказывает, чтобы отныне все подданые страше 12 лет приносили присягу непосредственно королю; эту присягу он впоследствии

* Brunner, Die Rechtsgeschichte, II, стр. 57 и след., где цитированы также все источники.

** На необоснованность предположения, что при Меровингах присягу приносил народ, правильно указывается уже Даниельсом (Daniels, Handbuch der deutschen Reichs- und Staatenrechtsgeschichte, B. I, S. 423, 463). С другой стороны, Вайц правильно отвергает аргументы Даниельса, взятые из литературных источников (Waitz, Deutsche Verfassungsgeshichte, B. II, 2-е изд., стр. 296). Весь спор возник из-за ложного толкования основного понятия «франкский народ». Даниельс совершенно прав, отождествляя этот народ со всем населением. Благодаря установленному нами факту, что источники той эпохи под «народом» подразумевали «военный народ», весь спор отпадает. По формальным, юридическим и литературным основаниям прав был Вайц, по существу же, поскольку «военный народ» времен Меровингов явился предшественником вассалов времен Каролингов, правым остался Даниельс.

неоднократно заставлял повторять, в частности — по случаю принятия им титула императора и при обнародовании указа о престолонаследии*.

Детально перечисляются категории подданных, обязанных приносить эту присягу; присягать обязаны епископы, аббаты, графы, королевские вассалы, наместники епископов, архидиаконы, каноники, клирики[29] (за исключением монахов, давших обет), фохты[30], гунны[31] и все подданные старше 12 лет, вплоть до того возраста, когда они еще в состоянии являться на судебные сходы и выполнять приказы своих сеньоров. Последние должны присягать и в том случае, если они не являются прямыми подданными короля, но в качестве жителей поместий графов, епископов или аббатов получали от них лен и снабжались ими конем и оружием — щитом, копьем, мечом и кинжалом.

Перечисление это должно служить нам лишним доказательством того, что военная организация уже тогда носила вполне феодальный характер. Правда, те исследователи, которые придерживаются взгляда, что и при Карле Великом существовал еще общий призыв всех свободных, все же считают, что, судя по формуле присяги, ее должен был приносить весь народ (cuncta generalitas populi). Но если бы при этом имелись в виду действительно все подданные, то в таком случае подробное и точное перечисление категорий, обязанных присягать, было бы совершенно лишним. В действительности здесь речь идет о всех воинах и наряду с ними — о духовенстве. Тот, кто не является воином, не является свободным в истинном смысле этого слова и в политическом отношении к народу не принадлежит. В то же время несвободные, вступившие в сословие воинов, привлекаются к присяге.

Только таким путем становятся понятными встречающиеся в хрониках выражения, что все аквитанцы** или же все лангобарды*** явились к королю, чтобы покориться ему и принести клятву в верности. Под этим «всеми» подразумеваются не миллионы горожан и крестьян, а только те, с которыми при этом считались, т. е. только воины, которых можно было действительно собрать в одном месте и которых Карл Великий желал привести к присяге не через чье-нибудь посредство, а лично. Формула присяги, установленная после коронования императора, гласит, что приносящий присягу обещает такую верность, какую сеньор по своему праву может требовать от своего вассала (sicut per drictum debet esse homo domino suo). Эта формула как нельзя лучше характеризует дух того времени; основной смысл присяги подданный видит не в верности королю, которая должна служить исходной точкой государственного права, а наоборот — самой естественной и понятной ему кажется та верность, которую вассал должен оказывать сеньору; такую же верность требует от них теперь и император, для того чтобы сеньор, опираясь на верность своих людей, не мог обратить против него свое оружие.

---

* Присяга в «Capitulare missorum» (M. G. Capit. I, стр. 66) гласит: «Как эту присягу должны приносить епископы, аббаты, графы, королевские вассалы, а также видамы[26], архидиактоны и каноники[27]...

3. Из клириков, не принявших пострига и находящихся в обителях, где сторго соблюдается устав св. Бенедикта, истинное словесное обещание дают только те, которых аббаты возьмут с собой на государеву службу.

4. Затем адвокаты и викарии, сотники, священники и весь народ в совокупности, от двенадцатилетних отроков до старцев, могущих посещать судебные собрания и выполнять веления сеньоров, люди епископов, аббатисс, графов и прочих, королевские крепостные и холопы крепостные, которые почтены бенефициями[28] и должностями, и могут иметь лошадей, оружие, меч, копье и кинжал, — все да присягают.

Имена и число их посланцы да занесут в список, а графы с своей стороны должны писать по отдельным сотням, кто из родившихся в округе продолжает жить в нем и какие выходцы из других областей приняты были ими под свою руку».

** «Contin. Fred», гл. 135.

*** «Ann. Lauresh» от 773 г. Герцог Беневентский и все беневентцы были через послов также приведены к присяге. Waitz, III, 255.

Но впоследствии эта надстройка верноподданнической присяги над вассальной быстро отпала, а вместе с ней отпали и единство, сплоченность и авторитет монархии.

При новой присяге, по случаю принятия им в 802 г. титула императора, Карл обнародовал особое наставление о вытекающих из этой присяги обязанностях. При этом особенно подчеркивается, что присяга действительна не только на время жизни императора. Здесь новое доказательство того, что господствовало представление о клятве вассалов, на которой в данное время построили и верноподданническую. Клятва вассалов в идее носит чисто личный характер; она не создает никаких обязанностей по отношению к наследникам и к семье сеньора; при вступлении во владение последних требуется новый обоюдный акт. Верноподданническая же присяга приносится не только монарху, но и всей династии, и это приходилось разъяснять особо.

В этом наставлении особо запрещается превращение в свою собственность императорских ленов, что опять-таки указывает на то, что приносившие присягу были вассалами.

В заключение следует еще отметить, что приводимому к присяге несвободному полагалось кроме оружия давать еще коня. Не следует думать, что для пеших воинов присяга была необязательна; сомнительно также, что их просто забыли упомянуть; вернее будет предположить, что под воином всегда подразумевается конный воин. Других не существовало, или же они не принимались в расчет.

ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА

Источники по вопросу о вооружении франкских воинов времен Карла настолько противоречивы, что это служит примером того, как мало вообще можно дать по этому вопросу подробностей. В послании о призыве к аббату Фульраду (т. II) каждому рейтару предписывается быть вооруженным щитом, копьем, мечом (кинжалом), луком и колчаном со стрелами. Шлем и панцирь не упоминается. Судя по этому, мы должны были бы представлять себе каролингских рейтаров в качестве легковооруженных конных лучников; но этому явно противоречит комбинация щита с луком, при пользовании которым щит безусловно мешает, а во время натягивания тетивы и спускания стрел он дает весьма недостаточное прикрытие. Гораздо более естественную защиту для лучника представляет кольчуга или плотная кожаная куртка. И в других местах капитуляриев часто еще встречается предписание о вооружении луком*. В источниках же повествовательного характера он упоминается весьма редко**.

Воины каролингской эпохи, как и более поздней, являются, подобно древним германцам, бойцами врукопашную и пользуются мечом и копьем; последнее служило им иногда также в качестве метательного оружия. Хотя в качестве оборонительного оружия почти всегда упоминается только щит***, но так как Эйнхард (Einhard) в одном месте подчеркивает тяжесть франкского вооружения, а монах из Сен-Галлена (Эккегард — Прим. ред.) в своем знаменитом описании Карла Великого и его армии называет их сплошь железными, — то нам приходится заключить, что они были в кольчугах. В одних капитуляриях вооружение латами

* См. Waitz, IV, 437.

** Бальцер, стр. 48, полагает, что в Германии до XII в. о луке как о боевом оружии вообще не упоминается. Это неверно. Вайц (Waitz, Verf.-gesch. VIII., 123) собрал опровергающие этот взгляд данные. Видукинд в т. III, 28, рассказывает о двух знатных воинах, убитых стрелами в 953 г. В т. III, 54, Оттон приказывает обстрелять славян из лука. Бруно, гл. 61, упоминает sagittarii (Contin. Reginonis от 962 г.); он говорит, что германцы при осаде одной итальянской крепости пользовались лучниками (sagittarii et fundibularii). То же говорит и Рихард Рихер при описании осады Вердена 984 г.

*** См. Waitz, IV, 458.

требуется только от владеющих более чем 12 наделами*, в других определенных указаний на это не имеется**.

Возможно, что все эти противоречивые данные поддаются согласованию в том смысле, что требование вооружения щитом, копьем и мечом явилось пережитком первобытной эпохи, которым в данное время пользовались как формулой. Требование лука и стрел присовокупилось к нему по той причине, что как раз эти части оружия у германцев не были в ходу, между тем военачальники, наоборот, придавали им большое значение. О шлеме и кольчуге не упоминалось потому, что и без того все, кому было по средствам приобрести эти дорогостоящие предметы, охотно обзаводились ими. Если когда-нибудь, как, например, в формулировке капитулярия от 805 г., особо упоминаются и латы, то предписание это относится только к более богатым. Зато для них это требование подкрепляется особой угрозой наказания: тот, кто обладает латами и не будет иметь их при себе, лишен будет и лена и лат.

Трудно предположить, чтобы путем таких указов добились общего пользования луком и стрелами. Правда, лук легко сделать, но, для того чтобы получился действительно хороший лук, требуется умение; настоящим лучником, особенно же конным, также становятся только после длительных упражнений.

Как бы ни толковать отдельные места источников, для нас во всяком случае не подлежит сомнению, что воинов Карла Великого мы должны представить себе одетыми преимущественно в тяжелую кольчугу и шлем конической формы, без забрала, со щитом на левой руке; сражаются они мечом и копьем; лук и стрела служат только вспомогательным оружием***.

О состоянии тактики в эпоху Каролингов, т. е., главным образом, об использовании и взаимодействии различных родов оружия, — как то : рейтаров, лучников, копейщиков, — данных в источниках не имеется. Заключение об этом мы можем составить только по более поздним сведениям и событиям. Строевых занятий не было, а настоящие сражения были так редки, что ни выработки традиционных утойчивых форм тактики, ни истинного искусства сражаться быть не могло. Уже биограф Карла, Эйнхард (гл. VIII), особо отмечает, что в войне с саксами, продолжавшейся 33 года, произошло только два настоящих сражения; в 783 г. при Детмольде и на р. Газе, оба на протяжении 5 недель. Ни король лангобардов Дезидерий, ни Тассило, герцог Баварский, не доводили дело до сражения. Поэтому рассмотрение тактики данной эпохи не только не входит в рамки нашего труда, но и невыполнимо.

---

* Диденгофенский капитулярий, 805 г. M. G. I, 123; «О вооружении в войске да соблюдается то, что мы определили в другом капитулярии; сверх того, каждый от двенадцати мансов должен иметь броню, а если имеющий броню не возьмет ее с собою, лишается всего бенефиция вместе с броней».

** Аахенский капитулярий M. G. I, 171, cap. 9, гласит: «Графы да заботятся, чтобы все люди их графства под страхом пени в 60 солидов явились в назначенный день на собрание. И сам граф да наблюдает, снаряжены ли они копьем, щитом, луком с двумя тетивами и двенадцатью стрелами. Перечисленное должны иметь все. Епископы, графы, аббаты должны иметь таких людей, которые хорошо снаряжались бы всем этим и прибывали бы к назначенному дню на собрание и там показывали бы свое снаряжение. Да имеют панцирь и кожаный шлем.

Cap. 17. Пусть никто не выступает в поход с дубиной, но с луком.»

*** Gessler, Die Trutzwaffen der Karolingerzeit, Basel, 1908 г. Затем «Zeitschr. f. hist. Wafienkurde», т. V, вып. 2, стр. 63. По Линденшмидту (Lindenschmidt) почти все найденные в гробницах Меровингов луки длиною 7 футов (ок. 2 *м*). Келер (Köhler, III, 113) определяет их длину в 5 футов (ок. 1 1/2 *м*).

КАРОЛИНГСКИЕ КАПИТУЛЯРИИ* О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Нашим исследованием установлено, что, начиная с эпохи переселения народов, вооруженная сила во франкском государстве была представлена численно весьма ограниченным военным сословием. *Таким образом, отпадают все предположения о том, будто бы еще Карл Великий выступал в поход с «крестьянским войском»***, — совершенно независимо от того, что именно являлось основой обязанности вступать в ряды войска — владение ли поместьем, или же всеобщая воинская повинность. Неоднократно привлекавшая внимание исследователей реформа военного дела при Карле, — реформа, которая якобы привела к переходу от народного войска к войску вассалов, — как доказывал уже Борециус, не имела места. В действительности при Карле получило уже окончательное завершение постепенное превращение древнегерманского всенародного ополчения в войско вассалов. Это положение, выдвинутое нами в предыдущей главе, нам предстоит проверить на материале источников. В приложении к своим «Beiträge z. Capitularienkritik» Борециус сопоставил все капитулярии, относящиеся к военой организации. Мы приведем здесь наиболее существенные отрывки, но не в хронологическом, а в предметном порядке. Текст дается по второму изданию капитуляриев в «Monumenta Germaniae», Capitula regum Francorum denuo ediderunt Alfred Boretius et Victor Krause.

Из общего «Capitulare missorum» 802 г.

M. G., I, 93

«7. Когда государь император отдает приказ о походе, никто да не осмелится ослушаться его, и ни один граф да не будет столь дерзостен, чтобы кого-либо из обязанных военной службой отпускать из войска каким-нибудь образом, укрывая по родству или будучи подкуплен подарками»

* * *

В настоящее время всеми признано, что выражение «Обязанные военной службой» в основе имеет в виду не что иное, как всех свободных мужчин. Ни одного из них, по точному смыслу данного капитулярия, граф не должен оставлять дома.

Ясно, что здесь мы имеем канцелярскую форму без какого бы то ни было реального содержания. В действительности может в поход выступить всегда только часть свободных мужчин, а в графствах с преобладающим германским населением даже только незначительная их часть.

Практически осуществимыми представляются капитулярии, распределяющие военнообязанных по группам.

Из капитулярия для областей к западу от Сены 807 г.

M. G., I, 134

«Мемораторий: как мы повелели вследствие голода, чтобы по ту сторону Сены (не?) все шли в поход.

Прежде всего каждый имеющий бенефиций обязан вступать в войско.

Всякий свободный, владеющий 5 мансами[32], также да вступает в войско. И владеющий 4 мансами да вступает также. Владеющий 3-мя подобным же образом пусть поступит. Если же окажутся двое, из которых каждый владеет 2 мансами, пусть один снаряжает другого, и кто из них лучший воин, тот пусть и отправляется на военную службу. А если окажутся двое, из которых у одного 2 манса, а у другого 1, равным образом должны объединиться: один пусть снаряжает другого, и кто из них лучший воин — пусть отправляется на военную службу. Если же окажется трое, из которых у каждого по 1 мансу, двое да снаряжают третьего, и кто из них лучший воин — да отправляется на военную службу. А у кого 1/2 манса, пусть пятеро снаряжают шестого. А кто так беден, что не владеет ни крепостными, ни землей, а движимым имуществом на 5 ливров[33], пятеро пусть готовят шестого, а где двое — третьего, из тех, у

* Все приводимые ниже капитулярии даются в переводе с латинского языка. — *Ред.*

** Roth, Feudalität und Untertanenverband, стр. 33; Baltzer, Z. Gesch. d. deutschen Kriegswesens, стр. 2; Boretius, Beiträge z. Capitularienkritik, стр. 123.

которых малые земельные владения. И каждому из отправляющихся на военную службу да будут уделены 5 солидов вышеописанными маломощными, не имеющими земельной собственности. И сообразно с этим никто не покидает своего сеньора».

* * *

Прежде всего загадочной представляется вводная часть этого капитулярия: в поход должны вступить все живущие на том (западном) берегу Сены! Борециус (Beiträge, S. 118) пытался истолковать это в том смысле, что области к западу от Сены наименее пострадали от повсеместного голода, а потому именно на них и были возложены тяготы того года. Такое толкование представляется мне совершенно невозможным особенно потому, что непосредственно за этими словами следуют специальные предписания, согласно которым отправляться обязаны не все, а только определенные категории населения. Я склонен полагать, что в заголовке просто выпало non (не?) перед omnes (все).

Выступать должны были все держатели ленов, а также все свободные, владеющие более чем пятью, четырьмя или тремя наделами. Двое, имеющих по два надела, обязаны снарядить одного воина; также могут быть объединены один с двумя и другой с одним наделом. Из трех, имеющих по одному наделу, двое должны снарядить третьего; из шести владельцев полунаделов пятеро должны снарядить шестого. Невладеющие землей также должны были соединяться в группы по шесть человек и снаряжать одного.

Прямых указаний об имуществе, принимавшемся за основу расчета, мы в источниках не находим; по-видимому это было 5 ливров или 100 солидов; выступающий в поход должен был получать пять солидов.

Capitulare missorum от 808 г.

M. G., I, 137

«1. Всякий, кто, будучи свободным, занимает 4 манса возделываемой земли, собственной или полученной от кого-либо в виде бенефиция, пусть снаряжается и на собственные средства вступает в войско, — либо за своим сеньором, если вступает сеньор, либо за своим графом. А у кого 3 манса, к тому пусть присоединится имеющий 1 манс и платит тому пособие, чтобы тот воевал за обоих. А у кого только 2 манса, к тому пусть присоединится другой, также имеющий 2 манса, и один из них с помощью другого да вступает в войско. К тому, у кого только 1 манс в собственности, должны быть приданы трое с такими же имениями на подмогу, и только один пусть выступает, трое же, оказавшие ему помощь, да пребывают дома».

* * *

Этот капитулярий схож с предыдущим; тем не менее бросается в глаза различие в деталях. В предыдущем капитулярии за основу принимается единица в 3 надела, в этом — 4; в отличие от предыдущего в этом капитулярии лица, не имеющие замельных владений, не упоминаются; в предыдущем — в поход должны отправляться все ленники, в этом — в зависимости от их состояния.

Капитулярий неизвестного года, но, по-видимому, 807 или 808 г.

M. G., I, стр. 136

«2. Если будет необходимо оказать помощь Испании или Аравии, тогда из саксонцев пятеро пусть снаряжают шестого. А если понадобится идти на помощь Богемии, двое должны снаряжать третьего. Если же необходимо будет защищать отечество от сорбов, тогда все без исключения должны выступать.

3. Относительно фризов[34] мы желаем, чтобы графы и вассалы наши, имеющие бенефиции и владеющие конями, являлись на собрание наше все без исключения хорошо снаряженными. Прочие же маломощные шестеро седьмого пусть снаряжают и являются на назначенное собрание в хорошем боевом снаряжении».

Предписания от 829 г. о составлении рекрутских списков в четырех редакциях

M. G., II, стр. 7, гл. 7; стр. 10, гл.5; стр. 19, гл. 7

«Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно расследовали, сколько имеется в каждом графстве свободных, могущих выступить на свои средства, и сколько таких, из которых один другому оказывает помощь; сколько затем таких, у которых третий получает помощь и снаряжение от двух других, а также таких, у которых трое помогают четвертому и снаряжают его, таких, у кого четверо помогают снаряжаться пятому для выступления в тот же поход, — и общее число доводили до нашего сведения.

Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно расследовали, сколько в каждом графстве имеется свободных, могущих выступить в поход на собственные средства, и сколько таких, у которых двое должны помогать снаряжаться третьему, и сколько таких, у которых трое должны помогать снаряжаться четвертому, и сколько таких, у которых четверо должны помогать снаряжаться пятому или пять шестому, и об общем числе таких доносили нам.

Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно исследовали, сколько свободных проживает в каждом графстве. С прилежанием да разузнают по отдельным сотням и запишут, как следует, кто может выступить в военный поход на свои средства и кто не может, и двое дают подмогу третьему. И да приводят к присяге тех, кто еще не принес нам присяги на верность.

Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши учинили тщательный розыск и письменно донесли нам, сколько в каждом графстве свободных, могущих выступить в военный поход.

И да приведут к присяге тех, кто еще не присягнул на верность нам».

* * *

Приведенные капитулярии, начиная с Борециуса, толковались в смысле единичных предписаний, которые издавались из года в год в одном и том же порядке и приблизительно так же и выполнялись, пока введением «рекрутского списка» 829 г. не была сделана попытка установления единообразного порядка; попытка эта осталась безуспешной, поскольку вскоре прямой призыв свободных вообще прекратился. Однако еще Карл Лысый в 864 г. (Пистенский капитулярий, M. G., II, 321) повторил распоряжение о рекрутских списках (в первой редакции).

Приходится оставить открытым вопрос, по какому поводу были изданы распоряжения относительно саксов и фризов и являются ли они распоряжениями для данного единичного случая или же рассчитаны на длительный срок действия.

Другие капитулярии вне всякого сомнения должны рассматриваться не как законы, а как распоряжения, изданные по специальным поводам; вместе с тем другие капитулярии опровергают представление, будто бы они выполнялись в соответсвии с точным их смыслом.

Уже в приведенном выше капитулярии 808 г. мы обнаружили, что воин, выступающий в поход, предполагается имеющим сеньора. Равным образом в булонском капитулярии 811 г. гл. 9 (M. G., I, 167) читаем: «Если окажется, что какой-либо свободный в текущем году не был с сеньором в рядах войска, тот да будет принужден выплатить полную пеню». Если капитулярий дальше гласит: «а если отпустил его сеньор или граф, то да уплатит за него сам пеню», то это, разумеется, не значит, что воин зависит от своего сеньора или от графа, а лишь означает, что как тот, так и другой могут проявить недобросовестность. Так же следует понимать § 27 капитулярия 819 г. M. G., I, 291, см. ниже (этот капитулярий отнесен Борециусом к 817 г.), где ничего не говорится об уклонении свободных от военной службы, а только о наказаниях, налагаемых на вассалов. Сюда же относится распоряжение Карла Лысого, изданное на съезде в Мерзене в 847 г.:

«Желаем также, чтобы каждый свободный избрал себе сеньора, кого захочет, в лице нашем или наших верных.

Повелеваем также, чтобы никто не покидал своего сеньора без достаточного основания и чтобы другой не принимал под свою руку (того, кто покинул сеньора) иначе, чем это было в обычае при наших предшественниках».

* * *

Итак, наши источники указывают нам на существование, с одной стороны, крестьянских ополчений, поочередно сменяющих друг друга, а с другой — призыв исключительно вассалов; два института, друг

друга взаимно исключающие. С натяжкой можно вообразить войско вассалов, подкрепленное крестьянским ополчением. Войско, относительно которого предполагается, что каждый его воин имеет сеньора и в то же время воины называются свободными, вообще не имеет в своем составе крестьян, ибо крестьянин, имеющий сеньора, уже не свободен; имеющий же сеньора и в то же время свободный — воин. Как устранить противоречие?

Наиболее резко выступают противоречия в эдиктах Карла Лысого. Поэтому именно здесь мы находим и разгадку. Повторение в Пистенском эдикте 864 г. предписания о разделении на группы является не чем иным, как отголоском давней традиции. Ведь тот самый король, который издал этот эдикт, уже задолго до того приказал в Мерзене, чтобы каждый свободный имел сеньора, и этот же самый Пистенский эдикт, который в одной главе предписывает распределение по группам, в другой (гл. 26) требует, чтобы все франки, имеющие коней, выступали в поход вместе со своими графами. Как то, так и другое предписание — простая риторика, которая может послужить нам поучительным примером того, насколько шатко в действительности заключение, исходящее из изучения законов. Я напоминаю о столь же нежизненных военных установлениях вестготов, рассмотренных в предыдущем томе, и отсылаю читателя к ассизам[35] о вооружении Плантагенета[36] (часть II, гл. 5).

Положение, установленное относительно Карла Лысого, что капитулярии зачастую оказываются толко старыми канцелярскими схемами, находящимися в полном противоречии с действительностью, — может и должно быть принято также и в отношении Карла Великого. Уже при нем и даже до него личный призыв в значительной мере оставался только на бумаге; быть может и famis inopia (бедствие голода), на которое ссылаются капитулярии 807 г., есть не что иное, как стереотипный канцелярский оборот речи.

Сюда же я отношу текст одного сообщения в Бретинских анналах[37] под 869 г., где говорится о новой попытке, так сказать, статистической переписи страны, — на этот раз впрочем, уже на феодальной основе*.

«Раньше чем двигаться к Конаде, разослал по всей своей земле послания о том, чтобы епископы, аббаты и аббатиссы[38] к предстоящим майским календам[39] озаботились письменно сообщить, сколько мансов в поместьях у каждого, и чтобы государевы вассалы записали бенефиции графов, а графы — бенефиции своих вассалов, и такие списки доставили к назначенному собранию. С каждых ста мансов он повелевал послать к Питрупо по одному воину и одной повозке с двумя быками и другими дарами, с тем чтобы эти воины охраняли и содержали крепость, которая по его приказанию была там выстроена из дерева и камня».

* * *

Отличие нашей трактовки от господствующей сводится к более ранним датам и к иной мотивировке. Бруннер (Brunner, D. Rechtsgesch., II, 206) говорит: «В конечном счете от дружинной военной службы осталась только военная подать, налагавшаяся на тех, кто не мог лично нести военную службу». По моему мнению, в основе изменения лежит не только момент материального порядка, но в такой же мере и момент военной годности. Далее Бруннер говорит: «Логика реальных взаимоотношений привела к тому, что граф выставлял годного человека и снаряжал его на то пособие, которое уплачивалось остающимися. При этом ему безусловно не возбранялось брать ратника из числа людей, находившихся в зависимости от него». Это вполне справедливо, но мотивы изменения выявились и стали играть роль уже начиная с Хлодвига; при Карле Великом эта эволюция почти завершилась, и только старая форма влачила свое существование.

В результате этой иной датировки и мотивировки возникновения рыцарского военного строя мы устанавливаем связь средневековой военной организации с Великим переселением народов и с покорением римлян германцами; крестьянская милиция и всеобщая воинская повинность в эпоху Меровингов явились как бы клином, нарушившим эту связь.

Ниже нам придется еще раз вернуться к вопросу о переходе воинской повинности в налоговую. Доказательством того, что этот переход при Карле Великом практически уже осуществился, в то время как старые формулы, предусматривавшие личный призыв, все еще продолжали употребляться, является одновременное применение формул, в которых армия изображается чисто вассальной.Начальный момент расхождения такого языка распоряжений и практики не поддается точному определению.

* SS, I, стр. 481.

Примером того, как мало оснований для выводов дает точный смысл распоряжений, может служить также письмо, которым в 817 г. архиепископ Трирский в качестве императорского посланца предписывал епископу гор. Туля (Toul) мобилизацию для похода в Италию против мятежного короля Бернгарда (цитировано у Вайца, V.-Gesch., IV, 465, и у Пренцеля, Beitr. z. Gesch. d. Kriegsverf. u. d. Karolingern, Лейпциг 1887 г., стр. 23 — по Bouquet, VI, 395). На основании императорского приказа он предписывает: «чтобы все снаряжались для выступления в поход в Италию... со всей предусмотрительностью и поспешностью укажи аббатам, аббатиссам, графам, вассалам государевым и всем в твоей епархии обязанным военной службой, что они должны снарядиться так, чтобы, если приказ о выступлении придет к ним вечером, они выступили утром другого дня, а если утром — вечером этого дня и без промедления отправились бы в области Италии».

* * *

Не подлежит сомнению, что для похода через Альпы в Италию каждый сельский округ (Gau) выставлял весьма незначительное количество воинов; по Лоршским анналам войско было «собрано со всей Галлии и Германии», тем не менее письмо напыщенно говорит о «всех военнообязанных государевой военной службой».

Мемориал от 811 г.

M. G., I, 165

«3. Показывают также, что епископы, аббаты, графы, судьи и сотники ищут случая придраться к тому, кто отказывается отдать им свою собственность, засудить его и заставить его всегда быть в войске, пока, обеднев, он поневоле не передаст или не продаст свое имущество, а кто передал, без всякого беспокойства остается дома.

5. Показывают также, что маломощных заставляют отправляться в войско, а тех, которые могут что-нибудь дать, отпускают восвояси».

* * *

Основанная на вассальстве и ленах военная организация с естественной необходимостью должна была привести к разорению выбывающих из военного сословия свободных, и графы стремились ускорить этот процесс, пользуясь своей дискреционной властью с тем, чтобы поставить разоряющихся в зависимость от себя. В своем жизнеописании Людовика Благочестивого Теган (гл. XIII)* разослал по государству комиссаров, чтобы восстановить в правах тех, у которых были отняты наследство или свобода.

Гейслер (Heusler) в соответствии с господствующим мнением относит это в своей «Verfassungsgeschichte» к крестьянам; поэтому я решительно подчеркиваю, что в тексте Тегана речь идет не о крестьянах, а о разоренных вообще.

О конечной стадии этого процесса мы узнаем из одного итальянского капитулярия 898 г. (Mon. Germ. Capit. Reg. Franc., II, 109), предписывающего; «ни один граф не должен передавать свободных воинов своим людям в виде бенефиция». Некогда свободные воины были постепенно низведены до такого состояния, что графы могли себе позволить обходиться с ними как с крепостными и передавать их с их дворами в ленное владение. Вряд ли в этом случае запрещение короля смогло сыграть значительную роль.

ПРЕДПИСАНИЯ О МЕРАХ ВЗЫСКАНИЯ

Капитулярий от 802 г.

M. G., I, 96

«29. Если, государь император по милосердию своему снижает пеню, подлежащую взысканию с маломощных, то судьи, графы или посланцы наши не должны обращать эту уступку в свою пользу».

* SS., II, 593.

«34. Все должны быть в полной готовности, когда получат приказ наш или извещение». (Схоже с особым капитулярием от 802 г. M. G., I, 100) «Если же кто-нибудь тогда заявит, что не готов и не выполнит приказа, да будет приведен на суд, и не только он, но также и все, кто дерзнет преступить наш указ и веление».

Капитулярий от 805 г.

M. G., I, 125

«19. Желаем, чтобы посланцы наши в этом году строго взимали военную пеню без всякого лицеприятия, угождения или страха, согласно нашему велению, т. е. с человека, владеющего 6 ливрами в золоте, серебре, бронях, железных орудиях, тканях, лошадях, быках, коровах либо другом скоте (жены и дети для того не должы лишаться одежды), надлежит взимать законную пеню, именно 3 ливра. А у кого вышеописанного движимого имущества будет только на 3 ливра, с того следует взыскивать 30 солидов, с тем чтобы он в другой раз оказался в состоянии вооружиться для службы богу и на пользу нам. И посланцы наши пусть наблюдают, чтобы никто по злому умыслу не уклонился от нашей справедливости, предаваясь под руку кого-либо другого».

Капитулярий от 808 г.

M. G., I, 137

«2. Желаем и повелеваем, чтобы посланцы наши тщательно расследовали, кто в течение прошедшего года уклонился от военного призыва, вопреки тому приказанию, которое мы отдали недавно относительно свободных и маломощных, и если окажется, что кто-нибудь подобному не помогал снаряжаться для военной службы, ни сам не отправлялся в войско, да поручится о выплате пени полностью и да присягнет по закону.

3. В случае, если окажется такой, кто скажет, что по повелению графа или викария или сотника своего, то, чем должен был снаряжаться сам, отдал тому же графу, или викарию[40], или сотнику, или каким-либо их людям и поэтому не выступал в поход, и посланцы наши смогут установить, что это действительно так, — тот, по чьему приказу он остался, да уплатит пеню, будь то граф или викарий, или адвокат епископа, или аббата».

Капитулярий от 810 г.

M. G., I, 153

«12. О герибанне[41] пусть посланцы наши чинят тщательный розыск. Кто мог отправиться в войско, но не отправился, пусть выплатит герибанн, если есть у него, чем выплатить, а если нет у него чем выплатить, пусть даст поручительство и занесут это в протокол, не взыскивая ничего, пока не будет доведено до самого государя императора».

Булонский капитулярий от 811 г.

M. G., I, 166

«1. Всякий свободный, который будет призван для несения военной службы и пренебрежет явкой, да выплатит полную пеню, т. е. 60 солидов, или если не будет иметь чем выплатить (эту сумму) пусть отдаст себя государю в кабалу, пока со временем эта пеня не будет выплачена, и тогда вновь да будет возвращен в свободное состояние. А если тот, кто из-за пени предался в кабалу, в той кабале скончается, наследники его не должны терять полагающегося им наследства и свободного его состояния и не обязаны пеней.

2. Граф не должен взыскивать пени ни по какому поводу — ни за сторожевую службу, ни за посыльную службу, ни за постой, ни за что другое, если посланец наш предварительно не взыскал пени в нашу пользу и не отдал графу, согласно нашему повелению, его третьей части. Самая же пеня да не взыскивается ни землями, ни крепостными, но золотом, серебром, тканями, оружием, скотом, либо такими предметами, которые могут быть полезны».

Мемориал от 811 г.

M. G., I, 165

«6. Говорят сами графы, что некоторые из жителей их округа им не повинуются и не хотят выполнять императорского приказа, ссылаясь на то, что они обязаны держать ответ в уклонении от воинской повинности посланцам государя императора, а не графу; даже если граф накладывает запрет на его дом, он не придает этому никакого значения, но входит в дом и делает там все, что захочет».

* * *

Окидывая общим взглядом эти распоряжения о мерах взыскания, мы видим, что хотя старая система призыва под угрозой уплаты пени (герибанн) юридически оставалась в силе, но на деле действовала плохо, или большей частью не функционировала совсем. То там, то здесь пытались машину пустить в ход, переделав и заменив одни части другими в зависимости от характера раздававшихся жалоб.

Дошедшие до нас документы говорят, что граф призывает в войско под угрозой королевской пени, т. е. 60 солидов. Не легко представить себе, что могла значить сумма в 60 солидов при тогдашних хозяйственных отношениях*.

Самый институт денежного обращения весьма стар, но покупная способность денег за период от Хлодвига до преемников Карла Великого могла значительно измениться, да и самый солид не остался без изменеия; к тому же при Карле Великом произошла реформа денежного обращения. Первоначально солид приравнивался к золотой монете примерно в 12 германских марок нынешней расценки. «Lex Ripuaria» (XXXVI, II) расценивает хорошую здоровую корову в 1 солид, быка в 2, кобылу в 3, жеребца в 12, меч с ножнами — 7 солидов. В одном добавлении к Салической правде[42] кнехт (слуга) оценивается в 25—35 солидов, служанка — в 15—25 солидов, в другом месте простой раб — в 12 солидов. Поэтому пеня в 60 солидов для простого крестьянина была просто непосильной. Крестьянин, обязанный уплатить стоимость в 60 коров, или 30 быков, или 20 кобылиц, не только был бы разорен, но это вообще для него неисполнимо. Угроза штрафом в 60 солидов, если этот штраф вообще когда-либо взыскивался в действительности, не могла иметь в виду среднего земледельца. Картина несколько меняется, если мы примем во внимание, что в одном капитулярии о призыве** половина надела приравнивается к имуществу в 100 солидов. Поскольку стоимость самой земли едва ли принимается в расчет, то 200 солидов следует признать равноценными дому, двору с изгородью, оружию и прочему движимому имуществу среднего крестьянина. Хотя штраф в размере почти трети этого имущества был бы непомерно тяжелым, но не невозможным физически. У хамавских франков[43] военная пеня составляла первоначально только 4 солида. У лангобардов — только 20 солидов, но при Каролингах повсеместно была установлена единообразная ставка в 60 солидов***. Если военная пеня в 60 солидов непосильна для крестьянина, то для человека богатого она составляет гораздо меньше того, во что обходилось ему участие в походе, продолжавшемся много месяцев. Таким образом, он имел возможность откупиться путем уплаты умеренной суммы денег. Предоставлять посланцам или графам увеличивать по своему усмотрению пеню было неудобно. По-видимому, это обстоятельство и было поводом к изданию капитулярия 802 г., § 34, предписывающего привлекать уклоняющихся к суду. Пеня же не упомянута вовсе. Если бы это предписание имело в виду призыв всех свободных, то это привело бы к настоящему переселению народов во все резиденции императора.

Напротив, для маломощного пеня в 60 солидов была просто непосильна. Приходилось искать различных выходов из положения: например, император аннулировал эту пеню (капитулярий 802 г., § 29), что, разумеется, ослабляло впредь действенность закона, или же император оставлял за собой разрешение вопроса в отдельных случаях (капитулярий 810 г.), что для маломощного сводилось к одному и тому же. Затем попытались установить градацию по размерам имущества. И этот метод оказался негодным, так как оценка имущества является актом чрезвычайно затруднительным и дающим простор для произвола. Поэтому попытались узаконить временное закрепощение, что, несомненно, способствовало значительному ускорению и без того совершавшегося процесса, заключавшегося в том, что

* Soetbeer, Forschungen z. deutschen Geschichte. B. I, II; Peschel, Ueb. die Schwankungen der Werthrelation u. s. w. «Deutsche Vierteljahresschrift», Jahrg. 1853, 4, стр. 1 и след.

** Капитулярий 807 г. См. выше. Waitz, IV, 473.

*** Boretius, Beiträge, стр. 145.

беднейшие свободные утрачивали свободу и переходили в чью-либо зависимость. В самом деле, если за детьми закрепощенных, согласно капитулярия 811 г., должна была сохраниться свобода, то очевидно, что они сами от нее отказались. Отработать в кабале 60 солидов было так трудно, что закрепощенный, пожалуй, должен был работать всю жизнь. За это время воинственные наклонности и традиции в семье были утрачены, а молодое поколение, ставшее перед альтернативой — идти на войну или оставаться дома в качестве крепостных и только выполнять определенные работы и обязанности, находясь в зависимости, но в то же время и под защитой господина, предпочитало, должно быть, последнее.

Как бы ни представлялось нам строгим предписание о пене (герибанне), тем не менее оно рисуется в совершенно ином свете, если принять во внимание, что право взыскания пени предоставлено было не графу, а исключительно посланцу (посланцы — весьма знатные господа, объезжавшие ряд графств в качестве королевских комиссаров и инспекторов). Но подлежит сомнению, что в каждом графстве они имели возможность только в ограниченном числе случаев расследовать факты уклонения от военной службы, произвести оценку имущества, определить размер пени и взыскать ее в виде скота, оружия, сукна и т. д.

Иногда в качестве сборщиков подати выступают особые чиновники (гербаннаторы). Но уже Карл Великий предписывает (802 г.), чтобы посланцами назначались только богатые, потому что бедные разоряют народ, пользуясь своим служебным положением; по-видимому, низшие налоговые чиновники с их произвольными оценками были подлинными кровопийцами.

Поэтому кажется, что иногда и графам предоставлялось право непосредственного взыскания пени, что опять-таки подданными не признавалось правомерным, — это понятно, поскольку они оказались всецело во власти графского произвола.

Пользуясь своим правом призыва (мемориал 811 г.), граф преследует и разоряет своих людей, чтобы вынудить их к передаче своего имущества и к переходу на зависимое от него положение. Центральная власть могла этому противопоставить только запрещение и благие пожелания. Действительно, расследовать и проконтролировать, насколько справедливо распределены военные тяготы при призыве и правильно ли произведена оценка доставленных или взысканных продуктов, скота, платья и оружия, было опять-таки невозможно.

Среди всех угроз наказания мы только в одном случае (капитулярий 808 г.) сталкиваемся с фактом привлечения значительного большинства военнообязанных вместо несения военной службы к уплате пособия. Итак, герибанн в первую очередь и преимущественно имеет в виду состоятельных землевладельцев; на это указывается и большинством предписаний. Однако, и здесь заметно, что наряду с наказанием за уклонение от военной службы принимаются в расчет и интересы фиска: храбрых и охочих вояк в каролингском государстве было вдоволь; для императора гораздо важнее была крупная сумма налога, чем один нехотя следующий призыву землевладелец.

Таким образом, герибанн должен был взыскиваться не непосредственно графом, а при посредстве посланцев, не только по соображениям гуманности, но и во избежание ущерба для императорской казны. В конце герибанн просто превратился в налог. Если Бертинские анналы по 886 г. сообщают, что герибанн взыскивается со всех франков, то это уже не штраф за дезертирство, а регулярный налог, и так как его уплачивают все франки, то к этому налогу неприменима уже старая ставка в 60 солидов — 60 коров. Позднее мы находим герибанн в размере 2 и 3 солидов*.

Предписание в капитулярии 808 г. § 3 о штрафе в размере 60 солидов, налагаемом на чиновника, взыскивающего «адъюториум» (пособие) и за то оставляющего плательщика дома, разумеется, не может быть понято в смысле безоговорочного запрещения такого образа действия, а лишь в том смысле, что штрафуется чиновник, который присвоил себе взысканный адъюториум и никого не снарядил. Отсутствие

* По «Polyptychon Irminonis», т. II, стр. 274 (XXV, 20) «двое совместно уплачивают 2 солида в качестве герибанна». «Polypt. de St. Maur des Fossés, c. 6» (Guérard Polypt. Irmin, II, стр. 284); имеющий обрабатываемые оборочные наделы уплачивает 3 солида, откупаясь от похода. — Ср. Waitz, IV, 485, прим. 5 (1-е изд.) и Flach, Les origines de l'ancienne Françe, I, 321. Далее сравн. Waitz, VIII, 147, прим. 5 и стр. 148, прим. 1. Вайц полагает, что в приведенных им документах идет речь об «издревле установленной эпитимии». Мне представляется несомненным, что со времени Оттона III, Генриха II и Генриха V о «герибанне» в смысле «издревле установленной эпитимии» не может быть речи, но что дело идет просто о налоге. Kötschke, Heeressteuern in Karolingischer Zeit («Histor. Vierteljähr.-Schrift.», B. X, стр. 231, 1899 г.) указывает на связь одного более позднего налога у саксов с пособием (adjutorium), установленным в каролингскую эпоху.

упоминания о том воине, который подлежал снаряжению на эти деньги, может послужить новым доказательством того, что это обстоятельство рассматривалось как само собой разумеющееся.

Булонский капитулярий от 811 г.

M. G., I, 166

«3. Всякий, кто, имея наши бенефиции, будет призван к оружию и опоздает к назначенному сбору, да воздерживается от мяса и вина столько дней, на сколько он опоздал».

* * *

В некотором внутреннем противоречии со строгостью королевской пени для уклоняющегося находится эта угроза по адресу опаздывающего; его наказание сводится к тому, что он столько дней должен воздержаться от мяса и вина, на сколько он опоздал, — предписание столь же мало страшное, сколь невозможно было проверить самое выполнение его. Если бы мы в этих предписаниях имели фактическое выражение и отражение действительности, то мы могли бы сказать: наиболее выгодным для франка было присоединиться к походу только после наиболее опасных боев; в этом случае все дело для него ограничивалось только вегетарианской диетой на несколько недель или месяцев, — да и самое выполнение или невыполнение этого милостивого наказания оставалось только на его совести.

ДИСПЕНСАЦИИ

Капитулярий от 808 г.

M. G., I, 137

«4. Из числа графских крепостных, посаженных на землю, следующие подлежат изъятию и не должны быть принуждаемы давать поручительство в уплате пени: двое, оставленных при супруге графа, и двое других, освобожденных от несения нашей службы для выполнения должностных обязанностей. В этом случае им предписываем только, чтобы граф оставлял вдвое больше людей, чем у него имеется должностей, кроме тех двух, которые будут при его супруге. Остальных же всех без исключения должен иметь с собою, а если сам останется дома, то пусть предводительствует тот, кто вместо него выступит в поход. Епископ же или аббат — только двоих из посаженных на землю и мирских людей своих да оставляет дома».

Булонский капитулярий от 811 г.

M. G., I, 167

«9. Если окажется, что какой-либо свободный не был в походе со своим сеньором, да будет принужден выплатить полную пеню. А если сеньор или граф отпустил его восвояси, сам должен вместо него выплатить следуемую пеню, и столько пени с него да будет взыскано, сколько человек он отпустил восвояси. А так как мы в текущем году позволили каждому сеньору оставить двух вассалов, мы желаем, чтобы он предъявил их нашим посланцам, ибо только этих мы освободили от уплаты пени».

Capitulare missorum 819 г.

M. G., I, 291, гл. 27

«Наши вассалы и вассалы епископов, аббатов, аббатисс и графов, которые в текущем году не были в войске, да выплатят герибанн, исключая тех, которые по необходимости, определенной государем и отцом нашим Карлом, оставлены были дома, т. е. тех, которые оставлены были графом для поддержания мира и для охраны супруги и дома, и тех, [которые оставлены были] епископом или аббатом или аббатиссой равным образом для того, чтобы оберегать дом, смотреть за сбором урожая, надзирать за зависимыми людьми и принимать посланцев».

* * *

При сравнении диспенсаций[44], представленных в этих капитуляриях, создается впечатление, будто бы они в разное время определялись различно: в одном случае граф может оставлять дома только 2, а в другом — 4 человека. Более существенным представляется вопрос, к какой категории могут принадлежать эти 2 или 4 человека. Может ли их граф выбирать из числа всех боеспособных военнообязанных? Значит ли это, что в одно время несколько наделов совместно выставляют только одного человека, а в этом году подлежат призыву все без исключения? По этому поводу Борециус (стр. 118, 123) говорит не вполне ясно. Для меня несомненно, что предписания только тогда имеют удовлетворительный смысл, когда они относятся к очень ограниченной категории лиц, где разница на 2 или 4 человека представляется уже существенной, — иными словами, что и здесь разумеется не всеобщий призыв, а лишь призыв вассалов или ленников.

В одном капитулярии 801—803 гг. (M. G., I, 170, гл. 8) устанавливается, что каждый викарий (гунно) обязан держать двух охотников на волков, которые освобождаются от военной службы.

ПРИЗЫВ

Согласно Аахенскому капитулярию 801—813, гл. 9, M. G., I, 171: «Пусть каждый граф имеет попечение о том, чтобы люди его шли в войско под страхом пени в 60 солидов с каждого».

* * *

Судя по письму архиепископа Хатти к епископу Туля (Toul), см. выше, призыв производился таким образом, что посланец писал епископу, а этот сообщал о призыве «всем аббатам, аббатисам, графам, государевым вассалам и всем в твоей округе, обязанным государевой военной службой».

Наряду с этим Фульрад получил распоряжение о призыве непосредственно от императора (ср. письмо в т. II).

Это явное противоречие заставило Вайца (т. IV, стр. 513, прим., 1-е изд) поставить вопрос, не следует ли понимать ограничительно слова «люди его» в первом из указанных капитуляриев.

Я не сомневаюсь, что здесь подразумеваются все воины, в том числе и вассалы других воинов. Здесь то же самое противоречие, которое красной нитью проходит через всю военную организацию еще при Карле Великом. Еще не вполне забыто, что свободный, будучи вассалом другого, остается подданым короля, а потому граф закономерно объявляет ему королевский призыв; в действительности, разумеется, он находится в свите сеньора, и потому распоряжения о призыве обращены непосредственно к крупным сеньорам.

Передача распоряжения о призыве через посредство посланца епископу и через посредство последнего графам и крупным сеньорам его епархии равносильна непосредственной присылке распоряжения.

СНАРЯЖЕНИЕ

Capitulare de villis от 800 г. или ранее

M. G., I, 82

«64. Пусть экипажи наши и выступающие в поход бастерны (повозки) будут хорошо сделаны и верхи их хорошо покрыты кожей и так сшиты, чтобы, в случае необходимости переправляться через реку со всем грузом, вода никоим образом не могла проникнуть внутрь, и добро наше осталось бы в полной сохранности. И еще желаем, чтобы в каждой повозке посылалась мука для нашего стола, — именно 12 модиев муки, а в тех, в которых возят вино, пусть возят 12 модиев на нашу меру; и при каждой повозке пусть будет копье, колчан и лук».

Capitulare Aquisgranense 801—813 гг.

M. G., I, 170

«10. Поклажа короля, а также епископов, аббатов и вельмож должна возиться в повозке: мука, вино, ветчина, съестные припасы в изобилии, топоры, рубанки, секиры, буравы, пращи и люди, умеющие

хорошо метать из них. И конюшие короля должны возить для них камни, если понадобится. И каждый пусть будет в боевом снаряжении и имеет достаточно всякой утвари. И каждый граф должен сохранить две части сена в своем графстве для нужд войска и иметь хорошие мосты, хорошие плоты».

Capitulare missorum для областей к западу от Сены, 807 г.

M. G., I, 134

«3. Все верные наши графы должны прибыть на назначенное собрание наилучшим образом снаряженные, со своими вассалами, обозом и дарами. И каждый из наших посланцев да обяжет одного из наших вассалов наблюсти за сборами по отдельным сотням и преподаст ему наше повеление, чтобы самому прибыть и привести к нам мирным образом ту часть войска и обоза, которую должно выставить одно графство, с таким расчетом, чтобы никто не остался дома, а в середине августа все были у Рейна».

* * *

Бастерна (basternae) представляет собой определенный вид парной повозки. Она должна быть снабжена не пропускающим воду верхом из кожи. На каждой повозке должен быть груз в 12 модиев муки или вина. Модий приравнивается, примерно, 52 литрам, литр муки весит всего около 600 граммов, литр вина — 1 000 граммов. Таким образом, повозка с мукой была нагружена 8 центнерами, повозка с вином — добрыми 12 центнерами. Отсюда ясно, что предписания такого рода носили только самый общий характер. Груз в 12 центнеров нетто для парной запряжки по тогдашним условиям очень велик (ср. т. II); если в такого рода предписаниях усматривали не просто приблизительную норму, а реальное требование, то при этом, должно быть, рассчитывали, что 12 центнеров были первоначальным грузом, который со дня на день уменьшался. В равной мере это относится и к повозкам с мукой, причем нельзя не отметить непрактичность соединения в одном обозе однородных, но различно нагруженных повозок.

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАПИТУЛЯРИИ

Капитулярии о военном деле, дошедшие до нас от лангобардского государства (равным образом составленные у Борециуса, Beitr, z. Capitularienkritik), отличаясь от франкских в целом ряде деталей, в основном все же совпадают с ними и счастливым образом подтверждают нашу теорию*. Еще яснее, чем во франкских, видим мы в этих капитуляриях, как здесь, начиная со времени эпохи Великого переселения народов, среди мирного населения жило и развивалось военное сословие. До последнего времени исследователи были не в состоянии представить себе такого рода военное сословие, которое не является целым племенем, не составляет большой свиты и строится на основе поместного землевладения. Поэтому и получилось, что в основной книге по истории итальянского права в Средние века — Hegel, Geschichte der Städteverfassung von Italien — черным по белому дается изображение дела в сущности правильное, поскольку наши источники не допускают различных толкований, и наряду с этим истина, представляющаяся автору реально немыслимой, извращается неверными комментариями.

Наши свидетельства относятся к областям, как лангобардским, так и к тем, которые не были под властью лангобардов.

Григорий I (590—604) в одном из своих посланий к жителям Равенны, перечисляя все отдельные сословия, упоминает, между прочим, о «воинах» (milites). То же в другом послании к жителям Зары или Ядеры**.

Приблизительно в середине VII в. византийский император, намереваясь взять в плен папу Мартина, предписывает своему наместнику сперва разузнать о настроении римского «войска» и держать себя тихо, если окажется, что это настроение неблагоприятно***.

Можно было бы представить себе, что здесь речь идет о собранной по случайному поводу банде наемников. Но от такого объяснения придется отказаться, если обратить внимание, что в документах

* Наказание за дезертирство аналогично франкскому герибанну, но иначе определяется в отдельных частностях. Различали первый, второй и третий случай. Brunner, D. Rechtsgesch. II, 213.

** «Мирониану епископу Равенскому со всей братией и со епископами, священниками, левитами, клиром, знатными, народом, воинами, стоящими в Равенне». Цитировано у Hegel, Gesch. d. Städteverf. von Italien., I, 196.

*** «Если окажется, что войско вам не сочуствует, храните тайну». Hegel, Städteverfass., I, 239.

следующего столетия постоянно упоминается о сословии воинов (milites) и optimates militae. Они (primates exercitus) имеют даже право на участие в выборах папы, и их приглашают подписать декрет об избрании. Гегель сам говорит (I, 253), что это войско вряд ли могло состоять из наемнических отрядов или быть народным ополчением, а потому хочет видеть в нем «аристократическое военное сословие из верхушки гражданства». «Римляне вновь были обороноспособны, народ стал войском» (стр. 250). «Это — полноправные благодаря поместьям и воинской доблести — члены римской общины, преимущественно из числа крупных собственников» (стр.254).

Но почему же в Риме и Равенне как раз домовладельцы вновь обрели способность к военному делу, а не прочие cives honesti, как в отличие от них именовали уважаемых горожан? Они не только превратились в доблестных воинов, но имеют даже военную организацию почтенной давности, «scholas militae», как их называет Константин Великий; их еще папа Адриан выслал навстречу королю франков Карлу (стр. 259), а в Равенне они проявляли такую дикость, что по воскресеньям перед городскими воротами устраивали кровопролитные воинские потехи, причем различные кварталы рубились друг с другом (стр. 263).

Для потомков горожан, которые некогда заслужили благодарность за боевые заслуги от Велизария, признавшего, впрочем, с их стороны наличие доброй воли, это представляется чересчур поразительной метаморфозой, в особенности при опеке греческих наместников и духовных властителей. Очевидно, здесь играет роль нечто другое, и нетрудно вскрыть, что именно.

Это новое воинское сословие не есть сословие домовладельцев, внезапно ставшее военным; наоборот, — это варварские воины, мало-помалу романизированные и ассимилировавшиеся, которые зачастую, вероятно, оказывались владельцами домов и пр. и сохраняли вместе с этим свою воинственность в ряде поколений, упражняясь в военном деле. В них была постоянная нужда: не будь их, не было бы никакой защиты и охраны.

На Великом соборе, который созвал Оттон Великий в 963 г. в соборе св. Петра, присутствовала «omnis Romanorum militia»*.

Лангобарды, в отличие от готов, никогда не были замкнуты в себе самом племенем, но представляли собой военный союз, к которому примкнули гепиды[45], саксы, паноны[46], жители Норика[47] и даже болгары[48]. После завоевания страны они распались и образовали ряд мелких владений с 35 герцогами во главе, но позднее у них всегда была слабая выборная королевская власть. Время герцогств нам следует представлять себе таким образом, что в каждом крупном городе утвердился предводитель отряда (глава племени Hunno) и захватил власть; себе он брал то, что ему нравилось, а своим людям раздавал то, что находил подходящим для этого. Предание**, по которому в то время многие знатные римляне из алчности были перебиты или изгнаны, вероятно, соответсвует действительности. Вообще, по-видимому, немного крупных римских собственников осталось в живых. Все римское население перешло на полусвободное положение: римляне стали альдиями (или литами[49]), лангобарды составляли единственное вполне свободное сословие воинов, ариманнов (экзерциталов). Подобным же образом дело обстояло и у франков, с той только разницей, что здесь благодаря сильной королевской власти представлялась возможность с самого начала для знатных римских фамилий получить защиту их жизни и имущества; представители этих фамилий, поступая на королевскую службу в войско, могли сами стать членами вполне свободного правящего сословия (ср. т. II), что вряд ли могло иметь место у лангобардов.

Разумеется невероятно, что каждый лангобард имел поместье, настолько крупое, что на доходы с него он мог выступить в поход на коне, как предполагает Гартман (Hartmann, Geschichte Italiens im Mittelalter, II,1, 42 и II, 2, 50). Новыми земельными собственниками являются, прежде всего, король, герцоги и некоторое число лиц из свиты и чиновников. В силу причин, изложенных во II т., рядовые лангобардские воины либо совершенно не получали земли, находясь в свите короля, герцогов и гастальдов[50], либо жили в крестьянской усадьбе, находя здесь приют и прожиточный минимум, рассчитывая наряду с этим и прежде всего на доходы от службы и военной добычи. Гартман (Hartmann, II, 1, 52) сопоставляет значительное число итальянских географических имен, в состав которых входит «fara» (племя). Отсюда можно заключить, что здесь осели большие группы лангобардов, т. е., следовательно, не как крупные, а как мелкие землевладельцы. Мелкий же землевладелец не имеет возможности отправиться в поход на коне на свои средства.

* Liudprand, Hist. Ottonis, гл. IX.

** Paulus, II, гл. XXXII.

Гартман (II, 2, 52) выражается неправильно, когда говорит: «Воинственное лангобардское племя выступило в поход в поисках нетрудовой ренты; распространяясь по Италии, они завоевали себе эту ренту». Хотя это положение и ближе к истине, чем то, что германцы пошли на Рим с целью поделить землю между собой и жить на ней в качестве крестьян, тем не менее здесь упущено главное, а именно, что завоеватели не только извлекали ренту из завоеванной земли, но держали ее в своей власти, взяв на себя функции военного сословия. Пришельцы появились, прежде всего, в качестве просто разбойников и грабителей, как впоследствии викинги[51]; осевши надолго и захватив власть, они, со своей стороны, стали оказывать покоренным ответные услуги. Формулировке Гартмана, которую он почерпнул не из истории, а, напротив, перенес в историю из одной современной доктрины, можно противопоставить такой, например, факт, что самая война в рыцарском языке обозначается как «труд».

Изображая преобразование военного строя в той части Италии, которая продолжала оставаться римской в VI и VII вв., Гартман (I, 1, 13) говорит: «Можно сказать, что вследствии локализации военного дела военное хозяйство из денежного превратилось в натуральное». Основа этого положения правильна, только причину в нем нужно поставить на место следствия и наоборот, именно потому, что уже (начиная с III в.) денежное хозяйтсво перешло в натуральное, «военная организация должна была быть локализирована», т. е. войска должны были быть переведены с денежного жалованья на снабжение натурой и в конце концов на наделение землей.

Edictum Liudprandi 726 г.

M.Germ. Leg. IV, 140

«Гл. 83. Когда необходимо будет выступать в поход, судья не должен отпускать из рядов войска больше следующего числа людей: 6 — имеющих по одному коню, чтобы взять 6 коней под свои вьюки, и из маломощных, — не владеющих ни домами, ни землями, чтобы они в неделю 3 дня работали на судью до тех пор, пока он сам не вернется из похода. Староста может отпустить троих из имеющихся коней, с тем чтобы взять 3 коней под свои вьюки; из маломощных — пятерых, чтобы они на него работали до его возвращения, как мы повелели это относительно судьи, в неделю 3 дня. А десятник пусть берет себе одного коня и одного человека из маломощных для работы, как сказано выше. А если судья или староста или десятник решится отпустить большее число людей без позволения или приказа короля из тех, кто обязан военной службой, да уплатит виру священному трибуналу»[52].

* * *

Подобно франкским капитуляриям этот эдикт исходит из древне-германского представления о том, что при призыве на войну выступают все мужчины; само собой разумеется, хотя это прямо и не высказано, что дело идет только о воинах, о лангобардах и о тех романцах и полуромацах, которые вступили в их военную организацию. Но провести в жизнь всенародный призыв представляется уже невозможным. В поисках способа отбора у франков выработана была система групп. Лангобарды применили другой метод: судьям предоставляется в их округе освобождать от службы и оставлять дома 6 человек, имеющих по 1 коню каждый, и 10 безлошадных; шультхейсу[53] — троих с конями и пятерых безлошадных; сальтириям (деканам, старостам) — одного владеющего конем. Освобожденные — иногда со своими лошадьми — должны были в продолжение всего похода 3 дня в неделю работать на своих начальников. Если представить себе,что они могли как-либо откупаться от этой работы, то мы имеем здесь явление, совершенно аналогичние франкской системе групп.

Существенно то, что лангобардский указ относится к 726 г., — следовательно, значительно древнее дошедших до нас франкских капитуляриев. Это может послужить для нас доказательством того, что и у франков потребность как-либо ограничить всенародный призыв и упорядочить освобождение от него возникла значительно раньше, чем это засвидетельствовано случайными дошедшими до нас капитуляриями.

Гегель (Hegel, Ital. Städteverf., 1, 430) высказал мнение, будто из этого эдикта явствует, что в ту эпоху в лангобардском государстве национальное происхождение не принималось уже больше в расчет, так как эдикт обращен ко всем свободным, в том числе и к римлянам. Но Гегель сам с полным основанием приводил тот взгляд, что первоначально все римляне обращены были в альдиев. Следовательно, не существовало свободных римлян, свободными же в VII в. были вольнотпущенники и их потомки или переселенцы. Таких не могло быть много. Но из них многие действительно могли находиться в среде военного сословия.

Капитулярий Айстульфа от 750 г.

Mon. Germ. Leg., IV, 196

«Гл. 2. О тех, которые могут иметь кольчугу и не имеют, и менее состоятельных, могущих иметь коня и не имеющих: те, кто не может иметь и не может получить ниоткуда, должны иметь щит и колчан. Постановлено, чтобы владеющий семью оброчными дворами имел кольчугу со всем набором и конем, а если сверх того владеет землей, должен иметь коней и остальное вооружение. Также угодно нам, чтобы те, которые не имеют оброчных дворов, но владеют сорока югерами[54] земли, имели коня, щит и копье; также о маломощных государю угодно, чтобы они, если могут иметь щит, имели колчан со стрелами и лук; то же в отношении негоциантов, не владеющих имуществом. Богатые и сильные пусть имеют кольчугу и коней, щит и копье; следующие по богатству — коней, щит и копье, маломощные — колчаны со стрелами и лук».

«Гл. 7. О судьях и старостах, которые богатых отпускают из войска восвояси: кто так делает, да уплатит пеню по слову закона».

* * *

Капитулярий создает впечатление протокола, фиксирующего решения, принятые при устном обсуждении, и устные же волеизъявления. Король требует, чтобы определенная категория лиц имела полное снаряжение с панцирем, другие — коня, щит и копье, беднейшие — только щит и колчан, т. е. лук и стрелы. Угрожают ли тем, кто является с несоответсвующим снаряжением, какие-либо наказания и какие именно, не сказано; по-видимому писец просто опустил этот пункт. Имеющий семь наделов должен явиться в панцире на коне, а имеющий больше — с каждых 7 наделов выставить соотвествующим образом вооруженного воина. У кого только сорок югеров земли, тот должен явиться на коне со щитом и копьем, маломощные по возможности со щитом, но во всяком случае с колчаном, луком и стрелами; равным образом (торговцы, кустари, ремесленники) не владеющие недвижимым имуществом. Более крупные и состоятельные из них также являются в панцире, средние — на коне, со щитом и копьем.

Об освобождении от службы здесь нет ни слова. Либо король хотел на этот раз, — он намечал отнять Равенну у греков, — на самом деле вывести в поле полное военное ополчение, либо сознавал, что нормы такого рода не имеют никакой практической ценности, если их применение бесконтрольно поручено чиновникам. Но даже те немногие указания, которые фактически даются, отличаются крайней неполнотой и отрывочностью; именно неясно, как должны быть снаряжены имеющие больше 40 югеров, но меньше 7 наделов земли. Непонятно также, что это за люди, которых крупные собственники должны выставлять в тяжелом вооружении с каждых 7 наделов.

Всего интереснее упоминание о «негоциантах». Отсюда мы видим, что в составе военного сословия были не только поселяне, но и горожане. Уже относительно бургундов[55] мы нашли указание (т. II), что далеко не все пришельцы садились на землю, и само собой разумеется, что графы, резиденция которых была в городах, должны были иметь при себе значительную свиту и размещать ее в городах. Уже Гегель* обратил внимание, что лангобарды обосновывались в Италии не в деревне, а преимущественно в городах. Ариманны постоянно упоминаются в качестве основного населения городов**. В период мира они обычно обращались к каким-либо гражданским занятиям, не забывая при этом, подобно владетелям наделов в деревнях, о своем воинском звании. В качестве аналогии из более позднего времени можно указать привилегию, объявленную гражданам архиепископом Гебгардом Бременским в 1233 г.; он дает здесь обещание, что не будет mercatores против их желания призывать на военную службу, «за исключением тех купцов, которые в качестве министериалов или в качестве церковников имеют лены от церкви». Следовательно, в Бремене не находились в военном сословии люди, имевшие лены и в то же время бывшие mercatores.

* I, 345, 368.
** Hegel, II, 27.

Призыв Лотара для похода на Корсику. Февраль 825 г.

M. G., I, 324.

«Желаем, чтобы все графы в отношении тех, которые пойдут с ними на Корсику или останутся, придерживались следующего:

1. Мы желаем, чтобы государевы вассалы, служащие при дворе в качестве воинов, оставались. Вассалы, принятые этими последними под свою руку ранее, да остаются со своими сеньорами. Относительно остающихся в их имениях желаем знать, кто они. Имеющие же наши бенефиции обязательно должны выступать.

2. Желаем, чтобы вассалы епископов либо аббатов, остающихся дома, за исключением двух по выбору самого [епископа или аббата], и их свободные воины, за исключением четырех, были все привлечены к несению военной службы и шли за их графами.

3. В отношении же прочих свободных, называемых баригильдами, мы желаем, чтобы графы руководствовались следующим: разумеется, что владеющие состоянием, дающим возможность выступать на свои средства, и притом выказавшие себя годными к военной службе по силам и здоровью, должны идти; владеющие же средствами и, однако, не имеющие сил для того, чтобы идти самим, да помогают сильному (физически) и малоимущему. Свободные же, не могущие по бедности выступать на собственные средства, но все владеющие некоторым имуществом, пусть объединяются по двое, по трое или по четверо (и в большем числе, если будет необходимость), однако, чтобы по указанию графа помочь идущему в войско; и так порядок этот не должен распространяться только на тех, кто по черезвычайной бедности не может ни сам идти, ни идущему оказать помощь».

Из капитулярия Лотара. Май 825 г.

M. G., I, 319

«1. Постановляем, чтобы свободные, владеющие таким состоянием, которое дает полную возможность выступить в поход, и не повинующиеся приказу о выступлении на первый раз, подлежали уплате пени; и если вторично окажется, что один из таких пренебрежет явкой, пусть уплатит пеню, т. е. 60 солидов; а если третий раз в том же поступке будет уличен, пусть знает, что потеряет всё имущество или пойдет в изгнание. Относительно свободных среднего достатка, не могущих выступать на свои средства, поручаем верности графов, чтобы по двое, по трое, по четверо или в большем числе, если будет необходимо, оказывали помощь одному наилучшему для несения нашей службы. Те, кто по черезвычайной нищите не могут выступить на свои средства, ни оказать помощь (другому), да пребывают в покое до тех пор, пока не оправятся».

* * *

То обстоятельство, что лангобарды покорились франкам, не рискнув ни на одно сражение, находит себе объяснение не столько в том, что франки были многочисленнее лангобардов, так как через Альпы Каролинги могли перевести только немного войска, — сколько в переходе лангобардов на мирное положение, которому не противостояла никакая ленная система. Из приведенных капитуляриев мы заключаем, что Карл Великий перенес франкскую военную организацию в свои лангобардские владения. Столь решительно подчеркнутое требование капитулярия, чтобы от групп, образование которых безраздельно предоставляется воле графа, выставлялись физически наиболее годные к военной службе, наводит на мысль, что это распоряжение некоторое время действительно выполнялось, пока вассальное воинское сословие не вступило в свои права.

Согласно следующему капитулярию Людовика II от 866 г. (M. G., II, 94) была предпринята попытка видоизменить старую систему. Он гласит:

«1. Всякий, кто имеет возможность снарядиться в поход на свое движимое имущество, пусть выступает в поход; имеющие половину потребного для того имущества да объединятся по двое, с тем чтобы один из них, более годный для военной службы, мог выступить. Бедняки пусть идут в береговую или внутреннюю охрану; при этом в названную охрану пусть идут имеющие более десяти солидов. А с имеющих движимого имущества меньше чем на десять солидов, да не взыскивается ничего. Если у отца один сын и этот сын лучше отца, снаряженный отцом да выступает, а если отец лучше, сам да выступает.

Если же у него два сына, тот из них, кто лучше, пусть выступает, другой же да остается с отцом, а если у отца много сыновей, все более годные пусть выступают, только один пусть остается, который окажется наименее годен. Согласно капитулярию государя и отца нашего желаем, чтобы при двух неподеленных братьях выступали оба; если таких будет трое, один, который наименее годен, да остается, прочие пусть идут; если таких много, все более годные пусть идут, один, наименее годный, да остается. При этом желаем, чтобы ни в коем случае ни граф, ни сотники не освобождали никого, за исключением одного, оставляемого в каждом графстве для охраны, и двух при супруге графа; епископы же ни одного мирского да не оставляют.

2. Всякий, кто вопреки настоящему указу осмелится оставаться, должен быть немедленно изгнан, а имущество его должно быть нашими посланцами отобрано в нашу казну. Мы желаем, чтобы всем известно было следующее: то, что раньше было отобрано, нашими предшественниками возвращено было владельцам, которые этого добились в силу милосердия наших предшественников. Теперь же знайте наверное, что отобранное имущество нами возвращаться не будет.

3. (Следует пречисление ряда имен и областей). Желаем, чтобы пречисленные подвергали каре уклоняющихся от призыва, заботились об охране и располагали гарнизоны в крепостях. Если какой-либо посланец осмелится пренебречь своей обязанностью, тотчас отобрать имущество у остающегося и его извергнуть вон, — а если будет уличен, теряет имение. И если граф освободит кого-либо от военной службы или отпустит восвояси своего вассала, кроме упомянутых выше, свои бенефиции теряет; равным образом его сотники, если кого-нибудь освободят, теряют и имение, и должность.

4. Если граф или вассалы наши останутся, задержанные какой-либо болезнью, или аббаты и аббатиссы не вышлют полностью своих вассалов, сами теряют свои бенефиции, а вассалы их (не выступившие) лишаются и собственности и бенефиция. Если вассал какого-либо епископа останется, то теряет и собственность и бенефиции. Если же епископ без явной болезни останется, то пусть искупит вину своего небрежения тем, что пребудет на самой границе до тех пор, пока войско не дойдет туда, куда угодно будет господу богу, чтобы оно дошло.

5. Да будет вам известно: так как этот поход мы желаем выполнить с наивозможно большим войском, постановляем, чтобы епископ, граф или вассал, если окажется задержан не явным нездоровьем, епископ через своего наилучшего посланца, граф и вассалы наши самолично да заявили под присягой, что они остались не по другой какой причине, кроме как из-за неподдельной болезни.

6. Итак мы желаем, чтобы все принесли с собой все боевое снаряжение, чтобы — раз мы предусмотрели это и повелели записать — не показываться небрежными, но заслужить наше благоволение.

Одежду пусть имеют на один год, а съестные припасы до нового урожая».

* * *

По этому капитулярию в армию вступают имеющие движимое имущество на сумму вергельда (Wehrgeld — выкупная сумма), т. е. 150 солидов; имеющие же половину вергельда[56] в движимом имуществе должны выставлять одного от двух. Допускаются еще некоторые облегчения, если отец и сын или несколько братьев владеют неподеленным наследством.

Значение этого капитулярия для нас неясно за отсутсвием данных, сколько людей считались имеющими полный и сколько — половинный вергельд. Во всяком случае было много таких, которые имели еще меньше; то, что они должны были оказатся вовсе за пределами армии и привлекаться только к несению караульной службы или, если они владели менее чем 10 солидами, не призывались вовсе, должно заставить нас отнестись осторожно к капитулярию в целом. И среди людей скромного достатка должны были быть вполне пригодные к военной службе, и среди состоятельных — много негодных. Для войска, в котором крепость и высокая дисциплина тактических единиц не компенсируют слабость отделных воинов, отбор в зависимости от размеров имущества не есть модус, годный для создания боеспособных отрядов; поэтому трудно не заподозрить, что и здесь, как в эдикте Карла Лысого от 864 г., мы имеем дело исключительно с теорией, конструкциями ретивого придворного советчика, вряд ли имеющими какое-либо соприкосновение с реалной действительностью. Строгость с которой требуется выполнение, и до минимума сведенные диспенсации (случаи освобождения) во всяком случае не доказывают, что эдикт выполнялся именно в таком виде.

СКАРА

В своей трактовке скары я возвращаюсь к старым теориям Эйхгорна, Штенцеля, Лоренца, Бертольда, Пейкера, которые оспаривались Вайцем (D. Verf., IV, 514) и Ничем (Nitsch), а затем, хотя и были вновь энергично поддержаны Бальдамусом, но все же приняты не были. Вайц говорит: «Несостоятельным является предположение о том, что якобы существовали целые отряды из королевских дружинников, совершавшие самостоятельно некоторые походы». Напротив, я считаю это не предположением, а фактом, который может быть доказан документально.

Не подлежит никакому сомнению и засвидетельствовано источниками, что при дворах были воинские отряды. В дворцовом уставе Адальгарда (826), дошедшем до нас в извлечении Гинкмара*, отражены заботы множества людей, которые постоянно находились при дворе. Воины, не имевшие должностей, попеременно пользовались гостеприимством своих начальников; кнехты (слуги) и вассалы находились на попечении своих господ, предоставлявших им возможность жить без грабежа и разбоя.

* * *

«27. А для того, чтобы многочисленные люди, которым постоянно следовало быть при дворе, могли безбедно существовать, им оказывалась поддержка с подразделением на три разряда. Именно — к первому разряду относились воины, освобожденные от должностных обязанностей в силу простиравшегося на них благоволения и попечения владыки и получавшие то золото, то серебро, то коней, то прочие предметы, служившие к чести и украшению, от времени до времени специально, иногда в той мере, в какой это соответствовало обстоятельствам времени, разумному расчету и их чину. Это было нравственной поддержкой для воинов и воспламеняло их дух к служению королю. Вышеназванные вельможи наперебой изо дня в день то одних, то других приглашали к себе домой, не для потворства чревоугодию, а для того чтобы приблизить их к себе, и бывало так, что в течение недели редко кто не получал приглашения, вызванного побуждениями упомянутого рода.

28. Лица второго разряда соответствовали ученикам, распределенным по отдельным отраслям управления; они, будучи связаны со своим руководителем, воздавали ему почести и сами считали для себя за честь и за счастье представлявшуюся возможность видеть государя и беседовать с ним. К третьему разряду принадлежали как крупные, так и мелкие вассалы и гридни[57], которым все оказывали широкое гостеприимство, каждый по своему состоянию, насколько могли, чтобы доставить им необходимое и удержать их от преступления, именно грабежа и воровства. Отрадным свойством лиц перечисленных разрядов — если не говорить о постоянно сменявшихся посетителях дворца — было то, что они всегда могли быть использованы, если бы представилась необходимость, и большая часть их в силу вышеупомянутого благоволения вельмож пребывала в веселии, радости, с духом бодрым, готовые ринуться в бой».

* * *

Находящиеся при дворе воины упоминаются в призыве императора Лотара для похода против Корсики от 825 г.**; здесь приводится различие между «государевыми вассалами, воинами, постоянно несущими службу при дворе» и другими, «которые пребывают в их владениях».

Воины, получающие содержание при дворе (не имеющие собственных ленных наделов), часто обозначаются именами «skara», «scarii», «scariti». Когда франкский король размещает свои «скары» в качестве гарнизонов в городах и крепостях, которые он желает обеспечить, то это не могут быть вассалы, имеющие лены, так как такие вассалы по прошествии некоторого времени начинают стремиться домой. «Франков послал для заняти Аквитании, равным образом и в Бурже поместил франкский гарнизон»***.

Продолжатель Фредегара в рассказе о бое Пипина с Вайфаром Аквитанским различает: «Король Пипин разослал на все четыре стороны графов своих, посыльных и телохранителей в погоню за Вайофарием»****.

---

* «M. G. Capit. reg. Franc.», II, 517.

** M. G. Capit. I, 352.

*** «Annal. regni Francorum», ed. Kurse, стр. 24 и 48. В переработке вместо вышеприведенных слов сказано: «и разместив там, а также в Бурже франкский гарнизон», а во втором отрывке: «оставив в той и другой крепости по немалому гарнизону».

**** M. G. SS Rer. Meroving., II, 192, cap. 135 (52). Всего естественнее представляется мне понимать это в том смысле, что писатель перечисляет графов с их вассалами, собственных людей короля, пожалованных от него землею, и челядь, постоянных телохранителей.

О призыве вассалов не может быть и речи в том случае, когда Карл Великикй в 803 г. рассылает свои «скары» в окрестности, куда это казалось ему необходимым, без военных действий в собственном смысле. В тот год он не вел войны, если не считать того, что он расположил свои ополчения в окрестностях, там, где нужно было*.

Когда Карл Великий в 804 г. переселяет саксов из гау Вигмодиа в другую местность, он дает им в сопровождение свои «скары». «Послал скары (scaras) свои..., чтобы то племя увести за пределы родины»**.

В одном документе о разделении герцогства Беневентского от 851 7.*** каждой из договаривающихся сторон предоставлялось проходить по земле другой стороны с войском и скарой.

«Вам и народу вашему дозволяется пройти по моей земле в боевом снаряжении и со скарой (cum scara) без смертоубийства, опустошений, пожара и грабежа в отношении народа и земли моей и без нападений на замки; в сене, дровах и воде вам не будет отказа».

Когда император Арнульф осаждал Бергамо, — сообщают Фульдские анналы, — «milites palatini» на глазах государя сражались с особым рвением****.

Один епископ говорит о неком «ostiarius vel scario»*****, который в дальнейшем называется «vasallus».

Карл Лысый имел (869) конфликт с Гинкмаром, епископом Ланским, отказавшимся последовать приглашению короля; тогда последний выслал свою скару с приказанием привести епископа силой.

«Послал ополчение (scaram) из сколь возможно большего числа графов в Лаон, чтобы силой привели к нему того епископа»******.

Один раз (877 г.) «scariti» оказываются окружением, свитой пфальцграфа[58], а не только рядовыми воинами. Здесь предписывается, чтобы в случае, если пфальцграф сам не сможет вести служебные заседания, это делал за него «один из состоящих в его дружине»*******.

Даже если бы можно было думать, что то или другое из приведенных свидетельств допускает также еще и другое толкование, то все еще остается достаточно данных для доказательства существования при дворах каролингской эпохи вооруженных, которые применялись как в военных, так и в полицейских целях, и между прочим обозначаются словом «scara» и его производным.

Факт этот не меняется от того, что слово «scara» с его производными встречается и в других значениях, а именно «войско», отряд********, иногда «служба», «работа», которая возлагается на определенные крестьянские дворы и семьи*********. Наоборот, как раз в этом разветвлении значения слова мы и можем искать его разгадки.

Вайц ограничился указанием на то, что, с одной стороны, слово «скара» вообще «обозначает военные отряды, малые и большие, иногда целые армии, без указания на особую организацию» и, с другой стороны, имеет «совершенно другое значение», особенно посыльная и конвойная служба**********.

---

* «Ann. Lauresham.», SS, I, 39. то же «Ann. Guelferbytani» год 793 (SS, I, 45).

** Chronik v. Moissac, SS, II, 257.

*** LL., IV, 221.

**** SS. I, 409.

***** Monach. Sangal., Gesta Caroli. SS., II, 738.

****** Ann. Bertin. SS., I, 480.

******* Kapitulare Carcacense, cap. 17. Cap. reg. Franc., II, 359. Не иначе следует понимать и отрывок капитулярия I, 213: «чтобы посланцы наши вместе с дружинниками, находящимися в их свите (in eorum scara), и т. д.»

******** Ann. regni Francorum, ed. Kurze, 40: «посылая четыре ополчения (scara) в Саксонию» (774) в переработке: «войско разделено на три части» и так часто. Гинкмар говорит (SS., I, 515) об одной «scara de Nortmannis» норманское ополчение). «Прорвался сквозь воинство сарацинов» (super Saracinorum scaram irruit) 59) SS. III. 252. Другие места у Вайца D. V., IV, 611 (2-е изд.).

Ссылка на значение «войско» или «отряд», которе имеет «scara», например в письме Карла к супруге Фастраде (M. G. Form. Merrow. et. Karol., 510) достаточно опровергает всякое иное толкование. Сам Вайц, во 2-м издании (IV, 514, 2-е изд., 610) отказался от этой мысли.

********* Эти места столь часты, что нет необходимости в особых цитатах. Цезарий Гейстербахский говорит:

«Нести посыльную службу («scram facere») владыке аббату — значит по его повелению доставлять к назначенному месту его гонца или письмо». Лотар предоставляет трех свободных Мурбахскому монастырю с повелением, чтобы они несли монастырю ту же службу, какую до него несли государству. При этом iter exercitale, т.е. военный призыв, различается от scaras. Источник гласит (Bouquet, VIII, стр. 366, N 2 Цитировано Бальдамусом, стр. 71): «отправляться в поход (de itinere exercitali seu scaras), или с поручением, или куда понадобиться, стеречь поместье, делать плоты, собирать подати и выполнять все то, что могли бы потребовать графы или их вассалы».

********* «D. Verf.-Gesch.», т. IV, 23 (2-е изд., стр. 26).

Как одно и то же слово могло получить столь различный смысл? Ответ на этот вопрос дается в нашем истолковании: первоначальное значение — служба ратника, сильная вооруженная рука в постоянной готовности в доме господина. Отсюда, с одной стороны, «военный отряд» и далее общее понятие «войско». Так как тогда такие ратники-кнехты содержались не только при королевском дворе, но и каждый отдельный граф, епископ или аббат располагали некоторым их числом, то в общей сложности они составляли значительную часть всего войска*, и возможно, что небольшие военные экспедиции совершались ими самостоятельно, без призыва имеющих лены вассалов.

Поэтому во многих других местах, где скареманны выступают в военной роли, трудно бывает установить с определенностью, говорится ли о призыве вассалов, или о тех придворных воинах, которых мы имеем в виду. Так как эти придворные воины несли службу также в качестве вооруженного конвоя, как сторожа, посыльные, привратники, полицейские, то обозначение перенесено было на все эти работы и тогда, когда они выполнялись не подобными должностными лицами, а требовались от зависимых людей, от случая к случаю или возлагались на длительный срок на дворы и семьи. Если работу, посыльную службу и т. п. считать за первоначальное значение слова, то нельзя понять, откуда то же слово получило значение «войско»: если считать первоначальным занчением «войско», то нельзя понять, как может обозначаться «скара» как обязанность монастыря, которая возлагается на одного крестьянина Прюмского монастыря — дважды в год ездить на корабле до св. Гоара или Дуисбурга**.

К правильному пониманию ближе всего подошел Бальдамус «Das Heerwesen unter den späteren Karolingern», стр. 69, где собраны и важнейшие места из источников.

Я не могу согласиться с ним только в той мере, поскольку он охранную и полицейскую службу считает основным назначением «скары», говорит о «сращивании» полицейской и военной организации и находит точку соприкосновения в том, что полицейские отряды рассматривались как часть войска. Речь идет не о сращивании двух различных функций: полицейские функции не являются теми первоначальными функциями, к которым только потом присоединились функции военные, но в основе лежит первоначальное, единое понятие, понятие сильной руки, которая должна обуздать как внутренних, так и внешних противников. Свита, которою окружал себя древнегерманский принцепс[59] и назначение которой «на войне — охрана, в мире — укрепление», разумеется, служила ему и в мирное время не только в целях создания идеального ореола, но и для поддержания авторитета его в практических начинаниях. Скара есть то же самое, но на иной социальной ступени; свита состоит из сотрапезников господина, скара — из гораздо более многочисленных ратников-кнехтов, по большей части естественно несвободных приемников pueri Меровингской эпохи и предшественников министериалов в последующих веках, причем преемственность, конечно, не следут понимать в смысле тождества, так как существенным признаком министериалитета, по крайней мере по господствующему мнению, является несвободное состояние, чего нельзя ни доказать, ни утверждать относительно состава скары. Несвободное состояние министериалов приобретает характер все более шаткий и неопределенный, а с другой стороны — свободные добровольно поступаются своей свободой, чтобы превратиться в министериалов; этот процесс, наблюдаемый нами в более позднюю эпоху, начался, несомненно, гораздо раньше, чем это мы можем прямо установить по источникам. Поэтому, если Бальдамус оспаривет преемственность министериалов и скареманнов, то он прав постольку, поскольку понятие скареманна не заключало в себе признака несвободного состояния. Но момент свободы и несвободы не есть единственный и решающий в этих институтах. Этим решающим является ремесло на непосредственной службе одному господину. По существу Бальдамус говорит то же самое: разница между нами, если таковая есть, заключается в формулировке и способе выражения.

Примечание ко 2-му изд. Некоторую обратную аналогию дает, как это указано в IV томе настоящего труда, слово «ландскнехт», которое первоначально означало полицейского и отсюда перешло в обозначение воина.

---

* «Называемые скареманнами... должны нести службу наравне с прочими воинами нашей дружины». Mittelrhein. Urkundend., 382, т. I, стр. 439.

** Baldamus, стр. 76.

ГЛАВА II

ПОКОРЕНИЕ САКСОВ

После того как мы убедились, насколько малочисленны были армии Карла Великого, особое значение для нас приобретает следующий вопрос: как мог Карл добиться покорения тех германских племен, с которыми некогда не могли справиться римляне с их более крупным и экономически более сильным государством и, вероятно, в десять раз более многочисленными и дисциплинированными армиями? Ведь не только по внешним условиям, т. е. на той же самой территории, но до некоторой степени и по существу борьба между Карлом и Виттекиндом походила на ту, которая некогда разыгралась между Германиком и Арминием. Карл не только принял титул Августа[60], но, как германец по крови, стремился проникнуться идеей Римской империи и возродить ее, насадив римскую культуру, носительницей которой была церковь, среди населяющих берега р. Везера народностей, сумевших 750 годами ранее отбиться от этого ига. Хотя, несомненно, имели место значительные передвижения, вымирание и переселение целых народностей, все же племена, жившие к востоку и западу от р. Везера, теперь неизвестно каким образом принявшие название саксов (Тациту это название было еще неизвестно), в сущности были теми же или близко родственными тем племенам, которые устояли против Германика в сражениях в Тевтобургском лесу, при Индистави и у Ангриварийского вала. Они веками сохраняли свободу и свои характерные черты, но в конце концов должны были утратить и то и другое.

Первое крупное различие между эпохой императора Августа и короля — позднее императора — Карла состоит в том, что область, населенная свободными германцами-язычниками, во вторую эпоху была гораздо менее обширна, чем в первую. Правый берег Рейна, Гессен и Тюрингия уже принадлежали королевству франков. Если некогда римляне, двигаясь по долине р. Липпе, достигали Везера, то, не имея прочной связи с тылом и находясь в глубине неприятельской страны, они оказывались под угрозой нападения со всех сторон. Границы государства, доставшегося Карлу, тянулись на протяжении нескольких миль к югу от р. Липпе и доходили до р. Заале. Таким образом, войско франков могло проникнуть в Саксонию как с юга, так и с запада, и в случае надобности совершить отступление по обоим направлениям.

Существенным следует считать также то обстоятельство, что граница Саксонии к востоку доходила только до рек Заале и Эльба; даже западнее Эльбы поселились уже враждебные им славянские племена. Хотя германцы,жившие к востоку от Эльбы, некогда и не вступили в борьбу с римлянами, все же на решение обеих сторон не могло не повлиять то обстоятельство, что за херусками двигались еще другие германские племена, могущие всегда принять участие в войне.

Если задача, стоявшая перед франко-римским императором, была заведомо более легкой, то для выполнения ее он все же лишен был самого существенного вспомогательного средства, которым пользовались римляне при ведении своих войн, — флота, который подвозил бы припасы по Северному морю и вверх по рр. Эмс, Везер и Эльба. Без водных путей и большого флота Карл — в такой же степени, как Германик — не мог бы внутри Саксонии содержать 60—70-тысячную армию. Оперируя же армией, гораздо более малочисленной, он имел возможность обходиться без флота.

Конкретно наш вопрос сводится к следующему: как случилось, что Карл, в конце концов, с гораздо меньшей армией достиг цели, которая для римлян оказалась недосягаемой? Ответ на это приходится искать скорее у обороняющихся, чем у наступающих. Если бы саксы были, еще таким народом, как некогда херуски[61], бруктеры[62], марсы[63], ангриварии[64], то конная армия в несколько тысяч

человек не представляла бы для них сколько-нибудь серьезной угрозы. Но время и для этих детей природы не прошло бесследно: переход из доисторического первобытного состояния на путь исторического культурного развития к этому времени уже совершился. У древних германцев как у всех варваров, существовало положение, по которому все мужчины были воинами. К VIII в. они из этого состояния уже вышли. Из исторических источников нам известно*, что в Саксонии насчитывалось большее число свободных и полусвободных. Не исключена возможность, что это произошло вследствие покорения германцев германцами же, с чем и связано распространение названия саксов. Несвободные и полусвободные не могут быть воинами в настоящем смысле этого слова — в том смысле, какой ему придается современниками и единомышленниками Арминия. Саксы еще не достигли такой степени развития, чтобы сторить города и жить жизнью горожан; несмотря на это, мы должны себе представить их на той же ступени развития, что и галлов в изображении Цезаря. Разделение народа на сословия воинов и рыцарей, с одной стороны, и еще мало способных к войне крестьян и горожан — с другой, которое Цезарь нашел в Галлии и какое снова утвердилось в королевстве франков, — такое разделение должно быть довольно заметно проявиться также среди саксов. В противном случае после завоевания не так бытро и легко привились бы среди них социальные отношения, существовавшие у франков. Но если это так, то перед Карлом Великим стояла совершенно иная задача, чем в свое время перед Тиберием и Германиком. Римские полководцы имели возможность вторгаться в Германию только с большой армией и отправлять в глубину страны только очень сильные отряды, ибо без большого перевеса сил они в любой момент могли быть уничтожены. При всей своей храбрости саксы в отдельности не представляли для них такой опасности. В последующих главах мы не один раз увидим, насколько военная мощь зависит от различных ступеней цивилизации. Саксы-язычники находились в хозяйственном и культурном отношении на несколько ступеней выше, чем некогда херуски: в этом заключается основная причина того, что армии, гораздо меньшие, чем некогда армия Вара, могли решиться на поход в их страну.

Но этим самым изменились не только условия численности войска, но и остальные стратегические условия войны.

Численность римской армии некогда создавала невероятные затруднения для снабжения ее; поэтому римляне всецело были связаны с водными артериями. Менее же многочисленные армии Каролингов могли все припасы возить за собой сухим путем.

Развитие земледельческой культуры также значительно облегчало вторгшемуся неприятелю питание воинов, лошадей, упряжных волов и убойного скота.

Тем не менее задача франков была в достаточной мере трудной. Нечего было и думать о такой стратегии, какую некогда Цезарь применял в Галлии, т. е. когда большая сплоченная армия располагалась в самом сердце страны и при малейшей попытке к сопротивлению всей силой обрушивалась на неприятеля. Такой армией Карл не располагал; посмотрим как поступил король франков.

В 772 г. Карл вторгся из Гессена через Обермарсберг на р. Димель, где он взял крепость Эресбург, и в Саксонию, где он достиг р. Везер и заключил здесь договор с саксами (или же только с энгернами). Настоящего сопротивления оказано не было, но, несмотря на это, франки, перейдя границу, продвинулись не более чем на 10 миль.

После того как саксы в 774 г. совершили набег на франкские области и дошли до Фрицлара, франки начали годом позже (в 775 г., когда король после покорения лангобардов возвратился из Италии) систематическое наступление на саксов с целью их полного порабощения. Не встречая существенного сопротивления, франкская армия прежде всего овладела обеими пограничными крепостями

* Nithard, IV, 2; «Annal. Bertin.», 841 г.

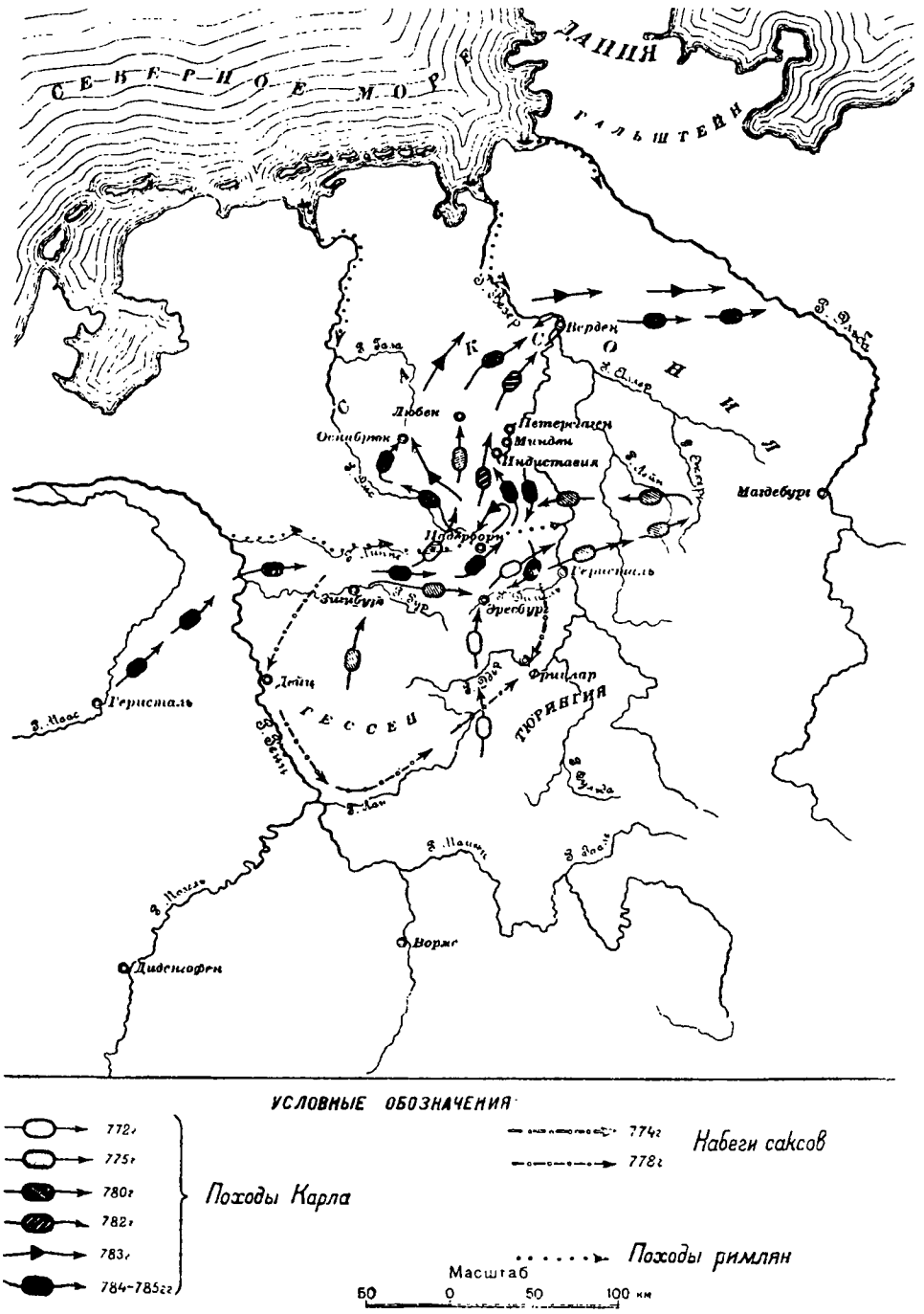


Схема 1. Походы римлян и Карла Великого в Саксонию.

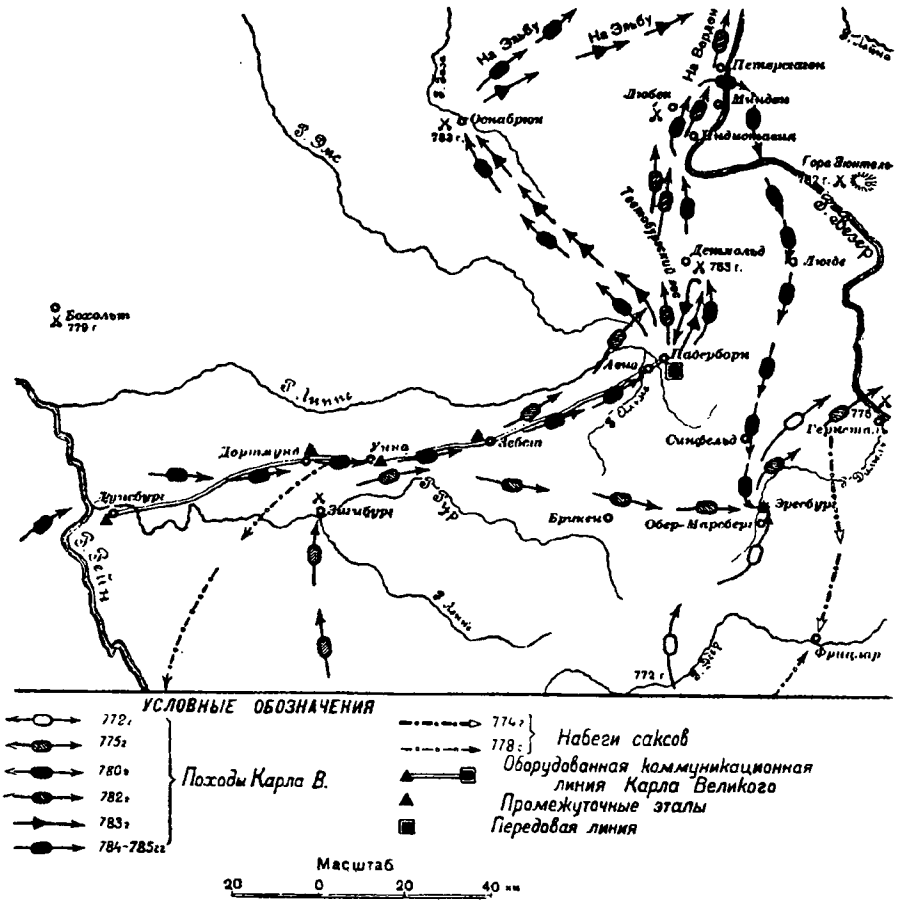


Схема 2. Походы Карла Великого в Саксонию.

саксов — Зигибургом (Гогензибург) на р. Рур и Эресбургом, продвинулась до Везера, где армия саксов тщетно пыталась помешать ее переправе, и достигла р.Оккер севернее Гарца. Один отряд, наступавший по левому берегу р. Везер через Тевтобургский лес и Вигенские горы, подвергся при Любеке нападению саксов и, по-видимому, капитулировал, получив свободу отступления*. Между тем остфалы и энгерны уже вступили на р. Оккере в переговоры с Карлом и покорились ему. Когда же армия франков на обраном пути, перейдя Везер, появилась у вестфалов[65], то и последние смирились и дали заложников.

Эти события не допускают иного толкования, чем то, что в руководящих кругах саксов существовала сильная партия, которая встретила бы вступление во франкский союз государств не без удовольствия, а может быть, даже прямо стремилась к нему. Возможно, что некогда большинство херускских князей уже было на

* Рюбель (Rübel. Die Franken, ihr Eroberungs- und Siedelungssystem, стр. 400), ссылаясь на Оппермана (Oppermann, Atlas niederdeutschen Befestigungen), полагает, что большие укрепления Вавилонии, развалины которых сохранились до наших дней, имеют связь со сражением при Любеке в 775 г. Расположение их такое же, как во всех франкских доменах: они разделены на меньшую, лучше защищенную часть — «palatium» и большую — «heribergum» — место бивуака для армии. Площадь «heribergum» Вавилонии была в 7 1/2 гектаров. При раскопках, произведенных осенью 1905 г., на основании найденных черепков считают все же установленным, что крепость была не франкского, а саксонского происхождения.

стороне римлян: вспомним разговор между Арминием и его братом Флавием, хотя и представляющий поэтический вымысел. Несмотря на предшествовавшую борьбу и разрушение франками их святыни — Ирминового столба[66], саксы покорились им без решительного боя и без того, чтобы франки заняли значительную часть страны. Расстояние от границы королевства франков до р. Оккер — приблизительно 20 миль. Не исключена возможность, что саксы покорились для видимости, желая льстивыми речами ввести франков в заблуждение, и что Карл согласился на договор только потому, что его конского состава и провианта все равно нехватило бы для дальнейшего похода в глубь страны. Но ход событий убеждает нас в том, что он действительно рассчитывал — и имел основание — на полудобровольное подчинение саксов. Он не только отказался от дальнейшего похода до Нижнего Везера и Эльбы, но в качестве опорных пунктов своего владычества занял только две пограничных крепости — Зигибург и Эресбург. Когда же в следующем году свободолюбивые саксы восстали, заняли Эресбург и тщетно осаждали Зигибург, Карлу достаточно было только появиться, чтобы тотчас же повернуть события в свою пользу и доставить перевес франкской армии*.

Уже у истоков р. Липпе, т. е. сейчас же после перехода границы Карлом, саксы большими массами пошли ему навстречу просить пощады и вновь покориться ему. Но теперь для укрепления своего господства он не предпринял ничего, кроме восстановления Эресбурга и постройки — также очень близко к границе — Карлсбурга, точное местоположение которого неизвестно. В следующем (777) году Карл созвал в Падерборне, — в той местности, где саксы покорились ему, близ истоков р. Липпе, — всенародный рейхстаг и собор, на который явились вожди саксов, за исключением вестфальца Видукинда, бежавшего к датчанам.

Когда в следующем (778) году Карл был за Пиринеями, Видукинд снова призвал к оружию своих единоплеменников; они вторглись через границу, достигли Рейна при Дейце, прошли некоторое расстояние вверх по Рейну и вернулись по долине г. Лааны назад. Но из трех франкских крепостей, находившихся в пределах Саксонии, они заняли только одну — Карлсбург: при возвращении своем они на р. Хдера были застигнуты вернувшимся из Испании франкским войском и потерпели поражение. Когда же в следующем году явился со значительной армией король, о серьезном сопротивлении ему опять не могло быть и речи. Укрепление, сооруженное саксами на границе королевства франков и Вестфалии, к северу от р. Липпе, близ Бохольта, занято было франками. Карл прошел до р. Везер, покоряя всех на своем пути (путь, по которому он прошел, и местность «Медофулли», где он дошел до Везера, установить невозможно). В следующем (780) году он, не встречая сопротивления, впервые дошел до Эльбы севернее Магдебурга, при впадении в нее р. Оры.

В 782 г. в Падерборне, куда легче всего было созвать и франков и саксов, состоялся новый рейхстаг, на котором постановлено было полное и окончательное присоединение Саксонии к христианскому королевству франков. Саксонские аристократы, подобно древним князьям (principes Тацита) стоявшие во главе народа, превращены были в чиновников короля — графов; под страхом смертной казни запрещено было идолопоклонство и повелено крещение; приказано было повсюду назначать духовенство, которое надлежало снабжать землей и челядью, а в пользу церкви должна была отчисляться десятая часть дохода.

Это превзошло меру терпения саксов**. Видукинд вернулся из Дании и в 782 г. у подножия горы Зюнтель жестоко разбил отдельный франкский отряд, предпри-

* Близ устья р. Дейстер имеются развалины каролингской сторожевой башни Гейстербург, постройку которой связывают с походом 775 г. Но она во всяком случае заложена позже. Хроники при описании восстания саксов 776 г. сообщают только о взятии Эресбурга и осаде Зигибурга. — Ср. Rübel, Die Franken, стр. 24, прим.

** Рюбель полагает, что негодование саксов к тому же вызвано было способом, которым франки пользовались для установления точных границ полей каждой общины, причем они объявили королевскими землями пустыни, до тех пор являвшиеся границами общин.

нявший неосторожное наступление на него. Данные о месте и условиях столкновения настолько противоречивы, что о них невозможно сказать ничего определенного. Несмотря на эту победу, восстание все же не охватило всего народа. Когда появился сам король со своим войском, Видукинд не решился оказать сопротивления, а снова бежал в Данию, остальные же вожди явились к Карлу, свалив всю вину на Видукинда.

При этом, если принять во внимание хронологию событий, Карл не мог привести с собою особенно большой армии. Весною, — но уже тогда, когда было достаточно фуража, — Карл отправился в Падерборн, где им созван был рейхстаг. На обратном пути, по преходе через Рейн, т. е. приблизительно в конце июня, он получил известие о нападении на Тюрингию сорбов и послал против них войска. Последние, узнав в пути о восстании саксов, соединились с другими войсками, приведенными по собственной инициативе графом Теодерихом из Рипуарии, но были разбиты при Зюнтеле; это вряд ли могло произойти раньше августа или сентября. Если бы даже, как можно предполагать, Карл сейчас же по получении первых известий о восстании саксов издал приказ о призыве, то на мобилизацию и рассылку этого приказа, на вызов вассалов из их поместий, снаряжение бойцов и сбор провианта с крестьян — на все это требовалось значительное время*. Поэтому невозможно предположить, чтобы той же осенью войска из более отдаленных местностей успели дойти до р. Везера. По прямой линии расстояние от Парижа до Porta Westphalica — 600 *км*, что составляет приблизительно 900 *км* пути и требует, примерно, два месяца на совершение перехода. Рождество Карл праздновал уже в Диденгофене.

Таким образом, достаточно было одного только появления короля с частью франкской армии, чтобы разоружить саксов.

Карл дошел до самого сердца Саксонии — нижнего течения Везера — и при Вердене велел казнить большое число восставших, — возможно и таких, которым ставилось в вину, что они активно не препятствовали восстанию (осень 782 г.).

Эти суровые меры, как часто случается, не достигли своей цели. Теперь воспламененные жаждой мести саксы впервые восстали действительно всем народом и в следующем (783) году вызвали франков на открытый бой.

Первое столкновение произошло в Тевтобургском лесу при Детмольде, т. е. приблизительно близ Деренского ущелья, — там, где некогда германцы защищали и отстояли свою свободу. На этот раз саксы были разбиты, но, несмотря на свою победу, Карл в ожидании подкрепления отступил до Падерборна. С чисто военной точки зрения это не находит объяснения. Отступление после победы лишает последнюю одного из важнейших факторов — морального. Если бы победа в действительности была на стороне франков, то они во всяком случае должны были быть настолько сильными, чтобы дожидаться своих подкреплений здесь, на расстоянии двух- или трехдневного перехода до Падерборна. Между тем отступление должно было произвести впечатление поражения и, по меньшей мере, вызвать сомнение в успехе франков, придать бодрость колеблющимся саксам и привести их в лагерь Видукинда. Так как бой при Детмольде действительно произошел, и франки, по всей вероятности, не были разбиты, ибо их поражение неизбежно имело бы более серьезные последствия, то связь событий можно, очевидно, объяснить таким образом: Карл сначала выступил с очень малочисленным корпусом в расчете на то, что саксы вновь без дальнейшего сопротивления покорятся и, возможно, даже сразу же примкнут к нему. Бой при Детмольде был, по-видимому, не очень значительным, но во всяком случае он убедил короля в намерении саксов на этот раз оказать ему серьезное сопротивление. Он понял, что совершил ошибку, выступая с незначительными силами, и что, несмотря на победу

* В более поздних сводах законов по ленному праву имеется предписание о призыве сеньором вассалов даже за 6 недель до начала похода.

к северу от гор, его армия находится в весьма опасном положении. Не имея другого выхода, он вынужден был примириться с отрицательными моральными последствиями отступления, чтобы прежде всего занять надежные позиции, на которых он мог выждать прихода двигавшихся вслед за ним воинских частей. Уже через короткое время он вновь смог перейти в наступление и одержал на р. Газе (возможно, что при Оснабрюке, — место с точностью не установлено) решительную победу. Это произошло немногим больше чем через 4 недели после Детмольда. Опустошая страну, франкская армия победоносно перешла Везер и достигла Эльбы. Хотя осенью она опять отошла, — 9 октября Карл находился в Вормсе, а рождество и пасху праздновал в Геристале на Маасе, — но весною (784 г.) она снова выступила, переправилась через Рейн при впадении в него р. Липпе и достигла Везера ниже Миндена, при Гукульби (Петерсгаген). Здесь Карл разделил армию на части, так как, очевидно, больше нечего было опасаться сплоченного сопротивления саксов. Один отряд под командой его старшего сына Карла вернулся в Вестфалию и позднее дал сражение на р. Липпе; сам король сначала двинулся на юг, в Тюрингию, и отсюда снова проник в северную часть Остфалии. По государственным летописям, большие наводнения были причиной тому, что Карл из Гукульбы не продвинулся дальше на север или же прямо на восток. Можно,однако,предположить, что тут немалую роль играл и продовольственный вопрос: отправляясь сперва в старую имперскую провинцию — Тюрингию, он мог рассчитывать запастись там всеми необходимыми припасами.

Хотя остфальцы, по-видимому, теперь покорились, все же войну необходимо было продолжать, и Карл решил на этот раз и зимой не дать отдых строптивым. Проникнув с юга (король праздновал рождество в Люгде на р. Эммере, в 3 1/2 милях восточнее Детмольда, недалеко от левого берега Везера), франки добрались до Porta Westphalica (Реме); дальше продвинуться они, однако, не решились, а снова отошли на 10 миль назад, до пограничной крепости Эресбург (Обермарсберг), где Карл провел всю зиму, и откуда его отряды все время беспокоили пограничные сельские округа (Gau; франкский летописец, говоря о набегах, распространяет это на все сельские округа, что явно преувеличено). Провиант ему приходилось, как определенно указывает на это летописец, доставлять из франкских областей. Весною же он велел провести столь обширную подготовку, что теперь у него была возможность проникнуть до Барденгау на нижней Эльбе. Но Карл был достаточно государственно мудрым человеком, чтобы, добившись этого успеха, со своей стороны вступить в качестве победителя в переговоры с бежавшим за Эльбу Видукиндом и предложить ему мир и дружбу. Так как Видукинд, вполне осознав безнадежность своего положения, явился ко двору Карла Великого и дал себя крестить, то этим (785 г.) война, начавшаяся с восстания летом 782 г. и продолжавшаяся три года, была закончена.

Хотя возобновившиеся впоследствии передвижения и бои, которые длились от 793 до 804 г. и были довольно значительными, но с точки зрения военно-исторической они интереса не представляют. Война эта заключалась исключительно в опустошительных набегах. Только остэльбские саксы в Гольштейне еще раз оказали сопротивление в открытом бою. Для покорения их Карл неоднократно прибегал к помощи славян, ободритов и вильцов. Массовый увод саксов для переселения их на франкские земли — вот та решительная мера, которой в этом десятилетии пользовался Карл для умиротворения страны. Когда ему однажды снова пришлось потратить зиму на успокоение саксов (797—798 гг.), то он разбил свой лагерь уже не при Эресбурге, а дальше на восток, при впадении р. Димель в Везер при Геристале (Heerstelle — место расположения войск). Римляне, когда они продвигались от Ализо далее, брали направление в полоборота на север к Porta Westphalica, так как желали иметь связь со своей промежуточной базой. Карл же и теперь еще старался оставаться возможно ближе к коренным римлянам.

Это различие лишний раз заставляет нас провести параллель между способами ведения этой войны и войны римлян на той же территории. Римляне строили стратегию своей войны на использовании водных путей, главным образом р. Липпе, и на возможности устройства большого интендантского склада на верхней Липпе в Ализо. Это место, носящее в настоящее время название Падерборна, играло большую роль также во время каролингских походов, но это является лишь случайным совпадением. Причины, приведшие войска в одну и ту же местность, носят совершенно различный характер. И Карл пользовался несколько раз водным путем по р. Липпе*, но его главная линия наступления шла с юга из Гессена до р. Везер. Уже одно то обстоятельство, что Гессен и Тюрингия принадлежат к его королевству, создает для него совершенно иное положение, чем мы видим у римлян. Отправляясь из этих провинций, он всегда мог быстро подойти до р. Везер и находиться в глубине страны. Но нам ничего не известно о том, что для подвоза провианта он пользовался р. Фульда. Хотя Карл отлично понимал значение водных путей для снабжения армии и с этой целью предпринял даже прорытие канала, соединяющего рр. Майн и Дунай, но для походов против саксов это никакой роли не играло. Больших складов не было создано, контингенты, несмотря на свою малочисленность, сами должны были привозить свои запасы; к тому же первые походы (772 и 774 гг.) были произведены осенью — в такое время, когда р. Липпе вообще не судоходна.

Несомнено, что вопрос снабжения армии в каролингской стартегии играл решающую роль. Наступления прерывались неоднократно там, где решительная тактика, казалось бы, требовала их продолжения, — прерывались без встречи сопротивления со стороны неприятеля. Причину этого следует искать не в чем ином, как в трудности снабжения армии. Нельзя не считать громадной заслугой короля франков то, что ему, в конце концов, удалось без содействия прибывавшего навстречу ему из Северного моря флота добраться до нижнего Везера и нижней Эльбы, ибо сама страна безусловно предоставляла вторгшемуся неприятелю лишь очень незначительные средства для пропитания.

Когда весною 16 г. главные силы римской армии были расположены при Ализо и выжидали там прибытия флота по р. Везер, то полководец использовал это время на сооружение дорог к Рейну (см. т. II). Когда Карл зимою 784/85 г. разбил свой лагерь при Эресбурге и оттуда напирал на саксов, то и он, по государственным летописям, действовал таким образом**.

Интересно выяснить, как могло произойти, что римляне, прокладывая дороги, с целью поддержки своих военных операций в этой местности, выбрали для своей базы город на верховьях р. Липпе и что Карл поступил так же, избрав лишь для этой цели место на верховьях р. Димель, приблизительно в 5 милях южнее, чем римляне.

Римлянам для устройства больших складов нужен был пункт, имевший сообщение с водными путями и возможно глубже вдавшийся в неприятельскую

* Рюбель (Rübel, Reichshöfe, стр. 97) в этом отношении заходит слишком далеко, утверждая, что... «в общем Карл в своих походах следовал течению рек и провиант подвозил по водным путям». Прямое подтверждение этого взгляда мы находим лишь по отношению к походу против аваров в 791 г.; возможно также, что для рейхстага в Падерборне в июне 785 г. продовольствие привезено было заранее вверх по р. Липпе. В 790 г. Карл, по рассказу Эйнгарда отправился на корабле в Зальц, на франкском берегу р. Заале, где у него имелся замок, и вернулся тем же путем, проплыв, таким образом, оба раза большое расстояние по течению. Многие же походы, которые мы можем проследить, проведены им были без всякого пользования водными артериями.

** «Находясь там, он многократно высылал ополчение и сам совершил поход. Поднявших мятеж саксов он разгромил и взял лагери и укрепления их и проложил торные дороги». Последнее выражение до недавнего еще времени (как Мюльбахером в »Deursche Geschichte unter d. Karolingern», стр. 134) переводилось «очищая дороги», т. е. можно подразумевать — от партизанских отрядов и разбойничьих банд. Но такое толкование едва ли приемлимо, так как обычно такие банды не встречаются на дорогах, а прячутся внутри страны. Не подлежит поэтому сомнению, что Рюбель (в «Reichshöfe», стр. 95) прав, переводя это место «и устраивал удобопроходимые дороги»

область. Такую водную артерию представляла р. Липпе, хотя она и высыхала в середине лета (нименьший ее уровень был в сентябре, см. т. II), но весною она, тем не менее, представляла наилучшие условия для подвоза снабжения почти-что до самых ее истоков; таким образом, стоявшая там грандиозная армия всегда способна была удержать выдвинутый вперед пост или, в случае надобности, снять его.

Карл со своими вассальными войсками не только не мог защищать слишком далеко выдвинутый пост, но при малочисленности своего войска и системе самоснабжения отдельных отрядов не нуждался в вещевых складах и водных путях. Зато он имел возможность нападать на саксов не только со стороны Рейна, но и из Гессена. Таким образом, его главный склад оружия должен был в первый период боя находиться на месте соединения двух операционных линий, идущих с Рейна и с Майна, т. е. на верховьях р. Димель близ Эресбурга. Если бы Карл, предположим, выбрав операционной линией долину р. Фульда, сразу же устроил свою базу на Везере, то этот прямой путь на запад к Рейну оказался бы слишком длинным. Но если бы он сразу обосновался в верховьях р. Липпе, то слишком глубоко вдался бы в неприятельскую страну. Наконец, если бы он расположился в долине р. Рур, примерно в местности около Брилона или Рютена (на р. Моне), у него было бы слишком плохое сообщение с Гессеном.

У Эресбурга же сходились все имевшие для него значение пути: с юга — через долины рек Эдер и Иттер, с запада — пути вдоль рек Рур и Моне, с востока — вниз по течению р. Димель к Везеру и с севера — через Синтенфельд к верхней Липпе в Падерборн и к ущельям Тевтобургского леса.

Естественно возникает вопрос, отчего Карл не основал Падерборн прямо на месте слияния рек Альмы и Липпе, а на расстоянии доброй полумили от этого места, на ручье Падере? В связи с этим находится вопрос о Гельвеге (Hellweg) — знаменитой дороге, ведущей не вдоль одного из притоков Рейна, а параллельно, между реками Рур и Липпе, из Падерборна через Зест, Унна, Дортмунд к Дуисбургу.

Этот вопрос недавно и, как нам кажется, окончательно разрешен Карлом Рюбелем в его неоднократно цитированных здесь трудах. Hellweg проложена Карлом Великим именно в эпоху войны с саксами. Она соединяет ряд устроенных в особо плодородной области новых доменов, представляя, таким образом, этапную дорогу, по которой не слишком многочиленное войско могло на каждом этапе снабжаться продовольствием. Название «Hellweg» могло означать дорогу, по которой при вторжении неприятеля раздавались сигнальные зовы. Эта дорога заменяла франкскому монарху те удобства, которые для римлян имел водный путь по р. Липпе. Для Карла водный путь, целыми месяцами — летом и осенью — несудоходный, не имел существенного значения. Поэтому он основал город (заканчивавшийся в долине Hellweg, от которой дороги вели по разным направлениям в горы) на таком месте, где раньше были обильные источники с отличной водой, силу течения которых можно было использовать и для мельниц.

Дороги по образцу Hellweg с устроенными близ них доменами прорезывали всю саксонско-франкскую пограничную область в долинах рек Рур, Липпе, Димель как вдоль этих рек, так и через них, соединяя бассейн одной реки с другой. Впоследствии Карл Великий, без сомнения, устроил по всей Саксонии такие этапные дороги с доменами около них. Недавно Шухгард (Schuchhardt) доказал вероятность предположения, что, например, г. Ганновер, расположенный на том месте, где р. Лейне становится судоходной, возник из такого основанного в эпоху Каролингов этапного пункта*.

В заключение возникает еще один вопрос: если местность около Падерборна в стратегическом отношении имела одинаково важное значение как для римлян,

* О происхождении Ганновера см. «Zeitschrift d. Histor. Vereins f. Neidersachsen», 1903 г.

так и для Карла Великого, то как произошло, что эта местность впоследствии никогда никакой роли не играла, и Падерборн не развился в крупный центр? Ответом не этот вопрос может служить та истина, что стратегическое значение какого-либо пункта не является абсолютным, а помимо неизменных географических условий зависит и от исторических условий данной эпохи. Так, например, Бибракте и Алезия ныне деревни, а Париж при Цезаре еще никакой роли не играл. То, что Друз и Карл Великий устроили базу поблизости слияния рек Альме и Липпе, является лишь случайным совпадением; основания для этого у обоих были различны. Позже произошли некоторые изменения даже в природных условиях. В Средние века на каждом водном пути сталкивались интересы судоходства и мельничного дела, имевшие как одно, так и другое большое значение. После того как роль главной артерии движения от р. Липпе перешла к Hellweg, мельницы на этой реке, и без того судоходной не более двух третей года, взяли верх и совершенно вытеснили судоходство. Попытка, сделанная в 1486 г. городом Зест, отвоевать для себя право пользования водным путем Липпе хотя и представляет интерес как доказательство правильной оценки важности этой реки для судоходства, но эта попытка, как и можно было ожидать при политической разрозненности тогдашней Вестфалии, окончилась неудачей.

Без водного пути и Падерборн не смог развиться в большой центр.

ГЛАВА III

ИМПЕРИЯ КАРОЛИНГОВ, НОРМАННЫ[67] И ВЕНГРЫ[68]

Государство Карла Великого абсолютно лишено было внутреннего единства, — оно явилось лишь делом династии (Каролингов), семьи Арнульфа. По германскому закону наследования все сыновья пользовались одинаковыми правами на это семейное владение; попытка (817 г.) изданием эдикта о престолонаследии согласовать единство государства с правом наследования привела лишь к семейным распрям. Эти внутренние раздоры династии в свою очередь способствовали полному развитию и победе нового политического принципа ленного права и окончательно уничтожили старый принцип — союз подданных, который при Карле еще господствовал, хотя и теоретически. Сыновья Людовика Благочестивого, боровшиеся со своим отцом и друг с другом, должны были стараться приобрести приверженцев; получали они их ценой отказа от сохранившегося до того времени понятия о государственной должности: если теперь король назначал графа, то он уже не являлся более чиновником, которого можно было сменить, а назначение это рассматривалось как пожалование леном. Король не мог по своему усмотрению взять его обратно, а если после смерти такого графа оставался сын, то последний заявлял о своем желании занять место отца и получить в лен то же графство. Это логически вытекало из природы вещей: так как фактического контроля графского управления со стороны центральной власти почти не существовало, то только тесная связь графства с личными и семейными интересами графа* могла в известной степени служить порукой приемлемых отношений и ставить границы слишком беззастенчивым злоупотреблениям. Меньше же всего могла подчиняться сменяемым чиновникам военная организация, построенная на вассальстве и ленной системе.

Но с превращением графств в лены королевская власть утратила свой былой авторитет. Снова создалось такое положение, как при последних Меровингах.

* Очевидно опечатка. Следует — короля. — *Ред.*

Король Пипин и Карл Великий смогли восстановить и сохранить королевский авторитет благодаря тому, что они соединили под единой властью громадное государство. Граф, не исполнявший их приказов, должен был опасаться их немилости. Графы же Людвига Немецкого и Карла Лысого, а тем более их преемников, выполняли королевские приказы лишь постольку, поскольку это им было желательно. Короли не имели даже возможности проявлять строгость по отношению к отдельным графам: последним защитой служила сословная честь других графов, к помощи которых король вынужден был обращаться при возникновении раздоров внутри династии.

Та же ленная система, которая ранее создавала государству Каролингов квалифицированное войско, теперь служила причиной его распада.

В этот момент в Западной Европе появился новый страшный враг — последние остатки варваров-германцев, пребывавших еще в первобытном состоянии, — язычники-норманны.

По вопросу о том, почему франки, столь могущественные до тех пор, не смогли защитить свою страну от норманнов, выдвинуты были самые разнообразные предположения; говорилось даже об уменьшении народонаселения вследствие многочисленных войн Карла Великого. В действительности же можно предполагать, что отсутствие в продолжении нескольких поколений гражданских войн и затем почти полный мир при Людовике Благочестивом, до 830 г., значительно способствовали и процветанию страны в хозяйственном отношении и росту ее населения. Но именно благодаря небольшим требованиям, предъявляемым Карлом к отдельным сельским округам (Gau) в отношении контингента войск, а также благодаря спокойствию, царившему при Людовике, военным опытом и военными способностями стали обладать лишь чрезвычайно ограниченные круги. Пока существовала центральная власть, пользовавшаяся неограниченным авторитетом, все же можно было собрать значительное войско. Но с тех пор как центральная власть утратила свой авторитет, а король зависел от доброй воли графов, епископов и вассалов, собрать призываемых из более отдаленных областей стало невозможно.

Здесь создались такие же условия, как в Римской империи после прорыва лимеса[69]. Армии норманов несомненно были не сильнее, а скорее даже слабее, чем некогда германские армии, опустошавшие в IV и V вв. римские провинции. Викинги пришли из Дании и Норвегии — стран малых и неплодородных, которые ни в коем случае не могли кормить многочисленное население. Возможно, в этих походах иногда принимали участие и шведы, но их взоры тогда направлены были, главным образом, в противоположную сторону: под именем варягов[70] они покорили Россию и в Константинополе встретились со своими соплеменниками, приплывшими туда на ладьях через Гибралтар и Средиземное море. Норманны навели страх на Европу не своей численностью, а тем что в их лице как бы вновь появились те же дикие, воинственные германцы, перед которыми дрожал древний Рим, когда вторглись кимвры[71] и тевтоны[72], и которые через полвека окончательно сокрушили Римскую империю

Ход событий виден отчетливее всего в истории англосаксов. Здесь король Экберт, когда начались набеги викингов, как раз завершил слияние отдельных англосаксонских государств на Британских островах в единое королевство (в 827 г.). Можно было ожидать, что крупное германское государство с легкостью сумеет оборониться от кучки морских разбойников. Но от той военной мощи, при которой их предки четырьмя веками ранее завоевали остров и покорили кельтов, уже не осталось и следа. В дальнейшем мы подробнее рассмотрим ход событий, как, в конце концов, прежнее германские завоеватели подпали здесь под полное владычество сперва датчан, а затем офранцузившихся норманнов.

Менее пострадали франкские государства, в которых, благодаря условиям ленной зависимости, сохранилось больше военной силы, чем у англосаксов. Но и

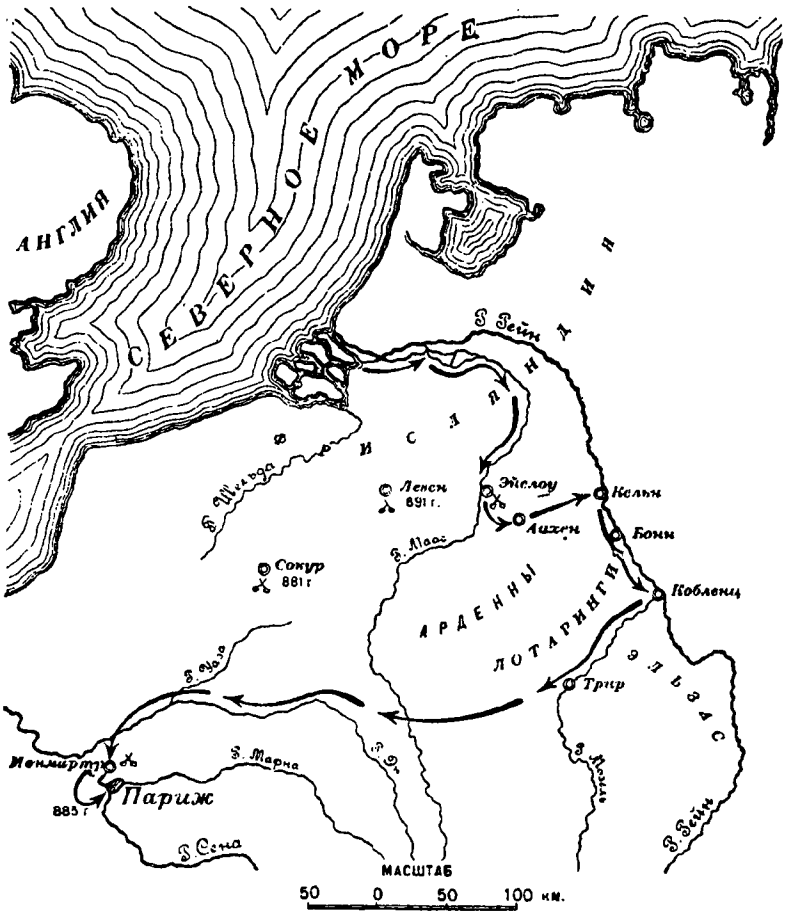


Схема 3. Набеги норманнов в 884-886 гг.

франкских ленных войск было недостаточно, чтобы отразить нападение викингов. Прежде всего Карл Великий не обладал, по выражению Ранке, половиной всякой военной силы, а именно — морской силой. Он сам сознавал этот недостаток и велел строить корабли (в 800 г.), но, вероятно, их успели построить немного, ибо, когда в 810 г. на 200 кораблях снова появились норманны, они безнаказанно разорили Фрисландию. При Людовике Благочестивом, когда, казалось бы, было достаточно времени и средств для создания морской силы, для этого ничего не было предпринято, а во время разразившихся затем гражданских войн такое напряжение, какого требовала постройка флота, было невозможно. Обладание флотом и искусство управлять им давали норманнам возможность неожиданно появляться то у одних, то у других берегов — и пусть их было всего лишь несколько тысяч человек, но сколько времени уходило на то, чтобы собрать вместе и привести несколько тысяч вассалов! Раньше чем эти войска приходили, неприятель давно уже успевал удалиться с добычей. Поэтому для более отдаленных графов легко возникал соблазн не начинать похода, связанного с крупными расходами, оставаться дома и беречь силы своего графства.

Однажды для обороны от страшного врага призвали и крестьян, но хотя их собралось несметное количество, норманны, как передает хроникер, истребили

вооруженную, но совершенно необученную военному делу простую толпу, вырезав ее, как скот*. Крестьяне, рипуарские франки, при столкновении сейчас же обратились в бегство.

Норманны сожгли Кельн и Аахен, дошли до Кобленца и даже до Трира и, наконец, в то время как император Карл III находился в Италии, осадили Париж. Одновременно с этим берега Средиземного моря, особенно Италии, подверглись нападению сарацинских пиратов, разграбивших Неаполь и собор св. Петра в Риме.

До этого момента события вполне понятны. Достаточно вспомнить, как беспомощен был древний Рим против набегов германских орд, малочисленность которых нам теперь известна. Но трудно объяснить себе, каким образом не могли осилить норманнов даже тогда, когда удавалось собрать военные силы всей империи, причем норманны, вместо того чтобы возвращаться к своим кораблям, принимали сражение.

Прежним нападениям и опустошительным набегам норманнов благоприятствовало их превосходство на море (благодаря которому они могли неожиданно появляться всюду), а также раздоры внутри династии и междоусобные войны франков. Наконец, империя вновь объединилась под властью Карла III, сына Людвига Немецкого. Теперь казалось бы, наступил момент, когда следовало ожидать, что удастся собрать большое войско, которое сокрушило бы норманнов при первой же встрече. Но этого не случилось.

Уже однажды Карл III в качетсве короля остфранкского государства, Лотарингии и Италии собрал большую армию и повел ее против норманнов, разбивших укрепленный лагерь при Ашлоо (Эльслоо) на р. Маас. Так как даже итальянцы прислали подкрепление, то можно предположить, что франкская армия действительно была внушительных размеров. Но, вместо того чтобы пойти в наступление против норманнов, Карл заключил с ними договор, по которому их вождь Готфрид дал себя крестить, женился на каролингской принцессе и получил в качестве места поселения для себя и своих войск (Schren) часть Фрисландии; кроме того было заплачено 2 412 фунтов золота и серебра (882 г.). По свидетельству современников, армия выказала недовольство этим соглашением и предпочла бы сражаться. Во всяком случае, можно полагать, что император и его советники считали, что мирное присоединение норманнов к государству принесет ему большую пользу, чем стоявшая все же под сомнением победа.

Но такое объяснение событий с политической точки зрения отпадает при рассмотрении событий под Парижем. Карл, собрав все военные силы империи, появился на правом берегу Сены и занял Монмартр. Норманны отошли на левый берег; но здесь они удержались. Теперь, казалось бы настал момент для большого и решительного сражения. Но Карл на это не отважился, а заключил с норманнами новый договор, по которому он обязался дать им 700 фунтов серебра в виде выкупа за Париж и предоставил им для зимних квартир Бургундию, выбравшую графа Бозо королем и желавшую отколоться от империи.

Современники приписали всю вину за этот позорный договор совершенно неспособному, трусливому королю и объявили его приближенных изменниками. Возмущение было так велико, что вскоре после этого Карл III был свергнут. Однако, с точки зрения военно-исторической дело этим не исчерпывается. Не подлежит никакому сомнению, что этот Карл отнюдь не походил на героя, но если бы войска и их вожди проникнуты были безусловной верой в победу, то среди франкских магнатов наверное нашлись бы такие, которые, опираясь на свой авторитет, могли бы заставить императора назначить герцога, который повел бы их в бой.

* Regino от 822 г.: «Бесчисленное множество пеших из сел и поместий, собранных в один отряд, наступает на них, как бы намереваясь вступить в бой. Норманны же, видя, что это низкая чернь, не столько безоружная, сколько лишенная воинской дисциплины, уничтожают их с таким кровопролитием, что кажется, будто режут бессмысленных животных, а не людей».

Мы должны постараться разобраться и в тех моментах, которые могут служить объяснением решения императора, принятого им наверное не без обсуждения в военном совете.

Иногда, правда, франкским королям удавалось победить норманнов, как, например, несколькими годами ранее королю Людовику Заике при Сокуре(881 г.) и королю Арнульфу, преемнику Карла III, при Левене десятью годами позже (891 г.). Но эти победы, в том числе и второе столь прославленное сражение, не могли иметь большого значения, ибо, если даже рассматривать как неуместное хвастовство сообщение летописца, будто бы франки вообще потеряли всего одного воина, то во всяком случае никаких значительных прямых последствий это сражение не имело. Уже через несколько недель норманны снова укрепились на том же месте, где они только-что потерпели поражение, и оттуда совершили грабительский набег до Бонна, а затем и на Арденны.

Для сравнения следует привести образ действий короля Генриха I Саксонского, поколением позже против других варваров — венгров, угнетавших тогда все западные страны. Генрих, оставивший после себя славу могучего монарха, предпочел в течение 9 лет платить венграм ежегодную дань и этим даже не обеспечил безопасность всей империи, а только своего герцогства — Саксонии. Нельзя предполагать существенного различия между военными способностями немцев в 924 г. и франков в 886 г. Таким образом, мы должны выяснить и раз навсегда считать исходной точкой нашего исторического понимания тот факт, что объединенных сил громадной каролингской империи и еще достаточно крупных образовавшихся из нее отдельных королевств еле хватало на то, чтобы кое-как поддерживать равновесие в борьбе со вторгшимся мелким варварским народцем. Поэтому победа в каждом отдельном случае зависела от случайных обстоятельств и, главным образом, от личности вождей. Венгры были, в конечном итоге, разбиты в открытом бою Оттоном Великим, сильной рукой собравшим военные силы всей Германии. Норманны же ни разу не потерпели настоящего поражения; часть их окончательно осела на Британском острове, другая часть, под властью герцога Ролло, поселена была в 911 г. у устья Сены согласно договору, заключенному с той же целью, какую преследовал Карл III при заключении договора в Эльслоо (не считая более ранней попытки). После принятия в течение X в. Данией и Норвегией христианства остатки этих народов были также включены в семью культурных народов Западной Европы и понемногу утратили свой опасный, чисто воинственный характер.

Таким образом, морские походы викингов — не только по происхождению и характеру, но также и по своим результатам совершенно аналогичны нашествиям германцев во время Великого преселения народов; часть их участников, в конце концов, поселилаь в опустошенных дотла областях. Но различаются они в том отношении, что Франкская империя не была так беззащитна, как некогда Римская. С тех пор как исчезли постоянные кадры дисциплинированных легионеров, римляне едва ли могли создать из своей среды более или менее боеспособное войско; они не могли обороняться иначе, как посылая в бой одних варваров против других. Когда Гензерих напал на Карфаген, его защитниками были готы; с помощью герулов, лангобардов и гуннов Нарсесс победил готов. Франкское, англосаксонское и позже германское государства боролись с норманнами и венграми, побеждая или терпя поражения, во всяком случае собственными силами и войском из своего города. Если бы, как предполагали раньше, франкская армия еще при Карле Великом была крестьянской; если бы, другими словами, общая масса населения была хорошо подготовленной и боеспособной, то было бы совершенно необъяснимо, почему уже спустя одно поколение после смерти императора этот же многомиллионный народ не сумел обороняться от варварских нашествий. В каролингской империи даже среди германских племен боеспособ-

ностью обладал лишь ограниченный слой населения. Уже армии Карла Великого, как мы видели выше, были весьма малочисленны; поэтому и его правнуки не могли собрать крупные боеспособные армии, а только более или менее многочисленные отдельные отряды рыцарей.

Вернемся еще раз к положению Карла III во время осады Парижа. Уже в продолжение почти целого года (с ноября 885 г.) стояли норманны под городом, жестоко штурмовали его и временами окружали таким плотным кольцом, что проникнуть внутрь и выбраться наружу можно было только либо тайком, либо силой. Париж был уже большим городом.

Если сообщения хроник, что норманнов было 30 000 или даже 40 000 человек, лишены основания, то все же их армия была довольно многочисленной, и когда Карл подошел со своим войском для снятия осады, то норманны не приняли сражения в отрытом поле, а отступили в укрепленный лагерь на левом берегу Сены. Итак, перед франками стояла задача либо взять этот лагерь штурмом, либо окружить его и взять измором. Имел ли бы штурм какие-либо шансы на успех, остается под большим сомнением. Представим себе Юлия Цезаря в аналогичном стратегическом положении; нет сомнения, что он окружил бы неприятельскую армию и палисадами[73] и измором принудил бы ее, в конце концов, сдаться. Для этого необходимо было располагать запасами провианта на достаточно долгий срок; казалось бы, что и император франков имел полную возможность перебросить все нужные припасы по прекрасным водным артериям Рейна и его притоков. Но для этого недоставало необходимых административных предпосылок. Не надо забывать, что призыв вассалов при Каролингах построен был на принципе, что каждый отряд сам подвозит свое довольствие. Карл уже с августа 886 г. находился поблизости от Парижа, между тем сбор закончился лишь в ноябре; очевидно, отряды собирались весьма медленно. Когда прибыли последние отряды, то первые уже успели уничтожить свои трехмесячные запасы продовольствия. Не было опытных и находчивых поставщиков, которые сумели бы за наличные деньги извлечь от населения даже небольшие запрятанные запасы и организовать подвоз из более отдаленных областей. Приказы о поставках из ближайших, дотла опустошенных норманнами, окрестностей Парижа ни к чему не привели, а на далеком расстоянии от театра военных действий король не пользовался достаточным авторитетом, чтобы его именем можно было силой реквизировать и доставить имеющиеся запасы.

Если вернуться к временам Карла Великого, то мы увидим, что условия войны по существу были те же, — тем не менее из этого нельзя вывести заключение, что и при таком могущественном монархе могло случиться нечто подобное. Хотя с точки зрения военной техники изменения, происшедшие в промежуток времени между ним и его правнуком, и были ничтожными, но тем значительнее они были в политическом отношении, и от этого политического момента зависели также отдельные военные действия. При Карле Великом не дошло бы до осады Парижа и до выкупа его у неприятеля, так как с самого начала последний встретил бы другой отпор. Норманны обязаны своими военными успехами не только своей собственной необузданной храбрости, а прежде всего разладу среди франков, распаду империи, междоусобной войне. Первые победы и успехи, доставшиеся им благодаря этим обстоятельствам, дали им все более усиливавшийся моральный перевес и уверенность. У франков было как раз наоборот: не только потому, что они были преисполнены неописуемым страхом перед неистовыми берсеркерами[74], но прежде всего и потому, что авторитет королевской власти, даже и после восстановления единой империи, надолго оставался парализованным. В истории войны Цезаря в Галлии мы установили, что одна из самых существенных причин побед римлян заключалась в их превосходстве в административном отношении. Точно так же последней и решающей причиной постыдного соглашения Карла III с норманнами под Парижем вероятно послужило не что иное, как административ-

ная неспособность связанной феодализмом королевской власти в продолжение зимы прокормить армию, собранную с такими усилиями. Карл Великий обладал еще достаточной властью над своими графами, чтобы держать в своих руках армию и заставить графов дать необходимые для нее припасы.

Во время осады часть осаждавших, под предводительством морского короля Зигфрида, за выкуп в 60 фунтов серебра дала себя уговорить отойти; но лишь только Карл заключил договор с осаждавшими и отступил, как король Зигфрид, узнаем мы, появился снова и, преследуя его, поднялся вверх по течению р Уазы. Фульдские анналы[75] сообщают, что именно приближение армии Зигфрида побудило Карла заключить договор. Однако, из фактического положения вещей это не вытекает, и вопрос, черпал ли летописец свои сведения из подлинных источников, остается открытым. С таким же успехом можно было бы привести аргументы противоположного порядка, а именно, что приближение новой армии как раз предоставило бы франкам возможность пойти навстречу и дать открытое сражение. Победа дала бы им моральный перевес и повлияла на принятие решения наступать на укрепленный лагерь норманнов под Парижем.

Но так как мы не раполагаем достаточно точными данными о фактическом положении вещей, то нет смысла разбираться в таких возможностях. Остается факт, что правитель объединенного королевства франков в своей же стране не отважился наступать на какие-то банды пиратов, проникшие в нее, побороть и наказать их, что в свою очередь служит явным свидетельством крайней военной слабости этого королевства франков.

ОСАДА ПАРИЖА

Кроме кратких сведений в хрониках и летописях, имеется подробное описание осады Парижа в героической поэме лично пережившего эту осаду монаха Аббо*. Его гекзаметры[76] до такой степени вычурны, претенциозны и напыщены, что смысл их часто еле понятен. К сожалению, в этом повествовании чудеса св. Германа играют бо́льшую роль, чем собственно военные события. В сущности, единственные конкретные данные, которые оно дает нам по истории войны, состоят в том, что обе стороны широко пользовалсиь луком и стрелами.

До сих пор, насколько мне известно, все исследователи, как немцы, так и французы**, полагали, что франки с самого начала оставили предместья на правом и левом берегу Сены и защищали только «cité», — цитадель, расположенную на острове. Мне это представляется, однако, невероятным.

Остров вообще так мал, что на нем никоим образом не могло бы в продолжении года укрываться все население такого большого города, каким по описаниям того времени был Париж; некоторые подробности осады несовместимы с таким предположением; места же, кажущиеся противоречивыми, допускают также иное толкование. Вопрос этот связан с вопросом о мостах. Норманны прежде всего повели приступ на башню, прикрывавшую конец одного моста на северном берегу. Когда им не удалось сломить отпор мужественных защитников, они силой восточного ветра направили на мост 3 брандера[77], которыми посредством канатов управляли с берега.

Это производит впечатление, будто северый берег всецело был в руках осаждавших. Но этот приступ не привел к цели, так как брандеры прибило к каменным быкам моста, и франки их потушили. Через несколько дней (6 февраля 886 г.), на счастье осаждавших, мост разнесло течением реки. Теперь защитники лишены были возможности получить подкрепление. Норманны штурмовали башню одновре-

* «Mon. Germaniae», SS., II., 806. Abbonis de bello Parisiaeo, libri III, in usum scholarum recudi fecit. G. H. Pertz. «Le siège de Paris par les Normands en 885 et 886», poëme d'Abbon avec la traduction atc. par N. R. Taranne. Paris. 1834. Другой перевод у Guizot, Coll. de mémoires rel. à l'hist. de France, t. VI.

** Из многочисленных и более или менее подробных трудов об этой осаде я сопоставил следующие: C. v. Kalkstein, Gesch. d. franz. Königtums unter den ersten Capetingern, т. I, 1887; E. Dümmler, Gesch. d. ostfränk. Reichs, 2-е изд. т. III, 1888; F. C. Dahlmann, Gesch. v. Dänemark, т. I, 1840; F. Bournon, Paris. Histoire etc., Paris, 1888; E. Monorval, Paris depuis ses origines etc.; F. T. Perrens, Hist. générale de Paris; Bonamy, Mém. de l'académie des Inscriptions, т. 17 (1759); Henri Martin, Hist. de France, т. II; Depping, Hist. des e'peditions maritimes des Normands et de leur établissement en France au dixiéme siecle, Bruxelles, 1844.

Схема 4. Осада Парижа норманнами в 855г.

менно со всех сторон, подожгли ее и, наконец, заняли. Все защитники погибли. Если все это относится, как по всему вышеизложенному приходится заключить, к той же башне и к тому же мосту, которые осаждались с самого начала, то у франков теперь окончательно была порвана связь с северным берегом, и невозможно предположить, чтобы она могла быть восстановлена во время осады. Но дальше мы читаем, что графу Одо, сделавшему вылазку на север к Монмартру (к вершинам Марсовой горы — Монмартру), удалось опять пробиться обратно к воротам (Аббо, II, 195—205), и, когда Карл подошел к городу, он вошел в него с этой стороны. Некоторые исследователи (Мартин, Таранн, Дальман, Калькштейн) относят эту потерянную башню на мосту к соединению острова с южным берегом. Такое толкование не только весьма насильственно, но против него по существу можно возразить, что если бы речь шла о штурме только крепости на острове (за исключением обоих предмостных укреплений), то все описание осады должно быть иным. Беспрестанно говорится об осадных сооружениях, подвозившихся норманнами, и о снарядах, которые они бросали в город, а один раз рассказывается (Аббо, II, 146—150), как при процессии с реликвиями вокруг стен крепости в голову одного из хоругвеносцев попал камень, брошенный язычником; другой раз (II, 321) упоминаются церкви близ стен, куда спаслись норманны.

Таким образом, отдельные эпизоды этого рассказа можно согласовать только в том случае, если удастся связать защиту северной башни и особенно историю с брандерами с тем, что заодно защищалась целая часть города на северном берегу Сены. Я считаю это вполне возможным.

Существует документ*, из которого явствует, что Карл Лысый построил в 861 или 862 г. в Париже мост. Является ли документ подделкой или нет — для нас значения не имеет. «Угодно нам вне пределов вышесказанного города, выше земли обители святого Германа, что находится в предместьи, издревле называемом Оксеррским... навести большой мост». Этот мост за пределами города, находившийся на территории монастыря св. Жермена Оксеррского, мог быть построен только на западном конце острова, который в те времена, судя по документам простирался на меньшее расстояние, чем в настоящее время. Северное предместье могло начинаться дальше к востоку от него. Таким образом, возможно, что норманны спустили свои брандеры на Сену еще между предместьем и мостом и оттуда погнали их восточным ветром к мосту.

* «Collection des Cartulaires de France», т. IV; «Cart. de l'église Norte Dame de Paris», ed. Guéraed, т. I (1850), стр. 243. Напечатано также у Baluzius, гл. II, кол. 1491 и у Bonquet, VIII, 568.

Судя даже по тексту документа, такое определение места расположения моста кажется нам единственно допустимым, ибо выражение «вне города» не может относиться к городу на острове, а только к части города на северном берегу. Само собой разумеется, что на острове мост устроен был за пределами города; но особенность этого моста заключалась в том, что он не соединял город на острове с предместьем на берегу, где уже существовал другой мост, а вел с острова на открытое поле вне города. Поэтому он и прикрывался укрепленной башней.

Такое толкование устраняет все затруднения. Мост закрывал въезд в Сену между частями города. Со стороны, обращенной к реке, предместья были, конечно, также защищены стенами. И все же защиту города значительно облегчало то обстоятельство, что для неприятеля заранее отрезана была возможность нападения со стороны реки. Поэтому франки напрягали все силы, чтобы удержать мост и башню. Но и потеря их не имела решающего значения. Сильные атаки, произведенные норманнами до этого, относились во всяком случае не исключительно к этой башне, а ко всему северному предместью около нее. Все свое внимание они сосредоточили на этой башне потому, что казалось, будто бы ее легче всего будет осилить. Но оказанный им энергичный отпор отпугнул их. Поэтому они, несмотря на успех, превратили осаду в простую блокаду и из лагеря разбитого ими теперь на южном берегу, грабили окрестности.

Итак, франки и после потери этого моста с башней, служивших только наружным укреплением, сохранили предместья на правом и левом берегу, связанные мостами с островом, и Аббо позднее был в праве воспевать: «плясали стены, дозорные башни и все мосты». Таранн в статье «Le siège de Paris par les Normands», стр. 258, толкует строки Аббо (II, 160) в которых идет речь о борьбе, в том смысле, что предместья были заняты норманнами. Это не является необходимым, точно так же как не следует понимать вступление поэмы (I, 10—19) в том смысле, что город расположен был только на острове. Факт тот, что существовали окруженные стенами предместья (II, 322), и нет основания предполагать, что они при осаде сразу же были очищены. Сен-Жермен д'Оксерруа на севере, как и Сен-Жермен де-Прэ на юге, — оба расположены были вне стен.

Примечание ко 2-му изданию. В. Фогель (W. Vogel, Die Normannen und das fränkische Reich, 1906 г., стр. 39) главную причину военного превосходства норманнов над франками в IX в. усматривает не столько в их большей личной храбрости, сколько в гораздо более строгой организации и более совершенной тактике норманнской армии, в то время как народная армия франков находилась уже в процессе разложения и преобразования. Правильность этого утверждения заключается в слове «организация», если его верно понимать. Норманны являлись всегда большим скопом, в то время как в феодальном государстве сбор большого войска представлял значительные трудности и всегда требовал много времени. Это связано с сущностью феодальной системы как «организации». Более совершенная «тактика» норманнов — порождение фантазии автора, а «преобразования», происходившие в то время в народной армии франков, не были вызваны ее слабостью; наоборот, если бы они еще не были завершены, т. е. если бы еще сохранились остатки прежней боеспособности народных масс, то тем легче можно было дать отпор норманнам. Роковым оказалось не то, что народная армия франков находилась в «процессе преобразования», а как раз то, что преобразования эти к тому времени уже завершились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАВЕРШЕННОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

ГЛАВА I

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВАЛИНАХ ИМПЕРИИ КАРОЛИНГОВ

ЕЛИКОЕ переселение народов[78] разрушило строгое понятие о древней государственности. Из того факта, что полководцы-варвары благодаря собственной силе захватывают власть, еще не следует, что они в состоянии тотчас же создать новый, проникнутый единой мыслью государственный строй. Как показывают неоднократные расколы, даже самое крепкое из новообразований — франкская монархия — не поднимается выше понятия династического фамильного владения, и это владение было, в конце концов, вырвано из рук первоначального владельца новой восходящей фамилией — Каролингами.

Четыре великих следовавших один за другим правителя из этого рода — Пипин Майордом, Карл Мартелл, Пипин Короткий и Карл Великий — снова восстановили империю, вдохнули в нее частицу единой государственной мысли и, наконец, раздвинули ее границы до размеров западного царства. Но после смерти Карла Великого королевство Каролингов распалось еще быстрей, чем некогда королевство Меровингов.

Предпринятая его сыном попытка при помощи закона о престолонаследии (817 г.) удержать государство от распада окончилось неудачей. Слишком сильны были центробежные элементы в этом полном противоречий государстве.

Вопрос, почему, собственно, преемники Карла утвердились на менее долгий период, чем преемники Хлодвига, тогда как король оставил после себя более могущественное и в духовном отношении выше стоящее государство, чем Хлодвиг, — этот вопрос до сих пор ставили в неправильной плоскости, так как на него не было никакого ответа. Я думаю, что теперь ответ ясен. Замена народного ополчения вассальным войском, которая при Меровингах только намечалась, при Карле Великом была уже завершена. Но как только королевский авторитет был поколеблен, вассалы, преданные своему прямому ленному владельцу и кормильцу, тотчас же передавали реальную власть в руки крупных владетельных родов,

имевших в своих руках графские должности. Стоило только при сыновьях и внуках Людовика Благочестивого начаться дележу и внутренним раздорам, как эти графы и разложили государство.

Из развалин опять возникло новое королевство, но уже не единое, а несколько различных и разнородных государств — Германия, Франция, Бургундия и Италия. Правда, всем им присуще было одно общее: могущественные владетельные роды* и отдельные земельные владения, благодаря которым распалась каролингская империя, не были теперь всецело подвластны всемогущему королю, а вместе с вновь возвышающимися королевскими родами создавали государственное бытие. Утвердился феодальный принцип, при котором в государстве существуют выше и ниже стоящие и соподчиненные носители власти. Короли были наделены только ограниченными правами, и, если бы им одновременно не принадлежала и герцогская власть[80], они вовсе не соответствовали бы своему титулу. От идеи государственности рождаются или продолжают оставаться только слабые тени. Не эта идея строит и поддерживает политический организм, а вассальная верность.

В восточной части старой Франции образуется, — сперва в соединении с бывшими племенами, — целый ряд герцогств: Саксония, Бавария, Швабия, Франкония, Лотарингия. Когда эти герцоги избрали в короли одного из своей среды, герцога Генриха Саксонского (или присягнули на верность уже избранному), то возникло германское государство.

Новое королевство было слабее, чем предыдущее каролингское, в том отношении, что король вынужден был признать самостоятельность герцогств. Если в дальнейшем он даже устранял какой-либо старый герцогский род и назначал нового герцога, то все же само герцогство он вынужден был оставлять незыблемым. Он был королем не по чистому праву наследства, а только вследствие притязания на наследство, имевшего силу лишь в том случае, если к нему прибавлялось избрание со стороны этих самых герцогств. Но такое ограничение королевской власти было полезно государству в отношении его обороноспособности. Преемники Карла Великого смотрели с неудовольствием на того из своих графов, который держал слишком большое и слишком искусное войско, так как этим он становился опасным для них самих. Это могло иметь место и случилось теперь, но королевство и без того базировалось на взаимодействии свободной воли могущественных вассалов, а король, возведенный на престол этими крупными вассалами, правил с их помощью. Поэтому в самом характере вещей было то, что теперь на каждой ступени феодальной постройки напрягались все силы для создания сильного войска. К этому стремились все — король, герцоги, графы и вслед за ними епископы, каждый для себя, а этим самым и для всего государства. Только ступенеобразно построенное феодальное государство, в котором каждая ступень была наделена политической самостоятельностью, позволяло использовать ту военную силу, на которую способно было средневековье. И только феодальное государство X столетия, политически вполне однородное, соот-

---

* Пупардэн (Poupardin) в своем труде «Les grandes famille comtales a l'époque carlovingienne» ("Rev. Hist." 1900 г., стр.72) указал, что число этих родов было невелико. Большинство их происходило из Австразии[79] и находилось в самых различных местах государства. Часто они были в родстве между собой. Некоторые из них имели владения в разных областях. Это было чрезвычайно важно при разделах, так как если кто-нибудь из них попадал в немилость, то легко мог перебраться в другую область. Поэтому короли не терпели, чтобы кто-либо имел лены одновременно в разных частях государства.

Зелигер (Seeliger) в своем труде (Sociale und politische Bedeutung der Grundheerschaft im früheren Mittelalter) на мой взгляд правильно доказал, что значение иммунитета для образования больших сеньорий сильно преувеличено. Главные элементы публичной власти всегда находились в руках графов. Из среды этих графов, а не из среды крупных земельных собственников, в дальнейшем вышли областные правители.

Этим и объясняется то, что различие между романской и германской территориями было столь невелико. Зелигер этого не указал. Основной факт, что (и каким образом) графская должность сделалась леном, у него не выявлен, между тем это легко согласуется с основной мыслью и дополняет ее. Но заниматься противоречиями, имеющимися в исследовании Зелигера, здесь, конечно, не место.

ветствовало принципу единоборцев и квалифицированных бойцов — принципу, который постепенно вырабатывался со времени Меровингов.

С первого взгляда нельзя установить разницы между новым королевством и королевством Каролингов. Действительно, преемники Генриха I сперва по мужской, а затем и по женской линии (Салии) 200 лет правили Германией. Но их власть в своей основе была совсем иной, чем предшествовавшей династии, ибо она продолжалась не в силу чистого права наследства, а благодаря избранию. Предпосылкой такой власти являлись противостоявшие, но сами по себе правоспособные силы, с которыми она должна была считаться. Как королевская корона, так и высокие должности — герцогства и графства — были по закону не обязательно наследственными, а как лены — только пожизненными. Фактически же они чаще всего переходили от отца к сыну и этим все больше приближались к принципу чистого наследования. Можно сказать, что в наиболее чистом виде феодальное государство проявлялось там, где на престоле и в отдельных поместьях ни одно из различных начал — наследственное право, избрание или назначение — не было самодовлеющим, но где эти начала сохраняли равновесие.

Оборотной стороной такого ступенчатого расположения власти, подле которого в качестве особого политического организма выступает церковь, является то, что все эти имевшие некоторую самостоятельную военную силу полу- и четверть-суверенитеты[81] беспрерывно враждуют между собой. Средневековье является эпохой почти непрерывных гражданских войн. Но именно в этих непрерывных распрях окрепла военная сила, подобно тому как некогда это имело место в Греции. Уже Геродот отметил, что маленькие греческие кантоны были обязаны своей победой над персами предшествовавшей гражданской войне между Афинами и Эгиной, давшей повод построить большой флот; когда же для всех возникла большая опасность и они вынуждены были бороться сообща, то они смогли завершить большое дело и добиться решительного успеха. В Германской империи это было тем более возможно, что над всеми мелкими правителями все же была воздвигнута и существовала королевская власть, являвшаяся естественным центром и естественным руководящим началом.

Существует еще и теперь часто передаваемое предание о том, будто бы король Генрих I, заложивший политические основы Германской империи, создал также своеобразный военный строй, выработал из саксов конных воинов, построил крепости и отдал приказ, чтобы из девяти воинов восемь всегда сеяли и жали, но третью часть своего урожая сдавали в крепость, где жил девятый, охранявший крепость и запасы. Весь рассказ, деталям которого давали самое различное толкование, нужно в этой форме рассматривать как вымысел и из критической историографии исключить.

Большим политическим деянием Генриха является образование — или, по крайней мере, преобразование — сперва саксонского герцогства, а затем и нового королевства с ограниченной королевской властью. Военное же строительство пошло по давно предуказанной дороге*. И если при его сыне, Оттоне Великом, создалось представление, будто бы военное сословие, которому обязаны столь многим чудесным, а также сильные крепости и мощные городские стены, охранявшие страну, были созданы отцом Оттона, Генрихом, Видукинд же, как первый почитатель своего княжеского рода, записал это, то это есть не что иное, как искажение перспективы. Такое искажение перспективы часто имеет место в

*Rodenberg в «Mitteil. d. Oesterreich. Instit.», XVII, стр.165 (1896 г.) правильно замечает, что Генрих не декретировал ничего вполне нового, но все же придерживается того взгляда, что Генрих не просто обновил каролингские установления. Такое понимание, что он только «обновил старые установления» было бы также неправильным. Во-первых, даже «простое обновление» всегда приносит некоторые изменения в деталях. Во-вторых — главное то, что связанное с обновлением большое усиление военных сил имеет, понятно, следствием новые большие тяготы (как, например, реорганизация прусской армии Вильгельмом I), а потому проведение его в жизнь является большим политическим делом.

народных преданиях, — например, в переданных нам Геродотом персидских рассказах об их царском доме. В действительности же саксы и фрисландцы уже во времена Карла Великого сражались верхом и безусловно не разучились этому искусству в течение столетия, полного войн*. Конь принадлежал уже издавна к «боевым доспехам» саксов. Крепости они строили еще будучи язычниками, а города — по меньшей мере с тех пор, как вступили в культурный мир государства франков. Поэтому Генрих не смог сделать ничего другого, как продолжать и укреплять перенятый им военный строй и в материальном отношении, и в отношении личного состава. Легендарный характер записи Видукинда[82] проявляется особенно в его выражении, что всегда именно девятый человек отправлялся в крепость. Численность крепостного гарнизона в мирное время зависит от величины и местоположения крепости, — от того, находится ли она на границе или внутри страны, — и никогда не может измеряться тем, сколько воинов живет в крепостном округе, который может быть различной величины и иметь различное население. Кроме того, нельзя было ежегодно сохранять на складе целую треть урожая. Наконец, сеять, жать и снабжать продовольствием крепость должны были, безусловно не воины, а жившие вне крепости и не бывшие воинами крестьяне. Поэтому король Генрих ни в коем случае не мог издать что-либо напоминающее подобное распоряжение. Равным образом напрасными являются усилия путем вольного толкования приписать ему в создании саксонских всадников нечто специфически новое, — будто Генрих создал легкую кавалерию** или, наоборот, тяжелую, или будто он обучал их сомкнутому строю***. Заметка Видукинда, написанная спустя почти полвека, ни в коем случае не может служить прямым историческим свидетельством: она является не чем иным, как отражением и без того заметного факта, что благодаря новообразованию и сосредоточению политической власти увеличилась и окрепла также и военная сила. Но новых форм организация при этом не приняла.

Событием всемирно-исторического значения является на этом основании победа Оттона Великого над венграми на Лехфельде. Благодаря этой победе романо-германский мир защитил себя от вновь нахлынувших варваров; эта победа дала возможность образованию Германской империи, а вместе с ней и германского народа. Этому сражению мы посвятим еще отдельную главу.

В западной части государства франков события развернулись совсем по-иному. Здесь Каролинги продержались на два поколения дольше, а когда крупные местные династии от них отступились и королем был избран Гуго Капет, эта династия не была в состоянии распространить подлинно королевскую власть на всю западную Франконию, как это удалось Оттону в Германии. В течение столетий королевская корона на голове герцогов Иль-де-Франса была почти только номинально, и королевская власть представляла собой государственно-правовую фикцию. Такой же фикцией была она и в Италии.

ФЕОДАЛЬНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

При исследовании истории Карла Великого мы уже установили, что король призывал в армию не определенное число людей из каждого графства, а всех мужчин военного сословия или известную часть их. Для установления твердых цифр данных не было. Графства были весьма различной величины и богатства. К тому же продолжительность пути до сборного пункта имела следствием для более отдаленных контингентов то, что из-за болезней, дезертирства, борьбы с разбой-

* См. по этому вопросу также примечание к гл. II части 3-й «Rosskampf und Fusskampf der Deutschen».

** Waitz, Heinrich, 3-е изд., стр.101 и другие.

*** Nitsch, Gesch. d. deutsch. Volkes, т.I, стр.306.

ничьими бандами и столкновений с населением эти контингенты в большей или меньшей степени несли потери. А король, не имевший в своем распоряжении даже статистических данных о том, сколько может дать каждое графство, не мог требовать от них определенного числа бойцов, — да и не в числе был центр тяжести, не количество воинов являлось основным бременем. Мужчин, годных для военной службы, не так трудно было набрать*. Самым тяжелым бременем были дорого стоившие вооружение и довольствие, которые нужно было принести с собой.

В завершенном феодальном государстве, начиная с X в., это приняло более легкую форму, чем в империи Каролингов. Именно благодаря тому, что герцоги, графы, а за ними епископы и аббаты становились все меньше чиновниками, а все больше и больше превращались в князей, — благодаря этому сбор ополчения касался их самих, и его не нужно было контролировать**. Король решал вопрос о военном походе или назначал его, только посоветовавшись с князьями на рейхстаге; образовался обычай, по которому каждый князь торжественно клялся, что он явится. Такой порядок как будто бы имел уже однажды место при Генрихе I, — и его можно проследить до эпохи Фридриха II***. Сколько рыцарей и слуг каждый князь приводил затем с собой — было его дело, но так как значение его голоса на королевском совете зависело от численности и от качества его контингента, то это являлось лучшей гарантией, чем любой контроль при помощи подсчета и просмотра войск.

Согласно воинскому закону, изданному Фридрихом Барбароссой на Ронкальских полях и затем вновь повторенному, неучастие в походе было наказуемо потерей лена. Но в этом уставе не был предусмотрен такой случай, что кто-либо явится с незначительным числом воинов. В описаниях дошедших до нас источников мы очень редко находим следы вообще какого-либо подсчета войск. Только в кельнской королевской хронике, там, где описывается, как король Генрих VII пошел войной на Генриха Баварского (1233 г.), включено сообщение, что королевское войско, собравшееся на Лехфельде при Аугсбурге, было, якобы, исчислено, примерно, в 6000 человек****.

Итак, твердо установленных цифр не было, а каждый князь по своей воле взвешивал все обстоятельства каждого данного подхода и в зависимости от них решал вопрос о своем контингенте*****.

* Этому не противоречит то обстоятельство, что сеньор строго следил за исполнением вассалами их обязанностей в отношении призыва; сборники законов также содержат самые точные распоряжения на этот счет. Но из времен Каролингов мы уже знаем, что категорическое требование строгого выполнения вассалами своих обязанностей все же не подразумевало выполнения этих обязанностей непременно лично, а от них можно было откупиться деньгами; именно поэтому сеньор настаивал на выполнении вассалами своих обязанностей, а не потому, что иначе он не имел бы нужного числа воинов. В позднейших дополнениях к ронкальским постановлениям[83] Фридриха I говорится, что ленник должен или выставить взамен себя соответствующего человека, или уплатить половину годового дохода своего лена. Waitz, VIII, 145. «Саксонское зерцало»[84] (Сборник законов. — Прим.ред.) содержит в себе закон, по которому ленник должен платить только 1/10 часть своего годового дохода. Lehnr. 4,3. Auct. vet. 1,13, Duetschenspiegel Lehnr. 11, Schwabenspiegel Lehnr. 8. По Rosenhagen, Z. Geschichte der Reichsheerfahrt, стр.59.

** Waitz, VIII, 100.

*** Baltzei, стр.23; Rosenhagen, стр.18.

**** В «Ann. Col. max», SS, XVII, 843, ныне Chron. reg. Colon. Cont. quarta, стр.265. «In campis Lici secus Augustam fere 6 milia in exercitu regio sunt inventa». Единственный дальнейший пример исчисления отрядов, который я себе отметил, относится уже к XVI в. (Christian Küchemeister. Neue Kasus Monst. St.-Galli). Аббат Бертольд (1244—1272 гг.) идет на помощь графу Габсбургскому против епископа Базельского с навербованными рыцарями и кнехтми «и привел ему 300 рыцарей и кнехтов, которые были сосчитаны». «Hist. Ver. v. St.-Gallen», I, стр.19 (1862).

***** Это доказывает всю беспредметность длительного научного спора о том, обязывало ли к участию в походе только владение территорией, являвшейся королевским пожалованием, или также владение аллодами[85] и было ли это различными повинностями (Weiland, Die Reichsheerfahrt, Forsch. z. d. Gesch., т.VII; Baltzer, Z. Gesch. d. deutsch. Kriegsw., гл. I § 3; Rosenhagen, Z. Gesch. d. Reichsheerfahrt von Heinrich VI bis Rudolf von Habsburg. Leipz., Diss. 1885). Тот, кто в качестве князя был наделен непосредственно королем, должен был являться с дружиной, величину которой он сам определял и которую он сам собирал; в какой степени он привлекал к этому делу свое феодальное владение и аллоды,

Сколько труда положили каролингские короли, чтобы установить какой-нибудь масштаб, по которому они могли бы устанавливать контингент каждого графа, с тем чтобы он уже от себя призывал своих подданных! Но этим путем они ничего не достигли, новые же государства были освобождены от этого труда.

Все усилия историков XIX в. исследовать на основании каролингских капитуляриев военную организацию того времени остались бесплодными, так же как некогда и усилия самого Карла Великого. Безуспешно закончились и попытки найти объективные масштабы исчисления и наложения военных тягот во времена саксонской[86], салической[87] и штауфенской династий[88]. Такие попытки объясняются потребностью современного государства в точном учете, — потребностью, которую современные историки, не вполне чувствующие все своеобразие той эпохи, перенесли и на средневековое государство. Без твердых установлений, без иерархии и без точных предписаний в отношении распределения налогов и государственных повинностей современное государство немыслимо. Но средневековое государство правильно поймет только тот, кому ясно, что оно в таком регламенте не только не нуждалось, но и не было в состоянии применить его. Феодализм означает распределение высшей суверенной власти по многим ступеням, из которых каждая имеет известную самостоятельность и совместно с другими служит государственным целям по собственному усмотрению, а не по предписанным и контролируемым нормам. Именно в этом месте чувствуется настоящее биение сердца эпохи феодализма, на что мы обращаем особое внимание читателя.

Но как современное государство не может справиться со своими задачами при помощи одних только законов, распоряжений и регламента, а наряду с этим неоднократно прибегает и к доброй воле граждан, к их добровольному труду, точно так же и в средневековье имеются такие моменты и такие обстоятельства, когда вводилась и количественно зафиксированная военная повинность. Поэтому важно остановиться на тех местах источников, где указаны цифры.

Как видно из источников, единственно крупным вассалом германского короля, для которого раз навсегда установлен твердый контингент в 300 рыцарей, был герцог, позднее король, Богемский. Это является вполне естественным, так как он не принадлежал к германскому рейхстагу и к Германской империи, а в качестве чужестранца, чеха, был к ней только присоединен. Понятно, твердый контингент, если он тогда был уже установлен, все же не помешал богемцу явиться к своему сеньору с 1000 воинами при сражении на Лехфельде, в исходе которого он сам был весьма заинтересован. Будучи одним из самых преданных вассалов Генриха IV, он, очевидно, неоднократно подкреплял его бóльшим числом воинов, чем 300 рыцарей.

Позже Фридрих I подобным образом налагал определенные военные повинности и на итальянские города: например, в вольной грамоте, пожалованной им городу Лукка, предписывалось, чтобы этот город наряду с уплатой 400 лир наличными и продовольствием для двора поставил 20 рыцарей (milites) для похода на Рим и Нижнюю Италию.*

Пространное объявление о призыве с указанием числа подлежащих призыву сохранилось со времен Оттона II В 981 г. император, будучи, вероятно, в Италии,

было его делом. К лицам, наделенным этими князьями, король, само собой понятно, не предъявлял никаких требований, но на основании королевского призыва владелец их ленов приказывал им отправиться в поход, или же они освобождались от него путем уплаты податей по соглашению. Аллодиальные поместья своего графства граф облагал податью также по взаимному соглашению (Heusler в своей «Verfassungsgesch.», стр.137, считал, что этот вопрос никогда не будет разрешен). Никто, естественно, не был свободен от военной повинности, поскольку не было особых привилегий. Король приказывал королевским чиновникам так же, как князья своим чиновникам. Из взносов, которые города делали на предмет снаряжения походов, постепенно развились городские налоги, которые в дальнейшем императоры требовали от имперских городов. Это является доказательством того (что, собственно, было само собой понятно и без этого), что к государственной повинности привлекались не только владения, пожалованные государством. Ср. Rosenhagen, стр.67, и Zeumer, Deutsche Städtesteuern im Mittelalter.

* Hegel, Städteverf., II, 191.

издал приказ о поставке воинов для войны с арабами. Епископы Майнца, Кельна, Страсбурга и Аугсбурга должны были послать по 100 воинов; Трир, Зальцбург, Регенсбург — по 70, Верден, Люттих, Вюрцбург — по 50, Констанц, Хур, Вормс, Фрейзинг, Прюм, Герсфельд, Эльванген — по 40, Кампен — 30, Шпейер, Туль, Зебен, С.-Галлен и Мурбах — по 20, Камбрэ — 12, герцогство Эльзас — 70, Нижнелотарингский герцог — 20, маркграфы Готфрид и Арнульф, герцоги Оттон и Коно и граф Гетцель — по 40, другие графы — 30, 20, 12, один граф — 10 воинов. Некоторым было приказано, чтобы они явились и лично; в отношении графа Гетцеля, которому надлежало поставить 40 воинов, добавлено, что, если он явится лично, он обязан привести с собой только 30 воинов. Весь проект предусматривает от 2080 до 2090 воинов. На основании этого документа был сделан вывод, что объявление о призыве всегда включало в себя указание о потребном числе воинов и что случайно сохранилось только это объявление. Полагали также, что существовал и твердый имперский список, в котором было указано, какое число воинов должна поставлять каждая область*. Можно, однако, установить, что это объявление Оттона II о призыве являлось, наоборот, исключением. Если бы в основе лежал твердый список, тогда вовсе не нужно было бы выписывать отдельные цифры, а просто одним словом указать ту или иную долю контингента. Упоминание в этом призыве цифр ясно свидетельствует о том, что мы имеем дело с исключением. Отсутствует целый ряд князей, герцогов Верхней Лотарингии, не указаны все саксонские герцоги, а также Утрехтский епископ. Кроме того, церковь выставляет 1482 воина, а светская власть — только от 598 до 608, т.е. немногим больше одной четверти общей суммы. Такое длительное неравномерное распределение военного бремени между отдельными частями империи совершенно невозможно, тем более, что церковные владения тогда далеко не имели еще такого объема, который получили в следующих столетиях. Поэтому здесь речь идет о призыве при совершенно исключительных обстоятельствах. Он был объявлен не для того, чтобы предпринять самый поход, а безусловно только для подкрепления отрядов, стоявших уже в Италии. Это дает нам основание установить причину, почему именно этот раз были предписаны определенные числа бойцов: этим князьям нужно было дать основание для исчисления контингента, который можно от них ожидать при данных обстоятельствах. Общее правило, по которому вассалы должны были явиться с войском, соответствующим силам их области, не годилось, когда речь шла о походе в Апулию или о простом подкреплении. Герцог Нижней Лотарингии должен был, например, знать, что от него требуется только 20 человек, а не больше. По каким-нибудь особым мотивам духовные князья были обременены значительно сильнее, чем светские, из которых опять-таки многие вовсе не были привлечены к этому делу. Можно безусловно полагать, что был не один только случай объявления призыва с указанием твердых контингентов, а что это случалось часто. Но если бы такие призывы составляли правило, то они, в конце концов, превратились бы в твердую схему, матрикул[89]. Между тем, как мы видели, на этот счет по вполне естественным причинам нет ни малейших указаний**.

Интересную сделку представляет собою далее договор, заключенный Фридрихом Барбароссой сейчас же после своего избрания (1 июня 1152 г.) императором с герцогом Церингенским Бертольдом IV***.

* Последнее — мнение Вайца, D. Verfass., VIII, 133.

** Эти обстоятельства правильно установил и подверг замечательной обработке уже Бальцер (Baltzer, Geschichte d. deutschen Kriegswesens, гл. I, § 5 — «Величина контингентов»). Подробности и цитата почерпнуты мною у него. Я расхожусь с ним в одном только пункте, а именно: Бальцер представляет дело так, что описанное мной положение вещей имело место только начиная с Генриха IV и полагает, что раньше определенное число воинов требовалось — наподобие приказа Оттона II — различно, в зависимости от обстоятельств. Я же отношу феодальную систему, допускавшую установление твердых контингентов только в виде исключения, еще ко времени Генриха I.

*** Jaffé, Bibl., I, 514.

В этом договоре Фридрих обещал герцогу Бургундию, на которую последний претендовал. Герцог же обязался следовать за королем до тех пор, пока он находится в этой стране, с 1000 латников, а когда король отправится в Италию, то предоставить ему 500 латников и 50 арбалетчиков. В залог он дает свой аллод, замок Тек с принадлежащими ему поместьями. Такой договор можно обозначить как нечто среднее между феодальной обязанностью следовать в поход и союзом; он представляет собой переходную ступень к договору о найме, имевшему, понятно, установку на твердые цифры. Этим договором мы еще займемся.

Несколько иные взаимоотношения, нежели между королем и его непосредственными вассалами, установились на следующей ступени феодальной системы — между князьями и их подвассалами. Здесь личные интересы не являлись стимулом к интенсификации труда; поэтому на этой ступени установились взаимоотношения, при которых повинности фиксировались цифрами.

Князья призывали по собственному усмотрению некоторое число своих наделенных или ненаделенных леном вассалов, министериалов, рыцарей и слуг, положение и квалификация которых им были лично известны, и одновременно перекладывали на них бремя снабжения и снаряжения войска. Такое произвольное исчисление и распределение общей повинности открывало широкую дорогу для произвола, а так как бремя было очень тяжелым, то этот произвол сильно угнетал. Поэтому уже очень давно — раньше, чем об этом можно судить по документам — вассалы стремились зафиксировать размеры повинностей на практической основе. До нашего времени по этому вопросу сохранились документальные данные относительно нескольких монастырей и епископов. Сохранились документальные записи также по вопросу о правах и обязанностях министериалов по отношению к своему сеньору*.

Очень наглядна, например, следующая запись маурмюнстерского монастыря в Эльзасе, находившегося под властью епископа г.Меца:

«Если епископу дано знать о королевском походе (profectio), то епископ должен послать к аббату чиновника; аббат должен созвать своих министериалов, оповестить их о походе, а министериалы должны собрать и в определенный день передать на площади перед воротами упомянутому чиновнику следующее: повозку с 6 волами и полусвободными, одного вьючного коня с седлом и всеми принадлежностями и к этому двух людей, проводника и погонщика. Если падет вол или вьючный конь, то чиновник должен заменить их другими из принадлежащих епископу. Если король совершает поездку в Италию, то все крестьянские дворы должны уплатить для этой цели обычный налог (это очевидно означает годичный чинш[90] в виде чрезвычайного налога). Если же поход предпринимается против Саксонии, Фландрии или кого-нибудь другого по эту сторону Альп, то уплачивается только половина налога. Продовольствие и все прочее, необходимое для дороги, собранное этой податью, должно быть погружено на повозки и вьючных животных**.

Если внутри отдельных графств фиксировались отдельные повинности, то тем самым известным образом устанавливалась общая повинность всего графства. Это,

* Литературу по этому вопросу смотри у Бруннера (Brunner, Grunds. d. deutschen Reichtsgeschichte, 2-е изд., стр.111) и у Вайца (Waitz, Verf., 2-е изд., т.V, стр.342).

Особенно интересен сохранившийся на латинском и немецком языках труд «Reicht. der Dienstmannen des Erzbischoft von Köln», изд. Frensdorf, 1883 г., а также «constitutio de expeditione Romana», хотя последнее является не подлинным приказом Карла Великого, а фальшивкой. Эта фальшивка изготовлена, как отмечено Schefler-Boichorst, Zeitschr. f. Gesch. d. Obber., т.42 (1888), стр.173, повторено в сборнике «Zur Gesch. des 12 u. 13 Jahrh.» (1897), приблизительно в 1154 г., в Рейхенаусском монастыре (в Швабии). Сделана она была с целью установления прав и обязанностей весьма требовательных монастырских министериалов. Отпечатана в M. G. LL, II, 2. Вейсенбургское право министериалов см. у Гизебрехта (Gisebrecht, Gech. d. Kaiserz., т.II, прил.).

** Schoflin, Alsatia diplomatica, I, 226; Waitz, D. Verf.-Geschichte, VIII, 156.

однако, не противоречит нашей мысли, что король на отдельных князей определенной повинности не налагал. Если твердые местные соглашения и ставили определенные пределы требованиям князя в его области, то все же это не исключает возможности не только получения князем иногда меньше, чем было установлено, но и того, что эти пределы требований не повсюду были установлены (как в отношении городского, так и особенно крестьянского населения). Князь всегда оставлял за собой свободу действий и мог применять свое имущество или займы для особых затрат. Стоило же ему собрать из своей области материальные средства, как он немедленно находил всадников и слуг, готовых последовать за его знаменем*. Подобно тому как князья давали определенное обещание в отношении повинностей королю, так, очевидно, и вассалы и министериалы давали такие обещания своему князю**.

Такие же обещания должны были давать те рыцари, величина ленов которых позволяла им самим снаряжаться в поход. Уже в XIII в. мы находим в Германии и Италии следы знакомого нам еще из каролингских капитуляриев правила, что срок службы устанавливается трехмесячный***.

Во Франции часто упоминается, что за получение лена вассал обязан участвовать в походе только в течение 40 дней****. Это правило толкуется даже так, что вассал был в праве через 40 дней возвратиться домой. Однако, этим исключалась всякая возможность ведения настоящей войны; во всяком случае сеньор должен был в самом широком смысле слова принять на себя продовольствование на дальнейшее время. При наделении леном вассал обязывался за 1/2 лена нести военную службу в течение 20 дней, за 1/4 лена — 10 дней и т.д. Часто военная служба ограничивается только обороной или географическими границами сеньории*****. При таких ограничениях феодальная воинская повинность имеет смысл только в том случае, если она является основой и преддверием наемной военной службы.

Некоторые распоряжения из «Dienstrecht» (право министериалов) германских рыцарей наглядно объясняют нам эти отношения.

Министериалы Кельнского архиепископа обязаны были нести военную службу в пределах архиепископства и за пределами его для обороны владений епископа, но дальше они следовали только по соглашению.

В римском походе министериалы, имевшие больше 5 марок годового дохода, должны были участвовать лично, за исключением смотрителей и управляющих. Тем, которые имели меньший доход, предоставлялся выбор — или отправиться в

* Когда Владислав, король Богемский, призвал в 1158 г. своих подданных для похода в Италию, последние были сначала очень недовольны. Когда же он объявил, что нежелающие могут оставаться дома, а отправляющимся с ним посулил награду и почести, то все устремились в поход.

** В «Праве министериалов» «Vercelli» от 1154 г. (опубликовано Шеффер-Бойхорстом в книге «Z. Gesch. d. 12 u. 13 Jahrh.», стр.21) значится следующее: «Вассалы должны дать владыке епископу на евангелии то же обещание относительно похода на Рим, какое сеньор их дает королю по его приказу».

*** Папа Григорий IX потребовал 7 ноября 1934 г. от некоторых немецких князей, чтобы они явились к нему в ближайшем марте: «Лично тебя, в сопровождении соответствующего войска, которое должно быть на твоем иждивении в течение трех месяцев, не считая времени на дорогу туда и обратно» (Huillard-Breholles, IV, 513). В ноябре 1247 г. император Фридрих требует, чтобы тусийские города[91] послали рыцарям трехмесячное жалованье (I, глава VI, стр.5-6). Сомнительный документ Фридриха, якобы от мая 1243 г., закрепляет за одним рыцарем, Matthaeus Vulpilla, пожалованное королем Вильгельмом его роду поместье за поставку «одного вооруженного конного воина в течение трех месяцев без перерыва в пределах королевства, когда представится необходимость». Гл. VII, 939.

**** Гильермо (Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse, стр.276) придерживается того взгляда, что 40-дневная военная служба была введена Генрихом II сперва для Нормандии и оттуда перенесена на другие владения Плантагенетов. В других местах Франции образовалось обычное право, по которому расходы по военной службе с самого начала шли за счет сеньора.

***** Boutaric, Institutions militaires de la France avant les armees permanentes, стр.126 и след. На стр.233 Бутарик упоминает одно распоряжение, по которому вассал, не приведший с собой предписанного числа дружинников, должен был платить штраф в размере своего двукратного жалованья за каждого недостающего дружинника.

поход или уплатить в качестве военного налога половину дохода с лена. Поездка в Рим должна была быть объявлена за год вперед.

Каждому отправлявшемуся в поход министериалу архиепископ должен был дать в виде субсидии 10 марок (т. е. двойную сумму высокого годового дохода) и к этому 40 локтей (аршин) тонкого сукна (Scharlot) для одежды его слуг, а на каждых 2 рыцарей по 1 вьючному животному со всеми принадлежностями и четыре подковы с 24 гвоздями.

Начиная с Альп, каждый рыцарь ежемесячно получает от епископа одну марку. Если эта марка не уплачена, а напоминание чиновникам епископа остается бесплодным, то рыцарь кладет на постель епископа палку без коры, которую никто не имеет права убрать. Если и после этого не последует платежа, то рыцарь подходит утром к епископу, сгибает колени, целует край его одежды и может, не задевая своей чести и долга, вернуться домой.

В других «Правах министериалов» отдельные постановления как в отношении обязанности участвовать в походе, так и в отношении снаряжения обычно были разработаны иначе*.

Иногда вместо месячного жалованья указаны платежи за всю поездку, от 3 до 10 фунтов (ливров). Сеньор должен поставить также лошадей и мулов с упряжью и слугами и принять на себя их пропитание.

В Рейхенау** определение, кто должен отправляться в поход, происходило не по доходу, а по величине участка, для разных классов различно, и сеньор сам устанавливал, должен ли министериал отправляться в поход или платить налог. Это «Право министериалов» содержит также постановление о том, как должна делиться возможная добыча между сеньорами и министериалами.

В Бамберге остался старый порядок, знакомый нам по каролингским капитуляриям, а именно — вместо уплаты твердой подати рыцари разбивались на группы по три, из которых двое остававшихся дома снаряжали третьего, отправлявшегося в поход.

Из этих постановлений также видно, что речь идет о численно очень небольших призывах. На этом основании следовало бы вновь задаться вопросом: могли ли войска, с которыми Карл Великий прошел от Эльбы до другой стороны Пиренеев и от Балтийского моря до Рима, являться крестьянским массовым ополчением.

Начиная с XII в. события в Германии и Франции развивались по-разному. В Германии монархия ослабела; поэтому размер военных повинностей зависел еще больше от личного усмотрения князей.

Во Франции же, наоборот, образовалась сильная наследственная монархия; поэтому здесь возникают твердые феодальные матрикулы, но с такими незначительными повинностями и с такими сложными постановлениями, что с ними можно было предпринять немногое***.

---

* Waitz, VIII, 162.

** По так называемой «constitut. de exped. Romana». M.G., II, 2, 2.

*** Boutaric, Institutions militaires de la France, стр.191, сделал следующее сопоставление. Он говорит, что полных списков феодальных призывов не существует, но те, которые имеются, показывают, как малы были обязательства крупных вассалов. При Филиппе Августе герцог Бретанский выставлял 40, Анжу — 40, Фландрия — 42, Болонья — 7, Понтье — 16, Сен-Поль — 8, Артуа — 18, Вермандуа — 24, Пикардия — 30, Орлеанэ — 89, Турэн — 55 всадников (chevaliers).

Шампанские графы вели со времени Генриха I (1152-1181) списки своих вассалов, выдержки из которых сохранились. Напечатано у D'Arbois de Jubinville, Hist. des ducs et comtes de Champagne, т.II (1860).

Общее число рыцарей (milites) по первому списку — 2030. Королю выставляли они 12 «копий» (pannerets).

Нормандия имела на службе короля 531 рыцаря, на службе баронов — 1500 рыцарей.

Бретань имела в 1294 г. 166 рыцарей, обязанных выступить в поход (chevaliers, écuyers et archers).

По другому источнику — 166 рыцарей и 17 оруженосцев (écuyers). Королю Бретань обязана была доставить только 40 рыцарей.

Феодализм и твердые ставки налога по своей природе являются несоизмеримыми понятиями.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КРЕСТЬЯН

Несмотря на то, что древнегерманский призыв народного ополчения постепенно заменялся призывом вассалов даже в чисто германских частях каролингской империи, все же государственно-правовое понятие всеобщего народного ополчения как последней крайней меры, как ландштурма, не исчезло совсем. В пограничных же областях, особенно в Саксонии, еще очень долго, время от времени, прибегали к этой мере. По некоторым выражениям Видукинда можно еще часто заметить различие, которое делалось между профессиональным воинством и воинской повинностью в старом смысле этого слова.

У Видукинда (I, 21) говорится: «Король Конрад увидел, что герцог Генрих очень силен, благодаря поддержке со стороны отряда храбрых воинов (militum), а также бесчисленного народного ополчения («Suppediante fortium militum manu, exercitus quoque innumera multitudine»).

Различие между выражениями Видукинда milites и массой exercitus нужно, очевидно, толковать как различие между профессиональными воинами и народным ополчением. Однако, эта терминология Видукинда не является вполне твердой и незыблемой. Об этом свидетельствует удивительное выражение последней приведенной нами цитаты, где Видукинд обозначает тюрингское народное ополчение не словом exercitus, а legio, что является обозначением специфически военного понятия. В I, 17 он употребляет выражение exercitus et militia, т.е. ставит их рядом. В I, 21 он рассказывает о негодовании на короля Конрада всего саксонского народного ополчения, в составе которого безусловно подразумевается и рыцарство — и тут же рядом оно выделяется особо. В I, 38 Генрих хочет привлечь венгров к exercitus, между тем как под этим словом должно разуметься, в первую очередь, рыцарство и в крайнем случае также ополченцы. Немного раньше слово exercitus упоминается еще два раза в том же смысле.

Поэтому мне кажется слишком смелым толкование Шефером* рассказа Видукинда о том, что герцог Конрад «при поддержке отряда храбрых воинов» сражался с exercitus лотарингцев, в том смысле, что exercitus являлось ополчением страны. Если бы это было простым крестьянским ополчением, то Конрад Красный со своими рыцарями безусловно рассеял бы его.

Бальцер (Baltzer, стр.3) полагает даже, что крестьяне служили в качестве всадников. Он считает, что Титмару (975—1018 гг.) казалось необыкновенным участие пехоты в военных операциях, и из этого заключает, что, значит, и крестьяне служили тогда в конном войске. На самом же деле правильнее заключить, что они вообще не служили.

Еще более неправилен вывод Бальцера, что так как при описании сражения на Унструте говорится о vulgus pedestre (пеший люд), то институт призыва крестьян в конное войско снова был разрушен при Салической династии. Несомненно, что во время внутренних войн Генриха IV призывались и крестьяне. В поэме о саксонской войне говорится (II, 130), что для войны с королем из всех деревень сошлись кучки крестьян, покинувших свои плуги для борьбы с королем, и что затем в Южной Германии Генрих снова призвал крестьян в свое войско. Но и в данном случае это ополчение принесло так же мало пользы, как и несколькими поколениями раньше против викингов. В сражении на Унструте саксонцы были изрублены рыцарями Генриха, как некогда франкское крестьянское ополчение норманнами. Крестьяне же, сражавшиеся в Эльзасе и на Некаре (1078 г.) на стороне короля, были не только окончательно разбиты, но и кастрированы своими противниками-рыцарями в наказание за их притязание на ношение оружия.

Гильермо (стр.346) установил, что в источниках, начиная с X в., народ рассматривался как безоружная, невоинственная масса. Все же он полагает, что как раз в это время начинают появляться законы, требующие военной службы и от крестьян. Он объясняет это тем, что крестьяне поставляли пехоту, но их вооружение было настолько негодным, что их все же называли inermes (безоружные). Не требует доказательства вся несостоятельность такого разрешения противоречия. В действительности никакого противоречия и нет. Стоит только подробнее проверить документы XI, XII и XIII вв., приводимые Гильермо (стр.387) в доказательство существования военной повинности крестьян, чтобы убедиться в том, что они не говорят ни о крестьянах (например, hommes de la vallée d'Andorre, —

* «Sitz.-Ber. d. Berl. Akad.», XXVII, 1905, стр.6.

которые должны с каждого дома дать по человеку), ни о поголовном ополчении. Также и приводимые Эрнстом Майером (Ernst Mayer, Deutsche und französische Verfass.-Geschichte, I, 123, прим.4) свидетельства о том, что от каждого дома должен явиться только один человек, говорят за то, что здесь речь идет не о крестьянском ополчении: такое массовое ополчение мыслимо только на несколько дней и для действий в ближайших местах.

Оттон Норгеймский в 1070 г. потребовал от своих крестьян, чтобы они, — поскольку не могут сражаться, — молились за него. Несмотря на то, что вслед за тем он имел сражение и всю зиму продолжал вести войну против короля, ему и на ум не пришло увеличить свою армию за счет крестьян. Новые историки, в противоречие с этой картиной, много говорят о военных действиях саксонских крестьян в войнах против Генриха IV. Но из дальнейшего описания отдельных боев мы убедимся в том, как мало об этом говорится в источниках и насколько это предположение не выдерживает критики.

Должны ли мы на основании этих мест у Видукинда предположить, что между двумя периодами бездействия было мужественно-воинственное поколение. Это явно невозможно. Приведенные места частично являются просто риторическим украшением; но можно также полагать, что, подобно тому как в XVII в. наряду с постоянной армией иногда встречались милиционные батальоны, король Генрих и другие подчас усиливали отряды профессиональных воинов ландштурмом. Однако, и это постепенно все больше и больше отходило, за исключением, быть может, только пограничных районов, где в народной массе сохранился военный дух.

Нич (Nitsch в «Histor. Zeitschr.», т.45, стр.205) полагал, что: «еще в XII и XIII вв., в случае нахождения страны в опасности, в сельских местностях на северном берегу Эльбы объявлялся призыв всего населения под угрозой сожжения и разрушения домов; именно там в конце XII в. встречаем мы обычай, что все население попеременно призывалось для осады какой-нибудь крепости».

В статье «Саксонские боевые доспехи и снаряжение гольдштейн-дитмарских крестьян» (Jarbücher f.d. Landeskunde der Herzogtümer Schleswig, Holstein, Lauenburg, т.I, стр.335, 1858 г.) Нич пытается доказать, что в XIV в. на севере крестьяне еще служили в конных войсках и что в конце XV в. это не имело уже места только в силу больших перемен... Источники, на которые он ссылается при этом, или вообще не могут служить доказательством, — например, рассказ пресвитера Бременсиса (середина XV в.) о всадниках графа Клауса (100 годами раньше), — или они лишь доказывают, что в поголовном ополчении (ландштурме) имелись также конные, в чем с самого начала не было сомнения. Сам Нич (стр.353) цитирует одно объявление о призыве, относящееся к Вильстерскому походу (1342 г.), вполне опровергающее рассказ пресвитера Бременсиса, так как в нем говорится только о мужчинах и повозках, но ничего не говорится о верховых лошадях.

Особенное доказательство того, что когда-то крестьянин был конным воином, Нич усматривает в том, что у саксонцев боевой конь всегда считался «боевым доспехом» и что имеются некоторые следы того, что и в отношении крестьян было то же самое. Нич полагает, что это относится и ко времени Генриха, «который, якобы, обучал все новое племя бою в конном строю». Но доказательства принадлежности боевого коня к боевому снаряжению и у крестьян слишком слабы; если же вообще их можно признать доказательствами, то они во всяком случае не свидетельствуют о том, что некогда конь вообще принадлежал к боевому снаряжению. Наконец, нет никаких оснований отнести это ко времени Генриха I: с таким же успехом можно говорить и о более раннем времени.

Гораздо более вероятно, что в Пруссии в народе сохранилась воинственность. Если говорится, что в других местах, например в Бранденбурге, сельский старшина должен был поставлять боевого коня, то это, очевидно, означает, что он должен был поставлять лошадь, но не ездить на ней.

Из того обстоятельства, что, как мы увидим дальше, король английский Гаральд в войне против норманнов и не пытался опереться на крестьянское ополчение, можно заключить, что англосаксонские крестьяне в войне Гаральда с Вильгельмом вообще не принимали никакого участия; только потом уже крестьянство поняло, что здесь вопрос шел об отражении чужеземного владычества. Однако, восстание саксонцев против Генриха IV безусловно носило народный характер, а крестьяне, призванные затем Генрихом, были настолько затронуты духом эпохи, что последовали его призыву. Поэтому такие ополчения вполне можно объяснить как явления исключительного порядка.

В 1082 г., когда страна находилась однажды в тяжелом положении, маркграф[92] австрийский также призвал для отражения нападения чехов всю страну, вплоть до пастухов, волов и свиней*.

* Cosmas, II, 35.

Однако, общий мир 1156 г. предусматривал наказание, «если какой-нибудь поселянин будет носить оружие или копье», и предписывал отправлявшемуся в дорогу купцу укрепить свой меч на седле*, т.е. не носить его на перевязи, как рыцарь.

Согласно поэме Росвита («Gesta Oddonis», стих 194), Оттон I призывал наряду с рыцарями и большие народные массы:

Собрал с великим усилием своих воинов
И бесчисленное всенародное ополчение

Но под этим не нужно подразумевать поголовное ополчение; это значит только, что профессиональное войско было усилено навербованным народом, ибо, хотя крестьяне и горожане, как сословие, не были обязаны военной службой и не имели права носить оружие, однако военное сословие все время пополнялось сыновьями крестьян и горожан.

Но вероятнее всего**, что Росвита под «воинами» короля подразумевал его собственных воинов, вассалов и министериалов («scararii» времен Каролингов, «palatini» — Арнульфа, «aulici» — Генриха III)*** в отличие от ополчения всей страны, приведенного к нему графами.

Нам совершенно непонятна приводимая Видукиндом (III, 2) шутка Оттона I о том, что он поведет против Франции столько соломенных шляп, сколько не видали ни герцог Гугон, ни его отец. Совершенно исключена возможность желания запугать неприятеля крестьянским войском.

РЕФОРМЫ ГЕНРИХА I

Знаменитое место у Видукинда (I, 35) гласит: «Избрав каждого девятого из поселян-воинов, поселил их в городах, с тем чтобы каждый из них выстроил восемь жилищ для своих сородичей, получил и сберег третью часть всего урожая и чтобы остальные восемь сеяли, собирали урожай для девятого и складывали хлеб в предназначенных для того местах. Он пожелал, чтобы сборища, сходки и пирушки происходили в городах».

Разбором выражения «поселяне-воины» (agrarii milites) занимался Д.Шефер (Dietr. Schäfer, Sitz.-Ber. d. Berl. Akad. d. Wissensch.; XXVII, 1905, от 25 мая). Нич в своей «Немецкой истории» (I, 106) категорически заявляет: «мы не знаем, что означает выражение «поселяне-воины»; Гегель понимает под этим «сельское население»; Кейтген — крестьян, обязанных воинской повинностью; Роденберг (Rodenberg, Mitteil. d. Instituts. f. Oesterreich. Geschichte. XVIII, 162, 1896) понимает под этим всех свободных; Шефер же поддерживает выдвинутый до этого Кэпке, Вайцем и Гизебрехтом взгляд, что «поселяне-воины» (agrarii milites) означают поселенных на земле профессиональных воинов короля, министериалов. Мне кажется, что все, что Шефер приводит в обоснование своего взгляда, правильно, но, оставляя в стороне вопрос о числе — девять человек, он не занимается рассмотрением аргумента против этого, а именно, что остальные восемь «воинов-поселян» должны сеять и жать.

Но как раз в этом и лежит затруднение, и затруднение неразрешимое. Что «поселяне-воины» были профессиональными воинами, это Шефер указал самым убедительным образом. Однако, они были и крестьянами, — Видукинд определенно описывает их таковыми. Но профессиональные воины не могли быть одновременно и крестьянами****. Следовательно, рассказ Видукинда вообще не соответствует историческим данным, а является легендой. И стоит только рассмотреть его рассказ под этим углом зрения, как разрешается весь вопрос. В народных преданиях очень часто бессознательно воедино сливаются многие различные события. Во времена Видукинда существовал такой порядок, при котором одна часть военного сословия — скара Каролингов — жила в крепостях, являясь гарнизоном, а другая часть жила на земле в ленных поместьях. Поэтому Видукинд думал, что до этого все свободные граждане являлись одновременно воинами и крестьянами, и изменение этого положения старался объяснить особым

* Waitz, V, 403, прим.I.

** Таким же образом понимает и Бальцер (стр.29). Вайц, VIII, 126 (в противоположность к стр.108) толкует также в этом смысле.

*** «Ann. Altah.» от 1044 г., XX, 799.

**** Видукинд, II, 30 и 31, говорит: «Воины Геронова отряда, утомленные частыми походами и лишенные из-за повсеместного отказа в уплате податей, преисполняются мятежной ненавистью к Герону».

законом Генриха I. Затем «воины-поселяне» старого времени (когда они были еще крестьянами) слились с новыми (когда они были профессиональными воинами), и, таким образом, получилась нелепица, что подати и урожай, собиравшиеся в крепости, считались податями вассалов, а не крестьян.

Интересным сказанием о военном строе Генриха I, параллельным рассказу Видукинда, является уже упомянутый выше рассказ Бременского пресвитера, который в середине XV в. написал следующее: «Поселяне из епархий Шенефельд, Гадемерш, Вестеде, Норторпе, Борнеховеде, Брамстеде, Кольденкеркен, Келлингхузен с живущими по болоту Вильстрии называются голштинцами в собственном смысле. И с их помощью сеньоры, графы Голштинии имели триумфы. Из них граф Николай (середина XIV в.) избрал верных людей с больших поместий одного виллана[93], с двух малых также одного. Их в случае надобности имел он с собою в дружине. Ибо названный Николай приказал, чтобы упомянутые поселяне не подвергались притеснениям со стороны фохтов и чтобы держали ценных коней, а вооружением имели, главным образом, железный шлем, щит тройной или двойной, железные наручники, широкие перевязи. Остающиеся же дома поселяне выполняли работу за тех, которые были с владыкой той земли в походе до их возвращения в свои дома».

Что же касается конной службы, Вайтц (Waitz, Heinrich I, стр.391, 3-е изд., стр.101; ср. «D. Verf.-Gesch.» VIII, 112) пишет: «Возможно, что все ополчение Генриха было конным или по меньшей мере из ополчения была образована легкая кавалерия». Вайц категорически отвергает мнение Кэпке и Гизебрехта, утверждающих, что в данном случае речь идет о вассалах. Но что смогли бы предпринять крестьяне на крестьянских лошадях против венгров? Безусловно Кэпке и Гизебрехт ближе к правде, но и у них все построено на предании.

В «D. V.-G.», VIII, стр.114, и сам Вайтц полагает, что часто упоминаемые expediti equites не были, понятно, каким-либо особым видом всадников. Правильное объяснение дает Ламберт, цитируемый Вайцем: «Те, кто отбрасывал поклажу и прочие помехи, облегчали себе путь и сражение».

ГЛАВА II

СРАЖЕНИЕ НА ЛЕХФЕЛЬДЕ
10 августа 955 г.

Сражение при Аугсбурге, или на Лехфельде, является первым германским национальным сражением против внешнего врага. Андернахский бой (876 г.), при котором сыновья Людовика Немецкого заставили отступить своего вестфранкского дядю, все еще носил характер династической распри. Истинное сознание германского государственного бытия рождается лишь с новой династией, эмансипировавшейся от единого франкского государства. Первым сражением, при котором это сознание государственного единства проявилось, была победа над венграми под Аугсбургом, одержанная воинами разных племен, боровшимися теперь сообща. Об этом сражении мы имеем подробный рассказ в саксонской истории монаха Видукинда Корвейского*, другой рассказ — в биографии епископа Ульриха Аугсбургского, написанный неким Герардом, пережившим осаду и пишущим как очевидец**; кроме того имеется ряд отдельных сообщений. Таким образом, можно с уверенностью проследить ход событий.

После окончательного подавления большого восстания своих сыновей король Оттон вернулся в Саксонию. Здесь его и застает весть, что венгры, уже являвшиеся в Германию во время гражданской войны, снова вторглись в пределы страны. По дальнейшим известиям они пересекли Баварию к югу от Дуная и осадили пограничный швабский город Аугсбург на Лехе. Город защищал епископ Ульрих с отрядом смелых воинов. Герард описывает, как Ульрих укреплял дух своих

* «Mon. Germ.», SS, III, 408.

** «Gerhardi Vita S. Oudalrici», SS, IV, 337.

соратников проповедью на тему из Давидовых псалмов, а при одной из вылазок сопутствовал воинам в епископском облачении, без шлема и панциря.

Между тем на помощь осажденному городу король собрал большое войско. Оно разделялось на восемь отрядов, или легионов, как их называет Видукинд. Один из них составляли богемцы (чехи); Видукинд определяет его численность в 1000 человек. Эта цифра так же, как и почерпнутое из источника*, свидетельствует о том, что отряд этот был очень силен. Но самым сильным был отряд короля Оттона (legio regia), состоявший из обычной, вероятно, довольно многочисленной, военной свиты короля, из незначительного числа саксонцев, а также из тех франкских рыцарей, которые находились непосредственно на службе у Оттона и при приближении его присоединились к нему. Главные силы саксонских ленников не смогли выступить, по-видимому, потому, что сама Саксония была занята войной со славянами; вернее же потому, что все равно они подоспели бы слишком поздно, так как между получением первого известия в Магдебурге и сражением не прошло и шести недель. Для всех северных и западных саксонцев этого срока не могло хватить на рассылку объявления о призыве, приведение в боевую готовность и поход до Аугсбурга. Поэтому все войско может исчисляться в 7000—8000 человек, — во всяком случае не больше, а скорее меньше этой цифры. Состояло оно исключительно из всадников. Было бы неправильным увеличивать эту цифру за счет конных и пеших слуг, сопровождавших рыцарей, и считать их за воинов. Конечно, большинство рыцарей имело при себе по одному, а более знатные по нескольку слуг. При известных обстоятельствах слуги эти несли и военные обязанности, но для боя они не годились. Войско из 7000—8000 всадников, из которых каждый является опытным профессиональным воином, представляет собой колоссальную мощь, и даже Карл Великий вряд ли часто соединял в одну армию такое число людей; возможно, что он и не располагал им никогда.

Вопрос о численности венгерского войска мы должны оставить открытым; под пером немецких хроникеров оно, конечно, вырастает до невероятия. Нужно полагать, что численностью венгры уступали германцам.

Учеными много обсуждался спорный вопрос о том, на каком берегу реки произошло сражение, на правом или на левом.

Из названия Лехфельд еще ничего нельзя заключить, так как аугсбургские местные историки связывают это название с равниной к югу от города по обеим сторонам реки**.

Источники, похоже, дают нам намек на то, что приближение германского войска выдал венграм Бертольд из Рейзенбурга. Рейзенбург расположен на Дунае, в 3 милях от Ульма. Таким образом, можно было предположить, что Оттон переправился через реку близ этого места и подошел к Аугсбургу с западо-северо-запада. Но при ближайшем рассмотрении достоверность этого сообщения становится весьма сомнительной. Откуда могли знать германцы, кто именно передал венграм весть об их приближении? Кажется довольно невероятным, чтобы об этом был допрошен пойманный ими при бегстве и повешенный венгерский король. Несомненно, в то время как главные силы венгров осаждали город, часть их всадников рыскала по всей стране, и опытные в военном деле венгры вели систематическое наблюдение за Дунаем. Невозможно, чтобы большое германское войско могло переправиться через реку, не будучи ими замечено. Чтобы узнать об этом, они не нуждались в помощи немца. Поэтому предатель Бертольд — не более чем типичный изменник, выступающий во всех даже победоносных сражениях всемирной истории, занимающих народную фантазию: начиная с неизвестного, который, забравшись на гору, щитом своим подал знак при Марафоне[94], кончая

* Flodoard, SS, III.

** Steihele, Das Bistum Augsburg (1864), II, 491. Brunner, Die Einfälle der Ungarn in Deutschland (1855), стр. XXXVIII.

мельником, который, сигнализируя крыльями своей мельницы во время сражения при Кенигтреце, выдал Бенедеку наступление кронпринца. Также в мировую войну этот предрассудок стоил жизни бесчисленным жертвам, особенно мельникам. Бертольд из Рейзенбурга был сыном пфальцграфа Арнульфа из старинного баварского герцогского рода, низложенного Оттоном. Вопрос о том, действительно ли он тайком вступил в сношения с венграми, должен остаться открытым. Так как впоследствии он не понес никакого наказания, то измена с его стороны кажется маловероятной.

Вместе с достоверностью только что разобранного сообщения отпадает и свидетельство о наступлении Оттона с этой стороны. Но не следует думать, что если само сообщение должно быть отвергнуто, то кое-что от него все же остается, — именно свидетельство о том, что германское войско пришло с этой стороны. Легенда создается вне подобной последовательности. Германцы могли прийти с совершенно другой стороны, — это не помешало бы легенде заклеймить обвинением в измене рейзенбуржца, раз именно на него направилось ее подозрение и внимание.

Поскольку отпадают соображения, связанные с местоположением Рейзенбурга, постольку для определения поля сражения остается рассказ Видукинда, гласящий, что венгры, получив извещение о приближении короля, немедленно перешли Лех, ему навстречу. Так как из биографии епископа мы знаем, что венгры осаждали Аугсбург, а город этот находится на левом берегу реки, даже не непосредственно у воды, то для встречи с королем венгры должны были перейти на правый берег. Следовательно, король должен был наступать с востока, от Ингольштадта или Нейбурга. Но этот вывод не вполне бесспорен, так как Видукинд ничего не говорит об осаде Аугсбурга. Правда, осада эта была очень краткой; возможно, что она длилась только два дня; двигаясь с востока, венгры только что перешли Лех; таким образом, возможно, что, сливая события, Видукинд имеет в виду первую переправу, а сражение произошло все же на левом берегу*.

Также и то, что Видукинд переносит сражение в Баварию, является прямым свидетельством именно за правый берег, и, как таковое, имеет большой вес, тем более, что Швабия даже против и выше Аугсбурга несколько выступала через Лех. Тем не менее и эти соображения не могут считаться решающими, так как возможно, что в тексте саксонского монаха мы имеем дело с опиской или неясным представлением географии Южной Германии.

Прямое свидетельство подтверждается косвенными указаниями, которые мы находим в рассказе Видукинда. Он передает нам порядок выступления в поход восьми отрядов. Первые три составляли баварцы, четвертый — франки под предводительством герцога Конрада, пятый — королевский отряд, шестой и седьмой — швабы, восьмой — чехи. Было бы очень странно, если бы знакомые с местностью швабы шли не во главе войска, раз путь лежал через их страну. Вместо них авангард составляют баварцы, — конечно, по той причине, что в данном случае именно они могли, не порывая естественных соединений, выставить вожаками лучших знатоков местности. Далее Видукинд рассказывает, что решение

* Замечание Видукинда о том, что венгры перешли через Лех, и тот факт, что перед тем они находились на левом берегу, пытались толковать в том смысле, что сражение произошло все же на левом берегу, понимая под венграми тех, которые перед сражением в подлинном смысле слова ударили германцам в тыл, т.е. что только часть венгерского войска переправилась через реку, дабы путем вторичной переправы возле устья напасть на врага с тыла. Таково мнение Винекена (Wyneken) в XXI томе его исследований по немецкой истории. Метко опровергающий ошибки других, этот автор в данном случае сам занимается простым прилаживанием событий. Видукинд недвусмысленно говорит, что вся армия венгров переправилась через реку, дабы дать бой, а не одна только часть ее, с целью, якобы, обхода, переправилась туда и назад. Свидетельство Видукинда о том, что венгры перед сражением переправились через Лех, нельзя согласовать со сражением на левом берегу иначе, как приняв вышеприведенное мое предположение, что Видукинд, не говорящий ничего об осаде, имеет в виду первую переправу.

начать сражение было принято, когда прибыл герцог Конрад. Если бы сборный пункт войска находился дальше на запад, где-нибудь между Ульмом и Диллингеном, то было бы трудно понять, почему франк прибыл позже чеха. Если же сборный пункт находился приблизительно возле Ингольштадта, тогда вполне естественно, что Конрад, родовые владения которого находились у Шпейера, появился так поздно. Хотя от Шпейера до Ингольштадта расстояние приблизительно такое же, как от Праги, все же герцог чешский должен был получить известие и приказ гораздо раньше.

Наконец Ратгер, биограф Бруно, архиепископа Кельского и штатгальтера Лотарингского, рассказывает, что лотарингцы не принимали участия в сражении, так как не могли своевременно подоспеть и, кроме того, должны были защищать от набега самую Лотарингию. Это последнее объяснение звучит отговоркой, так как все же наилучшей защитой для Лотарингии была бы победа над венграми, одержанная объединенными силами империи. Но если сборный пункт войск находился под Ингольштадтом, тогда дорога для лотарингцев оказывалась действительно слишком длинной, и они не были вызваны по той же причине, что и саксонцы.

Это исследование вопроса, на каком берегу находилось поле сражения, может сперва показаться имеющим лишь местный интерес; в самом деле, почему столь точное определение места сражения может быть для нас важным? Сейчас мы увидим, что вопрос этот, на первый взгляд мелочный, имеет всемирно-историческое значение, так как место сражения выясняет стратегический смысл, стратегическую предпосылку сражения. Кроме того, это сражение представляет собой проблему еще и в другом отношении.

Оттон пришел со своим войском с севера, с Дуная; Лехфельд лежит к югу от Аугсбурга, а сражение, по свидетельству очевидца Герарда, разыгралось настолько далеко от города, что его нельзя было видеть с городских стен. Далее Герард рассказывает, что венгры, осаждавшие городские стены, при известии о наступлении германцев двинулись им навстречу. Тогда каким же образом сражение могло произойти к югу от города, на Лехфельде? Каким образом германское войско могло зайти так далеко на юг?

Так как венгры выступили навстречу германцам, то первое столкновение должно было произойти к северу, северо-западу или северо-востоку от Аугсбурга.

По свидетельству очевидца Герарда, это столкновение было не особенно упорным. Когда жители Аугсбурга увидели возвращавшихся с поля сражения венгров, то общий облик их войска казался столь мало изменившимся, что горожане сперва подумали, что никакого боя не произошло.

Таким образом, кажется, что венгры сделали попытку обойти германцев с отрядом лучников и напасть на них с тыла. Нападение это было отражено, а когда затем венгры увидели перед собой огромную массу немецких всадников, надвигавшихся на них с мечами и копьями, то они повернули и поспешили возвратиться в свой лагерь, к югу от Аугсбурга. Даже если они считали сражение и самый поход проигранным, то все же должны были постараться спасти, что можно, из обоза — вьючных лошадей, награбленную ранее добычу, а главное женщин, которые в известном числе наверное сопровождали их в походе. С этой целью они должны были сначала снова переправиться через Лех обратно, а затем спешно перейти его еще раз, чтобы выйти на одну из дорог, ведущих на восток. Таким образом, если бы это первое столкновение произошло на левом берегу, к северо-западу от Аугсбурга, то венгры имели бы беспрепятственный путь к отступлению, а так как боевая линия была достаточно далека от реки, они имели бы преимущество перед тяжелыми германскими всадниками, и в дальнейшем дело дошло бы до значительного боя. Венгры перешли бы опять с максимальной скоростью Лех, который хотя и имеет сильное течение и пучины, но в августе мелководен и не представляет

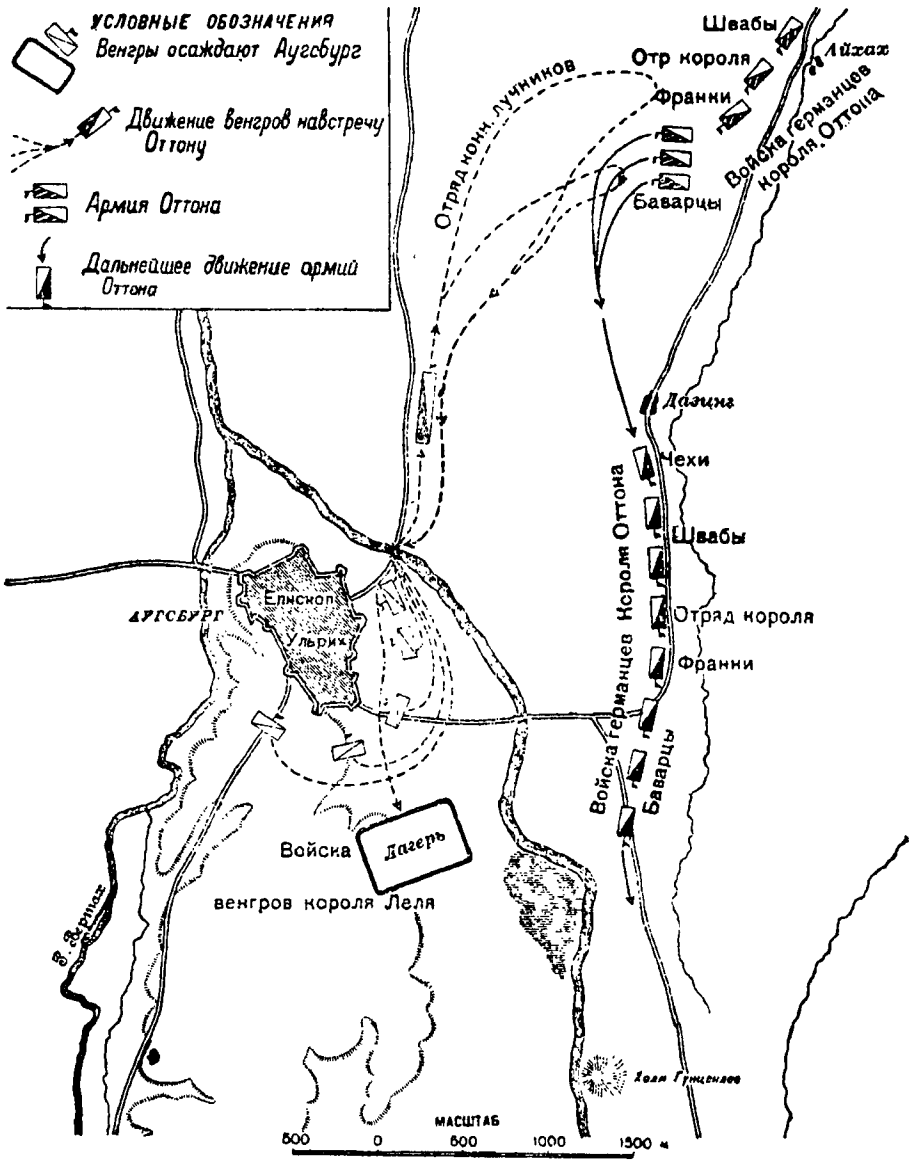


Схема 5. Сражение на Лехфельде 10 августа 955 г.

значительного препятствия, и поспешили бы домой. Иное дело, если германцы подошли с северо-востока на правый берег. Первое столкновение сошло для венгров более или менее благополучно, но затем германское войско появилось на пути отступления венгров и у переправы через реку. Только тут развернулось на Лехфельде настоящее сражение, в котором большинство венгерского войска оказалось уничтоженным, так как путь к отступлению ему был отрезан. Можно себе представить, что венгры двигались все выше, ища переправы через реку, и что германский военачальник позаботился о том, чтобы его воины рассыпались возможно шире вдоль всего Леха, дабы завершить полный разгром. Даже если река

при повторных переходах не представляла существенной помехи, все же вполне вероятно, что при массовом скоплении немалое число венгров попало или было столкнуто в пучины и, как гласит донесение, утонуло. Итак, своеобразие этого сражения заключается в том, что оно распадается на два раздельных — и по времени и по месту — эпизода. Верен рассказ Видукинда, что сражение (т.е. именно первое столкновение) произошло в Баварии, но правильно и название «сражение на Лехфельде».

Противоречие, состоящее в том, что германская армия шла с севера, а сражение разыгралось к югу от Аугсбурга, разрешено.

Позднейшее предание, само по себе являющееся источником малой достоверности, так хорошо укладывается в общую картину событий, что этим самым приобретает достоверность.

В одной хронике XII в. (Zwifaltenses) место сражения названо «Колиталь». В 2 милях от Аугсбурга, к югу-востоку от дороги на Ингольштадт, между Дазингом и Айхахом, ныне расположены близко друг от друга местечко Галленбах и ферма Голенхофен. Происхождение обоих этих названий от одного корня при разности гласных представляется сомнительным, и этимологического сопоставления со словом «Колиталь» тут в прямом смысле быть не может. Но так как слово «Колиталь» откуда-то было взято, а созвучие налицо, то можно предположить, что здесь мы имеем дело с устной передачей, при которой наполовину лишь понятое имя попало в рассказ, а затем было записано в измененном виде. Из этого не следует, что сражение происходило как раз на месте нынешнего Голленхофена. В результате разорения и восстановления названия мест с течением веков могут быть перенесены на значительное расстояние. Но местом первого столкновения безусловно служила холмистая местность в полупереходе на северо-восток от Аугсбурга, где и ныне еще Голленхофен напоминает о месте «Колиталь».

Две другие хроники XII и XIII вв. называют местом сражения часто упоминаемый холм на 6 км выше Аугсбурга, на правом берегу Леха. Он назывался «Гунценлее» и ныне смыт рекой. Все говорит за то, что главные сцены последнего действия сражения разыгрались действительно здесь*.

Но мы еще не дошли до конца.

Когда король Оттон получил в Магдебурге в начале июля известие о набеге венгров, то первой его задачей должен был быть вопрос, где назначить место сбора имперской армии. Конечно, к северу от Дуная. Герцоги** Баварский и Швабский должны были уже по личному усмотрению дать соответствующие директивы своим рыцарям.

Нельзя было предугадать, с какой скоростью и как далеко вторгнутся венгры за те приблизительно 5 недель, которые требовались для сбора войск. Во всяком случае можно было предположить, что сначала они будут держаться к югу от Дуная и станут переходить швабскую границу р.Лех не очень спешно, если вообще не остановятся здесь. Если бы король назначил сборный пункт где-нибудь глубже в Швабии, возле Ульма или еще западнее, то он мог бы быть уверен, что сумеет воспрепятствовать дальнейшему распространению венгров. Но если бы он имел эту мысль, было бы непонятным, почему он не привлек лотарингцев. В начале

* «Ann. Palidens», SS, XVI, 60: «У холма, называемого Гунценлее». Chron. Eberspergense, SS, XXV, 869: «Место боя за рекой Ликом, т.е. Лехом, до наших дней по-латыни называется Конциолеги, народ же называл его Гунценлен». — Что ныне более холм не существует, сообщено Steichele, Das Bistum Augsburg, II, 491.

** Видукинд говорит, что король разбил лагерь «in confiniis Augustanae urbis» и что сюда к нему были оттянуты остальные войска. Это, конечно, не значит, что сборный пункт был назначен в самом Аугсбурге, а лишь в окрестностях этого города, — там, где впоследствии произошло сражение. Сбор должен был произойти к северу от Дуная, дабы не подвергать отдельных отрядов опасности налетов со стороны проворных венгров. Только после сбора всех частей германцы в полной боевой готовности переправились через реку.

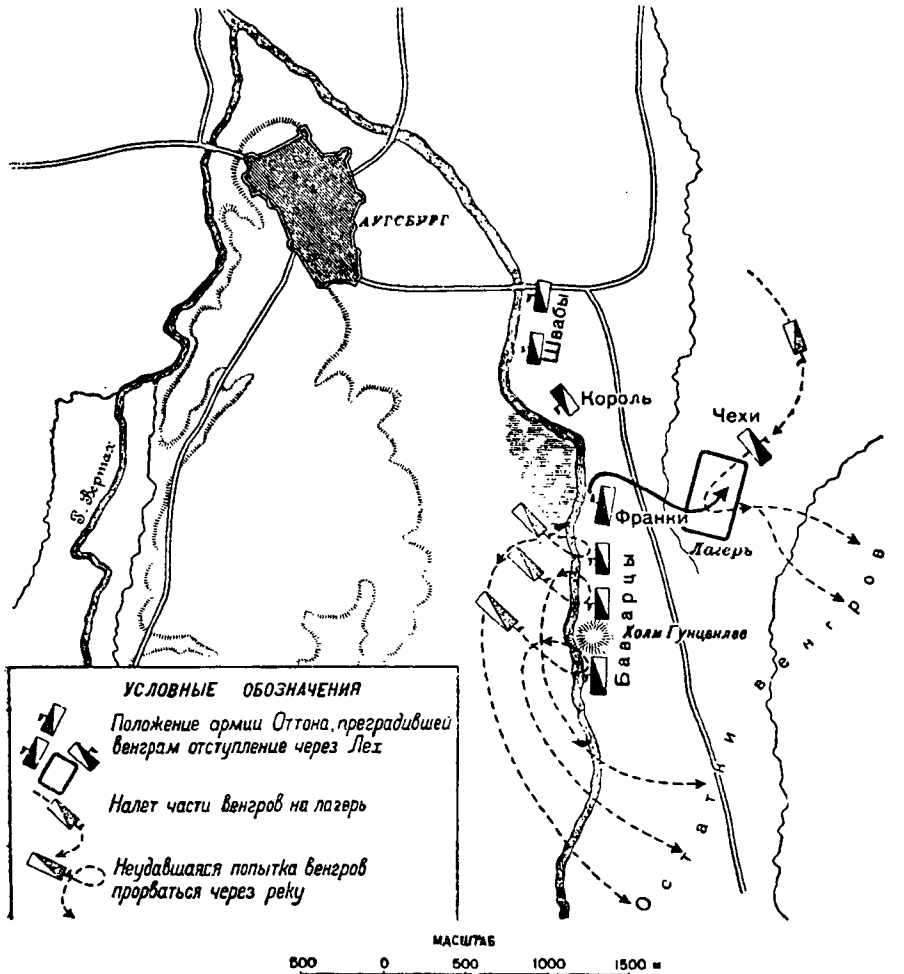


Схема 6. Сражение на Лехфельде 10 августа 955 г.

июля, когда начался сбор в Магдебурге, еще нельзя было предвидеть, что решительное сражение произойдет при Аугсбурге. Быть может, дело дошло бы до сражения только вблизи Некара или даже на Рейне. Как мог король при таких возможностях призвать чехов, а не лотарингцев? Правда, у Ратгера дело рисуется так, что архиепископ Бруно собственной властью и по собственной инициативе задержал своих рыцарей; но при прекрасных отношениях между обоими братьями — архиепископом и королем — возможность такого поступка без санкции последнего кажется совершенно исключенной. Казалось бы, что если штатгальтер крупнейшего и богатейшего из герцогств (включавшего также Рейнскую область и Нидерланды) под предлогом защиты самой Лотарингии, находившейся достаточно далеко от театров военных действий, оставил бы без последствий призыв к сбору имперского войска, это было бы уже не неослушанием, а прямой государственной изменой. Но все становится ясным, если вспомнить, что место сражения мы установили на правом берегу Леха и что, следовательно, сборный пункт германского войска был не возле Ульма в Швабии, а где-нибудь возле Нейбурга

или Ингольштадта в Баварии. Таким образом, германский король преследовал иные цели, чем сопротивление дальнейшему продвижению венгров по стране и новое изгнание их из Германии, и старался собрать свое войско, чтобы напасть на неприятеля с тыла, отрезать ему путь к отступлению и уничтожить его, отбив навсегда охоту возвращения в Германию.

Подходя со стороны Магдебурга, король легче и скорее всего мог соединиться с чехами, баварцами, швабами и франками в Ингольштадте. Баварцы собирались где-нибудь возле Регенсбурга; швабы — возможно ближе к границе, почти у самого Аугсбурга, откуда они при приближении противника уклонились на север, или у Донауверта. Последними, естественно, пришли из-за Рейна франки с герцогом Конрадом во главе. Лотарингцы же фактически не могли своевременно явиться на сборный пункт, лежавший так далеко к востоку. Однако, они получили другое задание. Не было ничего невозможного в том, что, заметив приближавшееся с тыла большое германское войско, венгры могли отступить на запад, с тем чтобы вернуться на родину, пройдя через Лотарингию, Западную Франконию и Италию, как они уже это делали в 932 и 954 гг. Этому лотарингцы могли и должны были помешать. Можно предположить, что архиепископ Бруно привел свою рать в боевую готовность, чтобы в самом крайнем случае она могла препятствовать венграм в трудном переходе через Рейн до тех пор, пока не подоспел бы король Оттон с главными силами и не ударил бы неприятелю в тыл.

Следовательно, хотя лотарингцы не принимали участия в военных действиях на Лехфельде, но в той стратегической идее, которая была положена в основу этого сражения, они играли существенную роль.

На первый взгляд поверхностная и случайная черта, сохранившаяся в дошедших до нас преданиях, прекрасно дорисовывает полученную нами картину войны и показывает, как Оттон вполне сознательно затеял сражение перевернутым фронтом, имея целью полное уничтожение противника. Последним на сборный пункт явился зять короля, Конрад, приведший рейнских франков. Ему пришлось проделать более длинный путь, чем чехам, баварцам и майнцским франкам. Если бы хотели ускорить соединение с ним, то можно было бы сделать один или два перехода ему навстречу. Оттон знал, что делает, когда вместо этого предпочел ждать его восточнее, на обратном пути неприятеля.

Король, как рассказывает нам дальше Герард, провел ночь после сражения в Аугсбурге. Отсюда он спешно выслал гонцов с приказом занять все переправы через реку, чтобы ловить бежавших венгров. Оттон отправил этих гонцов с самого поля сражения и, вероятно, отрядил на это дело часть своего победоносного рыцарства, именно баварцев. Очевидно, возможно было перерезать дорогу бежавшим на Изаре или даже на Инне. Выясняется, что через несколько дней после сражения предводители венгров попали в руки герцога Герниха Баварского, который приказал их повесить. Имеющееся в хронике св.Галлена сообщение* о том, что чехи дали венграм отдельное сражение, разбили противника и взяли в плен их короля Леле, может относиться к этому же ряду событий. Этот бой мог разыграться еще на самом Лехе, куда победители явились прежде, нежели венгры успели переправиться вторично. Последние или тщетно пытались пробиться, или сперва свернули, желая переправиться через реку вверх по течению, и там были захвачены чехами.

Чем больше углубляешься в эти подробности, тем яснее видишь, не только как со всех сторон собираются силы к решительному стратегическому пункту — на

* «Ann. Sangallenses maj. Mon. Germ.», SS, I, 79. По краткой заметке этой хроники можно было бы даже заключить, что данное столкновение между чехами и венграми, так же как и пленение Леле, произошло в совершенно другом походе и чуть ли не на чешской границе, но сведения эти дополняются заметкой из «Chronicon Eberspergense», SS, XX, 12, которая хоть и составлена на 100 лет позже и очень искажена, но как раз содержит имя венгерского герцога Леле, пойманного, по замечанию этой хроники, при бегстве.

пути наступления германцев с востока, — но и в какой степени полный успех сражения обусловливается именно этой стратегией. Какой незначительной рисуется нам мысль о сражении, если бы наступление велось с запада, — в виде подвига отважного рыцарства, притом запятнанного тем, что целое герцогство себялюбиво и близоруко отказалось принять участие в общем деле. Нич в своей немецкой истории придерживается того мнения, что, по источникам, Оттон рисуется нам скорее усердным богомольцем, чем великим военачальником. Вайц (Waitz) в его «Deutsche Verf.-Gesch.», VIII, 174, упоминает, что способностями полководцев из императоров в наибольшей степени обладали Арнульф, Генрих I, Генрих III и Лотарь. Оттона он не называет. Бреслау (Breslau) в «Allgemeine deutsche Biographie» прямо отказывает императору в таланте крупного военачальника. Если Лехфельдское сражение разыгралось на левом берегу реки, тогда такая точка зрения правильна. Но теперь подвиг храброго рыцаря стал для нас делом великого военачальника, а отсутствие лотарингцев в императорском ополчении — великой стратагемой. Двумя поколениями ранее Карл Толстый во главе воинства всей франкской империи ничего не мог поделать с норманнами, осаждавшими Париж. Еще отец Оттона платил венграм дань. И если монахи-хроникеры сами не поняли общей картины эпохи и если вслед за ними прозвище Великого, данное Оттону еще современниками, повторялось при его имени скорее механически, то теперь мы можем сказать, что Оттон I действительно недаром принадлежит к небольшому числу монархов, которых история украсила этим эпитетом. Следует поставить себя в положение короля, когда ему в Магдебурге было сообщено, что враг внезапно вторгся в Баварию. Надо было не только действовать, но действовать с наибольшей скоростью и решительностью. Как трудно было без длительной подготовки собрать вассальское войско! Швабов и баварцев, живших южнее Дуная, из Шварцвальда и с Альп нужно было соединить с чехами, саксонцами и франками в то самое время, когда неприятельское войско двигалось как раз по этим местностям. Где было дано место сбора? Разве не было наиболее естественным попробовать противопоставить свои силы вражеским? Не было ли самым верным привлечь лотарингцев, а также всех саксонцев, дабы соединить силы всей империи пусть даже ценой некоторой потери времени? Как было избежать того, чтобы венгры, заметив мощь надвигавшегося германского войска, не уклонились от боя, — тогда весь грандиозный призыв был бы напрасным?

Все эти вопросы безусловно были поставлены в то время в Магдебурге, и мы видим, какой на них последовал ответ. От участия отдаленных саксонцев и лотарингцев отказались, и место сбора было назначено даже не на нижнем Некаре, а на северном берегу баварской части Дуная, между впадением в него Леха и Альтмюлем, куда баварцы и швабы должны были отступить. Выезжавшим гонцам, равно как и герцогам, было приказано торопиться до последней возможности приблизительно теми же словами, как однажды было написано в одной каролингской грамоте: «Если приказ придет утром, выступать к вечеру, а придет вечером — отправляться на следующее утро, и горе тому, кто его не так выполнит»*.

Сам король немедленно двинулся к сборному пункту в сопровождении приближенного рыцарства и ближайших по месту жительства саксонцев. Лотарингцам было приказано прикрывать свою собственную страну, занимая позиции на Рейне.

Поход был так задуман, что венгры не могли на этот раз избежать своей участи иначе, как победив германцев в сражении, на котором был построен весь расчет, ибо сражение всегда является пробой, показывающей, правильно ли был решен пример в стратегии. Если бы сражение на Лехфельде было проиграно, немедленно послышалась бы и критика: отчего король Оттон не подождал до тех пор, пока он не соберет рыцарей всей империи? Почему он поднял храбрость венгров до

* Так гласит передача архиепископом Хатти Трирским епископу гор.Туля (Toul) императорского приказа в 817 г.

решимости отчаяния тем, что отрезал им путь к отступлению и напал на них с тыла? Разве не следует строить врагу золотых мостов?

Не только составление и быстрое выполнение своего разумного плана при беспрекословном послушании крупных вассалов, но также — и прежде всего — решимость при подобных обстоятельствах вызвать и дать бой сделали Оттона I великим полководцем.

К КРИТИКЕ ИСТОЧНИКОВ

Видукинд говорит об отряде Оттона (legio regia): «Государь, окруженный тысячами отборных воинов и отважным юношеством». Это, конечно, не следует понимать в том смысле, что из всех маленьких феодальных отрядов были выделены воины, составившие некую часть под личным командованием короля. Непосредственно за этим мы читаем о франках, которые под предводительством герцога Конрада отразили нападение венгров с тыла: «Так как ветераны-воины, привыкшие к славе побед, медлили, он справил триумф с молодыми и почти несведущими в военном деле воинами». И это тоже, конечно, не что иное, как злополучная риторика. Франкские рыцари были не моложе и не менее опытны, чем швабы и баварцы.

Видукинд говорит, что в последний день «войско идет по суровым и трудно проходимым местам, чтобы не дать врагу возможности внести замешательство стрелами, которыми он пользуется весьма метко под прикрытием кустарника». Это — тактическая мудрость скорее смелого, как мы хотим думать, чем осведомленного участника сражения, слышанная и пересказанная добрым монахом. Но характер местности изображен правильно.

Видукинд рассказывает, что в последний день наступления обоз всей армии был оставлен под прикрытием богемцев, где он считался в наибольшей безопасности. Но случилось иначе. Венгры переправились через Лех, обошли армию, напали с тыла и разбили сначала богемцев, а затем и оба швабских отряда и захватили обоз. Увидя противника и с фронта и с тыла, король послал герцога Конрада с франками, которому удалось снова рассеять венгров и вернуть при этом всю захваченную ими добычу.

Рассказ этот страдает столь трудно разрешимыми внутренними противоречиями, что я не решился включить его в историческое изложение. Так как разбиты были сперва богемцы — «восьмой легион, затем седьмой и шестой, то, очевидно, армия была еще на марше. Несмотря на это, Оттон посылает на помощь не следующий по порядку — пятый — отряд, а четвертый, который, очевидно, должен был сперва миновать пятый, — и это в то время, когда каждая минута была дорога. Также мало вероятно, чтобы обходный отряд венгров, очевидно, численно ограниченный, мог бы разбить и обратить в бегство 3/8 германской армии.

Быть может, событие это произошло так: армия уже развернулась — все семь «легионов» в ряд, а богемцы образовывали арьергард и охраняли обоз, когда произошло это нападение. Тогда становится понятным, что как раз четвертый легион, стоявший в центре, повернул назад и выручил богемцев. Указание на то, что и швабы уже пустились в бегство, представляется просто измышлением Видукинда, рисовавшего себе отряды один за другим. Но это, конечно, лишь предположение. Возможно, что вообще речь идет о совсем незначительной стычке, очень преувеличенной в рассказе воинов, говоривших с монахом, или самим Видукиндом, желавшим сугубо прославить павшего в бою королевского зятя.

Случилась ли эта стычка в самый день сражения, как теперь принято думать, или накануне — я с уверенностью сказать не могу. Сам Видукинд не был на этот счет вполне уверен. Его утверждение, что король со своим отрядом лично начал сражение, также следует принимать не как исторический факт, а как прием прославления.

Кстати, в виде примера того, как мало можно доверять переработкам второй руки, отмечу, что в переводе Видукинда в «Geschichtenschreiber der deutschen Vorzeit», изданном под наблюдением Перца, Гримма, Лахмана, Ранке, Риттера с предисловием Виттенбаха, целая фраза «равным образом напавши на шестой и седьмой, весьма многих из них разбили и обратили в бегство» совсем выпала.

Дитрих Шефер (Dietr. Schäfer, Sitz.-Ber. d. Berl. Akad., 1905, XXVII) в статье по поводу «Венгерской битвы 955 г.» обратил внимание на следующее место: «Венгерцы у Колиталя близ Аугсбурга терпят поражение от короля Оттона в дни августа, причем из наших пали герцог Конрад и Дипольт, брат обители святого Ульриха».

Шефер отождествляет этот Колиталь с Кюленталем, лежащим приблизительно в 25 км к северо-западу от Аугсбурга на левом берегу Леха, на восточном краю холмистой местности у Шмуттербаха. Грамматически это возможно, но, не говоря уже о направлении, подобное расстояние представляется слишком значительным, чтобы представить себе сражение на этом месте.

Затем Шефер убедительно доказывает, что под silva nigra, до которой венгры в этом походе опустошили (по Герарду) страну, следует разуметь не Шварцвальд, а местность, прилегающую к Альпам.

Реконструируя в первом издании настоящего труда сражение, я, правда, приходил к тем же выводам, что и теперь, но делал это более сложными путями и с меньшей уверенностью, так как мне недоставало безусловно достоверного объяснения операции именно как «сражения на Лехфельде». Заслугой Гарри Бреслау (Harry Breslau) является то, что в то время, когда настоящий том находился еще в печати, Бреслау доказал («Histor. Zeitschr.», т.93, стр.137), что видение, о котором говорится в труде Герарда о жизни епископа Ульриха, относится к этому сражению; до сих пор это ставилось под сомнение.

Альфред Шредер (Alfred Schröder, Die Ungarnschlacht von 995 im «Archiw f.d. Geschichte des Hochstifts Augsburg», т.I, 1919) снова выступил с утверждением, что сражение произошло на левом берегу Леха. Однако затруднения, возникающие при этом, не разрешены, а лишь обойдены и затушеваны.

Гефнер-Альтенек (Hefner-Alteneck) в своем прекрасном издании «Waffen, Ein Beitrag z. Historischen Waffenkunde» изображает на табл.4 принадлежащий ему меч X в., найденный на Лехфельде и могущий, таким образом, относиться к венгерской битве. Меч этот широк и длинен, на конце закруглен, т.е. приспособлен лишь к тому, чтобы им рубить, а не колоть. Эфес бóльших размеров, чем в более древние времена, но все еще умеренного объема.

Когда настоящая глава находилась уже в типографии, я получил статью «Гунценлее и сражение на Лехфельде» учителя Эдуарда Вальнера (Eduard Walner) из Аугсбурга («Zeitschr. d. histor. Vereins f. Schwaben und Neuburg», т.44), которую г.Вальнер имел любезность еще сопроводить письменными сообщениями и справками. Работа эта очень ценна для топографии Лехфельда, и по ней я сделал несколько исправлений в корректуре настоящего труда. Особенно следует отметить, что ныне исчезнувший Гунценлее должен быть помещен на 5 км ближе к Аугсбургу, чем это предполагалось раньше. Затем я должен был отказаться от фонетически возможного сопоставления Kolital с Gollenhof, так как Gollenhofen, как доказал Вальнер, в одном документе 1231 г. назван Goldenhoven. Все же фонетическое сопоставление остается возможным, так как «г» в устах баварца могло превратиться в «к», а двойное «л» могло пасть жертвой орфографии составителя Цвифальтенских анналов. «Долина» же (Tal) прекрасно подходит к холмистой, богатой реками и ручьями местности.

Я еще раз суммирую причины, вынуждающие нас разделить сражение на два отдельных эпизода, из которых первый развернулся вблизи Голленгофена, в полупереходе от Аугсбурга, на правом берегу Леха, а второй и решительный — непосредственно у реки, недалеко от Гунценлее.

Видукинд определенно говорит, что сражение произошло в Баварии, и это действительно подтверждается тем, что на марше баварцы шли в авангарде.

Если бы германская армия собралась в Швабии, к западу от Аугсбурга, было бы трудно понять, почему лотарингцы отсутствовали, рейнские франки явились последними, а знакомые с местностью швабы не были назначены в авангард войска.

Наиболее достоверное известие, которое мы имеем о сражении, это то, что столкновение нельзя было видеть с городских стен, однако, жители видели возвращение венгров и сомневались, произошел ли вообще бой, так как казалось, что венгры не понесли заметного урона. Если бы события такого рода разыгрались к западу от Аугсбурга, тогда вообще большого сражения не произошло бы: венгры перешли бы обратно через Лех, что не могло составить для них затруднения, и приказ Оттона воспрепятствовать противнику перейти через Изар и Инн был бы бессмысленным, если бы дело шло о все еще сильной армии. Приказ этот свидетельствует о неприятеле, разбитом наголову, о рассеянных отрядах.

Так как венгры осаждали Аугсбург, прикрытый на востоке, западе и севере Лехом и Вертахом, то, очевидно, их лагерь был расположен южнее города, т.е. на левом берегу Леха. Чтобы дать бой, они перешли через реку на правый берег. Если они с самого начала не хотели избегнуть боя, то иначе они и не могли поступить. Если бы они ждали противника в своем лагере, близко от города, то были бы чрезвычайно скованы в своих движениях, а это для них — конных лучников — имело очень большое значение.

Еще менее вероятно, что первое столкновение разыгралось южнее города. Это невероятно даже в том случае, если бы можно было предположить, что лагерь венгров находился восточнее города и что

германцы пришли со стороны Ульма, а венгры пошли им навстречу в этом направлении. Ведь тогда было бы непонятно, почему с городских стен видели только отступление, а не самое сражение.

Брат епископа, граф Дитбальд, покинул город в ночь перед сражением, — он хотел соединиться с армией короля, оставив, понятно, достаточное количество воинов для охраны стен. Это свидетельствует о том, что король приближался не с северной стороны, ибо в таком случае он так близко подошел бы к городу (или даже миновал его), что Дитбальду не нужно было бы совершать ночного перехода. Остается только северо-восточное или северо-западное направление. Почему последнее направление исключается, мы уже знаем: об этом говорят источники, и это явствует из положения вещей.

Сообщение Герарда о видении епископа Удальриха, как доказывает Вальнер, связывает сражение с Гунценлее, на Лехе, примерно в 6 км выше Аугсбурга. Это же место определенно называют две более поздние хроники. Так как венгры побежали мимо городских стен Аугсбурга, то этот бой у Гунценлее безусловно не является первым эпизодом сражения. Очевидно, это особый и притом весьма важный эпизод. Если германцы пришли с западной стороны, и первое столкновение произошло на левом берегу Леха, то нельзя заключить, что эта операция имела здесь место. Если же представить, что германцы пришли с северо-востока, венгры после первой стычки возвратились в лагерь, а германцы у Гунценлее вторично выступили против них и отрезали им путь к отступлению, то эта операция легко согласуется со всеми остальными фактами. Это подтверждается также сообщением Видукинда о том, что венгры перешли Лех и отправились навстречу королю, и что сражение (т.е. первое столкновение) произошло в Баварии.

Подробное критическое документальное опровержение различных гипотез относительно сражения можно найти в юбилейном сборнике Дельбрюка в статье Карла Хаданка (Karl Hadank), издание Георга Штилька 1908 г. В этой статье исправлена также весьма распространенная ошибка, будто Конраду, в то время как он из-за жары развязывал шнурок своего шлема, в горло попала венгерская стрела. В действительности он снял кольчугу.

УКАЗАНИЕ О ПЕРВОМ СРАЖЕНИИ С ВЕНГРАМИ

Liudprand Antapodosis, II, 4, рассказывает о победе венгров над королем Людвигом-Дитя. По его словам, венгры предприняли притворное бегство и устроили засаду. Но ни автор, ни его рассказ не внушают доверия.

ГЛАВА III

СРАЖЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ГЕНРИХЕ IV

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГОМБУРГЕ НА Р. УНСТРУТ
9 июня 1075 г.

Об этом сражении мы имеем три подробных описания — Ламберта из Герсфельда, Бруно* и одной эпической поэмы**, но первые два тенденциозны и противоречат друг другу даже в важнейших пунктах, последнее же является чистой риторикой. Ламберт и Бруно изображают дело таким образом, что армия Генриха IV выступила и напала на саксонцев, якобы, совершенно неожиданно. Не является ли это простым оправданием поражения? Утверждение Ламберта, что вообще только немногие саксонцы успели надеть на себя латы и были выбиты из «ворот» (будто бы они, подобно римлянам, имели укрепленный лагерь), является простой риторической фантазией.

По Ламберту выходит, что многие воины, якобы, остались на северном берегу Унструта и скорее слышали о поражении, чем о сражении. Исход сражения все

* Оба M. G. SS. V. и учебное издание.
** «Carmen de bello Saxonico», M. G., SS, XV.

же колебался в промежутке от полудня до 9 часов вечера и был решен только благодаря вступлению в бой новых частей Генриха. Уже достовернее звучит это место у Бруно, который повествует, что сражение было ожесточенным, но очень коротким, так как саксонцы потеряли только трех, король (по словам Бруно) — 8 знатных воинов.

Ламберт сообщает, что в бою погибло много дворян из Швабии и Баварии, но это так же неправдоподобно, как и его перечисление тех немногих дворян, которые остались невредимыми.

Представляется достоверным, что это сражение было чисто рыцарским и что самые знатные князья сражались впереди. Маркграф Удо Нордмарский будто бы нанес своему двоюродному брату герцогу швабскому Рудольфу (в дальнейшем король-соперник) такой удар по голове, что он остался в живых только благодаря крепкому шлему. Герцог вообще весь был покрыт синяками. Маркграф Баварский Эрнест был так тяжело ранен, что умер. С саксонской стороны в бою пал граф Гебгард Суплинбургский, отец будущего короля Лотара. Нельзя установить, была ли вообще пехота у короля. По словам Ламберта, саксонская пехота находилась во время сражения в лагере, — едва ли преднамеренно (ибо зачем же ее, в таком случае, взяли с собой, поскольку это не был простой обоз), а потому, что конные воины ринулись вперед и сражение сразу же было решено. По Бруно, большая часть саксонцев пустилась в бегство еще до начала сражения.

Эту пехоту, которая в большом количестве была изрублена, считали крестьянским ополчением. Carmen de bello Saxonico (M. G., SS, XV, 2, 1231 г.) подробно рассказывает, как саксонские рыцари силой принуждают народ нести военную службу и как затем масса в свою очередь проникается воинственным пылом, землепашцы и пастухи отправляются на войну, выковывают оружие из своих инструментов и оставляют страну пустой. Между тем Ламберт считает саксонцев народом невоинственным: «Неотесанная чернь, более привычная к обработке земли, чем к военному делу, объединенная не воинским духом, а страхом перед начальниками, выступила в бой вопреки своим нравам и обычаям».

Несмотря на эти показания, совершенно исключена возможность того, что саксонские князья хотели повести в бой крестьянское ополчение. «Carmen» является поэмой, фантастически рисующей события. Это особенно заметно в конце ее, где рассказывается, как после этой победы король, забирая города и крепости, опустошил всю Саксонию; только у немногих саксонцев оставалось какое-либо имущество — скот или пожитки. В действительности же король дошел с армией только до Гальбурштадта, лично отправился с небольшой свитой в Гослар и уже 1 июня вернулся обратно*. Если мы соответственно этому сократим сообщение о всеобщем призыве, то мы можем его истолковать в том смысле, что саксонские князья посадили на коня помимо своих рыцарей также некоторых других годных воинов, особенно же подкрепили себя необычным числом пеших оруженосцев и для этой цели призывали, снарядили и взяли в поход многих еще не испытанных в боях.

Ламберт утверждает, что местность не допускала одновременных действий всей королевской армии, а потому колонны были выстроены одна за другой, причем король находился в пятой колонне, а последнюю составляли чехи. Это утверждение должно быть безусловно отвергнуто, так как местность на южном берегу Унструта ни в коем случае не препятствует широкому развертыванию конницы. Быть может, оно основывается на донесении о походном порядке.

Сообщение монаха Бертольда из Рейхенау (M. G. SS, V) о том, что в этом сражении было убито 8000 саксонцев, не имеет, конечно, никакой ценности.

* По Ламберту и Бруно.

ВОЙНА МЕЖДУ ГЕНРИХОМ IV И ЕГО СОПЕРНИКОМ РУДОЛЬФОМ

В то время как Генрих IV находился в Италии, где искал примирения с папой Григорием VII и приносил в Каноссе церковное покаяние, в Форхгейме во Франконии собрались враждебные ему германские князья и избрали королем герцога Рудольфа Швабского, мужа одной из сестер Генриха (15 марта 1077 г.). Однако, когда Генрих после снятия с него отлучения от церкви возвратился в Германию, на его сторону перешло так много графов и епископов, что Рудольф должен был отступить из Южной Германии в Саксонию, где старая вражда саксонцев к королю снискала ему их симпатию.

Но хотя решительное большинство баварцев, швабов и франков и перешло на сторону короля, все же князья не были склонны немедленно пойти с ним в решительный бой против узурпатора и желали покончить спор о престоле путем мирного соглашения. Так как такое соглашение при любых условиях все же должно было кончиться отказом Рудольфа от престола, Рудольф собрал все силы и, объединившись с обоими герцогами — Вельфом Баварским и Бертольдом Каринтийским из рода Церинген, продвинулся с отрядом саксонского войска до самого Некара. И все же, несмотря на это объединение, он был не настолько силен, чтобы заставить Генриха принять решительный бой. Он вынужден был возвратиться назад; зима и начало следующего лета прошли в переговорах, нескольких мелких опустошительных походах и осаде отдельных крепостей. Только поздним летом Рудольф предпринял вторую попытку добиться решительного сражения и снова выступил с саксонцами для соединения с южногерманскими герцогами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЕЛЬРИХШТАДТЕ
7 августа 1078 г.

Рудольф продвигался по Тюрингии, швабская армия под командой герцогов Вельфа и Бертольда собиралась между Рейном и Некаром. Но на этот раз и сам король Генрих имел достаточную армию, двинулся навстречу саксонцам и встретился с ними у Мельрихштадта, на границе Тюрингии и Франконии. По подробному рассказу Бруно (описание Бертольда — совершенно запутанная небылица), бой этот был чисто рыцарским и кончился тем, что на обеих сторонах одна часть победила, одна бежала. Это бывало во многих сражениях. В рыцарском сражении это имеет еще особое значение в том отношении, что почти невозможно остановить рыцарей, раз они побежали. Это тяжело даже при дисциплинированной кавалерии, у рыцарей же это не только психологически тяжелее, но недостижимо еще особенно потому, что они не в состоянии занять исходное положение для того, чтобы сковывающим боем выяснить обстановку. Рыцари не могут вести оборонительный бой (оставляя в стороне совершенно исключительные обстоятельства); когда на них надвигается противник, они должны или помчаться ему навстречу, или ускакать. Среди саксонцев, разбитых и обратившихся в бегство при Мельрихштадте, находился и сам король Рудольф. Его храбрость получила общее признание. На самом деле сражение было им не проиграно, так как его противник Генрих тоже покинул поле сражения, и лишь один саксонский отряд под командой пфальцграфа Фридриха удержал поле сражения в конечном счете за собой. Несмотря на это, Рудольф тотчас же продолжил свой отход в Саксонию. По дороге часть его князей была ограблена и убита крестьянами, а часть поймана и приведена к королю Генриху. Победоносные саксонцы пфальцграфа Фридриха также не придумали ничего лучшего, как захватить добычу и отправиться домой.

Один более поздний источник, который, однако, мог основываться на какой-то устной передаче, — Пельдские анналы, — сообщает, что король Рудольф, узнав о том, что он бежал от собственной победы, с досады готов был умереть*.

Так вот получается представление, что, несмотря на поражение, король Генрих добился своей стратегической цели — не дать соединиться обеим неприятельским армиям. Нужно было бы ожидать, что теперь он направит свои силы на швабскую армию, тем более что герцог Богемский к этому времени подвел ему новые войска. Но потому ли, что обратившиеся в бегство рыцари Генриха отправились прямо домой, или по другим неизвестным причинам, Генрих сначала ничего не предпринял, а отправился в Баварию и только в октябре собрал новую армию для опустошительного похода против владений его соперника в Швабии.

Это событие очень характерно для ведений войны в эпоху рыцарства и не должно быть умалено, как это делает Гизебрехт, полагая, что Генрих потому отступил, что иначе он очутился бы между обеими неприятельскими армиями: ведь саксонцы отошли назад, и если бы даже они снова вернулись, то король тем временем мог бы разбить южногерманских герцогов. Также неправильно замечание Флото (в его жизнеописании Генриха IV), что король не мог преследовать саксонцев потому, что южногерманцы, расправившиеся тем временем с крестьянами на Некаре, зашли ему в тыл; в этом случае они вышли бы прямо на короля, который каждый момент мог покончить с саксонцами. Стратегическими мотивами поступок Генриха безусловно нельзя объяснить. Правильное объяснение можно скорей искать в самой природе рыцарского войска (если при этом не играли роль другие, нам совершенно незнакомые мотивы), которое даже после простого полупоражения было неспособно к военным действиям.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФЛАРХГЕЙМЕ
27 января 1080 г.

Сражение под Мельрихштадтом осталось почти безрезультатным для обеих сторон. Но в конечном выигрыше остался король, так как, во-первых, выяснилось, что силы Рудольфа слишком слабы для стратегического наступления, и, во-вторых, что мирным путем раздора не решить. Это вынуждало сторонников короля помочь ему настолько, чтобы он со своей стороны мог перейти в наступление. И он предпринимает даже зимний поход.

Некоторые сильнейшие саксонские князья потеряли веру в короля-соперника и отступились от него; поэтому Генрих, очевидно, полагал, что при внезапном его появлении Рудольф будет не в силах оказать ему сопротивление в открытом бою**.

Однако, Рудольф совместно с Оттоном Нордгеймским выступил ему навстречу южнее Мюльгаузена в Тюрингии. Саксонцы построились за ручьем на холме для атаки противника в тот момент, когда он, переходя ручей, взойдет на косогор. Но Генрих учел неудобство местности и обошел эту позицию.

Относительно исхода разыгравшегося сражения источники противоречат друг другу. По Бруно и Бертольду, саксонцы победили, а Генрих бежал. По Эккегарду (Фрутольф) и Аугсбургским анналам, бежали саксонцы, а герцог Братислав Богемский, союзник Генриха, захватил даже золотое копье Рудольфа. Это копье предназначалось Рудольфом в будущем для того, чтобы в торжественных случаях его несли впереди богемских герцогов. Но во время сражения, — продолжает Эккегард, — отряд саксонцев напал на королевский лагерь, убил оруженосцев и

* Пельдские анналы (M. G., SS, XVI) сообщают об одном сражении, которое относят к 1080 г.: «Генрих и Рудольф снова сразились, причем Рудольф, услыхав крик, решил, что его войско дрогнуло, и обратился в бегство. Узнавши об исходе дела, т.е. о том, что он бежал от собственной победы, предпочел смерть жизни.» Это может относиться только к сражению под Мельрихштадтом.

** Бертольд определенно сообщает, что Генрих заверил свою свиту в этом (Berthold, M. G., SS, V).

забрал большую добычу. После этого король отправился обратно в восточную Франконию и распустил свою армию.

На первый взгляд кажется, что такое объяснение отступления короля — простая отговорка с целью скрыть поражение и что подлинной победы Генрих безусловно не одержал. Однако, не так уж невозможно, что сражение протекало подобно Мельрихштадтскому, и Генрих повернул назад не потому, что он действительно был разбит при Флархгейме, а скорей потому, что увидал несбыточность своей надежды на несочувствие саксонцев Рудольфу. Что Генрих действительно не был разбит явствует еще из того, что Бруно ничего не говорит о захвате лагеря; по словам Бертольда, только наступление ночи разъединило бойцов. Несмотря на это, он приписывает победу несомненно саксонцам, ибо Рудольф оставался на поле сражения до полуночи и только из-за невыносимого холода отправился на постой в ближайшую деревню; с наступлением же дня он снова появился на поле. Таким образом, о преследовании во всяком случае не было и речи.

По словам Бертольда, со стороны Рудольфа пало только 38 человек.

СРАЖЕНИЕ НА ЭЛЬСТЕРЕ
15 октября 1080 г.

После Флархгеймского сражения папа Григорий вторично и окончательно отступился от Генриха, снова отлучив его на пасхальном соборе 1080 г. от церкви. Благодаря этому и военное положение достигло наивысшего напряжения: все иллюзии относительно мирного улажения конфликта, связывавшие до этого времени силы обеих сторон, теперь исчезли, и обе стороны стали думать только о сосредоточении максимальных сил для достижения скорейшей и окончательной развязки. По опыту последних лет Рудольф знал, что для наступательных действий он недостаточно силен; инициативу захватил Генрих, как более сильный. Все лето он был занят церковными делами, провел один собор в Майнце и второй в Бриксене, последний — совместно с итальянскими епископами. На этих соборах он пошел на крайнюю меру и выбрал нового папу. Покончив с этим, он снова занялся Рудольфом.

Благодаря обстоятельному рассказу Бруно, который, возможно, сам присутствовал при этом, о походе и сражении мы осведомлены сравнительно хорошо. Но у преданного одной стороне священника-писателя мы, естественно, не можем искать полноты мотивировки действий ни саксонских руководителей, ни, тем менее, короля Генриха.

Задачей короля являлось объединение западногерманских и южногерманских отрядов с чешскими отрядами и отрядами маркграфа Мейсенского, ставшего на его сторону. Генрих выбрал опасный путь из Гессена через Тюрингию, вдоль южной границы Саксонии, для того чтобы на р.Заале или Эльстере встретиться с остальными контингентами. Путем демонстрации против Гослара ему сперва удалось отвлечь внимание саксонцем в эту сторону, в то время как королевская армия двигалась через Эрфурт на восток. Но саксонцы вскоре заметили свою ошибку, погнались за противником и нагнали его на Эльстере. Быть может, баварцы, шедшие с юга, уже присоединились к нему*, чехи и мейсенцы были еще по ту сторону реки.

* Об этом Бруно ничего не говорит. Из этого, однако, можно было бы заключить, что, согласно Пегаурской хронике, и Генрих пришел через Вейду (южнее Геры на верхнем Эльстере). Это, конечно, из рассказа Бруно не вытекает. Но так как Генрих во всяком случае призвал для похода и Баварию, где было особенно много его приверженцев, а баварцы, очевидно, не могли прийти никакой другой дорогой, то возможно, что в основе рассказа Пегаурской хроники лежит предание о том, что королевские войска пришли через Вейду. Возможно и так, что в этом предании подразумевают деревню Вейду, расположенную на поле сражения.

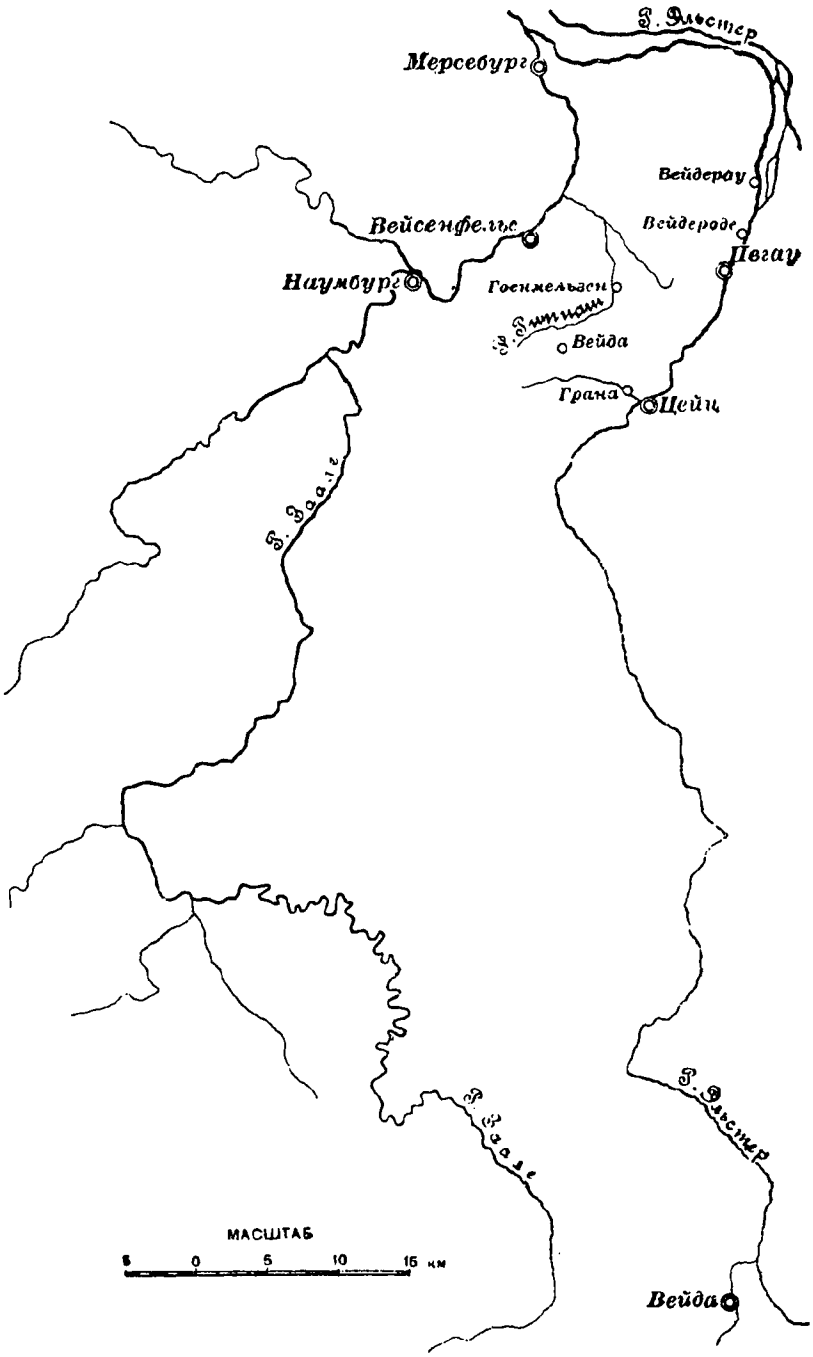


Схема 7. Сражение на р.Эльстер

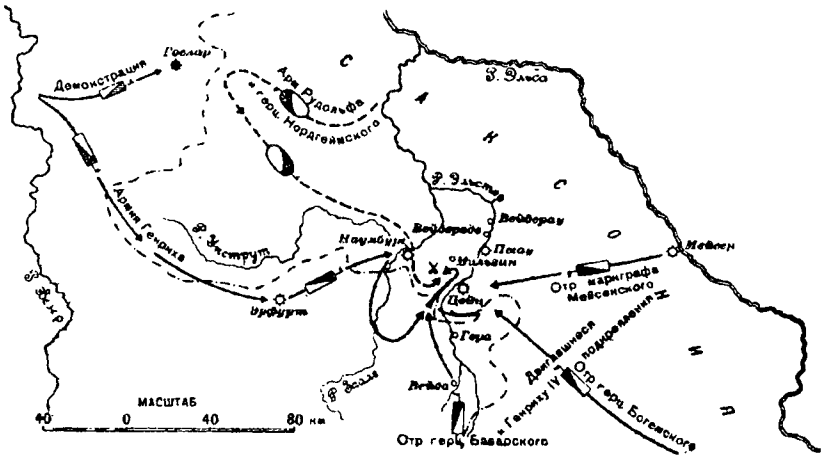


Схема 8. Сражение на р.Эльстер. Движение Генриха IV и соединение его с баварцами, богемцами и мейсенцами.

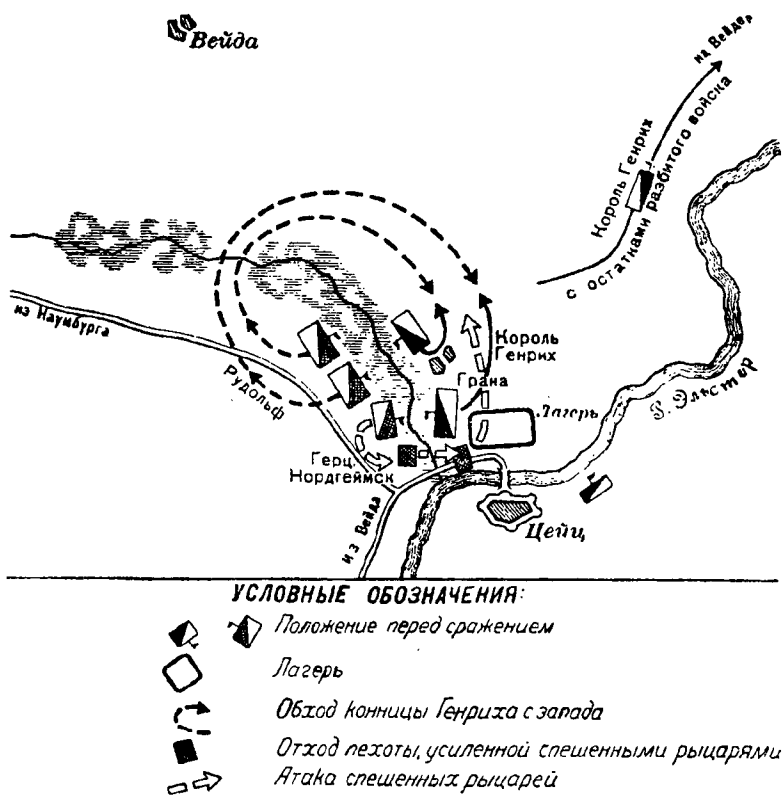


Схема 9. Сражение на р.Эльстер. Поражение Генриха IV.

Бруно задает вопрос: не для того ли Генрих выстроил своих воинов спиной к реке, чтобы у них не было возможности бежать, а позднейшее местное предание, записанное в Пегаурской хронике, сообщает, что сражение произошло у местечка Мильзин (Мельзен) на р.Эльстер (juxta Elstram). Поэтому не может подлежать сомнению, что бой разыгрался непосредственно на берегу реки.

Далее Бруно рассказывает, что Генрих не хотел дальше оттягивать сражения. Но это затемняет истинное положение вещей: зачем бы Генрих заходил так далеко? К тому же писатель говорит, что король разбил свой лагерь на Эльстере вопреки своей воле (nolens). Если бы это зависело от Генриха, он безусловно отсрочил бы развязку до прибытия чехов и мейсенцев.

Ни один историк не дает объяснения тому, что могло помешать королю переправиться через р.Эльстер, не представляющую серьезного препятствия. Так как он переправился через р.Заале южнее Наумбурга*, не будучи в состоянии овладеть этим городом, то естественная дорога для соединения с чехами вела в направлении на Цейц, что, как мы увидим, соответствует дальнейшим событиям. В Цейце, без сомнения, имелся мост через Эльстер; быть может, Цейц, как и Наумбург, запер свои ворота и этим закрыл ему прямой путь, а прежде чем успели построить собственную переправу, саксонцы уже подошли.

Мы могли бы задать еще один вопрос: почему Генрих, если он не мог перейти Эльстер и не имел еще в сборе всех своих сил, не уклонился вдоль реки на юг? Раз саксонцы его нагнали, то сделать это в порядке едва ли было возможно. Такое отступление легко могло перейти в бегство.

Армия, вооруженная почти исключительно холодным оружием и состоящая преимущественно из конных, с трудом могла бы вести прикрывающие арьергардные бои, которые дали бы главным силам время для отхода в полном порядке. Помимо этого, Эльстер южнее той местности, где, очевидно, произошло сражение, имеет сильный изгиб на запад, что сильно затрудняло уклонение отошедшей с этого направления армии. Наконец, возможно, что чешское и мейсенское подкрепления, из-за которых совершен был весь переход от Гессена через Тюрингию, уже находились поблизости на другом берегу реки. Пегаурская хроника, написанная значительно позднее, но основанная, очевидно, на местной традиции, сообщает даже, что чехи принимали участие в бою. На основании положительного свидетельства Бруно мы должны отвергнуть это показание. Однако, поскольку даже хроника повествует о том, что герцог Богемский спас своими чехами короля Генриха, все это, вместе взятое, создает внутреннюю вероятность и едва ли является чистой выдумкой. Мнимое участие чехов в сражении основано, очевидно, только на позднейшем рассказе об этом бегстве и спасении, когда связь событий уже не была так точно известна. Мы же можем заключить, что если герцог Богемский мог спасти короля в этом сражении, то, быть может, он уже во время самого сражения стоял на другом берегу со своим авангардом, и что непосредственная надежда на соединение с ним побудила короля, вместо того чтобы уклониться на юг путем маневра, выиграть нужное время.

Итак, король занял позицию за болотистой долиной, где саксонцы не могли непосредственно атаковать его. Это болото, по Бруно, называлось Грона. Можно полагать, что это название сохранилось в названии деревни Грана, или Грона, против Цейца. Здесь у р.Эльстер с запада на восток простирается долина, которая до этого представляла собой, очевидно, болото. Путь, по которому Генрих пришел от р.Заале, шел вдоль южного края этой долины, затем пересекал вблизи Эльстера

* Вопрос о том, как он близко подошел к Наумбургу, приходится оставить открытым. Выражения Бруно можно было бы понимать в том смысле, что король сделал попытку штурмовать Наумбург. Но возможно и другое, — что Генрих на основании одного только известия о том, что саксонцы или их авангард уже достигли Наумбурга, переправился через Заале в одном переходе дальше на юг. Перед городом произошел, быть может, только бой разведывательных частей.

болото с крутым поворотом и здесь вел к Цейцскому мосту. Вероятно, уже тогда мост был приблизительно на том же месте, что и теперь. Таким образом, Генрих перешел это болото и находился к северу от него, когда в тылу появились саксонцы.

В виду неприятеля саксонцы не были в состоянии перейти болото. Рыцари стали перебраниваться и, как рассказывает Бруно, язвительно вызывать друг друга перейти на другую сторону.

Под прикрытием болота король был в данный момент недосягаем. Хотя Цейц закрыл ему непосредственную переправу через реку, но с другой стороны на город наступали герцог Богемский и маркграф Мейсенский. Если бы и эта угроза не открыла прохода, то королю все же нетрудно было бы быстро установить вне города переправу, при помощи которой он соединил бы свои войска по обеим сторонам реки.

Саксонцы имели возможность, вернувшись немного назад, обойти болото с западной стороны. Генрих, очевидно, учел это, но или считал, что на это уйдет день, в течение которого можно успеть установить переправу через Эльстер, или же, что во время движения неприятеля он сможет снова пойти через болото на юг, и, таким образом, между обеими армиями опять-таки будет лежать препятствие.

Но король Рудольф и Оттон Нордгеймский знали, что стоит на карте, и были достойны своего положения. Бруно рассказывает, что многие воины саксонской пехоты от усталости застряли в пути, и поэтому было отдано распоряжение, чтобы все рыцари, имеющие слабосильных лошадей, спешились и сражались в пешем строю. Для какой цели нужна была пехота? Ведь это не значит, что рыцари спешились из-за негодности лошадей, а только лишь для того, чтобы заменить недостававших пеших. Мы знаем, насколько в открытом бою конный ценнее пешего. Искусственно созданная здесь пехота имела безусловно особое назначение, и назначение очень важное, так как командование над ней принял на себя Оттон Нордгеймский, после короля Рудольфа первое лицо в армии. Эта пехота предназначалась, как мы можем заключить, для занятия и преграждения переправ через Гронское болото во время обходного движения конницы, а также и для того, чтобы самой вступить отсюда в бой. Саксонская армия, несомненно, численно превосходила королевскую. Таким образом, она могла позволить это разделение сил, понуждаемая Генрихом вступить в сражение, причем в такое, при котором отступить можно только в реку.

Пехота была в состоянии как оборонять болото, так и форсировать его в местах, непроходимых для конницы.

С этим предположением совпадает дальнейший ход событий.

Положение конницы, сражавшейся фронтом на восток и запад, было неустойчивым; часть саксонцев обратилась было уже в бегство, когда с юга появился Оттон Нордгеймский с пехотой. По словам Бруно, Оттон разбивает часть неприятельской армии, приходит в неприятельский лагерь, не дает своим людям грабить и ведет их на остаток противника, который еще держится. Он все побеждает. Такой успех пехоты против конницы совершенно невероятен. Но если мы себе представим, что Оттон прошел со своими людьми болото, когда конный бой еще находился в неопределенном состоянии, тогда все будет ясно. Прежде всего он сбил пост, охранявший место переправы; затем он натолкнулся на королевский лагерь, но сумел удержать свой отряд и повести его в конный бой, который благодаря этому подкреплению и был решен в пользу саксонцев. Вопрос о том, протекало ли сражение точно так или немного иначе, приходится оставить открытым. Сам Бруно, являющийся нашим источником, видимо, не имеет ясного представления по этому поводу. Самым важным моментом является для нас объяснение, почему здесь спешили рыцарей и почему эти спешенные рыцари смогли решить конное сражение.

Хотя Генрих был совершенно разбит и часть его армии утонула в Эльстере, все же, поскольку победитель, король-соперник Рудольф, пал, шансы оставались равными. У Рудольфа была отсечена правая рука и нанесена рана в живот, от которой он и скончался. Еще и поныне можно видеть в Мерсебургском соборе его надгробный памятник. Можно себе представить, как храбро и мужественно сражался гордый рыцарь, «бежавший от собственной победы» при Мельрихштадте и потерявший при Флархгейме свое королевское копье, чтобы восстановить свою славу, добытую им на поле Унструтского сражения. Это рыцарское честолюбие и принесло ему смерть. Его сторонники сделали ему такую надпись на памятнике:

«Там, где его войско победило, пал он священной жертвой. Жизнью была ему смерть, понесенная ради церкви».

Но Эккегарт написал в своей хронике, что когда Рудольфу принесли отрубленную правую руку, он якобы сказал стоявшим вокруг него епископам, со стоном: «Вот рука, которой я клялся в верности моему государю Генриху; смотрите вы, возведшие меня на его трон, правильным ли путем вы вели меня».

Последней причиной поражения Генриха IV является его продвижение через Тюрингию. Неизвестно, кто был бы победителем, если бы Генрих, пройдя дальше на юг через Франконию, соединился с баварским, чешским и мейсенским отрядом в районе верхнего течения р.Заале и затем пошел бы на врага сомкнутыми рядами. Благодаря же тому, что король двинулся с половиной армии через Тюрингию, он подошел так близко к саксонцам, что они напали на него и вынудили принять сражение, прежде чем он объединил все свои силы. В конце концов, дело сводилось к нескольким часам в случае, если бы переправа через такую среднюю по величине реку, как Эльстер, несколько задержалась. Мы не знаем, что побудило короля к неосторожному выбору такой дороги для похода, но из маневра, при помощи которого он увлек саксонскую армию в ложное направление, видно, что он отлично сознавал опасность этого предприятия. Вероятно, соображения продовольственного порядка побудили его выдвинуть место соединения всех своих контингентов как можно больше вперед. Если бы Генриху удалось собрать в одном месте рейнские, южногерманские, чешские и мейсенские отряды, то вся армия была бы необычайно большой и смогла бы передвигаться лишь с большим трудом. Кроме того, при марше западных контингентов через Тюрингию они щадили свою область и наносили ущерб неприятельской. Может быть также, что недооценили энергию и наступательную способность саксонцев и слишком понадеялись на действие отвлекательного маневра. Все это — не больше как предположения, но предположения, свободно вытекающие из самого характера военных операций того времени, из всех обстоятельств и духа действующих лиц. Вечная трудность всех военных операций, заключающаяся в том, что большую армию трудно передвигать и снабжать продовольствием, а если ее подразделить или уменьшить, то небольшие армии легче подвергаются поражению, — эта трудность была в эпоху феодального призыва и натурального хозяйства еще большей, чем в другие эпохи. Тот факт, что попытка Генриха IV преодолеть эти трудности окончилась неудачей, для нас весьма поучителен как показатель того, что в Средние века попытки добиться решительного успеха большими сосредоточенными силами делались вообще очень редко.

На основании одного только рассказа Бруно нельзя получить ясной картины сражения на Эльстере. Для облегчения нашей реконструкции пришлось опереться на следующие два момента: принципиальное понимание ценности и значения обоих родов войск этой эпохи — конницы и пехоты — и установление и значение местности, на которой разыгралось сражение. В отношении последней задачи мы многим обязаны исследованию Г.Ландау (D-r G.Landau, Korrespondenzblatt des Gesammtvereins der deutschen Geschichte- u. Altertumsvereine), т.10, N5, стр.38 (1862 г.). Флотов в своей ценной книге об императоре Генрихе IV пришел к совсем другой картине сражения: ему не хватало этих двух моментов исследования;

кроме того, он не заметил стратегической подоплеки сражения, а именно, — что Генрих не собрал еще всех своих сил и пытался избежать сражения, но что саксонцы, имевшие превосходство, вынудили его сражаться. Поэтому Флотов не может объяснить исход сражения чем-либо иным, кроме непонятного поведения пфальцграфа Генриха Лаахского, который со своим отрядом королевского войска сперва одержал победу на одном фланге, но затем остановился и стал петь победный гимн, вместо того, чтобы поинтересоваться положением дела на другом фланге.

Гизебрехт и Мейер фон Кнонау не соглашаются с исследованием Ландау и предполагают, что поле сражения находилось одной милей севернее, у Grunau-Bach (ручья Грунау) при Hohen-Mölsen. Название Grunau-Bach фонетически однозвучно с Grona, а местное предание о том, что сражение имело место при Мельзене, естественно приводит к тому месту, которое ныне называется Mölsen. Но местоположение «Hohen-Mölsen» не соответствует данным Бруно, который помещает лагерь Генриха и поле сражения непосредственно у Эльстера. Hohen-Mölsen находится почти в полутора милях от Эльстера. И другие позднейшие источники указывают, что Мельзен находился на Эльстере. Пегаурская хроника (M. G., SS, XVI, 241) говорит: «достигли Мельзена на р.Эльстере», а Пельдские анналы (M. G., SS, XVI, 70) упоминают Мельзен у Эльстера. Сама по себе не исключена возможность того, что Генрих из Наумбурга взял направление на Пегау, а не на Цейц. Было бы только непонятно, каким образом Генрих попал с Эльстера, которого, по словам Бруно, он уже достиг, снова на целую милю назад к ручью Грунау. Если бы сражение происходило при Hohen-Mölsen, то Бруно не смог бы сказать, что Генрих нарочно построил армию спиной к реке, чтобы заставить ее храбро сражаться. Тогда бегущие не попадали бы прямо в реку: они имели бы достаточное пространство, чтобы свернуть в сторону. Вообще не так уж легко преследовать на расстоянии целой мили. Поэтому не остается ничего другого, как предположить, что Mölsen, упоминаемый в источниках, не тождественен нынешнему Hohen-Mölsen. Очевидно, в противоположность этому Hohen-Mölsen, находящемуся на возвышенности между Эльстером и Заале, в то время существовал другой Mölsen в долине Эльстера, немного ниже Цейца.

Далее Пегауская хроника говорит, что поле сражения простиралось «от Мельзена до Видерхофе». Ландау усматривает в Widerhove нынешнюю деревню Вейда, расположенную севернее Гронской долины, на краю поля сражения. Но безусловно это название скорей совпадает с Вейдерау, в полумиле ниже Пегау, в добрых 2 милях от поля сражения. Если бы было возможно отнести сражение к Grunau-Bach у Hohen-Mölsen, то с этим хорошо согласовалось бы предположение о преследовании в направлении на Вейдерау. Это совпадает, однако, также с локализацией сражения к северу от Грана. Во всяком случае сражение и даже преследование не могли простираться отсюда до Вейдерау. Но возможно, что королевские отряды при бегстве достигли этого места. Поскольку выход на юг был закрыт, а на востоке непосредственно в тылу сражавшихся была река, то вполне естественно, что часть разбитого войска вернулась на север и перешла реку ниже, примерно, у Вейдерау; вполне понятно, что в близлежащем Пегауском монастыре об этом сохранился рассказ, несмотря на незначительность самого отряда.

Нельзя придавать очень большой вес позднейшим преданиям и самому названию. Эта местность полна созвучных мест — Вейда, Вейдероде, Вейдерау; кроме того, на протяжении столетий очень часто деревни уничтожались и строились в другом месте. Как бы много или мало значения ни придавать преданиям, но указание на то, что сражение простиралось от Мельзена до Вейдерау, говорило бы также против отождествления Mölsen и Hohen-Mölsen, ибо последний отстоит на целых полмили от восточного берега ручья Грунау, где должно было бы происходить сражение.

Гизебрехт пишет, что в районе Hohen-Mölsen и у деревни Нэдлиц было найдено под землей большое число наконечников копий, шпор и т.д. Эта находка ни в коем случае не имеет связи с этим сражением, так как место находки слишком удалено от ручья Грунау; Нэдлиц же лежит еще в полумиле на юг от Hohen-Mölsen.

Но самым неясным остается вопрос, почему королевская армия не смогла переправиться через Эльстер. Если город Цейц воспрепятствовал ее проходу (что было бы единственно приемлемым объяснением), то спрашивается, почему Бруно умолчал об этом. По-видимому, он сам этого не знал, так как он дает две противоречащие друг другу версии, почему сражение разыгралось здесь: одна версия — Генрих искал боя и нарочно выбрал поле, где бы в тылу его бойцов была река; вторая — он разбил лагерь здесь против своей воли. Ясно, что правильна вторая версия. Так же очевидно происхождение первой версии: хвастливость победителей не хотела сознаться в том, что в выгодный момент они победили только половину армии Генриха, а пыталась создать впечатление, что сражение было на равных

основаниях рыцарским и со взаимного согласия. Как мы знаем, со времени Марафонского сражения народ не имел еще понятия о стратегических операциях, целью которых является добиться неравенства оружия. Может быть, благодаря этому психологическому моменту и отсутствует сообщение о закрытых воротах Цейцского моста.

Основной монографией, положенной в основу всего моего описания сражения, является берлинская диссертация Erich Topp, 1904 г., изд. Э.Эберинга. После нее появилось еще два исследования: R.Wilcke и E.Zergeibel (Цейц 1919).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ПЛЕЙХФЕЛЬДЕ
11 августа 1086 г.

Восставшие князья осаждают Вюрцбург. Генрих IV приближается с сильной армией на помощь осажденному городу. Князья идут навстречу ему 2 мили на север, и при первой же стычке королевская армия обращается в бегство. По сообщению присутствовавшего при этом монаха Бертольда (Berthold, M. G., SS, V), армия-победительница потеряла только 15 убитых, из которых 3 погибли тотчас же, остальные умерли от ран в ближайшие дни. По его словам, армия насчитывала 10000 человек, что, по сравнению с другими цифрами, известными нам из этого времени, было очень много. Поскольку Бертольд еще добавляет, что королевская армия насчитывала свыше 20000 человек, то указанной им цифре нельзя придавать значения. Сторонники короля объясняют поражение изменой (согласно Annal. Augustani, «по плану или по трусости» королевские войска тотчас бежали; Continuatur Scoti Mariani M. G..., SS, V и Vita Heinrioi IV гл.4 также говорят об этом, но здесь это сражение смешивается со сражением при Мельрихштадте 1078 г.).

После сражения защитники Вюрцбурга сдались, но в этом же году город снова переходит в руки короля. Таким образом, сражение было собственно безрезультатным.

Заслуживает внимания сообщение Бертольда о том, что герцог Вельф и магдебургцы выступили пешими, оставив своих лошадей. Мотив не указан. Быть может, речь шла о засаде. Военно-исторических выводов сделать нельзя, так как все событие обрисовано чрезвычайно туманно.

Интересно только отметить еще то обстоятельство, что восставшие везли с собой повозку со знаменами.

ГЛАВА IV

ПОКОРЕНИЕ АНГЛОСАКСОВ НОРМАННАМИ

Нами уже неоднократно упоминалась и рассматривалась в общей концепции история англосаксов[95], описывающая развитие германских племен, осевших на Британском острове. Нигде так ясно, как здесь, мы не видим обрисованной еще Тацитом картины первобытного состояния и ее постепенного изменения. Еще в законах короля Этельберта Кентского (около 600 г.) кэрлы — воинственные свободные крестьяне; нарушение их прав и покоя влекло за собой возмещение половины того, что взыскивалось за нарушение прав эрла.

Спустя 100 лет (около 700 г.), положение в Правде Уэссекского короля Ине уже другое. Романцы, которые в старом государстве занимали место только рабов или крепостных, фигурируют здесь также на более высоких и лучших должностях. Видно, как по мере постепенного покорения острова германцами совершался переход от абсолютной враждебности к договорному соглашению. Но и внутри покорившего народа разделение на два сословия стало другим. Мы находим кэрлов, состоящих на службе глафорда[96] или лорда и отдавшихся под его покровительство. Дружинники же короля, гезиты, или гезиткундмены, сделались уже крупными землевладельцами. Из них и из старых сотенных старшин (эльдорменов[97], эрлов) образовалось дворянство. Вооруженные дружинники, тэны (thegn,

Degen, pueri), состоявшие как на службе короля, так и на службе этих дворян, имели вдвое больший вергельд, чем кэрлы. Таким образом, кэрл уже совсем отстранился от военных дел.

Еще через 100 лет, — как раз когда королю Эгберту удалось объединить под своей властью первоначальные мелкие королевства (827 г.), — начались набеги норманнов (датчан), которые нашли большое англосаксонское королевство таким же беззащитным, каким некогда англосаксонцы нашли жителей римской провинции Британии. Таким образом, кэрлы утратили свои военные качества, а тэны не смогли заменить этой утерянной силы*.

Высказывалось мнение, что англосаксонское королевство имело упорядоченную военную организацию, при которой каждые 5 обычных наделов, гайдов[98], оцененных в 20 фунтов, или 1 большой надел, равный 5 обычным, должны были выставлять по призыву одного человека; проводилась также параллель между этой совокупностью 5 обычных наделов и капитуляриями Карла Великого, предписывавшими по видимости нечто похожее. Но это не только не явствует из источников, но и вообще не создает действительно годного военного строя. Уже в отношении каролингских капитуляриев, по которым 3 или 4 надела объединяются для снаряжения одного воина, мы видели, что в буквальном смысле это исполнялось весьма редко и что с подобным призывом никогда ничего нельзя было бы сделать. Стоило однажды гражданско-крестьянскому началу оттеснить военное, как крестьянская милиция не имела больше никакой военной ценности. До нас сохранилась одна проповедь архиепископа Йоркского Вульфстана, где он бранится по поводу того, что десять англосаксов обратились в бегство от одного датчанина.

В действительности аналогия между англосаксонской и франкской военной организациями заключается, во-первых, в том, что и здесь и там из всеобщего германского воинства развилось особое военное сословие. Здесь — тэны, там — вассалы. Но в то время как могучие Каролинги с помощью феодальной системы крепко держали в своих руках франкское военное сословие и усиливали его боеспособность, — по крайней мере до тех пор, пока весь государственный организм был пропитан сильным авторитетом, — развитие англосаксонских тэнов пошло по-иному. Тэны также неоднократно наделялись своими господами землей, но не по строгому феодальному праву, а с менее ограниченным наследственным правом. Обычный надел тэна состоял из 5 гайдов. Хотя, сделавшись таким образом крупными землевладельцами, они и продолжали быть обязанными нести военную повинность, но так как сохранение их военной квалификации ничем не было обеспечено, то это военное сословие очень быстро превратилось просто в сословие крупных землевладельцев, имевших не бóльшую военную ценность, чем владельцы обычных наделов. Процесс этого развития мы отчетливо устанавливаем по некоторым постановлениям, узаконяющим, что каждый, владеющий 5 наделами и при этом имеющий щит, кольчугу и отделанный золотом меч, является тэном. То же звание жалуется купцу, три раза переплывшему море за свой счет. Следовательно, тэны сделались сословием, социальным классом, в котором военное начало еще чувствуется, но уже не действенно**.

* Работа майора Albany, Early wars of Wessex, 1913, согласно реферату Liebermann в «Hist. Z.» (кн.117, стр.500), не имеющая никакой научной ценности.

** В отношении приведенных указаний я отсылаю читателя к Оману, Hist. of the Art of war. На стр.109 объяснен мотив, по которому был открыт доступ в сословие тэнов, а именно — целью его было побудить крестьян и горожан обзавестись годным оружием и усилить военный класс. С этой мыслью я согласиться не могу. Зажиточный горожанин или крестьянин, обзаводясь красивым оружием, вовсе не становится благодаря этому годным воином, и в случае опасности он способен лишь на сокрытие своего оружия или на отказ от только что полученного звания. Такими способами не создают буйных викингов. Поэтому законы могут быть истолкованы, как мы это выше сделали, только в обратном смысле, а именно, что прежняя воинственность тэнов уже исчезла, а остался только социальный класс, в который стремились попасть богатые крестьяне и горожане.

Техника вассального войска на континенте достигает своего высшего развития в конном бою. Это требует не только оружия и годного коня, но и такой ловкости, которой можно достичь только, когда всецело посвящаешь себя этому делу и беспрестанно упражняешься в нем. О низких военных качествах англосаксонских тэнов свидетельствует не только законодательство, но и тот факт, что они сражались не на конях. Даже в англосаксонском эпосе, Беовульфе лишь один раз упоминается боевой конь. Само собой разумеется, можно полагать, что сам король Гаральд и придворная знать умели не только ездить верхом, но и сражаться на конях. Но число таких конных воинов было настолько мало, что при Гастингсе, имея перед собой многочисленных норманнских рыцарей, англосаксы совершенно отказались от сражения в конном строю и ввели верховых в ряды пехоты. Точно так же при Марафоне поступили служившие обычно в качестве всадников благородные афиняне (может быть за исключением только полководца). При Гастингсе даже король Гаральд и его братья сражались в пешем строю среди своих дружинников*.

Когда у англосаксов объявлялся призыв на войну, то, если судить по законам, ничего не могло быть более сильного: в поход все еще должен был выступать каждый кэрл, а каждый тэн имел эту же обязанность, так сказать, в максимально возможном размере. В действительности же, как это было некогда, несмотря на все предписания, у вестготов никакой организации не существовало. Когда король объявлял призыв на войну, то его шерифы[99] могли, очевидно, предъявлять отдельным крупным владельцам, городам и деревням определенные требования, пределы которых устанавливались практикой. Выставляли несколько человек или производили соответствующие платежи, но численность и годность собранного таким путем войска зависела, в конце концов, от усердия и энергии отдельных чиновников и от доброй воли, проявленной при этом подданными. При милиционном характере призыва многого достичь никак нельзя было. Известное военное ядро образовывали только воины, которые не были посажены на землю, а жили при королевском дворе или при крупных эрлах, наподобие франкской скары.

И вот на долю потерявшего свою воинственность народа выпало ужасное несчастье — разбойничьи набеги викингов; затем эти разбойники сами обосновались в стране, обе стороны признали друг друга. При короле Альфреде Великом англосаксы настолько оправились, что смогли утвердиться по крайней мере на одной части острова. При его преемниках, в значительной степени благодаря церкви, удалось объединить англосаксов и родственных им датчан в одно политическое целое, — и все же остров не смог дольше устоять против чужеземного владычества. Король Свен и его преемник, король датский и норвежский Кнут подчинили себе всю Англию (1013 г.). Король Кнут, как сообщает хроника, повел летом на войну 3000 дружинников, а зимой расквартировал их у горожан, где они нередко нарушали домашний покой. Не больше 3000 воинов насчитывали и бургундцы, которые 600 лет назад основали государство на рр.Сона и Рона. Англосаксам удалось еще раз сбросить это ярмо (1042 г.), но затем появился норманнский герцог Вильгельм, который навсегда положил конец самостоятельности англосаксов и из смеси норманнского и французского элементов создал английский народ (1066 г.).

Вильгельм был преемником и наследником викинга Ролло, при котором 150 лет назад здесь поселились норманны. За это время они утратили свой германский язык, ассимилировались среди местного населения и переняли французский язык. Однако, благодаря франкской феодальной системе и связанным с нею постоянным распрям они сохранили свой воинственный характер. Даже при англосаксонском дворе при королях из рода Цардиков, укрепилось норманнское начало, что вызвало

* Стеббс (Stubbs), I, 262) цитирует одно место в Кентербери о том, что до короля Вильгельма в Англии не было «milites».

реакцию англосаксов против притязаний этого начала и отдаваемого ему предпочтения. Англосаксонские элементы старались держаться в стороне от романо-германского единства также и в области церкви. Норманнский герцог, собиравшийся завоевать английскую корону, связался с новым, только зарождавшимся в Риме церковным направлением и даже получил от папы Александра, предшественника Григория VII, в подарок знамя для своего похода.

Только благодаря своей связи с передовыми идеями и культурными элементами того времени норманнское владычество получило такое значение для европейской истории. Но предпосылкой этого было то обстоятельство, что англосаксы, несмотря на прибавление к ним — даже в последних поколениях — датского элемента, потеряли обороноспособность. Представление, что эта богатая плодородная страна может сделаться добычей любого смельчака, было, очевидно, широко распространено. Старейший повествователь этих событий, Вильгельм Пуатьерский, вкладывает в уста герцога речь к своим воинам перед Гастингским сражением по поводу того, что англичан часто побеждают, что они не имеют военной славы и неопытны в военном деле. Другой, более поздний историк, Ordericus Vitalis, также говорит, что они предпочитают веселиться на пиршествах под звон кубков, чем воевать.

Войско, с которым выступает Завоеватель, ни в какой мере не является исключительно норманнским феодальным ополчением. Это скорей вояки из значительной части Франции, поступившие на службу к герцогу в надежде на награду и добычу. И сами норманнские рыцари следуют ему не столько в силу своей феодальной повинности, сколько ради самой войны. Здесь положение дела не особенно отличается от того, как некогда в дремучих германских лесах призывавший к военному походу князь всегда находил достаточный отклик в воинственном народе, — с той лишь разницей, что теперь материалом для военных формирований служит не вся народная масса, а выступивший из нее слой особого военного сословия.

К ним присоединились со своими дружинниками и самостоятельные государи, как, например, граф Густав Бульонский, отец Готфрида Бульонского.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГАСТИНГСЕ
14 октября 1066 г.

О сражении при Гастингсе мы имеем очень подробные эпические повествования позднейшего времени, из которых некоторые английские исследователи все еще стараются выжать историческое содержание. Это абсолютно безнадежное дело. Знаменитое описание Фриманом (Freeman) «Сенлакского» сражения (как он называет его, неизвестно почему) является замечательной смесью псевдовоенных размышлений (он, разумеется, ссылается на мнения офицеров английского генерального штаба) и псевдокритического исследования источников. Как из повествования Геродота о персидских войнах или из повествования Плутарха о сражениях Мария и Суллы, так и в этом случае трудно получить подобным путем исторически достоверное представление. Если же отбросить простое прилаживание фактов и перейти к настоящей критике, то мы сможем получить не только достоверную, но и удостоверенную картину боя. Главным источником является повествование норманнского клирика Вильгельма Пуатьерского, бывшего капелланом герцога Вильгельма и записавшего через несколько лет после сражения свой рассказ на основе сообщения участников. Он весьма пристрастен в пользу своего герцога и приукрашивает события, но ряд других источников позволяет нам проконтролировать его и внушает уверенность в том, что в основных чертах мы можем ему доверять. Историческим источником и документом совершенно особого типа служит Байекский ковер — высокохудожественная вышивка, длиной не меньше 70 м и шириной в 1/2 м, — на котором изображены отдельные сцены

сражения, поясненные латинскими надписями. Этот ковер несомненно является произведением поколения современников этой битвы.

Норманнскую армию можно исчислять в 7000 воинов; может быть, немного меньше, но во всяком случае не намного больше.

Англосаксонская армия исчисляется одним норманнским источником в 1200000 бойцов. По данным Вильгельма Пуатьерского, она была так велика, что выпила реку, через которую переходила; Roman de Rou довольствуется 400000 человек. Но другой источник, так же благожелательно настроенный к норманнам (Вильгельм Мальмесберийский), категорически заявляет, что англосаксов было очень немного. И самый ход сражения, как мы увидим дальше, не оставляет никакого сомнения в том, что это правда*. Мы считаем, что армия Гаральда была самое большее такой же, а может быть и меньше, чем норманнская, т.е. от 4000 до 7000 воинов.

Главным различием между обеими армиями было то, что английская армия состояла исключительно из пеших, а норманнская — частично из конных воинов. Это обстоятельство настолько наглядно и единодушно вытекает из всех источников, а также из Байекского ковра, что является вполне достоверным. Вследствие этого Гаральд ни в коем случае не мог сражаться с неприятелем на ровной местности; его отряды немедленно были бы рассеяны норманнскими рыцарями**. Король Гаральд выбрал поэтому место на широком холме, прикрывавшем его довольно густо построенную армию. Это место имело еще то особое преимущество, что сзади были довольно крутые косогоры, а посредине узкая лощина вела прямо в лес. В случае поражения англосаксы могли спуститься с косогоров и бежать в лес, всадникам же было не так легко следовать за ними.

И в отношении другого оружия — лука, для владения которым наряду с конем требуется профессиональный навык и ловкость, норманны превосходили англосаксов. На Байекском ковре, опять-таки в соответствии с повествованиями, изображено, как норманны выпускают целый град стрел, в то время как на другой стороне виден только один единственный лучник. Наряду с пешими воинами, так же хорошо, как и норманны, вооруженными различным оружием — копьями, мечами и особенно секирами — с составлявшими основное ядро армии Гаральда, мы находим и легко вооруженных, частью со щитами, частью без них, с метательными копьями, булавами и т.п.

Понятно, что это не является крестьянским ополчением (которое выставлялось бы наряду с дружинниками и тэнами); такое ополчение было бы почти беззащитным против норманнских лучников и всадников и тотчас же обратилось бы в бегство. Этих легко вооруженных англосаксов мы представляем себе в качестве оруженосцев и кнехтов подлинных воинов, рассеянных среди них, причем вначале они, быть может, также пробегают некоторое расстояние и мечут свои стрелы, но затем при приближении противника отходят за линию подлинных воинов.

Норманны наступали на холм широким фронтом, имея все три вида войск — конных, пеших и лучников — одних подле других. Лучники выдвинулись несколько вперед, чтобы обстрелять противника. Преимущество их заключалось в численности и в дальнобойности луков, но слабой стороной их позиции было то, что англосаксы стреляли и метали сверху. Затем стали штурмовать холмы конные воины, перемешанные с пешими. Но преимущество позиции англосаксов было так велико, а сила конной атаки настолько ослаблялась склонами, что обороняющиеся отбили эту атаку. Часть норманнов была сбита с холма, часть же, не будучи в состоянии пробиться, повернула назад, для того чтобы, как это практиковалось при подобных конных боях, возобновить атаку через некоторое время. Некоторые

* Сопоставление всех различных данных можно найти у Freeman Appendix H. H., т.III, стр.741.

** Сравни наше исследование об изменении тактики в предыдущем (II) томе с изречениями Аристотеля и Фридриха Великого.

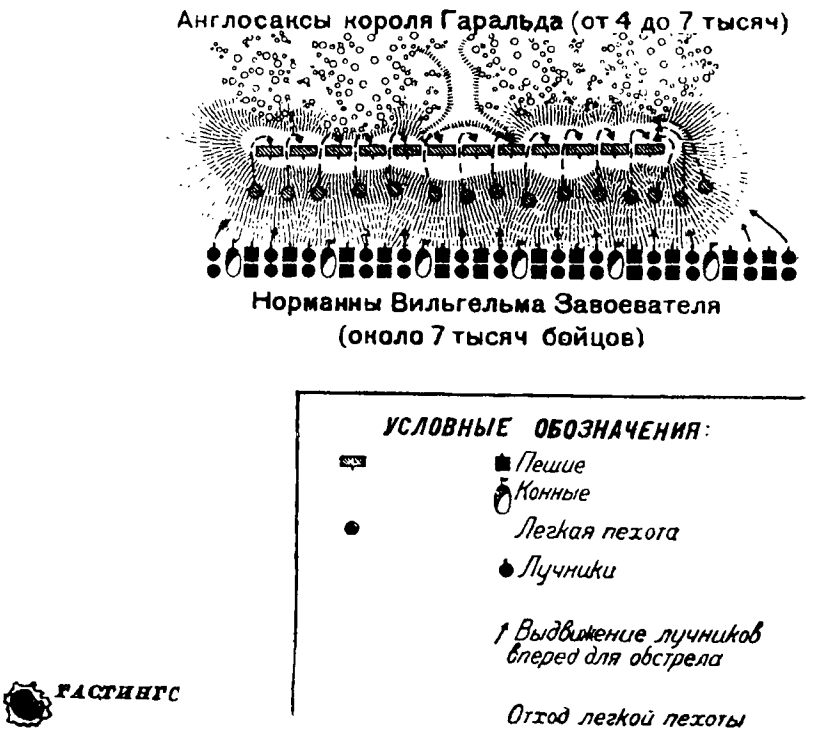


Схема 10. Сражение при Гастингсе.

Схема 11. Сражение при Гастингсе.

норманны отступили, быть может, потому, что рассчитывали увлечь за собой, таким образом, противника, с тем, чтобы дать бой на более благоприятном месте внизу, в долине. При таких подъемах и спусках норманнские лучники имели возможность время от времени применять свое оружие, — и, наконец, норманны одержали верх. Сила англосаксов заключалась только в обороне, но одной лишь обороной нельзя выиграть сражения. Оборона есть нечто чисто отрицательное, победа же — нечто положительное. Только та оборона может привести к победе, которая в нужный момент переходит в наступление (исключения из этого правила чрезвычайно редки). В этом мы убедились на примере первого исторически удостоверенного сражения при Марафоне. В этом сражении афиняне, также не

будучи в состоянии встретиться с врагом на открытой равнине, заняли оборонительное положение, а в подходящий момент Мильтиад повел их отсюда в наступление. Гаральд не был в состоянии предпринять нечто подобное. Его дружинники и тэны были храбрыми воинами (в отдельных случаях, может быть, более храбрыми, чем некогда афинские горожане и крестьяне), но они не составляли фаланги[100], не составляли тактической единицы, обученной производить по команде согласованные движения. Отдельные англосаксонские воины или небольшие кучки их, следуя естественному инстинкту, устремились кое-где вслед отступавшему врагу. Но этим они ничего достичь не могли: норманнская армия в целом не обратилась из-за этого в бегство, а отдельные выдвинувшиеся вперед англосаксы были в долине смяты конницей. Возможно, Гаральд хотел, чтобы его воины вообще не покидали своей позиции на холме. Однако, этого трудно было добиться. Да и в положительном случае этим все равно не спасли бы положения, ибо отбрасываемые назад и не преследуемые неприятелем норманны, будучи воинственным народом, снова собирались, и, так или иначе, но должен был наступить момент, когда в каком-нибудь месте англосаксонского фронта получилось бы расстройство, причем удалось бы нанести удар, а некоторое число конных ворвалось бы на холм, и англосаксы были бы разбиты. Ведь естественное превосходство норманнских конных воинов могло только временно и не во всех случаях уравновешиваться преимуществом местоположения англосаксов. Там превосходство было живой постоянно возобновлявшейся силой, здесь же имелось преимущество места — преимущество механическое, внешнее, которое твердая воля наступавшего в конечном счете должна была преодолеть.

Сообщения не оставляют никакого сомнения в том, что бой был продолжительным и упорным. Это доказывает, что англосаксонская армия состояла не из крестьян, так как эти последние или подавили бы врага своею численностью, или же тотчас обратились бы в бегство. Большая часть англосаксонской армии все же осталась на поле битвы, продолжая мужественно сражаться, — в том числе сам король Гаральд и оба его брата. Смерь Гаральда свидетельствует о воинственном духе и высоком понятии о военной чести, не превзойденных врагом, превосходство же противника состояло в профессиональном навыке, бое на коне, луке и, наконец, численности.

Изучение же военных действий со стратегической точки зрения окончательно убеждает нас, что англосаксонское войско было не крестьянским ополчением, а военным сословием, отличавшимся от норманнского только недостаточной практикой и недостаточной численностью.

Когда Вильгельм высадился в Певенсейской бухте (28 сентября), Гаральд еще не был на месте, а находился на севере, где отражал набег викингов, предводительствуемых его собственным братом Тости (Tostig). Хотя расстояние от места высадки Вильгельма до Лондона было не более 4-5 переходов (12 миль по воздушной линии), Гаральд вернулся в свою столицу из похода на север только на десятый день после высадки норманнов (7 или 8 октября). Таким образом, Вильгельм мог бы использовать это время для какого-либо большого дела, — может быть, даже для овладения Лондоном. До нас не дошло, почему он не сделал этого, но можно, пожалуй, предполагать, что он опасался, как бы при занятии большого города его довольно непокорные войска не вышли из повиновения и как бы на поле сражения, в конце концов неизбежного, не оказались отсутствующие. К тому же он хотел держать себя не как завоеватель и обращаться со страной не как с враждебной, а в качестве кандидата на престол, предлагающего себя для избрания. Оставшись же — по этим или подобным причинам — на берегу, герцог предоставил стратегическую инициативу своему противнику. Вместо того, чтобы продолжать наступление, так хорошо начавшееся беспрепятственной высадкой, Вильгельм оставался на берегу недалеко от Гастингса почти неподвижным и этим дал Гаральду время для военных приготовлений.

Правда, наши источники сообщают, что Вильгельм приказал опустошить окрестности, чтобы вынудить этим враждебного короля к сражению, — однако, это могло быть только плодом воображения толпы или хроникеров, а не герцога: страдания маленькой области, которую могли опустошить норманны, никак не могли спровоцировать короля англосаксов на преждевременное сражение. Если бы Вильгельм этого желал, он должен был бы продвинуться вперед и угрожать Лондону. Опустошения же противоречили основному политическому смыслу похода — кандидатуре на выборах, и, надо полагать, были совершены даже не по герцогскому приказу, а являлись обычными преступлениями реквизировавших и мародерствовавших солдат. Стратегического значения они никак не могли иметь. Итак, Вильгельм предоставил противнику инициативу и, тем самым, время для накопления сил и завершения своих военных приготовлений. Это тем заметнее бросается в глаза и тем значительнее, что норманны не могли выдержать бесконечного похода. Из-за долгого ожидания попутного ветра Вильгельм уже в своей стране испытывал продовольственные затруднения. Может быть, теперь он оставался на самом берегу моря для того, чтобы легче было подвезти жизненные припасы; и все же в отношении такого большого войска это имело свои пределы. Насколько важен был продовольственный вопрос, можно усмотреть из того, что на Байекском ковре изображено, как сразу же после высадки в Гастингсе посылаются конные для добывания провианта.

Образ действия герцога — предоставление после неожиданной высадки противнику времени для снаряжения — был бы совершенно непонятен, если бы он был должен и мог бы предполагать, что это время действительно будет использовано на подобное снаряжение, — другими словами, если бы вопрос шел о всеобщем ополчении. Если даже предположить, что население Англии было чрезвычайно малочисленно, а войска Завоевателя — чрезвычайно многочисленны, то действительное всеобщее ополчение, хотя бы только части острова, доставило бы англосаксам колоссальный перевес над противником. Тот факт, что Вильгельм не принял никаких мер к тому, чтобы быстрым продвижением вперед воспрепятствовать образованию столь крупного войска, является достаточным доказательством, что о таком войске не могло быть и речи, т.е. что англосаксонская организация военного дела находилась в том же состоянии, в каком она была, как мы знаем, у франков при осаде Парижа. Стоит уяснить себе этот момент, и тотчас же станет понятной вся стратегия Завоевателя. Он знал, что Гаральд мог призвать только своих дружинников, а также тэнов, поскольку они вообще были боеспособны и изъявляли согласие последовать призыву.

Здесь снова возникает вопрос: не могла ли подобным образом сформированная англосаксонская армия быть более многочисленной в самый день сражения? Некоторые источники, особенно Флорентиус Вигорниензис (Florence von Worcester), отчетливо сообщают, что, если бы Гаральд подождал еще хотя бы несколько дней, то он смог бы быть вдвое или втрое сильнее. Я без всякого колебания решительно отвергаю правильность такого сообщения; оно принадлежит к мудрости задним числом, появляющейся после каждого поражения и служащей для побежденных утешением (Флорентиус настроен в пользу англосаксов), поскольку два крупных северных эрла[101], которым, очевидно, было в достаточной мере безразлично, кто будет носить корону, Гаральд или Вильгельм, не поддержали англосаксов. Последние безусловно были не в полном сборе. Однако, эти эрлы не пришли бы и при более длительном ожидании. Если же были какие-нибудь другие виды на подкрепление, то, с другой стороны, известна вся трудность продовольствования армии, и легко могло случиться, что в то время как ожидали одних, другие, потеряв терпение и израсходовав свои запасы, ушли бы снова домой. Во всяком случае нет такого авторитетного свидетельства, которое заставило бы нас приписать англосаксонскому королю, вполне сознававшему, как показывает выбор

позиции, свою слабость, совершение колоссальной ошибки, — что он, будучи стратегически полным хозяином положения, начал решительное сражение, не дожидаясь сбора всех своих сил. Правда, на протяжении средневековья нередки примеры, когда рыцарские полководцы в безумной отваге бросались в бой с недостаточными силами, чего они могли избежать; но если даже приписать Гаральду подобный образ мыслей, то в данном случае это не могло явиться причиной, поскольку, как мы видим, англосаксонский король не ринулся необдуманно на врага, а принял бой только на хорошо выбранной оборонительной позиции. Следует, таким образом, полагать, что Гаральд собрал все, что количественно и качественно могло и хотело дать его государство, и затем не замедлил, как мужественный человек, вызвать врага, чтобы в борьбе защитить и спасти корону и страну. Норманн же настолько чувствовал свое превосходство над военными силами англосаксов, которые могли быть собраны, что по указанным причинам ему было не важно, потратит ли Гаральд несколько больше или меньше времени на свое снаряжение.

ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

Основным специальным исследованием на немецком языке является диссертация Вильгельма Шпаца (Wilhelm Spatz, Die Schlacht bei Hastings, Берлин, 1896 г. — Исторические очерки, издание Э.Эберинга). К ней и отсылаю читателя в отношении всех подробностей.

Описание сражения Эдуарда Фримана (Edward A.Freeman) находится в т.III его «History of the Normann conquest of England». Это описание сейчас же по своем появлении в свет было в самой Англии критически проанализировано и отвергнуто Раундом (I.H.Round). Статья была вновь напечатана в его «Feudal England», Лондон, 1895 г. Затем в «Revue hitorique», т.65 (1897) имеется статья Раунда по поводу исследования Шпаца; Раунд констатирует, что Шпац, не будучи знаком с его критикой, пришел по всем основным вопросам, особенно в отношении описания Фримана, к тем же выводам, что и он. Раунд полагает только, что в некоторых вопросах Шпац в своей критике зашел слишком далеко. Частично это основано на недоразумении; например, Шпац вовсе не считал, что рыцарские войска были без всякого руководства. Но Шпац категорически не верит в возможность маневра притворного бегства, в то время как Раунд настаивает на этом.

В момент выступления Раунда общественное мнение Англии было преисполнено такой веры в научный авторитет Фримана, что критику, т.е. Раунду, научное превосходство которого сквозит в каждой строке, с большим трудом удалось напечатать свои статьи.

Очень сходно с фриманским описанием сражения, хотя в деталях и расходится, описание ген.Келера (Köhler) в первом томе его труда «Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit» (1886 г.). Шпац правильно говорит об этом описании, что трудно удержаться от некоторого головокружения, когда слышишь обо всех искусных маневрах, якобы произведенных норманнами.

Оман (Oman) в своем «Art of war» старается найти среднюю линию между Фриманом и Раундом, но в главных вопросах следует последнему. Однако, поскольку сам Раунд не довел своей критики до конца, Оман дела также вперед не подвинул.

Во многих отношениях будет поучительным сопоставить основные разногласия различных описаний и привести причины, почему описание Фримана неприемлемо.

Фриман воздерживается от определенного указания численности армии. Оман (стр.155) на основании размеров местности исчисляет англосаксов, примерно, в 25000 воинов. Холм, на котором они стояли, имеет в длину, примерно, 1500 м; если положить на каждого человека по 3 фута, то по фронту могло стоять 1700—2000 человек, а так как они производили впечатление очень глубокого построения, то, очевидно, один за другим стояло 10—12 человек. В итоге получается около 25000 воинов.

По поводу этого расчета нужно возразить, что вовсе не обязательно, чтобы холм был заполнен до самых краев, и что норманнское сообщение о густоте рядов не представляется достоверным. По фронту могло стоять только 1000 воинов, а в глубину могло быть только 6 человек и даже еще меньше.

По Фриману, Гаральд построил свой фронт в виде палисада с 3 выходами. Келер (стр.8) описывает этот палисад следующим образом: «Вокруг каждого отряда на определенном расстоянии друг от друга

был крепко вбит в землю ряд кольев с наклоном вперед, причем железное острие было направлено в грудь вражеских коней... Снизу и до высоты в 3—4 фута колья были связаны плетением, очевидно, для обороны против неприятельской кавалерии, с той целью, чтобы лошади, прежде чем достичь отряда, должны были сделать скачок».

Все описание, как Раунд точно доказал, является фантазией и основано не на каком-либо источнике, а на романе Ваца. Фантазия ген.Келера относительно крепко вбитых кольев с железными остриями, направленными против неприятельских коней и опутанных плетением высотой в 3—4 фута, через которые скачущие в гору рыцарские лошади должны перепрыгивать, должна служить историкам утешением в том смысле, что на практике и образованные люди представляют себе возможными такие вещи, которые на самом деле не могут иметь места. В данном случае они тем более невозможны, что войско, якобы воздвигнувшее вокруг себя такое укрепление, по словам того же автора, имело численность не меньше 60000—75000 воинов и только накануне вечером прибыло в это место.

Оман пытается найти средний путь между укоренившимся преданием о палисаде и тем фактом, что, с одной стороны, его не могла в одну ночь воздвигнуть утомленная переходом армия, а с другой, — что об этом не упоминается ни в одном источнике того времени. Он думает, что Вац, написавший свой роман через 90 лет после события, все же, быть может, основывался на устном или даже на утерянном письменном предании; далее он говорит, что, быть может, речь идет не о крепком палисаде, а о легком плетении, долженствовавшем быть больше защитой против норманнских стрел, чем препятствием для всадников. По его мнению, источники того времени не упоминают это плетение, потому что оно не имело большого значения.

Но если плетение действительно не имело значения, то при рассмотрении сражения мы можем вообще опустить его. Кроме того, если бы оно не было действительным, то вряд ли утомленное переходом англосаксонское войско потратило бы ночь на его установку. Во всяком случае, рассказ и авторитет поэта, написавшего свое произведение спустя 100 лет после события и поставившего себе целью дать занимательный, а не исторический роман, не могут заставить нас поверить в его достоверность.

В дальнейшем ходе сражения этот англосаксонский палисад играет незначительную роль даже у сторонников его подлинности. Центральным пунктом всей операции является скорее то, что по идее и приказу Гаральда англосаксы должны были занимать строго оборонительную позицию, Вильгельм же путем притворного бегства увлек часть противника из его удобной позиции и этим одолел его. Фриман держится того мнения, что англосаксы безусловно победили бы, если бы они исполнили приказ Гаральда и не покидали холма. Вопрос о том, действительно ли Гаральд отдал такой приказ, нужно оставить открытым. Однако, уже ген.Келер правильно отметил, что желание выиграть сражение одной только обороной было безнадежным предприятием. Без кавалерии ничего другого нельзя было, конечно, сделать. Но раз уже часть англосаксов, преследуя норманнов, ринулась сюда, то, как правильно замечает Келер, лучше было бы действовать в этом направлении всеми силами, чем оставаться на месте и отдать армию на растерзание по частям, что и случилось. Келер считает неподвижность Гаральда слишком большой ошибкой; Фриман же слишком преувеличивает ошибку, которую совершили преследовавшие своим выпадом. В действительности нужно помнить, что в разгаре рыцарского сражения вообще не могло быть руководства. Даже современные войска во время сражения не находятся во власти полководца; отправившему в бой свои последние резервы генералу ничего другого не остается, как самому взять ружье и сражаться вместе с ними. Еще больше, чем к дисциплинированным армиям, относится это к рыцарским войскам, где с самого начала сражения ими руководит только инстинкт самих масс.

Поэтому, как уже правильно доказал Шпац, похоже на сказку представление, будто Вильгельм совершенным по приказу притворным бегством выманил противника из его позиции. Как можно вообще отдавать приказы нескольким тысячам солдат в самый разгар сражения? Как можно при невероятном шуме добиться того, чтобы все воины не только слышали и понимали, но также равномерно и одновременно действовали? Но если они будут действовать не одновременно и не с полным пониманием, то как обеспечить себя от того, чтобы большая часть солдат не приняла «притворное бегство» всерьез и не обратилась бы в настоящее бегство, помня пословицу, что «последнего кусают собаки». Бегущих же рыцарей, как известно, трудно заставить повернуть обратно.

Поэтому «притворное бегство» является таким маневром, который могут выполнять только небольшие отряды, заранее проинструктированные на этот счет или по меньшей мере привыкшие подчиняться сигналу на барабане, или же стрелки, у которых такой способ сражения является постоянной привычкой.

В основу описания сражения при Гастингсе могут лечь только те события, которые мы выше включили в наше описание; и действительно, самый древний и лучший рассказ о сражении, принадлежащий Вильгельму Пуатьерскому, немногим отличается от нашего описания: он не утверждает, будто сам Вильгельм приказал совершить притворное бегство, а говорит, что один раз было настоящее и два раза — притворное бегство; наконец, свой вывод об обороте, который приняло сражение, он основывает не на этом.

В «Carmen de bello Hastingensi» говорится, что, когда норманны совершали притворное бегство, то они говорили о противнике: «Радуется деревенщина, — думает, что победила». Это, конечно, не должно рассматриваться как свидетельство того, что англосаксонское войско состояло из крестьян; это является просто иронически-символическим определением настроенного в пользу норманнов поэта (очевидно, епископа Гвидона Амьенского) крестьянского существа англосаксонских тэнов по сравнению с более культурными и технически более подготовленными норманнами-французами.

АНГЛОСАКСЫ И АНГЛИЧАНЕ

Германцы, жившие на Британском острове, называли себя, поскольку мы можем это проследить, Engle или Angelcyn (cyn — род, племя), а не англосаксами или саксами. Обозначение «англосаксы» — более ученого происхождения, и в старых источниках употребляется чрезвычайно редко. В эпоху покорения англосаксов норманнами современники говорят не о саксах и норманнах, а об англах и франках (Angli и Franci).

Фриман с самого начала называет государство и народ «Англия» и «англичане» и полемизирует против употребления слова «англосаксы», так как это вызывает представление, что английская нация возникла только из смешения англосаксонских и норманнских элементов. В действительности это, по его мнению, та же нация, что и при Генгисте и Горзе, только впитавшая в себя некоторые чуждые элементы — бриттов, датчан, норманнов, но не настолько чувствительно, чтобы не претендовать на беспрерывную преемственность.

Правильным является противоположное понимание, а именно, что английский народ со своим своеобразным характером и языком возник только благодаря норманнскому завоеванию и господству правящего, по-французски говорящего слоя, над прежней германской государственностью, которая, конечно, благодаря остаткам покоренного древнебританского населения и влиянию церкви впитала в себя также и романские элементы. Как ни мала была численность офранцуженных норманнов и французов, действительно поселенных покорителем и его преемниками, все же они правили и придавали свой характер, свои обычаи, свои законы и свой дух, — подобно тому, как некогда немногочисленные франки, занявшие при Меровингах внутреннюю Галлию и слившиеся с покоренным населением в одно целое. Быть может, англосаксонский элемент количественно продолжал дольше жить, чем галльско-романский во Франции, но процесс по существу был тот же. Поэтому лучшим определением этого положения является название древнего периода не английским, а англосаксонским; тем не менее обозначение «англосаксонский» не особенно удачно, так как англы являлись частью саксов, хотя это нельзя обосновать древнейшими источниками.

СОТЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ У АНГЛОСАКСОВ

Против моего понимания сотенной организации у англосаксов Протеро (Prothero) в «Engl. Histor. Review», т.XI (1896), стр.544, возразил, что сотни в Англии появились только при Эдгаре в X в.; следовательно, такое разделение на сотни является новым и искусственно созданным.

Как ни странно, что сотни не упоминаются раньше в источниках, все же я считаю это только случайностью. Что такое деление было сделано искусственно, мало вероятно; еще менее возможно, что это случилось так поздно. Ведь старые королевства эпохи гептархии* должны были иметь промежуточное звено между государством и маленькими сельскими общинами. Хотя наиболее крупные из них и распадались на многочисленные шайры (schire — графство), но это было недостаточно. Эти шайры были так же велики, как и маленькие королевства. Более поздние графства были или такими королевствами, или шайрами, а скачок отсюда до самых маленьких поселений слишком велик.

* Гептархия — семивластие, одновременное или поочередное правление 7 лиц. Этот термин применяется к Англии V-IX вв. — Ред.

В том же томе «Hist. Rev.», стр.513, помещена статья Дженкса (Jenks) «The Problem of the hundred», где он доказывает, что в Швеции сотня (haeraed) является не только судебным округом, но и корпорацией, т.е. величиной, которая составлена не из некоторого числа деревень, а наоборот — коротая разделена на деревни. Является ли приводимое Дженксом доказательство убедительным, я сомневаюсь, но вывод его совпадал бы с моим.

Протеро приводит далее следующий довод против моего положения: Hundreds ealdor (сотенный старшина) был у англосаксов низшим чиновником, значительно ниже, чем caldorman (эльдормэн, стоявший во главе графства. — Прим.ред.). Этот не походил также на эрла X в., являвшегося скорее представителем первоначально самостоятельного королевства. В X в. эрлов и эльдормэнов было очень мало.

Эти факты, очевидно, достоверны, но они не только не опровергают моего положения, а наоборот, подтверждают его. Пусть эрлы и эльдормэны были в X в. еще не однозначны, а существовали рядом друг с другом, но ведь люди с простым названием «эльдормэн» были знатными крупными землевладельцами, позже вообще названными «эрлами». Каким же образом столь знатные люди пришли к названию «эльдормэн», если они в действительности не были связаны со старейшинами древнейшего времени — majores natu?

Если, действительно, одно время рядом со знатными эльдормэнами существовала низкая должность сотенного старшины hundreds ealdor, то я могу дополнить мое описание (т.II) тем, что обе ветви, на которые делился древний род старшин (hunni), — знатные и простые — географически неотделимы и существовали у англосаксов друг подле друга.

ГЕЗИТЫ И ТЭНЫ

Гезиты были тем же, что comites (военные товарищи) у Тацита, антустрионы (дружинники) — у Меровингов. Тэны походили на pueri времен Меровингов. Так же, как и вассы (дружинники), тэны постепенно размножились и вытеснили обозначение «гезиты». Это прекрасно описано Литтлем (Little, «Engl. Hist. Rev.», N16, т.4, 1889 г., стр.723). Но я не согласен с Литтлем, когда он отвергает мнение Стуббса, что при Альфреде титул «тэн» давался каждому владельцу 5 обычных наделов (гайд), и полагает, наоборот, что обычным наделом тэна было 5 гайд.

ЗАКОН О 5 НАДЕЛАХ

Неправильное представление о значении каролингских капитуляриев о военной повинности запутало также историю английской конституции. Еще совсем недавно Майтланд (Maitland) высказал в своей вообще очень ценной книге «Domesday book and beyond» (1897) мнение, что, как ни туманна аглосаксонская военная организация в период ее гибели, все же можно считать вероятным, что графства должны были от каждых 5 наделов выставлять 1 воина.

Раунд, уже ранее («Feudal England», 1895) разбивший до основания это положение в своем исследовании «The introduction of knights service into England», опроверг в «Engl. Hist. Rev.», т.XII, стр.492 (1897) и, якобы, новое доказательство, найденное Майтландом в защиту старого взгляда.

Если даже оставить в стороне молчание источников, то простое деловое рассмотрение вопроса приводит к заключению, что применение закона о 5 наделах было невозможно. Слишком различны были войны и военные нужды, чтобы мог существовать такой однообразный масштаб. Совершенно различным был призыв для изгнания небольшой шайки викингов, для подавления восстания и для наказания за разбойничий набег валлизов; вообще нельзя сравнивать частичные призывы отдельных графств со всенародным ополчением страны для большой войны, — например, для войны с датчанами при Альфреде или для войны с шотландцами: в одних случаях 1 воина на 5 наделов было слишком много, в других — слишком мало.

ГЛАВА V

НОРМАННСКИЙ ВОЕННЫЙ СТРОЙ В АНГЛИИ

1066—1087	Вильгельм I.	1189—1199	Ричард I, сын Генриха II.
1087—1100	Вильгельм II, его сын.	1199—1216	Иоанн I, брат Ричарда I.
1100—1135	Генрих I, брат Вильгельма II.	1216—1272	Генрих III, сын Иоанна I.
1135—1154	Стефан, племянник Генриха I.	1272—1307	Эдуард I, сын Генриха III.
1154—1189	Генрих II, внук Генриха I.		

Военный строй в новом англонорманнском королевстве сложился совсем иначе, чем на континенте.

Герцог Вильгельм, прозванный в истории Завоевателем, овладел короной Англии не под этим, однако, названием. Он представлялся англосаксам скорей как родственник их последнего наследственного короля Эдуарда-Исповедника, и возможно, что еще этот последний назначил его к законному избранию, так как совершеннолетнего наследника не было. Избранный же до него граф Гаральд не имел на это права, так как он годом раньше дал Вильгельму клятвенное обещание не домогаться короны. Таким образом, после своей победы Вильгельм вступил на престол под видом законной преемственности трона. Он ничем не овладел по праву войны как завоеватель, а конфисковал только поместья дома Гаральда и его приверженцев, как подлежащее конфискации имущество мятежников. Могучие эрлы севера, не оказавшие Гаральду в решительный момент никакой помощи, восстали позднее, но были также ниспровергнуты и только увеличили своими поместьями королевские владения. Так соединил Вильгельм принцип законности с практикой завоевания; он раздарил большую часть собранных путем конфискации владений, примерно 300 сопровождавшим его боевым дружинникам, из которых около 40, так называемые лорды или, по более позднему обозначению, бароны*, получили очень большие владения с обязательством выставить за это рыцарей в распоряжение короля. Число таких выставляемых по повинности (servitia debita) рыцарей, включая и тех, которые должны были доставляться высшим духовенством, составляло в общем около 5000, — наверно не больше, а скорее меньше. Для выполнения этой повинности бароны, со своей стороны, привлекали подчиненных себе вассалов, без того, однако, чтобы число подленов покрывало число выставляемых по повинности рыцарей, так как барон мог держать рыцарей при своем дворе и не поселяя их, равно как набирать их лишь в момент необходимости. Такие рыцари назывались содержавшимися от двора господина (super dominium). Случалось и наоборот, что как светские, так и духовные магнаты по разным причинам доставляли королю больше рыцарей, чем они были обязаны.

Барон, который должен был выставить 60 рыцарей, принадлежал уже к числу наиболее могущественных эрлов.

Крупными королевскими вассалами были исключительно норманны; среди мелких вассалов встречается несколько саксонских имен, причем среди подвассалов их было довольно много благодаря тому, что саксонские тэны входили в соглашение с победителями и поступали к ним на службу. Общее число воинов, наделенных ленами, включая сюда саксов (также датчан) и норманнов, при

* «Лорд» — название англосаксонское и дословно означает кормилец. Титул «барон» пришел в Англию вместе с завоеванием и означает то же, что «homo». — вассал.; первоначально он распространялся, очевидно, на всех, получивших лен непосредственно от короля, но постепенно понятие это сузилось и стало относиться только к наиболее крупным из них, из которых самые крупные получили титул эрлов.

Вильгельме составляло около 5000*, из которых около одной четверти приходилось на прежнее местное население, остальные были поселенными Завоевателем рыцарями, говорившими на французском языке. Число этих последних составляло от 3000 до 4000, а не 60000 или 32000, как было выдумано в дальнейшем и как иногда повторяется еще и теперь. Наряду с наделенными ленными владениями норманнами на службе короля или у сильных страны оставалось изрядное число и ненаделенных. Но даже включая последних, число воинов, сумевших не только завоевать, но и надолго утвердиться в такой большой, заселенной когда-то очень воинственным народом стране, с населением в 1800000 душ, все же очень мало.

Постепенно число рыцарей, пожалованных ленами, несколько возросло. Когда при правнуке Завоевателя, Генрихе II, в 1166 г. произведена была перепись, то оказалось, что число таких рыцарей составляло около 6400. Как светские, так и духовные магнаты наделили ленами стольких своих дружинников, что часто имели рыцарей больше, чем их обязал доставлять когда-то Завоеватель. Причина этого, надо полагать, лежала не только в желании их ради своего могущества иметь больше воинов в своем распоряжении, так как они ведь могли держать их и при своих дворах; оказывается, что именно во время гражданской войны при короле Стефане новых рыцарских лен было создано мало. Причину этого скорее следует искать в том, что пожалованные ленами рыцари были более знатными воинами. Таким образом, путем пожалования ленного поместья, жертвуя при этом частью своего имущества, бароны создавали себе дружины из людей, выше стоявших в социальном отношении и более удовлетворявших их блеску и честолюбию, а в то же время вознаграждали выдающиеся заслуги своих верноподданных. Все значение такого вознаграждения можно постичь только уяснив себе, что дело было не в одном лишь материальном вознаграждении, но что только это вознаграждение давало возможность основать какой-либо род: это было недоступно воину, жившему при дворе сеньора. В отношении духовных сановников даже передается, что они из непотизма[102] расточали в ленных дарствованиях церковные владения, оказывая услуги родственникам или друзьям.

Какого-либо установленного размера для рыцарского лена, например 5 или больше наделов, не было. Военная повинность распределялась между графствами также не по определенному масштабу. Король устанавливал число повинностей лишь в самом общем виде, в крупных цифрах, кратных 10 и 5, и возлагал их на крупных ленников соразмерно их владениям. Отдельные прямо или косвенно одаренные леном и водворенные рыцари имели владения самой разнообразной величины, вплоть до небольших участков земли. Если в более позднее время установлено было положение, по которому рыцарский лен приравнивался к 20 фунтам годового дохода, то и это было не больше как теорией**.

Большие владения, которые отдавал в лен Завоеватель, лежали не рядом, а были разбросаны по всему королевству. Это сделано было с явно сознательным намерением не допустить срастания их в замкнутые княжества, как это было на континенте. Благодаря такой практике, несмотря на существование крупных баронов, норманнские короли были в состоянии управлять графствами через чиновников и шерифов. Должность в управлении не становилась леном. Имя эрла превратилось в простой титул. Правда, при внуке Завоевателя, короле Стефане, положение стало походить на то, какое было на континенте: бароны захватывали правительственные права и должности, строили замки, чеканили монету, вели частные войны между собой, но преемник Стефана, Генрих II, первый Плантагенет, был в состоянии все это снова подавить, срыв до основания замки и

* Число рыцарей, выставляемых по «servitia debita» непоселенными, и число поселенных сверх «servita debita» было приблизительно одинаковым и в обоих случаях составляло 5000. Ср. ниже.

** Pollock and Maitland, The History of the Englisch law before the time of Edward. 2-е изд., 1898, I, 236.

восстановив строгий королевский авторитет. Постоянное преимущество на стороне королевской власти было результатом не одного только умелого распределения крупных земельных владений, но и результатом национального противоречия между рыцарством и народом, препятствовавшего их объединению против королевской власти. Как «диких выскочек, почти потерявших рассудок от внезапного возвеличения, вообразивших себя властными делать все, что только пожелают», — так изображает уже в ближайшем столетии Ордерик Виталис новое господствующее сословие Англии. Против тирании этих чужеземных господ у народа не было другого убежища кроме королевской власти, и должны были пройти поколения, покуда оба элемента слились в новую народность; язык двора оставался почти до конца средневековья французским. На такой почве эрл не мог вырасти в областного князя, как это было на континенте, и положение остается таким, что графства управлялись чиновниками, воины же образовали рыцарское сословие, построенное на началах ленной зависимости.

Из того, что мы узнали в предыдущих главах настоящей книги, явствует, что все это должно было дать совершенно непригодное военное устройство, так как рыцарское войско не может быть создано ни чиновниками, ни баронами, владения которых лежат не рядом. У чиновников нет той близкой личной связи с отдельным воином, благодаря которой они могли бы поручиться за качество последнего. Бароны же могут собрать рыцарство лишь тогда, когда они обеспечены продовольствием, снаряжением и располагают обозом своих имений*. Франкские графы вначале также были только чиновниками, однако, в силу присущего военному делу характера они превратились в феодальных магнатов. Благодаря этой особенности они и были в состоянии поставлять надежных воинов средствами своего графства. Только на границах с шотландцами и уэльсцами, где это было совершенно неизбежно, Вильгельм Завоеватель допустил образование таких замкнутых графств наподобие континентальных, называвшихся «палатинатами», но и эти палатинаты вновь были уничтожены.

Отделив общественное управление (шерифство) и баронство друг от друга, норманнские короли Англии тем самым воспрепятствовали проникновению континентального феодализма в Англию, уничтожили всякую самостоятельность отдельных областей, создали большое, строго централизованное королевство и все же сохранили военное устройство своей эпохи, основой которого являлся квалифицированный одиночный боец. Этого они достигли тем, что ввели совсем новый элемент: деньги, денежное вознаграждение, налоги.

Хотя сперва Вильгельм требовал, чтобы его вассалы в силу ленного призыва стягивались к нему, а наиболее крупные из них приводили с собой установленное для каждого число подвассалов, но очень скоро этот прием показал себя непрактичным или невыполнимым. Уже сам Вильгельм во время одного налета датчан в 1084 г., вместо того чтобы созвать своих вассалов, установил налог по 6 шиллингов на каждый надел и на собранные деньги выставил наемников. И о сыне его, Генрихе I, сообщается, что он войны свои вел силами наемников**, а о Генрихе II хроника сообщает***, что король повел на войну наемников, не желая утруждать своих рыцарей, горожан и крестьян, и это подтверждает его казначей, Ричард Фитц-Неаль, в своем наказе для казначейства, где сказано: «Ибо государь считает, что для военных дел предпочтительнее привлекать наемников»****.

* В сражении при Линкольне (1141 г.), где король Стефан был взят в плен, последний имел на своей стороне несколько эрлов, которые хотя и носили громкие имена, но имели при себе лишь небольшие отряды. Один источник, Гервазий Кентерберийский, называет их «ficti et factiosi comites» (ложными графами); к графствам, по которым они были титулованы, они имели только то отношение, что получали треть их доходов. (Оман, стр.393). Причина того, что они слабо поддержали короля, лежит не столько в злой воле, сколько в отсутствии средств.

** Stubbs, Const. Hist., 2-е изд., т.I, стр.434.

*** Robert de Monte от 1159 г. Цитировано Stubbs, стр.588.

**** «Dialogus de scaccario», написан в 1178/79 г. Цитировано Stubbs, стр.588.

Таким образом, вышло, что когда Завоеватель к концу своего правления (в 1086 г.) велел составить большой кадастр[103] своего королевства, так называемый «Domesday-Book», то в нем были перечислены все полезные владения — земельные участки, мельницы, леса, пруды и все население посословно, однако, вовсе не были отмечены военные повинности. В феодальной стране это казалось столь невероятным, что даже дало повод к возникновению мнения, будто при Завоевателе феодальное рыцарство вообще еще не существовало и введено было лишь при его преемниках. Однако, быстро выявилась вся ошибочность этого представления, и, поскольку мы уяснили, что военные силы при феодализме едва ли поддаются числовому измерению, нас не удивляет и то, что Завоеватель вовсе не включил военные повинности в свой кадастр.

Таким образом, ленные отношения и вассалитет в Англии приобрели совсем иное значение, чем на континенте. Правда, в отношении недр земли Завоеватель применял весьма строгое понятие ленной зависимости: на себя он смотрел как на главного собственника всей страны, — с тех пор в Англии не было ни одного участка непожалованной земли. Но эта высшая ленная власть проявилась только в имущественном и наследственном праве и в правах на налог. Однако то, что составляло подлинное содержание феодальных отношений, а именно военная повинность, было сначала дополнено, а затем и совсем заменено налогом.

До времени Эдуардов (Эдуард I, 1272-1307, — является правнуком Генриха II) продолжали существовать то рядом, то сменяя друг друга, феодальный призыв и наемничество. Великая хартия[104] (§ 51) запретила наемничество, это могучее и опасное средство в руках короля*. Случалось, что знатные бароны отказывались получать денежную плату за военные услуги, так как они поняли, что сила их политической позиции в отношении короля основана только на натуральных феодальных повинностях**, но естественный ход вещей оказался сильнее таких политических соображений, и наемничество восторжествовало.

С самого начала было неясно, как далеко распространяется военная повинность ленника. Какому-нибудь франкскому графу на Луаре Карл Великий мог приказать отправиться со своим отрядом и на свой счет в месячный поход по ту сторону Эльбы, потому что граф, будучи чем-то средним между сеньором и чиновником, мог привлечь средства всего графства. От английского же барона король не мог требовать, чтобы тот выставил ему рыцарей на свои средства на неограниченное время, — например, для войны на континенте. Скоро в Англии, как и на континенте, стало правилом, что на своих издержках вассал должен служить 40 дней; однако, относилось ли это к службе и по ту сторону канала, оставалось спорным, а со стороны баронов было встречено прямым отказом***. Но ограниченная 6 неделями война вообще не могла быть ничем иным, как распрей соседей. Лишь при беспорядках, разбойничьих вторжениях и пограничных распрях с шотландцами или уэльсцами действительно прибегали к феодальной повинности в строгом смысле этого слова; вообще же она заменялась денежным налогом. Переходную ступень представляло — аналогично предписаниям каролингских капитуляриев — совместное снаряжение и выставление несколькими рыцарями одного воина.

В 1157 г. Генрих II совершил экспедицию (maximam expeditionem) против Уэльса; для этой экспедиции каждые два рыцаря снаряжали третьего «duo milites de tota Anglia tertium pararent»****. В 1198 г. Ричард I потребовал для похода в

* § 51 гласит: «И немедленно устраним в королевстве всех чужеземных воинов, стрелков, меченосцев, наемников, прибывающих с конями и оружием не на пользу королевства».

** Morris, The Welsh wars of Edward I, стр.185 и следующие.

*** Pollock and Maitland, I, 223, доказывают, что правило о 40 днях вряд ли когда могло существовать в виде закона и что оно всегда оставалось одной только теорией. Иоанн Английский требует в одном месте 80 дней. Гильермо в своем «Essai sur l'origine de la noblesse française» высказал предположение, что правило о 40 днях ввел не кто иной, как король Англии Генрих II.

**** Robert de Monte, цитировано Stubbs, Const. Hist., I, 455.

Нормандию, чтобы каждые девять рыцарей снарядили десятого*. В 1205 г. то же самое требовал Иоанн**. При Генрихе III в 1230 г. требовалось, чтобы от каждых двух плугов земли выставлено было по воину на 40 дней за счет местных средств. Подобные требования часто еще предъявлялись при Генрихе III***. На практике все это должно было вылиться в откуп и вербовку.

Весьма подробно можно проследить это развитие в аббатстве св.Альбани****. У аббата было 6 рыцарских ленов, каждый лен был распределен между многими подвассальными. Когда король созывал свое войско, различные владельцы каждого лена соединялись и выставляли одного рыцаря. Иногда это делалось так, что они нанимали одного рыцаря или двух сержантов, а иногда они выбирали для несения службы кого-либо из своей собственной среды, уплачивая соответствующие суммы на его снаряжение и содержание. Подобный порядок существовал, по-видимому, и у мальмесберийских рыцарей.

Начиная с Генриха II, мы встречаем уже непосредственное подтверждение безусловно существовавшего задолго до него института***** «охранных денег» (scutagia). Было бы не совсем правильно охарактеризовать этот порядок как простой «откуп» от воинской повинности в том смысле, что каждому барону или рыцарю в каждом отдельном случае предоставлялся выбор — или выполнить приказ, или уплатить определенную сумму денег. Более правильным является предположение, что короли твердо держались такого основного правила: не следующие призыву теряют свои ленные права, но от этого наказания можно освободиться, внеся определенную сумму денег в казну. Здесь толкование феодальной повинности переходит в понятие всеобщего налога. Подробности этого все же еще не ясны. Возникает вопрос, сколько и кому платит подвассальный, если его сеньор не выступает в поход. Но сомнения подобного рода несущественны: для военной организации важным моментом является замена личной службы денежным платежом, который опять-таки служил для вербовки и содержания наемных рыцарей******.

Итак, военное значение крупного поместничества отныне проявляется таким образом, что в этом сословии военный дух передается из рода в род по традиции, путем воспитания и упражнений, благодаря чему из среды этого сословия можно вербовать воинов. Не в силу призыва сеньора, а по собственному решению, желая добиться награды, выступает в поход английский рыцарь, поддерживая, таким образом, военную традицию и доблесть. На континенте граф становится вассалом короля и, как таковой, призывает, в свою очередь, рыцарей, находящихся в ленной зависимости от него; часто включаются сюда даже промежуточные ступени выше графа — герцог, ниже его — служилый дворянин, начальствующий над собственным отрядом. В Англии исчезает различие между баронами (tenentes in capite) и находящимися в ленной зависимости от них (subtenentes) вассалами, доходя до одного лишь количественного различия в размерах их владений. Статут «Quia emptores» 1292 г. устанавливает, что при каждом отчуждении лена новый его владелец становится непосредственным вассалом короля, благодаря чему феодальные промежуточные ступени исключаются уже и юридически. Однако в военном

* Pollock and Maitland, стр.234.

** Stubbs, Const. Hist., I, 590.

*** Gneist, Engl. Verf. Gesch. стр.289, примеч. к одному манускрипту в «Cotton Library».

**** Pollock and Maitland, II, 252.

***** Там же, I, 246.

****** Эта замена личной службы деньгами, по предположению Pollock and Maitland, I, 255, и была причиной необъяснимого иначе сокращения списков военнообязанных. Духовенство, которое в 1166 г. обязано было выставить 784 рыцаря, в 1277 г. признало за собой обязанность выставить уже не полную сотню; то же самое было и с крупными эрлами. В таком же размере, однако, были увеличены и платежи за каждого рыцаря. Правда, совершенно иначе объясняет это сокращение Morris, The Welsch wars of king Edward I. Он думает (стр.45), что сокращение числа военнообязанных было компенсацией за удлинение срока службы в несколько раз больше обычных 40 дней.

отношении первоначальное вассальство местами заменяется крупным поместничеством в том отношении, что бароны, как кондотьеры[105], сосредоточивают вербовку в своих руках. На континенте граф ведет своих жителей в поход; английский же шериф ведет их только тогда, когда призывается поголовное ополчение, а в поход ведут бароны, которые обладают необходимыми для этого знатностью и личными качествами, а также средствами для первоначального снаряжения и выдачи, согласно договору с королем и за счет последнего, авансов навербованным воинам, рыцарям и кнехтам.

Собственно феодальная система покоится на основе чистого натурального хозяйства; смешанная система в том виде, как она образовалась в Англии под властью королей норманнской династии и их преемников Плантагенетов, покоилась на комбинации натурального и денежного хозяйства, поскольку ядро военщины — рыцарское сословие — социально базировалось на снабжении его землей и этим содержалось, а регулярная армия собиралась и содержалась на деньги. Хозяйственное изменение, которое к тому времени устанавливалось в Европе, облегчило английским королям введение такого порядка. Именно тогда на почве значительного увеличения массы благородного металла обнаруживаются первые ростки вновь начинающегося денежного хозяйства. Это увеличение обращения золота и серебра, к которому мы еще вернемся в главе о наемничестве, сначала удивительным образом отразилось на военной организации не там, где природа эти сокровища дарила готовыми, т.е. не на континенте, а в стране, где политическое развитие сделало возможным это использовать, — в Англии, к которой часть этих сокровищ притекала путем торговли. В XI в. денежное обращение было уже довольно значительным; это было время, когда города Германии впервые при Генрихе IV сделались заметной политической силой. Кельн и города Фландрии находились в оживленном товарообмене с Англией. Английский хроникер Генрих фон Гунтингдон (около 1155 г.) сообщает, что Англия вывозила в Германию свинец, олово, рыбу, мясо, скот, шерсть и смолистый каменный уголь; за эти предметы всеобщего потребления она получала из Германии серебро*. На континенте еще не было политической центральной власти, настолько сильной, чтобы завладеть для своих целей средствами обращения. Народы уже отвыкли от обложения налогами. Только внешняя сила — страшные викинги — время от времени вынуждали целые области и страны платить контрибуцию, которая собиралась путем всеобщих сборов. Англия пострадала от этих диких молодцов еще больше, чем континент, и «датские деньги»[106] для откупа от них одно время приняли характер регулярного налога. Когда король Кнут овладел Англией, то он регулярно стал платить своим дружинникам жалованье и расквартировал их на зиму. Ввести налоги Вильгельму Завоевателю помогло как раз то обстоятельство, что к ним уже успели привыкнуть, когда приходилось платить «датские деньги», — правда, тем временем уже упраздненные. Королевская же власть его преемников была уже настолько сильна, что постепенно сумела установить целую налоговую систему, потому что короли эти были законными преемниками древних англосаксонских народных королей, но они усилили мощь этих королей тем, что наполнили понятие феодального господства, которое принесли с собой, реальным содержанием. Английский король являлся теперь одновременно и главой нации и главным собственником всей земли. Англосаксонская королевская народная власть была ограничена витаном[107]; континентальная — иммунитетом[108] крупных вассалов и наследственностью графств, английская же королевская власть не была ограничена ни тем, ни другим. Место витана, пожалуй, занял совет (consensus) баронов, но власть последних, как мы видели, не пустила никаких корней в Англии. Благодаря тому, что норманно-французское право, которое с собой принесли и в кругу

* Cunningham, The growth of englisch industry and commerce, I, 3-е изд., стр.196.

представлений которого жили правители, как бы лагерем расположилось вокруг англосаксонского местного права, — во власти короля было в случае конфликта решать, каким из них следует руководствоваться. Так управляет королевская власть в качестве центральной власти графствами через шерифов, издает законы, приказывает, составляет земельные кадастры для всего государства, дабы иметь возможность вводить налоги, карает и милует по собственному усмотрению. При каждом обновлении лена по случаю смерти взимался налог, размер которого устанавливался совершенно произвольно. Король присваивал себе права опекунства над всеми несовершеннолетними владельцами ленов и использовал эти права в своих целях: наследниц он выдавал замуж по своему благоусмотрению. Была выработана система полицейских штрафов (amerciaments) такой строгости, что ее, пожалуй, справедливо связывали с дисциплинарной властью военной силы, оккупировавшей страну. Благодаря тому, что властью военной силы, оккупировавшей страну. Благодаря тому, что штраф налагался соответственно размерам имущества провинившегося, являлось возможным и за легкие провинности, за чисто формальные недосмотры налагать очень большие суммы штрафа. Никакой властитель на континенте не смог бы поступать со своими подданными, своими знатными вассалами или хотя бы составить «Domes-day-Book». Шерифы получали налоговые поступления в генеральный откуп. Если земельных доходов, охранных денег, налогов и штрафов оказывалось недостаточно, то дополнительно к ним устанавливались «пособие» и налоги, достигавшие 1/9 и даже 1/4 движимого имущества*. Расправа с неисправными плательщиками не ограничивалась одним только имуществом: король Иоанн, младший сын Генриха II, приказал выдергивать у одного еврея, отказавшегося платить, ежедневно по одному зубу; когда тот лишился седьмого зуба, он уплатил требуемые с него 10000 марок.

Итог, следовательно, таков: английские короли собирали денежные налоги и при помощи этих денег создавали своеобразное военное устройство, ибо благодаря завоеванию они имели деспотическую власть и производили тот ужасный нажим, при помощи которого только и можно было выжимать из народа требуемые на содержание наемной армии огромные средства.

Уже при Генрихе I, младшем сыне Завоевателя, раздавались громкие жалобы на притеснения и вымогательства, с одной стороны, и торжественные обещания улучшений — с другой. Мероприятия Генриха II, не облегчившие гнета, как такового, а лишь сгладившие его наиболее острые углы, свелись к тому, что наряду с чиновниками созданы были комиссии из присяжных, которые должны были ограничить произвол при раскладке налогов и оценке имущества. Однажды Генрих II даже снял всех шерифов со своих мест. Когда Ричард I в 1198 г. потребовал, чтобы по ту сторону канала целый год ему служило 300 английских рыцарей, или же чтобы рыцарство уплатило достаточную для содержания такого отряда сумму, а именно по 3 шиллинга на воина, то это требование было объявлено невыполнимым**. 300 рыцарей представлялись еще достаточно скромным числом, необходимая же для этого сумма составляла 328500 шиллингов, или 16425 фунтов, а это было слишком много. При брате и преемнике Ричарда Иоанне это вылилось, наконец, в знаменитые конституционные битвы, и отсюда произошла Великая хартия вольностей (Magna charta). Несмотря на успехи, которых добилось в этих боях баронство, одно все же оставалось: централизованная власть, державшая в своих руках управление, взимавшая — по своему благоусмотрению или с согласия

* В 1924 г. было разрешено взыскать от духовенства 1/2, от эрлов, баронов и рыцарей — 1/10, от городов — 1/6.

В 1295 г. от духовенства — 1/10, от дворянства 1/11, от городов 1/7.

В 1307 г. было разрешено взыскивать 1/15, это составляло для всей Англии сумму в 40000 фунтов стерлингов.

** Stubbs, Select Charters, стр. 255, по Роджер Говедену.

сословий — денежные налоги и выставлявшая при помощи налогов войско из наемных рыцарей и простых воинов.

Смешение наемничества и рыцарства в английском военном строе вскоре оттесняет самое понятие о феодальном праве далеко на задний план. Если бы не беспрерывные войны, происходившие из-за связи английской короны с крупными французскими феодалами (Нормандия, Бретань, Пуату, Гаскония), возможно, что норманнское рыцарство на Британском острове очень скоро превратилось бы в мирное крупнопоместное сословие. Однако, войны, соблазнявшие получением большого жалования, поддерживали военную традицию, хотя строгого контроля, отдававшего, согласно первоначальному понятию, военный лен только действительному воину, уже не существовало.

Настоящее понятие военного ленства изгладилось так быстро, что в законе, изданном еще Генрихом II, правнуком Завоевателя (сыном внучки его Матильды), мы не находим и следа феодализма, а военная организация строится по принципу чисто гражданской милиции.

Указ о вооружении («Assisa de armis habendis in Anglia») от 1181 г. предписывает, чтобы тот, кто владеет рыцарским леном, имел бы панцирь, шлем, щит и копье; кто владеет скотом или каким-нибудь другим движимым имуществом больше чем на 16 марок, — то же самое; кто имеет больше 10 марок — нагрудник, железный шлем и копье; все остальные свободные мужчины — куртки, железные шлемы и копья. Это оружие ни под каким видом не должно продаваться, а опекуны должны сохранять его для несовершеннолетних до достижения последними призывного возраста. Разъездные суды должны через присяжных распределить людей по разным классам, прочесть им эти предписания на собраниях графства и привести к присяге. Неявившийся на такое общеграфское собрание должен сам явиться в Вестминстер, т.е. на королевский двор, там присягнуть и получить назначение. Судьи должны повсеместно объявить, что если кто-нибудь не будет иметь предписанного оружия, то король не ограничится одним только штрафом, а речь будет идти о жизни и смерти.

Указ короля Иоанна от 1205 г. предписывает, что при первом известии о вражеском нападении всякий должен с оружием поспешить к обороне. Владеющий поместьем в случае неявки без уважительной (не по болезни) причины на все времена лишается этого поместья для себя и своего потомства. Не имеющие владений попадают вместе со своими потомками в рабство и должны платить подушный налог в 4 денария ежегодно. Никто по причине бедности не может уклониться от призыва, так как явившийся кормится за счет короля. Шерифы и баливы (бэйлифы)[109] должны были повсеместно, на базарах и ярмарках, оповещать об этом приказе и под личной ответственностью сообщать королю о каждом уклоняющемся от призыва.

Новый указ о вооружении Генриха III от 1252 г. берет за исходную точку предписание Генриха II от 1181 г., однако, идет и дальше последнего. В то время как Генрих II категорически предписывает вооружение только всех свободных, Генрих III распространяет это на всех лиц от 16 до 60-летнего возраста, «граждан городов, свободных держателей, вилланов и прочих» (cives burgenses, libere tenentes villanos et alois); если Генрих II различает только 3 класса, то теперь их становится 5; от первого требуется конная служба; предпоследняя ступень наряду с мечом и кинжалом должна иметь и лук со стрелами; последняя ступень — владельцы мельчайших земельных участков или владельцы с движимостью более чем в 40 шиллингов — обязаны иметь только косы, кинжалы, ножи и тому подобное мелкое оружие. Ополчения эти должны возглавляться констеблями[110] и главными констеблями.

Эти предписания могут служить нам примером того, как мало можно доверяться законам, даже когда они, как в данном случае, сохранились дословно, если

хочешь узнать историческую действительность. Правда «assises of arms» еще служат фундаментом для ныне существующей английской милиции, но как в древней, так и в новейшей военной истории она (милиция) вряд ли играла когда-либо какую-нибудь роль. Несмотря на сверхстрогие штрафы, средневековые предписания никогда даже приблизительно не проводились в жизнь: задача — распределить население по классам, заготовить списки, насильно заставить приобрести оружие и проконтролировать выполнение этого приказа — была слишком кропотливой и трудной, военная же ценность, даже при наилучшем выполнении, очень мала. Действительные войны, как мы уже видели, велись совершенно иначе организованными армиями; несмотря на то, что предписываемое Генрихом III всенародное ополчение мужчин от 16 до 60 лет должно было бы состоять из многих сотен тысяч, в решительных сражениях даже более поздней эпохи участвовали лишь немногие тысячи.

Разделение английского народа в отношении воинской повинности на 5 классов со ступенеобразным вооружением Гнейст сравнил с таким же разделением на 5 классов в древнеримских центуриях. Внешнее сходство бросается в глаза, но разница заключается в том, что у римлян речь идет о порядке набора в дисциплинированное войско, у англичан же — об ополчении, существовавшем почти только на бумаге, параллельно которому содержалось подлинное воинство. Кроме того теперь выяснилось, что знаменитый сервианский порядок разбивки на классы[111] был не чем иным, как фикцией Катоовской среднесословной политики во II столетии (ср. т.I).

Но как ничтожно ни было практическое значение этих указов о вооружении, знакомство с ними все же для нас очень важно, так как они являются, во-первых, документом того, как малоценны такого рода неорганизованные массовые призывы, и, во-вторых, — аналогией подобных, знакомых нам постановлений более ранних времен средневековья, у вестготов и франков. Достоверно неизвестно, что, собственно, означает слово «ассизы»; вероятно, это сокращенное sententia assisa — «установление». Стеббс* их просто называет «капитуляриями» в каролингском смысле, чем они на самом деле и являются. Я привожу здесь точный текст для того, чтобы облегчить сравнение. Как сильно каролингские капитулярии ввели в заблуждение научное исследование и сколько нам пришлось потратить труда, чтобы произвести им правильную оценку! Ведь надо было доказать, что буква средневекового законодательства и реальная действительность не только могут не совпадать, но, наоборот, стоят в прямом противоречии друг с другом. В отношении ассиз о вооружении Плантагенетов явно обнаруживается то, что в капитуляриях Каролингов можно было узнать лишь с трудом, потому что источники XIII в. уже не так скудны, как источники VIII в., и шаг за шагом позволяют ясно проследить действительное развитие. Так вот, более поздняя эпоха не только объясняет самое себя, но служит также для подтверждения правильности изложения предшествующей, как, например, швейцарский рассказ о бургундских войнах служит путеводной звездой при оценке рассказа Геродота о персидских войнах.

УКАЗ О ВООРУЖЕНИИ В АНГЛИИ**

Stubbs, Select charters, стр.153.

1. Всякий, имеющий феод одного воина, да имеет броню и шлем, щит и копье, и всякий воин да имеет столько кольчуг и шлемов, щитов и копий, сколько воинских феодов он занимает.

2. Всякий же свободный мирянин, имеющий в скоте или в движимом имуществе 16 марок, да имеет кольчугу, шлем, щит и копье; всякий свободный мирянин, имеющий в скоте или в движимом имуществе 10 марок, да имеет нагрудник, железный шлем и копье.

* Stubbs, Constitutional History of England, I, 573.

** Перевод с латинского текстов, приведенных Г.Дельбрюком в оригинале. — Ред.

3. Также все горожане и все свободные да имеют камзолы, железные шлем и копье.

4. Каждый из них да принесет клятву, что до праздника святого Гилария будет иметь это оружие, государю королю Генриху, т.е. сыну императрицы Матильды, будет хранить верность и будет иметь это оружие на его службу согласно повелению его и на пользу государю королю и его королевству. И никто, имеющий это оружие, его да не продает, не дает в залог и не отчуждает никоим образом от себя, и сеньор его никоим образом да не принимает от своего вассала ни в качестве пени, ни в виде дара, ни другим каким-либо образом.

5. Если кто скончается, имея это оружие, то оружие пусть остается у наследника его. Если же наследник не в таком возрасте, чтобы мог владеть оружием, пусть опекун печется и об оружии и пусть найдет человека, который мог бы пользоваться этим оружием на государевой королевской службе, пока наследник не достигнет того возраста, когда сможет носить оружие, и тогда да имеет.

6. Всякий горожанин, у кого будет большое оружие, чем полагается по этому указу, да продаст его или отдаст другому, кто бы владел им на службе государя, короля Англии. И никто да не держит у себя оружия больше, чем полагается согласно этому указу.

7. Ни один иудей пусть не держит у себя кольчуги или нагрудника, но пусть продаст, или отдаст, или иначе отдалит от себя, чтобы они остались на службе королю.

8. Пусть никто не вывозит оружия за пределы Англии и пусть никто не продает оружия другому, кто может вывезти его из Англии.

9. Полноправных рыцарей или других свободных и полноправных граждан из сотен и городов по собственному выбору, владеющих таким количеством скота, что они должны иметь кольчугу, шлем, копье и щит согласно вышеуказанному, судьи да обяжут присягой, чтобы они поименно назвали всех тех в своих сотнях и городах, кто имеет 16 марок в движимости скота, имуществе или ренте, равным образом и кто имеет 10 марок. Судьи затем всех давших присягу и прочих да заставят занести в протокол, кто, сообразно со стоимостью движимого имущества или размерами ренты, какое должен иметь оружие. А затем в общем их собрании да прочтут настоящую ассизу о вооружении и заставят их поклясться, что они будут иметь оружие согласно вышесказанной стоимости движимого имущества или размерам ренты и будут держать его на службе государя короля сообразно с настоящей ассизой в повиновении государю королю Генриху и его королевству. Если же случится, что кто-нибудь из тех, кто должен был бы иметь оружие, не окажется в графстве к тому сроку, когда там будут судьи, то пусть судьи назначат ему явиться к ним в другое графство. И если он не явится ни в одном графстве, через которые будет лежать их путь, пусть назначат ему явиться для принесения присяги в Вестминстер в неделю св.Михаила, если дорожит он жизнью и добром своим. И да будет ему указано, чтобы не позже вышеописанного дня св.Гилария имел он положенное ему вооружение.

10. Судьи пусть объявят по всем графствам, через которые будет лежат их путь, что государь король будет подвергать наказанию тех, кто не будет иметь оружия согласно вышесказанному, но без конфискации земли или скота.

11. И никто да не клянется вопреки полноправным и свободным гражданам, что не имеет 16 либо 10 марок в движимом имуществе.

12. И судьи пусть объявят по всем графствам, чтобы никто из тех, кто дорожит своею жизнью и добром своим, не продавал и не покупал корабля для увода из Англии и не вывозил строевого леса за пределы Англии. И король повелевает, чтобы никто кроме свободных не приводился к присяге.

УКАЗ О НАБОРЕ ВОЙСКА, 1205 г.

Stubbs, стр.281

Король и т.д. шерифу Ротланда и т.д. Ты знаешь, что с согласия архиепископов, епископов, графов, баронов и всех наших вассалов в Англии решено, чтобы 9 рыцарей нашли десятого рыцаря, хорошо снаряженного конем и оружием для обороны королевства, и чтобы эти 9 воинов дали десятом 2 солида в виде выкупа. А потому предписываем тебе озаботиться, чтобы эти десятые воины из твоего округа прибыли в Лондон в течение трехнедельного срока после Пасхи, хорошо снаряженные конями и оружием, со своими выкупами, как выше сказано, готовые вступать в нашу службу, как мы повелим, и пребывать на нашей службе для обороны королевства нашего, сколько будет необходимо. Решено, чтобы, если чужеземцы явятся в нашу страну, все единодушно выходили им навстречу с оружием, без промедления,

узнав по слухам об их приходе. А если какой рыцарь, или сержант, или иной, державший от нас поместье, не выступит, не будучи болен настолько, чтобы не иметь сил прийти, сам и его наследники лишатся поместья, и лен его перейдет в распоряжение его сеньора так, чтобы ни он, ни наследники больше ничего не получили из этой земли. Если же окажется, что рыцари, сержанты или иные, не имеющие земли, не выступили, сами и наследники их будут обращены в крепостное состояние навсегда с уплатой 4 денариев[112] ежегодно в виде выкупа, и бедность не должна быть отговоркой для неявившегося, потому что тех денег, которые понадобились бы для выступления в поход, хватит для пребывания у нас в кабале. Если же балливий не сообщит нам письменно или устно об уклонившихся, жизнь и смерть его будет зависеть от нашего милосердия. И потому предписываем тебе спешно объявить об этом по всему твоему округу, на рынках, в церквах и иных местах, не допуская при этом недочетов, которые мы могли бы поставить тебе в вину. И сам будь в Лондоне к указанному сроку или вышли своего доверенного и сообщи имена десятых воинов. Скрепил я собственноручно в Винчестере в третий день апреля.

УКАЗ О ВООРУЖЕНИИ, 1252 Г.

Stubbs, стр.370

Решено также, чтобы каждый шериф вместе с 2 рыцарями, специально для того избранными, обошли свои графства из сотни в сотню, селения и замки, и в каждой сотне, селении и замке созвали к себе свободных горожан, вилланов и прочих в возрасте от 15 до 60 лет и заставили их всех поклясться об оружии, сообразно с тем количеством земли и скота, которым владеет каждый из них: именно, при земле на 15 ливров — одна кольчуга, железный шлем, меч, нож и конь; при земле на 10 ливров — один нагрудник, шлем, меч и нож; при земле на 100 солидов — один камзол, железный шлем, меч, копье и нож; при земле на 40 солидов и больше — до 100 солидов — меч, лук, стрелы и нож. Имеющие меньше земли, чем на 40 солидов, клянутся иметь серпы, кинжалы, ножи и прочее мелкое оружие. При скоте на 60 марок — один панцирь, шлем железный, меч, нож и конь; при скоте на 40 марок — один нагрудник, железный шлем, меч и нож; при скоте на 20 марок — один камзол, железный шлем, меч и нож; при скоте на 9 марок — меч, нож, лук и стрелы; при скоте на 40 солидов и больше — до 10 марок — серпы, кинжалы и прочее мелкое оружие. Все, кто может иметь луки и стрелы из живущих вне лесов, да имеют; лесничие же да имеют арбалеты и стрелы.

В отдельных селениях и бургах (замках) клятва о вооружении произносится перед графами, старостами и бейлифами городов; где нет графов, там присягу принимает 1 констебль или 2, смотря по количеству жителей; в сотнях же учреждается верховный констебль, по приказу которого собираются все, давшие присягу об оружии, и повинуются ему во всем, что касается сохранения нашего мира.

ВИНЧЕСТЕРСКИЙ СТАТУТ

Эдуард III — 1285 г.

Основной текст по-французски; по переводу Стеббса

Select Charters, стр.474

И далее приказывается, чтобы каждый мужчина имел у себя в доме вооружение для сохранения мира по старинному указу о вооружении; это значит, что каждый мужчина в возрасте от 15 до 60 лет должен дать клятвенное обязательство иметь вооружение согласно количеству его земли и движимого имущества, а именно: от 15 фунтов доходов с земли и 40 марок движимого имущества — кольчугу, железный шлем, меч, нож и коня; и от 10 фунтов с земли и 20 марок с имущества — кольчугу, железный шлем, меч и нож; и от 15 фунтов дохода с земли — камзол, железный шлем, меч и нож; и от 40 шиллингов с земли — меч, лук, и стрелы, и нож; и тот, кто имеет меньше 40 шиллингов ежегодного дохода, должен поклясться хранить алебарды, ножи и другое более мелкое оружие; и все остальные, кому дозволено, должны иметь луки и стрелы вне леса и в лесу деревянные луки и дротики. И что осмотр должен производиться каждый год 2 раза. И в каждой сотне и округе 2 констебля должны быть выбраны для осмотра оружия; и эти вышеупомянутые констебли должны сообщать назначенным судьям о всех недостатках в вооружении, которые они видели в стране, о нарушениях закона, о страже, о больших дорогах,

а также сообщать о всех чужеземцах, которые живут во внутренних городах и за которых они не должны отвечать. И назначенные судьи должны сообщать через каждый парламент об этих недостатках в вооружении королю, дабы король мог принять меры для их устранения.

СТАТИСТИКА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПО ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАМ

Ясное представление о норманнском военном строе, подкрепленное цифровыми данными, дает «General Introduction of Domesday-Book, accompanied by Indexes etc. by Sir Henry Ellis. In two volumes, London, 1833».

Настоящее понимание, однако, стало возможным лишь благодаря ряду трактатов И.Г.Раунда, собранных им в 1895 г. в томе «Feudal England». На этом дальнейшие умозаключения построили Pollock and Maitland, The history of the englisch law befor the time of Edward I, 2-е изд., 1898 г. Затем Maitland, «Domesday-Book and beyond», 1897. Далее очень ценным является Domesday and Feudal Statistics» by A.H.Inman, London, 1900. Гнейст (Gneist) в своей «Verfassungsgeschichte», 1882, хотя и оперирует неверными и невыясненными основными понятиями, но делает на стр.103 и следующей некоторые очень полезные и имеющие правильную установку цифровые исчисления. Весьма удачное исследование содержит первая глава «Studien zur Kriegsgeschichte Englands im 12 Jahrhundert» Дугласа Друммонда (Douglas Drummond). Берлинская диссертация 1905 г., изд. Georg Nauck, Берлин.

По исчислению Эллиса (Ellis), число упомянутых в «Domesday-Book» tenentes in capite составляет примерно 1400. Однако, сюда входит такая масса неясных имущественных положений и бедных людей (чиновников и т.п.), что Гнейст, стр.104, готов признать только 600 настоящих королевских вассалов, в то время как Инман, стр.68, в качестве capital tenants by knight service считает только 300. В том же месте Гнейст устанавливает, что «среди мелких королевских вассалов имеется некоторое число саксонских имен», среди подвассалов «примерно, половина саксонских имен». Так как среди подвассалов имеется много таких, которые не могут быть причислены к военному сословию, и в то же время поселенные норманны в значительной своей части были воинами, то я полагаю, что саксонские имена в «Domesday-Book» в значительно большем процентном соотношении принадлежат к не-воинам, чем норманнские. Общее число подвассалов в «Domesday-Book» составляет 7871; таким образом, вместе с 1400 королевскими вассалами tenentes было тогда всего 9000-10000. Но с этой цифрой, сколь ценной она ни представляется, можно все же мало что предпринять, так как здесь воины недостаточно отделены от не-воинов; к тому же в XI в. miles еще не является рыцарем в позднейшем смысле этого слова, а часто обозначает собой также самого простого кнехта, как Эллис (Ellis), General Introduction, стр.60, определенно устанавливает это и в записях «Domesday-Book». Так как «Domesday-Book» ничего не содержит относительно servitium debitum, то Фриман (Freeman) хотел из этого даже заключить, что ленное рыцарство при Вильгельме Завоевателе вообще еще не существовало, а было создано в Англии уже после него. Однако, это представление опровергнуто Раундом, который по полученным из другого места сообщениям определил servitium debitum для отдельных областей и сюзеренов и, перенеся этот результат на всю Англию, определил число их, примерно, в 5000. Справедливо, однако, заметил по поводу этого исчисления Друммонд, стр.18, что эта цифра практически вовсе не имеет такого большого значения, как это может показаться на первый взгляд, ибо в такой форме феодальное войско созывалось лишь весьма редко. Число servitia debita не соответствует не только числу наделенных ленами вассалов, но и числу вообще имевшихся в Англии воинов, равно как и числу созываемого на этом основании войска, так как к приведенным баронами контингентам и непосредственно наделенным воинам самого короля без сомнения прибавлялось значительное число ненаделенных воинов, следовавших в личной свите короля.

Число наделенных воинов в Англии при первых норманнских королях, кажется, вообще никогда не устанавливалось, так как короля вовсе не интересовало, выполнял ли барон свой servitium debitum при помощи наделенных или ненаделенных воинов. Первым, кто официально приказал определить число наделенных рыцарей, был Генрих II в 1166 г. По подсчетам Друммонда этот список насчитывает около 6400 человек, которых мы и можем рассматривать в качестве настоящих рыцарей в том более узком смысле этого слова, который стал господствовать в XII в. Но и Генрих II приказывает установить это число не для созыва армии, а для создания этим путем более удовлетворительного базиса для взыскания

налогов, чем тот, который представляли собой старый, совершенно произвольный servitium debitum и «Domesday-Book».

Мое предположение, что при Вильгельме I в Англии всего имелось около 5000 наделенных воинов, основывается, с одной стороны, на сравнении с подсчетом Друммонда, из которого видно, что в 1166 г. их было 6400, а с другой стороны — на том, что по данным Гнейста из 7871 subtenentes в «Domesday-Book», примерно половина является саксонскими именами: из этих саксонцев безусловно большую часть, а из норманнов — меньшую часть, составляли не-воины.

То обстоятельство, что я пришел к выводу, что в 1086 г. было, примерно, 5000 наделенных воинов, а Раунд определил число servitium debitum для того же времени также, примерно, в 5000, не имеет никакой внутренней связи, а является просто случайным совпадением, притом не совсем полным, так как цифру Раунда следует рассматривать как максимум, мою же — нет. Тем не менее оба исчисления взаимно подкрепляют друг друга, поскольку из них вытекает, что число servitium debitum иногда было больше числа рыцарских пожалований, предпринятых отдельными баронами, иногда меньше, а в общем эти числа были, примерно, одинаковыми.

Среди минимум 600 королевских вассалов по предположению Гнейста (стр.104) — вместо 1400 по подсчету Эллиса — имелось 153 духовных лица и 30 женщин.

Число 8471 tenentes, указываемое Друммондом, стр.8, является результатом сложения 7871 subtentes Эллиса и 600 tenentes по подсчету Гнейста. Но это сложение не дает правильного представления по той причине, что из числа tenentes in capite уже вычтено число нерыцарских ленов, а из числа subtenentes еще не вычтено. Потому общее число tenentes должно исчисляться, как это делает Инман, в 9000-10000.

ГЛАВА VI

НОРМАННСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ИТАЛИИ

Вслед за описанием норманнского государства в Англии мы даем описание норманнского государства в Нижней Италии, основанного незадолго до завоевания Вильгельмом Англии и представлявшего ряд аналогий с предыдущим, — так что явления, имевшие место в обоих государствах, взаимно как бы поясняют друг друга, делая более достоверным то впечатление, которое у нас от них создалось.

Прежде всего важно, что оба эти государства были основаны почти одновременно. Это служит новым доказательством того, какими небольшими силами можно было в те времена вести военные действия. Переправляясь через канал, чтобы завоевать Англию, герцог Вильгельм даже не располагал всеми силами своих областей, так как часть их уже отплыла в Италию. Как мы сейчас увидим, число норманнов, отправившихся в эту поездку, было совсем невелико, но для небольшой области, подвластной Вильгельму, и это число имело значение. С другой стороны, если для основания королевства в Италии было достаточно столь небольшого числа воинов, то из этого можно сделать вывод и в отношении Англии.

Поскольку в большинстве случаев в наших исчислениях нам приходится основываться не столько на прямых и надежных указаниях источников, сколько на случайных сообщениях и позднейших заключениях, — постольку в отношении истории норманнов в Италии мы имеем некоторые данные, которые могут быть использованы непосредственно.

Рыцарей, возвратившихся с паломничества в Иерусалим и случайно появившихся в Салерно в 1016 г., когда город этот готов был покориться сарацинам[113], было всего 40 человек. Вмешательства этого маленького мужественного отряда было достаточно, чтобы освободить город, и это обстоятельство послужило поводом к тому, что норманны стали отправляться в Нижнюю Италию в большом числе с предложением своих военных услуг. В те времена в Нижней Италии еще

существовал ряд маленьких лангобардских герцогств, графств и городов, пребывавших в постоянной борьбе между собою и с Византийской империей, а также с сарацинами, целиком покорившими Сицилию. Норманны являлись в качестве наемников, чтобы служить то грекам против сарацинов, то лангобардским государствам и владетельным домам — против греков, и, в конце концов, они сами стали хозяевами страны, — так же, как некогда Одоакр или готы в Римской империи. В обоих первых решительных сражениях — при Оливенто и при Каннах, в которых они одолели греков (1041 г.), силы их исчислялись в 3000 и 2000 человек. Но и это небольшое число состояло не из одних только норманнов, а сюда входило и местное население, присоединившееся к ним в борьбе против греков. По другим источникам, при Оливенто норманны насчитывали 500 рыцарей или 700 рыцарей и 500 пеших кнехтов*. Про самого Роберта Гискара (Guiscard) рассказывают, что в начале своей карьеры он набрал себе сторонников среди калабрийской черни, потомков римских колонов и рабов, и с ними грабил страну**. Таким образом, норманны, сильные своей унаследованной от викингов храбростью, составляли лишь ядро, вокруг которого собирался всякого рода воинственный и боеспособный народ. Таким же образом и войско Вильгельма Завоевателя состояло не сплошь из норманнов, а из наемников всех национальностей.

Измученное население не раз пыталось путем заговоров и восстаний освободиться от господства этого военного сословия. В одном месте Гауфред Малатерра*** говорит, что, когда у населения были расквартированы норманны, жителям приходилось опасаться за судьбу своих жен и матерей. Но всякое возмущение было напрасным, и, в конце концов сильнейшему и счастливейшему из норманнских авантюристов, Роберту Гискару, удалось не только соединить под властью своего рода Нижнюю Италию и отвоеванную у сарацин Сицилию, но и настолько укрепить норманнское господство, что они могли уже меряться силами с германскими императорами. Роберт Гискар оказывается даже в состоянии изгнать из Рима Генриха IV и взять под свое покровительство Григория VII; более того, он задумывает покорение Византии и овладение Константинополем. Если войско, с которым он для этого переправился через Адриатическое море, исчисляют в 1300 норманнских рыцарей и 15000 других воинов****, то последняя цифра, несомненно, сильно преувеличена. Еще большим преувеличением является сообщение того же источника, что войско, с которым Роберт Гискар шел против Генриха IV, состояло из 30000 человек пеших и 6000 конных. Это явствует уже из того, что, по другому свидетельству*****, главную часть этого войска составляли сарацинские наемники, которых не могло быть так много. Вообще если бы Нижняя Италия была так боеспособна, что могла мобилизовать армии в 15000 и даже в 30000 человек, было бы совершенно непостижимым, каким образом немногочисленные норманны могли здесь основать свое владычество. Уже те 1300 рыцарей, которых Роберт Гискар перевез через Адриатическое море для войны с Византией, несомненно, означают некий максимум и являются ценным свидетельством той мощи, какую представляли даже немногочисленные рыцари.

Государственный строй, созданный норманнами в Нижней Италии, принял формы, совершенно аналогичные созданным их единомышленниками в Англии. Причина этого сходства лежит не в каком-либо особом расовом и племенном

* Lupus Protospatharius, M. Germ, SS, V, 52 указывает численность войск при Оливенто в 3000 воинов, Гауфред Малатерра в своей «Истории Сицилии» (Muratori, SS, V, 533) — 500 чел. Вильгельм Апулийский в своем героическом стихотворении, посвященном сыну Роберта Гискара (Mon. Germ., IX, 239 и след.), — 1200 чел. Данные о сражении при Каннах имеются в Барийских анналах (Mon. Germ., V, 51 и сл.). Все сообщается по Heinemann, Geschichte der Normannen in Unteritalien, стр.359.

** V.Heinemann, Gesch. der Normannen, стр.113.

*** Там же, стр.207.

**** Там же, стр.311.

***** Там же, стр.325.

своеобразии этого народа, а обусловлена историческими событиями. Этот государственный строй построен на комбинации рыцарства и чиновничье-налогового управления. Заложенное в рыцарстве стремление к созданию ступенеобразно построенной феодальной системы в норманнских государствах было задержано и подавлено сильной монархией с ее чиновниками и налогами, так как без такой мощной монархии вообще нельзя было бы сохранить государство чужеземных воинов. Сами по себе норманнские рыцари были не менее непокорны и самонадеянны, чем французские или немецкие, но они должны были подчиняться монархии, потому что без нее им пришлось бы вернуться к бездомному приключенчеству. Еще в 1083 г. итальянские норманны чувствовали себя так слабо связанными с их страной, что когда предпринятая Робертом Гискаром с такой жаждой добычи война оказалась не очень успешной и сам он вернулся в Италию, — то значительная часть войска передалась византийскому императору Алексею, а когда два года спустя (1085 г.) сам Роберт умер, то норманнские гарнизоны, еще находившиеся в Византии, поступили на службу, как это случалось и раньше, к своему прежнему противнику*.

Должны были пройти поколения, прежде чем иноземная бездомная военщина смогла слиться с покоренным народом в одно целое. Хотя феодальная система действительно введена, но рыцари остаются все же скорее наемными, чем ленными.

До расцвета это было доведено сыном Констанции, последней представительницы норманнской династии, — германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном.

Правда, еще и Фридрих II приказывает мужам военного сословия (milites tam feudati quam non feudati), «наделенным и ненаделенным ленами», как говорит хроникер**, являться для несения военной службы.

Но этот ленный призыв играет уже очень незначительную роль. Воины, как рыцари, так и горожане, служат почти исключительно за плату, как и вербуемые рядовые кнехты.

Когда в 1227 г. Фридрих II снаряжался в крестовый поход, то он потребовал, чтобы каждый рыцарский лен заплатил 8 унций золота налога и, кроме того, чтобы каждые 8 рыцарских ленов выставили и снарядили одного рыцаря***. Таким образом, здесь налицо та же система, что и в каролингских капитуляриях, с той лишь разницей, что здесь, как это четко выражено, дело идет не о группе крестьян, обязанных снарядить одного из своих, а о группах рыцарей, и что платимая подать идет не графу, а непосредственно в кассу короля.

Установив в своем своде законов, что подлены могут раздаваться лишь королем и всякий ленник непосредственно подчинен только королю, Фридрих II принципиально уничтожил личную связь между прямыми королевскими вассалами и подвассалами, — а между тем на этой связи собственно и была построена ленная система. Отныне связь между подвассалом и его номинальным сюзереном заключалась лишь в уплате 10 унций золота. Такое же развитие получил феодализм в норманнском государстве в Англии.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДИРРАХИУМЕ 1081 г.

Оман на стр.164 сообщает об этом сражении подробно, потому что усматривает в нем последнее за истекшие 300 лет сражение, в котором сыграли роль не спешенные рыцари и не простой ландштурм

* V.Heinemann, Gesch. der Normannen, стр.330, 333.

** Ryccardus de S. Germano, M.G., SS, XIX, стр.369, anno 1233. Стр.376: «призывает к себе... баронов и воинов, не имеющих феодов».

*** Rycardus de S. Germano, M.G., XIX, 348: «требуя, чтобы все имеющиеся феоды дали от каждого феода 8 унций золота и с каждых 8 феодов одного воина в предстоящем месяце мае».

или стрелки, а настоящая пехота, подобная гаральдовой при Гастингсе; он видит в нем последнее столкновение между англосаксонской боевой секирой и норманнским копьем при поддержке лука.

Роберт Гискар переправился через Адриатическое море и осадил Диррахиум (Дураццо). Император Алексей явился с деблокирующей армией, в которой находились варяги, служившие в Византии. Анна Комнена (VI, 6) описывает этих воинов с обоюдоострыми мечами или секирами на плечах и со щитами; она рассказывает, что они спешились и в пешем сомкнутом строю напали на норманнов, причем сперва привели было их в замешательство, не обождав, чтобы ехавшие впереди конные лучники расчистили им путь. Но при этом они отделились от остального византийского войска и были разбиты норманнской конницей.

Это описание соответствует, собственно говоря, не столько образу действий тэнов при Гастингсе, сколько старогерманскому клину (Keil), ибо тэны при Гастингсе старались держаться исключительно обороны, а варяги при Диррахиуме атаковали подобно древним германцам.

Но почему же они спешились? Результат показывает, что они слишком понадеялись на свою атаку. Может быть, дело заключалось только в недостаточной согласованности действий с остальными частями византийского войска. Но так как этот пункт нам не совсем ясен, а Анна Комнена вообще не является совершенно бесспорным источником, то для военной истории едва ли можно использовать это сравнение.

Другие источники, в которых сообщается об этом сражении, особенно Gesta Roberti Wiscardi (Mon. Germ., SS, IX, стр.369 и след.), также не дают ответа на поставленные выше вопросы.

ГЛАВА VII

ВИЗАНТИЯ

Мы прервали описание* Восточной римской империи[114] в то время, когда она при Юстиниане еще раз переживала большой подъем и с помощью навербованных войск наемных варваров разрушила государство вандалов[115] и остготов[116], вновь присоединив к себе Африку, Италию и почти всю Испанию. Однако, империя была не в состоянии утвердиться в этом положении. Граждане не хотели нести тяжести налогов, шедших на содержание наемников и на плату дани для успокоения опасных соседей, а то обстоятельство, что на троне снова очутился человек, бывший в то же время и военачальником, привело, в конце концов, к катастрофе. Юстиниан был только политиком. Он посылал воевать своих генералов, а сам в качестве правителя сосредоточил в своих руках всю полноту власти и управлял столицей и провинциями, церковью и армией, несмотря на всю их разнохарактерность и противоположность. Можно было предполагать, что принятие короны его третьем наследником, Маврикием (582-602 гг.) выдающимся и блестящим полководцем, утвердит империю еще более крепко и надежно: только при такой полноте власти возвращались к старому первоначальному понятию императорской власти. Однако, именно для такого полного поворота назад не хватило сил, так как не было главной основы: дисциплины легионеров. Маврикий со свойственным ему, как казалось, доктринерским направлением ума**, пробовал придать диким бандам наемников определенную военную организацию и по возможности действительно вербовал их у себя в стране, а не за рубежом. Однако, когда он однажды во время войны со славянами и татарами потребовал, чтобы они оставались на зимних квартирах севернее Дуная, они взбунтовались, — тем более что он не мог даже уплатить им жалованья, которого они требовали. В то же время против него

* См. т. II, ч.3-я, гл.1-5.

** Эту характеристику можно было бы защищать с достоверностью лишь в том случае, если бы дошедший до нас под его именем «Стратегикон» был действительно написан им, что представляется весьма сомнительным. Ср. ниже.

восстали и горожане в столице, в результате чего он и был убит (602 г.), так же как некогда во второй половине III в. были убиты храбрые солдаты-цари, начиная от Пертинакса до Аврелиана и Проба.

В этой последней попытке создания дисциплинированной армии можно заметить, какую огромную роль играл вопрос оплаты. Численность войск безусловно была очень мала, так как они лишь с трудом и с переменным успехом в состоянии были отражать вторжение полчищ варваров. У такого энергичного и предусмотрительного царя, каким был Маврикий, не было недостатка в доброй воле расплачиваться с войсками; и если из-за вычетов за оружие и обмундирование он все же вступил с ними в конфликт, то, очевидно, кассы его не могли этого выполнить, так как в угоду народу после смерти Юстиниана была отменена строгая налоговая система. Раздобыть наличные деньги стало невозможно.

Таким образом, и в Восточной римской империи совершился переход к военной системе, очень близкой к той, с которой мы познакомились на романо-германском западе. Страна (примерно, в середине VII в.) была разделена на ряд военных округов, называвшихся «тэмами», и подокругов («мерос», «турма»); каждый такой округ должен был выставить и содержать определенное количество войск. Бывшие столь долгое время разделенными военная и гражданская власти были для этой цели снова объединены, подобно тому как это было во франкских графствах. В силу того, что «тэмы» получили названия по имени расположенных в них военных частей, не может подлежать сомнению, что именно такие части и были распределены по областям, где они водворились на долгое время. Вместо того чтобы им находиться на границе или в столице и там получать собираемую со всей страны плату и продовольствие, каждая область получила определенную воинскую часть, которую она продовольствовала либо путем натурального довольствия, либо путем расселения, а в случае войны известная доля получаемого натурального довольствия отправлялась в помощь соседним частям или же действующей армии.

Осевшие на земле воины, поскольку дело не касалось простых пограничников, являются носителями феодализма, и мы находим также и в Восточноримской империи того времени сильные поселения подобного рода в виде крупных земледельческих родов с их военными дружинами. Мы встречаем пожалование поместий за военную службу χτηματα στρατιωτιχά*. Образуются баронства, известные своими военными подвигами, семьи, владеющие большими поместьями. О таких родах народ повествует в своих сказаниях и песнях. Не так давно было найдено такое эпическое сказание Дигенис Актритас, относящееся к X в.**. В издании этого труда довольно метко сравниваются герои сказания с одним западным маркграфом.

Аналогичные примеры мы встречаем повсюду также и в законодательстве.

Восточноримские императоры совершенно так же, как и Карл Великий, боролись с намерением знати, «δυνατοι», подчинить себе свободные крестьянсие земли. И точно так же, как во франкском государстве, здесь нельзя относить это к собственно крестьянским массам, бывшим и тут и там совершенно не воинственными колониями, а, наоборот, — это относится к исконным воинам, постепенно становившимся мирными гражданами и переходившим в крестьянское сословие. Уже Юстиниан издавал распоряжения, направленные против этого***, а в IX в. с подобным явлением систематически боролся целый ряд императоров. Прибегали к самым радикальным мерам, объявляя приобретения свободных крестьянских земель недействительными и не допуская даже ссылки на право

* Zachariä v. Lingenthal, Gesch. d. griech.-röm. Rechts, 3-е изд., § 63, стр.271.

** Les exploits de Digénis Aktritas, Epopéé byzantine du X siècle publiée par G.Sathas et E.Legrand, Париж, 1875 г.

*** Zacharä v. Lingenthal, Gesch. d. griech.-röm. Rechts, 3-е изд., стр.265.

давности*. Две законодательные новеллы[117] напоминают нам о предписании императора Ламберта (898 г.), что ариманны не должны передаваться графами в ленное владение своим людям и что никто не может использовать солдат в качестве сельских работников (εν παροιχου λόγω) или для частных услуг**.

Ряд новелл устанавливал ценность солдатского имущества. Для конных воинов и для определенных дивизионов флота оно должно было равняться 4 фунтам, для прочих частей флота — 2 фунтам золота. Император Никифор Фока установил минимум в 4 фунта, а для тяжеловооруженного, т.е. для рыцаря в западном смысле этого слова, требовал 12 фунтов***. Если в наличности было несколько наследников, то они совместно, пропорционально своему имуществу, выставляли одного человека.

Несмотря на большую аналогию с Западом, до образования законченной ленной иерархии Восток все же не дошел. Бароны имеются, но нет подлинного рыцарского сословия и нет души западного феодализма — личной связи при помощи присяги на верность — и германских дружин как все подчиняющей себе идеи. Наибольшее сходство византийский военный строй временами имеет с норманно-английским строем. Отдельные элементы феодализма связаны и спаяны с налоговой системой и чиновничеством. Призыв происходил в форме набора, и мы встречаем здесь, как и в Англии, замену призыва денежным взносом****. Однако, ввиду того что пригодные элементы внутри страны, невзирая даже на переселения и поселения варваров, были недостаточно многочисленны и быстро утрачивали свой воинственный характер, вновь и вновь прибегали к пополнениям при помощи иноземных наемников. Тут, в лагере византийских императоров, встречались германцы всевозможных племен, славяне, печенеги, мадьяры, болгары и даже турки. Особо важную службу несли долгое время варяги, первоначально шведы и норманны, дошедшие через Россию до Черноморья. Самое слово «варяги» означает «союзники» (foederati). Позднее это наименование давалось различным элементам, а после покорения Англии Вильгельмом среди них, как сообщают, было много англосаксонских беглецов.

Наглядную картину того, как выглядело ополчение страны в X в., дает нам повествование Иоганна Скилиция*****. Он описывает, как турки беспрерывно нападают на Киликию и снуют по стране, грабя и уничтожая все на своем пути, Никифор Ботониат, полководец, собирает войско; однако скупость и халатность граждан свели на нет все старания. Солдаты, не получая достаточного содержания, брали то, что им давалось, и снова уходили по домам, в силу чего варвары снова могли продвигаться по стране. В это время множество молодых людей собралось в Антиохии. Будучи охвачены юношеским пылом, они готовы были воевать, но у них не было военного опыта, не было боевых коней, они едва были вооружены и скудно снабжены продовольствием, в результате чего им пришлось плохо, и они вернулись домой. Ботониат попытался отразить варваров при помощи своих собственных дружинников (υπασπιστειζ) и небольшого числа наемников.

То же самое, очевидно, происходило и в каждой франкской области, когда на нее нападали норманны или венгры, и, примерно, то же самое случилось, когда Карл Толстый выступил на выручку Парижа и ничего не добился.

---

* Carl Neumann, Weltstellund d. byz. Reichs., стр.58.

** Zacharia v. Lingenthal, стр.273, прим.916.

*** Там же, стр.273. Neumann (стр.56) полагает, что это устроение объясняется повышенным требованием к военному вооружению и повинности. Однако, такое повышение едва ли имело место; ведь военная служба уже издавна являлась конной службой. Да и Нейман сейчас же добавляет, что это повышение обозначает намерение отказаться от реставрации мелкой земельной собственности как безуспешной и ненужной. Это, повидимому, правильно.

**** Constantin Porphyrog, De administr. imperiio, гл.52, Joh. Meursii opera, т.VI, стр.1110. Другие доказательства у Carl Neumann, Die Weltstellung. des bysant. Reiches vor den Kreuzzugen, 1894, стр.68, 69. Прим., например, о Константине IX. «anti otratiwt'wn forous 'eporixeto», Cedren., II, 608.

***** Excerpta Juhannis Scylitzae Curopalatae, SS, Bysant. Bonn. Cedrenus, II, 662.

В X и XI вв. Византийская империя снова достигла большого расцвета. Болгары были окончательно разбиты. Василий II (ум. в 1025 г.) приказал выколоть глаза заключенным пленным, приблизительно 15000 человек, и отправил их в таком виде домой. На каждую сотню он дал по одному поводырю, которому был оставлен один глаз. Когда они в таком ужасном виде были приведены к своему царю, он лишился сознания и через 2 дня умер. Киликия и Антиохия также были вновь отобраны византийцами у калифа[118], а Армения присоединена к империи, простиравшейся от Адриатики до Евфрата. Мне думается, что такая перемена объясняется тем, что повсеместно снова начало появляться денежное хозяйство. Мы снова слышим много о налоговых обложениях и взысканиях*, а налоги давали возможность брать на службу наемников. В то время как в западноевропейских провинциях еще платили натурой, которая могла быть использована только на месте ее получения, в Азии можно было распределять содержание через центральную казну**. Однако, надо признать, что гораздо важнее небольших изменений внутри страны были изменения у противной стороны. Болгары повсеместно утратили свою варварскую военную силу, а на противоположной границе точно так же потеряли силу арабы. Поэтому, как только здесь наступают перемены и появляются новые враги, с византийским возрождением снова покончено, и государство на Востоке попадает под господство вновь нахлынувших сельджуков[119], а на Западе с трудом обороняется от норманнов.

У нас сложилось убеждение, что мы прекрасно осведомлены о византийском военном строе, так как в нашем распоряжении имеется целый ряд обстоятельных систематических сочинений различных веков о военном устройстве греческого государства, а многие войны и сражения подробно описаны писателями-современниками. Император Маврикий (ум. в 602 г.) и император Лев VI, Философ (ум. в 911 г.), оставили нам очень обстоятельные и систематические сочинения, а Никифор Фока (ум. в 960 г.) — ценную монографию. Однако, чем больше изучаешь эти источники, тем сомнительнее становится их достоверность. Уже в древней истории мы наблюдали, что теоретические и систематические сочинения, оставшиеся нам от древних времен, решительно не сходятся с событиями в том виде, как их описывают достоверные исторические источники. Кажется невероятным и все же является фактом, что писатели беспрерывно повторяют различные теории, относящиеся к македонской фаланге, словно они никогда ничего не слышали о римском легионе и его тактике. Однако, не только это, но и описания, оставленные нам Ливием о старой римской манипулярной тактике[120], а также данные Саллюстия о рекрутском наборе и большая часть описаний Вегеция выявили себя или как грубое недоразумение, или даже как чистая выдумка. Не лучше обстоит дело и у византийцев. При более близкой проверке становится ясным, что отдельные картины, нарисованные ими, находятся в полном противоречии между собою и что большую часть всего ими описанного надо рассматривать не как практические выводы, а лишь как лишенную всякого основания фантазию и теорию — просто повторение или распространительное толкование тех теорий александрийцев, которые некогда дали систематическое описание македонской фаланги[121].

Вильгельм Людвиг Нассауский в XVI в. и Монтекукколи в XVII в. во многом использовали тактику императора Льва, а князь Линь в XVIII в. сопоставил ее с предписаниями Фридриха Великого своим генералам и пытался возвести их обоих выше Цезаря, указывая на то, что Цезарь дает лишь примеры, а они оба — предписания***. Эта похвала в части, касающейся императора Льва, как мы

* Neumann, стр.60. 68. Gust. Schlumberger, Nicéphor Phokas (Париж, 1890), стр.532, 533. Krumbacher, Gesch. d. bysant. Literatur, стр.985.

** Нейман (стр.67) полагает, что Запад, более заполненный варварами, был по сравнению с Востоком более отсталым в культурном отношении и поэтому был не в состоянии платить денежные налоги.

*** Jähns, Gesch. d. Krigswesens, I, 170.

видели, совершенно не заслужена и может быть объяснена так же, как и слова Вегеция, который в действительности был человеком очень небольшого ума (ср. т.II).

Столь же фантастичными и ненадежными являются византийские исторические описания войн и сражений, например, повествования Бриения и Анны Комнена. Но путем сопоставления и взаимного контролирования этих источников с достоверностью вытекает, что в греческой империи, равно как и на Западе, дисциплинированной пехоты, подобной римским легионам, не существовало. И тут и там ядро войска состояло из немногочисленных отрядов тяжеловооруженных коннных воинов, чему свидетельством (которое должно служить, я бы сказал, нормальным мерилом для всех других) является изречение Никифора Фоки, гласящее: «полководец, имеющий 5 или 6 тысяч наших тяжелых всадников и помощь божию, больше ни в чем не нуждается». С этим совпадают исторические данные, если только мы с критической строгостью отбросим все недостаточно достоверное. Точно так же и Никифор Бриений в своем описании* формирования при императоре Михаиле III (1071-1078 гг.) корпуса бессмертных (τῆζ τών ἀχανάτων καλουμενων φάλαγγοσ) основными элементами его образования считает умение владеть оружием и ездить на конях.

* * *

Главное отличие восточных войск от западных заключается прежде всего в том, что здесь иноземные варварские наемники играют значительно большую роль, чем в западных странах, которые ведут свои войны сами, и далее, — в том, что наравне с тяжеловооруженными конными значительную часть войска составляют конные лучники. После поражения, понесенного в сражении с сельджуками при Манцикерте (1071 г.), местные воины отодвигаются на задний план, и империя, как нам кажется, поручает охрану страны почти исключительно наемникам. Когда же эти наемники не выполнили возложенного на них дела, Константинополь попал (1204 г.) в руки крестоносцев[122]. После восстановления Греческой империи снова была принята старая военная система.

* * *

В основе — это та военная организация, к которой в Римской империи пришли еще в III в. и с которой мы познакомились при Юстиниане во время его войны с остготами; при помощи этойто организации Греческая империя продержалась еще свыше тысячи лет. Несмотря на внутреннюю разрозненность и церковную борьбу, несмотря на беспрерывные военные революции, дворцовые перевороты и узурпации, несмотря на вражеское окружение, — со стороны болгар (гуннов) на самом Балканском полуострове и магометан, впервые осадивших Константинополь уже в 654 г. со стороны Азии, — несмотря на все это, империя не только утвердилась, но и неоднократно одерживала крупные победы, а временами простирала свои границы далеко на Восток, до Тигра, т.е. почти до границ времен старой Римской империи.

Возникает вопрос: почему Запад — латинская часть старой империи — был не в состоянии сопротивляться варварам и в конце концов подпал под их господство, Восток же — греческая часть — доказал свою гораздо более сильную живучесть и сопротивляемость? Возможность того, что Греция по своей политической и военной основе стояла выше римского государства — исключена. Нет сомнения, что византийские знатные семьи давали все новых и новых отличных и могучих воинов, которые, становясь во главе феодальных ополчений или во главе наемных варваров, совершали геройские подвиги. Эти семьи частью были варварского происхождения и только натурализовались в Византии, — да и вообще говоря, уже со времени Александра греческое государство все больше и больше

* Lib. 4, гл.IV, Ed. Bonn., стр.134.

превращалось в страну смешанной расы, лишь говорящей и мыслящей по-гречески. Но то же самое имело место и на Западе, в латинском государстве, — даже, пожалуй, еще в большей степени, чем здесь, а значит в этом не может заключаться различие между Востоком и Западом.

Я полагаю, что долговечность пересаженной на греческую почву части Римской империи вызвана была, в основном, причиной географической — несравненным стратегическим положением Константинополя. Рим, как город, расположенный на средней по величине реке, не мог защищаться против энергичного, хоть сколько-нибудь превосходящего по силе нападения; недаром императоры зачастую покидали Рим и переносили свою резиденцию в более безопасную Равенну. Между тем Константинополь, расположенный у быстрого течения морского рукава, окруженный с трех сторон водой, был почти неприступен, даже при большом превосходстве сил. Противники едва могли воспрепятствовать подвозу и пополнению продовольствия с той или с другой стороны. Если Рим стал мировой столицей, то этого положения он достиг не благодаря своим экономическим, весьма посредственным достоинствам, а вследствие политики и войн. Поэтому, как только он перестал быть столицей и перестал собирать дань с народа, его естественные вспомогательные источники стали бессильными. Константинополь же, расположенный на большом перекрестке сухопутных и водных путей мировой торговли, был не только столицей, но и таил в самом себе величайшие природные вспомогательные источники, усиливавшие его обороноспособность. В 616 г. при императоре Геракле его тщетно осаждали персы, в 626 г. — авары, в 654, 667, 672, 717, 739 гг. — арабы, в 764 г. — болгары, в 780 и 798 гг. — снова арабы, в 811 и 820 гг. — славяне, в 866 г. — русские, в 914 г. — болгары.

Если бы Константинополь хоть раз был завоеван кем-либо из варварских народов или уже в 700 г. — мусульманами так, как когда-то Рим был завоеван готами и вандалами, то, конечно, Восточноримской империи пришел бы конец, как это случилось с Западноримской империей. Однако, поскольку столица выдержала все натиски, постольку отсюда всегда вновь восстанавливалось и государство, а когда у противника наступало ослабление, оно даже шло снова к победам и завоеваниям. Византийская империя в смысле смены слабости и успеха представляет собою, несомненно, самую изумительную игру, какую знает мировая история. Все вновь и вновь по всей стране до самой столицы происходят нападения и разбойничьи набеги со стороны соседних варваров: с севера — с другого берега Дуная; с востока — со стороны Аравии и Евфрата через всю Малую Азию, с моря — со стороны всевозможных пиратов. В этих войнах большая часть местного населения была уничтожена и истреблена, а варвары заняли их места. Болгары и славяне укрепились тогда на Балканском полуострове и основали свои селения до Пелопоннеса. Но империя все же продолжала существовать и впитывать даже в состав своего организма этих пришельцев — все это, в конце концов, благодаря тому, что Константинополь укреплялся, сохранял и развивал старый государственный строй и старые государственные идеи.

В противоречии с этим взглядом находится то обстоятельство, что в 1204 г. Константинополь действительно был завоеван крестоносцами, а тем не менее государство удержалось, и через полстолетия провинции отвоевали столицу, благодаря чему снова было восстановлено государство в старом смысле слова*. Но этот эпизод вполне объясним как исключение для обеих сторон. Константинополь в 1204 г. был почти беззащитен и полон внутренних раздоров; им попеременно владели узурпаторы, свергавшие друг друга и не имевшие возможности подтянуть силы из провинции. Крестоносцы же, представлявшие собою

* По данным Гаммера (Hammer, Gesch. d. Osm. Reichs., т.I, стр.552 и 674), причем, однако, некоторые случаи не представляются вполне достоверными.

сильное войско, находились в союзе с венецианским флотом, который осадил город и со стороны моря. Поэтому на этот раз Константинополь, несмотря на всю свою природную мощь, пал.

То обстоятельство, что провинции продолжали сопротивляться и, в конце концов, снова изгнали врагов, не является делом более сильного греческого национального духа или военных качеств, а объясняется, с одной стороны, религией, с другой — природой самого крестоносного войска. Если бы завоеватели — франки — были еще варварами-язычниками, то их господство над Константинополем, возможно, осталось бы: греки, подобно западно-европейцам, примирились бы с их господством, одновременно втянув победителей в орбиту своей культуры и церкви. Но крестоносцы возложили на греков не только военное ярмо, но и ярмо греческой церкви, руководимой в духе Григория VII.

Если бы греки покорились этой церкви, то они должны были бы перестроить все свое мировоззрение. Эта религиозная оппозиция увеличила силу сопротивления греков, с которой франки тем менее могли справиться, что и сами они далеко не имели необходимой внутренней силы. Правда, при своем первом появлении в союзе с венецианцами крестоносцы представляли очень большую силу. Но когда они после победы назначили правителем одного графа из Фландрии, то он располагал уже только незначительной частью этой силы. Ему перестали подчиняться как венецианцы, претендовавшие больше чем на четверть завоеванного государства, так и крупные сюзерены, получившие во владение крупные области. Хлодвиг и его преемники правили франками, имея у них совсем другой авторитет, чем римские императоры в Константинополе у своих рыцарей. Поэтому и случилось, что эти западные завоеватели, в конце концов, должны были — несмотря на то, что владели столицей — снова отступить из греческого государства.

Особо поучительной главой в «History of the art of war» Омана является глава о византийском строе. Этот труд во многом помог и мне. Все же в важнейших пунктах я пришел к совершенно другим выводам.

Оман правильно установил, что византийский средневековый строй точно так же, как и на Западе, зиждился на тяжеловооруженных конных воинах (с добавлением конных лучников). Несмотря на это, он принимает указания — особенно в тактике Льва — по поводу пехоты, подобно тому, как это сделал Иенс в Gesch. d. Kriegsw., I, 163. Не может подлежать, однако, никакому сомнению, что эта пехота не существовала, и правила ее образа действия являются не чем иным, как теоретическим наследием античной литературы. В самом деле, если бы византийцы действительно имели пехоту, как некогда Александр или римляне, то она должна была бы проявить себя и в сражениях, — да не только проявить, но и играть решающую роль. Между тем, сам Оман правильно заметил, что сражения проводились исключительно конными частями, пехота же использовалась для гарнизонной службы, нападений, заграждения проходов и т.д. И Иенс (стр.163) совершенно правильно обратил внимание на то, что Лев считает величину «банд», «мерий» и «турмов» у пехоты такой же, как и у кавалерии, а Оман (стр.188) отмечает, что Лев повествует нам о вооружении и организации, хотя далеко не так подробно, как о коннице. Оба эти явления нужно рассматривать как симптомы того, что здесь мы имеем дело не с действительной практикой.

С этим связаны и данные о численности войск.

Оман (стр.182) указывает, что стоящий во главе каждой тэмы стратегос[123] имел в своем распоряжении примерно 8000, 10000 или 12000 человек, из которых для действующей армии можно было мобилизовать от 4000 до 6000 человек отборной кавалерии. Поскольку Малая Азия имела в X в. 17, а Европа — 11 тэм, это составило бы огромнейшую армию; Оман (стр.221) полагает, что одна Малая Азия имела постоянную армию не меньше чем в 120000 человек. Это исчисление основано на комбинировании обеих заметок Льва о том, что каждый стратегос имел в своем подчинении 2 или 3 турмы (гл.IV, § 45) и что каждая тэма могла дать действующей армии 4000 конных (гл.XVIII, § 149, 153). В математическом отношении это заключение правильно, но оно совершенно недопустимо в отношении методики, так как Лев был слишком теоретизирующим писателем, чтобы по его схемам можно было судить о действительности. С целью уяснить себе его способ теоретизирования мы приведем несколько примеров. В гл.XVII,

§ 89 (то же самое и у Маврикия), мы находим вычисление — сколько места займут 300000 всадников при длине фронта в 600 лошадей и глубине в 500 лошадей, — вычисление, которое Иенс (стр.155) совершенно справедливо снабдил ироническим восклицательным знаком.

В гл.XIV, § 43 и след., Лев (также и Маврикий, IV, гл.III) советует вечером перед сражением вырыть за занимаемой позицией ров или волчьи ямы или заложить капканы и между ними оставить свободными отмеченные проходы. Затем войско должно инсценировать бегство и по отмеченным проходам отойти назад, враг же попадет в ров или капканы.

В гл.XII, § 55, Лев советует, чтобы конные, дабы издали произвести впечатление на противника, имели на своих копьях флажки; а так как в бою флажки представляют различные неудобства, то их нужно снимать, как только приблизишься к противнику на расстояние одной мили.

Такие противоречащие всякой действительности рассуждения возбуждают подозрение и против приводимых цифр, — да и сам Лев находится в прямом противоречии с указанным исчислением Омана относительно численности войск, поскольку он исчисляет (гл.XVIII, § 153) общее количество, которое можно собрать из одной тэмы, только в 40000 человек. В гл.IV, § 62, он вычисляет, что теперь людей меньше, чем в старину, и банды (тагматы), из которых 7-8 падает на одну турму, нельзя довести до 256 человек; нормальный бой он также строит на предположении, что в нем принимают участие только около 4000 конных; это число в случае нужды, если противник очень силен, должно быть увеличено вдвое или втрое (гл.XVIII, § 143-150). В другом месте армию в 5000-12000 он называет «нормальной» (гл.XII, § 32, 33) и учитывает также случай, когда армия может быть еще малочисленнее.

Окончательным доказательством того, что византийские войска численно всегда могли быть лишь весьма ограниченными, служит количество войск у арабов и крестоносцев.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАНЦИКЕРТЕ 1071 г.

В сражении при Манцикерте или Малазгарде в Армении*, сельджукский султан Альп Арслан победил императора Романа IV, взял его в плен и уничтожил значительную часть византийского войска. Благодаря этому сражению турки овладели Малой Азией. Оман усматривает в этом сражении также поворотный пункт в истории византийского военного строя; уничтожение армии и окончательная потеря малоазиатских тэм сделали с этих пор невозможным ополчение всей страны, и Византийская империя вынуждена была опираться исключительно на наемных варваров. Это толкование связано с представлением Омана о численности византийских войск. Он полагает, что Роман имел при Манцикерте 60000, а его противник 100000 человек. Поскольку сообщается, что преемник его с большим трудом собрал из остатков ополчения тэм 10000 человек, то из этого, во всяком случае, можно было сделать вывод, что страна сделалась небоеспособной, так как в прежнее время одна Малая Азия выставляла 120000 человек.

Этот вывод отпадает вместе с разбитой нами предпосылкой: никогда — также и при Манцикерте — войска обеих сторон даже приблизительно не имели указанной численности. Даже цифра в 10000 воинов, которые были еще собраны из тэм, представлялась бы нам невероятно большой, если бы автор** определенно не добавил, что этот отряд был составлен из остатков азиатского призыва и наемников. Но возможно что и эта цифра слишком велика.

Я никак не могу согласиться также и с самим описанием сражения при Манцикерте, данным Оманом. Проверка и исследование по источникам были бы весьма желательны.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Относительно Маврикия ср. Iahns, Gesch. d. Kriegswissenschaften, I, 152; Krumbacher, Gesch. d. byzantin. Literatur, 2-е изд., § 262, стр.635. Στρατηγικόν, издан. Шефером (Scheffer). «Arriani tactica et Mauricii ars militaris», Упсала, 1664. Крумбахер по характеру содержания полагает, что это произведение принадлежит не Маврикию. Оман, стр.172, приписывает его Маврикию и датирует его 579 г., прежде чем Маврикий сделался императором. R. Grosse, D. römisch-byzantinische Marschlager, стр.106, относит его к VIII в.

* Близ левого берега р.Аракса.

** Nicephorus Bryennius, IV, 4, éd. Bonn, стр.133.

Относительно Льва VI (886-911) Иенс I, 160-170, Крумбахер, Gesch. d. byzant. Literatur, 1-е изд., стр.350, «Παράδοσι των εν πολέμω ταχτκῶν συντομοζ» или Διαταζ πολεμιχῶν παρασχενῶν , напечатана лучше всего в «Meursii opera», ed. Lamius, vol. VI, 1745 г. Крумбахер дает ему такую характеристику: произведение составлено из более древних источников, как Оносандер, Элиан, Полиен и т.д., и дает без большой последовательности различные, по главам разбитые, заметки об организации, снаряжении и обучении армии и т.д. На стр.636 2-го изд. он присоединяется к взгляду, что произведение принадлежит не Льву VI, а Льву III Исавру (718-741 г.), т.е. написано по его настоянию.

Относительно Константина VII Багрянородного (912-959 г.) ср. Иенс I, 171. Он является сыном Льва VI. Приписанная ему «Тактика» в действительности принадлежит Константину VIII (1025-1028 г.), однако в большей своей части является дословной передачей «Тактики» Льва и мало самостоятельна (Крумбахер, История византийской литературы, стр.63. Напечатана равным образом в «Meursii opera», Bd. VI, ed. Lamius).

Относительно Никифора Фоки (963-969 г.) см. Иенс I, 176. Крумбахер, стр.985, Густав Шлумбергер (Gust. Schlumberger, Un empereur Bysantin au dixieme siècle, Nicéphore Phokas, Paris, 1890; 779 стр., 4°).

Приписанное ему произведение называется Περι παραδρομῆζ πολεμον, изд. Hase, Бонч, 1828. Шлумбергер (стр.169) полагает, что книга написана, очевидно, по настоянию императора, но закончена была лишь после его смерти.

Иенс полагает, что хотя этот труд имеет отправным пунктом труд Льва, но более самостоятелен, чем последний; однако и в этом труде резко выявляется характер эпохи упадка, так как в нем отсутствуют всякие следы военной инициативы. «Ни на что другое, как на противостояние или, самое большее, на прикрытие Никифор не считает способными войска, отправляемые им на северную границу своей империи для отражения налетов варваров, и этим, во всяком случае, с максимальной отчетливостью подтверждается, что проявления инициативы ожидали от противника». Такой характер книги находился бы в большом противоречии с личными качествами автора и его военными подвигами, отмеченными также и Иенсом. Как раз этот император обладал огромной инициативой и совершал одно завоевание за другим, в том числе Крит, сделавшийся центром ужасных мусульманских пиратов, и Антиохию (968 г.).

Наоборот, Шлумбергер, будучи в совершенном восторге от книги, дает подробный анализ ее и пишет (стр.173):*

«Я имел удовольствие прочесть эти 25 глав военного искусства. Это полная программа пограничной войны X в. Все то, что должен был делать искусный византийский стратег, стоявший во главе своих войск, чтобы противостоять нашествию сарацин, парализовать их движение или отомстить за грабежи, указано подробно, как в руководстве для наших офицеров в военной школе. Все случае строго предусмотрены. Против каждой болезни дан свой рецепт. Когда я прочитал эти страницы, написанные хотя и на варварском греческом наречии, но с исключительным жаром, с глубокой любовью к делу защиты родины, с настоящим воинским пылом, мне казалось, что перед моими глазами проходят все эти сражения, давно и основательно забытые, такие отважные, дикие, с постоянными хитростями и обманами, удивительными набегами, которые в продолжение вековой борьбы полумесяца с крестом тысячи раз обагряли кровью мрачную чащу, суровые ущелья и зеленые склоны древних высот Тавра. Мне казалось, что я слышу, как во сне, быстрый топот сарацинских кобылиц, несущих ночью по высокой траве своих молчаливых всадников, с копьем и щитом в руке припавших к луке седла, пожирающих пространство, чтобы на заре напасть на спящее беззащитное греческое селение, почти задержавших дыхание, чтобы не быть замеченными трапезитами, этими удивительными византийскими разведчиками. Я вижу этих несравненных наездников греческого войска, настоящих улан 1000 г., законченных в своем роде артистов этой единственной в мире войны, войны лукавства против лукавства, усердного тайного преследования, военных хитростей, постоянно обнаруживаемых и постоянно возобновляемых, поразительных обманов и дерзких поединков. Я вижу их — в латах или кольчуге под толстыми плащами — скачущих с такой уверенностью на те самые отважные разведки и смелые рекогносцировки, грозной представительницей которых в современности являлась немецкая кавалерия в войне 1870 г.

Да, это они, достойные предшественники этих улан, которые жили у нас, как мрачное олицетворение нашествия, эти неутомимые византийские трапезиты, опасную службу которых подробно описывает составитель «Тактики» Никифор Фока. Это — те же самые замечательные быстрые конные разведки

* Перевод с французского текста, приведенного в оригинале автором настоящего труда. — Ред.

среди неприятеля для получения ценных сведений. Это — то же презрение к опасности, та же спокойная отвага, та же твердая решимость вернуться во что бы то ни стало и точно донести начальнику, подарившему их своим доверием, все для него необходимое: определить силы противника, имя офицера или командующего, направление, которого он придерживается, цель, которую он себе ставит. Это — все те же искусные усилия, направленные на получение сведений, то же применение многочисленных хитростей, тот же изобретательный гений, та же дисциплина, поддерживаемая тем же не имеющим пробелов кодексом точных и определенных правил, — дисциплина, тем более трудно достижимая в условиях этой относительно варварской эпохи. Глубоко ошибаются те, которые думают, что восточные войны того времени заключались только в беспрерывном ряде беспорядочных стычек и столкновений диких орд».

Как ни противоречит этот гимн «уланам» Византии отрицательному отзыву Иенса, все же оба по-своему правы. То, отсутствие чего замечает Иенс, а именно стратегия решительной войны, действительно отсутствует; но этим трактат вовсе не хочет заниматься, он дает нам правила пограничной, так сказать, малой войны, и в данной области этим методам ведения войны отнюдь нельзя отказать в инициативе и энергии. Настоящие войны, которые византийцы вели в X и в XI вв., не покрываются войной, подразумеваемой в данном случае. Этот трактат говорит именно только о пограничной войне, а потому нельзя делать из него выводы в отношении духа того времени.

Шлумбергер (стр.186) говорит еще об одном, тогда еще не обнародованном сочинении, приписываемом Никифору Фоке; некоторые части этого сочинения опубликованы Гро (M.Graux). Эти части трактуют о том, что нельзя вести армию через безводную страну, что не следует брать в поход лишних едоков, и о том, что проводники и шпионы весьма полезны на войне.

Никифор Фока потребовал однажды от одного синода предписания, чтобы всем павшим на войне с мусульманами солдатам оказывались почести как мученикам. Однако, духовенство в лице патриарха Полиевкта отклонило это предложение.*

Примечание ко 2-му изданию. В 1917 г. в Пеште появилось новое издание «Тактики» Льва, обработанное Ф.Вари на основании новейших изысканий в области всей византийской военной литературы. Более подробные сведения об этом приведены Л.Герляндом в «D. Lit.-Zeit.», NN27-29, 1920 г.

ГЛАВА VIII

АРАБЫ**

Арабы, или сарацины, уже с давних пор принадлежали к варварам-всадникам, которых римляне брали к себе на службу и из которых формировали свою кавалерию. Один арабский шейх играл роль уже в походе Красса против парфян[124]; воины, которых император Валент повел с востока против готов и которые пали под ударами германцев при Адрианополе (378 г.), — прелюдия к позднейшим боям — были арабскими всадниками.

Подобно тому, как это имело место в отношении германцев, римляне сделали однажды попытку подчинить себе и арабов. При Августе против них (в 26/25 г. до нашей эры) выступил Элий Галл, наместник Египта. Он достиг уже большого города, но вследствие голода и болезней потерпел большой урон, вследствие чего римляне уже не возобновляли в этом направлении наступательных действий.

В качестве наемников, особенно в войнах римлян и персов до и после Юстиниана, арабы, так же как германцы на Западе, были приведены в культурные

* Neumann, Welstellung d. byzant. Reichs., стр.37; Krumbacher, стр.985.

** В труде Альфреда Кремера, История культуры Востока под властью калифов, Вена, 1875 (Alfred Kremer, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen) имеется глава о военном деле (стр.203-255), в которой дошедшие до нас сообщения представлены довольно полно, но без критического к ним отношения и без компетентного понимания их с военной точки зрения.

страны, и, наконец, настал момент, когда они решили захватить господство в свои руки.

Но это событие протекало у них совершенно иначе, чем у германцев.

Германцы ничего не имели и ничего не принесли с собой, кроме своей воинственности; они все еще были подлинными варварами, когда сделались господами культурного мира, большую часть которого они при этом разрушили. Среди арабов уже издавна существовало два элемента: воинственные варвары — кочевники, бедуины пустыни, и городская торговая буржуазия с некоторыми культурными наклонностями. Оба эти элемента связаны были общей национальностью, языком и единством религиозного культа, которое сознательно поощрялось умными торговцами Мекки, дабы этим удерживать и обуздывать вражду и дикость бедуинов*. К тому же иудаизм и христианство оказывали такое влияние, что создавали религиозное возбуждение.

Все эти элементы и направления были объединены Магометом в одно религиозно-политическое целое. Ислам — не религия, подобно христианству, а военно-политическая организация народа. Для того, чтобы довести сравнение до конца и этим самым отметить основное различие, предположим, что Арминий одновременно был бы пророком и объединил бы под своим предводительством все германские племена.

В качестве воина, народного вождя и пророка Магомет создал из арабов такую мощь, которая появилась почти внезапно и с непреодолимой силой покорила лежавшие справа и слева соседние земли — как Сирию и Египет, принадлежавшие Риму, так и Персию, которая еще недавно с переменным успехом боролась с Римом.

В землях Римской империи, подпавших под власть германцев, церковь утверждает свое существование на древних преданиях, и, таким образом, на западе образуются два противоположные полюса — самостоятельная церковь и самостоятельное государство. В исламе церковь и государство совпадают: пророк так же, как и его преемник калиф, т.е. заместитель, является духовным владыкой и светским повелителем, глашатаем божественной воли и военным вождем. Военная сила бедуином, издавна известная и внушавшая страх во всем мире, усиливалась еще благодаря учению о рае и «кисмете» (судьбе). Таким образом, венная дисциплина поддерживалась авторитетом Аллаха. «Лучшая теология — помогать богу мечом», говорили одинаково и праведные** и хищные с разбойничьими инстинктами бедуины, охотно подчиняясь духовному авторитету, который бросал им под ноги все сокровища культурного мира. К сохранившейся военной силе сынов пустыни этот дух авторитета прибавлял еще элемент дисциплины, которая стояла так высоко, что войску запрещено было употребление вина.

Одна арабская рукопись о военном деле, относящаяся, правда, к XIV в., но восходящая к старым традициям, рисует нам повиновение правоверных следующим образом (стр.28):***

«Ибн Исхак рассказывает в "Военных походах": «Когда посланник божий выступил из Вадиль Кафра и услышал, что корейшиты движутся против него, то он спросил совета у своих последователей. Сперва говорил мудрые слова Абу-Бекр, за ним следовал Омар и также говорил очень хорошо. Тогда поднялся Эль-Микдад-бен-Амр и сказал: «О, посланник бога, иди туда, куда велит тебе Аллах, и мы будем вместе с тобой; мы не скажем, подобно сынам Израиля: иди

* Aug.Müller, Gesch. d. Islam, т.I, стр.31.

** Wellhausen, Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam, Abbandl. d. Kgl. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen, Phil. Hist. Kl. N. F. V., N2, стр.10.

***Издана и переведена Ф.Вюстенфельдом (F.Wüstenfeld) в Abhandl. d. Gesellsch. d. Wissenschaft. zu Göttingen', т.26 (1880). Частично этот документ состоит из перевода и переработки «Тактики» Элиана, а потому должен быть использован, конечно, с осторожностью.

ты и твое войско и сражайтесь, мы же останемся здесь, но скажем: иди ты и твой господин и сражайтесь, и мы будем сражаться сообща с вами обоими. Во имя того, кто воистину послал тебя, если бы ты пожелал с нами вместе пойти на Бирк эль-Гимад, мы сражались бы на твоей стороне, пока ты им не овладеешь». Посланник бога ответил ему: «хорошо сказано» и благословил его. Затем он обернулся и изрек: «Дайте и вы мне свой совет», он имел в виду анкаров (перешедших на сторону Магомета мекканцев), ибо их было значительное число; тогда сказал Саид бен-Мунадс: «Кажется, посланник бога, что ты обращаешься к нам». «Так оно и есть», отвечал он, и Саид продолжал: «Мы верим в тебя, признали тебя действительно праведным и считали правдой все, чему ты нас учил; в этом мы принесли тебе клятву и подтвердили, что мы хотим слушаться и повиноваться. Так иди же теперь, о посланник божий, куда тебе велит Аллах, мы будем с тобой; клянемся тем, который тебя действительно послал, что если бы ты пожелал вместе с нами переправиться через это море, мы бросились бы вместе с тобой, и ни один из нас не уклонился бы; мы ничего не имеем против, если ты завтра вместе с нами хочешь встретиться с нашим врагом; мы безусловно стойки в войне и надежны в бою, — может быть, Аллах укажет тебе в нашем лице то, что будет радовать твой глаз; так следуй же вместе с нами с божьим благословением». Посланник бога возрадовался речам Саида, был полон воодушевления и затем сказал: «Вперед, объявите радостную весть, ибо бог мне обещал одно из двух отделений. Клянусь, мне кажется, будто я вижу этих людей уже сраженными». Омар сказал: «Клянусь тем, в чьих руках моя жизнь, они не преминут сразить их».

До Магомета арабы, подобно германцам, были раздроблены на многочисленные племена — даже в большей степени, чем германцы, поскольку вследствие образования городов создались социально противоположные сословия. Все эти племена и сословия пророк при помощи своей системы соединил в одно замкнутое целое и создал этим не только внутреннюю силу, но также и большую сплоченно действующую массу. Германские племена никогда не выступали сплоченно, и мы знаем, что войска готов, бургундов и вандалов, которые пересекли Римскую империю, были весьма малочисленными. Арабское государство, подобно Германии, также было слабо населено, но все племена и сословия этой обширной страны были теперь объединены в одну сомкнутую военную силу под одной властью. В 630 г. сам Магомет будто бы собрал 30000* воинов для похода против Византийской империи, но на границе поход был приостановлен и не имел никаких последствий. Халид, главнокомандующий Абу-Бекра, выступил против Персии с войском в 18000 человек**. В 636 г. в сражении на мосту, где арабы были разбиты персами, они, якобы, располагали войском всего в 10000 человек***; точно так же и в решительном сражении при Кадезии (637 г.), где они разбили персов, «в самом древнем и достоверном источнике»**** указано только 9000-10000 воинов, а в последовавшем вскоре после этого сражении при Джабуле — 12000 воинов*****. Судя по численности войск, с которой мы познакомились в период войн Юстиниана, эти данные не кажутся невозможными. Они не опровергаются также и тем, что в дележе добычи, полученной при Ктесифоне, участвовало 60000 воинов. После сражения при Кадезии прибыли еще подкрепления; но прежде всего должно возникнуть подозрение, что начальники, заявляя о притязаниях своих отрядов, в значительной мере перешли границы правды. На основании того, что известно о немецких полковниках ландскнехтов XVI и XVII вв., вполне можно допустить преувеличение в 3 и 4 раза со стороны чрезвычайно алчных к деньгам

* Müller, I, 164.
** Weil, Gesch. d. Chalifen, I, 30.
*** Ibid., I, 60.
**** Müller, стр.238.
***** Ibid., стр.243.

бедуинов. Тем не менее могло также быть, как полагают новейшие исследователи, что войска, побежденные персами, насчитывали больше чем 10000-12000 человек; в особенности же надо иметь в виду, что это были не все силы мусульман, оперировавшие вне страны, но что одновременно такое же, а возможно еще большее войско сражалось в Сирии против греков. В сражении при Адшнадейне (634 г.), несколько южнее Иерусалима, где они впервые одержали победу над греками, арабы по безусловно неточному подсчету насчитывали от 25000 до 30000 человек*. Для достижения безусловного превосходства арабы из армии, оперировавшей против персов на Евфрате, перебросили сюда еще 3000 всадников, которые двинулись через пустыню, таща с собою воду. Если эти данные и преувеличены несколько, то все же обстоятельство, что эти 3000 всадников приведены были из столь отдаленного от сражения места, говорит против слишком большого числа, — греческое государство давно уже было не в состоянии выставить хотя бы приблизительно такое войско. Вспомним, что Юстиниан Велизарий мог выступить против вандалов и готов с 15000 человек только потому, что он уже давно заключил мир с персами. Арабские источники неоднократно повествуют о значительном превосходстве греческих и персидских войск, о сотнях тысяч, которые были побеждены и пали от меча правоверных**, подобно тому как некогда древние греки повествовали о персидском войске, которое победили Мильтиад, Павзаний и Александр. В действительности же как здесь, так и там превосходство сил было на стороне победителя.

Калифы, благодаря подчинению себе различных воинственных племен пустыни, имели в своем распоряжении неистощимый запас воинов и могли отправлять одновременно во все стороны войска, превосходившие численностью противника. Это были не только наемники, которые сейчас же поднимали мятеж, если им во-время не было уплачено, но воины, которые в качестве ратников божьих переносили временами нужды и лишения, чтобы затем вскоре находить в завоеванных странах более чем достаточную компенсацию. Так, они способны были совершить переход через пустыню Триполи***, чтобы завоевать Карфаген, весь север Африки, наконец — Испанию и лишь на Луаре найти своего начальника. Цифры в 20000 и тем более 40000 воинов, которые якобы завоевали Северную Африку, безусловно преувеличены: такое количество нельзя было бы прокормить во время этого невероятного перехода через Триполи, и даже четвертая часть была бы достаточна для выполнения этого задания. Но в то самое время, когда ислам появился на Западе у Геркулесовых столпов[126], он по следам Александра проник до Туркестана и Индии и с большим трудом от него отбилась сама Византия.

Победители, подобно готам и вандалам в Италии, Испании и Африке расселились в завоеванных землях в качестве господствующего военного сословия.

Представляя собою уже строго упорядоченную политическую организацию, они в такой же мере разорили покоренный ими культурный мир, как германцы. Хозяйственная жизнь страны после небольшого перерыва вновь входит в старую колею; страна не возвращается к натуральному хозяйству, как это было на Западе, а устанавливает новый государственный строй на той основе, что неправоверные подданные должны платить подати для содержания господствующего военного сословия.

---

* Müller, I, 252, прим.

** Ibid., I, 222.

*** Правда, не в один прием. События протекали следующим образом. В 641 г. арабы завоевали Египет. В 643 г. или 644 г. они взяли Триполи. В 648/49 г. Моавия в качестве наместника Сирии, построил флот. То же самое сделал наместник Египта. В 647/48 г. последний с 20-тысячным войском овладел Карфагеном, но затем снова оставил страну. В ближайшем десятилетии совершались частые набеги из Триполи на Тунис. В 683 г. арабы потерпели поражение, потеряли Триполи и были отброшены назад к Барке. В 696 г. пришел Гассан с 40-тысячным войском и снова взял штурмом Карфаген. После нескольких контр-ударов, благодаря тому, что подошел греческий флот, в 706-709 гг., завоевание было распространено до океана. Берберы[125] перешли в ислам.

Германское военное сословие должно было рассеяться по всей стране, чтобы жить за счет натуральной повинности жителей, что в конце концов облекалось в форму ленных отношений, в форму феодальной системы. Арабское военное сословие, поскольку культура и вместе с ней денежное хозяйство не были разрушены окончательно, могло существовать за счет налогов и выплаты жалованья и потому не должно было так сильно рассеиваться по стране. Часть завоевателей оставалась нераспыленной в крупных военных колониях, в частности — в Куфе и Бассоре, ставших городами.

Однако, как мы видим на примере вандалов и вестготов, военное сословие, основанное на родовом признаке и питающееся семейными преданиями, не может сохраняться надолго. У германцев оно исчезает тем скорее, чем больше они сливаются в одно целое с побежденными, как члены одной церкви. У арабов оно просуществовало несколько дольше, ибо покоренные народы в большинстве сохранили свою религию; господствующее сословие в большей мере сознавало свою обособленность, а потому и свою воинственность, единый же духовно-светский авторитет власти калифа удерживал правоверных в рамках старого быта. Но по прошествии 200 лет принесенная с собою из пустыни сила все же была растрачена и истреблена. Искусственно слитые элементы военного начала и религии, уже со смерти Магомета находившиеся в конфликте, стремились отделиться друг от друга. Калифату недостает твердого принципа наследственности: теократия[127] по своей природе не наследственна. Крупная династия Омайядов, которая берет верх после убийства зятя пророка — Али — и его сыновей, внуков пророка, является в значительной мере представительницей воинственного бедуинского элемента, а следующая за ней династия Аббасидов (с 750 г.) представительницей религиозного элемента. Обе династии можно было бы сравнить с почти исключительно воинственными Меровингами и с внутренно близко стоящими к церкви Каролингами. Так же быстро, как и под властью потомства Карла Великого, распалось государство калифов под властью потомков Гарун-Аль-Рашида, Аббасида. Место правоверных занимают банды наемников (с начала IX в.). Особенно сельджукские турки, воспринимая учение пророка, поставляют теперь воинов, а вскоре их эмиры[128] и военачальники сами делаются господами, оставляя Багдадскому калифату только представительство духовной власти. Крупные владения — Испания, Египет — также отделяются от Багдадского калифата и становятся самостоятельными калифатами.

Таким образом, на Востоке образуется положение, очень схожее с положением на Западе. Естественное разделение духовной и светской власти укрепилось, вопреки учению пророка, также и в исламе. Сельджукские султаны — такие же светские властители, как короли Западной Европы, так же опирающиеся на свое военное сословие, как европейские короли — на рыцарство, с той лишь разницей, что принципы их в основе своей совершенно различны. Однако непосредственной заметной разницы между такими властителями, как Фридрих Барбаросса и Саладин, как заметил уже Ранке, нет. С точки зрения чисто военной следует как арабских, так и сельджукских воинов называть просто рыцарями, которые в силу своеобразной связи религии и военного начала в исламе находились еще несколько больше в руках своих вождей, чем на Западе.

Сильнейшим показателем римской дисциплины мы признали то обстоятельство, что полководцы после утомительного похода все еще могли требовать от солдат обнесения лагеря окопами. Уже цитированный нами арабский автор требует того же самого (стр.13): «Как только разбит лагерь, эмир прежде всего повелевает в тот же день без отлагательства и задержки прорыть ров; этот ров служит для прикрытия армии, препятствует дезертирству, предотвращает попытки нападения и предохраняет против других опасностей, которые могут возникнуть благодаря хитрости противника и всяким неожиданным событиям».

Я сомневаюсь, чтобы это предписание действительно проводилось в арабской армии; во всяком случае оно проводилось не так систематически, как у римлян. Воины были преимущественно конными одиночными бойцами. Власть вождя и сущность дисциплины ни в коем случае не были таковы, чтобы способствовать образованию сплоченных тактических единиц. Это напоминает предписание германского короля Генриха I по поводу сплоченности конной атаки, когда пророк (Sure, 61, 4) говорит: «Бог любит тех, которые бьются во имя его в таком боевом порядке, как если бы они были одним крепко слитым зданием»*, или когда Халид перед сражением при Гиеромаксе (636 г.) держит речь своим воинам, в которой он повелевает: «Не сражайтесь врозь против народа (греков), который выступает против вас стройными отрядами»**.

Император Лев ("Тактика", XVIII, § 49, 50) рисует турок в панцирях, на бронированных конях, сражающимися попеременно копьями, мечами и стрелами, а в арабском сочинении о военном деле говорится:

«Вооружение состоит из крепкого, прочного панциря, не слишком тяжелого, но и не слишком легкого, из шлема, плотно прилегающей под шлемом шапки, двух наручей, двух поножей и двух набедренников. Лошадь к наступлению должна иметь крепкие подковы, сильную грудь, сильную переднюю часть, шею и круп. Снаряжение в бою состоит из двух крепких и мощных луков, 30 стрел с прямыми отточенными наконечниками, твердым древком и железными крыльями, из колчана не слишком большого размера, который не был бы обременителен и не отвлекал бы внимания, но и не слишком малого, который не вмещал бы всех стрел и не отвечал бы своему назначению; из крепких длинных кожаных полос с крепкими швами и завязками из настоящей кожи, из сумки для колчана на крепких шнурах, из крепкого копья с целым древком, совершенно прямым, не слишком длинным, но и не слишком коротким, чтобы выполнить свое назначение, с наконечником из лучшего железа, со многими острыми, исключительно твердыми лезвиями, с пронизывающим насквозь острием; из прямого метательного диска; из острого, надежного, из чистого железа, меча — отлично поражающего, или короткого, удобного, острого, или обоюдоострого с заостренным концом ножа; из крепкой боевой палицы, которая своей тяжестью не обессиливает сражающегося и в то же время не вводит его в заблуждение своей легковесностью, чтобы он мог нанести ею сильный сокрушительный удар, или обоюдоострого топора с крепким топорищем, одним ударом которого можно расколоть крепкое оружие; из 30 камней в двух сумках, справа и слева свисающих с седла. Вот в чем состоит полное вооружение готового к бою всадника, и если у него чего-либо из этого недостает, то он не вполне вооружен».

Последнее замечание, что воин, не имеющий всего перечисленного выше оружия, недостаточно вооружен, следует рассматривать как доктринерское преувеличение автора. Это вытекает не только из природы вещей, но и из последующих замечаний самого автора. Непосредственно перед цитируемым абзацем он предписывает, чтобы вооруженные полностью были поставлены в первую шеренгу, менее хорошо вооруженные — во вторую и так дальше, до пятой шеренги. Таким образом, сам автор полагает, что большинство воинов имеет далеко не полное вооружение, а потому в дальнейшем он и подразделяет солдат сообразно их снаряжению на различные роды оружия: 1) всадник с длинным копьем, 2) всадник с метательным копьем, 3) всадник со стрелами и луком и 4) всадник, вооруженный полностью.

Главным отличием от Запада является гораздо более распространенное употребление лука и стрел, что вряд ли совместимо с действительно тяжелым

* Цитировано Wüstenfeld, I, стр.24. Ср. также стр.27, где с искушением — вырваться во время боя из рядов — борются определенными ссылками на необходимость повиновения.

** Weil, I, 42.

вооружением. Тяжелое вооружение не только мешает применению лука, но требует также сильной лошади, которая, если она к тому же и сама покрыта броней, не может быть очень быстроходной. Если же лошадь не быстра, то, значит, стрелок не может с уверенностью уклониться от рукопашного боя до тех пор, пока он его не пожелает, и поэтому дальнобойное оружие почти не дает ему преимущества. То, что у Льва является одним родом войск, скоро (если так уж не было издавна) распадается на 2 рода войск: на воинов, закованных в латы, сражающихся врукопашную на бронированных конях, и на легковооруженных стрелков на легких и быстрых лошадях.

Очевидно, в силу древней традиции азиаты, преимущественно степные народы, издавна тщательно культивировали этот особый вид войска — конных стрелков. Узнав об этом, крестоносцы ввели его у себя и даже название, которое они ему дали, — «Туркополы», — перенесли в страну немецкого ордена, Пруссию.

Фундаментального различия между военным делом Запада и Востока в этом все же нельзя усматривать; здесь мы имеем дело только с известной традицией. Когда западноевропейские рыцари устраивали в святой земле турниры, очевидно, случалось, что поблизости появлялись мусульманские рыцари, которых, в конце концов, приглашали принять участие в турнире. Общие турниры — достаточный показатель того, что вооружение, методы и приемы борьбы были очень сходны у обеих сторон. Рассказы о крестовых походах выявляют и другие черты, которые при всем религиозном и расовом антагонизме все же свидетельствуют об известной однородности классовых воззрений христианских и мусульманских рыцарей. Ричард Львиное Сердце опоясал мечом в вербное воскресенье 1192 г. при Акконе сына Сейфеддина. Сейфеддин, сын Саладина, послал во время сражения при Яффе (5 августа 1192 г.) королю Ричарду, направлявшемуся пешком к полю сражения, двух боевых коней, которых он с благодарностью принял и использовал. Христиане и мусульмане вступали даже в ленные отношения между собою.

СИФИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

6 и 27 июля 657 г.

После убийства третьего калифа — Османа — на перстол калифа призван был Али, муж дочери Магомета, Фатимы. Это был кандидат правоверных и представитель наследственного права. Но почему же преемник пророка должен был произойти именно из его рода? Аллах ведь мог выбрать своим орудием также и другого. Против Али восстал Моавия — Омайяд, командовавший войсками в Сирии, представитель диких, воинственных бедуинов. Казалось, что не было иного исхода, как решить дело оружием. Али опирался, главным образом, на завоевателей, поселившихся в Ираке в долине Евфрата и Тигра. Столицей его была военная колония Куфа. Резиденцией Моавии был Дамаск. Они встретились в Сифине на Евфрате и выстроились таким образом, что всюду друг против друга боролись воины из одних и тех же родовых племен: бассорские асды против сирийских асдов, куфские хатхамы против сирийских хатхамов. Сам Али, окруженный примкнувшими к нему мединцами, командовал центром.

Это сражение Август Мюллер, по дошедшим документам, описывает следующим образом (стр.321): «Силы обеих сторон во всяком случае не представляли большой разницы: против 70-тысячной конницы Али выставлено было не больше 80000 сирийцев. Но они были равны также и в том отношении, что каждая из этих армий могла похвалиться отборным отрядом: избранная часть войска Моавии торжественно поклялась ему победить или умереть, а среди куфийцев имелась группа ревностных правоверных, за непрерывное изучение корана прозванных «чтецами», вообще и ранее державшихся вместе, а теперь тремя группами (Haufen), собравшихся вокруг Ибн-Будейля, Кеиса Ибн-Саада и престарелого Аммара Ибн-Ясира, — все люди решительной воли, и среди них некоторые из убийц калифа, с удвоенной силой перенесшие свою ненависть к Осману на Моавию. Ибн-Будейль открыл сражение сильным ударом на левое крыло сирийцев; ему удалось оттеснить Хабила и пробиться со своими «чтецами» до самого центра неприятельской армии, почти до шатра Моавии. Но здесь их встретили союзники и принудили к отступлению, а высланные Али из центра для подкрепления мединцы, на этот раз не особенно

отличившиеся, также не сумели удержаться. Между тем на левом фланге иранцев тоже не все было благополучно: там южные арабы Ибн-Джиль-Калы добились серьезных успехов, так как лишь благодаря своей храбрости там удержалось несколько человек, принадлежавших к племени Рабиа. Тогда Али сам вступил в бой, собрал беглецов и возобновил сражение; на правый фланг он послал Малика с его конницей, которому также удалось установить начинавшееся бегство и спасти Ибн-Будейля, находившегося вместе со своими «чтецами» в большой опасности. Теперь на правом фланге снова продвинулись вперед: при возобновлении атаки пал Ибн-Будейль, который мчался, «как тур», впереди своего войска, но Малик тотчас же взял командование на себя и сумел оттеснить союзников до шатра Моавии. Уже четыре ряда храбрых воинов были ими опрокинуты; тогда Моавия велел подать своего коня и уже готовился бежать, как случайно ему вспомнилось старое мужественное изречение, настолько пробудившее в нем чувство чести, что он остался. Аммар наблюдал за ним. Союзники оказались на высоте. Еще один раз отряду «чтецов» под командой Аммара удалось близко подойти с другой стороны. «Вот где ты, Аммар. Ты продал свою совесть за Египет, пусть же это принесет тебе погибель», — крикнул врагу приверженец пророка, который, несмотря на свой старческий возраст, сражался, как лев; но даже ценою его жизни победа не была решена. Жестокое сражение продолжалось. И не видно было конца. Тогда Али, издали увидевший Моавию, крикнул своему противнику: «Зачем мы допускаем, чтобы люди из-за нас убивали друг друга? Вызываю тебя на суд божий: кто из нас двух останется в живых, тому пусть достанется царство». Аммар уговаривал Моавию принять вызов, но последний отказался. «Ведь ты знаешь, — сказал он, — что еще не было такого человека, которого бы он не убил в поединке». И когда Аммар заметил, что уклониться было бы не совсем прилично, он с досадой набросился на него: «Тебе вероятно хочется царствовать вместо меня».

В самом деле храбрость и уменье владеть оружием Али были слишком известны, чтобы Моавия мог ожидать благоприятного исхода такого поединка. Едва ли можно поставить ему в вину стремление избегнуть неравного единоборства. Даже наступившая ночь не прекратила боя. Он не прекращался в разных местах поля сражения до самого утра. Для победителей при Кадезии это была вторая ночь сражения. Наконец, на утро третьего дня (10 Сафара[129] — 28 января 657 г.) казалось, что исход сражения близок. Малик, получивший, между тем, командование на правом фланге, собрал всю имевшуюся в его распоряжении конницу для последней большой атаки. Он отбросил стоявших против него сирийцев далеко назад, до самого их лагеря. В центре Али, использовавший победоносное продвижение своего лейтенанта, потеснил своей пехотой Моавию, которому грозила величайшая опасность после обращения в бегство его левого крыла быть окруженным с обеих сторон. Но «война — обман», как говорил уже пророк. Возможно, что и на этот случай уже заранее подготовлена была одна из недостойных комедий мировой истории, придуманная опять-таки Аммаром. На копьях держали столько книг Корана, сколько можно было их собрать, и, показывая их иракцам, крикнули им: «Здесь, в божьем слове, надо искать разрешение спора между правоверными, а отнюдь не в обоюдном истреблении: необходимо прервать сражение и назначить третейский суд, который, по слову высшего судьи, разберет требование Али и Моавии и уладит все». Как ни смешно было такое предложение в момент решенной уже победы, как ни напрашивалось возражение, отчего такое предложение не было сделано до кровопролития, оно все же возымело свое действие. Авторитет, которым пользовалось священное писание среди действительно набожных мусульман, был настолько силен, что мысль найти разрешение в этом непогрешимом источнике должна была во всяком случае произвести на них сильное впечатление. К этому прибавилось, что «чтецы» были не только ревностными правоверными, но и проникнуты были издавна свойственным арабам стремлением к независимости; для их демократического сознания мысль, что лучшие знатоки божественного откровения в качестве представителей общины разрешают вопрос о самом калифате, была весьма привлекательна. Поэтому они прекратили сражение. Их примеру последовало большое число других, хотя, быть может, по мотивам совершенно иного характера: это были изменники, которые во время перемирия прислушивались к нашептыванию подосланных Моавией и, возможно, даже взяли на себя эту постыдную роль. Во главе их стоял не кто иной, как Киндит Эль-Ашат Ибн-Кеис, предатель своего собственного народа. Он никогда не мог простить правоверным мединцам, что они лишили его южноаравийского королевства, и теперь он был рад случаю помочь лишить их плодов их победы и насладиться, хотя бы и поздней, местью. Он взял на себя роль парламентера и настаивал, чтобы Али немедленно отозвал Аштара, продолжавшего бороться на другом фронте, а его самого послал к Моавии для заключения договора о третейском суде. Напрасно калиф с первого же момента указал «чтецам» на

то, что такие люди, как Моавия, Аммар, Ибн-Аби-Сарх и их товарищи, в достаточной степени известны как враги веры и самого корана, чтобы не увидеть в их предложении чистого обмана. Слепые фанатики и толпа изменников угрожающе обступили его; уже раздавались крики, что если он будет дальше медлить, то его постигнет судьба Османа, и он вынужден был решиться отправить посланного к Малику.

Смелый вождь был вне себя и хотел отказать в повиновении; он уступил с тяжелым сердцем лишь тогда, когда ему стали угрожать, что если он не прекратит сражения, то Али будет убит. Завидев «чтецов», он набросился на них за их бессмысленный поступок и утверждал, что победа уже решена, пусть они дадут ему возможность на самый короткий срок вернуться к своему войску, и безбожные, не имеющие ничего общего с кораном, будут окончательно разгромлены. Напрасно, — под влиянием изменников, укрепившись в своем благочестивом упорстве, они остались при своем решении, и Али, отделенный толпами неповиновавшихся от своих личных приверженцев, при всей своей испытанной неустрашимости во время сражения испугался угрозы быть убитым и, будучи как всегда, к сожалению, нерешительным, дал себя уговорить послать Ашата к сирийцам, т.е. погубить себя и дело».

Против такого описания сражения и его прекращения, приведшего, в конце концов, к гибели Али, новейшая критика, насколько мне известно, возражает только в том отношении, что она не верит в импровизацию демонстрации с коранами, а подозревает хорошо подготовленную измену. Против этого взгляда высказался Вельгаузен (Wellhausen) в своей работе «О религиозно-политических оппозиционных партиях в древнем ислами», в которой он доказывает, что история эта не так уж неправдоподобна. У благочестивых приверженцев Али по достаточно веским причинам возникли сомнения, действительно ли право находится на его стороне, действительно ли он является настоящим калифом. В обеих армиях осознали всю бессмысленность взаимного истребления правоверных; вспомним о том, как позже франки при Людовике Благочестивом и его сыновьях страшились допустить до настоящего кровопролития между собой. Вельгаузен приходит поэтому к заключению, что когда сирийская армия несла впереди себя коран, прикрепленный к копью в виде знамени, то этот призыв к святая святых, общий для обеих партий, вполне возможно, утвердил уже и до того имевшееся в войске Али сознание, что и на вражеской стороне находятся приверженцы пророка, и Али вынужден был пойти на перемирие.

Аргументация Вельгаузена кажется мне убедительной и в деталях, но она требует дополнения в военном отношении. Те, которые отказывались принять на веру предание, правы в том отношении, что совершенно невероятно, чтобы в самом разгаре сражения несколько человек могли произвести такое сильное впечатление только тем, что привязали к своим копьям коран, — разве только, если все это дело было условлено и демонстрация служила лишь сигналом для его выполнения. Меньше же всего это кажется возможным, если предположить, как Мюллер, такую колоссальную численность армии. 70000—80000 человек на каждой стороне, большей частью конных, занимают (если предположить, что такие цифры вообще возможны) такое большое пространство и производят такой чудовищный шум, что столковаться при этих условиях во время сражения невозможно. Даже гораздо меньшей армией, — предположим, 10000—12000 человек с каждой стороны, — раз она вступила в бой, невозможно управлять; ее нельзя уже обуздать и вернуть назад. Такая возможность совершенно исключена.

Если мы ближе рассмотрим описание сражения, то мы вскоре убедимся в его совершенно легендарном характере. Я лично не верю ни одному его слову.

Итак, эти армии начали сражаться отнюдь не немедленно после соприкосновения друг с другом, а стояли друг против друга полных 2 месяца, занимаясь маневрированием и мелкими стычками. Это прежде всего доказывает, что армии не были так велики, — иначе, держа их на месте в продолжении такого долгого времени, нельзя было бы их снабжать продовольствием. Но надо пойти еще дальше и отвергнуть все описание сражения как совершенную выдумку и прикрашивание событий. Уже при своем выступлении армии были преисполнены желанием по возможности избегнуть обоюдного истребления и потому не допустили настоящего большого сражения; если бы оно имело место, невозможно было бы внезапно прекратить его описанным способом. История знает, как мелкие бои раздувались преданиями в грандиозные сражения.

С этой поправкой, и только с ней, становится приемлемым взгляд Вельгаузена на борьбу мусульманских партий и гибель Али; не во время сражения, а во время демонстрации, которая производилась войсками, свита Моавии привязала экземпляры корана к своим копьям, чтобы показать этим, что и они правоверные. Это так и было понято на противной стороне, вечером в шатрах подверглось обсуждению и дало перевес приверженцам мирного соглашения; следовательно, прямой измены здесь вовсе не приходится подозревать.

ГЛАВА IX

ОБЩИЙ ОБЗОР КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Включить крестовые походы в наш труд не так-то легко. Во многом они представляют собою одно военно-историческое целое, в том смысле, что одни и те же, такие же или очень схожие элементы беспрерывно борются между собою. Но, с другой стороны, эти крестовые походы простираются на столь долгий период (в течение которого, к тому же, происходят значительные изменения), что есть смысл разбить исследование как по времени, так и по существу. Своеобразие обстоятельств, при которых людям Запада пришлось воевать на Востоке, и своеобразие их противников — все это, естественно, вызвало своеобразные и новые явления у них самих. Поскольку мы именно в XII и XIII вв. наблюдаем значительные изменения в военном деле Запада и поскольку эти изменения родственны некоторым явлениям крестовых походов, постольку, естественно, возникает вопрос: имеем ли мы здесь причинную связь, т.е. произошли ли эти изменения вследствие крестовых походов, или же здесь налицо только параллельные явления, а значит крестовые походы зависели от событий, развернувшихся на Западе. Некоторое влияние на положение дел на Западе крестовые походы, несомненно, имели, но только в том отношении, что они ускорили и усилили естественную эволюцию. Поэтому я считаю наиболее правильным поместить рассмотрение военного момента крестовых походов в узком смысле слова в следующей части, а здесь охватить только важнейшие интересующие нас черты этого грандиозного движения.

Отличительной чертой средневековья является строительство феодального государства со ступенеобразным разделением государственной власти, но прежде всего — существовавшая над этими слабыми государствами и вмешивавшаяся в их дело общая церковь. Романо-германское средневековье правильнее всего рассматривать не как ряд государств — германское, французское, английское и другие, а — по выражению Ранке — как одно церковное универсальное государство, внутри которого образуются отдельные королевства, более или менее связанные между собою.

Крестовые походы явились следствием вражды с исламом церкви, объединявшей англичан, французов, испанцев, шведов, датчан, германцев и итальянцев. Эти походы, предпринятые — о чем говорит их происхождение — не из рационально-политических побуждений, а вследствие религиозного порыва, были направлены на завоевания маленького участка земли посреди магометанского мира — «обетованной земли».

Так как война является орудием политики и так как ведение войны в конечном результате зависит от ее политических целей, то религиозная основа крестовых походов в корне исключает рациональную стратегию. Если бы Запад употребил хотя бы только часть тех колоссальных сил, которые поглотили Палестину, на овладение соседних областей, он безусловно достиг бы длительных успехов. Когда Фридрих Барбаросса спустился вниз по Дунаю, греческий император, государство которого было уже наполнено латинскими элементами, стал опасаться, что крестовое войско хочет овладеть Константинополем, а сербы, валахи и болгары изъявили готовность отделиться от Греческой империи и подчиниться римскому императору. «О если бы Гогенштауфен обратил на это внимание», замечает Ранке по этому поводу. Его сын, Генрих IV умер, прежде чем сумел направить политику в эту сторону, а может быть, уже не располагал теми силами, которые имел его отец.

Но нам не нужно вовсе углубляться в такие возможности; нам достаточно уяснить себе всю стратегическую абсурдность основной идеи крестовых походов и генезис ее. Мистически-трансцендентальное движение человечества способно развернуть невероятную силу, но направить эту силу на что-либо практическое, земное ему не дано, и силы тратятся бесплодно.

Обет крестоносцев обязывал их освободить священный гроб, но не обязывал к длительному пребыванию в Палестине и к защите ее. Правда, незначительное

число их оставалось там, так как крестовые походы являются в то же время и колонизацией, но окруженные магометанами, разбросанные от Эдессы (Урфы) до Иерусалима, они в состоянии были утверждать свое господство только тогда, когда время от времени новое войско с Запада совершало этот бесконечный поход и по прибытии давало временное подкрепление.

Как в отношении численности легионов Цезаря в Галлии и войск во времена Великого переселения народов, так и в отношении численности крестовых войск, все вновь и вновь в течение 175 лет посылаемых Западом на Иерусалим, имеются две друг друга исключающие группы утверждений: одни говорят, что войска были 100-тысячные, другие — что боевые действия в священной стране велись немногими тысячами, а иногда даже сотнями рыцарей. Hans Jahn в результате систематического исследования этого вопроса пришел к выводу, соответствующему нашим выводам относительно других армий средневековья, что и крестовые войска были весьма малочисленными*. Когда Генрих фон-Зибель выпустил в 1881 г. 2-е издание своего труда «История первого крестового похода», то он еще не знал, как объяснить цифры, сообщенные в источниках, и просто поместил их в своем труде, не ручаясь за их достоверность. Источники, относящиеся к первому крестовому походу, рассказывают о 100000 loricis et galeis muniti и об общем числе в 600000 ad bellum valentium подле бесчисленных невооруженных (Фульхер) или 300000 pugnatorum (Эккегарт). Ордерик говорит, что при отправлении из Антиохии было еще 150000 воинов (bellatorum). Уже тогда мне бросилось в глаза, что перед сражением при Дорилэе все это колоссальное войско в течение одного дня перешло через мост и успело вдобавок сделать еще целый переход. В одной из статей в «Историческом журнале» 1882 г. (т.47, стр.423) я вычислил, что при учете всех обстоятельств максимально мыслимое количество войск было — 105000 человек, из которых только 15000 человек настоящих воинов. Для осторожности я добавил, что такое максимальное исчисление не исключает возможности того, что это войско пилигримов состояло только из 60000 человек, в том числе 10000 в полном вооружении. Но не может быть никакого сомнения, что и эти цифры — 60000 и даже 10000 — слишком велики.

В Марбургской диссертации «Die Gefechtsführung abendländischer Heere im Orient in der Epoche des ersten Kreuzzuges» Отто Геермана (1887 г.) приведена сводка (стр.102), из которой видно, что по источникам максимальное число конных воинов, принимавших участие в одном сражении в Палестине, было 1200 человек, а пеших — 9000 человек (при Аскалоне, 12 августа 1099 г.). По окончании самого похода христианская армия уменьшилась до 260 конных и 900 пеших, да и те были собраны с большим трудом. Три раза упоминаются 700 конных, один раз — 1100; пешие — 2000 и 3000. Один раз общая численность войска выражается в 8000 человек (при Асдоде в 1123 г.), но и в отношении этого числа я не уверен, нет ли и здесь сильного преувеличения.

На основании этих цифр отпадают, конечно, все те сотни тысяч, о которых мы слышали раньше, так же как и сотни тысяч галлов, преподносимых нам Цезарем в его замечании об Эбуронах (см. т.I). Если для того, чтобы удержаться на священной земле, достаточно было нескольких сот рыцарей, то в завоевании ее участвовали только немногие тысячи. Эти немногие тысячи находятся в полном соответствии с армиями эпохи переселения народов, с армиями Карла Великого, армиями норманнов, разоривших при помощи этих армий Европу и оккупировавших в конце концов область нижнего течения Сены, Англию и Неаполь. Малочисленность христианских войск соответствует также характеру противной стороны — как Византии, сделавшейся невоинственной, так и Калифата, где арабы давно утратили свою прежнюю военную силу, калифы превратились в духовных статистов, а власть очутилась в руках турецких главарей, чьи отряды воинов

* «Die Heereszahlen in den Kreuzzügen», Берлин. Диссертация 1907 г. (изд. Georg Nauck). Этот труд, главным образом, исследует третий и четвертый крестовые походы.

образовали такое же небольшое сословие над невоинственной массой населения, как рыцари в Западной Европе. Все эти огромные войска неверных, о которых говорят христианские писатели, являются продуктом фантазии, питаемой жаждой самовосхваления, так же как огромные войска христианских пилигримов являются продуктом фантазии, питаемой религиозным энтузиазмом.

Христианские воины поселились в Палестине в таком незначительном числе, что в те времена, когда не было нового крестового похода, мусульмане Сирии и Египта брали верх, и если бы делу христиан не пришла на помощь особая организация рыцарских орденов, храмовников и иоаннитов, а позже и немецких рыцарей, то они не смогли бы так долго удержаться в Палестине. Светские рыцари, как гласит предисловие к уставу ордена тамплиеров, занимались только грабежом, разбоем и убийствами, между тем как рыцари ордена храмовников, основанного в 1118 г. Гугоном Пайенским, желали служить церкви и справедливости и принести свои души в приятную жертву богу для распространения правой веры. Бернар Клервосский, участвовавший в создании ордена, так описывает своих рыцарей (в 1125 г.):* «Они скромны как дома, так и на поле сражения, и послушание высоко ценится у них. Они приходят и уходят по знаку наставника; они надевают ту одежду, которую он дает им, и ни от кого другого не принимают ни платья, ни пищи. Они избегают излишеств как в том, так и в другом, и заботятся только об удовлетворении скромной потребности. Живут они в согласии и в воздержании, без жен и детей, и, чтобы не было ущерба евангельскому совершенству, без имущества, в едином доме единого духа, стремясь к миру и согласию, — так что кажется, что во всех бьется одно сердце и живет одна душа. Никогда не сидят они без дела и никогда не блуждают с любопытством вокруг. Когда они отдыхают от боев с неверными, что случается редко, то, чтобы не есть даром свой хлеб, они чинят свои поврежденные или износившиеся платья и оружие. К игре в шахматы и в шашки они питают отвращение, а к охоте на зверей не расположены, так же как и к излюбленной другими охоте на птиц. Они ненавидят скоморохов, уличных певцов, всякое похотливое пение и всяких артистов, равно как суету и глупость света. В сражение они вступают не стремительно и не безрассудно, а с осторожностью и осмотрительностью, как настоящие сыны Израиля. Но как только начинается бой, они бесстрашно бросаются на противников, презирая их как овец; и не знают никакой боязни, как бы мало ни было их, уповая на помощь бога Саваофа. Поэтому часто один рыцарь обращал в бегство целую тысячу, а двое — десять тысяч. Таким образом, они в одно и то же время кротче ягнят и лютее льва, так что колеблешься — назвать ли их монахами или рыцарями. Но они заслуживают обоих названий, так как наделены и смирением монахов и мужеством рыцарей».

Из этой идеальной картины можно при реалистическом рассмотрении вычеркнуть сколько угодно, и все же организация рыцарей в форме монашеских орденов с их обетами представляет собою импозантное явление; хотя в специфически военном смысле они прогресса и не представляли, все же нам неоднократно придется ссылаться на них и заниматься ими**.

* Opera St.-Bernhardi, ed. Mabillon, I, 549. Цитирую по переводу в книге Wilcken, Kreuzzüge, т.II, стр.555.

** Главным источником в отношении рыцарских орденов являются статуты с позднейшими добавлениями к ним по поводу различных редакций статутов и всех вопросов, связанных с этим; полная ясность достигнута только в последние столетия. Ср. Schnürer, Die ursprüngliche Templerregel (напечатано в «Studien und Darstellungen a. d. Gebiet d. Gesch.», изд. Грауэртом, III, 1 и 2), Фрейбург, 1903. Статут храмовников критически обработан E. de Curzon, La règle de Temple, Париж, 1886. На основании этого издания стало возможным издание доступного для широкого чтения — за что можно поблагодарить автора — немецкого перевода статута в книге «Die Templerregel» (со старо-французского переведена и снабжена пояснительными примечаниями R.Körner, Иена, 1902). Устав ордена иоаннитов (на латинском языке) напечатал Prutz в приложении к его книге «Kulturgeschichte der Kreuzzüge». Устав немецкого ордена со всеми дополнительными приказами на пяти языках, на которых он сохранился (латинском, французском, голландском, немецком, нижненемецком) образово издан Perlbach'ом, Галле, 1890.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СЕРЕДИНА СРЕДНИХ ВЕКОВ

ГЛАВА I

РЫЦАРСТВО КАК СОСЛОВИЕ

ЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ народов не было равносильно обновлению одряхлевшего и погрязшего в пороках человечества под влиянием неиспорченных диких племен; нельзя сводить его также и к водворению германских поселян на места римских крепостных; оно обозначало прежде всего замену римской аристократии подбиравшейся по признаку богатства, образованности, — и служебной иерархии, аристократией германской, чисто военной по составу и неграмотной. Эта аристократия почти не имеет связи с военачальнической знатью древних германцев, известной нам по Тациту. Во франкском государстве род Меровингов — единственно уцелевший от исконной знати. Главный корень новой аристократии следует искать преимущественно в родах, приобретших по милости королей и благодаря военным удачам крупные владения, в особенности же его нужно искать среди лиц, ставших в качестве графов или ближайших их помощников представителями правительственной власти. Вначале эта новая аристократия в стране франков не представляет еще замкнутого сословия. Во франкских источниках той эпохи название nobilis (благородный) употребляется наравне с ingenuus в смысле просто свободного, что, в свою очередь, обозначает, в сущности говоря, франка-воина. Из общей массы таких благородных, весьма плохо обставленных как в социальном, так и в экономическом отношении, выделяется тонкий слой, в котором следует видеть новую аристократию.

У саксов древнегерманская исконная военачальническая знать оказалась более устойчивой, чем у франков. В период покорения саксов Карлом Великим эта знать представляла собой строжайшим образом замкнутое для низов сословие; таким образом, для Саксонии те же термины имеют совершенно иное значение, чем для собственно франкского государства. Но это касается только переходного периода; когда саксонская знать вступила в ряды франкских графов, она также переняла характер чиновничьей аристократии*. Подобным же образом дело обстояло в Баварии, где также уцелели некоторые древнейшие знатные роды.

* Сравни: Rich. Schroeder,Zeitschr. f. Rechtsgesch.,Germ. Abt., т.24, стр. 347. «Der Altsächsischie Volksadel und die grundherrliche Theorie».

Итак, во всей Каролингской империи дворянство, в смысле аристократии, состояло из крупных землевладельцев, занимавших вместе с тем высокие должности при дворе и управлявших графствами, причем оно не представляло собой вполне замкнутого сословия и еще не получило определенного значения в государственно-правовом отношении. Понятие «благородный» приближалось к понятию «свободный». Вместе с тем это понятие теряло свой вес и значение по мере того, как оно все более расходилось с понятием «воин», так как, с одной стороны, в военное сословие входило все большее число несвободных и с другой — многие свободные, покидая военное сословие, превращались в крестьян. До XI в. как свободное, так и несвободное военное сословие романских и германских стран мы должны представлять себе как слой населения, стоящий на невысокой социально-экономической ступени, живущий в таких же условиях, как и остальная масса горожан и крестьян. Часть их находится в непосредственном распоряжении своего сеньора при дворах королей, герцогов, графов, епископов, аббатов или составляет гарнизоны бургов; другая часть, получив в лен небольшие земельные участки, занимается сельским хозяйством.

Литературные источники тех времен отражают эти отношения тем, что не только говорят о военном или рейтарском сословии в целом (militaris ordo,equestris ordo)*, но отличают рядовых воинов (gregarii milites) от благородных (primi milites)** и упоминают даже воинов первого, второго и третьего разрядов***.

Однако, все эти обозначения не были ни техническими терминами, ни отражением правовых понятий****; нельзя даже предположить, что низшая категория воинов охватывала просто несвободных; вернее, наоборот — в состав низшей категории входили и свободные, точно так же , как, с другой стороны , несвободные, продолжая оставаться несвободными, могли достигнуть более высокого социального положения и передать его потомству.

Эти многочисленные выходцы из низшего военного сословия постепенно приближаются по положению к настоящей аристократии того времени. Норманны, завоевавшие Англию, Южную Италию и Сицилию, по крови были не сплошь северянами, а дружинниками самого различного происхождения, которые примкнули к норманнскому ядру. Распространение владычества немецких королей на Италию давало многим немецким рыцарям возможность достигнуть более высокого положения и приобрести поместья.

Беспрестанное продвижение германской колонизации к востоку создавало все более широкую почву для возникновения новых знатных родов. Французы поставляли самый значительный контингент для крестовых походов, которые одновременно являлись и колонизационным движением. Испанцы на своем полуострове продвигаются и вытесняют мавров.

Свидетельством того, что число рыцарей, владевших более крупными поместьями, первоначально было весьма незначительным, служит нам то обстоятельство, что и в настоящее время в древнегерманских областях Германии насчитывается лишь небольшое число дворянских имений: главная их масса расположена в колониальной области, к востоку от Эльбы.

* Richer, под 930 и 888 г. SS, III, 584; Bonitho,Jaffé,II,639.

** Wipo, гл.IV.

*** Bruno, гл. 88. Cosmas,II, гл. 25, 1087 г. Один документ, относящийся к 1134 г., ко времени императора Лотаря, различает «рыцарство родовитое и неродовитое» (цитировано у Schroeder, D. Rechtsgeschichte, стр.430; milites tam majores quam minores (рыцари как родовитые, так и неродовитые), Gest.Consul. Andegar Bouquet, X, 254: milites plebei (рыцари из низкого сословия) у Raymond d'Agiles, Recueil des hist. des Crois, III,274.

**** Так справедливо утверждает Waitz,V,439, где собраны и другие свидетельства (так же стр.398, прим. 4). Если он все же оговаривается, что трудно определить, в каком смысле употребляются эти выражения, то я не вижу никакого основания для сомнений: бесспорно, что это не технические термины, — фактические же социальные взаимоотношения, которые имеются в виду, вполне ясны. Отрывки из источников сопоставлены так же Köhler,Ritterzeit, т.III, стр.XX.

Дальнейшая экспансия, в которой принимает участие западное рыцарство, повышает также и его социальное положение, и мы замечаем, как социальные различия, известные нам до тех пор в качестве фактических, начинают фиксироваться юридически; расплывчатые до тех пор границы сословий определяются твердыми линиями; сначала высшее дворянство, а затем (начиная с XII в. и до конца средневековья) и низшее становится строго замкнутым сословием.

Хозяйственной основой рыцарства, поскольку оно не содержалось при дворе сеньора, служили ленные поместья, жалованные не как наследственные, а лишь пожизненно, причем с оговоркой на случай перемены сюзерена (т. II, часть 4, гл. IV). Но если наследник рыцаря удовлетворял требованиям сеньора, то лен оставлялся за ним; на этом основывались притязания наследств, из которых постепенно выработалось наследственное право, что не только укрепляло, но и повышало социальное положение рыцарства. Вино, биограф Конрада II, рассказывает нам, что император «в высокой степени привлек к себе сердца рыцарей (militum) тем, что впредь не разрешил отнимать у наследников лены, принадлежавшие издавна их предкам». Для Италии им даже был издан закон, формально запрещающий сеньорам отдавать рыцарские лены в аренду и получать за них подати, т.е. превращать их в крестьянские земли, или же требовать от ленника больших повинностей, чем полагалось; суд над ними должны были творить люди их же сословия в качестве шеффенов[130], а апеллировать разрешалось к императору или пфальцграфу. Возможно, что занятие императором такой позиции вызвано было неоднократными мятежами его пасынка, герцога Эрнста Швабского. В этой борьбе император одержал верх, швабские вассалы отказались служить герцогу.

«Мы не отрицаем, — будто бы сказали они герцогу, — того, что мы клялись в верности против всех, за исключением того, кто поставил вас над нами. Если бы мы были слугами короля — нашего императора и им были переданы вам, мы не должны были бы покидать вас. Но раз мы люди свободные, и высшим на земле защитником нашей свободы является наш король и император, то, отрекшись от него, мы утратили бы свободу, которую, как сказал некто, ни один порядочный человек не отдаст иначе, как вместе с последним дыханием».

Вполне доверять этому рассказу, разумеется, нельзя, так как цитата о свободе, утрачиваемой с жизнью, восходит к «Катилине» Саллюстия, — писателя, вряд ли знакомого швабским графам и рыцарям. Верно, однако, то основное положение, что при ступенчатой структуре феодального государства различные ступени его взаимно обеспечивали незыблемость своих прав и социального положения.

Император правит при помощи совета князей, а князья — совета своего рыцарства. Таким путем установилось равновесие между авторитетом власти и свободой. Рыцарство связывало княжескую власть, как последняя со своей стороны связывала власть императора, поэтому император, в свою очередь, заинтересован был в поддержке рыцарства.

Принятие в сословие низшего дворянства совершалось в форме церемонии «рыцарского удара». Если «рыцарский удар» стоял в связи с древнегерманским обычаем вручения оружия или опоясывания мечом, то этот акт с изменением самого военного строя принял иной характер. Опоясывание мечом применялось к юноше, получавшему в первый раз оружие, как только казалось, что он в какой-то мере способен им владеть. Снарядить же юношу, только что вышедшего из детского возраста, тяжелым оружием и тяжелым конем, которые впоследствии вошли в употребление, было невозможно. Для него должен был пройти длинный период обучения, упражнения и испытания, в течение которого он в достаточной мере укрепил бы свои мускулы, чтобы носить это тяжелое оружие и править конем. Прежнее вручение оружия, имевшее место в 14-летнем или даже в 12-летнем возрасте, сменилось «рыцарским ударом», который совершался не раньше 20-летнего возраста, а часто и гораздо позже. Возможно, что в течение некоторого

возраста оба акта — вручение оружия и рыцарский удар существовали параллельно, но в то время как первый потерял свое значение, последний вырос в церемонию, считавшуюся весьма важной.

Все христианское рыцарство составляло как бы единую корпорацию: принятый в нее обязан был принести присягу на верность своему званию, часто и церковь давала этому акту свое особое благословение. Отличительными знаками рыцарства служили: перевязь, рыцарский пояс (cingulum militare) и золотые шпоры. С поясом и перевязью как символами военного сословия мы встречаемся в литературе уже в тот период, когда германцы заняли место римских легионов. В житии мученика Архелая времен Константина Великого святой прославляется за то, что он обратил в христианство многих воинов, которые при этом сняли свои военные пояса (cingulum militare)*; и когда Людовик благочестивый в 834 г. вынужден был принести в Реймсском соборе публичное церковное покаяние и постричься в монахи, то он, как подробно сообщается, снял свой рыцарский пояс и возложил его на алтарь. Право посвящать в рыцари посредством рыцарского удара было предоставлено каждому рыцарю**.

До тех пор пока это право не было ограничено, вступить в сословие рыцарей было нетрудно, — оно было открыто для всех. Но позже мы встречаем предписания, по которым в рыцари может быть посвящен только сын рыцаря.

По преданию, Людовик VI, король Франции отдал приказ (1137 г.)***, чтобы у того, кто посвящен в рыцари, не будучи рыцарского рода, на навозной куче отбиты были шпоры, а Фридрих Барбаросса в 1187 г. запретил принятие рыцарского пояса сыновьям духовных лиц и крестьян****.

Его дядя и историограф Оттон, епископ Фрейзингенский (1158 г.) весьма пренебрежительно отзывается об итальянских городах, в которых сыновья ремесленников посвящаются в рыцари*****. В приложениях к статуту Ордена храмов-

* Цитировано у Harnack,Militia Christi., стр.84. Прим. «Так что весьма многие из них уверовали в господа нашего Иисуса Христа и совлекли с себя воинские пояса».

** В «Gesta Gons. Andegavensium»,Bouquet,Recueil,X, стр.354, сообщается, что жители бурга, подвергшегося нападению, «подпоясанные рыцарскими поясами и вооруженные, готовились к бою наподобие рыцарей в лагере и сделали вылазку». Таким образом, рыцарские пояса должны были создать впечатление, что выступают рыцари.

Часто упоминаемый пурпуровый или ярко-красный полукафтан (многократно у Abbo; у Ruotger в «Vita Brunonis», гл. XXX; в «Vita Heinrici IV», гл.VIII; в хронике Monte Gasino от 1137г.) я не считаю, как Baltzer (стр.5), специфической одеждой рыцаря, так как в «Vita Heinrici IV», гл.VIII, ясно сказано, что если рыцарь слишком беден, то он должен довольствоваться полукафтаном из некрашенной материи. Нам известно также (Guiart, II,698, цит. Alwin Schults, II, 313, прим.3), что при принятии креста рыцари отказывались от всякой роскоши в одежде и пользовались простыми черными одеяниями.

*** По крайней мере такого рода сообщения часто встречаются в современных трудах; я лично до сих пор не смог обнаружить их источника, в трудах же по истории права, как и в специальных работах о Людовике VI, нет следов такого предписания. Daniel,Hist. de la Milice Française (1724); Boutaric,Institutions militaires de la France, 1863; Boutaric,Le régime féodal,Revue des questions historiques, т.XVIII (1875); Glasson, Hist.du droit et des institutions de la Franse,1891; A.Luchaire, Manuel des institutions françises, periode des Capetiens directs, 1892. Его же, Hist.des instit.monarchiques de la France, III, и под заглавием Etudes sur les actes de Louis VII (1885); его же, Louis VI, Annales de la vie, 1890.

**** LL, II, стр.185: «Также в отношении сыновей священников и диаконов и поселян постановляем, чтобы они не опоясывались рыцарским поясом, а те, кто уже подпоясан, да будут исключены из рыцарского сословия правителем провинции».

В диспенсационном формуляре Фридриха II читаем : «Нашими постановлениями запрещается становиться рыцарями не принадлежащим по рождению к рыцарскому званию».

***** «Юноши низкого звания или какие бы то ни было мастера, занимающиеся достойными презрения механическими ремеслами, которых прочие народы гонят, как чуму, от почетных и благородных занятий, не признаются достойными ни рыцарского пояса, ни почетных должностей».

По Daniel (De la Milice Française, стр.33). Гунтер в «Лигурине», наоборот, сообщает, что император действовал таким образом: «И для того, чтобы изгнать всех врагов из пределов своей страны и защитить отечество силою оружия, он дозволял всем из низкой черни, что вообще Галлия считает постыдным, опоясываться рыцарским мечом».

Если бы до нас не дошел «Лигурин», то это место должно было бы казаться совершенно загадочным; пусть же оно послужит нам (особенно историкам древности и классическим филологам) предостережением,

ников[131] в XIIIв. ношение белой мантии запрещается всем, не принадлежащим к рыцарскому роду. В случае же, если обнаружится, что кто-то принят в орден на основании данных им ложных сведений по этому поводу*, он должен быть изгнан из ордена. В то же время ленное право делает вывод большого практического значения, а именно, что все, не бывшие по отцу или по деду рыцарского происхождения, не имеют права получать лен**.

Право на лен обозначается также термином Heerschild***, которым пользовались опять-таки для определения различных ступеней ленного права. Никто не имеет права взять лен у равного себе по званию, так как присягой (Hulde, Mannschaft) он ставит себя в подчинение ему. Первым чином такого рода обладает император, вторым церковные князья, третьим — светские князья, четвертым — графы и т.д. В Северной и Южной Германии с некоторыми различиями насчитывалось до 7 чинов. Но вскоре строгость этой иерархии стала нарушаться и к XIV в. она успела устареть.

Таким образом, «рыцарский удар», как таковой, не имел бы никакого значения для образования сословия, а носил бы только характер личного отличия, которое нужно заслужить самому. Решающую роль имело дополнительное условие — происхождение от предков-рыцарей. Так созидалось наследственное сословие, до того времени существовавшее фактически, а не юридически****.

Это образование сословия благодаря праву на посвящение в рыцари намечено было уже в указе Барбароссы в начале его царствования (constitutio de pace tenenda — указ о поддержании мира, 1156 г.), устанавливавшем право на поединок только за тем, кто искони и по родителям своим был рыцарем*****.

Новое понятие окончательно вытеснило давно уже переплетающиеся различия между свободными и несвободными. Несвободные, принадлежащие к новому потомственному рыцарству, перешли в дворянское сословие, а признаки их крепостной зависимости постепенно исчезли настолько******, что свободные по происхождению рыцари массами добровольно вступали в это сословие, и, в конце концов, различие стерлось окончательно, хотя кое-где некоторые следы прежней несвободы сохранились до конца средневековья. Если в прежних германских странах существовали еще свободные, имевшие, как таковые, даже не будучи воинами, преимущества перед несвободными рыцарями, то, начиная с XII в., рыцарь — свободный или несвободный — приобретал безусловные преимущества перед низшими классами свободных*******.

как часто и легко можно быть введенным в заблуждение источниками из вторых рук. Обычно основательный в своих исследованиях Даниель на этот раз оказался поверхностным и приписал императору то, что, по Гунтеру, в действительности совершили итальянцы (lib, II, v.151 и след.); он тут просто придерживается дословно своего источника. Под «Галлией» в его стихах по известному средневековому словоупотреблению подразумевается так же и Германия.

* Curzon, La règle du Temple, гл. 337, 431, 586.

** «Поселяне, купцы и всякий, кто не происходит от отца и деда рыцарей, да не пользуются правом иметь бенефиций».

*** О первоначальном значении слова см. Waitz, VIII, 117.

**** Schröder, D. Rechtsgeschichte, стр.430, предполагает, что различие между рыцарями (посвященными посредством рыцарского удара) и «оруженосцами» (Knappen) приобрело значение только с XIII в., но юридического оформления оно не получило никогда. Такой взгляд носит слишком узко юридический характер. Хотя посвящение, как таковое, и не имело настоящего юридического значения, но только в такой форме могло выразиться различие, приведшее, в конце концов, к образованию мелкого дворянства как сословия.

***** «Если рыцарь пожелает вступить в поединок с рыцарем из-за нарушения мира или по какой-либо важной причине, да будет разрешено сражаться только в том случае, если он будет в состоянии доказать, что он исстари и сам, и предки его по рождению законные рыцари».

****** Бамбергское «Право министериалов» в конце X в. определяет, что министериал, не состоящий ленником епископа, может поступить на службу к другому сеньору, но не имеет права связать себя леном («да несет службу, у кого хочет, не за бенефиций, но свободно»). Такого рода предписание означает заметное ослабление зависимости.

******* Более тонких различий и наслоений в различных поколениях я здесь не касаюсь. Zallinger, Ministeriales und Milites (1878), полагает, что он нашел доказательства, например, тому, что в местах

Таким образом, чтобы стать дворянином в современном смысле этого слова, древнегерманский воин должен был пройти через своеобразный процесс метаморфозы: сперва он признал себя принадлежащим к несвободному сословию и при этом в значительной мере смешался с потомками настоящих несвободных; впоследствии это несвободное военное и чиновничье сословие выросло в господствующую касту. Однако, этому прохождению через несвободное состояние не следует придавать слишком большое значение, — это явление определенно установлено только в Германии, во Франции же оно было так мало заметно, что его могли совершенно отрицать*. В Англии вообще не было института министериалов, на самом же деле тираническая власть английских королей над своими рыцарями была гораздо более неограничена, чем власть германских князей над своими министериалами, образовавшими, несмотря на свою формальную зависимость, весьма самонадеянную, требовательную и кичащуюся своими привилегиями корпорацию.

Как ни велико значение образования этого нового сословия, все же трудно дать точную формулировку отдельным фазам его развития. В нашем обычном словоупотреблении под «рыцарем» мы понимаем знатного и, как правило, владеющего поместьями воина, т.е. представителя именно того сословия, которое в XII в. выделилось и превратилось в мелкое дворянство. С точки зрения военной истории мы должны или во всяком случае имеем основания называть рыцарством все военное сословие,как то, которое образовалось со времени переселения народов из расселившихся по Римской империи германцев, так и то, которое возникло после сражения при Туре в результате вассальства и ленной системы. Но это создает неудобство в том отношении, что, начиная с XII в., этот же термин охватывает гораздо более узкое понятие. Между тем исторически это неудобство вполне оправдывается, так как средневековое словоупотребление само по себе было весьма неопределенным. По существу же нет никаких сомнений, что первоначально незначительное расслоение сословия с XV в. становится все более, и более явным, и что понятие «рыцарь» относится лишь к высшему социальному слою; низший воин называется «сержант» (serviens) или «кнехт», поэтому формула «рыцари и кнехты» становится общеупотребительной для всего войска. Какую роль при этих изменениях играет случай, видно из того, что в немецком языке простой Reiter (всадник) преобразился в знатного Ritter (рыцаря), а словом «кнехт» стали обозначать самую низшую ступень, в то время как в английском языке как раз наоборот: knight (найт) означает «рыцарь». Наряду с термином «кнехт» употребляется и «кнаппе», что по этимологии означает одно и то же, ибо «кнаппе» (Knappe) произошло от «Knabe» (мальчик), а «кнехт» первоначально означало не что иное, как молодой парень. Постепенно же термин «кнаппе» вошел в употребление для обозначения сопровождавшего рыцаря молодого его слуги и оруженосца, в особенности же по отношению к таким, которые сами были рыцарского происхождения и приставлены были к своему господину в качестве ученика с целью обучения рыцарской доблести и военному искусству. В заключение напомним, что в немецком языке есть еще третье слово с тем же первоначальным значением, как кнехт и кнаппе — Thegn (Than) или Degen.

Итак, в романо-германской части Европы образование рыцарского сословия протекало следующим образом: германские завоеватели и поселенцы вполне свободными считали только воинов, которыми, по преимуществу, были они сами.

действия баварского права министериалы в XIII в. отделились в особое замкнутое сословие, ставившее себя выше простых рыцарей, и не рассматривали их как равных по происхождению. Только император или князья могли иметь таких знатных и тем не менее несвободных вассалов. Последние позже вместе со свободным дворянством превратились в сеньоров и князей.

* Так поступает, например, Гильермо. Его опровергает E. Mayer, Zeitschrift für Rechtsgesch. Germ. Abt., т.23, ст. 310, 1902.

Но это не могло еще привести к образованию сословий в собственном смысле, именно потому, что сословное деление в слишком большой мере совпадало бы с этническим. Место военного сословия , образовавшегося по этническому признаку[132], занимает военное сословие, образовавшееся по признаку вассальной зависимости и ленного владения; в результате этих изменений стирается различие между свободными и несвободными. Остается, однако, противопоставление профессионального и преимущественно потомственного военного сословия остальным — невоенным, а в этом военном сословии отслаивается как высшее, так и низшее дворянство.

Итак, рыцари в более позднем смысле этого слова (т. е. рыцарского происхождения, принятые через посвящение в корпорацию) образуют собой как бы военное сословие внутри военного сословия. Важно уяснить себе (что не так просто), каким образом это было возможно, ибо предпосылкой образования закрепления подобного военного сословия могло быть только действительное превосходство в военном деле, в бою, — одних правовых норм было недостаточно. То, что некогда германцы в Римской империи , жившей своей мирной гражданской жизнью, или же впоследствии викинги своими военными подвигами выдвинулись в окружающем мире настолько, что целиком считались в нем военным сословием, — это понять нетрудно. Но как могло произойти, что теперь это новое рыцарство выделилось среди остального населения настолько, что, в конце-концов, стало правящей аристократией? Это понять не так-то легко, ибо природные военные способности, физическая сила и мужество передаются вовсе не настолько из рода в род, а воспитание вовсе не имеет такой формирующей силы, чтобы природные способности членов других сословий того же народа очень часто не смогли бы уравновесить и даже превзойти их. В особенности это могло иметь место в данном случае, когда наряду с рыцарством существовало, большей частью тоже наследственное, сословие кнехтов: среди них наверное часто должны были встречаться воины, которые по физической силе, умению владеть оружием и храбрости могли соперничать с любым рыцарем.

На основании того, что рыцарский удар сопровождался религиозным посвящением, а в число обетов, приносимых молодым рыцарем, входил также обет служению церкви, очевидно и полагали, что зарождение нового сословия следует искать на почве церкви. Рыцарство образует один большой христианский орден, — впрочем настолько мало сплоченный, что слово «орден» применимо только в переносном смысле. Тем не менее эта организация рассматривалась как подражание незадолго до того основанным на Востоке настоящим рыцарским орденам храмовников и иоаннитов[133], а образование всеобщего христианского рыцарского ордена многие историки считают плодом религиозного возбуждения во время второго крестового похода (1147 г.). Но нетрудно установить ошибочность такого взгляда. Если бы сущность этого явления состояла только в том, что некие воины в торжественной форме произносили определенные религиозные клятвы, то оно не приобрело бы значения в истории военного искусства и не привело бы к образованию такой могущественной, веками господствующей аристократии. Наоборот, ясно, что здесь мы имеем дело с таким явлением в истории военного искусства, которое чрезвычайно важно в смысле очень сильной потенции, и только проникновение в природу средневекового военного дела и выявление его движущих сил дает возможность понять, в результате какого процесса сложилось это явление. Для этой цели необходимо рассмотреть военную технику рыцарства.

Оборонительное оружие, которым сражались воины еще во время Карла Великого — шлем, щит и броня — было , как мы видели, еще не особенно тяжелым. Шлем был без забрала, броня состояла из кольчуги, оставлявшей

непокрытым затылок. Мы можем на протяжении всего средневековья проследить постепенное усовершенствование и утяжеление вооружения*.

Тогда как в более раннюю эпоху принято было называть воинов по главному их предохранительному оружию — щит (scutati), к концу XI в. вместо этого названия в обиход входит выражение loricati, т. е. закованные в броню, и наконец с XIII в. войско считают по числу покрытых броней коней (dextrarii или falerati cooperti)**.

В средние века исход сражения решается не так, как у римских легионов, — сплоченностью, ловким маневрированием и совместным натиском хорошо дисциплинированных, хорошо подготовленных тактических единиц, — а личной храбростью и сноровкой отдельных воинов. Поддержка же, которую хорошее оружие может оказать личной сноровке, очень значительна. Неломкое копье, меч достаточно острый, чтобы пробить им железо, непроницаемый шлем, щит и панцирь, — вот что обеспечивает победу.

Снова, как некогда Гомер, песни прославляют не только героев, они воспевают и неуязвимость их доспехов, рассказывают историю и свойства меча «Бальмунга». Часто не только меч, но и другие части рыцарского вооружения получают собственные имена.

Воин с таким оружием, одетый в тяжелые доспехи и умеющий двигаться в них, в единоборстве превосходил воина с более легким вооружением. Но войско не могло состоять исключительно из таких воинов, ибо тяжелое вооружение делало их непригодными для некоторых необходимых в бою действий. В пешем бою он был несколько беспомощен, так как почти не мог сходить с места; ему трудно было садиться на коня и сходить с него; упав, он мог подняться только с большим трудом***. Он не был в состоянии по-настоящему преследовать врага, он не мог пользоваться метательным оружием. Он даже не мог обходиться одним конем, а из-за своего тяжелого веса, чтобы не утомлять своего боевого коня, вынужден был беречь его по возможности до последней минуты, пользуясь до тех пор другой лошадью. Таким образом, ему было необходимо иметь не одного, а двух и даже трех коней; это подтверждается и источниками, начиная с XI в.****.

Со второй половины XII в. броней стали покрывать и боевого коня, что, впрочем, уже применялось и остготами в их войнах с Велизарием*****.

В то время как в эпоху Каролингов и до времен Оттонов войско в отношении военной техники и вооружения, несмотря на различные оттенки, все же следует считать однородным, из общей части воинов мало-помалу выделяется более

* Даже если бы Böheim, Handbuch der Waffenkude, стр.12, был прав, утверждая, что оборонительное оружие около 1400 г. стало более легким, то и это означало бы только некоторую задержку в непрерывном развитии. Но факт этот сомнителен и во всяком случае еще не достаточно установлен. Сам Бехейм в дальнейшем, уже на стр. 14, говорит, что к началу XV в. оборонительное оружие стало более тяжелым.

** Это вполне правильно толкуется Бальцером (стр.52 и сл.). Если временами и применяется счет по «шлемам» (galea), то это свидетельствует о той же линии развития, хотя и не так прямо выявляет ее. Приведенный Бальцером на стр.56 рассказ о том, что рыцари для того и снимали латы, чтобы им легче было бороться, опровергается Келером, который устанавливает, что это делалось не для борьбы, а для преследования врага. Но и в этом случае я склонен считать эти сведения не историческим фактом, а лишь фантазией. С первым обозначением dextrariis coopertis Келер (Köhler, III,2,44) впервые встретился в источниках от 1238 г.

*** Giraldus Cambrensis, Expugnatio Hibernica, Opera, V, 395: «Разумеется при таком многообразном вооружении, загнутых назад и высоких седлах трудно слезать, труднее садиться, всего труднее идти». Автор умер около 1220 г.

**** Келер, III, 2, 21. Из статутов рыцарских орденов определенно вытекает, что там, где говорится о рыцарях, имеющих несколько коней («equitaturis»), подразумеваются те кони, которыми рыцарь пользуется сам (как, например, современный кавалерийский офицер, имеющий несколько лошадей), а отнюдь не те, которыми он снаряжает своих спутников и т.п. Ср. Curzon, La règle du Temple, гл. 77 и 94. Устав Ордена иоаннитов, гл.59 и 60; у Пруца (Prutz, Kulturgesch. d. Kreuzzüge, стр.601), статут Немецкого ордена, Perlbach, стр. 98

***** Бальцер, стр. 59. По Келеру (III, 2, 77), Viollet-Duc утверждает, что рыцарских коней стали покрывать броней только в конце XIII в.

знатная часть, имеющая возможность обзавестись несколькими лошадьми и слугами и весьма дорого стоящим полным снаряжением. Такой рыцарь не в состоянии вести войну в одиночку; в бою он нуждается в различного рода помощи, — не только в личных слугах и конюхах, но и в легковооруженных пеших воинах-стрелках. Мы видели, как в переходный период от древности к средним векам различные роды войск — пехота и кавалерия — исчезают и сливаются: одни и те же бойцы сражаются в пешем и конном строю и применяют как дальнобойное, так и холодное оружие.

Так продолжается веками. Затем снова происходит разделение различных родов войск, но совершенно иное, чем в древности: наряду с тяжеловооруженными рыцарями встречаются легковооруженные всадники, конные лучники, пешие лучники, а позже и арбалетчики и пешие кнехты с холодным оружием.

Внешне в отношении оружия различие с древностью было, может быть, не так уж велико: и тогда существовало такое же наступательное и такое же оборонительное оружие. Но во внутреннем содержании между внешне сходными явлениями имеется коренное различие.

Больше всего сходства можно найти у легковооруженных пеших, особенно у лучников; и в ту и в другую эпоху они являются только вспомогательным родом войск. Уже Вильгельм Завоеватель широко пользовался ими; в Германии до этого времени мы редко встречаем их применение, но с XII в. значение их возрастает все более и более.

Первоначально у западных народов не было конных стрелков, они почти не встречаются и у римлян. Это исконное оружие Востока персов и парфян. Крестоносцы также ознакомились с ним или, во всяком случае, научились бояться его у своих противников и сами брали на службу таких конных стрелков.

Пешие воины с холодным оружием временно, по-видимому, почти совершенно исчезли из войска; особенно в Германии в описании многих сражений спешивание рыцарей особо не упоминается, — это были чисто конные бои*. В первом крестовом походе, как и вообще в крестовых походах, появляется много пеших воинов, но это вызвано, вероятно, только отсутствием лошадей у рыцарей. Постепенно возрастает их число и на Западе; в этом-то и заключается коренное отличие от армий классической древности, в которых пехотинцы составляли основное ядро. Там они действовали крупными сплоченными массами, расчленение которых с течением времени становилось все более гибким — без ущерба для эффективности массового действия.

В средние века такой пехоты не было. Пеший кнехт, хотя бы и одетый в латы и вооруженный колющим и тупым оружием, в бою не самостоятелен, а служит лишь подсобной силой для рыцаря.

Благодаря этому рыцарь, в свою очередь, также представляет собой уже нечто иное, чем тяжеловооруженный всадник древности. Гетэры Александра Великого, может быть, довольно близко подходят к понятию средневекового рыцаря в первоначальной стадии его развития. Позднейшие настоящие рыцари средневековья вооружены были, несомненно, гораздо тяжелее, чем когда бы то ни было всадники древности; конница Ганнибала и Цезаря — варвары-наемники — ближе к понятию современной кавалерии, чем к рыцарству. Рыцарство представляет собой совершенно своеобразный род войск, ибо ни один из других родов войск — ни легковооруженные всадники, ни пешие кнехты, ни стрелки — не могли устоять в единоборстве против рыцарей, от которых поэтому зависел исход боя. Большой вопрос, смогли ли бы рыцари атаковать в конном строю римский легион, но в средние века не было такой пехоты, которая могла бы им противостоять. Таким

* Вайц, VIII, 123, правильно отмечает: «совсем без пехоты, конечно, никогда не обходилось, но она обычно применялась только при обороне страны»...«или в такой войне, в которую призывали всех, кто мог носить оружие; в походах же она участвовала только в виде исключений».

образом, рыцари, благодаря характеру и силе своего оружия, составляли костяк войска. Заметный издалека и со всех сторон рыцарь — это тот, кто подает пример рядовому воину, тот, кто его воодушевляет и ведет за собой. Воспитание, сословный дух, высокое положение развивают чрезвычайно повышенное чувство чести и честолюбия; рыцарь должен был отличаться исключительной храбростью, иначе он был бы ничтожней ничтожного, презренною тварью. Мы видим, что нет ничего искусственного и случайного в том, что этот род войск является в то же время сословием. Без такого социального ядра или, вернее сказать, без таких глубоких социальных корней трудно было бы сформировать отборный отряд, каким внутри средневековой армии была тяжеловооруженная конница. Ведь в средние века отсутствует такая регулярная армия, какую мы видим в древности и в новейшее время, — армия, боеспособность которой основана на спайке и дисциплине; в средневековье военное воспитание является исключительно задачей семьи и сословия. Род войск становится наследственным; он предопределяется рождением.

Недаром император Фридрих II писал своему сыну, чтобы тот прислал ему рыцарей, «так как именно множество рыцарей составляет гордость империи и нашу силу», и когда город Кельн в 1368 г. возобновил союзный договор (от 1263 г.) с графом Юлихским, то в него включено было дополнительное условие о том, чтобы 15 оруженосцев, которых граф обязывался выставить наряду с 9 рыцарями, были «guder Lude,zum Schilde geboren»* .

Значение этого рода войск находит характерное выражение в том, что латинские писатели называют рыцаря просто «miles» (воин); он и только он считается настоящим воином. Слово, которое в классической латыни обозначает рядового воина, теперь обозначает самого знатного. Рихерий, писатель конца X в. (около 995 г.), впервые употребляет выражение «milites peditesque» (рыцари и пехотинцы), встречающееся затем очень часто, — как если бы пеший кнехт вообще не был полноценным воином**. Впрочем это слово никогда не стало технически точным термином; поэтому если в средневековом источнике говорится, что в армии насчитывалось столько-то milites, то из этого отнюдь нельзя вывести заключение, что кроме них имелось еще известное число других бойцов — легких всадников, оруженосцев, кнехтов, стрелков или иных пеших бойцов; по крайней мере в XII в. под словом milites подразумеваются все конные бойцы, если нет прямых указаний на что-либо другое. Состояла ли армия вообще исключительно из конных бойцов, или же в ней имелись и пешие, это опять-таки в каждом отдельном случае подлежит особому выяснению. Со временем слово miles суживается в своем значении и начинает преимущественно относиться к рыцарю в собственном тесном смысле этого слова***.

* Ennen und Eckertz, Quellen z. Gesch. der Stadt Köln, т. IV, N 488. стр. 560.

** Roth, Ritterwürde, стр. 93. Сугерий (Suger) в описании сражения при Бремюле в 1119 г. говорит, что король Генрих, «чтобы рыцари сражались с большей отвагой, ссаживает их с коней и обращает в пехотинцев». То же и в «Gesta Francorum», гл. 6, о сражении при Дорилэе в 1096 г.: «Пехотинцы умело и быстро расставляют палатки, рыцари мужественно выступают против тех (турок)». Фульхер, стр. 393: «Рыцари умели становиться пехотинцами» (1098). То же в описании сражения при Аскалоне 1099 г. (5000 рыцарей и 15000 пехотинцев) Gervasii Dorob. Chron. de rebus anglicis под 1138 г. («рыцари и пехотинцы»). То же в Gest. Consul. Andegav. Recudes Hist. d. Gaules XI, стр. 255. Папа Иннокентий IV в послании к кардиналу Рейнеру в 1243 г. («Huill. Bréholles»,VI, стр. 131) пишет: «потому что рыцарство, видимо, не так необходимо для защиты государства, пехотинцы же, как известно, более полезны».

*** Цалингер (Zallinger, Ministeriales und Milites, стр. 4): «Слово miles имеет различный смысл в источниках и с течением времени попеременно обозначает рыцарские звания, в зависимости от того, для какого разряда представляется особенно характерным или отличительным признаком рыцарский образ жизни или рыцарское происхождение. Так, в более ранний период оно употребляется, главным образом, для обозначения свободного вассала, позже — преимущественно несвободного рыцаря. Помимо этого словом miles обозначали тех, кто уже получил рыцарское достоинство, в отличие от оруженосцев просто рыцарского происхождения».

Вайц (V, 436) приводит ряд цитат, из которых явствует, что в более ранний период слово milites

Военное сословие более раннего периода, в общем, также было наследственным; браки, как правило, заключались внутри его. Все же храбрый сын горожанина или крестьянина, или даже несвободный мог вступить в него и основать воинский род; дети таких семейств в свою очередь опять переходили к крестьянской — или городской жизни. Когда из этого открытого военного сословия выделился высший слой, концентрировавшийся при княжеских, графских, а также епископских дворах и резиденциях, с образованным и утонченным обществом, то это сословие замкнулось от низших слоев, и, в конце концов, доступ в него был совершенно закрыт.

В связи с этим я хотел напомнить ход рассуждений в т. I настоящего труда (часть 4-я, гл. I) при описании древнейшего римского государственного строя. Все еще спорной проблемой древней истории является происхождение городской аристократии — эвпатридов в Греции, патрициев в Риме — и вопрос о том, почему римская аристократия выказала себя в такой мере более сильной и жизнеспособной, чем аристократия какого бы то ни было греческого народа. Данное мною решение этого вопроса является результатом параллельного исследования античных и средневековых источников, так же как персидские войны нашли объяснение себе в бургундских войнах. Как в средние века боевая квалификация привела к образованию дворянского сословия, точно так же все говорит за то, что в древности, в доисторический период, имела место аналогичная линия развития. Уже давно говорят об античном средневековьи, а конный бой, играющий столь существенную роль при образовании рыцарского сословия, в Италии имел гораздо большее значение, чем в Греции.

В исторические эпохи древности не существовало больше рыцарства, т. е. военного класса, в котором высококвалифицированный отдельный боец играет решающую роль на войне. В Риме патриции[137], а позже оптиматы[138] правят благодаря политическим силам и политическим организациям. Римские консулы[139] — не передовые бойцы на поле битвы, как германские герцоги и графы. Даже тогда, когда место древнеримского гражданского ополчения всецело заняла профессиональная и регулярная армия, полководцы, по их понятиям, продолжали оставаться не воинами, а чиновниками (магистратами)[140]; в качестве наместников провинций проконсулы[141] и пропреторы[142] командовали и войсками.

Германские же короли и их чиновники были, наоборот, прежде всего воинами и сохраняли этот характер даже тогда, когда они, будучи воинами, управляли всей государственной жизнью.

Императоры и короли средних веков — рыцари; весь их двор состоит из рыцарей. Князья и графы, правящие областями, также являются рыцарями; даже

применялось также для обозначений министериалов и вообще как несвободных, так и свободных воинов. Затем он продолжает: «Королевская канцелярия различает miles и serviens», причем он не разбирает основного вопроса, с какого времени проводится это различие, не встречаются ли противоположные примеры, а также вопроса о том, насколько широко или с каких пор это словоупотребление наблюдается в хрониках.

Келер (I, стр. IX) утверждает, что в Испании и Италии в течение долгого времени milites называли также легковооруженных всадников, в то время как во Франции и Германии с XII в. слово miles обозначало исключительно рыцаря.

Фульхер (Fulcher в Hist. Hierosol., II, гл. XXXI (Migne, 155, стр. 886) при описании сражения у Рамле сообщает: «Рыцарей наших было 500, не считая тех, которые, не будучи, однако, рыцарями, сражались верхом. Число же наших пехотинцев не превышало 2000».

Фридрих II дал папе римскому обещание — в продолжение 2 лет содержать в Палестине за свой счет 1000 milites и с целью завербовать их послал своего гросмейстера[134] Германа фон Зальца в Германию. 6 декабря 1227 г. он пишет: «Мы послали магистра[135] Тевтонского ордена[136] для вербовки воинов с полномочиями по их выбору, чтобы избрал он мужей храбрых и обещал каждому жалованье по заслугам каждого в отдельности и сообразно со своим собственным благоразумием».

Трудно представить себе, чтобы Герман при этом ограничивался только лицами, посвященными в рыцарство, как и нельзя поверить, чтобы он посвятил в рыцарство всех завербованных им рыцарей; скорее можно предположить, что он набирал квалифицированных для кавалерийской службы кнехтов, и, что, таким образом, слово miles здесь не следует понимать в строго сословном смысле.

епископы и аббаты окружены были рыцарями и сами достаточно часто брались за оружие. По Эйнгарду (под 778 г.), Карл Великий во главе своих войск поставил «придворных» (aulici). Кто в этих кругах не рыцарь — тот клирик; там, кроме этих двух, иного звания не существовало. Если король или какой-нибудь дворянин снимет рыцарский пояс, то это означает, что этим самым он отрекается от светской жизни и готовится уйти в монастырь*. Даже Румольд, повар в «Песне о Нибелунгах»[143] — «выдающийся герой». Все высшие функции, поскольку они не предоставлены духовным лицам, выполняются воинами. Те, кто занимает должности при дворах королей, князей, графов, епископов и аббатов, благодаря своему высокому положению, своему богатству и доходам составляют самую выдающуюся часть рыцарства.

Римская знать могла довольствоваться гражданскими должностями, ибо она могла держать массы в повиновении, опираясь на дисциплинированное войско; аристократы романо-германского средневековья не располагали обученными манипулами и когортами; вождями народа они могли быть только в том случае, если они вместе с тем были самыми неустрашимыми бойцами.

В этих кругах продолжает жить образ древнегерманского героя, сохраненный нам Тацитом. В песнях и сагах[144] образ этот получает свое дальнейшее развитие. Односторонне суровый и меланхоличный первоначально, он в нашу эпоху становится более жизнерадостным благодаря тому, что представители молодых поколений оказываются более восприимчивыми к прекрасному, и в конце концов у них складывается образ идеального рыцаря. Нравственный облик рыцаря облагораживается благодаря самодисциплине; жизнь при дворе и культ женщины накладывают на него свой отпечаток**, он отдает свой меч на служение церкви, олицетворяющей для него вечные идеи.

Рыцарство, образующее, вместе с тем высший слой общества, является специфическим, но не единственным военным сословием позднего средневековья. Какое бы значение ни придавалось наследственному званию в качестве признака рода войск, естественно все же, что среди простых воинов были многие с не меньшими, чем у рыцарей, воинскими данными, — тем более, что держатели мелких ленов, не занимавшие одновременно каких-либо должностей, часто вовсе не вступали в новый рыцарский орден, а между тем такие роды не в меньшей степени принадлежали к потомственному военному сословию***. Ничто не мешало сюзерену снарядить рыцарским вооружением простых воинов, известных ему своей боевой квалификацией, независимо от того, были ли эти воины владельцами ленов, или же вольнонаемными****.

Фактически во всякой армии наряду с собственно рыцарями имелось весьма большое число по-рыцарски вооруженных кнехтов. Случалось, однако, что кто-либо сражался по-рыцарски, не будучи посвящен в рыцари, и, наоборот, воин

* Соответствующие цитаты у Вайца (V, стр. 400, прим. 5). Гильермо (стр.429, прим. 41) говорит следующее: «Известно, что в эпоху Меровингов, как и в эпоху Каролингов, высшие придворные чины, включая сюда и тех, кто занимал самые мирные должности, во время войны назначались на военные посты» и приводит доказательства этому. Вернее же истолковать это, как сделали мы, в обратном порядке, т. е не в том смысле, что занимавшие мирные посты получали командование войсками, а что военные занимали все мирные должности, поскольку на них не назначалось духовенство.

** Gust. Roethe, Deutsches Heldentum. Rede, Verlag v. G. Schade, Берлин, 1906 г.

*** Köhler, III,2,123. Мне кажется, что Келер изложил это вполне правильно.

**** Келер (III, 91) приводит указ Людовика IX, по которому кнехт (écuyer) не имел права носить ни набедренников, ни капюшона, ни наручей. При этом он ссылается на Даниеля (Daniel, Milice française, т. I, стр. 394), у которого нигде не встречается ничего подобного. Очевидно, имеется в виду место — т. I, стр. 286, где Даниель на основании трактата Дюканжа (Ducange) цитирует церемониал турнира времен Людовика IX. Предполагать искусственное ухудшение снаряжения по мотивам сословной ревности даже и в серьезных случаях было бы слишком абсурдным.

Напрасно Келер (III, 2, 67), ссылаясь на Ниднера и Альв. Шульца, из «Партенопеи» Конрада Вюрцбургского ст. 5225, заключает, что кнаппе не имел права носить меч на перевязи, а подобно купцам мог только привешивать его к седлу, так как его дама велела ему не опоясываться им.

рыцарского звания — быть может за отсутствием полного снаряжения — причислялся к низшему роду войск или же выступал не в собственном вооружении, а в пожалованном ему сеньором; кроме того молодые люди благородного происхождения, т.е. кнаппе, как легковооруженные всадники с внешней стороны сливались с легкой конницей; поэтому как в социальном, так и в военно-техническом отношении переходные ступени к рыцарству весьма многообразны, и установить взаимоотношение родов войск и сословий практически труднее, чем в принципе*.

Особенно в городах отделение рыцарства от высоких слоев городского сословия происходило очень медленно, вследствие того, что оно превратилось в поместное дворянство. С давних пор значительная часть военного класса жила в городах. Совершенно неправилен взгляд, будто германцы, расселившиеся в пределах Римской империи, сели на земли; нет сомнения, что значительная часть их с самого начала осталась в городах в качестве графской свиты. Купец, отправлявшийся в путешествие, должен был быть не только дельцом, но и владеть оружием, быть до известной степени воином.

Должно быть немалая часть графских и епископских воинов в городах перешла к ремеслам; в эдикте лангобардского короля Айстульфа от 750 г. и в указе архиепископа Бременского (см. выше) ясно говорится о воинах-купцах qui negotiantes sunt (которые занимаются торговлей). Из оставшихся верными своей военной профессии обладавшие достаточными средствами стали участниками городского управления и, слившись с состоятельными купеческими фамилиями, образовали городской патрициат **.

Поэтому в эдикте Фридриха Барбароссы, запрещающем посвящать в рыцари сыновей крестьян и духовенства, сознательно не упоминается городское сословие.

Как ни разнообразны и часты переходы от одного сословия к другому, главное ядро средневекового войска образует преимущественно военное сословие. Возникавшие на этой почве трения и неудобства на практике сглаживались. Сыновей рыцарей, которые, несмотря на наследственные права и воспитание, по физическому и духовному развитию не отвечали высоким требованиям своего сословия, назначали на духовные должности, постригали в клирики или прятали в монастыри. Молодые люди из других сословий, отличавшиеся качествами, требующимися от рыцаря, могли служить сперва оруженосцами и сержантами, а затем и в качестве рыцарей, не будучи посвященными, — да и самый закон о том, что только потомки рыцарей могут получить рыцарское достоинство, был не столь незыблем. Сам император и короли посвящали, конечно, в рыцари тех, кого они находили достойными. По дошедшему до нас формуляру, уже Фридрих II приостанавливал действие этого закона для особо заслуженных лиц***. Судя по возмущению по поводу посвящения в рыцари несвободных, отразившемуся в литературе, можно заключить, что это случалось нередко. Уже Вирнт фон Гравенберг в своем «Вигалуа», написанном между 1204 и 1210 гг., восклицает: «Да поразит господь тех, кои когда-либо вручали меч не могущим вести достойную рыцаря жизнь и по рождению своему не к тому предназначенным». Зейфрид Гельблинг (Seifried

* Мы встречаемся даже с такими фактами, что лица рыцарского происхождения уклонялись от рыцарского звания и принуждались сеньором к посвящению в рыцари. Граф Балдуин Фландрский в 1200 г. определил, что сын рыцаря, не ставший рыцарем до 25-летнего возраста, должен считаться крестьянином. Во Франции в 1293 г. то же самое под угрозой наказания требовалось от дворян («знатного происхождения, по крайней мере, по отцу») до 24-летнего возраста, имевших доход в 200 ливров от земли, из которых 160 ливров по наследству (Гильермо, стр. 231, 477). В Цюрихе предельным возрастом было 30 лет. См. Келер, II, 2, 65. Английские короли в XIII в. сделали из этого фискальное мероприятие

** Келер (III, 2, 6, и III, 2, 135) не причисляет городского рыцарства к военному сословию по той причине, что оно не принадлежало к ленной системе, что они не были вассалами или министериалами. Это по существу неправильно: можно было быть воином, не будучи ленником.

*** Both. Ritterwürde, стр. 197. Замечательно, что во Франции пожалование рыцарского достоинства впервые встречается в конце XIII в. В 1271 г. Филипп III возвел в дворянство одного золотых дел мастера. Warnkönig u. Stein, Franz. Staats- und Rechtsgesch., I,250; Daniel, Milice française, I, 74.

Helbling), живший во второй половине XIII в., с насмешкой замечает, что крестьянина со щитом и мечом нельзя посвятить в рыцари, подобно тому, как нельзя в светлое воскресенье освящать вместо барашка козлятину: «да превратится у него тотчас же щит в отвал у плуга, меч — в лемех, рыцарский шелковый кошелек — в сеялку, а галун на поясе — в льняной мешок для корма лошадей».

Оттокар Штирийский издевается над «вахлаками с шишаками», а глоссы к саксонскому феодальному праву объясняют: «Если король, оказывая крестьянину милость, делает его рыцарем и при этом вместе с рыцарским достоинством жалует ему и рыцарские права, то этим он нарушает закон. Даже посвященный в рыцари крестьянин таковым не станет никогда»*.

Показателен известный рассказ о том, как стремянный, которого Фридрих Барбаросса хочет за его выдающуюся храбрость (под Тортоном в 1155 г.) посвятить в рыцари, сам отклонил эту честь, так как он принадлежал к низшему сословию и желал остаться в нем**. Судя по этому, уже и тогда рыцари своими обычаями и всем образом жизни настолько отличались от простого смертного, что последний, если он по природе был скромен, не решался вступить в среду, где он почувствовал бы себя чужим.

Формула, которая продолжала оставаться в употреблении 800 лет: «народ должен работать, рыцари — воевать, духовенство — молиться», впервые встречается в поэме одного французского епископа, посвященной Капетингу — Роберту Благочестивому***: «Дом господний, о котором думают, что он един, — триедин: одни молятся, другие сражаются, третьи трудятся».

Военное обучение носило в средние века почти исключительно индивидуальный характер****. Пеший кнехт не обучался ничему, стрелок упражнялся в стрельбе, рыцарь с детства обучался верховой езде и обращению с оружием, — сперва в семье, а затем на службе у своего сеньора. Его сословное воспитание всецело концентрировалось вокруг военного дела.

Английский хроникер Роджер Ховеден рассказывает о том, как король Генрих II посвятил в рыцари своего третьего сына Готфрида, герцога Бретани, и тот, жаждавший достигнуть такой же военной славы, как его братья Генрих и Ричард (Львиное Сердце), усердно предавался упражнениям в рыцарском искусстве*****. «И была у них одна мысль превзойти других в воинском деле; они знали, что без предварительного упражнения военное искусство не дается в то время, когда оно требуется. Боец, который никогда не был избит до синяков, не может, гордый

* Последние цитаты — по фон Веделю (v. Wedel, Deutsche Ritterschaft).

** Оттон Фрейзингенский, Деяния Фридриха II, гл. XVIII «Но тот сказал, что он простолюдин и желает пребыть в том же звании, так как доволен своим положением». В «Лигурине», II, 580, эта история передается следующим образом: «Конюх правда был из простого народа, без громкого имени и за малую плату служил в лагерях». Фридрих хочет ему предоставить (ст. 610) «титулы и звания рыцаря и ретивых коней и блистательный почет».

*** По Гильермо (Essai sur l'origine de la noblesse française стр.372). Как прототип этой формулы Гильермо цитирует послание папы Захарии от 747 г. к мажордому (правители двора при франкских королях из рода Меровингов — в VI—VIII вв.; при последних ничтожных Меровингах в руках ставших уже наследственными мажордомов была вся власть в государстве, а Пипин занял престол и официально) и впоследствии королю Пипину, которое гласит: «Миряне и воины призваны защищать страну, духовенство — давать советы и молиться». О народе, народных массах папа вовсе не упоминает. По источникам той эпохи, это невоинственная, безоружная чернь (imbelle, inerme vugus), которую воины обязаны защищать так же, как скот от волков.

**** Rüst, Die Erziehung des Ritters in der altfranzösischen Epik. Dissert., Berlin, 1888, не дает ничего нового.

***** «В том же году (1178 г.) король Англии переправился через пролив из Нормандии в Англию и у Вудстона сделал Готфрида, сына своего, герцога Бретани, рыцарем; последний тотчас же по получении рыцарского звания переправился из Англии в Нормандию и на рубеже Франции, предаваясь рыцарским упражнениям, радовался тому, что сравнивается с добрыми рыцарями. И тем более искал он прославления своей доблести, когда узнал, что его братья, т. е. король Генрих и Ричард, герцог в Англии, — весьма знаменитые рыцари и т. д. И была у них и т. д. (см. текст). Hoveden, ed. Stubbs, т. II, стр. 166. Все сентенции по Стеббсу заимствованы у Сенеки.

духом, вступить в состязание. Кто видел свою собственную кровь, чьи зубы скрипели под ударами кулаков противника, тот, кто распростертый на земле всем телом поддерживал противника, поверженный — не терял мужества, тот, кто поднимался более непреклонным, сколько бы раз он ни был повергаем, идет в бой с великой надеждой. Ибо доблесть, будучи подстрекаема, чрезвычайно возрастает; лишь преходящая слава есть удел духа, подверженного страху. Без вины гибнет тот, кто спешит взять на себя непосильное бремя. Награды хорошо выплачиваются в храмах победы». Главной школой рыцарства являлись княжеские дворы*, куда с целью дальнейшего воспитания посылались юноши знатных родов.

Вольфрам фон Эшенбах в «Willenhalm» описывает военные игры на площади перед замком: «Между дворцом и липами можно было видеть, как сыновья благородных ударяют копьями в щиты, то вдвоем, то вчетвером; там — стремительно скачут навстречу друг другу, тут бьются палицами».

В сказании о Вольфдитрихе воспитание рыцаря описывается следующим образом: «Трех княжеских детей обучали разным рыцарским играм: защищаться и фехтовать, стрелять в цель, прыгать на расстояние, хорошо владеть копьем и держаться в седле; все это делало их непобедимыми».

Испанец Петр Альфонси, живший в конце XI в., в своей «Disciplina Clericalis» противопоставил семи свободным искусствам ученых семь рыцарских искусств (probitates): верховую езду, плавание, стрельбу из лука, кулачный бой, соколиную охоту, игру в шахматы и сложение стихов**, причем странным образом пропущен самый важный вид — фехтование, в то время как в другом месте упоминается даже об умении подавать блюда и прислуживать за столом, как о занятии, входящем в круг воспитания молодого рыцаря***.

Кульминационный пункт упражнений составляли турниры перед лицом всего народа, несомненно восходящие к отдаленной старине. Уже Тацит намекает на нечто подобное у тенктеров («забава для детей, предмет соревнования для мужей» — Germ. cap., 32), мы читаем о турнирах при дворе короля остготов Теодориха****; до нас также дошло подробное описание военных игр, сообща устроенных Людовиком Немецким и Карлом Лысым в 842 г. в Страсбурге при торжестве заключения договора между ними*****. Отряды рыцарей атаковали друг друга в конном строю, потрясали копьями, но ударов не наносили, так что никто не был ранен. По мере того, как вооружение становилось более тяжелым, делали новые шаги в сторону настоящего сражения, и действительно кололи и наносили удары тупым оружием. Более старая форма рыцарского состязания называлась «бугурд» (buhurt), новая, впервые зародившаяся во Франции — тьост, или поединок на копьях, а столкновение целых отрядов рыцарей — турниром.

Эти военные игры и связанный с ними придворный быт зародились во Франции и оттуда распространились по другим странам, в том числе и Германии. В средние века приписывают изображение турниров французскому рыцарю Готфриду де Прельи (de Preully), убитому в 1066 г. Чаще всего старались тупыми копьями выбить друг друга из седла, что представляло крайне опасную забаву, приводившую не только к тяжелым увечьям, но нередко и к смерти. Поэтому церковь выступала все с новыми постановлениями против них, и в торжественных синодальных указах турниры были запрещены под угрозой отлучения; первый из этих указов издан был Реймсским собором в 1131 г.****** Рыцарство, однако, не поступилось своим спортом, в котором сильнее всего проявлялся его классовый дух и в котором оно

* Ср. ниже в главе «Теория» (ч. 4) Рабан Мавр (Rabanus Maurus).

** Цитаты по v. Wedel, Deutschlands Ritterschaft, и Alwin Schulz, Das höfische Leben, I, 170.

*** Ссылки у Guilhiermoz, Essai sur l'origine de noblesse, стр. 433, прим. 60.

**** Roth v. Schreckenstein, Ritterwürde und Ritterstand, стр. 167 по Эннодию.

***** Rithard, III,6.

****** Alwin Schulz, Das höfische Leben, II, 108.

наиболее явно отличалось от простого народа. Здесь должен был выказать себя истинный рыцарь, не только искусно владеющий оружием, но и не страшащийся опасности даже ради потехи. Со временем условия и формы турниров стали еще более жестокими. Брали не только тупые, но и острые копья с дисками на конце, чтобы острие не вонзилось слишком глубоко, или же полагались на то, что слабое копье скорее сломится, чем пробьет крепкий щит и латы противника. Но затем стали пользоваться копьями с прочными древками, и иногда случалось также, что на турнирах настоящие враги вызывали друг друга на смертный бой.

При столкновениях целых отрядов, а порой и в единоборстве, старались с наскока опрокинуть противника, что, конечно, в лучшем случае не обходилось без серьезных ушибов.

Разбег был всегда очень коротким, и даже общую атаку отнюдь нельзя сравнить с современной атакой сомкнутого эскадрона. Для этого необходимы были бы другие предпосылки, в частности длительная совместная подготовка, а не только кратковременные встречи. Следовательно — это только усложненный поединок*.

Горожане также любили турниры и упражнялись в них. Император Фридрих II однажды запретил жителям Любека устраивать турниры**, из-за случающихся во время их беспорядков (а также — насилий над женщинами и девушками), но магдебуржцы — согласно Шеффенской хронике от 1270 г. — пригласили на турнир всех купцов, которые «желали бы быть посвященными в рыцарство». В 1368 г. граждане Констанца отправились на турнир в Цюрих***. Только в XV в. городская аристократия была вытеснена из турниров — вероятно потому, что после победы цехов ее политическое положение существенно изменилось. Она должна была повиноваться городскому совету, в котором было больше цехов, чем родовитых горожан, платить налоги и выполнять сторожевую повинность наравне с остальными гражданами. Много самых знатных родов, утратив свое господство, покинуло города и поселилось в поместьях****.

Особенно слабой стороной средневекового войска была дисциплина; я даже сомневаюсь, уместно ли это слово здесь в смысле строго технического термина.

Традиции дисциплины у рыцарства не было. Корни средневекового войска мы нашли в германских всенародных ополчениях, расселившихся в римских провинциях. Относительно порядка и субординации в этих всенародных ополчениях мы уже сказали, что, хотя настоящей военной дисциплины они не имели, все же общий социально-политический строй создавал нечто аналогичное ей. Таким же образом и в феодальном государстве существует своеобразный порядок: иерархия, субординация, приказание и повиновение — элементы, без которых вообще массы не могут быть приведены в движение, но того, что мы называем дисциплиной,что имели римские легионы и вновь имеют современные армии, — этого не было. В основе дисциплины лежит право командиров налагать взыскания; право это обуздывает своеволие и создает привычку, которая, как таковая, беспрерывно дает свои плоды. Труднейший вопрос дисциплины не столько господство над массами, сколько господство полководца над вождями. Военная история новейшего времени полна конфликтов внутри армий на почве сопротивления генералов верховному командованию. Но по сравнению с современной военной иерархией как слаба была власть средневекового государя над крупными вассалами! Даже самая присяга на верность сеньору не обязывала вассала к безусловному повиновению. До нас дошла формула присяги*****, принесенной итальянскими коммунами и епископами Фридриху Барбароссе при восстановлении им в 1158 г. в Италии королевской

* По вопросу о турнирах существует два тщательных и богатых результатами исследования: F. Niedner, Das deutsche Turnier im 12 u. 13 Jahrh., Berlin, 1881, и Becker, Waffenspiele, Progr. von Düren, 1887.

** 24 июля 1230 Huill Bréh., 202. Документ сохранился с большими пропусками.

*** Констанцская хроника. Mone, Quellensammlung, I, 310.

**** Roth v. Schreckenstein, Ritterstand, стр. 661.

***** Rahewin, III, гл. XIX.

власти: они отнюдь не клянутся выполнять все его приказания, а лишь клянутся выслушать, применить и выполнить каждый приказ, данный императором на основании его прав. Хотя и существует возможность отнять у неповинующегося вассала лен, но это часто ведет к гражданской войне. Вассал от «милости» своего сеньора ждет всяких наград, которых он легко может лишиться из-за непослушания и строптивости, но боязнь утратить награду от своего сеньора и лишиться его благосклонности гораздо менее действенна, чем страх перед наказанием, — тяжелым неизбежным наказанием вплоть до казни на месте, — лежащим в основе института, называемого нами воинской дисциплиной. Рыцарь сознает, что он обязан своему сеньору повиноваться, но дух его воинского звания порождает вместе с тем строптивость, легко вторгающуюся в пределы этого повиновения. В песне о Нибелунгах Фолькер мыслит как настоящий рыцарь, когда он, высмеивая Вольфгардта, ссылающегося на приказ своего сеньора, восклицает: «Тот выказывает слишком большую трусость, кто согласен отказаться от всего, что ему запрещают».

* * *

Один современный исследователь высказал взгляд, что строптивый дух независимости, исключающий возможность образования дисциплинированных тактических единиц, возник только в эпоху упадка рыцарства. «Только когда место всех блестящих добродетелей доброго старого времени заняли жажда наслаждения, грубость, себялюбие, вероломство, коварство и неверность всех видов, только тогда смог создаться ложный идеал рыцаря, не склоняющегося ни перед чем, даже перед всевышним». Перелистывая страницы книг по истории Германии, можно легко убедиться, что и там представление о «добром старом времени» ошибочно. Пока существовала могущественная монархия Карла Великого, мы, правда, нередко слышали о заговорах, но авторитет власти все же имеет перевес и побеждает. После же распада Каролингской империи, даже при самых влиятельных восстановителях королевской власти, мы все время встречаемся со «строптивым духом независимости, не склоняющимся ни перед чем, даже перед всевышним». Уже при внуках Карла мы вновь и вновь видим, как сын идет на отца, герцог на короля, граф на герцога, как у саксов и баварцев знатные скорее готовы отправиться в изгнание к язычникам, чем покориться. Как тщетны, например, старания Оттона Великого помирить своего старого друга, герцога Эбергарда, с его франками, когда он вынужден был наложить на них наказание за нарушение мира внутри страны. Сага, прославляющая борьбу герцога Эрнеста Швабского против своего отца, не без основания слила воедино его образ и образ его предшественника Лудольфа, некогда также сражавшегося против своего отца, короля Оттона. Пусть не говорят, что все эти явления относятся только к высшим слоям, графам и князьям, и что среди воинов низших рангов мог царить иной дух. Но существует не допускающий исключений закон; дисциплина начинается с верхов и сверху распространяется до низов. Если полковники и генералы мятежники, то таковы и их войска; среди рыцарства не могло создаться иного отношения к военному авторитету графов, чем среди последних к авторитету короля. Из времен Барбароссы мы имеем примеры того, что не только князья, но даже простые рыцари пренебрегали приказами императора*, а история первого крестового похода показывает нам на каждом шагу, с каким неимоверным трудом, от случая к случаю, удавалось устанавливать самый примитивный порядок и необходимое руководство.

«Никакая власть не страшна тем, кто избегает преступлений, наказуемых королями» — поет французский епископ Адальберон о «nobiles», являющихся

* Otto Morena, стр. 622. В 1160 г. при Адде, в 1161 под Миланом Богемский герцог и Тюрингский ландграф отказывают в повиновении императору и предоставляют ему идти в бой одному.

«bellatores»* — строки эти можно перевести словами Шиллера: «Только солдат — свободный человек». Правда, выше мы установили, что министериалы, составляющие остов феодального войска, по социальному своему положению были несвободными. Свидетельствует ли это о наличии различных элементов внутри рыцарства или о различии между французскими и немецкими рыцарями? Ни в коем случае. Ибо такова сложность человеческого бытия, что содержание и форма могут в своем развитии дойти до полного взаимного противоречия.

Больше всего дисциплины было, во всяком случае, в рыцарских орденах, где господствовала строгая система наказания и где точным предписанием регулировались как служба, так и личная жизнь рыцаря. Рыцарю-храмовнику, например, — в целях сохранения коней — без особого разрешения начальства запрещалось ехать галопом (гл. 315); мешок, в который рыцарь укладывал свою кольчугу, когда он не надевал ее, должен был быть не из материи, а из кожи или проволочной сетки; без особого разрешения храмовник не имел права привязывать этот мешок, а обязан был носить его в руках (гл. 322). Наказание заключалось в том, что он лишался права надевать белую мантию ордена и во время общей трапезы должен был сидеть на земле. Устав ордена в качестве наказаний знал заключение в карцер и изгнание из ордена. Один храмовник, ответивший однажды на приказ комтура[145]**: «терпение, я это сделаю» («espoir, je le ferai») за невыполнение приказа на месте был по единогласному решению капитула лишен мантии ордена (гл. 588).

С массой кнехтов, должно быть, основательно расправлялись палками, но и здесь повиновение следует представлять себе скорее как повиновение слуги господину, чем солдата — начальнику.

Император Фридрих I в начале своего царствования, в 1158 г., издал военный устав, который дошел до нас и иногда называется «военным артикулом», не заслуживая, однако, такого наименования. В нем не содержится никаких дисциплинарных предписаний, а видно лишь стремление до известной степени упорядочить взаимоотношения между бойцами. Устав запрещает во время поединков звать себе на помощь товарищей, рекомендует разгонять дерущихся, надев на себя латы, но не мечами, а палками; нашедший бочку вина не должен давать вину вытечь, чтобы оно досталось и другим воинам; точно определяется, кому принадлежит убитая на охоте дичь; устанавливается, что никто не должен иметь при себе женщины; нарушающий это лишается всего снаряжения (omne suum harnasch), а у женщины отрезается нос. Но всегда легко давать предписания дисциплинарного характера, а провести их в жизнь трудно даже самому могущественному императору. Уже в том самом году, в котором торжественно был заключен этот «мир», Фридриху пришлось удалить из лагеря множество проституток***.

Настоящая воинская дисциплина вообще в такой мере является плодом искусства, что без целой системы упражнений ее вовсе нельзя создать. Лучшим средством с давних пор признано строевое обучение, отдающее в руки начальника каждое движение подчиненного. Средневековью же оно было совершенно чуждо. Даже такое, казалось бы, сильное средство, как отречение воина от своей свободы и превращение его не просто в вассала, а в министериала своего сеньора, не давало действительного воинского подчинения — того, что мы называем субординацией.

Военное сословие, сознающее себя у власти и не обуздываемое строгой дисциплиной, совершает насильственные действия и в повседневной жизни при соприкосновении с горожанами и крестьянами, и по отношению друг к другу. Это

* См. Guilhiermoz, стр. 358.

** В статуте храмовников рыцарям категорически запрещается бить слуг, служивших им из благочестия (гл. 61). Раба (esclaf), заслужившего наказание, можно бить ремнем от стремян, но нельзя увечить или надевать на него железный ошейник без разрешения свыше (гл. 336).

*** По Rahewin, кн. III, Ср. Flsner, Das Heergesvetz Friedrich I vom Jahre 1158. Progr. d. Matthias-Gymnas. z. Breslau, 1882.

военное сословие вышло из среды варваров, которые когда-то, в эпоху Великого переселения народов, с издевательским смехом обратили в развалины и растоптали античный культурный мир. В эпоху феодализма, в результате междоусобиц и расправ, сохранялась привычка к крови и разрушению, связанным с войной. В праве министериалов, изданном в начале XI в. Бурхардом, епископом Вормсским, сообщается, что за один только год своими же товарищами без вины было убито 35 жителей епископства. Самочинная расправа за оскорбление была обычаем и твердо установленным правилом*. Владельцы более крупных ленов, сумевшие выстроить для себя собственный укрепленный замок, где они могли оказать сопротивление и своему графу или сеньору, постепенно начали притеснять окрестных крестьян, а проезжих купцов облагали данью или же совершенно обирали их**.

Социальная эволюция в сторону более утонченных форм жизни принесла облегчение в том смысле, что сословие, пройдя известного рода школу самовоспитания, способствовало упорядочению хозяйственной жизни и расцвету новой культурной жизни. В кругу рыцарей Фридриха Барбароссы, Генриха Льва и их сыновей исполнялась песнь о Нибелунгах; вполне своеобразная отрасль мировой литературы — песни трубадуров[146] и миннезингеров — является плодом духовного творчества этого военного сословия. «Если война, — говорит Ранке,развязывает страсти и зверские инстинкты, то рыцарство призвано спасти истинного человека: обуздать склонность к насилию и влиянием женщин облагораживать силу, направив ее на служение божественному началу». Однако, довольно часто сила облагораживающего влияния сословного воспитания рыцаря оказывалась недостаточной, и праздно странствующий воитель снова превращался в разбойника. Такова природа человека: одно и то же сословие создало идеальные образы Зигфрида и Парсифаля и дало нам Вальтера фон дер Фогельвейде и рыцарей-грабителей. Это противопоставление отражается также в традиции и у историков. То жалуются на жестокость и подавление свободы при феодальном строе и проклинают его, то рыцарство романтически прославляется; случается даже, что, пренебрегая всякой исторической концепцией, объединяют обе характеристики. Английский историк Денисон включил в свою «Историю конницы»*** следующее изображение рыцарства, взятое им из одного старинного труда (стр. 126): «К середине X в. несколько бедных дворян, встревоженных превышением власти со стороны бесчисленных суверенов и объединенных сознанием необходимости защиты народа, близко приняли к сердцу его страдания и слезы. Призывая в свидетели бога и св. Георгия, они дали клятву посвятить себя защите притесняемых и свои мечи предоставить охране слабых. Непритязательные в одежде, строгие в нравах, скромные при успехе, стойкие при неудаче, они скоро завоевали себе большую славу. Благородный народ в сердечной и благочестивой радости своей украсил описание их подвигов чудесными рассказами, вознес мужество их и в своих молитвах соединил великодушных освободителей с небесными силами. Так в несчастии свойственно обоготворять приносящих утешение».

Мы убедились в бессилии феодального государства в борьбе с врагами — варварами, викингами, сарацинами и мадьярами, когда последние появлялись в более или менее значительном числе; это бессилие станет нам еще более понятным, если к тому же учесть, как слабо королевская власть могла проявлять свой авторитет и проводить в жизнь свои распоряжения даже внутри государства, т. е. прежде всего подавлять разбой и междоусобицу. В феодальной Германии

* Hälschner, Pr. Strafrecht, III,212.

** Contin. Reginonis под 920 г.: «ибо многие в те времена, даже знатные, занимались грабежами». Другие свидетельства у Baldamus, D. Heerwesen unt. d, spät. Karolingern, стр. 18 и след.

*** См. мою рецензию на этот труд в «Zeitschr. f. Preuss. Gesch. und Landeskunde», т. XVII, стр. 702.

королевская власть достигла своего апогея при Генрихе III, сыне могущественного Конрада и правнуке дочери Оттона Великого Лиутгарды. Живший при нем Люттихский каноник Ансельм в жизнеописании своего епископа Вацо (1041—1048 гг.) в особой главе рассказывает о его выступлениях против рыцарей-грабителей в его епархии. Рассказ этот так наглядно изображает неспокойное положение в стране, даже при самых могущественных монархах той эпохи, так вскрывает природу вызванных этими условиями внутренних войн и трудность создания твердой власти, — ибо как рыцарь противостоит князю, так этот последний — королю, — что я считаю уместным привести здесь рассказ Ансельма* дословно. Оно гласит:

«Благочестие, сострадание к беспомощным и горе бедных побудили епископа отказаться от своей кроткой и созерцательной жизни и прийти им на помощь в убеждении, что нет более праведного и годного богу дела, чем обуздание дикой ярости разбойников, угнетающих невинных. Большая часть их выстроила на болотах или на скалах укрепленные убежища и, чувствуя себя там в безопасности, грабила окрестных жителей, обращая их в невыносимое рабство, наводила кругом себя ужас и опустошала страну. Епископ, считая себя орудием в руке господней, решил сравнять с землей эти замки, от которых издавна, а особенно в ту пору, исходило столько зла, и освободить изнемогающую страну от разбойничьих набегов. Преисполненный духа, некогда заставившего Самуила принести в жертву амалекитянина Агага, а Илью — жрецов Ваала, наш герой с помощью лишь немногих рыцарей приступает к осаде то одного, то другого замка. Разбойники, полагаясь на свои крепкие стены и непроходимые болота, сначала не хотели верить в опасность, надругались над нашими, называя их безумцами, надеющимися овладеть убежищами, укрепленными самой природой. Но наши, воодушевляемые своим замечательным вождем, соревновались друг с другом в усердной работе над заграждениями и фашинами, и пробивали себе дорогу. Ревностью и напряжением они побеждают природу, превращают болота, где до тех пор водились только рыба и лягушки, в твердую почву и строят орудия, долженствующие принести гибель разбойникам. Затем они днем и ночью, сменяя друг друга, мечут камни в крепость, а епископ присутствует при этом и подкрепляет их песнопением и молитвой. Вскоре разбойники, так как к ним не могло проникнуть подкрепление, сдаются при условии оставления им жизни, а замок разрушается до основания. Так падает одно укрепление за другим. Я хочу еще упомянуть о том, что во время осады с 1000 воинов — иногда и с большим числом, редко с меньшим — епископ, по обычаям древних римлян, платил рыцарям (armatis) плату (cottidianos sumptus praebebat), рядовым воинам (gregario militi) разрешал резать скот, ненужный для земледельческих работ, а владельцам полностью возмещал их потерю, дабы и при таких тяжелых обстоятельствах не было места несправедливости».

Таков рассказ Ансельма**.

Во Франции, где даже не существовало сильной королевской власти, пыталась вмешаться церковь, провозгласившая Treuga Dei (божие перемирие), по которому, по крайней мере в отмеченные священной историей дни — от вечера четверга до утра понедельника — должны прекращаться все частные войны и в стране должен быть мир. Затем институт Treuga Dei распространился на Бургундию и некоторые части

* M. G., SS, стр. 222.

** Из этого рассказа видно также, как текуче и неопределенно было еще тогда значение слова miles. В первом месте, где сказано, что епископ довольствовался немногими militibus, очевидно подразумеваются «рыцари», потом, когда автор приводит различие между рыцарями и ополчением, выполняющим осадные работы, он первых называет armati, т. е. тяжеловооруженными, а вторых — milites gregarii. Невозможно предположить, что все они — часто их насчитывалось свыше 1000 человек — были профессиональными воинами; по-видимому, епископ пополнил свою дружину ополчением, набранным из наиболее подходящих для этого дела и наиболее послушных крестьян и крестьянских сыновей. Король бургундов Гундобад и король готов Тотила поступили точно таким же образом (т. II, стр. 419).

Германии. Впоследствии мирную жизнь пытались обеспечить тем, что время от времени провозглашали всеобщий внутренний мир на известный срок, или, по крайней мере, тем, что предписывали, чтобы каждый начинающий войну с соседом объявлял об этом за 3 дня (Фридрих Барбаросса, приблизительно в 1186 г.). В действительности к «вечному внутреннему миру» приблизились только при императоре Максимилиане (1495 г.), когда вообще с рыцарством, феодализмом и средневековьем было покончено.

ОБРЯДЫ ПОСВЯЩЕНИЯ
ОПОЯСЫВАНИЕ МЕЧОМ И РЫЦАРСКИЙ УДАР

Наши сведения о различии и смысле этих двух актов не так давно значительно обогатились благодаря Гильермо (Essai sur l'origine de la noblesse en France, 1902 г., стр. 393 и след.), но некоторые существенные пункты этого вопроса остались для меня все же сомнительными. Вручение оружия у древних германцев несомненно производилось в очень раннем возрасте — в 14, а возможно даже в 12 лет. Гильермо приурочивает его к 20-летнему возрасту, но доказательства его неубедительны. Зато совершенно правильно его указание на то, что в средние века существовал ряд последовательных ступеней, связанных с церемониалом capillaturia (обрезание волос) и barbatoria (остригание бороды). Обряд рыцарского удара нельзя, видимо, ставить в связь с древним вручением оружия, так как совершение его предполагает возмужалого, физически крепкого человека; скорее должно допустить, что им был заменен обряд, производившийся в более зрелом возрасте barbatoria и, в то время как рыцарский пояс (cingulum militare) первоначально и до самого XI в. вручался одновременно с оружием, обряд barbatoria в XII в., может быть, был отодвинут ко второму акту и связан был с рыцарским ударом. До тех пор пока cingulum militare связан был с вручением оружия, он естественно еще не мог иметь значения приема в сословие, но получил его в связи со вторым актом, когда надевалось полное рыцарское вооружение, которым владели только состоятельные и которые, как правило, носили только принадлежащие к рыцарскому сословию. Вследствие этого действительно важным стали считать именно этот акт. Совершали его с большой торжественностью, между тем как обряд вручения оружия, опоясывание мечом, которому прежде придавалось наибольшее значение, теперь отступил на задний план. В этом сказывается совместное влияние как социальных факторов, так и технической стороны дела, тяжелого вооружения и сильного коня.

Шредер (Schröder, Deutsche Rechtsgesch., § 42, стр. 430) считает, что только в XIII в. впервые стало проявляться различие между рыцарями и оруженосцами; но он вообще за этим актом не признает существенного значения. Он полагает, что наряду с рыцарским ударом надолго укрепился обычай опоясывания мечом с одновременным вручением рыцарского пояса. «Если не считать редких исключений, — говорит он, — то опоясывание мечом всегда носило массовый характер, обычно по поводу больших придворных празднеств, при которых турнир давал юным рыцарям возможность тотчас же испытать силы на новом поприще». Но если верно, что молодые рыцари тотчас же после торжества должны были на турнире показать свою доблесть, то нельзя отождествлять опоясывание мечом с древним вручением оружия. В самом деле, тяжелое турнирное вооружение XII и XIII вв. требовало возмужалости и длительного упражнения. Можно было бы предположить, что наряду с настоящими турнирами устраивалось еще нечто вроде юношеских военных игр. Но это предположение опять-таки отвергается тем, что торжественное вручение оружия Генриху VI (в 1184 г. в Майнце) состоялось, когда ему было 19 или 20 лет; сообщается также, что сын Генриха Льва и сын герцога Леопольда Австрийского участвовали в войнах, не будучи еще посвященными в рыцари.*

Поэтому я заключаю, что Майнцское торжество в 1184 г. нужно рассматривать не как обряд опоясывания мечом в древнем его смысле, а как посвящение рыцарским ударом, причем я оставляю открытым вопрос о том, существовали ли вообще и в продолжение какого периода два торжественных обряда: один при принятии звания оруженосца (Knappenstand) — прежнее вручение оружия, и второй рыцарский удар, который нередко откладывался на довольно поздний срок.

Рот фон Шрекенштейн (стр. 215 и 224) в вопросе о рыцарском ударе и вручении оружия противоречит сам себе.

* Baltzer, стр. 7.

Вопрос этот разбирался В. Эрбеном (W. Erben, Schwertleite und Ritterschlag, i. d. «Zeitschr. f. hist. Waffenkunde»,1919).

СЕВЕРНЫЕ ГЕРМАНЦЫ

В северогерманских странах — Дании, Норвегии и Швеции — военная организация имеет, естественно, свою собственную историю. Дальман подробно излагает ее в своей истории Дании (Dahlmann, Geschichte von Dänemark, т. II, стр. 308 и след., и т.III, стр. 50). Сюда же относится берлинская диссертация Бюхнера (Büchner. Die Geschichte der norwegischen Leiländiger, 1903). Данные, приведенные в этих трудах, я не проверял.

ГЛАВА II

РЫЦАРСТВО С ВОЕННОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В первой и второй частях этого тома, по ходу наших исследований, мы рассматривали военное дело в эпоху раннего средневековья преимущественно с точки зрения истории государственного устройства и наряду с этим стремились дать о нем наглядное понятие в описании целого ряда походов и сражений.

Затем в предыдущей первой главе третьей книги мы занялись разбором своеобразной сословной дифференциации внутри рыцарства и вместе с тем перешли к периоду, когда военное дело и военные операции становятся значительно сложнее, но разница между обоими периодами все же так велика, что мы имели возможность найти здесь основу деления и расчленить средневековье по эпохам. В связи с этим уместно будет также исследование общего характера с целью принципиального выяснения тактики и стратегии рыцарства. В предыдущей главе задача эта не только намечена, но в основном уже разрешена, поскольку именно на тактике построено рыцарство как сословие. Теперь нам следует, подойдя к той же задаче с противоположной точки зрения — точки зрения момента, когда сословие уже образовалось, — охватить ее во всей широте и в отдельных частностях. Это труднее, чем в предыдущих аналогичных частях этого труда, где у нас была возможность с легкостью отделить друг от друга, резко ограничить и с уверенностью охарактеризовать известные отрезки времени и стадии развития. Средние века не дают возможности такого точного разграничения периодов.

Намеченный нами рубеж пролегает в общем в XII в., но признаки, характерные для эпох по ту и по сю сторону его, встречаются, наоборот, и позже и раньше; эволюция идет беспрерывно, так что хотя столетия отличаются друг от друга, но не настолько, чтобы между ними можно было провести определенную грань. Основные черты остаются неизмененными на всем протяжении средневековья в самом широком смысле этого слова, от Великого переселения народов до конца XV в.; последнее настоящее рыцарское сражение, подробное описание которого дошло до нас, — сражение при Монлери между Карлом Смелым и Людовиком XI в 1465 г. — вполне мыслимо и между Генрихом IV и его соперниками или уже между Хлодвигами и Теодорихами. Одно время я раздумывал, не оставить ли в стороне всякую хронологию и не поместить ли дошедший до нас чрезвычайно живой и рельефный рассказ об этом сражении, составленный участником его, Комином, непосредственно после описания сражений при Генрихе IV, с целью показать, сколь велико сходство в такого рода делах было между XI и XV вв. В конце концов я не сделал этого, так как в деталях все же имеются различия,

которые выяснятся лишь в ходе нашего дальнейшего изложения, но я рекомендовал бы читателям в связи с этим прочесть сейчас главу о сражении при Монлери, чтобы вполне убедиться в сходстве и получить более наглядную картину событий раннего средневековья, дошедших до нас в менее реалистичном и живом изображении.

Наряду с однородностью основных черт военного дела на протяжении всего средневековья мы, конечно, встречаемся и с различными отклонениями, вариациями и частными формациями, изменяющими картину настолько, что в многообразии явлений общность почти исчезает. Тем не менее мы должны стараться уловить ее. Таким образом, мы подходим к задаче исследования военного дела XII и XIII вв., но при этом мы должны помнить, что очень многое таким же было и раньше, или, с другой стороны, таким же осталось до XV в., несмотря на переход к наемничеству и эволюцию оружия.

Где здесь находятся границы, выясняется, поскольку это вообще можно сказать, в каждом отдельном случае из описаний и разборов отдельных сражений, походов и теоретических соображений в главах до и после этой. При этом в ряде пунктов приходится учитывать особые условия крестовых походов и их отражение на Западе.

Воины Карла Великого и Оттона Великого были, как мы уже говорили, почти исключительно конными, с хорошим, но не слишком тяжелым предохранительным вооружением, причем в случае необходимости они сражались и в пешем строю; пехота, как таковая, и стрелки почти не встречаются. Так как в этих войсках с XI в. начинается более резкая дифференциация отдельных родов войск, то возникает вопрос, каким способом и в какой форме осуществлялось взаимодействие различных родов войск в сражении. Возможны две основные формы: объединение каждого рода войск в крупные тактические единицы, т. е. наличие самостоятельных отрядов тяжелых всадников, легких всадников и пеших лучников, пеших воинов с холодным оружием; или же группирование вспомогательных родов войск вокруг главного — рыцарей.

Встречаются обе формы, но первой пользовались только в случае необходимости; преобладающей же, как правило, являлась вторая — придача вспомогательных родов войск рыцарям. Это вытекает как из описания сражений, так и из самой природы этих родов войск. Ни один из остальных трех родов не мог сравняться с рыцарями, и каждому из них грозила бы неизбежная гибель в случае столкновения с рыцарями при равных и нормальных условиях.

Всадник на небронированной лошади, в легком предохранительном вооружении (или почти без него), не мог рискнуть столкнуться с всадником, с ног до головы покрытым непроницаемыми доспехами, верхом на лошади, покрытой тяжелой броней.

Арбалетчик или лучник может рассчитывать попасть в незащищенное или слабо защищенное место вооружения скачущего на него рыцаря (особенно его коня) и вывести его из строя. Однако, шансы на успех здесь довольно незначительны, возможностью же пустить в атакующего рыцаря несколько стрел или дротиков пользуются редко; стрелок не выжидает приближения всадника, что для него равносильно верной смерти, а пытается спастись, пока некоторое расстояние между ним и всадником оставляет ему надежду на спасение. Поэтому самостоятельный корпус пеших стрелков без естественного прикрытия не может быть в открытом поле противопоставлен отряду рыцарей. Особые влияния, созданные в этой области, представляют англо-французские войны в позднейший период средневековья, которые будут рассмотрены в отдельной главе.

Конных лучников создал не Запад. О них впервые узнали от венгров, а затем в особенности в крестовых походах. В дальнейшем мы вернемся еще к рассмотрению положительных и отрицательных сторон этого рода войск, а здесь заметим

только, что в общем они не могли равняться с рыцарями, вооруженными копьем и мечом.

Больше всего шансов устоять против рыцаря имел пеший кнехт с холодным оружием, если он достаточно хладнокровен и ловок, чтобы уклониться от наскока противника и затем сбоку нанести удар ему или его коню. Но это верно только относительно поединка. Большие отряды пеших могли сомкнуться и с копьями наперевес преградить дорогу рыцарям; если же их ряды сомкнулись недостаточно тесно или где-либо образовалась брешь, через которую врываются рыцари, то пешие кнехты погибли. Если же отряд действительно выдерживает атаку рыцарей, то спрашивается, могут ли эти стрелки продвинуться вперед? Римские когорты в этом случае прибегли бы к наступательным действиям — единственному средству спасения. Но средневековые пешие кнехты на это неспособны, подобные примеры сообщаются лишь как особое исключение, ибо это требует сплоченности и тренировки в сомкнутых движениях, и то и другое отсутствовало. Там, где в описании средневековых сражений восхваляется стойкость пеших кнехтов, она, как правило, не простирается дальше отражения рыцарской атаки. На протяжении всего средневековья, до гусситов и швейцарцев, я мог установить только один или два достоверных примера самостоятельной атаки не рыцарской пехоты против рыцарей: сражение при Куртрэ в 1302 г., когда фландрские города одержали победу над французами, и, может быть, еще сражение при Баннокбурне в 1314 г., когда шотландцы победили Эдуарда II Английского. Вообще же функции сплоченной массы пехоты как в стрелковом и смешанном бою, так и в пассивной обороне ограничиваются рамками вспомогательного рода войск.

Это является отличительной, имеющей решающее значение чертой эпохи; это мы неоднократно отмечали и вновь считаем необходимым подчеркнуть. В Риме конный боец не считался равноценным* легионеру в бою; в средневековье же говорили, что «100 конных стоят 1000 пеших воинов»**.

Пехота средних веков наравне с легкими всадниками или со стрелками имеет значение лишь вспомогательного рода войск.

В нормальных условиях рациональнее всего было использовать вспомогательные войска таким образом, чтобы они по возможности поддерживали действия главного войска, от которого зависит исход сражения. До известной степени это можно выполнить с флангов, но наиболее действительной эта поддержка была в виде знакомого нам уже из древности смешанного боя, который со времени возникновения различных родов войск стал обычной, нормальной формой средневекового боя.

Прежде чем перейти к ближайшему рассмотрению смешанного боя с его разнообразными возможностями, остановимся на взаимной связи его тактики и организации, другими словами — напомним читателю о происхождении и социальном характере вспомогательных родов войск.

Они имеют социальные корни троякого рода: во-первых — это те слои старого военного сословия, которые не поднялись до настоящего рыцарства и развивались в ином направлении; во вторых — пробудившиеся к самостоятельности горожане составляют новые элементы военного сословия, участвующие в боях в качестве копейщиков и стрелков; в-третьих — они создаются из свиты рыцаря — из пажей, оруженосцев, конюхов, которые вплоть до XII в. еще не являлись бойцами

* «Bell. Hispan.», гл. XV.

** Так, перед сражением при Куртрэ (1302) граф д'Артуа восклицает («Spiegel historial», IV, гл. XXV):

Dit sprac Artoys met ouermode:
Ic belge mi, dat gi dit doet;
Wi syn t'ors, ende si te voet.
Hondert orsse ende M. man
Dat's al eens.

(комбаттантами). И до этого времени они были не совсем безоружны и при случае находили себе применение для второстепенных военных надобностей, как и греческие ψιλοί(легковооруженные) и древнеримские легковооруженные, но в качестве настоящих бойцов они в счет не шли и в сражениях не участвовали. Вместе с дифференциацией внутри рыцарства это положение изменилось. Тяжеловооруженный рыцарь был, правда, могучим бойцом, но, вместе с тем, настолько односторонним, что для него в сражении было весьма кстати дополнение в виде легковооруженного. Наряду с представителями особых родов войск, в качестве такого дополнения к рыцарю, могли выступать слуги из его свиты — и прежде всего оруженосцы. А из того, что как раз слово «оруженосец» scutarius (откуда escuyer и esquire) мы встречаем в применении к воинам низшего ранга, можно заключить, что этот род войск развился из обоих элементов — из первоначальных не-комбаттантов, в составе свиты рыцаря, и из не поднявшихся до рыцарства слоев старовоенного сословия: первые становились комбаттантами, вторые оставались тем, чем были, или даже скорее всего регрессировали, так как на снаряжение их употреблялись только остатки. Контраст между этими двумя элементами покажется менее резким, если мы уясним себе, что рыцарь искони выступал не сам по себе, а в свите сеньора, как член более крупной группы.

От сеньора зависело сгруппировать рядовых воинов подле себя или придать их отдельным рыцарям в качестве оруженосцев и боевой свиты.

Уже в древности мы часто встречаемся с упоминанием о смешанном бое конницы и пехоты. Бэотийцы придерживались такого способа боя, а Цезарь перед сражением при Фарсале специально сформировал отдельный смешанный отряд*. Вегеций (III, 16) утверждает, что самая лучшая конница не может сравняться с таким смешанным отрядом. В «Записках о Галльской войне» (I, 48) Цезарь описывает древнегерманский смешанный бой следующим образом: «Было 6000 всадников, — повествует он о войске Ариовиста, — и столько же было весьма ловких и храбрых пеших, так как каждый всадник из всего войска выбрал для своей защиты одного пешего. С ними сообща они сражались. К ним отступали всадники, а они спешили к всадникам на помощь, если последних теснили. Если кто-нибудь, тяжело раненый, падал с коня, они обступали и охраняли его. Требовалось ли продвинуться вперед на далекое расстояние или спешно отступить, они благодаря своей сноровке развивали такую быстроту, что могли, держась за гриву, бежать наравне с лошадьми».

В средние века бой не мог происходить точно таким же образом: рыцари были слишком тяжелы и неповоротливы, пешие же кнехты очень слабо подготовлены; между ними и рыцарями отношения были не товарищеские, а как между подчиненными или совершенно чужими. Тем не менее их совместные действия аналогичны в том и другом случае.

Классическое место относительно природы и смысла рыцарского смешанного боя находится в речи, которую Саба Маласпина вкладывает в уста Карла Анжуйского перед сражением при Беневенте (1266 г.). Король советует своим воинам целиться больше в лошадей, чем в людей; с упавшим с лошади рыцарем, неподвижным в своем тяжелом вооружении, легко справиться и пешему. Поэтому каждый отдельный рыцарь должен выступить в сопровождении одного или двух пеших, — если у него нет своих, то с наемниками, — ибо последние, не обладая военным опытом, хорошо умеют закалывать как лошадей, так и упавших с лошади рыцарей**.

* Thucyd, V, 57,2; Xenophon, Hellenika VII,5,23, Harpokration, s. v.; может быть и Polyb., XI,21. К этому относится и спешивание во время сражения. Ср. ниже прим. и т. I.

** «Лучше наносить удары коням, чем людям, и колоть острым концом меча, а не лезвием, так, чтобы, когда неприятельские кони будут падать под вашими ударами, быстрая рука наших пехотинцев с легкостью ранила и умерщвляла всадников, поверженных на землю и медлительных из-за тяжести

Первый пример подобного участия пеших в конном бою сообщает нам историк крестовых походов Вильгельм Тирский в описании сражения при Мерджи-Сефер в 1126 г. Позже с такими фактами мы сталкиваемся часто, например в описании сражения при Арзуфе (1191), Бувине (1214), Кортенуове (1237), где оруженосцы (armigeri militum) берут в плен и связывают упавших рыцарей.

Стрелки бежали впереди рыцарей, или держались в стороне от них и в качестве застрельщиков стремились до начала настоящего столкновения причинить неприятелю как можно больше вреда. Случай взаимной поддержки находим один раз в описании прусской войны (1264)*. Генри Монте, вождь Натангов, борется с рыцарями под Кенигсбергом. Он копьем своим ранит рыцаря Генриха Уленбуша, который как раз в этот момент натягивает тетиву арбалета (balistam); один кнехт (famulus) Уленбуша небольшим копьем (cum modica lancea) ранит Монте, чем заставляет его отступить. Между прочим, этот случай не характерен, поскольку и сам рыцарь действовал в качестве стрелка. Принципиальную же оценку значения и совместного действия различных родов войск мы находим у английского хроникера Гиральда Кембрийского (Giraldus Cambrensis) в его рассказе о завоевании Ирландии Генрихом II (1188 г.)**.

Галльское военное искусство (под галльским он подразумевает также перенесенное в Англию норманнское), преобладавшее, по его словам, в его стране, очень отличалось от ирландского и валлийского. Ибо там предпочитают равнины, здесь — пересеченную местность; там — поле, здесь — лес; там надевают латы, здесь избегают лишней тяжести; там побеждают стойкостью, здесь — проворством. На

оружия. Проявление доблести вашей при первой же стычке может быть облегчено и иначе. Каждый рыцарь пусть имеет при себе пехотинца, а кто двух, если может, даже если не будет в состоянии иметь других, кроме рибальдов (наемников). Ибо военный опыт доказывает, что они непобедимы и чрезвычайно полезны как для умерщвления вражеских коней, так и для истребления тех, которые сброшены с коней», Muratori, SS, VIII, 823.

* «Дуисбургский капитулярий», 104 (99).

** Expugnatio Hibernica, Opera V (Rer. Brit. Med. aev. SS), стр. 395. Выше я уже цитировал одну фразу из этого сочинения.

«Я знаю, что хотя в той земле выдающиеся воины и весьма опытны в военном деле, однако галльское рыцарство значительно отличается как от ирландского, так и от валлийского. Ибо там ищут ровной, здесь же — пересеченной местности, там — полей, здесь — лесов, там тяжелое оружие считается почестью, здесь бременем, там побеждают устойчивостью, здесь — подвижностью, там рыцарей берут в плен, здесь — обезглавливают, там их выдают за выкуп, здесь — рубят.

В самом деле, если войска сходятся на равнине, то тяжелое и сложное вооружение — как деревянное, так и железное — отлично защищает и украшает рыцарей; напротив, когда сражаются на узком пространстве, в лесистой или болотистой местности, где пехотинцы передвигаются лучше, чем всадники, следует предпочесть легкое вооружение. Ибо против бездоспешных мужей, которые в первой почти стычке либо побеждают, либо терпят поражение, вполне достаточно легкого оружия; когда же отряд быстро отступает по сжатой теснинами или пересеченной местности перед отрядом в тяжелых доспехах, последний проявляет только незначительную подвижность. Разумеется, при сложном вооружении, при седлах, высоких и с загибами назад, трудно слезать с коней и труднее садиться на них, а всего труднее идти пешком, когда это понадобится.

Итак, для всякого похода ирландцы и валлийцы, возросшие в округе Уэльса, — народ, испытанный в тамошних враждебных столкновениях, — весьма пригодны; обычаи их сложились в постоянном общении с другими племенами; они смелы и подвижны, склонны к риску, по велению Марса то ловкие и обращении с конями, то проворные в пешем строю; неразборчивые в пище и питье, готовые обходиться в случае надобности как без Цереры, так и без Вакха. При таких начато завоевание Ирландии, при таких будет оно доведено до конца.

Все, как и подобает, остаются на определенных жребием местах.

Против тяжеловооруженных, полагающихся только на собственную силу и силу своего оружия, стремящихся сразиться на равнине и добивающихся победы силой, свидетельствуем мы, несомненно необходимы воины сильные и в доспехах.

Против легковооруженных и проворных, на неровной местности, следует применять воинов с легким вооружением, имеющих опыт преимущественно в такого рода стычках. И вот еще о чем следует заботиться в битвах с ирландцами, — чтобы всегда стрелки были там и здесь примешаны к рыцарским эскадронам. Нужно это для того, чтобы стрелами воспрепятствовать ущербу от камней, которыми ирландцы в схватке обычно встречают тяжеловооруженных а сами, благодаря проворству, то подбегают, то убегают».

равнине защитой служит полное тяжелое снаряжение — как железное, так и кожаное, — в лесу же или в болотах, где пеший передвигается легче всадника, преимущество имеет легковооруженный, ибо против воина без тяжелых доспехов, который при первом же столкновении либо побеждает, либо обращается в бегство, достаточно и легкого вооружения; тяжелые же латы только мешают преследовать противника по теснинам и пересеченной местности. Трудно в полном вооружении садиться на коня и слезать с него при высоком седле с загибами, еще труднее идти пешком.

«Для всех ирландских и валлийских походов поэтому наиболее пригодны ирландцы и валлийцы, выросшие в тамошних междоусобных распрях. Участвующим в этих войнах рыцарям всегда следует придавать лучников. Ибо когда ирландцы нападают на тяжеловооруженных, бросая в них камнями, то нужно иметь возможность отвечать им стрелами».

Труднее всего по источникам установить, какую форму в сражении принимало взаимодействие тяжелых, одетых в латы, рыцарей с легковооруженными всадниками. В мелких стычках, в которых участвовали только немногие рыцари, это могло не создавать для них неудобства, но чем больше была масса, тем больше вспомогательные роды войск стесняли движение рыцарей и тем менее они приносили им пользы во время боя. Статут храмовников, правда, предписывает (гл. 179), чтобы, когда рыцари идут в бой, одна часть кнехтов отводила назад вьючных лошадей, а другая, построенная конфаноньером ордена, следовала за господами. Другие главы (172, 419) свидетельствуют, однако, о том, что от недостаточно вооруженных для этого кнехтов не требовалось, чтобы они вмешивались в рыцарский бой; каждому члену ордена, одетому в броню, в случае уклонения от боя, в то время пока развевалось знамя, грозит позорное изгнание из ордена; не одетому в броню кнехту, — если совесть говорит ему, что он не в состоянии ни помочь рыцарю, ни устоять сам, — предоставляется, не боясь упрека, уйти от опасности. Пожалуй, чаще всего так и случалось, поэтому статуты Тевтонского ордена вообще не содержат положения, по которому кнехты обязаны следовать в бой за своим господином, но предписывают им собраться под одним знаменем и ожидать возвращения своих господ с поля сражения*. Ничтожная польза от их участия в сражении аннулировалась опасностью возникновения паники, которая в случае их вынужденного бегства могла охватить и рыцарей. Пешие кнехты во всех отношениях могли принести больше пользы и меньше вреда, чем конные. Во многих отношениях они могли оказать помощь своему господину, менее подвергались опасности непосредственного нападения со стороны неприятельских рыцарей, могли уклониться и спастись бегством, не вызывая паники**.

Генерал Келер в некоторых местах своего труда высказывает взгляд, что в XIII в. в свите рыцаря вообще еще не было конных вооруженных слуг, или, если они имелись, то все же они не были комбаттантами. Это слишком сильно сказано. Они, несомненно, там имелись и в большем или меньшем числе находились там искони; они были и комбаттантами, поскольку ими пользовались для второсте-

* Устав, гл. 61; Perlbach, стр. 116.

** Gislebert, Chron. Han., M. G., SS, XXI, 522, описывает сражение между графом Балдуином Геннегаусским и герцогом Бургундским (1172). Балдуин вооружает своих «armigeri et garciones» (оруженосцев и слуг) с тем, чтобы они могли обороняться, как пешие воины. По Дельпешу (Delpech, I, 306), они для этой цели спешиваются. Это отвергается Келером (III, 2, 83). Ничем не доказано, что они были конными, но даже если бы это было и так, то, как мы видели, вероятно, правильно было заставить их драться, именно спешившись. Это место гласит: «Так как граф Геннегаусский на своей стороне имел 5 рыцарей из своей земли, а с противной стороны с Генрихом, герцогом Бургундским, прибыли многие в сопровождении слуг-пехотинцев, то он, сообразив живым и дальновидным умом своим, построил в боевой порядок пехотинцев-оруженосцев своих и простых латников, снабдил их оружием, как будто для защиты от большого войска, мужественно противостоял множеству рыцарей противника и одолел их».

пенных военных целей, — для фуражировок, опустошений и т.п. Поддерживая рыцарей в более мелких стычках, они были даже действительно полноценными комбаттантами. Но регулярное следование за господином в сражение стало входить в обычай только постепенно.

Группировка отдельных вспомогательных родов войск вокруг рыцаря в конечном счете привела в середине XIV в. к образованию понятия «копье» («Gleve» или «Lanze»), которое обозначало рыцаря с его спутниками. Встречались еще, конечно, и одиночные рыцари, которых называли «одноконными», но, как правило, считали по «копьям». Разумеется, это понятие очень неопределенное, на «копье» может приходиться до 10 человек как конных, так и пеших, но то обстоятельство, что сила войск исчисляется по копьям, является новым доказательством решающего значения рыцарей как главного рода войск; насчитывалось ли в отдельном копье на несколько человек больше или меньше второстепенных комбаттантов, — это не представлялось существенным. Рыцарь в составе «копья» не есть непременно рыцарь в самом тесном смысле этого слова, — это дворянин рыцарского рода, посвященный в рыцари, но также и знатный, еще не посвященный, и кнехт в рыцарском вооружении. Число подлинных рыцарей все уменьшалось по мере того, как все строже проводилось социальное разграничение и образование низшего дворянства. Хотя многие потомки тех воинов, которые в XII и XIII вв. отправлялись в поход в качестве «сержантов» и «кнехтов», вступили в дворянство, но, с другой стороны, очень многие, не сохранив своих ленных владений, опускались до уровня общей народной массы. Поэтому появилась необходимость постоянно дополнять число настоящих рыцарей испытанными людьми, отобранными из числа кнехтов, которые могли по своим военным качествам более или менее равняться им. Так как слово «рыцарь», в XII в. не вполне утратившее еще свою неопределенность, теперь достаточно строго применяется к настоящему рыцарю (дворянину), то для обозначения всего конного войска в обиход входит выражение «рыцари и кнехты».

Итак, существование принципа смешанного боя, начиная с 1126 г., подтверждается и источниками, но нет сомнения, что уже задолго до этого он применялся там, где вообще имелись различные роды войск. Этот принцип допускает возможность целого ряда особых предписаний относительно соединения различных родов войск как в зависимости от обстоятельств боя и свойств оружия, так и в зависимости от взглядов и приказов полководцев, а самый ход сражения приводит к различным вариантам этого принципа.

Так, мы встречаемся с предписанием, чтобы стрелки шли впереди конных, чтобы до начала схватки они стремились причинить возможно больший ущерб неприятелю и чтобы в последний момент отходили назад между лошадьми рыцарей, державшихся на большом расстоянии друг от друга. Понятно, что хотя таким вспомогательным средством и пользовались, но ему не придавали решающего значения, ибо стрелки могли принимать в бою участие лишь в продолжение короткого срока и с незначительным успехом, а в то же время они при атаке мешали своей же коннице тем, что иногда образовывали затор, или же недостаточно быстро отступали в интервалы между рыцарями или в обход флангов.

Копейщики шли впереди, вероятно, только в тех случаях, когда предстояло убрать с пути какую-либо преграду, изгородь и т. д. В общем же они следовали за рыцарями и вступали в бой после них. Такой случай, как в сражении при Эльстере (1080 г.), когда часть рыцарей спешилась, чтобы подойти к неприятелю со стороны, недоступной для всадников, должен быть рассмотрен в другой связи и сюда, конечно, не относится. Независимо от таких особых комбинаций значение пеших копейщиков наиболее велико тогда, когда они, сомкнув ряды, обеспечивают рыцарям убежище и прикрытие на случай опасности. Впервые я встретил теоретически обоснованное указание на такую

функцию пехоты уже у Вегеция*, а затем у византийского императора Льва, который в своей «Тактике» (гл. XIV, § 20) советует, если неприятельское войско состоит из всадников, построить эту пехоту в 1-2 милях за конницей, а всадникам приказать, в случае если они будут отброшены, отступить к пехоте не по прямой линии, а собираться за ней, обходя ее по дуге**.

С первым практическим примером этой тактики мы сталкиваемся в поэме о Роберте Гискаре***, и документально засвидетельствованный пример ее применения представляет сражение при Дорилэе (1097 г.) в первом крестовом походе; правда, здесь большинство пехотинцев было, видимо, рыцарями, у которых уже не было коней, но в дальнейшем мы видим, что в крестовых походах этот прием применяется уже систематически. Канцлер князя Роджера Антиохийского Готье, оставивший нам весьма ценные записи, при описании сражения при Хабе (1119 г.) говорит, что пехота построена была за 3 отрядами конных с тем, чтобы служить для последних прикрытием и, в свою очередь, иметь прикрытие в их лице****. К этому приему перешли потому, что в Сирии числовое соотношение между пехотинцами и всадниками было иным, чем на Западе, так как большая часть взятых из дому лошадей погибала в пути, а заменить их другими было нелегко. В Антиохии, — по донесению князей папе, несомненно преувеличенному во всех отношениях, — у рыцарей было всего 100 лошадей. Как велика была потребность в них видно также из того, что в источниках в форме дневников неоднократно отмечается, что захвачено столько-то лошадей, а в статутах рыцарских орденов часто говорится о присланных с родины лошадях, на доставку которых, разумеется, не стали бы тратить большие деньги, если бы в Сирии можно было достать достаточное число подходящих лошадей. Поэтому в крестовых походах пешие копейщики играют более важную роль, чем на Западе, вовсе не в силу какого-либо принципа и не потому, что боеспособность здесь стояла на особенной высоте, а лишь в силу необходимости.

У нас нет свидетельств, которые указали бы на непосредственное обратное влияние этого метода на Запад, и мы не имеем оснований предполагать такое влияние, хотя при ближайших поколениях на военной арене появляется новый элемент, вполне подходящий для такой помощи рыцарям, а именно горожане, — в особенности горожане итальянских коммун. Впрочем у нас есть, в сущности, только один пример, дающий возможность с успехом наблюдать подлежащее выяснению явление, — это битва при Леньяно, к которой мы обратимся в особой главе об итальянских войнах Гогенштауфенов.

---

* То что Вегеций (II, 17 и III, 14) предоставляет пехоте такую пассивно оборонительную роль, в некотором отношении достопримечательно. Это не есть заимствование у классических римских авторов, так как древний легион проявлял свою активность как раз в наступательных действиях, в сплоченной атаке. Вегеций в своем изложении, противоположном этому, исходит, следовательно, из окружающей его действительности, — новое доказательство того, что в его время уже не существовало более военного искусства древнего Рима и что военное дело уже тогда носило средневековый характер. Это правильно оценено уже Иенсом (Geschichte der Kriegswissenschaft, т. I, I86).

Давно уже признано, что Вегеций лишен способности различать эпохи. Работой исключительного значения было бы, если бы удалось путем тщательнейшего анализа разграничить различные элементы его труда. Но окажется ли это возможным когда-либо?

** В другой главе XVIII, 69) против турок рекомендуется, наоборот, располагать конницу позади пехоты. Неясно, что имеется здесь в виду.

*** Интересное во многих отношениях место «Gesta Rob. Wisc.», I, стр. 260 и след., гласит: «Вооруженные пехотинцы получают приказ стоять; справа и слева к ним присоединяют всадников, чтобы пеший народ в их присутствии был более стоек. Им запрещают покидать поле, чтобы они могли принять на себя удар неприятеля в случае отступления».

**** «Отряд пехоты располагается позади 3 боевых рядов, чтобы оказывать им поддержку и в свою очередь получать с их стороны поддержку» (в изд. Prutz, Quellenbeitr. z. Gesch. d. Kreuzzüge, I, стр. 44).

Радульф (Gesta Tancredi, гл. 32 Rec. des Hist. d. Crois. Occid, III, стр. 629) сообщает о бегстве турок: «в бегстве они не заметили обходного движения, в такой мере бегство равносильно надежде на спасение». По контексту рассказа это относится к всадникам, обходного движения которых мы не можем себе представить. По-видимому, это место следует толковать таким образом, что поэт в священном своем пылу незаметно для себя картину пеших бойцов подменил картиной конных.

Относительно сражения при Бувине (1214 г.) мы узнаем нечто подобное, но только как об эпизоде, а не как о решающем моменте и с явным поэтическим преувеличением*.

Своеобразное, но аналогичное явление представляет собой сражение при Норталлертоне (1138 г.), где английское ополчение, благодаря тому что спешившиеся рыцари построились в первой шеренге, отбило стремительную атаку шотландской армии, но само в наступление затем не перешло.

В общем привился способ действий, по которому пешие воины — копейщики или стрелки — стараются непосредственно поддерживать рыцарей в смешанном бою. Прекрасный пример успешного применения этого приема представляет победа страсбуржцев над своим епископом в 1262 г. при Гаубергене.

Если недостаточно вооруженные оруженосцы или пешие кнехты попадают даже в самую гущу сражения, то это вовсе не означает, что они погибли; если рыцарь наступает на них, они, — как мы узнаем из статута храмовников, — спасаются бегством без ущерба для своей чести. Однако, рыцарь атакует прежде всего рыцаря же, так как только исход борьбы между ними решает сражение и считается поэтому вопросом чести. В сражении при Бувине 300 легковооруженных конных бойцов будто бы атаковали фламандских рыцарей, но последние не сочли даже нужным двинуться с места. Они просто закололи находившихся под этими бойцами непокрытых панцирем лошадей и затем двинулись вперед, чтобы встретиться и померяться силами с рыцарями. У Геелу, воспевшего сражение при Воррингене (1288 г.), один сержант восклицает (стих 4954): «Пусть каждый наметит себе одного из вражеских рыцарей и не отступит до тех пор, пока не заколет его. Если бы их войско было даже так велико, что растянулось бы до самого Кельна, оно все же было бы разбито, если бы только нам удалось сразить их рыцарей».

Как ни велика поддержка, которую рыцарям иногда оказывали вспомогательные войска, в особенности — стрелки и пешие копейщики, все же не следует забывать, что они имеют только второстепенное значение; решающий род войск — рыцарство; это продолжает оставаться основным фактом. Можно, не боясь преувеличения, выставить положение, что в средние века лучшим, идеальным войском долгое время продолжало считаться тяжеловооруженное, чисто рыцарское войско. Если, тем не менее, вспомогательные войска приобретают все возрастающее значение, то это объясняется тем, что их легче было собрать, чем тяжеловооруженную конницу. Особенно в раздорах и междоусобных войнах мелких властителей, династий и городов, которым под силу было выставить лишь ограниченное количество тяжелой конницы, а тем более настоящих рыцарей, основную массу воинов составляют вспомогательные войска. Но крупные решающие сражения королей зачастую все еще являются чисто конными боями, как, например, сражения при Тальякоццо у Мархфельда, при Гельхейме. В описаниях сражений нередко даже подчеркивается, что наличную пехоту не вводили в бой. Остается рассмотреть вопрос о боевом построении самих рыцарей. Данные, содержащиеся в описаниях многочисленных сражений, чрезвычайно разноречивы. Правда, византийский император Лев в своей «Тактике» XVIII, § 88) говорит о франках, что они беспечны, не знают военного искусства и лишены предусмотрительности, и вследствие этого пренебрегают боевым порядком, особенно в отношении конницы. Но порядок и беспорядок — понятия относительные, и тот

* Вильгельм Бретонский, Philippis («филиппиада»), кн. XI, стих 605-612 (Duchesne, V,238): «Граф, столько раз без ущерба укрывавшийся под защиту пехотинцев, ни с какой стороны не боялся возможности вреда, так как наши всадники, сами сражаясь мечами, оружием коротким, боялись нападать на вооруженных всадников, копье же длиннее мечей и ножей, — и строй, подобный тройной ограде, не давал подступа к воинам, расставленным обдуманно».

же высокопоставленный автор непосредственно перед этим повествует о том, что франки вступили в бой с выпрямленным и тесно сомкнутым фронтом*.

Едва ли франки и разнообразные народы из их потомства бросали свои полчища на врага без всякого порядка.

Если мы узнаем**, что до сражения с венграми король Генрих отдал своим саксонцам приказ, чтобы никто не старался обогнать на более быстром коне своего соратника и чтобы затем все одновременно бросились в атаку, то это означает то же, о чем сообщает византийский император, и не может быть рассмотрено как нечто исключительное или как нововведение,а лишь как наказ придерживаться предписания, которое, несмотря на свою естественность, часто не соблюдалось.

Подобного же рода предостережение встречается выше (часть II, глава 8-я) и у арабского военного писателя, а также в статуте храмовников (гл. 162): «Ни один член ордена не имеет права без разрешения атаковать или оставить свое место в рядах». Такое же правило имеется и в статуте Тевтонского ордена***.

Но естественным наклонностям рыцарства, у которого все зиждется на личности, личной чести, личной славе, личной отваге, созвучны не порядок и единообразие, но нарушение его скачущими впереди других одиночками; поэтому, вразрез упомянутому приказу короля Генриха, в эпосе часто изображается герой, несущийся на врага впереди других в сопровождении воинов****.

Но то, что ценно для поэта, еще не является практически правильным, и в отличие от поэм исторические документы все же иногда с одобрением отмечают строгий боевой порядок войска в сражении и объясняют поражение отсутствием порядка*****.

Начальник отряда или ритмейстер, о котором упоминается иногда в эпосе и на чьей обязанности, очевидно, было строить рыцарей в боевой порядок, в действительной истории нигде нам не встречается******.

Неоднократно прямо сообщается, что рыцари атаковали противника не с наскока, подобно современной кавалерии, но что при атаке для них был обычен медленный аллюр*******.

Более крупные массы, а в особенности целые армии, расчленялись конечно, на отряды, формировавшиеся соответственно ленной иерархии********.

---

* Так, по крайней мере, следует, как мне кажется, перевести его § 86

** Liudprand, Antapodosis, II, 31.

*** Perbach, стр.117.

**** Гартунг (Hartung, Die deutschen Altertümer des Nibelungenlie des und der Kudrum, стр. 505) сопоставляет Kudr., 647, 2, 1403, I, 1451, I, Nib., 203, 204, 2210.

***** Ср. Бертольд о саксах в сражении на р. Унструт (1075 г.), Эккегард (Ekkehard), стр. 223, о сражении в крестовых походах 1096 г. Поражение короля Болдуина Иерусалимского при Рамле 1102 г. по Фульхерию.

****** Гартунг, стр. 503; словари Лексиса и Гримма дают немного места для этих слов.

******* Оттон Фрейзингенский, I, 32: «Герцог, вопреки принятому у рыцарей порядку, наступал не шаг за шагом, а бросался на врага стремительным налетом; его рыцари подходили отдельными беспорядочными группами, разорвав строй легионов».

Baldricus, Hist. Jerosolimitana «Recueil d. Hist.d. croisades Hist. Occ.», IV,95: «Построили своих стрелков и пехотинцев и, выслав их вперед, выступали шаг за шагом по обычаю франков».

Геелу (ст. 4898) так описывает атаку в сражении при Воррингене: «Противники, двигаясь друг на друга, были покойны и невозмутимы: они подъезжали не торопясь с двух сторон, как если бы кто-нибудь ехал верхом, посадивши впереди себя на седло невесту».

Гюияр (Guiart) в своем описании сражения при Mons en Pevele ст. 11494 (цитировано Келером, II, 269) также говорит, что каждый отряд шел в атаку медленным аллюром и сомкнутыми рядами.

******** Император Лев в § 80 и след. говорит, что у франков как пехота, так и конница строились не полками и эскадронами определенной численности, а по племенам и корпорациям, «не в определенном порядке и не в строю, не по частям и подразделениям как ромэи, но по племенам, по родственным и дружеским отношениям и по связям через клятву».

Вайц, VIII, стр. 179, считает, что отдельные места некоторых источников указывают на расчленение по тысячам, так что каждая тысяча образует особое подразделение, причем якобы несомненно имеется в виду тысяча всадников, хотя бы и не непременно или не полностью тяжеловооруженных. Такое подразделение обозначалось словом «легион»; это же слово, будто бы, обозначало тактическое подразделение, построенное в боевом порядке.

Эти отряды могли быть в глубоких или широких построениях и находиться рядом или один за другим. Прямых указаний источников по этому поводу, как ни бесчисленны дошедшие до нас описания сражений, очень мало; действительно точным и обстоятельным является, в сущности говоря, одно единственное сообщение, и то относящееся ко времени, когда появились уже много новых элементов военной организации, — так что возникают сомнения, допустимы ли безоговорочные обратные заключения по отношению к раннему средневековью. Мы имеем в виду сражение при Пилленрейте в 1450 г. между маркграфом Альбрехтом Ахиллом и нюренбержцами. Оно произошло, следовательно, в то время, когда давно уже было известно применение пороха и когда стрелковый бой с дротиками и стрелами также претерпел значительную эволюцию. Но тем не менее условия конного боя, как мы увидим, по крайней мере в этом сражении, еще настолько схожи с условиями XIII в., что по рассказу о нем можно установить целый ряд характерных черт средневекового рыцарского боя, не рискуя впасть в ошибку.

БОЙ ПРИ ПИЛЛЕНРЕЙТЕ

11 марта 1450 г.

Бой этот подробно описан в хрониках Нюренбергского бургомистра Эргарда Шюрштаба*, который сам в нем участвовал в качестве военачальника, а также имел самые полные сведения относительно противной стороны, так как в Нюренберг было доставлено значительное число пленных дворян из свиты Альбрехта.

Альбрехт спровоцировал нюренбержцев, сообщив им, что собирается ловить рыбу в принадлежащем им пруде у Пилленрейта, в двух часах к югу от города; пусть они придут и помогут ему ловить и есть рыбу, он ждет их. Нюренбержцы кликнули клич — «выступать всем» и прибыли к месту боя с 500** конными и 4000 пехотинцами, вооруженными арбалетами, самострелами и пиками. В городе к этому времени числилось 20000 жителей и, кроме того, в нем нашли убежище еще 9000 укрывшихся за его стенами от бедствий войны крестьян — его подданных. Сверх того город взял себе на службу наемников и среди них рыцаря Кунца фон Кауфунген, который впоследствии прославился как похититель принцев, и Генриха Рейс фон Плауен, назначенного главнокомандующим всеми нюренбергскими военными силами. У маркграфа было 500 конных воинов***.

Этот взгляд ошибочен. 1000 всадников представляет собой массу такой мощности, что не может быть названа тактическим подразделением: подобное расчленение по численности не соответствует природе феодальных контингентов со своими сюзеренами во главе. Император Лев понимал это более правильно. Когда Видукинд в описании битвы при Лехфельде говорит о тысяче, то это есть число и ничего больше, слово же «легион» есть ученое украшение.

Некоторые следы деления воинов по десяткам встречаются у норманнов. О Танкреде Отвилльском, например, сообщается, что ему при дворе графа Нормандского подчинено было 10 рыцарей (Готфрид Малатерра, Migne, CXLIX,1121). Кроме того, число рыцарей, которых обязаны были выставить Вильгельму Завоевателю его крупные вассалы, также всегда оказывается кратным десяти или пяти.

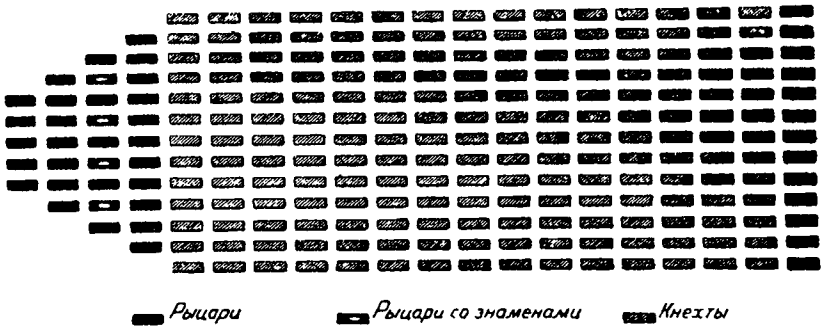
Храмовники группируются по «эшелонам» (eschielle) (см. статут ордена, гл. 161). Численность eschielle мне установить не удалось.

Император Фридрих I в крестовом походе делит войско на подразделения по 50. Насколько такое расчленение войска, для нас столь естественное и необходимое, чуждо было феодальному войску, нагляднее всего сказывается в обстоятельности, с которой это мероприятие излагается Ансбертом: «Между тем пресветлый император, как верный и благоразумный управитель у господина, тревожась о состоянии войска святейшего креста, поставил во главе его пентархов, или начальников пятидесяти рыцарей, т. е. чтобы каждые 50 рыцарей подчинились особому начальнику в делах, как военных, так и других, без нарушения прав маршала императорского двора. Затем он выбрал 60 лучших и благоразумнейших из войска, по чьему совету и решению должны были совершаться все дела войска; однако, впоследствии для более умелого управления и сохранения тайны число это доведено было до 16».

* Издано Карлом Гегелем (K. Hegel, Chroniken d. deutschen Städte, т. II,1864)

** По стр. 485. По сообщению на стр. 203 их было лишь 400.

*** По письму Альбрехта (Städte-Chron., II, 495), у него было 450 «gereisige Pferde», т. е. конных воинов, и «bei fünfzig Drabanten» — около 50 человек оруженосцев и тому подобной свиты.



С х е м а 12. Построение «острием» рыцарей при Пилленрейте.

Мы не касаемся деталей боевого порядка и способа ведения боя, нас интересует построение главных рыцарских отрядов той и другой стороны. Генрих фон Плауен предложил «благородному и мужественному» Гейнцу Ценгеру вместе с 4 другими рыцарями образовать острие «клина». Эти 5 стали в первой шеренге «клина». Вторая шеренга состояла из 7, третья из 9, четвертая из 11 рыцарей. Затем следовал отряд кнехтов, построенных четырехугольником, а в последней шеренге стояло 14 «досточтимых» (патрициев) Нюренберга, поддерживавших сплоченность отряда. Рыцари первых шеренг — клина — все названы по именам. Всего в отряде было 300 человек; было ли в задних шеренгах его по 11 или может быть по 13—14 человек, неизвестно; как бы то ни было, глубина отряда была в 22—25 шеренг.

Такое построение приблизительно соответствует современному полку кирасир, вооруженных пиками, из 3 эскадронов, построенных в линию колонн по четыре ряда с командиром полка, командирами эскадронов и лейтенантами впереди и в качестве замыкающих.

Если бы современному кавалеристу рассказать, что полковник повел свой полк в бой в таком виде (ибо не надо забывать, что речь идет не о походном, а о боевом порядке), то он без всякого сомнения ответил бы, что такого полковника следует либо предать военному суду, либо отправить в дом для умалишенных.

Именно тем и важен для нас этот рассказ, что чем больше в него углубляться, тем отчетливее проступает основное различие между рыцарством и конницей. Происхождение данного свидетельства служит порукой его достоверности; что такой боевой порядок не явился только капризом Генриха фон Плауен, — ясно из того, что, по тому же свидетельству, маркграф Альбрехт свой главный отряд построил точно в таком же порядке (и здесь все рыцари отдельных рядов также названы по именам), а также из того, что подобные рассказы или предписания находим и в других источниках*.

Характерным для этого строя является узкая линия фронта (самое большее в 14 рядов) и заострение колонны клином. Рассмотрим прежде всего узкий фронт,

* Келер, впрочем, неправ, когда на основании Длугоша («Hist. Polon.», XI, стр. 240, изд. 1711 г.) заключает, что поляки при Танненберге наступали в таком же боевом порядке.

Но по поводу боя при Гильтерсриде в 1433 г., где герцог Иоанн Неймаркский (или Нейнбургский) одержал победу над гусситами, Вюрдингер в «Kriegsgesch. v. Payern», использовавший архивы, сообщает о таком же построении рыцарей с поименным их перечислением, как при Пилленрейте. Знамена стояли в третьем ряду. Согласно же исследованию, пересланному мне окр. асессором Реймером из Нейнбурга, никаких сведений о построении клином не сохранилось. Рыцари, очевидно, стояли в пешем строю во главе штурмовой колонны, взявшей штурмом гусситский вагенбург.

Уставным, так сказать, порядком предписано построение клином в наставлении курфюрста Альбрехта Ахилла своему сыну Иоанну для похода против герцога Саганского — так называемое «Приготовление» («Préparation») от 1477 г. Опубликовано в «Handbuch v. Gesch. d. Kriegsw.», Иенс, стр. 979 и след. в «Kriegsgeschichte». Einzelschr. d. gr. Gen.-Stab, 1884, вып. 3. Знамена здесь находятся в 11-м, 14-м или 19-м ряду.

которому соответствует его значительная глубина. Представим себе, что противник с войсками такой же численности построился иначе — в 2, 3 или 4 шеренги, тогда он в атаке мог бы, обойдя острие клина, наступать на оба фланга; всадники в глубине колонны не успели бы сразу повернуть своих лошадей и стать лицом к наступающим, а были бы подвержены ударам вражеских копий сбоку, не будучи в состоянии оказать сопротивление. Компенсируется ли этот минус преимуществами глубокого строя? Глубина пехоты укрепляет силу ее натиска, которым она опрокидывает более слабого неприятеля или прорывает его ряды, для кавалерии же глубина построения не имеет такого значения. Это было известно уже античным теоретикам, из которых Элиан говорит в своей «Тактике» (гл. XVIII, § 8), что глубина построения не дает коннице тех выгод, что пехоте, так как задние ряды конницы не напирают, как в пехоте, на передние, заставляя их продвигаться вперед, а также что всадники, тесно примыкая к передним рядам, не составляют мощной массы; наоборот, если бы они пожелали тесно сомкнуться, то они взволновали бы своих коней и внесли бы замешательство в свои ряды.

Поэтому современные кавалерийские уставы предписывают как раз обратное боевому строю рыцарей при Пилленрейте. «Линейное построение*, — значится в одном из них, — есть единственное боевое построение кавалерии. Таким образом, атака колоннами не производится никогда (или разве только, когда не остается другого исхода за недостатком времени и места для того, чтобы развернуться), так как кавалерия противника, будучи равной силы, но построенная в линию, будет иметь превосходство благодаря одному только своему построению». «Успех атаки зависит, главным образом, от силы удара и от применения холодного оружия. При линейном построении это последнее находит себе применение полностью, в колонне же — лишь частично. Кроме того, существенным преимуществом линии перед равной по численности колонной является ее большая ширина, благодаря которой оказывается возможным охватить противника выступающими за его фланги частями и атаковать на самой слабой его стороне — на флангах. Кавалерия, которую атакуют с флангов, также терпит поражение, как и кавалерия, которая ожидает противника, не двигаясь с места».

Итак, если бы даже колонна, построенная, как при Пилленрейте, клином своим прорвала неприятельский фронт, на что, впрочем, рассчитывать с уверенностью нельзя, то и это не было бы выигрышем, так как тем временем главная масса войска, беспомощная против двойной фланговой атаки, была бы уничтожена.

Рыцарский же бой представляет собою нечто совершенно иное, чем современный кавалерийский.

И в рыцарском бою точно так же, как в современном кавалерийском, обход с фланга имеет существенное значение, но произвести его было не так легко по той причине, что все передвижения были гораздо медлительнее. Только придвинувшись вплотную к противнику, рыцари переходили на более оживленный аллюр, но и тогда еще он оставался настолько медленным, что у всадника всегда была возможность повернуть коня навстречу атаковавшему его с фланга противнику. При построении глубокой пилленрейтской колонны не имелось в виду, что масса войска будет сохранять это построение во все время боя, — это отняло бы у подавляющего большинства возможность пустить в ход оружие; напротив, предполагалось, что в момент атаки задние шеренги станут как бы непрерывно переливаться через край, слева и справа, так что продвижение вперед будет осуществляться одновременно с атакой и стычками. Это было в отличие от современных условий, в силу медленного передвижения, возможно и выгодно в том смысле, что обеспечивало сплоченное наступление. Отвлеченно говоря, было

* «Leitfaden f. d. Unterricht in der Taktik d. kgl. Kriegsschulen», 2 изд., 1890 г., стр. 45; «Exerzier-Regl. f. d. Kavallerie» (1895), N 319-331.

бы, конечно, лучше, если бы перестроение осуществилось уже заранее; но тогда пришлось бы двигаться вперед широко развернутым фронтом, что очень трудно: это требует строевых упражнений, которых безусловно не хватало этим рыхлым войскам. В частности при атаке широким фронтом легко образуются промежутки, могущие быть опасными.

В цитированном выше руководстве (стр. 46) значится далее, что от кавалерии следует требовать большей подвижности. «Линейное построение этой подвижностью не обладает, так как при нем перемены направления затруднены и далеко не всегда имеется допускающая передвижения площадь той ширины, которая требуется для линейного построения. В силу этого кавалерии для маневрирования необходимо строиться колоннами. Последние, помимо наибольшей подвижности в пересеченной местности, должны допускать наиболее быстрый и простой переход к линейному построению». Требуемый здесь наибыстрейший переход от колонны к линии предполагает такую маневренную способность и строевую подготовку, которой «рыцари и кнехты» не обладали; отсюда и конная атака медленным аллюром и глубокой колонной, которая должна развертываться в линию только в самый момент столкновения.

Теперь нам становится также понятным своеобразное заострение колонны. Если бы отряд просто строился равномерной глубокой колонной, например в 12 всадников по фронту и в 25 всадников в глубину, то первые шеренги подвергались бы опасности немедленного охвата флангов в случае несколько более широкого построения противника. Но если каждая последующая шеренга шире предыдущей на одного человека, то последний, подвергаясь сам уже меньшей опасности, защищает фланг предыдущей шеренги. Опасности этой подвергаются не более чем 5-6 шеренг; последующие шеренги в момент столкновения уже сами по себе так далеко «переливаются через край», что противостоят фланговым ударам противника, и если бы последовательно проводить до конца постепенное расширение колонны, то это привело бы к потере главного преимущества узкого фронта — легкого и уверенного управления.

Итак, смысл атаки глубокой колонной заключается в том, что этим способом можно приблизить к неприятелю всю массу сплоченно и равномерно. Менее надежные кнехты удерживаются замыкающими колонну рыцарями. Только во время сражения или непосредственно перед ним колонна развертывается настолько, что отдельный боец получает возможность пользоваться оружием. То, что первая шеренга доведена до 5 человек, представляет удобство легкого управления, а постепенное расширение колонны обеспечивает такого же рода фланговое прикрытие для находящихся впереди шеренг, какое в настоящее время образуют задние уступы на флангах первой линии.

Развернутый в линию фронт представлял бы по сравнению с такой колонной неудобство для боевого управления и в момент столкновения с неприятелем оказался бы несплоченным, с промежутками, между тем как выгода линейного построения — возможность атаки с флангов — отпала бы, так как была бы встречена задними линиями неприятельской колонны, которые, беспрестанно «переливаясь», воспрепятствовали бы ей, имея достаточно времени для этого при медленности передвижений той и другой стороны. Единственно доступные для фланговой атаки шеренги защищены благодаря построению клином, естественно приведшему к выступлению задних шеренг за края передних уступами с правой и левой стороны.

Сила действия современной конницы как единого тактического организма заключается в нанесении более сосредоточенного, мощного удара, особенно сокрушительного с фланга, имея в виду, что сомкнутая колонна не может защищаться с боков. Колонное построение у рыцарей не имеет целью сплоченный натиск исключительной массивности и силы, а представляет собой лишь форму

построения для сближения с противником, которое затем переходит в сражение с участием каждого бойца в отдельности.

Если несомненно, что смысл пилленрейтского боевого порядка именно в этом, то построение головы колонны представляется несколько чересчур надуманным, — можно сказать, доктринерским, так как ясно, что те 2 всадника, которые выступают справа и слева каждой предшествующей шеренги, вряд ли удержат коня точно на корпус сзади, а скорее всего при столкновении все окажутся в первом ряду, поскольку вообще при различии в темпераментах и в быстроте лошадей, а также и в рвении рыцарей можно было удерживать равнение. Мы можем поэтому не останавливаться на колонне клином, как на ухищрении, исчезающем в испытаниях суровой практики, которым короткое время* как бы забавлялись; важным и решающим является резко противоречащее кавалерийским принципам продвижение к противнику глубокой колонной, acies, cuneus («клином», «острием»), как они называются в источниках.

Если не принимать в расчет уменьшения числа рядов в передних шеренгах как тонкости, несущественной для практики, то остается построение при сближении с противником очень глубокими колоннами, а это, как мы убедились, в такой мере связано было с самой природой рыцарского боя, что прямо можем принять, что так делалось и в более ранние века той же эпохи.

Построение колоннами все же было не единственным, которого придерживались. Преимущество, которое при более широком и редком строе могло дать окружение с флангов, хотя и не решало дела, все же явно было; и у нас есть документальное свидетельство того, что возможность противоположного решения здесь сознавалась и что могли склоняться как к тому, так и другому принципу. Ян фон Геелу рассказывает (стих 4918), что в сражении под Воррингеном (5 июня 1288 г.) властитель Лидекерке воскликнул: «Войско неприятеля так растягивается в стороны, что мы будем окружены, прежде чем успеем оглянуться. Хорошо было бы нам раздаться и сделать наш отряд не столь глубоким». Но Геелу отвергает это как прием, пригодный для турнира, а отнюдь не для серьезного сражения, и вкладывает в уста Либрехта де Дормэля, одного из виднейших брабантских рыцарей, защиту другой точки зрения. Когда последний услышал клич: «Реже», он воскликнул в бешенстве: «Плотней, плотней и уже! Каждый ближе к соседу, как только можно, и мы сегодня прославим себя». Тогда все закричали: «Теснее! теснее! Ближе друг к другу!»

Наоборот, Вильгельм Бретонский рассказывает об одном французе, построившем в сражении при Бувине (1214 г.) всех своих рыцарей в один ряд; при этом он сказал: «Поле широко, развернитесь, дабы неприятель не мог вас окружить. Не подобает рыцарю быть щитом для другого».

Особым, заслуживающим внимания свойством широкого и неглубокого построения следует считать, наконец, то, что только оно давало возможность пехотин-

* До XV в. колонна «острием» не встречается.

Chacun conroy lente aléure

S'en av joint comme en quarreure,

говорит Гюйар (стих 11494) в своем описании сражения при Mons en Pevèle (в 1304 г.); цитировано у Келера, II, 269. Возможно, что первым примером колонны острием служит построение рыцарей Дофинэ «en pointe» в сражении при Mons en Vimeux (в 1421 г.); цитировано у Келера, II, 226, прим. Одобрительные отзывы о построении «острием» из документов XV и XVI вв. — у Иенса (Jähns), I,328,738,740. К концу XV в., при Максимилиане колонна, видимо, вновь становится четырехугольной. Леонард Фронспергер говорит о боевом построении «заостренными» колоннами, как об устаревшем, — Келер, т. III,2, 251. Построение конницы в виде клина или ромба упоминается и в древности уже у Элиана (гл. XVIII) и Асклепиодота (гл. VII). В числе мотивов его применения, являющихся, вероятно, отчасти теоретическими фантазиями, приводится также, что при нем вождение и повороты легче, чем при построении четырехугольником. Относительно вождения это, очевидно, правильно; что же касается поворота, то я понимаю это в том смысле, что именно при таком построении не нужно было делать поворотов в собственном смысле слова, а легко можно было сделать полуоборот направо или налево, причем ромб превращался в квадрат.

цам принимать участие в смешанном бою. Если конные бойцы надвигались такой густой колонной, как при Пилленрейте, то ни стрелки, ни копейщики не были в состоянии оказывать им поддержку: их растоптали бы лошади своих же всадников. Общая масса нюренбергской пехоты, в том числе и стрелки, объединившись в особые отряды, следовала поэтому на довольно большом расстоянии за всадниками и, таким образом, служила только прикрытием. Если действительно хотели, чтобы пешие участвовали в бою, то для этого необходимо было, чтобы рыцари построились редкими шеренгами, а при сближении их с неприятелем более широким фронтом это получалось само собою. Если же они подходили колонной по 20—30 лошадей в каждой шеренге, то, так как все стремились вперед, в каждый достаточно широкий промежуток вклинивался всадник из задних рядов*.

Как ни велико принципиальное различие между построением клином и линейным построением (en haye), тем не менее обе формы могли существовать одновременно и применяться даже в одном и том же сражении, так как, повторяю, речь идет только о форме сближения с противником, а не о боевом порядке. И при атаке глубокой колонной предполагается, что в начале боя колонна развертывается в линию, так как каждый ищет возможности пустить в ход оружие. Остается лишь та разница, что конница, наступающая колонной, образует значительно более узкий сомкнутый фронт, чем перестроившаяся уже издали.

При значительной численности войск должно было быть, разумеется, много колонн, наступавших рядом на определенных интервалах одна от другой. Если бы эти колонны следовали одна за другой, то последние колонны дошли бы до противника поздно или не дошли бы вовсе.

Известное различие между более поздним и ранним периодами заключается, может быть, только в том, что в XV в. число рыцарей уменьшилось по отношению к числу кнехтов, вследствие чего могло усилиться стремление организовать массу в отряды, сплоченность которых поддерживалась рыцарями.

В противоречии с построением различных колонн в одну линию находится, кажется, то, что мы с ранних пор все время слышим о соперничестве из-за «завязки боя». Уже в сражении на р. Унструт(1075 г.) швабы заявили, что это право принадлежит им издавна, а так как об этом факте сообщают два независящих друг от друга источника (Ламберт и Бертольд), то его можно считать достоверным. Еще до сражения при Земпахе (1386 г.) мы снова слышим об этом, а некоторые рыцарские корпорации в отношении определенных областей обеспечивали себе это право документально**. Какое значение имело бы такое право, если бы отряды различных областей выстраивались рядом, друг около друга?

Объясняется это тем, что очень часто бои начинались раньше, чем армии успевали полностью перестроиться. Поэтому колонна, первой выступившая из лагеря, сталкивалась с противником и вступала с ним в бой раньше других, хотя эти другие отнюдь не держались позади, а всеми силами стремились выйти из походной колонны или из лагеря, чтобы сражаться бок о бок с завязавшей сражение. Следовательно, к противнику и в сражение шли как бы эшелонами, и часто случалось, что вступавший в бой первым оказывался и единственным сражавшимся, так как сражения часто не доводились до конца, а решались при первом же столкновении, когда одна из сторон в сознании своей слабости признавала себя побежденной. Быть в бою впереди всех представляло для славолюбивого рыцарства действительно желанное преимущество, хотя, как правило, колонны должны были держаться одна подле другой.

* Келер (II, 226 и III, 2, 253) считает, что развернутое построение в одну линию стало применяться только в XV в. Такое предположение, по-моему, ничем не обосновано. Там, где происходили смешанные бои, всегда должно было иметь место построение в одну линию. Бутарик, стр. 297, говорит очень обще: «Рыцари сражались развернутым фронтом, т. е. только в одну линию, за ними находились кнехты».

** Бальцер, стр. 106, цитирует два документа, свидетельствующих о том же.

Для времени крестовых походов мы имеем документальные данные, подтверждающие тот взгляд, что понятие «завязки боя» не противоречит построению контингентов в одну линию ввиду эшелонного способа нападения, который, собственно говоря, обозначает лишь постепенно осуществляемое построение в один ряд. В сражении при Атаребе (1119 г.) Готье* сообщает об отряде (acies) св. Петра, которому принадлежало право выступать впереди других и первым ударять на неприятеля. За ним следуют отряды Готфрида и Гвидо, но они не поддерживают атаки первого отряда, а, убедившись в его успехе, атакуют других противников и также побеждают их. Это не допускает иного толкования, кроме того, что 3 отряда вводились в бой поэшелонно**.

Как раз в течение крестовых походов эта эшелонная форма атаки возведена была в правило, — очевидно, по той причине, что здесь в качестве противника имели дело по преимуществу с конными лучниками. Эти, понятно, открывали свои действия как можно ранее; самым благоприятным для них временем были минуты перестроения противника. Если на Западе колонна, приходившая первой, тотчас же бросалась в бой, часто лишь по нетерпению и рыцарской недисциплинированности, то на Востоке для этого был объективный мотив: необходимость без промедления наступать на лучников, которые в противном случае могли нанести значительные потери. Как сокрушались в сражении при Арзуфе рыцари, когда Ричард Львиное Сердце по веским причинам не разрешил дать сигнала к атаке: они-де отданы на истребление неприятелю беззащитными. И как быстро бросились врассыпную турки, когда, по дошедшим до нас сообщениям, с их собственной стороны, — по записям Боаэддина, историографа Саладина, — их атаковали в конном строю вооруженные копьями рыцари! Нечто вполне соответствующее этому известно нам относительно сражения Генриха I с венграми в 933 г., когда быстрый натиск саксов не дал противнику времени выпустить по второй стреле***, а Оттон Фрейзингенский сообщает, что в сражении с венграми в 1146 г. герцог Генрих Язомирготт стремительностью атаки предупредил обстрел своей армии венгерскими лучниками и перебил их, но затем сам был побежден рыцарями венгерского короля****.

Вышесказанным исчерпывается основное во взаимоотношениях между рыцарями и конными лучниками.

Конные лучники — исконный род войск внутренней Азии — персов, парфян, гуннов[147], арабов, турок. Это оружие, как показывают беспрерывные военные успехи названных народов, — страшное, но только при известных условиях. Конные лучники оказывали бы еще меньшее сопротивление, чем это в действительности имело место, рыцарям-крестоносцам, наступавшим на них вооруженными копьем и мечом, если бы они не были снабжены холодным оружием приблизительно так же, как европейцы, и таким образом при достаточно численном перевесе могли принимать и рукопашный бой. Полную силу лучники могли проявить только на широкой равнине, имея достаточный простор, чтобы в любой момент уклониться от боя, а затем снова наступать, когда утомленный противник прекратит преследование. Поэтому корни этого рода войск следует искать в степных странах, где оружие лучников имело столь большие преимущества, что не боялись затраты больших трудов и усилий, для того чтобы в совершенстве овладеть им. Когда это искусство уже усвоено и по традиции передается из поколения в поколение, оно начинает распространяться и в других странах.

* Prutz, Quellenbeiträge, стр. 29: «Отряд святого Петра выступал впереди других справа; это был отряд, которому было присвоено право идти впереди и первым нападать на врага».

** Это ценное наблюдение сделано было уже Геерманом (стр. 85), и Келер также присоединился к нему. Сражение в конечном счете все же окончилось тяжелым поражением.

*** Liudprand, Antapod., II,31

**** «Gesta Friderici», I, 32.

Крестоносцы не замедлили убедиться в ущербе, нанесенном им этими наездниками, и попытались обезопасить себя от них, принимая даже турок к себе на службу. Первые «туркополы» встречаются в 1115 г., но уже защитники крепости Давида в Иерусалиме, после капитуляции поступившие на службу к Раймонду Тулузскому, составляли, вероятно, отряд конных лучников. Император Фридрих II, во время своих итальянских походов имел в войске пеших и конных сарацинских лучников. На Западе этот род войск не развился потому, что географические условия — горы, леса и болота — ограничивали возможность его применения*.

Существует взгляд, в частности положенный Келером в основу всего его труда**, что рыцарство обычно строилось и сражалось в 3 эшелона. Положение это представляется ошибочным и ни в какой мере не применимым к рыцарскому войску. Нам придется еще вернуться к этому вопросу, когда проследим эволюцию рыцарства до превращения его в конницу и при этом установим, что именно следует понимать под техническим термином «эшелон».

Очень часто решающим оказывается первое же столкновение, первый момент, когда одна часть разбита и обращается в бегство. Если этого нет и дело доходит до более длительного боя, то задача рыцаря и вопрос его чести, по выражению германских эпических поэм, заключается в том, чтобы скакать сквозь ряды противника, поворачивать коня и скакать обратно, все время сражаясь, уподобляясь галльским всадникам, о которых рассказывает Цезарь (B. G. VII, 66)***. Расширение этого приема боя до «roulement perpetuel» (непрерывного движения взад и вперед) целых, следовавших одна за другой частей — есть фантазия, которая менее всего может быть согласована с представлением об отдельных эшелонах («Treffen»), как о глубоких, в несколько линий колоннах****. Точно так же рассказы о перемириях, которые заключаются в разгар боя, чтобы собраться с силами*****, или о посвящении противника в рыцари в перерыве сражения мы отнесем скорее на счет романтики, чем истории******.

Сколько колонн в том или другом случае построено было рядом или одна за другой и насколько глубоки и широки были отдельные колонны, как это вытекает из основных принципов рыцарского боя, — этот вопрос существенного значения не имеет. Все решалось численностью, боеспособностью и уверенностью в себе отдельных бойцов, а прежде всего — известным порядком при встрече с неприятелем; форма построения определялась численностью войск и условиями местности. В плоскости тактики подлежат обсуждению, пожалуй, только те случаи, когда сообщается, что тот или иной отряд предназначался для оказания поддержки в случае необходимости, т. е., другими словами, — служил резервом. При этом следует отметить особый характер современного резерва, который должен создать перевес в решающий момент. Если при наличии двух армий одинаковой силы один из двух современных полководцев сразу же посылает в бой всю армию, а другой —

* Келер (III, I, 95) собрал несколько цитат, упоминающих о них; так, Эдуард III Английский в 1356 г. сформировал гвардию из конных лучников. В томе с указателем, среди приложений, автор добавил еще одно место из Вигалуа (Vigalois). Я отношу сюда еще союзный договор ломбардских городов. («Murat, Ant.», IV, 490). Настоящим родом войск они не стали и в Англии. В XV в. мы хотя и встречаем много конных лучников, но лошади служат им только средством передвижения, в самом же бою они спешиваются.

Сарацин Фридриха II Келер считает исключительно пешими лучниками. Тем не менее в «Annal. Parm. maj.», SS, XVIII, 673 прямо говорится, что в 1248 г. под Пармой в войске императора были «balistarii tam equites quam pedites» — «лучники, как конные, так и пешие».

** Келер, I, p. V и III, 3, 355. Он утверждает, что до X в. строились еще в один эшелон, начиная с XI в. — в три.

*** Келер (II, 35) собрал несколько примеров, которые в сущности свидетельствуют о том, что такого рода приемы на практике не дают того эффекта, как в эпических поэмах.

**** Келер, I, 468, II, p. XIII.

***** Там же, II, 42.

****** Daniel, Hist. de la Milice française, стр. 82.

оставляет в резерве примерно одну треть ее, то он рассчитывает на то, что его две трети при сравнительной их слабости все же окажутся в состоянии некоторое время вести сражение и настолько расстроить ряды превосходящих сил противника, что, в конце концов, атака сохранивших порядок резервных частей решит исход сражения. В рыцарском войске нарушение боевого порядка в войске противника играло настолько незначительную роль, что не могло компенсировать отказ от введения в бой с самого его начала некоторой части войск. Резерв, вступавший в бой только после того, как главные силы чуть ли не разбиты, вряд ли мог бы поправить дело; в то же время это было бы поводом к обвинению полководца в том, что он вводит свои войска в бой, дробя их по мелочам. Значение резерва в рыцарском войске поэтому совершенно иное, чем в современном; именно там определенную часть на короткое время задерживали, с тем чтобы направить ее как раз в то место, которое оказывалось недостаточно защищенным против сплоченного и сильного противника. Выражаясь по-современному, дело идет не столько о резерве, сколько о задерживаемом эшелоне.

Случаи, когда сообщается, что уже победоносная часть терпит поражение от внезапно вступающего в бой резерва противника, например, при Тальякоццо, далеко не столь прочно засвидетельствованы источниками, чтобы давать право на принципиальные выводы. Вероятно мы имеем здесь не заранее обдуманный маневр, а результат случайности; в особенности, разумеется, совершенно исключается возможность того, что полководец сперва намеренно доводит дело до поражения главных своих сил в надежде бросить затем резервы на утратившего боевой порядок победителя.

Введение в бой последнего эшелона представляет последний возможный акт руководства. После того как полководец отдал распоряжение или вожди согласились между собой относительно места в строю каждого отдельного отряда рыцарей, короли и герцоги сами устремляются в сечу в поисках славы, не полководческой, а рыцарской*.

Если основным типом средневекового боя мы признали только внешне, до некоторой степени упорядоченные, усложненные поединки рыцарей при поддержке других родов войск, то, очертив типическое явление, мы не исчерпали всей массы возможностей. Мыслимы и засвидетельствованы обстоятельства, когда или рыцари оказываются вынужденными сражаться пешими, или вспомогательные роды войск получают особое и более серьезное значение.

Следует ли такой способ боя называть тактикой рыцарства — или нет — это только спор о словах. По определению Клаузевица, тактика есть применение боевых сил для целей сражения; сообразно с этим и рыцарское войско имеет свою тактику, а если принять во внимание, что существовали определенные распоряжения относительно боевого порядка отрядов применительно к тем или иным условиям, что резерв сдерживался или вводился в бой, что издавались приказы о построении и действиях стрелков и пеших кнехтов, что в случае надобности последним кое-когда даются и некоторые особые задания, то мы имеем налицо тактику в смысле искусства боевого управления. Тем не менее значение ее в такой степени ничтожно, что, по существу, правы те, которые не признают наличия тактики в рыцарских войсках.

Виоле ле Дюк однажды выразился так: «Утверждать, что феодальные армии не знали никакой тактики, — это почти равносильно тому, как если бы стали утверждать, что народ не имеет литературы, только на том основании, что мы не знаем его языка**. Следовательно французский ученый считает, что науке только

* Известны только исключительно редкие случаи, когда король оставался вне фронта, как, например, при Аскалоне в 1125 г.; цитировано у Геермана, стр. 120. Или же престарелый король Ягелло при Танненберге в 1410 г.

** Viollet-Duc, Dictionnairé raisonné du mobilier français de l'époque carlovingenne à la renaissance, VI,372.

не удалось еще найти и вычитать в источниках тайны средневековой тактики; после того было потрачено много усилий, чтобы разрешить поставленную, таким образом, задачу и заполнить пробелы в наших сведениях, но сколько-нибудь прочные результаты достигнуты не были.

Разумеется, нетрудно вычитать то или иное из средневековых источников. Но как раз для наших целей источники эти имеют очень проблематический характер.

Большинство средневековых писателей не проявляет никакой склонности при описании отдельных случаев излагать то, что произошло в действительности или кажется им самим правдоподобным; напротив, они разукрашивают события; особенно это относится к самому волнующему и захватывающему из всех событий — сражению. Быть может, они считали, что не стоит труда запечатлевать действительные события; их изложение не притязает ни на что иное или, можно сказать, притязает на то, чтобы быть и правдой и поэтическим вымыслом. В самом деле, и для античной эпохи мы имеем такого же рода исторические источники, которыми без достаточной осторожности пользуются современные историки, но наряду с ними имеем некоторых подлинных исторических писателей, дающих нам возможность вскрывать истинные соотношения. По крайней мере в применении к одному, притом особенно важному, пункту — сражению при Каннах — мы имеем возможность сопоставить традиции того и другого рода, и я настоятельно рекомендую, так сказать, упражняться в этом сопоставлении и изучать детали данного Аппианом описания сражения при Каннах, с тем чтобы быть во всеоружии на случай отсутствия достоверной исторической традиции. Для средневековья это особенно важно, так как дух того времени фантастичен и некритичен, историки редко стоят на большой высоте, наконец, употребление чуждого латинского языка оказывается источником особенно опасных заблуждений. В историческое повествование непрерывно вторгаются реминисценции из античных писателей и вместе со словами вносятся понятия и образы, не соответствующие условиям времени. Ведь решился же историограф Барбароссы Рахевин рассказ об осаде Кремы просто списать с рассказа Иосифа Флавия об осаде Иерусалима Титом со всеми подробностями, разделением армии на 7 отрядов и т. п. Французский монах Рихерий (X в.) весьма пространно и в изысканных выражениях повествует о целом ряде военных событий, — например, о сражении короля Одо с норманнами в 892 г. Но эти рассказы — плоды собственной фантазии их авторов.

При таких наклонностях писателей единичное свидетельство, как бы ни казалось оно достоверным, дает крайне мало, и только при сличении описания событий на протяжении всей эпохи вырисовывается ясная картина ее характерных явлений.

При ознакомлении со способами ведения войны рыцарством становится также понятным, почему средневековье не создало действительной воинской дисциплины. Непосредственно для военных целей она бы ничего не дала. В самом деле, исход сражения всегда зависел от рыцарей; там, где они были стойки и пока они были стойки, они были опорой, жизненным нервом, костяком и для других родов войск, основой же рыцарства было высоко развитое личное чувство чести, для проявления которого строгая дисциплина явилась бы, может быть, только помехой. Для рыцаря недостаточно, что войско победило, он во что бы то ни стало стремится получить свою долю в этой победе. Личная слава есть та несовместимая с дисциплиной идея, которою он живет и которая заставляет его в бою искать поединка; эта идея дала византийскому императору Льву право сказать о франках, что натиск их в пешем и конном строю неистов, противостоять ему нельзя*. Случалось, правда, что сражения бывали проиграны, потому что рыцари в безрассудной отваге действовали вопреки приказу; но это — лишь отдельные случаи, возможные и в самых дисциплинированных армиях, а при крайне ограни-

* Так я перевожу «σφοδρῶς χαι ἀχατασχέτως ὡς μονοτόνα» (Тактика § 87). Ср. Маврикий, стр.269.

ченной роли командования в рыцарском войске эти случаи не имеют особого значения. Главными минусами в результате отсутствия дисциплины приходится считать расстройство боевого порядка и стремление, вместо того чтобы вообще за это преследовать, как можно скорее приступить к грабежу. Во время первого крестового похода однажды постановлено было отрезать в наказание нос и уши тем, кто до полной победы бросится грабить*. Перед сражением при Бувине Филипп Август объявил, что им воздвигнуты в большом числе виселицы, на которые попадут все, кто до полной победы** будет застигнут во время грабежа.

Жаждой добычи объясняется также стремление брать в плен тех, от кого можно было получить выкуп. Такое стремление усиливается по мере развития в рыцарстве сословного духа, заставлявшего видеть в противнике брата по ордену, товарища по оружию, которого естественно необходимо оберегать и щадить. Подобные гуманные чувства крайне опасны для подлинно воинского духа, и мы встречаемся с ними уже в очень раннюю эпоху. Ордерик рассказывает о сражении при Бремюле (1119 г.), в котором Генрих I Английский победил Людовика VI Французского, но убито было только 3 французских рыцаря, взято же в плен 140, «потому что они с ног до головы были одеты в железо и потому что из страха божьего и по товариществу друг друга щадили». Также Гиральд Кэмбрийский на 100 лет позже в числе других различий между валлийцами и рыцарями приводит то, что те стремились убивать, а эти — брать в плен. В боях австрийского рыцарства со швейцарцами мы слышим жалобу на грубых мужиков, которые умерщвляют, вместо того чтобы брать в плен.

Наглядные картины военной жизни и военной организации рыцарства дают нам многие места статутов рыцарских орденов, — в частности, Ордена храмовников.

Когда отряд собирается разбить лагерь, прежде всего огораживают веревками место для часовни; затем назначают место для магистра ордена, палатки для трапез, для комтура провинции и для провиантмейстера; остальные братья выбирают себе места, только когда раздается клич: «Располагайтесь, господа братья, во имя господне!» (гл. 148).

Храмовник без разрешения не должен удаляться от лагеря дальше, чем слышен звук голоса или сигнального колокола; из двух его оруженосцев один всегда должен держаться поблизости, в то время как другой отправляется за дровами или фуражем (гл. 149).

Рыцари до получения приказа не должны седлать коней и садиться на них. Они должны проверять, не забыта ли какая-либо часть снаряжения. В походе оруженосцы с оружием должны ехать впереди рыцаря, а те, кто ведет его лошадей (ибо каждый рыцарь имел 3 или 4 лошади) — сзади***, и никто не имеет права оставить своего места в ряду, даже для того, чтобы на короткий момент испытать своего коня. Никто под страхом утраты орденской мантии не имеет права нападать без приказа или покидать ряд (гл. 162,163, 166). Когда дело подходит к бою, начальник отряда берет знамя и выделяет 5-10 рыцарей, которые окружают его для охраны знамени. Эти братья должны рубиться с противником вокруг знамени и не имеют права ни разлучаться с ним, ни удаляться от него; остальные же братья, подойдя к противнику, могут напасть на него спереди и сзади, справа или слева, словом — там, где они могут нанести ему урон (гл. 164)****. Комтур носит

* Под Аскалоном, 12 августа 1099 г. Альберт Аахенский, VI, 42, по Рерихту (Röhricht, Geschichte d. 1. Kreuzz., стр. 200) (прим.8).

** Richer v. Sens, M. G. SS, XXV, стр. 294.

*** «Привычки дня» Тевтонского ордена, составленные в значительной степени по образцу храмовников, в гл. 46 (Перльбах, стр. 111) гласят, что рыцарь в походе должен своих оруженосцев иметь впереди себя, чтобы лучше следить за своим вооружением.

**** То же самое гласят правила Тевтонского ордена (Перльбах, стр, 117): «Ни один брат да не садится на коня, прежде чем не поднято знамя. После того как поднято знамя, каждый проявляет сколько есть у него сил телесных и душевных и возвращается к знамени, когда сочтет соответствующим».

обернутое вокруг копья запасное знамя, которое он развертывает, когда с главным знаменем случается какое-либо несчастье. Ему поэтому запрещается пускать в ход копье, вокруг которого обвито запасное знамя, даже когда для этого представляется подходящий случай (гл. 165, 241, 611).

Даже будучи тяжело раненым, рыцарь без особого разрешения не имеет права оставлять знамя (гл. 419, 420). Также в случае поражения рыцарь, под угрозой исключения навсегда из ордена, не смеет покидать поле сражения до тех пор, пока еще развевается знамя, а когда собственное знамя утрачено, рыцарь должен примкнуть к знамени иоаннитов или другому христианскому знамени. Лишь когда все разбиты, рыцарю можно искать спасения там, где бог поможет (гл. 168. 421).

Сопоставление этих орденских правил с современным уставом в такой же мере, как упомянутое выше построение колонн, при Пилленрейте, выявляет всю разницу между рыцарством и кавалерией. У рыцарства мы не находим ни малейшего намека на упражнения в конном строю, перестроения, повороты. Все, что мы знаем о руководстве, ограничивается запрещением покидать ряды без приказания и бросаться в атаку по собственному почину, — запрещение, которое в современном кавалерийском уставе признается уже излишним, — и предписанием, касающемся знамени. Следовательно, руководство стремится только к тому, чтобы, подходя к противнику, войско соблюдало равнение, а после того как бой уже начался, проводило его с крайней интенсивностью, держа высоко знамя.

Это как раз противоположно тому, чему учит современная кавалерийская тактика. «Прорыв, — говорится здесь*, — есть прямое дело кавалерии в бою; он дает непосредственное решение боя. Только при сомнительном исходе прорыва последующий за ним рукопашный бой может дать делу иной оборот». Далее современный устав говорит: «Кавалерия никогда не бывает более слабой, чем после удачной атаки», и в силу этого придает решающее значение тому, чтобы, в случае необходимости, она вновь быстро построилась** и чтобы, где только возможно, отдельные части ее вообще оставались в сомкнутом строю. У рыцарей этой цели в известной степени служит часть, охраняющая знамя; о сборе же, о сигналах и приказах во время боя вообще речи нет, как не упоминается также об обходе флангов, о мерах обеспечения флангов от неприятельского обхода, о второй боевой линии или о резервах, так как все решает самый бой, схватка. Тут уже нет места управлению боем: все предоставляется инициативе самого рыцаря, который должен наносить неприятелю урон, где и как только может.

Сплоченная часть в руках начальника есть основа действий кавалерии. Поэтому сигнал «к сбору» в ее упражнениях играет такую роль, что лошади сами пускаются в карьер к месту, откуда раздаются его звуки. Рыцарям неизвестны подобные упражнения, как неизвестны им и сигналы на трубах***.

* Мекель, Тактика, I, 50.

** «Самым слабым моментом кавалерии является момент непосредственно следующий за удачной атакой; этот момент слабости не бывает настолько коротким, а порядок, спокойствие и сомкнутость восстанавливаются не настолько быстро, чтобы конница была в состоянии противостоять всем возможностям». Инструкция генерала-майора Карла фон Шмидта, Берлин 1876, стр. 152.

*** Я не припоминаю, чтобы в каком-либо из средневековых источников мне пришлось читать о сигналах во время боя. У храмовников в лагере сигналы подавались звоном колокола. По Готье (Прутц, стр. 27), перед сражением при Атарибе князь Роджер приказал всем при первых звуках трубы (audito primo sonitu gracilis, это род трубы, greille) вооружаться, при втором — собираться, при третьем — являться к богослужению. Когда затем начинается бой (стр. 29), христиане двигаются gracilibus, tibiis, tubisque clangentibus (при звуках рогов, флейт и труб). И герцог Иоанн Брабантский перед сражением при Воррингене, чтобы вселить бодрость в воинов, приказывает, чтобы трубачи играли так же, как при штурме или при начале турниров. «Minstrere» переставали трубить, когда опускалось герцогское знамя, но вновь начинали, как только оно опять поднималось (Ян фон Геелу, стихи 5668, 5694, стр. 211, 212). Келер, III, 2, 340, из этого выводит заключение, что речь идет об общепринятом обычае и что трубачи держались поблизости от знамени, чтобы обозначать его местонахождение, даже если бы оно было скрыто облаком пыли. Это заключение во всех отношениях неосновательно. Дюканж цитирует из «Vita St. Pandulfi», II, 15: «трубу, при помощи которой, как я сказал, подается сигнал для начала боя».

Более ранние исследователи военного дела средневековья часто поддавались естественному соблазну выискивать аналогии с современными явлениями, чтобы придать прошлому большую наглядность. Задача же нашего исследования прежде всего заключается в том, чтобы вскрыть фундаментальную разницу как между средневековым и всяким современным, так и между средневековым и античным войском. Рыцарство есть нечто совершенно иное, чем эскадрон кирасир с копьями. Сделаем еще раз попытку уяснить себе, почему в средние века мы не встречаемся с тактическими понятиями, известными нам из античной военной истории.

Искусство античных полководцев заключалось в том, что они умели использовать в благоприятном для себя смысле особые преимущества наступления и обороны, особенности каждого рода войск и условий местности, сводя в то же время на нет их невыгодные для себя свойства.

При Марафоне до определенного момента полководец удерживает всю армию в состоянии обороны, а затем мы постоянно видим, как некоторые части предназначаются для оборонительных действий с целью добиться в другом месте нужного для наступления перевеса. Для конного войска — это невозможно, так как всадники, способные только к наступательным действиям, не знают ни о какой обороне.

Вместе с тем отступает на задний план и тактическое использование местности. Рыцарское войско не может сражаться иначе, как на равнине*. В известных условиях получает значение обеспечение флангов, но значение это ничтожно**. Конный бой быстро превращается в общую свалку, в которой фланги и фронт не играют больше никакой роли. Задачей боевого управления было — добиться не столько хорошего примыкания флангов к препятствиям, сколько достаточного простора для передвижений конных отрядов.

Взаимная поддержка различных родов войск хотя и была известна в средние века и в античной древности, но только в том смысле, что стрелок, пеший кнехт или легковооруженный всадник оказывали поддержку рыцарю; нельзя говорить о тактике соединенных родов войск потому, что ни один из трех вспомогательных родов войск не имел самостоятельного значения. Также не может быть и речи о том, что стрелки или пешие кнехты выдерживали вражеский натиск наподобие фаланги или легиона, дабы тем временем сделать для рыцарей возможным обходное движение; они были для этого слишком слабы.

Тактическая задача конного войска, следовательно, совсем иного рода, чем задачи греческого или римского войска. Соединение различных родов войск не имеет целью их взаимодействие, что только и создает подлинную тактику соединенных родов войск. В рыцарском войске все прочие роды войск служат только в помощь решающему — рыцарям. Выбор поля сражения и управление боем определяются исключительно требованиями и характером последних, но так как у них не существует оборонительного положения, а пересеченную местность они могут использовать только вполне односторонним образом, то изощренные тактические комбинации оказываются невозможными.

Пунктом, вокруг которого все вращается и который всему придает новый смысл, является ничтожное значение пеших кнехтов с холодным оружием. Рюстов

* Геерман (Heermann) в своем труде о западном войске в эпоху первого крестового похода (стр. 103) установил, что все те 12 полей сражения, условия местности которых известны (как Дорилэй, берега Антиохийского озера, Антиохия, Аскалон, Рамла (1101 г.), Яффа, Рамла (1105 г.), Сармин, Мерджи-Сефер, Атареб, Хаб), представляли собой равнины, и что ни в одном источнике не упоминается о неблагоприятных условиях местности, о борьбе из-за удобных позиций, лесов и т. д.

Император Лев (Тактика XVIII, 92) говорит, что франки не любят сражаться в пересеченной местности, так как для них с их копьями обычно нанесение резкого удара (шок). Этот термин, конечно, нельзя понимать в современном его смысле.

** Именно этот прием играл роль в бою с конными лучниками, т. е. в крестовых походах. Геерман (стр 103) относит его к тактике мусульман, которые при своем значительном численном превосходстве стремились к охвату христиан. Это значительное превосходство сил неверных следует отнести как христианскую легенду; причину правильнее искать в различии вооружения.

когда-то обосновал это следующим образом: причина упадка пехоты в том, что ее не ценили. Но почему ее не ценили? У римлян некогда легионер имел большее значение, чем конный воин. Несомненно, пехота пришла в тем больший упадок, что, раз утратив свое прежнее положение, она не пользовалась более особым вниманием и не привлекала в свои ряды лучших и наиболее боеспособных. Но решающий мотив этого изменения заключается в том, что пехота перестала существовать как тактический организм. Средневековый пеший кнехт существует только сам по себе: он не член крепко сплоченной дисциплинированной когорты. Поэтому, в сущности, несправедливо упрекать пехоту в том, что она была никуда не годна: она не могла быть больше того, чем она была; можно даже сказать, что она не должна была быть больше, так как главным родом войск должны были быть и желали быть рыцари. Поэтому пехота даже в большом количестве отнюдь не была лишней, но была полезна и нужна рыцарям как дополнение, без которого им трудно было обойтись и во время самого сражения; вне сражения же — особенно во время осады — она были им совершенно необходима и незаменима.

Если резюмировать еще раз причины влияния крестовых походов на военное искусство рыцарей Западной Европы, то приходится отметить следующее:

Во-первых, они ознакомились с почти что новым для них родом войск — с конными лучниками; далее, вследствие невозможности возместить убыль в конном составе, они сами вынуждены были применять в бою пехоту совершенно иным образом, чем это принято и необходимо было на родине. И то и другое должно было повлечь за собою глубокие последствия. Приходилось тщательно изучать и развивать возможность взаимодействия различных родов войск. Как правило культивировалась практика смешанного боя. Пытались также ввести и у себя конных лучников как особый род войск. С целью иметь возможность лучше обороняться от внезапных нападений конных лучников, крестоносцы вынуждены были уделять походному порядку гораздо больше внимания, чем ему уделялось на Западе. Неоднократно встречаем мы упоминания о том, что шли тремя колоннами, одна около другой, чтобы со всех сторон быть готовыми к бою, что, конечно, возможно только в местности, предоставлявшей достаточный простор и свободу передвижения*.

ПЕШИЙ И КОННЫЙ БОЙ ГЕРМАНСКОГО РЫЦАРСТВА

По вопросу о том, сражались ли германские рыцари между IX и XIII вв. в пешем или в конном строю и в какой мере, — Бальцер (стр. 98 и след.) собрал ряд свидетельств, прямо противоречащих друг другу. Воины короля Арнульфа спешивались в 891 г. при штурме норманнских укреплений и в 896 г. при осаде Рима. По Оттону Нордгеймскому, в сражении с Генрихом IV в 1080 г. на реке Эльстер часть саксонских рыцарей рубилась в пешем строю; то же происходит в сражении при Блейхфельде в 1086 г., а об армии Конрада III в 1147 г. под Дамаском Вильгельм Тирский** говорит: «спешились, как это обычно делают германцы в исключительных положениях». В сражении при Бувине в 1214 г., по Вильгельму Бретонскому («Филиппида», X, стих 680), король Филипп Август воскликнул: «Пусть германцы бьются пешие, ты же, галл, всегда сражайся верхом на коне!». Биограф Роберта Гискара говорит о германцах, что они посредственные наездники***. Византиец Иоанн Киннам прославляет их превосходство над французами в пешем бою (Бальцер, стр. 47, прим. 5). К этому надо еще прибавить,

* Геерман в своем вступлении высказывает взгляд, что метод ведения войны рыцарства лучше и вернее всего изучать по начальной эпохе крестовых походов. Возможно, что ко времени позднейших крестовых походов европейцы уже успели кое-что позаимствовать у Востока, первые же свои победы они одержали благодаря тактике, принесенной с родины, а сообщения источников об этих событиях более обстоятельны, чем о западно-европейских происшествиях. Как ни кажется естественным этот ход мыслей, тем не менее он неправилен: своеобразные новые условия борьбы обозначились уже с самого начала крестовых походов — уже при Дорилэе — и приходилось по возможности применяться к ним.

** Т. XVII, гл. IV, изд. в Базеле (1549 г.). стр. 397.

*** SS, IX, стр. 257. «Gesta Rob. Wiscardi», II, 154.

что и император Лев (886—911 гг.) в своей «Тактике» говорит о франках, что они любят как пеший, так и конный бой*. Об отдельных рыцарях часто сообщается, что они для боя спешивались, особенно в моменты крайней опасности.

Германцы же, наоборот, хвалились тем, что они лучшие наездники, чем итальянцы (I, 21; III, 34). Фульдский летописец именно по поводу сражения с норманнами в 891 г. пишет, что франки, собственно говоря, сражались на конях. Византийский император Никифор, по Луитпранду, сказал, якобы, что германцы не сильны — ни пешие, ни на коне, а чех Косьма (II, 10) прямо говорит о германцах, что они не привычны к пешему бою. В другом месте (стр. 3) Бальцер толкует одно место из Титмара Мерзебургского (976—1019 гг.) в том смысле, что последнему участие пехоты в бою представлялось чем-то необычным.

Бальцер сопоставляет свидетельства и приходит к заключению, что германцы не вполне усвоили себе службу на коне даже и после того, как она применялась у них в течение долгого времени. Их успехи в кавалерийском деле, по его мнению, не были блестящими.

Такое заключение следует отвергнуть как с точки зрения фактов, так и с точки зрения критики источников. Германцы были превосходными наездниками уже во времена Юлия Цезаря, а в частности саксы бились верхом на конях уже против Карла Великого. Также и фризы называются наездниками в одном из каролингских капитуляриев (см. выше). Невозможно допустить, чтобы у народа, для которого верховая езда была искони привычной и в котором существовало постоянно упражнявшееся в своем искусстве рыцарское сословие, чтобы у него искусство конного боя стояло не на должной высоте. Бальцер полагает, что всадник, чувствующий себя на коне в своей стихии, спешивался для боя только в случаях крайней необходимости и тем труднее решался на это, чем более критическим было его положение. Ни в коем случае нельзя выставить такого общего положения. Превосходство конного бойца проявляется главным образом в массе; на равнине боевая сила 100 конных рыцарей, несомненно, была во много раз выше силы 100 пеших бойцов: значительная часть пеших сразу же была бы растоптана конями. Граф Артуа, предводитель французов в сражении при Куртрэ, сказал, будто бы, что 100 конных равноценны 1000 пеших**. В поединке же умелый пеший боец вполне может справиться со всадником, и, как ни кажется это странным, из военной истории нам известны многочисленные случаи, когда всадники спешиваются в бою,например, у казаков***, а также в классической древности****. Если у римлян, о которых это рассказывается бесконечно часто, мы склонны объяснять спешивание невысоким уровнем искусства верховой езды,то такое объяснение не находит себе подтверждения в источниках и отпадает совершенно, когда мы читаем у Полибия (III, 115) как раз наоборот, что конные воины Ганнибала, кавалерийские качества которых не могут подлежать никакому сомнению, в сражении при Каннах, в конной стычке соскочили с коней и без правильных атак, «варварским образом», как выражается Полибий, одолели римлян. То же неоднократно сообщает Цезарь (B. G. IV, 2 и 12) о германцах, славившихся как особенно искусные наездники; тот же прием встречаем в «Песне о Нибелунгах» в сражении с саксами (строфа 212).

Воин же, считающий себя погибшим, не желающий или не имеющий возможности спастись бегством, борющийся не на жизнь, а на смерть, в этот момент крайней опасности охотно соскакивает с коня и сражается пешим. Ибо, если он останется на коне, то противник, ранив его коня, может заставить его упасть и лишит его возможности защищаться, между тем как пеший зависит только от самого себя. Самое определенное из всех высказываний об интересующей нас эпохе находим в Фульдских анналах в описании сражения с норманнами: «У Франков же не в обычае сражаться пешими». Бальцер пытается дать этому замечанию ограничительное толкование, говоря, что оно касается только франков в узком

* Лев, Тактика, XVIII, 84. Я перевел бы это место так: «для них столь же привычен пеший бой, как и натиск в конном строю».

** Гюияр, стр. 148.

*** В 7-м и 8-м прил. к «Mill. Woch.-Blatt», 1894 г., печатался дневник полковника фон Линзингена от 1812 г., в котором на стр. 277 говорится, что казаки атаковали отрезанную от армии роту: «Поразительно было то, что в этом рукопашном бою большинство казаков соскочило с лошадей и дралось пешими, да к тому же еще с пиками!»

**** Фрелих (Frolich, Beitr. z. Gesch. d. Kriegfuhrung der Romer, 1886, стр. 60) выбрал для этой цели 11 соответствующих мест из Ливия. Я присоединяю сюда еще Polybius, XI,21, где чтение, впрочем, сомнительно, и Polybius, Fragm., 125 (Диндорф), где рассказывается о спешивании всадников для боя у кельтиберов.

смысле слова, или лотарингцев. Это соображение вполне произвольно, так как автор говорит не о лотарингцах, а о франках, и почему бы как раз лотарингцы особенно хорошо ездили верхом*. При помощи таких ограничений любому высказыванию можно придать противоположный смысл. Тем не менее я ничего не имею против них; следует только применять их ко всем соответствующим свидетельствам и тогда убеждаешься, что все они неосновательны. В каждом отдельном случае возможно, что какая-либо для нас уже неуловимая тенденция, ошибка, просто вымысел создали совершенно ложное суждение. Этим объясняется, что данные, почерпнутые из внешне одинаково достоверных источников, прямо противоречат друг другу. Здесь недостаточно одной только документальной критики. Необходима также критика по существу, которая охватывала бы эпохи в целом. Насколько опасно основываться на изолированных свидетельствах, мы видели на конкретных примерах в главе о происхождении ленной системы: на основании нескольких таких показаний сложился взгляд, что во время Великого переселения народов франки еще были только пешими бойцами, это завело на ложный путь в таком кардинальном вопросе, как происхождение феодального государства.

Итак, не отдельно взятые свидетельства, почти сплошь недостаточно достоверные и противоречащие друг другу, а критический анализ и оценка таких свидетельств в сопоставлении с общим ходом развития военного дела дают нам право на вывод, что, начиная с Великого переселения народов, искусство конного боя культивировалось и стояло на значительной высоте у всех германских племен. Только у англосаксов конный бой, по-видимому, действительно не получил развития, быть может, в связи с тем, что они взяли с собой из-за моря (если вообще взяли) очень мало лошадей, а подлинное военное сословие развилось у них в очень ограниченной степени. Настоящий же рыцарь, сформировавшийся на материке и перенесенный оттуда норманнами в Англию, был настолько же пешим, как и конным, а если он и сражался пешим, то это отнюдь не означает, что он был недостаточно опытен в конном бою. О каждом подлинном рыцаре можно сказать то же, что говорит Видукинд (III, 44), прославляя герцога Конрада Рыжего: «то верхом, то пешим отправлялся на врага непреодолимый воитель».

РЫЦАРИ И КНЕХТЫ

Что рыцарское сословие, в тесном смысле этого слова, как низшее дворянство, отслоилось из древнего общего военного сословия, это достаточно твердо установлено, и самый процесс этого отслоения для нас ясен. Труднее уяснить себе, как сложилось и развилось низшее, не-рыцарское военное сословие, именно пехота. Здесь для исследователя остается еще достаточный простор. Нас главным образом занимает вопрос, в какой степени, с каких пор и в какой форме пешие и конные спутники рыцаря были или сделались комбаттантами.

Бальцер (стр. 78 и след.) полагает, что до XI в. рыцари обычно не имели еще при себе оруженосцев, что видно из неоднократных упоминаний о том, что они сами отправляются на фуражировку. Я хотел бы несколько иначе понять то же наблюдение. Со времени Великого переселения народов в войске даже самые знатные были не только полководцами, но и бойцами. Между королями, герцогами и широкой массой всадников существовали промежуточные ступени и переходы. Обычай иметь при себе слугу, несомненно, с давних пор распространился и до низшего слоя всадников. Тем не менее они все же оставались низшими, сами отправлялись на фуражировку и часто совершенно не имели при себе слуги, или он находился при обозе, где вел вьючных лошадей, или ехал на повозке. Представители же постепенно отслаивавшегося рыцарского сословия имели, конечно, в своей свите по крайней мере одного оруженосца или щитоносца, а обычно, кроме того, еще несколько кнехтов.

Бальцер устанавливает, что с середины XI в. число оруженосцев все возрастает; они часто были конными, но они были вооружены только на крайний случай, и ими пользовались лишь для второстепенных военных целей и только в виде исключения вводили в бой.

Трудно выяснить, как Келер смотрит на образование родов войск в средние века и на их взаимоотношения, так как автор в различных местах своего труда противоречит сам себе. Он твердо убежден только в том, что свита рыцаря первоначально была пешая, невооруженная и не сопровождала его в бой. Но, по его мнению, с начала рассматриваемого им периода наряду с рыцарством существовала

* Цитаты, приведенные Бальцером на стр. 99, прим. 11, в подтверждение этого положения, на мой взгляд, не имеют никакой доказательной силы.

как отдельный род войск и легкая конница. С XI в. в продолжение некоторого времени существенную роль играла будто бы и пехота, причем имеются в виду как пешие кнехты, следовавшие в бой за рыцарем, так и самостоятельная пехота. «Копье» (Gleve), т. е. принципиальная придача вспомогательных родов войск отдельному рыцарю, образовалось только во вторую половину XIV в.

Я согласен с Келером в том, что первоначально свита рыцаря не следовала за ним в бой*, хотя каждый из его спутников был чем-либо вооружен**; была ли у кого-либо из его спутников случайно кляча или не была, — не имеет значения ни для военных целей, ни для передвижения войска. Келер недостаточно различает два вопроса: имел ли рыцарь конного кнехта и следовал ли такой кнехт обычно за ним в бой. На первый вопрос, несомненно, следует ответить утвердительно: в XII в. в свите рыцаря появляются конные и вооруженные люди. Человек, которого Барбаросса при Тортоне (1155 г.) хотел посвятить в рыцари и который отклонил эту честь, называется «strator»; из этого следует, что он был конным кнехтом***, ибо он «имел секиру, которую такого рода люди обычно привешивают к своему седлу»****. В 1158 г. жители Брешии нападают на чешских «scutiferi» и отнимают у них коней*****. Если эти «scutiferi» были верхом, то конными были и «milites et scutiferi», которые во время того же похода бродят по стране, разоряют и сжигают города и села******. Документально засвидетельствован «servus equitans» в так называемом Аарском праве министериалов*******, и попытка Келера (III, ч. I, XVII) дать особое толкование этому свидетельству настолько искусственна, что не заслуживает опровержения. Правильной, наоборот, кажется мне поправка к тексту, сделанная Келером к Вейссенбургскому праву министериалов от 1029 г., так что это свидетельство отпадает********.

Но в 1240 г. император Фридрих II издает приказ, чтобы 20 рыцарей, 20 стрелков и 20 кнехтов, все верхом на конях, отправились в Сардинию.

В «Annal. Jan.», SS, XVIII, 158, в договоре графа Савойского с Генуей сказано: «Граф должен ежемесячно получать по 16 ливров за рыцаря с вооруженным слугой и 2 щитоносцами». Далее благородный рыцарь Лотарь Брешианский был в войске, «в котором каждый имел 2 коней с 50 рыцарями, 3 оруженосцев и хорошо вооруженных кнехтов».

Затем там встречается и другой рыцарь «со слугой и 2 щитоносцами». Келер (III, 2, 87) переводит «donzellus» — «кнехт благородного происхождения», «scutiferi» он считает «остальными кнехтами, вероятнее всего из числа младших сыновей рыцарских родов». Это явно произвольно, но возможно, что все лошади предназначались для самого рыцаря, а кнехты участвовали в бою пешими.

В 1239 г. папа заключил договор с Венецией, по которому она обязывалась выставить «300 рыцарей и на каждого рыцаря коней: декстрария — одного и ронцинов — двух, оруженосцев трех с оружием».

Келер (I ч., X) полагает, что эти 3 коня, предназначаются для рыцаря, а «scutiferi» — пешие. Это, вероятно, правильно; иначе коней должно было бы быть по крайней мере 4.

Если, таким образом, ясно вырисовывается роль конного и вооруженного кнехта, то отсюда еще нельзя заключить, что он верхом следовал за господином в бой, — именно в бой, в собственном смысле слова; поэтому я хотел бы по крайней мере не противоречить Келеру, когда он говорит, что это вошло в обычай только со второй половины XIV в.

Наряду с вопросом о конных слугах возникает вопрос и о самостоятельной легкой коннице.

Несомненно, воины искони различались как по вооружению, так и по рангу, но различия были не такого рода и не столь значительны, чтобы лечь в основу деления по родам войск. Если бы это было так, то в многочисленных описаниях сражений эти различия должны были бы проступать гораздо отчетливее.

Келер пытается всюду провести резкую грань между явлениями, которые в действительности не так резко различаются между собой; вследствие этого он впадает в постоянные противоречия с самим собою

* Геерман, стр. 101, также доказал это для времени первого крестового похода.

** Келер (III, 2, 39 и 83) приводит места, согласно которым «armigeri» и «garciones» было дано оружие, из чего он заключает, что, как правило, оружие им не было присвоено. В этом заключении автор заходит слишком далеко: несомненно, имеется в виду только тяжелое оборонительное вооружение, которым они обычно не обладали и которым их в данном случае снарядили.

*** «Rex Chonradus... papae... stratoris officium exhibuit», Bernold,1095 (император Конрад у папы выполнял обязанности конюха. Бернольд 1095, цит. Вайцом VI, 194).

**** Отто Фрейзингенский, Gesta Fried, II, гл. XVIII.

***** Otto Morena, M. G. SS, XVIII,603.

****** Otto Morena, стр. 606; Отто Фрейзингенский, SS, XX, 398.

******* Lacomblet, Urkundenbuch, IV, 792.

******** Напечатано у Гизебрехта «D. Kaiserzeit», II, 686.

и с жаром защищает положения, не имеющие существенного значения; в конце концов, вместо того чтобы путем установления резких различий достигнуть большей ясности, не удается даже понять, что, собственно, он имеет в виду.

Главным образом это относится к нижеследующим местам:

В т. II, стр. 14, говорится, что в XII в. слуги рыцаря были невооруженными и пешими. То же в т. III, 2, 83.

В т. III, 2, 87, мы читаем, что в XIII в. возник обычай, по которому кнехты благородного происхождения (Knappen, scutiferi, armigeri) пешими следовали за рыцарями в бой.

В т. III, 3, 249, говорится, что в XII в. установился обычай вооружать людей (пеших) из свиты рыцаря и брать их с собою в бой.

В т. I, стр. IX, мы узнаем, что «копье», состоявшее из рыцаря и следовавших за ним двух легких всадников, впервые введено было во Франции только в 1364 г., а в Германии — в 1365 г. То же и в «Gotting. Gel.-Auz.» 1883, стр. 412. Ср. также III, 2, 89, где прямо подчеркивается, что до введения «копья» рыцарь не имел конной свиты.

Но, с другой стороны, в т. II, стр. 14, сказано, что с 1240 г. один из двух уже и ранее вооруженных слуг рыцаря стал конным. Если к этому присовокупить что оба слуги не были комбаттантами, то хотя этим и устраняется прямое противоречие с процитированными выше местами, но спрашивается, с какой целью эти слуги (о которых прямо говорится, что в XII в. они еще не были вооружены) в XIII в. снабжены оружием.

В т. I, стр. IX и т. III, 2, 24, мы узнаем, что легкие всадники образовывали первую линию.

Но в т. III, 2, 75, сказано: «Средневековые всадники сражались тесно сомкнутыми колоннами, которые составлялись из легковооруженных и в которых рыцари были только в голове и в последней шеренге, а если они были в достаточном числе, то и в крайних рядах, и, таким образом, извне замыкали отряд легкой конницы... Только в XV в. у французов развилось построение «en haye» (в линию колонн), состоявшее из тяжеловооруженных, за которыми держится легкая конница». В Германии такое построение не привилось, якобы, никогда, а сохранилась сомкнутая колонна.

Ср. также I, 193, прим.

Т. II, вступление; на стр. VI Келер говорит о пехоте и ее влиянии на боевой порядок, со времени Сенлака (1066 г.) проявляющемся в целом ряде сражений. В особенности он восхваляет саксонскую пехоту XI в., брабантцев — XII в. и пехоту немецких городов — XIII в.

По т. III, 3, 248, расцвет пехоты в Западной Европе непродолжителен — в конце XII и в начале XIII в. — и явился следствием опыта третьего крестового похода. По мнению Келера, германцы даже должны были сперва проделать опыт 1197 г., для того чтобы также решиться пользоваться пехотой. В этом возрождении пехоты Келер здесь усматривает самое существенное влияние крестовых походов на военную организацию Западной Европы.

На стр. 274 говорится, что до того в Европе обнаруживаются только некоторые следы пехоты. На стр. 378 делается исключение по крайней мере для норманнов. Брабантцы[148] XII в., которым в других местах придается такое важное значение, в этих местах оказались вне поля зрения автора.

На стр. 309 говорится, что не в третьем крестовом походе, а в крестовых походах вообще развилась пехотная тактика; сражения первого крестового похода при Антиохии и при Аскалоне приводятся в качестве образцов, которым следовала Западная Европа.

На стр. 307 — значение пехоты достигло своего кульминационного пункта к началу XII в. (как мы видели выше, в конце XII в. после третьего крестового похода оно только начало возрастать) и с тех пор постепенно падало.

На стр.272 — и в войнах Фридриха II конница зависела от поддержки пехоты.

На стр. 219, ч. I, мы читаем, что пехота Фридриха II — сарацины — при Кортенуова находилась на обоих флангах, «как это бывало в Италии еще долгое время после того».

Но на стр. 275, т. III, ч. 3, уже говорится, что в XIII в. не было органического соединения конницы с пехотой и что поэтому, например, сражение при Кортенуова, главное сражение Фридриха II (1237 г.), следует рассматривать как конный бой. На стр. 334 сказано, что Фридрих II своим пренебрежением к пехоте низвел ее до ничтожной роли.

В Германии, — стр.308, — пехота играла роль только короткое время, во Франции — еще короче. О германской пехоте и о брабантцах говорится на стр. 309 — в продолжение XIII в. ничего более не слышно; упоминается только пехота немецких городов.

На стр. же 378 — коммунальные полки никогда не играли роль «infanterie de ligne» (линейной пехоты).

На стр. 145, т. III, ч. 2 и стр. 308, т. III, ч. 3, — время самого сильного упадка пехоты наступает в середине XIV в. В Италии господствует исключительно кавалерийская служба.

На стр. 275, т. III, ч. 3, XIV в., — наоборот, пехота начинает выступать самостоятельно.

На стр. 310 мы узнаем, что не метательное оружие, а только копье могло придать пехоте самостоятельное значение; копье же приобрело значение впервые у швейцарцев и только в бургундских войнах, т. е. в конце XV в., проявилось во всей своей значительности.

На стр. 329, 334 и 377 — опять-таки сражение при Чертомондо (1289 г.) и другие сражения того времени, якобы, чрезвычайно важны для истории пехоты и даже начинают собой «новую эпоху» этой истории.

На стр. 320 Келер признает, что роль пехоты была не столь велика, чтобы она могла на долгий срок закрепить за собой внимание и уважение. На стр. 429 в т. I мы узнаем, что Фридрих II не пришел к мысли о возрождении такой пехоты, которая существовала ранее, потому что проникнут был воззрениями своего времени. «Рыцарское честолюбие не терпело рядом с собой никакого другого воина». Эта нетерпимость рыцарства, якобы, имела самые печальные последствия. Точно так же и на стр. 327, т. III, ч. 2, и IV, ч. 3, стр. 307, 316-318, унижение пехоты приписывается сословному духу, а на стр. 310, ч. 2 — вырождению рыцарства.

Явно неверно во всех этих положениях прежде всего то, что с самого начала наряду с рыцарством, якобы, существовала самостоятельная легкая конница. Такая конница в источниках более раннего времени нигде не упоминается в качестве самостоятельного рода войск. Приведенные по этому поводу Келером цитаты (III, 2, 11 и III, 2, 29) лишены доказательной силы.

В «Ann. Altah.» от 1042 г. (SS, XX, 797) речь идет о рыцарях и кнехтах, но нет никаких признаков, что они представляли дифференцированные роды оружия.

«Chron. monast. Casinensis», SS, VII, 818, повествует о сражении Генриха Гордого под Беневентом в 1137 г.: «Но когда оруженосцы (scutiferi) герцога в первой же стычке обратились в бегство, то герцог, взвешивая колебания счастья, повелел рыцарям, перейдя реку, подняться на гору, на которой расположен город, и ворваться в него со стороны золотых ворот».

Келер в «scutiferi» желает здесь видеть легковооруженных всадников, которые образовывали первую боевую линию. Это явно невозможно. Первая линия предполагает вторую, следующую за ней. Но эта вторая линия, если первая целиком обратится в бегство, не может, оставаясь незатронутой, двинуться в другом направлении. Если даже допустить, что слово «scutiferi» вообще означает особый отряд, то «acies», во всяком случае, означает не «эшелон», а, по крайней мере, «боевой отряд». Но это весьма неправдоподобно, ибо о подобном разделении конницы по родам войск, если бы оно соответствовало средневековой организации, мы должны были бы слышать гораздо чаще. Гораздо более правдоподобно толкование в этой цитате «acies» в смысле «бой»: щитоносцы, отправленные для фуражировки, подверглись нападению и были разбиты (причем «in prima acie» можно перевести как «в первой же стычке», так и «в начале боя»), а затем герцог выслал рыцарей для штурма города с другой стороны.

Тем менее могут означать особый род войск «expeditissimi equites» (самые проворные всадники), высланные для преследования противника.

Хроника г. Муаенмутье XI в. (SS, IV, 59) различает отряд loricati (кольчужники) (30), которых обязан выставить аббат, и clypeati (щитники) (ср. Вайц, VIII, стр. 116). Келер (III, 2, 31, прим.) присоединяется к мнению Бальцера, что о loricati и clypeati упоминается как об отдельных частях. Но точный смысл источника не дает оснований для такой интерпретации.

По Кельнским анналам (Ann. Colon. maj., SS, XVII, 209) от 1282 г., в которых об Италии говорится « из неприятелей своих убили 1300 щитников (clypeatos), не считая других, которые пользовались тяжелым оружием», также нельзя заключить о существовании отдельных конных частей. Возможно, что эти «clypeati» — пехота.

Лифляндский документ от 1261 г. (цитировано Келером в т. III, 2, 45) устанавливает, что рыцарь должен получить 60 наделов, probus famulus — 40, servus cum equo et plata — по 10. Здесь мы снова

имеем дело с различными родами оружия, но из этого еще не следует, что они образовывали отдельные части.

В четырех местах (I, 175, 219; II, 15, 17) Келер говорит о «легковооруженных, на непокрытых броней лошадях». Это явная несообразность. Все эти 4 места исходят из одного документа Тевтонского ордена от 1285 г. («Cod. Warm.», I, стр. 122; цитировано Келером в т. II, стр. 15, прим. 3): «Упомянутые держатели ленов будут обязаны служить на конях, покрытых броней, и с легким оружием». Эту цитату следует толковать в том смысле, что легкое оружие должно выставляться наряду с конем, покрытым броней.

В соответствии с изложенным находятся многократно предпринимаемые Келером исследования по поводу значения слов scutarius, scutifer, armiger. Scutifer, в сущности, кажется ему тождественным armiger* , в то время как между scutarius и scutifer он проводит резкое различие (III, 2, 37, прим.).

По т. II, XI, scutarii — это рядовые из свиты рыцаря, стоящие над обозными слугами (lixae). Таким образом, scutarii — «люди, которые находятся при рыцаре и обслуживают его», III, 2, 86. Со словом scutarius однозначны donzellus, damoiseau,voletus, servus, serviens, а также и garcio и bubulcus.

Scutifer и armiger — кнехты благородного происхождения или «оруженосцы» — ученики рыцарей — таким образом покрываются более широким понятием scutarii (III, 2, 86).

Но scutifer означает также обученных сыновей рыцарей, не имеющих еще лена, а также — тяжеловооруженных (сержантов?), владеющих леном (III, 2, 19), и, наконец, — легковооруженного всадника из несвободного сословия (III, 2, 31, ср. III, 2, 24).

Как мы видим, попытка провести различие между scutarius и scutifer оказалась несостоятельной и у самого Келера.

То, что Келер говорит о пехоте и ее развитии, настолько полно противоречий, что само себя аннулирует. Наиболее верным можно, пожалуй, считать следующее:

(III, 3, 306) «Там, где пехота во времена рыцарства появляется вообще в соединении с конницей, она служит лишь для вспомогательных целей и, таким образом, в ту эпоху не представляет собой особого рода войск в современном смысле этого слова».

Подведя итоги всему вышесказанному, мы приходим к заключению, что, несмотря на фактическое различие по тяжести и качеству оружия и еще большее различие по личной знатности бойцов, войско до XII в., как правило, представляло нечто единое; только в XII в. происходит действительная дифференциация родов оружия. Вполне тяжеловооруженное рыцарство выделяется из низших слоев как рыцарское сословие в тесном смысле этого слова, а в войско входят новые элементы не столь высокой военной квалификации, преимущественно в качестве пехоты. Спутники рыцаря, до тех пор бывшие не-комбаттантами, постепенно все более приобретают характер комбаттантов и, в зависимости от обстоятельств, следуют за своим господином в бой. При исчислении военных сил необходимо, поэтому, принять в расчет, что до XI в. включительно milites тождественны с комбаттантами; начиная же с XII в., следует быть осторожнее и нельзя довольствоваться цифрами комбаттантов, так как граница между комбаттантами и не-комбаттантами становится расплывчатой.

Я не решаюсь с точностью определить момент возникновения понятия «копье», под которым подразумевался рыцарь с несколькими подручными комбаттантами. Я готов согласиться с Келером, что название вошло в обиход не раньше 1364 г., само же явление восходит по крайней мере к XII в. Иенс (Gesch. d. Kriegsw., I, 295) с самого начала усматривает в нем характерную особенность феодальных армий и называет «двойным копьем» сочетание рыцаря с одним стрелком, появившееся будто бы в крестовых походах. Однако, подтверждений этому в источниках нет.

Различие между разными лошадьми рыцаря — между dextrarius и roncinus нельзя считать абсолютным. Dextrarius также может иногда служить оруженосцу или нести на себе поклажу. Все дело в том, что в распоряжении рыцаря всегда есть свежая лошадь. Если у него их три, из которых одной он пользуется сам, второю — оруженосец, а третья служит вьючной лошадью, то эта последняя и есть запасная, свежая лошадь, так как поклажа обычно гораздо легче всадника.

* III, 2, 50. Правда, в т. II, XI, он все же усматривает различие между ними.

ГЛАВА III

НАЕМНИКИ

Мы установили ошибочность того взгляда, что когда-либо отдельный воин снаряжался на войну за свой счет; это допустимо только при участии в недалеких и непродолжительных походах при частых соседских распрях, но не в войнах между целыми государствами, которые составляют предмет нашего рассмотрения. Начиная с Хлодвига, отправлявшиеся в поход воины должны были быть снаряжены и содержаться более крупной организацией или же более крупным владетелем. Владетелем, который преимущественно организовывал, таким образом, походы, был граф, а выбирал ли он воинов из своих ленников, или из вассалов, не имевших лена, и своих крепостных кнехтов, или же брал к себе пришлых рыцарей и воинов, это не составляло заметной разницы для дела. И своим собственным людям сеньор, кроме снаряжения и довольствия, вероятно, должен был давать сколько-нибудь наличными деньгами, а начиная с XII в.,даже довольно много. Выше мы на нескольких примерах показали, сколько получили министериалы за поход на Рим. Переход от ленного ополчения и ополчения министериалов к наемному войску практически осуществился гораздо легче, чем это может казаться, если иметь в виду их противоположность в теории. Вероятно, издавна уже обе эти формы до известной степени существовали параллельно. Уже в X в. сообщается о венецианском доже Виталисе, или Урсеоло, который навербовал в Лангобардии и Тоскане наемников и за это убит был венецианцами*. Граф Фулькон Анжуйский в 992 г. послал против герцога Конана Бретонского** войско, «в котором были как свои, так и наемники». При императоре Генрихе III папа Лев IX навербовал в Германии отряды против норманнов в Южную Италию***. Войско, с которым Вильгельм Завоеватель в 1066 г. переправился в Англию, состояло главным образом из наемников, а мы видели, как быстро элементы феодального строя, лишь частично перенесенного норманнами в Англию, полностью превратились там в наемничество. Вскоре после этого мы встречаемся с тем же явлением и на континенте. Уже в войнах Генриха IV деньги играют значительную роль; субсидии, выплачиваемые византийским императором германскому с целью получить защиту от норманна Роберта Гискара, использованы были Генрихом для собственных военных нужд; часто мы встречаемся также с тем, что король делал займы, и города выплачивали ему подати. При его сыне Генрихе V мы впервые слышим о «ненасытной утробе королевского фиска» (regalis fisci os insatiabile)****. Герцог Лотарингский в 1106 г. послал на помощь кельнцам наемников*****, а существенную часть военных сил Фридриха Барбароссы составляют брабантцы. Войско, которое архиепископ Майнцский Христиан повел в 1171 г. через Альпы, также состояло преимущественно из них. В 1158 г. генуэзцы навербовали стрелков против императора, а Византия вербует в Италии — по выражению немца Рагевина (ч. IV, стр. 20) — «milites qui solidarii vocantur» (воинов, называемых наемниками). Эти наемники были родом не только из германских областей, среди них упоминаются и арагонцы, наваррцы и баски. Их называют также coterelli, ruptuarii, triaverdini, stipendiarii, vastatores, gualdana (gelduni), berroerii, mainardieri, forusciti, banditi, banderii,ribaldi, satellites ******.

* Petrus Damiani, Vita Romualdi, SS, IV, стр. 848 (написано около 1040 г.).

** Rich. IV, гл. 82 «exercitum tam de suis, quam conducticiis congregabat».

*** Hermannus Contractus, SS. V, 1053 г.

**** Вайц, VIII, 238, 402, 411.

***** «Ann. Hildesh.», SS, III, 110.

****** Mikulla, Die Sölder in den Heeren Kaiser Friedrichs II, Берлин, диссертация 1885, стр. 5.

Дюканж сомневается, не следует ли вместо «Triaverdinis» читать «Triamellinis», — слово, которое могло бы быть поставлено в связь с названием известного рода кинжала.

Феодальное войско есть продукт натурального хозяйства; то, что наряду с ним и из него развивалось наемничество, было возможно только при условии некоторого возрождения денежного хозяйства, а последнее предполагает в обороте известную массу благородного металла.

В эпоху Великого переселения народов, когда совершенно прекратилась правильная разработка рудников, запас благородных металлов, должно быть, все более и более уменьшался и дошел до минимума в эпоху первых Каролингов*. Но уже в VIII в. открыты были новые источники для добычи благородных металлов, золото промывали во французских и немецких реках, а в Пуату уже в эпоху Каролингов в рудниках добывали много серебра. В IX в. начали добывать серебро в Эльзасе и в Шварцвальде, с X в. — в Тироле, Штирии, Каринтии, а в особенности в Богемии, в Саксонских рудных горах; а начиная с 970 г. — в Гарце. Приблизительно с того же времени, а возможно, что уже и раньше, золото стали добывать и в Богемии, Зальцбурге, Венгрии и Семиградье, т. е. преимущественно в местностях, не подвергшихся еще эксплуатации римлян или мало эксплуатировавшихся ими.

Если отдельные даты этих первых успехов в горной промышленности и не вполне достоверны и если пора действительно богатой добычи наступила лишь позже, то, во всяком случае, с XII в. прирост добычи настолько явен, что начало приходится относить к значительно более раннему времени. Уже монах Аббо в своем описании осады Парижа (886 г.) жалуется (кн. I, стр. 605—609) на рыцарей, желавших носить только украшенную золотом одежду; так же изображает дело биограф архиепископа Бруно, брата Оттона Великого (912—973 гг.), описывая его рыцарей, «гордо выступающих в пурпуре и золоте»: «среди придворных в пурпуре и своих рыцарей, сверкающих золотом, сам надел простую тунику»**.

По источникам трудно в каждом отдельном случае определить, идет ли речь о наемниках-пехотинцах или же о конных, сражавшихся, как рыцари***; во

* Peschel, Ueb. die Schwankungen der Wertrelationen zwischen d. edlen Metallen und den übrigen Handelsgütern, «Deutsche Vierteljahresschr.», 1853, вып. 4, стр.1; Sortbeer, Beitr. z. Gesch. d. Geld und Münzwesens in Deutschl. Forsch. z. Deutsch. Gesch., T. I-VI и стр. 57. Добавл. к Heft. z. Petermanns Mitteil., 1879 г. Lezis, статья «Золото» и статья «Серебро» в «Handwörterbuch d. Staatswissenschaft», Waiz, Heinrich I, Excurs. 15 «Ueber die angebliche Entdeckung der Metalle im Harz unter Heinrich I». По его данным разработка рудников Гарца при Оттоне засвидетельствована Видукиндом и Титмаром; существовала ли она в действительности уже при Генрихе I, остается под вопросом. Inama- Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgesch. d. 10 bis 12 Jahrh., стр. 430 и след.

Вычисленные Пешелем цены на хлеб явно недостоверны, и его взгляд, что, начиная с XIV в., в Европе наблюдается уменьшение запаса металлов, — безусловно ошибочен.

Сетбер (II, стр. 306) полагает, что он обнаружил признаки того, что при Меровингах все еще было много наличных денег. Этот взгляд, пожалуй, требует проверки.

Флорентийские гульдены начали чеканиться в 1252 г.

Гельферих (Helfferich, Geld und Banken, т. I, стр. 87) говорит следующее: «V, VI и VII вв. нашей эры, — при почти полном прекращении добычи благородных металлов и при значительном отливе их в Византийскую империю и более отдаленные восточные страны, по-видимому, привели к крайнему уменьшению количества благородных металлов в Западной Европе»; отлив благородных металлов из Западной Европы именно в Византию я считаю недостаточно еще доказанным; по крайней мере и там обнаруживается только недостаток в них, а не излишек. Начало же общего уменьшения их количества в Римской империи следует отнести к гораздо более раннему периоду, и уже в III в. нашей эры оно привело к катастрофе. Ср. т. II, стр. 227 и след.

** Ruotger, Vita Brunonis, cap. 30.

*** Дельпех (Delpech, II, 43) брабантцев считает конницей. Келер, III, 2, 148 и сл., объявляет их пехотинцами, не обосновывая, впрочем, этого мнения. Если на стр. 152 он высказывает удивление по поводу того, что после сражения при Бувине они исчезли и что впоследствии в Германии в качестве пехоты мы встречаем только всенародное и городское ополчение, то это противоречит его собственному взгляду, что брабантцы были уже высоко развитой пехотой. В довершение он сам на стр. 147, прим., цитирует английский источник «Gerv. Dorob. Chron. de rebus anglicis» от 1138 г., по которому первый из исторических вождей наемников, Вильгельм Ипернский, управлял milites et pedites multis (многими рыцарями и пешими). Далее в договоре между Барбароссой и Людовиком VII Французским от 1170 г. (Martène, Amplissim Coll,II, 880) определенно говорится о Brabantiones sive coterelli (брабантцы или наемники), как о equites seu pedites (конные или пешие).

всяком случае, очень скоро и рыцари в тесном смысле этого слова стали поступать в наемники*. Когда король Владислав Чешский в 1158 г. созвал своих вассалов для похода в Италию, то они, по словам летописца, сначала были очень недовольны; когда же король объявил, что, кто не желает, может остаться дома, а тех, кто будет ему сопутствовать, ожидают награды и почести, то все заторопились присоединиться к войску. В более раннюю эпоху лишь скудный земельный надел или только довольствие при дворе служили компенсацией за военную службу, теперь же, когда вообще стало возрастать количество наличных денег и благосостояние, военная служба открывала возможности крупного заработка и обогащения. В Германии и Франции основы феодализма исчезли не в такой степени, как в Англии, но общие условия все же постепенно приблизились к английским. Обладание леном и принадлежность к рыцарскому сословию больше не были непосредственно связаны с несением военной службы; значение ленников и рыцарей свелось к тому, что они были представителями и продолжателями традиций сословия, бывшего превосходным материалом, идеальной средой для вербовки наемных воинов. Социальные корни сословия, основы рыцарства отчетливее всего проявляются в том, что, несмотря на переход военной организации к наемничеству, — причем сильный, храбрый, опытный человек ценился независимо от всего прочего, — рыцарство все же сохранило свое значение как сословие, и как раз в это время из него образовалось низшее дворянство.

Параллельное явление заключается в том, что у держателей рыцарских ленов начинает проявляться наклонность превратиться просто в крупных землевладельцев.

В «Малом Люцидарии» (Kleiner Lucidarius), называемом также «Зейфрид Гельблинг» (между 1283 и 1299 гг.), один паж рассказывает господину, что при дворе беседуют уже не о Парсифале и Гамурете, а о молочных коровах и о торговле хлебом и вином**, а в следующем веке австрийский поэт Зухенвирт вкладывает в уста никогда не выезжавшего за пределы своей родины рыцаря

Da stee ich alz ain ander rint
Und pin ain haimgetetzogen chint.

Уже в XII в. наемничество развилось настолько, что появились знаменитые вожди наемников, которых можно считать предшественниками позднейших кондотьеров. Первым из них был Вильгельм Ипернский, по-видимому, незаконный сын Филиппа Фландрского. Он женился на родственнице папы Каликста II, получил во владение Слюи, а в Англии получил от короля Стефана титул графа Кентского. Отряд, во главе которого он то здесь, то там вел войну, состоял из конных и пеших, а хроника***, описывая его положение в нем, говорит, что он quasi dux fuit et princeps eorum, т. е. был как бы вождем и главой (1162 г.). Если Вильгельм Ипернский сам был знатным рыцарем, то другой, именуемый вождем брабантцев — Вильгельм де Камбрэ, — был раньше священником. Но большинство этих предводителей все же, вероятно, рыцарского происхождения или, по крайней мере, поднялось до высших социальных ступеней путем приобретения титулов и ленов. Предводитель такой шайки — провансалец Меркадье — был главной опорой Ричарда Львиное Сердце после возвращения последнего из плена и, может быть, личным другом короля.

Со временем в качестве переходной ступени от феодальной военной организации к наемничеству выработался модус, по которому императоры, короли и города заключали прочные договоры с князьями и властителями, по которым последние, обладая военным опытом и авторитетом, и располагая твердым ядром

* Gisleb, SS, XXI, 884. По Джильберту Балдуин имел «вспомогательных рыцарей, которые, не будучи наемниками, были на его иждивении».

** XV, 100, цитировано у Рот ф. Ш., стр. 352.

*** «Gerwas Dorob», I c.

полученных по наследству вассалов-воинов, собственными запасами оружия, обязывались выставить определенное количество войска для определенного похода или в случае надобности. Первый такого рода договор заключен был уже в 1103 г. Генрихом I Английским, сыном Вильгельма Завоевателя, и графом Робертом Фландрским: последний обязался за плату в 400 марок серебра в год выставить королю 1000 рыцарей, каждого с 3 конями. Договор составлен очень детально. Он недействителен против сюзерена Роберта, короля Франции. Рыцари должны быть готовы через 40 дней по получении Робертом извещения. Король должен выслать за ними суда (для перевозки их в Англию). Пока фламандцы[149] находятся в Англии, король обязан давать им довольствие и возмещать их материальные убытки, так же как своей собственной свите (своей «familia»). Договор этот подкреплен тем, что особым актом бароны и кастеляны графа Фландрского признали обязательства по отношению к королю Англии, и через 50 лет, в 1163 г., он был возобновлен преемниками*.

Подобного рода договоры впоследствии заключались в огромном числе, особенно между немецкими имперскими городами и соседними (мелкими) династиями**.

Преимущества наемных рыцарей перед вассалами, — поскольку те служили за жалование, если только хватало средств на аккуратную его выплату, и поскольку их всецело можно было держать в своих руках, — были настолько очевидны и значительны, что в XIII в. во Франции сюзерены предпочитали продавать освободившиеся лены горожанам, вместо того чтобы поселять на них новых рыцарей-вассалов***.

Мы видели уже, как легко даже настоящий, состоятельный рыцарь превращался в разбойника; конечно, более склонен был к этому простой наемный кнехт без отечества. При исключительно слабой дисциплине такого рода военных отрядов от них тяжело страдали местности, лежавшие на пути их походов, но страшнее всего было тогда, когда такие рыцари бродили по стране по окончании войны и роспуска войск, будучи предоставлены самим себе. Оставаясь объединенными в банды, вооруженные как раньше, они до крайности угнетали и разоряли население, не щадя церквей и монастырей. Это были заведомо наиболее грубые, склонные к насилию элементы населения, природе которых совершенно не отвечали мирный труд и жизнь обывателя и которые поэтому охотно давали завербовать себя.

Беззаконие и жестокость войны развязывали все их необузданные инстинкты и лишали всякого чувства сострадания. Уже об одном из первых наемных войск, о котором до нас дошли сведения, — о войске, навербованном в 1053 г. строгим ревностным папой Львом IX против норманнов, — летописец Герман Рейхенауский сообщает, что оно состояло из авантюристов и беглых преступников. Сами короли, пользовавшиеся этими бандами, должны были потом искать средства, чтобы избавить от них страну. Императоры Фридрих и Людовик VII Французский в 1171 г. (14 февраля) заключили договор, в котором говорится, что они собрались вместе со многими баронами и взаимно обязуются нигде в своих государствах не терпеть «зловредных брабантцев или coterelli». Пусть ни один вассал их не потерпит, разве что такой человек взял себе жену в их стране или на длительный

* Первый договор напечатан Римером (Rymer, Foedera, т. I, стр. 7), второй — там же, на стр. 22. В условиях найма имеются пункты, по-видимому не согласующиеся между собой. В обязательстве баронов сказано, что кто получает 30 марок pro feodo (за феод), должен выставить 10 milites и т. д. Общая же сумма за 1000 рыцарей составляет только 400 марок. В возобновленном договоре от 1163 г. условлено платить по 30 марок за каждых 10 рыцарей.

Признаком, делающим этот акт чем-то средним между договором о поставке наемников и политическим соглашением, является, во-первых, то, что договор не действителен против сюзерена графа, во-вторых, что если последний сам нападает на Англию, граф обязуется помогать ему только постольку, поскольку это необходимо, чтобы не лишаться своего лена. «Да приведет с собой столь мало людей, как только сможет, однако так, чтобы лен его не был отчужден королем Франции в свою пользу».

** Келер, III, 2, 155, перечисляет целый ряд их.

*** Бутарик стр. 1138.

срок поступил к ним на службу. Преступивший же эти условия предан будет епископом анафеме и на него наложен будет интердикт; он обязан будет возместить все убытки, а соседи должны будут силой принудить его к этому. Если же этот вассал слишком силен, чтобы соседи могли с ним справляться, то император сам приведет в исполнение приговор*.

Латеранский церковный собор 1179 г. постановил ввести самые строгие церковные наказания против всяких «брабантцев, арагонцев, наваррцев, басков[150], триавердинцев», равно как и против тех, кто отказывался выступать против них с оружием.

Известно также несколько случаев, когда от них отделывались силой. Брабантцы под начальством патера Вильгельма из Камбрэ, состоявшие некоторое время на службе у короля английского Генриха II, захватили замок Бофор в Лимузине, откуда они совершали грабительские набеги по окрестностям, пока, наконец, в 1177 г. не были осилены и поголовно вырезаны графом Адемаром и епископом Лиможским**. В 1183 г. под Шарентоном истреблена была большая шайка брабантцев; в Оверни с целью их истребления образовался большой «союз мира» под предводительством плотника Дюрана. Но когда этот «союз мира» обратился против самих господ, последние опять-таки в союзе с брабантцами подавили мятежный плебс.

НЕКОТОРЫЕ НОРМЫ ДЕНЕЖНОЙ ОПЛАТЫ НАЕМНИКОВ

До нас дошел проект договора, который Людовик Святой в 1268 г. намеревался заключить с венецианским дожем[151]; этот договор заключен не был, так как король, в конце концов, заключил соглашение с генуэзцами. В этом «Contractus navigii» Марк Квирин от имени венецианского дожа обязуется*** предоставить королю, — если он пожелает приступить к переправе войск за промежуток времени от Иванова дня до начала следующего года, — 15 кораблей для 4000 лошадей и 10000 человек. Экипаж на каждом из 12 кораблей должен состоять из 50 матросов, на «Роккафортис» и «Св. Марии» — из 110 и «Св. Николае» — из 86. За наем «Роккафортис» и «Св. Марии» король платит по 1400 марок (что приблизительно равняется 56000 современных марок), за наем «Св. Николая» — 1100 марок (44000 современных марок), за 12 остальных — по 700 марок (28 000 современных марок). Таким образом, плата за наем одних только кораблей на современные германские деньги составляла почти полмиллиона марок. Рыцарь с двумя слугами, одной лошадью и конюхом должен был платить за проезд (navigium), включая и довольствие, $8^1/_2$ марок (340 современных марок). Один рыцарь платит за закрытое место (placa cooperta) между грот-мачтой и кормой — $2^1/_4$ марки (90 современных марок); оруженосец (scutifer) за открытое место (placa discooperta) — 7 унций (35 современных марок); конюх и лошадь — $4^1/_2$ марки (180 современных марок); паломник за места от грот-мачты до буга, включая довольствие — $3^3/_4$ марки (30 современных марок). При этом должны предоставляться требуемые для изготовления пищи дрова.

Филипп Август ежемесячно платил каждому рыцарю по 3 золотых. В связи с этим Ричард Львиное Сердце объявил под Аккой, что он каждому вступившему к нему на службу будет ежемесячно платить по 4 золотых. Под этими золотыми монетами подразумеваются, вероятно, византийские. При Людовике Святом один византийский золотой равнялся 10 турским ливрам (livres tournois), а Наталис де Вайн оценивает livres tournois в 20 франков 26 сантимов. Таким образом, византийский золотой стоил 202 франка 60 сантимов. По такому расчету Филипп Август ежемесячно выплачивал по 607 франков 80 сантимов, а Ричард Львиное Сердце - даже по 810 франков 40 сантимов. Жуанвиль, - ввиду того, что он, попав в плен, лишился имущества, - за время от дня св. Якова (25 июля) до пасхи требует от короля Людовика IX 1200 ливров, а для каждого из 3 завербованных им рыцарей-наемников - также по 400

* M. G. LL, IV Constit., I, 331 и Martène et Durand, Veter script. ampl. collectio, т. II, стр. 880. Властители согласились, «между прочим, относительно изгнания зловредных людей, называемых брабантцами или котереллами, мы обоюдно согласились и приняли постановление. Именно: никаких брабантцев или котереллов, всадников или пехотинцев, во всей стране или империи между Рейном, Альпами и городом Парижем ни по какому случаю не будем удерживать».

** H. Géraud, Les routiers au Douzième siècle, Bibl. de l'ècale des chartes, т.III, (1841), стр.132.

*** По Альвину Шульцу, Das höfische Leben, II, 316.

ливров. Если считать на турнские ливры, то Жуанвиль получил бы 24312 франков, а рыцари по 8104 франка, если же имеются в виду парижские ливры (livres parisis), то сумма эта вырастает до 30396, т. е. 11132 франков. Плата за службу, таким образом, за 50—60 лет значительно выросла, так как Филипп Август платил только 7293 франка 60 сантимов в год, щедрый Ричард - 9724 франка 80 сантимов, а Людовик IX вынужден был согласиться платить своим рыцарям ежегодное жалование в 10805 или, может быть, даже 13509 франков. Жуанвиль получает даже в год 32416 или 40528 франков.

Таблица ставок за службу воинов всех родов от 1231 г. до 1785 г. имеется у Д'Авенель (D'Avenel, Hist. économique, т. III, стр.664-680).

Интересные вычисления ставок имеются также у Келера, I, 167.

В договорах о найме войск, заключенных между графом Фландрским и королем английским в 1101 г. и позже (Rymer, Foedera I, стр. 1), на рыцаря считается 3 лошади.

ГЛАВА IV

СТРАТЕГИЯ

То, что нами было сказано о средневековом понятии тактики, относится также и к стратегии: стратегия, т. е. использование сражения для целей войны, конечно, имела место, но очень редко в качестве искусства ведения войны.

Мы уже узнали, насколько слаба была организация военного дела в феодальном государстве. Войска были малочисленными, мало дисциплинированными и даже не связанными чувством долга.

Мощь Карла Великого покоилась на колоссальной величине его государства и на его всеобъемлющем авторитете как монарха; собственно же военные его силы, как показывают медленные и незначительные успехи в борьбе с сарацинами и нескончаемая война с саксами, были весьма незначительны. О стратегии как таковой вряд ли можно говорить в этих походах, и раздробленные государства его преемников скоро становятся совершенно бессильными. Даже когда оба великих короля Саксонской династии, Генрих и Оттон, благодаря компромиссу с другими крупными вассалами и с родовой автономией в восточной части Каролингского государства, опять создали сильную центральную власть и когда королю Оттону при напряжении всех сил своего государства удалось нанести венграм серьезное поражение на Лехфельде, то, несмотря на это, военная мощь нового государства все же была отнюдь не велика и не слишком надежна, ибо наполовину самостоятельные крупные вассалы постоянно угрожали авторитету короля и внутреннему миру. Численность войск короля Оттона в сражении на Лехфельде мы предположили не выше 6000 — 8 000 человек. Только ясно представив себе это число, можно понять успехи язычников. От угрозы со стороны северных морских пиратов и конных армий азиатских кочевников освободились лишь частично при помощи военной силы, главным же образом благодаря тому, что норманны и мадьяры сами вступили в орбиту христианской культуры.

Ничто так не характеризует военное дело средневековья, как распря между императором Оттоном II и его двоюродным братом, французским королем Лотарем, в 978 г. Могущественный немецкий король, властелин Германии и Италии и император священной Римской империи, должен был бежать из своей столицы Аахена, когда почти бессильный король вест-франков внезапно повел на него наступление. Правда, он быстро собирает войско, чтобы отомстить, и с этим войском продвигается к самому Парижу, но, не имея возможности взять укрепленный город, он вынужден вернуться обратно и терпит на обратном пути еще более значительные потери*.

* «Annal. Altah.» от 978 г.: «Все это у немцев забирает противник, чем наносит им большой ущерб».

И войска Салиев и Штауфенов тоже были не намного больше армии Оттона Великого на Лехфельде, — почерпнуто нами из нескольких вполне надежных источников, — лишнее доказательство правильной оценки численности армий Карла Великого, ибо при увеличившемся народонаселении и подъеме хозяйственной жизни страны за эти столетия армии, во всяком случае, не стали меньше.

Все изменения в элементах метода ведения войны в этот период были связаны с политическим развитием.

Дальнейшее развитие феодального государства привело к тому, что все созданные полусуверенитеты — как князья, так и города, — в целях собственной безопасности были озабочены возведением укреплений. Города стали укреплять свои стены, на холмах и горах возвышались неприступные бурги. Постройки самих королей приняли другой характер: в то время как Меровинги и Каролинги еще строили свои замки на открытых равнинах, короли Саксонской, Салийской и Штауфенской династий строят свои замки на холмах или в иных укрепленных местах с таким расчетом, чтоб они были годны к обороне*.

Это создает преимущество оборонительной войны перед наступательной, и более слабому предоставляется возможность уклониться от развязки, тогда как более сильному создается затруднение даже в случае победы воспользоваться ее плодами. Осада каждого города и замка в отдельности представляет трудную задачу, а таких задач — неисчислимое количество. Могущественный германский император Фридрих, к которому к тому же присоединились итальянцы, потратил на овладение маленьким городком Крема больше полугода (1160 г.).

Вместо действительной осады мы чаще встречаем применение системы легкой блокады: обносили неприятельский город фортами, которые отрезали ему сношение с внешним миром. Этим способом уже норманны в Южной Италии принудили к сдаче греческие города**, и этим же способом Фридрих Барбаросса два раза брал Милан, не прибегая к настоящей осаде и решительному штурму. Но для этого требуется очень долго удерживать на месте свои собственные отряды, что редко могли выполнить средневековые феодальные армии.

Исход борьбы во всех крупных войнах Гогенштауфенов, — в том числе и в низвержении Генриха Льва Фридрихом Барбароссой и в борьбе между сыновьями обоих — Филиппом и Оттоном — в большей степени, чем от военных действий, зависит, в конце концов, от участия или от перемены позиций крупных вассалов и больших городов, и хотя это участие до некоторой степени и обусловливалось военными успехами, но все же оно зависело не только от них. Поэтому в данную эпоху в некоторых отдельных случаях распределение и напряжение сил происходят таким образом, что моментами проявляется подлинная стратегия, как, например, в том виде, в каком Оттон Великий провел сражение на Лехфельде, и в войне Генриха IV против короля-соперника Рудольфа Швабского. И подобно тому как в войне различные элементы — политический, стратегический и тактический — непрерывно влияют друг на друга, так и в этих сражениях проявляются тактические моменты, причем в таком виде, в каком мы в других случаях почти не наблюдаем их.

Наоборот, в позднейших войнах великих Штауфенов, несмотря на бесчисленные военные действия, ничего подобного не замечается. Тот факт, что победа при Гастингсе одним ударом смогла надолго подчинить большое англосаксонское государство владычеству норманнов, — этот факт связан с общим слабым политическим развитием страны. Немецкие короли не могли создать себе подобное господство в Италии (хотя никто с самого начала не решался оказать им сопротивления в открытом поле), ибо Италия в образе самостоятельных коммун и универсального института папства отличалась большей сопротивляемостью, чем германское государство англосаксов. В конце концов итальянцам даже удалось

* W. Weitzel, Die deutsche Kaiserpfalzen vom 9 bis 16. Jahrh., Halle a.S.

** Heinemaan, Gesch. d. Normannen in Unteritalien, S. 120.

победить императора в открытом бою; однако, следует все же отметить, что поражение при Леньяно (1176 г.) не имело сколько-нибудь большого значения для окончательного исхода борьбы. Это было случайное сражение, вызванное тем, что император (Фридрих Барбаросса) с излишне большой уверенностью хотел провести через Миланскую область на расстоянии нескольких миль от Милана, из Комо в Павию, прибывшие из Германии войска. На этом пути их встретили миланцы со своими союзниками, и под напором превосходных сил противника германцы были разбиты. Но подлинно решающим моментом является то обстоятельство, что со времени своего разрыва с Генрихом Львом император мог подтянуть из Германии лишь весьма незначительные силы, между тем как Милан имел на этот раз в других итальянских коммунах гораздо более сильную опору, чем в предшествующих войнах. И без поражения при Леньяно Фридрих, в конце концов, должен был бы заключить соглашение на весьма умеренных условиях, а то, что миланцы, несмотря на свою победу, пошли ему навстречу, показывает, что они не переоценивали значения этой победы.

С другой стороны, крупная победа императора Фридриха II над миланцами и Ломбардским союзом[152] при Кортенуова (1237 г.) точно так же осталась почти без всяких последствий.

Неужели средневековью чуждо было теоретическое сознание того, что в войне открытое сражение является собственно решающим моментом и поэтому высшим законом стратегии должно быть сосредоточение и объединение на поле сражения всех имеющихся военных сил? Интересно отметить, что рыцарство не лишено было понимания этой истины. Одна французская хроника, «Деяния графов Анжуйских», вкладывает в уста сенешаля Лисея (1041 г.) следующие слова, с которыми он обращается к графу Готфриду Мартеллу, когда последний осаждал Тур и к осажденным приближалось подкрепление: «Лучше нам сражаться объединившись, чем быть побежденными отдельно от вас. Битвы непродолжительны, но плоды победы обильны. Осады длятся долго и с трудом достигают цели: сражения подчиняют вам народы и города, и побежденные в сражении рассеиваются перед своими врагами, как дым. Если сражение будет выиграно и враг будет побежден, то господство будет принадлежать вам, а вместе с ним и укрепления»*.

В таком же духе поступил и Саладин, когда при приближении больших армий третьего крестового похода он приказал разрушить стены многих сирийских городов, чтобы укрепить свою действующую армию их гарнизонами. Точно так же поступил и оттот Тотила**. Но это — исключения, и таковыми они должны были оставаться. На протяжении всего средневековья мы сталкиваемся с преобладанием противоположного принципа — использованием главных сил как защиты укрепленных мест, ибо обстоятельства редко складываются так, чтобы действительно можно было использовать победу в открытом поле; феодальные армии для этого слишком малы и слабы. Даже сражения в целях снятия осады, предоставляющие наступающему преимущество атаковать осаждаемую армию в самой неблагоприятной обстановке, мы встречаем весьма редко.

Подобно тому как в тактическом отношении сражение стоит немногим выше умноженного единоборства, в отношении которого достаточно одной лишь решимости, точно так же и стратегические расчеты представляют собой немногим больше, чем выполнение политических решений. Так как по вопросу о том, «как» проводить сражение, большей частью существенного решения принимать не приходится, то всегда остается только вопрос — обладает ли данная сторона

* «Recueil des Hist. d. Gaules», XI, 266. Для нас, естественно, не имеет никакого значения то, что произведение, откуда мы берем эту цитату, является исторически поздним и ненадежным источником, так как для нас имеют значение не слова сенешаля, а указание на то, что в средневековье появляются подобные рассуждения.

** Т. II стр. 404.

достаточными силами, чтобы сражаться, или нет. Кто не чувствует себя достаточно сильным, тот стремится найти укрепленное место, и для противника остается опять-таки лишь вопрос — следует ли ему осаждать или нет. Это может зависеть от различных обстоятельств, и решение бывает часто очень затруднительно, но с подлинной стратегией в лучшем смысле этого слова, со стратегией как искусством, это решение не связано нисколько. Снаряжение, походный порядок, забота о продовольствии также могут требовать большой сообразительности и энергии, но только в самом отвлеченном смысле они могут быть рассматриваемы в качестве стратегических действий.

Даже окончательное решение дать сражение в средние века не подходит под понятие стратегии постольку, поскольку оно не в полном смысле этого слова является решением полководца. В дисциплинированном войске сражаются по приказанию командующего. Средневековый вождь не имеет для этого достаточной власти над своим войском. Он может сражаться лишь тогда, когда это желательно не только ему, но и всему войску. И в дисциплинированном войске вера масс в победный исход боя является очень важным моментом; средневековое же войско без этой веры совершенно не может сражаться. В высокой степени характерным явлением, о котором дважды повествует нам Видукинд — по поводу сражения саксов против славян и относительно венгерского сражения на Лехфельде (I, 36 и III, 44) — является то, что каждый из воинов еще раз торжественно поклялся сначала полководцу, а затем друг другу в том, что они будут помогать один другому. И в других местах мы находим упоминания о такого же рода торжественных обязательствах, данных непосредственно перед сражением, в том числе и у мусульман. Единая воля, которая должна пронизывать целое, порождается не организмом войска, как таковым, все предоставляющим воле полководца, но должна создаться тут же и быть подкреплена клятвами.

Это обстоятельство — большая зависимость полководца от настроения и воли войска — способствовало тому, что сражения в средневековых войнах так редки. Войны ведутся беспрерывно, а сражений в продолжение многих лет не бывает, ибо для этого нужно, чтобы обе противные армии были проникнуты сознанием своего превосходства, за исключением разве тех случаев, когда одна сторона сражается, лишь будучи вынужденной к этому, не имея возможности уклониться от боя. И современный полководец обычно не дает боя, если не рассчитывает на победу, но он выступает иногда и против несомненного превосходства сил в надежде уравновесить силы обеих армий благодаря своему искусству и благодаря использованию топографических условий. Средневековый полководец, как мы с очевидностью можем заключить на основании исследования вопроса о тактике, на это шансов не имеет: он дает бой, только когда он сам и его войско убеждены в своем превосходстве.

Для военного дела в эпоху рыцарства и для трудности применения в нем подлинной стратегии характерно то часто встречающееся явление, что сторона, побежденная с точки зрения тактики, тем не менее достигает своей стратегической цели. Природа вещей требует и говорит, что тот, кто победил неприятельскую армию, вероятно, добьется и других своих целей. Рыцарское же войско настолько мало находилось в руках полководца, что утомление, обычно наступавшее после победы, особенно связанной с большими потерями, часто бывало непреодолимо и это утомление принуждало полководца отказываться от дальнейшего выполнения своих планов. Это мы несколько раз установили в отношении войн Генриха, и подобных примеров мы еще много найдем в дальнейшем.

Подвигов полководцев, подобных подвигам Мильтиада при Марафоне, Павзания — при Платее, Эпаминонда — при Левктрах, Ганнибала — при Каннах, Сципиона — при Нарагарре, Цезаря — при Фарсале, в средние века мы не встречаем, за исключением разве только сражения на Лехфельде. Правда, решение

Вильгельма Норманнского после высадки в Англии не продвигаться немедленно на Лондон, а ожидать врага на побережье, сосредоточив здесь свои силы, также может быть отмечено как стратегический акт, который по величине и значению последовавшей за ним победы получает глубокий смысл, но только после некоторого размышления можно допустить употребление для этого случая слова «стратегия». В войне между Генрихом IV и Рудольфом, пожалуй, вырисовывается стратегическое мышление, но, ввиду того что оно не привело ни к какой сколько-нибудь решительной развязке, оно лишено для нас особого интереса. Некоторые искусные и ловкие нападения, как, например, нападение Фридриха II на миланцев при Кортенуова, можно причислить к области стратегии, но в этом нет большого размаха, как и в битве на Лехфельде.

Было бы абсолютным недоразумением делать из этого вывод, что таким образом личность как таковая в средневековом войске имела маловажное значение. Напротив: именно потому, что техника, а вместе с ней и искусство тактики и стратегии не имеют настоящего объекта, личность должна тем больше проявлять себя. Вообще говоря, гениальность стратега проявляется там, где он ведет сражение и где он выигрывает его искусством тактики. В средние века сражения почти всегда возможны лишь в том случае, когда их желает и противник, а подобное прямое взаимное стремление к столкновению бывает и может быть лишь весьма редко. Сила и талант вождей проявляются иначе, — прежде всего в стремлении удержать в целости то слабое здание, каким являлось феодальное государство.

ГЛАВА V

ИТАЛЬЯНСКИЕ КОММУНЫ И ГОГЕНШТАУФЕНЫ

Как во Франции, так и в Италии после развала империи Каролингов образовалось несколько самостоятельных областей под названием маркграфств, похожих на немецкие герцогства. Но быстрее и мощнее, чем по сю сторону Альп, в Италии развивались затем коммуны, как политически самостоятельная сила города, которые играли бо́льшую ро́ль, чем итальянские князья.

Члены военного сословия издавна жили в Италии преимущественно в городах, что не изменилось также при созданном и развивавшемся по франкскому образцу феодальном строе. В одном документе епископа Моденского от 998 г. наряду с согласием каноников отдельно отмечается согласие рыцарей и мещан города*. При императоре Генрихе III происходила длительная гражданская война между рыцарями (milites) и народом (plebs) Милана. Рыцари должны были оставить город и штурмовали его извне, причем они перед 6 воротами воздвигли 6 бургов. Наконец, Генрих уладил их спор под угрозой выслать 4000 рыцарей, и миланцы даровали своим эмигрантам амнистию**.

В 1067 г. партии Милана заключили между собой договор, за нарушение которого они установили, что архиепископ должен платить штраф в 100 фунтов, а представители: «ordo capitaneorum» (знатного сословия) — 20 фунтов, «vassorum» (вассалов) — 10 фунтов, «negotiatorum» (купцов) — 5 фунтов.

При лангобардских королях и Каролингах существование самостоятельных коммун было еще невозможно, ибо, с одной стороны, слишком пока сильна была

* «С согласия... каноников того же города, рыцарей и народа». — В заключенном в 1106 г., в Модене соглашении также различаются рыцари (milites) и мещане (cives). Hegel,Gesch. d. Städteverf. von Italien, II, 174.

** Арнульф, гл. XVIII, SS, VIII, стр. 16 и след.

королевская власть, а с другой — в самих городах единство и подлинный дух сословий были еще слишком слабы; только шаткость и упадок королевской власти, начиная с конца IX в. создали, наряду с образованием династической местной власти, возможность существования самостоятельных городов. Вместе с самостоятельностью возросло единое гражданское сознание, коммунальный патриотизм, который сплачивал сословия и снова пробуждал воинственный дух также и в тех сословиях, которые до этого времени были не воинственными.

Вопрос о том, каким образом, в конце концов, достигнута была самостоятельность и какую форму она приняла, может в настоящем труде остаться без рассмотрения*. Для нас существенным является сближение и объединение сословий, в особенности военного и городского. И без того совместная жизнь в городах должна была вести к всяческому смешению, и воины принимаются за гражданские профессии, не лишаясь своей принадлежности к свободным и воинам. Уже при лангобардских королях мы встречаем воинов, которые одновременно были и купцами. С другой стороны, и при феодальном строе применялось всеобщее народное ополчение, как, например, для оборонительных целей, для караульной службы и защиты крепостей. Уже в начале VIII в. мы узнаем из безусловно более позднего и мало достоверного предания, что Равенна и 3 других города в Равеннском экзархате[153] вступили в конфликт с византийским императором и все городское население организовалось по-военному**. Еще во времена Оттона Великого Луидпранд*** мог с гордостью за господствующий лангобардский народ писать: «Мы настолько презираем римлян, что не знаем худшего ругательства для наших врагов, как говоря им «римляне» и соединяя в этом слове низость, трусость и всякого рода пороки». Но национальная рознь, являвшаяся в то же время рознью профессий, была уже в процессе отмирания; остатки лангобардского языка еще держались до XI в. на севере Италии, но затем исчезли (см. т. II). Римляне, которые у лангобардов слыли полусвободными, постепенно перешли в свободное сословие**** , и горожане в целом защищали свободу городской коммуны.

С ролью и действиями возникшего таким образом городского войска мы ознакомимся по войнам коммун с императорами Гогенштауфенской династии.

ПЕРВОЕ ПОКОРЕНИЕ МИЛАНА в 1158 г.

При первом Гогенштауфене, Конраде III, владычество немцев над Италией почти прекратилось; Конрад не добился даже своего коронования императором в Риме. Когда его преемник Фридрих I начал свое правление с того, что, примирившись с гвельфами[154], стал устанавливать мир в Германии и, поддерживаемый Генрихом Львом, попытался опять добиться императорской короны, то скоро обнаружилось, что для владычества в Италии ему необходимо покорить ее силой. Распри между отдельными коммунами и князьями навели его на мысль, что значительная часть их сразу же готова будет примкнуть к нему в поисках поддержки против своего ближайшего противника. Так, например, г.Пьяченца в 1158 г. обязался в продолжение всей осады Милана поддерживать императора

* Handloike, Die lombardischen Stadte unter d. Herrschaft der Bischöfe und die Entstehund der Kommunen, Berlin 1883.

** Hegel, I, 252; Hartmann, Gesch. Italiens in Mittealt., II, 2, 80, 117.

*** «Rel. de Legat. Const.», гл. XII.

**** Hegel, II, 31. В вольной грамоте Генриха III Мантуе сказано: «cives videlicet Eremannos», что Гегель, II, 143, истолковывает в том смысле, что горожане признаются ариманнами.

Показателем сближения сословий, с другой стороны, может считаться закон императора Ламберта от 898 г.: «Ut nullus comitum arimannos in beneficio suis hominibus tribuat». Если император должен был этим способом брать под защиту ариманнов (т. е. свободных воинов), то это значит, что они находились в положении, стушевавшем разницу между ними и горожанами и крестьянами.

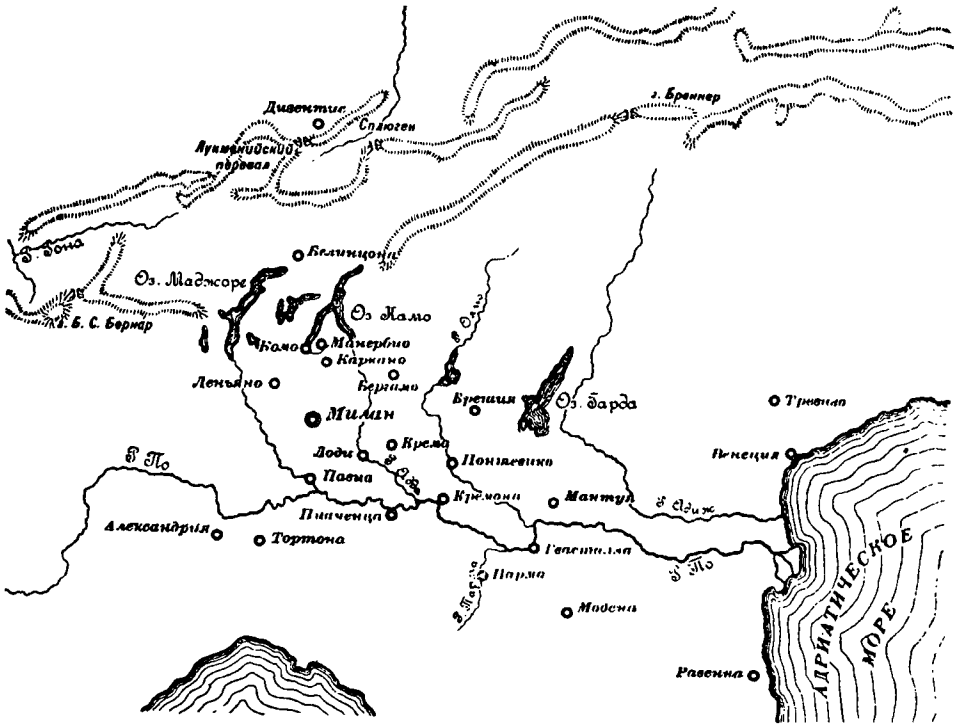


Схема 13. Карта к походам Фридриха I и Фридриха II в Ломбардию.

сотней рыцарей и сотней лучников и, кроме того, еще сотней стрелков в течение одного месяца, а немецкие князья и рыцари охотно согласились последовать за ним через Альпы, куда их привлекали обещанные награда и власть.

На 7-м году нового царствования был начат великий поход (1158 г.). Переход совершили по четырем различным перевалам: герцоги австрийский и каринтийский с венгерцами — через Фриауль; сам император с чехами и многими князьями и епископами — через Бреннер; другие по долине р. Рейна — через Сплюген; герцог Церингенский с верхнелотарингцами и бургундцами по долине р. Роны — через большой Сен-Бернар. Не подлежит никакому сомнению, что объединенное войско было значительных размеров, но предположение о наличии 10000 рыцарей, которые после соединения с итальянцами, якобы, «распухли» до 15000 рыцарей, а в целом даже до 100000 человек, очень большое преувеличение*. Хотя итальянцы не решались на сопротивление в открытом поле, но как ни велика была по тогдашним понятиям армия, все же она была недостаточно сильна не только для настоящей осады Милана**, но даже для того, чтобы сразу же окончательно обложить его, что при 100000 или даже 50000 — 30000 воинов не могло бы представлять никаких трудностей. Правда, раза два пытались произвести нападение на одни ворота, но когда это не удалось, немцы удовлетворились опустошением полей и недопущением подвоза к городу, что в конечном итоге привело его через месяц к сдаче (6 августа император появился у стен города, а 7 сентября произошла капитуляция).

* По «Gesta Friderici in Lombardia», p.30 (M.G., XVIII, 365), под Миланом стояло 15000 рыцарей («milites fuerunt appretiati quindecim milia»); по Рагевину, III, 32, их было около 100000 человек («circiter 100 milia armatorum vel amplius»). Обе эти цифры затем были комбинированы вышеуказанным образом. Die Ann. S. Disibodi. M. G. SS,XVII, 29, указывают лишь 50000 человек («Teutunicorum seu ctiam Langobardorum»). Ср. Giesebrecht, Gesch. d. d. Kaiserzeit, т.VI, стр.259.

** Ragewin, III,34.

ВТОРОЕ ПОКОРЕНИЕ МИЛАНА
1159—1162 гг.

Принужденный в сентябре 1158 г. к сдаче, Милан уже в начале 1159 г. восстал вновь. Прежде чем начать серьезные военные действия, император должен был подождать подхода подкрепления из Германии. Раньше всего он решил осадить Крему; но как ни мал был этот городок — всего лишь 1/4 мили в окружности, — для взятия его все же пришлось потратить больше полугода, с 2 июля 1159 г. до 26 января 1160 г., и не осталось достаточно сил, чтобы помимо этого предпринять что-либо более значительное. В осаде принимали участие сам император Генрих Лев, герцог Вельф и целый ряд крупнейших немецких князей, но жители г. Кремы не только защищались храбро и отбили несколько штурмов, они делали также и вылазки. Против самого Милана Фридрих предпринял только несколько опустошительных набегов, которые кое-где завершились успешными стычками. В конце концов Крема капитулировала с правом свободного выхода гарнизона.

Фридрих настолько был занят осадой Кремы, что миланцы в это время решились на осаду Манербио на озере Комо*. Фридрих отрядил 500 рыцарей, которые вместе с ополчением графств Сеприо и Мартезана прогнали миланцев. Расстояние от Кремы до Манербио (Эрба) — 62 км, т. е. двух-трехдневный переход. При этом со стороны Кремы легко можно было отрезать осаждавших Манербио от Милана, — как же слаб должен был быть Фридрих, чтобы миланцы могли решиться на эту осаду!

Но взятие Кремы было для рыцарского войска делом настолько сложным, что оно не в состоянии было сейчас же приступить ко второй такой же операции. Император вынужден был сейчас же распустить свою армию, а миланцы летом (1160 г.) перешли, со своей стороны, в наступление и захватили целый ряд императорских бургов. Это привело к более крупному сражению в открытом поле.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАРКАНО
9 августа 1160 г.

Когда немецкие войска, принудив Крему к сдаче, большей частью ушли на родину, миланцы осадили крепость Каркано, расположенную приблизительно в 5 милях от Милана и на добрую милю к востоку от Комо; с миланцами было все их войско и, кроме того, рыцари из Брешии и Пьяченцы. На помощь осажденной крепости шел император со своими немецкими и итальянскими подкреплениями; он хотел соединить свои подступавшие с противоположных сторон силы между Каркано и Миланом и, таким образом, отрезать осаждающих от их собственного города. Не успев еще собрать все свои контингенты, он с безрассудной смелостью подошел почти вплотную к миланскому лагерю, очевидно, с тем, чтобы ни в коем случае не выпустить противника неразбитым. Но он недооценил силы противников; миланцы поняли, что они пропадут, если дадут ему отрезать себя таким образом от базы, и решили, со своей стороны, тотчас же начать наступление на окружавшее их войско императора.

Миланская пехота, вышедшая навстречу немецким рыцарям, не выдержала их натиска; она была рассеяна, понесла большие потери и потеряла карроччио. Но на другом фланге — на левом фланге Фридриха — миланские рыцари и их союзники, опираясь, вероятно, на другую часть своей пехоты, разбили пехоту и итальянских рыцарей императора, а когда оба победившие крыла опять встретились, то император понял, что он слишком слаб для второго сражения. Без сомнения, на стороне миланцев с самого начала был значительный перевес, а у императора к концу сражения осталось только 200 рыцарей. Однако, и миланцы

* Ragewin,IV,58.

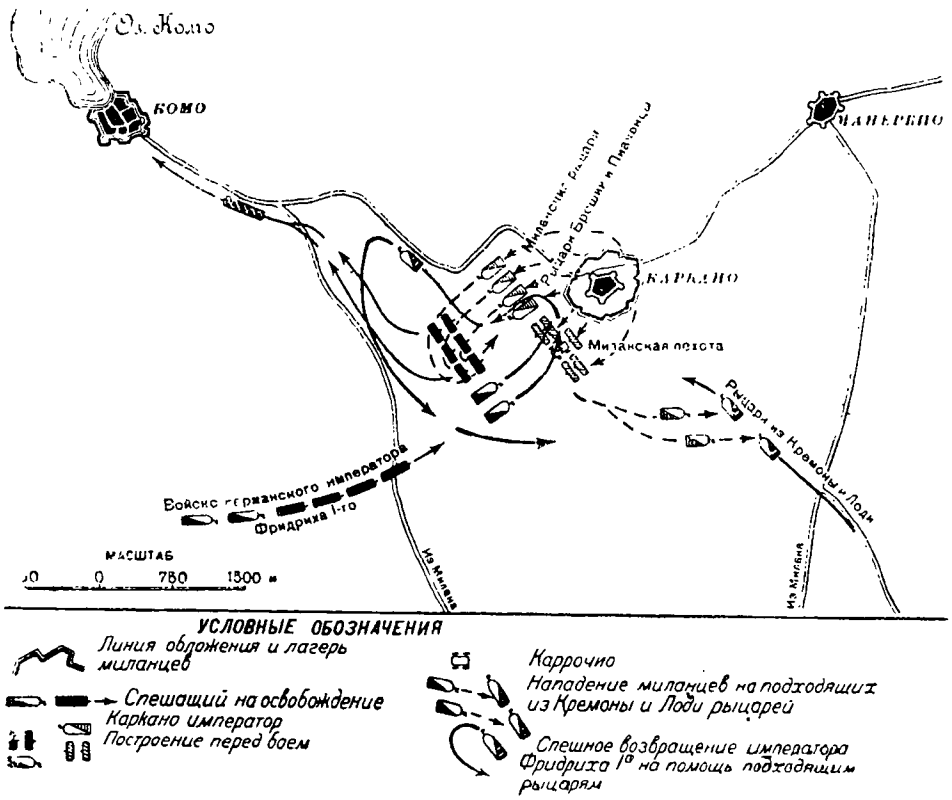


Схема 14. Сражение при Каркано 9 августа 1160г.

не решились на новую атаку, тем более что полил сильный дождь. Они отошли в свой лагерь, дав, таким образом, императору возможность также без помехи начать отступление к Комо по тому же направлению, по которому бежали разбитые части его армии.

Правда, благодаря этому отступлению он разошелся с подходившими к нему со стороны Кремоны и Лоди отрядами в 280 рыцарей, и миланцы, пользуясь удобным случаем, напали на них в тот момент, когда они были уже совсем близко от императора, причем нанесли им большой урон. Остатки их спас Фридрих, сам подоспевший им на помощь.

Через несколько дней, несмотря на свою победу, миланцы прекратили осаду Каркано (20 августа), так как опасались нового наступления Фридриха. Таким образом, Каркано принадлежит к группе столь частых в средние века сражений, где разбитая в бою часть тем не менее достигает своей стратегической цели, которой в данном случае для императора было — снятие осады с Каркано (Ср. Мельрихштадт, Флархгейм).

В качестве предостережения при использовании исторических источников следует указать еще на сообщение Миланских анналов в обработке Коданьелло (Condagnellus), к которому историки до сих пор относились с большим или меньшим доверием. Автор, который писал спустя 70 лет после этого сражения, рассказывает (SS, XVIII, 369 и след.), что летом 1160 г. миланцы при поддержке плацентинцев двинулись однажды против императора, опустошившего их страну; они везли с собой карроччио и 100 повозок, сконструированных мастером Гвильельмо. Эти повозки были сооружены в форме щита и снабжены спереди и

со всех сторон серпами. В первую боевую линию они поставили эти повозки, во вторую — карроччио со стрелками, в третью («когорту») — рыцарей (milites) со знаменами и другими отличительными боевыми знаками и, наконец, в четвертую (quarto loco) — плацентинцев. Император, услышав об этом, отступил ночью, объятый страхом.

В сражении при Каркано миланцы ставили в первую боевую линию (acies) всех воинов до 40 лет, — их было 1500; во вторую линию — до 50 лет, этих было тоже 1500; в третью — всех более старых, особенно опытных в военном деле, — их было 1000. Плацентинцев и брешианцев они поставили около пехоты, чтобы дать им точку опоры и защищать карроччио.

Обе первые боевые линии миланцев разбиты, и император теснит столпившуюся вокруг карроччио пехоту (populus). В это время подходит отряд ветеранов, до этого момента укрывавшийся в долине; тогда люди с карроччио, которая начинает нестись вперед с быстротой боевого коня, переходят в наступление, а император со своим войском обращается в бегство и терпит поражение*.

ОСАДА МИЛАНА

Только весною следующего 1161 г. из Германии прибыло такое сильное подкрепление, что император мог прямо предпринять наступление на Милан. Численность целого ряда контингентов известна нам с достаточной достоверностью**. Герцог Фридрих Швабский имел свыше 600 рыцарей («ultra sexcentos milites bene armatos»); архиепископ Рейнальд Кельнский — свыше 500; сын чешского короля вместе с одним герцогом, его дядей, — 300 (equites).

Хотя Генрих Лев в начале осады и был в Италии, тем не менее в сражениях имя его не упоминается; во всяком случае, он вернулся в Германию до падения Милана. Для сравнения можно сослаться на то, что — по заслуживающему доверия свидетельству — за два года до того он появился под Кремой с 1200, а его дядя Вельф с 300 рыцарями***.

Если такие могущественные и вместе с тем так близко стоявшие к императору и с ним тесно связанные князья, как герцог Швабский и архиепископ Кельнский, все же не могли поставить больше 600 или 500 рыцарей, а Генрих Лев — несомненно самый могущественный из всех немецких князей, властитель двух герцогств — не больше 1200, то совокупность всех германских сил не могла превышать нескольких тысяч рыцарей. Войско 1158 г., должно быть, было сильнее, чем силы 1159 или 1161 г. Во всяком случае, сопоставление походов дает нам право еще с большей уверенностью, чем раньше, считать цифру в 10000 рыцарей в 1158 г. значительно округленной в сторону преувеличения.

Хотя теперь к императору примкнули очень многочисленные контингенты итальянских коммун и князей, тем не менее и на этот раз Фридрих все же не приступил к осаде мятежного города. Он ограничился тем, что в 10-дневном походе (май-июнь 1161 г.) совершенно опустошил ближайшие окрестности Милана. Затем он распустил итальянские контингенты и из лагеря на Адде отрезал миланцам подвоз; каждому ввозившему в Милан продукты грозила потеря правой руки, и этому наказанию в один день подверглись 25 граждан Пьяченцы. Осенью часть немецких князей и рыцарей была отправлена на родину; остатка войска

* Ход сражения при Каркано в повествовательных трудах Раумера, Гизебрехта, Пруца и др. излагается неправильно, главным образом потому, что они не разобрались в россказнях Коданьелло. Документальное обоснование моего изложения дано в «Beiträgen z. Kriegsgeschichte der Staufischen Zeit», Benno Hanow, Berlin,Dissert., 1905. Описание у Келера, III, 3, 124, по большей части плод фантазии.

** Otto Morena,M. G. SS, XVIII, 631.

*** «Ann. Wiengartenses Welfici», M. G. SS, XVII, 309. Герцог Баварский и Саксонский (Генрих Лев) будто пришел на помощь императору «in mille ducentis loricis», Вельф «in trecentis loricis Deuthonicorum».

было достаточно, чтобы держать миланцев в узде и препятствовать подвозу большого количества провианта. Император не остановился пред отвратительным способом устрашения, — он приказывал ослеплять и изувечивать знатных пленников и в таком виде отсылать их обратно в город. Таким образом, после 9-месячного упорства голод, ужас и сознание безнадежности привели наконец город к сдаче на милость победителя (1 марта 1162 г.).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТУСКУЛУМЕ
29 мая 1167 г.

В то время как император еще осаждал Анкону, римляне, рыцари и народ двинулись на Тускулум, занятый Кельнским архиепископом Рейнальдом. Христиан, архиепископ Майнцский, пришел на помощь собрату. Тактически это сражение непоказательно. Сообщение Оттона из Сен-Блазиена (M. G. SS, XX), будто бы Христиан определил, каким отрядам выступить первыми в бой, каким нападать на врага с фланга, кому, оставаясь в резерве, затем идти на помощь, относится к области риторики и противоречит более достоверным свидетельствам, по которым именно войска Христиана, утомленные длительным переходом и подвергшиеся внезапной атаке римлян, сначала отступили, позднее же их выручило только вмешательство кельнских отрядов, напавших на римлян с тыла. Под натиском объединенного императорского войска римляне обратились в бегство, — сначала всадники, а затем и пехота, — и понесли большие потери. Немцев поддерживали некоторые итальянские графы.

Это сражение интересно единогласным свидетельством источников о том, что римляне, несмотря на значительное превосходство сил были разбиты, так как, по сообщению хрониста гор. Лоди, самого итальянца, «они боялись немцев больше, чем других»*. Это невольно напоминает, как Велизарий отказался повести римлян против готов, хотя они и выразили готовность, так как опасался, что они не устоят против натиска германцев.

Далее сражение это интересно благодаря рассказу того же источника, будто бы немцы, как то было у них в обычае, ринулись в бой с громким пением «христос воскрес». Летописец гор. Лоди — превосходный, заслуживающий доверия свидетель; тем не менее я не могу побороть некоторых внутренних сомнений, — следует ли доверять этому сообщению или нет. Правда, это то самое рыцарство, которое шло на освобождение гроба господня и формировало характеры персонажей «Песни о Нибелунгах», следовательно возможно, что когда-нибудь сражавшийся во главе его епископ и бросался в бой с пением «христос воскрес», а также допустимо, что это действительно могло стать обычаем в крестовых походах; но трудно представить себе подобную боевую песнь как всеобщий обычай у немецкого рыцарства, а также в этих императорских и папских войнах. Текст этот гласит: «По данному знаку запели громкими голосами тевтонскую песнь, которую поют в бою тевтоны, — «христос рождается» и прочее, и все, ликуя с жаром устремились на римлян».

В анналах монастыря Эгмонда на Северном море, в Утрехтском епископстве, также упоминается об этой победе и говорится, что немецкие рыцари с «тевтонским неистовством» («furor teutonicus») ринулись в бой. Это выражение впервые применил к тевтонам уже в древности поэт Лукан. В средние века оно было впервые употреблено Эккегардом в 1096 г., но в порицательном смысле, а позднейшие писатели придавали ему значение то безумия безрассудства, то храбрости**.

---

* Цитата из Оттона Морена гласит дословно следующее:«Римляне бегут во-первых, потому, что правда (justitia) была не на их стороне; во-вторых, потому, что, выйдя в поле, они ведут себя не так, как их предки, но крайне ничтожно; в-третьих, потому, что тевтонов они боялись больше, чем прочих».

** Dümmler, Sitz. Ber. d. Berliner Akademie, 1897, I, S. 112; Lucan, De bello civili, I, 256. «Annal Egmondani», SS, XVI, 453.

Архиепископ Рейнальд написал о своей победе письмо домой*, которое должно служить нам примером, с какой осторожностью следует относиться к источникам. Число римлян он принимает один раз в 40000, другой — в 30000. 9000, якобы, было убито, 5000 — взято в плен, и едва лишь 2000 вернулось обратно. Число кельнских рыцарей (milites) было не больше 106 (по варианту Кельнских анналов — 140), «а из наших, — уверяет епископ, — мы не потеряли ни одного человека».

Другие многочисленные источники той же эпохи, сообщающие об этом сражении, дают совершенно отличные от этих и различающиеся между собой, а также, по-видимому, совершенно произвольные указания о потерях римлян**.

Нам не приходится сомневаться в большом численном превосходстве и больших потерях римлян, ибо то же сообщает кардинал Бозо в своем жизнеописании папы Александра III***.

Правильно и то, что Рейнальд имел не больше 106 (или 140) рыцарей.

Христиан также не мог иметь больше нескольких сот рыцарей, причем оба епископа имели еще своих сержантов и наемников-брабантцев, так что в общем под их командованием было не более нескольких тысяч воинов. Но число в 30000 и 40000 римлян есть, разумеется, чудовищное преувеличение.

Утверждение Рейнальда, что в сражении не было потеряно ни одного воина, могло бы поставить под некоторое сомнение вообще всю его победу, если бы мы не видели в этом самохвальства. Летописец гор. Лоди, также сообщающий, что римляне были в 20 раз сильнее императорских войск, все же говорит о том, что на той и другой стороне было много раненых и убитых. Интересно в письме Рейнальда также и резкое сословное деление, которое проявляется в замечании, что богатейшую добычу рыцари предоставили своим наемникам и сержантам, а сами довольствовались славой победы.

Последствием победы было занятие Рима императором.

Совершенно баснословный характер носит рассказ о сражении у Оттона из Сен-Блазиена. Я привожу его здесь полностью по переводу в «Geschichtsschreibern der deutschen Vorzeit» с целью усиления духа критики. Этот источник положен в основу рассказа о сражении в «Истории папы Александра III» Рейтера (Reuter) и в «Истории гор. Рима» Грегоровиуса (Gregorovius). Он гласит:

«В 1166 г. от воплощения господня император Фридрих, примирив, как сказано, несогласия князей и уладив дела в Германии, собрал войско со всех частей государства и повел его походом в Италию, уже в четвертый раз переходя Альпы. Затем он перешел Апеннины и, ведя войско через Тоскану****, направился в Анкону и подверг мятежный город осаде. Между тем Кельнский архиепископ Рейнальд, ранее расставшийся с императором из-за государственных дел, возвращаясь к нему со своими отрядами, двинулся на крепость Тускуланум, близ Рима, с некоторой определенной целью. Когда разведчики принесли эту весть в Рим, римляне числом до 30000 вооруженных выступили со всех концов города и к позору для императора внезапно осадили архиепископа в крепости. Как только обо всем этом было сообщено императору в Анконе, он созвал князей и спросил их, следует ли отказаться от осады Анконы и идти на помощь архиепископу. Некоторые из князей, преимущественно из числа светских, отклоняли это, опасаясь неблагоприятных слухов, которые могли возникнуть в связи с таким снятием осады. Возмущенный таким отступничеством князей и рассерженный тем, что светские князья так мало считаются с ним и ему подобными и покидают их

* Напечатано Зуендорф, Registrum, II, 146.

** В труде Варрентраппа «Христиан Майнцский», стр. 38, все эти различные данные расположены сообразно их размеру и тщательно сопоставлены.

*** «Lib. pontif.»,éd. Duchesne, стр. 415.

**** Это неверно. Император шел не через Тоскану, а проник в Романью с севера.

в опасности, владетельный архиепископ Майнцский, Христиан, кликнул клич ко всем своим и прочим, коих он мог склонить просьбами и дарами*, собрал прекрасно вооруженных 500 рыцарей и 800 наемников и отправился в Тускуланум против римлян освобождать архиепископа. Прибыв туда и разбивши лагерь против римского, он чрез парламентеров стал просить у римлян только на этот день перемирия с целью дать отдых своему войску, вызывая в их памяти благородство образа мысли, которое было свойственно древним римлянам; этим он надеялся добиться от них выполнения своих требований. Они же, вовсе несхожие с древними римлянами ни в этом и ни в каком другом отношении, отвечают, что они не намерены потакать его желаниям, но очень дерзко угрожают его самого и все его войско в тот же день отдать в снедь птицам и диким зверям**; снимая осаду, выводят они 30 000 бойцов против 500 немецких рыцарей. Архиепископ же, нисколько не испугавшись ответа, ибо и ранее он имел опыт в трудах войны, употребляет все усилия, чтобы угрозами и обещаниями воодушевить своих малочисленных в сравнении с врагами, но вместе с тем испытанных в боях воинов, убеждает их задушевными речами не возлагать надежды на бегство, ибо они находятся слишком далеко от своего отечества, как и от войска императора, чтобы спастись бегством, а уверенные в своей врожденной храбрости и природной трусости врагов они должны всеми силами бороться для сохранения себе жизни.

Как только архиепископ увидел своих рыцарей, преисполненных тевтонской яростью (animositate Teutonica), ибо благодаря его увещеваниям непобедимый дух наполнил их сердца, — он построил их ряды и точно определил, кому прорваться в ряды сражающихся врагов с фланга, кто должен принести поддержку изнемогающим под бременем сражения, причем сам он с избранным отрядом стал наготове, чтобы прийти на помощь. И теперь он двинулся в борьбу против римлян с высоко поднятыми знаменами и широко развернутыми когортами, всецело уповая на господа бога. Кельнский архиепископ снаряжался в бой вместе с гарнизоном и всеми своими 300 хорошо вооруженными рыцарями, дабы всяческим образом оказать помощь, но до начала боя он спокойно оставался в крепости. После начала сражения, когда при первом столкновении копья были сломаны, бой продолжался на мечах, тогда как лучники обеих сторон своими стрелами, как хлопьями снега, темнили дневной свет. И вот Кельнский архиепископ, вырвавшись с готовыми к бою рыцарями из крепости, нападает на римлян с тыла и храбро теснит их; таким образом они окружены со всех сторон и терпят урон с фронта и тыла. Итак, в то время как римляне действуют только напором своих масс, епископ Христиан со своими воинами с фланга проникает в их ряды, разрывает их и в трех местах врубается в искусно разобщенных им врагов. После того как многие пали и многие взяты были в плен, побежденные римляне обращаются в бегство; победители преследуют их до самых стен города, где истребляют их в кровопролитной резне. Тогда епископы, отозвав своих рыцарей от резни, возвратились к полю сражения и провели эту ночь в величайшей радости, справляя свой триумф.

Утром римляне поспешили на поле сражения, чтобы подобрать трупы павших; они были обращены в бегство епископами, которые выслали против них рыцарей и, возвращаясь в город, едва избежали смерти. Наконец, при посредстве посланцев, отправленных к епископам, они умоляют разрешить им во имя св. Петра и из любви к христу подобрать павших воинов. Разрешение это было дано епископами при условии, что римляне сочтут число убитых и взятых в плен на их стороне и, заверив истину клятвой, передадут письменно, и что, лишь выполнив это условие,

* Вся эта сцена есть чистый вымысел, ибо Христиан вообще не был у императора в Анконе, а подошел из Генуи через Тоскану и стоял недалеко от Рейнальда. Император только задним числом узнал об этих событиях. Ср. Varrentrapp, Christian v. Mainz, стр. 28 и след.

** Во всем этом нет ни единого слова правды. Ср. Varrentrapp, гл.I.

в мире подберут своих убитых для погребения. Предприняв этот подсчет, они нашли, что «на их стороне около 15000 убитых и взятых в плен в этом сражении, и они, получив дозволение, погребли трупы убитых, которых подобрали с громкими воплями».

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЕНЬЯНО
29 мая 1176 г.

После тщетных мирных переговоров и надежд на мир Барбаросса весной 1176 г. ждал подкрепления из Германии, чтобы возобновить войну против миланцев. Кроме своей личной свиты, с которой он стоял в Павии в 4 милях к югу от Милана, Барбаросса имел еще наемное войско в Италии под предводительством Христиана Майнцского, которое на апулийской границе сражалось с норманнами.

Надо думать, что это войско, еще 16 марта одержавшее победу при Карсеоли близ Рима, было стянуто императором на север для решающего сражения, тем более что Генрих Лев на этот раз отказал в своей помощи, и германское войско вследствие этого было слабее, чем раньше. Но мы не знаем, где в действительности стоял Христиан, когда он получил известие о приближении северян; возможно, что он был уже близко от Павии, а может быть, и еще далеко; во всяком случае, перед императором стояла задача соединить немецкое войско, которое на пути через Дизентис, Беллинцону и Комо приближалось к местности севернее Милана, со стоявшими на юге частями войска, прежде всего, по крайней мере, с павийскими. Если бы немецкое войско избрало для перехода через Альпы вместо Лукманийского перевала другой, лежавший восточнее, хотя бы даже Бреннер, то соединение войск не представляло бы никаких трудностей. Источник не говорит ничего о причине, по какой император не поступил так; дело заключалось, вероятно, в том, что князья, шедшие ему на подмогу, архиепископы Кельнский и Магдебургский, епископы Вюрцбургский, Вормсский, Мюнстерский, Верденский, Оснабрюкский, Гильдесгеймский, графы Фландрский, Голландский, Саарбрюкенский, герцог Бертольд Церингенский* и ландграф Тюрингенский, — все за исключением трех шли из западной Германии так же, как и гогенштауфенские рыцари из Швабии, избегали окольного пути через один из восточных перевалов. Главный неприятельский центр, Милан, лежал теперь как раз на пути соединения двух корпусов.

Фридрих решил взять на себя командование армией, следовавшей из Германии, и, обходя Милан, спешил ей навстречу в Комо. Приблизительно этим самым путем он рассчитывал вернуться обратно и привести войско в Павию. Но миланцы поняли, в какой они окажутся опасности, если императору удастся соединить все свои боевые силы. Эта обстановка имеет некоторое сходство с той, которая была при Каркано, и миланцы снова приняли то же решение — напасть на императора, пока все его боевые силы еще не объединены. Они обратились к союзным городам за подкреплением и двинулись навстречу немцам таким образом, что отрезали им путь на Павию.

Дело дошло до сражения; обе армии столкнулись при Леньяно, приблизительно в 3 милях северо-западнее Милана. Находившиеся в первой линии миланцев рыцари были опрокинуты немцами, и часть их бежала мимо следовавшей за ними их пехоты. Эта пехота только что выступила или еще только собиралась выступить из разбитого ею на ночь лагеря, когда на нее хлынул ураган бежавших и

* Wyss в «All. D. Biogr.», 540, II, сомневается в том, что Бертольд Церингенский участвовал в этом сражении и был взят в плен; но это, кажется, опровергает Giesebrecht, VI, 530. Giesebrecht,VI, 528, допускает возможность участия в этом сражении маркграфа Дитриха Лаузицкого. Мы знаем из документа, хотя и не датированного, который можно отнести приблизительно к декабрю 1176 г., что он был при дворе императора, а последнее не допускает обратного заключения (на май).

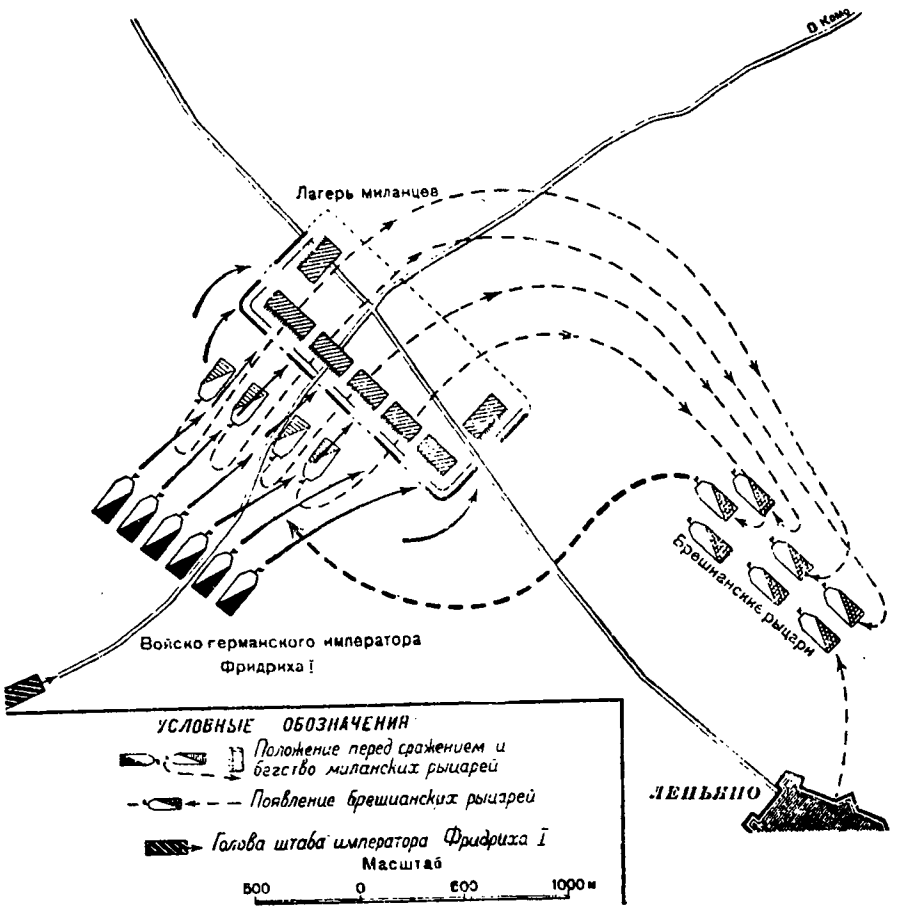


Схема 15. Сражение при Леньяно 29 мая 1176 г.

преследовавших их немецких рыцарей. Но пехота не была вовлечена в бегство вместе с рыцарями; ей удалось устоять сплоченной массой, противопоставив немцам свои щиты и пики. Среди этой массы была, вероятно, и часть спешившихся рыцарей. По одному источнику создается впечатление, будто бы лагерь миланцев окружен был рвом или каналом, если не со всех сторон, то все же со многих, так что защита была в значительной мере облегчена. Во всяком случае, преследование прекратилось, натолкнувшись на сопротивление сплоченной массы пехоты. О стрелках, введенных в бой императором, речи нет, — потому ли, что у него было их слишком мало, или потому, что участвовавшие в походе граждане г. Комо, среди которых, во всяком случае, были и стрелки, были еще далеко позади.

В то время как немецкие рыцари тщетно пытались прорвать ряды миланской пехоты, бежавшие с поля сражения миланские рыцари остановились, натолкнувшись на брешианских рыцарей, только что прибывших после своего дальнего пути на помощь столице союза. Убедившись в том, что исход сражения еще не решен и что у пехоты бой еще в разгаре, они решили оказать поддержку стесненным со всех сторон братьям, которые без этой поддержки, в конце концов, должны были бы погибнуть. Немецкие рыцари, застигнутые в момент борьбы с миланской пехотой, внезапно увидели, что неприятельское рыцарство снова атакует их во фланг. Возможно, что ободренные этой поддержкой миланские пехотинцы также

перешли в наступление. Значительное численное превосходство сейчас было на их стороне; таким образом, немцы, насчитывавшие вместе с войском г. Комо от 3000 до 3500 человек*, были разбиты. Сам император с великим трудом, — точно не известно как, — спасся в Павию; на некоторое время он исчез**.

ФИЛИПП ШВАБСКИЙ

Мы видели, как незначительны были силы, боровшиеся друг против друга в итальянских войнах могущественного Барбароссы. Преодолеть сопротивление одного единственного укрепленного города было бесконечно трудно для властелина трех крупных королевств.

Когда затем партия, ставшая в оппозицию к его сыну Филиппу, выбрала императором (Gegenkaiser) сына Генриха Льва, Оттона, то выяснилось, что Штауфен, на стороне которого стояло подавляющее большинство немецких князей, все же не мог одолеть соперника.

Походы протекали в сплошных грабежах и опустошениях. На восьмом году своего царствования (в 1205 г.) Филипп, признанный уже почти всей Германией, предпринял поход на Кельн, который был еще с Оттоном и который он сам защищал. Однако, Филипп, хотя с ним и было еще несколько герцогов, не в состоянии был провести осаду Кельна.

В 1206 г. Филипп предпринимает вторую экспедицию против Кельна с очень большим, по-видимому, войском, но кельнцы под предводительством Оттона все же рискуют выступить против него в открытом поле; они имели не больше 400 рыцарей и 2000 пехоты. И даже когда это войско почти целиком было уничтожено императорскими силами под Вассербергом (27 июля 1206 г.), Кельн покорился еще не сразу, и Филипп также не приступил к осаде, а после длившихся месяцами переговоров пошел на самые мягкие для города условия.

Дело здесь, вне всякого сомнения, в том, что после объявления Кельном своей готовности покориться Филипп не мог уже больше рассчитывать на участие феодалов в осаде. В выступлении города они усматривали не мятеж, принципиально заслуживающий наказания, а лишь междоусобную войну, неизбежную при выборном престоле, как бы, если можно так выразиться, инцидент в рамках конституции.

В тот момент, когда Филипп после десятилетней борьбы, наконец, казалось, действительно должен был одержать верх, он был убит.

---

* Войско, пришедшее через Альпы, насчитывало по «Gesta Frider in Lomb.» ed. Holder-Egger («Annal.Mediol. Maj.») 2000 человек (т. е. рыцарей); это число нельзя ни делить пополам, т. е. будто бы рыцарей была только половина (Гизебрехт), ни умножать, т. е. будто бы к нему, само собой понятно, прибавлялись еще комбаттанты более низкого ранга. Сам император привел из Павии (по Готфриду из Фитербо) — 50, по «Gesta frid. — 1000 рыцарей. К этому прибавляются еще граждане числом вряд ли больше 500, которые, якобы, пали или были взяты в плен («Gesta Frid. und Contin. Sanblasiana», SS, XX, 316).

** Основным исследованием источников в отношении Леньяно является уже цитированная нами диссертация Ганова.

Гютербок (Güterbok) в «D. Liter.-Zeit.» N 26 (1 июля 1905 г.) порицал Ганова за то, что в труде не использована хроника Толозана, и действительно, ее безусловно следовало бы упомянуть, но лишь для того, чтобы отвергнуть как не представляющую никакого значения. Она написана, примерно, одним поколением позже и во всех поддающихся проверке данных является неправильной или запутанной. И все прочее, выдвигаемое Гютербоком против Ганова или несущественно, или же явно неправильно. Ср. «Возражение» и «Ответ» в «D. Lit-Zeit.» N 31. Также «Histor. Vierteljahr-Schr.» 1911 г.

Описание сражения, данное Келером (I, 69 и след.), основывается на некритическом смешении различных показаний источников, в особенности на использовании совершенно ненадежного Готфрида из Фитербо; многое же является просто фантазией. Зато метко замечание того же автора в прим. стр. 122, 3, III; здесь говорит не критик-исследователь, а опытный солдат-практик.

ИМПЕРАТОР ФРИДРИХ II

Различие в ломбардских войнах Фридриха I и его внука Фридриха II заключается в том, что последний только изредка получал подкрепления из Германии, но зато в самой Италии он имел основу своего могущества — полученное им в наследство от матери королевство обеих Сицилий. Германские феодалы уже не проявляли больше готовности переходить, напрягая свои силы, через Альпы, так как охота к наградам и почестям на императорской службе со времен Барбароссы была уже в значительной мере утрачена, а умами представителей отдельных княжеских домов владели династические стремления, вытесняя государственную идею. И своим южноитальянским королевством, которое после смерти императора Генриха VI (1197 г.), во времена регентства пришло к анархии, Фридриху II лишь постепенно удалось овладеть снова; после этого он стал стремиться восстановить свои королевские и императорские права и в Верхней Италии, также обветшавшие за это время. Если бы его политика имела успех, то результатом ее, вероятно, было бы объединенное Итальянское королевство, отделенное от Германской империи.

Первая попытка императора Фридриха распространить свою власть на северо-итальянские коммуны не имела успеха. Десять лет спустя, создав себе хорошую позицию среди германских феодалов благодаря своей уступчивости к их территориальным притязаниям и обеспечив себе поддержку с их стороны, он начал решительную борьбу, до конца которой не дожил.

В прежние времена, когда Барбаросса или его предшественники появлялись с немецкой армией к югу от Альп, итальянцы не решались встретиться с ними в открытом поле. Если иногда и происходили сражения, — в частности, когда Барбаросса терпел поражение при Каркано или Леньяно, — то здесь были только отдельные отряды, на которые миланцы нападали ловко и сплоченно, раньше чем они успевали выполнить свое намерение соединиться с другими отрядами. В сущности ломбардцы всегда полагались на оборонительные силы своих городских укреплений. Против Фридриха II они выступили со своим союзным войском в открытом поле, но все же не для сражения, а для того, чтобы путем маневрирования, путем, занятия позиции, прорезанной реками и каналами, воспрепятствовать осаде и захвату укрепленных мест. Первый год (1236 г.) им удалось продержаться таким маневрированием. Во второй год (1237 г.) сам император отправился еще раз в Германию и осенью с 2000 рыцарей возвратился вновь через Бреннер. Он склонил Мантую выйти из Ломбардского союза и угрожал Бреншии, наступая на нее с юго-востока. Для прикрытия этого города ломбардское войско заняло позицию, настолько защищенную реками, рвами и каналами (при Манербио, за речонкой Лузиньоло), что император не мог ничего поделать. В конце ноября ему не оставалось ничего иного, как распустить отряды верных империи городов, которые не пожелали оставаться дальше при нем.

Но именно эту обстановку император сумел использовать с тонким расчетом, чтобы в последний момент иметь возможность прийти к желанному решению и нанести противнику смертельный удар.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КОРТЕНУОВА*

27 ноября 1237 г.

Ломбардцы, увидев, что император распустил контингенты своих городов, а сам, подвигаясь к западу, перешел Олио для того, по-видимому, чтобы отправиться на зимние квартиры в Кремону, решили также пуститься в обратный путь. Своей цели — прикрытия Бреншии они достигли. Прямой путь от занимавшихся ими до

* Основное исследование о сражении при Кортенуова — диссертация Карла Гаданка (Karl Hedank, Berlin, 1905, Verlag von Richard Hanow, 63 S.).

тех пор позиций на Крему и Милан только на расстояние однодневного перехода удалил бы их от того места (Понтевико), где Фридрих сам перешел Олио; с достаточной осторожностью, чтобы избежать столкновения, они свернули с дороги на север, на расстояние еще одного дня пути, дойдя, таким образом, почти до подножия Альп. Но император, сам немедленно пошел вверх по реке; ломбардцы, спокойно расположившиеся лагерем при Кортенуова в области Бергамо, внезапно подверглись нападению. Так как войска Фридриха должны были сделать длинный путь, сражение началось лишь к вечеру. Авангард ломбардцев был опрокинут рыцарями Фридриха. Все те из охваченных паникой ломбардских войск, которые не сразу обратились в бегство, собрались вокруг карроччио, которое, как и при Леньяно, стояло на защищенном рвом или каналом месте. Рыцари Фридриха не в состоянии были взять эту позицию приступом. Делом сарацинских лучников было бы — открыть им путь к карроччио. По некоторым источникам, сарацинские лучники также участвовали в битве и истощили свои колчаны; но так как император в дошедшем до нас собственном его рассказе о сражении ни разу не упоминает об их участии в нем, то их действия не могли иметь столь большого значения. Возможно, что численность их была не очень велика, или они лишь очень поздно прибыли на поле сражения. Во всяком случае, сражение не могло быть окончено в один день. Император приказал, чтобы рыцари эту ночь отдыхали, не снимая панциря, дабы на следующий день продолжать битву.

Но ломбардцы не дождались возобновления боя. Ночью быстро возрастало число убегавших, и, в конце концов, бегство стало общим. Бросив карроччио на произвол судьбы, они захватили с собой только крест, отломанный от древка знамени, но, в конце концов, и он был брошен и оказался в числе трофеев императорских войск. Весь лагерь попал в их руки, и многие из ломбардцев были во время бегства убиты или захвачены в плен.

По данным сохранившегося своего рода официозного бюллетеня «Энциклика к верноподданным империи», дошедшего до нас под именем Петра Винейского, императорское войско, когда оно выступило в поход, было численностью свыше 10000 человек*, — стало быть раньше оно должно было быть еще значительно больше, так как некоторое количество городских контингентов к тому времени было уже распущено. После всего, что мы до сих пор слышали о рыцарских войсках, эта цифра кажется очень большой, а общий тон всего рассказа не исключает возможности сильного преувеличения с целью засвидетельствовать могущество императора, — во всяком случае, число не преуменьшено с целью прославить победителя. Ввиду того что эти 10000 «sui exercitus» не обозначаются как всадники и вообще не определяются ближайшим образом, то под ними следует подразумевать всех комбаттантов в самом широком смысле этого слова.

При возобновлении своего союза в 1231 г. ломбардские города приняли, что союзное войско должно быть численностью в 10000 человек пехоты, 3000 рыцарей и 1500 стрелков**. Следует думать, что если эта предполагавшаяся численность когда-либо и была достигнута, то к концу кампании, в конце ноября, фактическая численность бывших в сборе войск значительно отставала от нее, более всего — численность пехоты, составлявшая, возможно, только половину***. Следовательно, вполне естественно, что союз старался избегнуть сражения в открытом поле, так как на стороне войска императора было, вероятно, не только численное, но и качественное превосходство.

* «Ultra decem milia sui exercitus trahens... signa direcit vistricia».

** «Ann.placent. Guelf.», M, G., SS XVIII, 453. Они обещали друг другу помощь «militum, peditum et balistariorum» (рыцарей, пехотинцев и стрелков).

*** По «Annal. Plac. Gib.» Пьяченца, впрочем, одна выставила, якобы, 1000 рыцарей; но если бы мы приняли эту цифру и соответственно ей захотели бы определить также численность и прочих союзных контингентов, то было бы непонятно, отчего ломбардцы в таком случае так боязливо уклонились от сражения с императором. Может быть, эти 1000 воинов и составляли весь контингент Пьяченцы в целом?

Ввиду того что здесь мы имеем дело с большой операцией, в которой как та, так и другая сторона пустили в ход все силы, для нас очень ценно иметь цифровые данные о той и другой стороне, достаточно положительные и достоверные, чтобы с уверенностью можно было сказать, что и там и здесь может быть речь не больше чем о 10000 комбаттантов.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ХОД ВОЙНЫ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ КОРТЕНУОВА в 1238—1250 гг.

Как ни значительна была победа императора и как ни тяжело было поражение ломбардцев при Кортенуова, все же исход войны этим еще не определился. Правда, миланцы просили мира, но на безусловную покорность, которой требовал Фридрих, они не соглашались; таким образом, сражение при Кортенуова не имело сколько-нибудь существенных результатов, и война продолжалась. Далекий от мысли немедленно приступить к осаде самого Милана, Фридрих уже в следующем году после Кортенуова не мог взять даже Брешию. Хотя в распоряжении императора были значительные средства жестоко эксплуатируемого им королевства обеих Сицилий; хотя на его стороне сражалось и всеми силами его поддерживало немалое число итальянских коммун и могущественных феодалов; хотя в первые годы Германия также посылала ему значительные подкрепления, — все же его могущество оказалось недостаточным для ведения решительной войны.

Война протекала в походах, служивших только для опустошения, в нападениях и набегах на крепости и замки, а иногда в осаде городов средней величины, которая большей частью не приводила к цели, за исключением тех случаев, когда в самом осажденном городе какая-либо партия становилась на сторону осаждавшего. Решающее значение имели не военные действия, но смена партий, заставлявшая города и феодалов переходить от одной стороны к другой; смена партий совершалась тем легче, что в большей части городов имелись группировки, боровшиеся за власть и искавшие опоры, одни — в императоре, а другие — в союзе городов или у папы. Поэтому все эти различные сменявшиеся каждый год военные предприятия определялись в большей степени политическими, чем военными мотивами. Нередко дело доходило до стычек и даже до крупных сражений; но если даже одна из партий, случалось, и несла большие потери, то все же последствия всегда бывали очень ничтожны, ибо у противников не хватало сил для осады большего масштаба.

ОСАДА ПАРМЫ 1247—1248 гг.

Келер предполагает, что в Парме было около 80000 жителей; эта цифра явно преувеличена. В настоящее время в ней жителей не свыше 50000, и к тому же часть города на левом берегу реки, по данным Келера, тогда была еще значительно меньше, чем в настоящее время, а правобережная часть была, во всяком случае, не больше современной*. По Пармским анналам, Фридрих сам, якобы, имел 10000 войска**; во всяком случае, мы имеем в этом показании из лагеря противника максимум того, что можем допустить.

---

* То, что Riccardus di San Germano говорит о 60000 жителей, не может, конечно, служить доказательством.

** «Ann. Parm. major.», M. G., SS, XVIII, 673: «10 000 воинов с бесчисленным множеством народа из различных стран». Что под «milites» следует понимать не только «рыцарей» в узком смысле, но и вообще комбаттантов, показывают события.

Другим замечательным свидетельством о численности войск считали данные имевшиеся у Салимбене, который лично был при начале осады Пармы и по словам которого император имел 37000 воинов.

Выяснено, что эта цифра основана на ошибочном чтении. Салимбене говорит только, что войско императора было огромно, и цитирует при этом пророка Иезекииля, гл. XXXVII. «37 Иезекииль» превратилось в 37000. M. G., SS, XXXVII, стр. 196.

Источники, говорящие о 60000 воинов (Shirrmacher, IV,441), не заслуживают, понятно, внимания.

Фридрих вел осаду так, что против меньшей левобережной части города разбил укрепленный лагерь, названный им Витторио, и опустошал отсюда окрестности Пармы, пытаясь в то же время воспрепятствовать подвозу*. Но так как главная часть города не была окружена, и осажденные сами располагали значительными боевыми силами, а их союзники — мантуанцы, появившиеся на р. По со своим

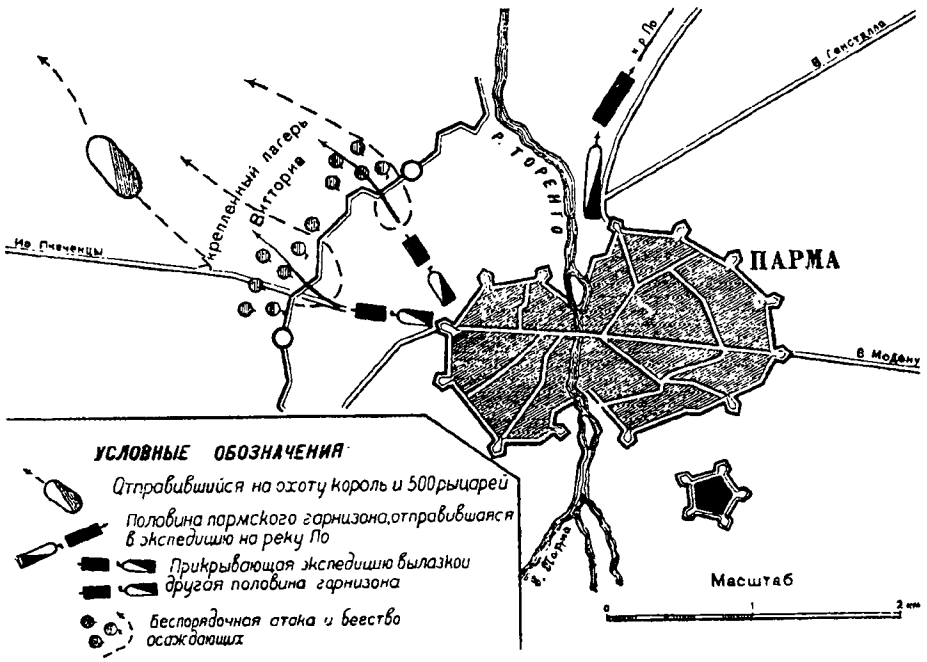


Схема 16. Осада Пармы в 1247—1248 гг.

флотом, оказывали им деятельную поддержку, — то император, действительно, не имел никаких шансов привести их к покорности или, по крайней мере, постепенно сделать их более податливыми. Келер считает, что если бы император хотел обложить город со всех сторон, то его контрваллационная линия укреплений была бы длиною в 7 км, и для осады потребовалось бы 40000 человек. Если длина контрваллационной линии и не преувеличена, то, во всяком случае, преувеличена цифра необходимого для осады войска, так как не было надобности распределять воинов по этим укреплениям совершенно равномерно. Достаточно, если бы повсюду на путях подвоза сооружены были неприступные форты, а ров с палисадами лишил бы осажденных свободы передвижения. В таком случае император не нуждался бы в отдельном корпусе для прикрытия при Гвасталле. Тот факт, что Фридрих, — все же опытный полководец, — довольствовался вместо этого частичной блокадой, кажется мне достаточным доказательством того, что он был слишком слаб для полной осады, и, следовательно, войско его было очень умеренной численности.

Зимой император распустил отряды городов Бергамо, Павии, Тортоны и Алессандрии и откомандировал отряды в Тревизо и Алессандрию. Оставшиеся

* Коленнучио из Майнардино де Имола по Шефферу-Бойхорсту (Scheffer-Boichorst, z. Gesch. d. XII und XIII Jahrh., S. 283) описывает лагерь «fu da longhezza di questa citta 800 canne e la larghezza 600, a era la canna di 9 braccia;e haveva 8 porte e le fosse larghe e profonde di intorno».

Фридрих сам писал Майнардино: «Город Парму мы насильственно сжали своим новым строением, которое охранит силы осаждающих от любой непогоды зимнего времени».

при нем войска состояли из 1100 человек конницы, 2000 пеших кремонцев и неопределенного числа сарацинов; в целом численность войск едва ли превышала 5000. Из них 1000 человек было откомандировано. Сам император отправился с 500 всадниками на охоту, в то время как пармцы 18 февраля сделали вылазку.

Келер считает вероятным, что эта вылазка сделана была без заранее обдуманного намерения. Пармцы, в сущности, хотели предпринять лишь экспедицию по р. По против короля Энцио, и отправили туда приблизительно половину своего войска, а вылазку сделали с помощью другой половины, с целью прикрыть тыл первой. Вот тут-то и случилось, что императорские войска без всякого приказания и не в полном вооружении бросились на предпринявших вылазку; произошла схватка, окончившаяся настолько плохо для них, что преследователи одновременно с убегавшими ворвались в Витторию и заняли ее. По их собственным сообщениям, пармцы убили 1500 человек и 3000 взяли в плен; ближе к истине, пожалуй, данные Плацентинских анналов, по которым в плен взято было 100 рыцарей и 1500 пеших.

Имей император в Виттории более многочисленную армию, подобное нападение, пожалуй, не имело бы успеха. Но само по себе 5—6-тысячное войско не было слишком малочисленным для проведения стратегического плана, намеченного Фридрихом. Будь даже защитники Пармы значительно более многочисленны, они все же не смогли бы взять крепость противника — Витторию, но сами могли быть оттуда беспрерывно теснимы. Приблизительно так же норманны осаждали некогда Париж, а миланские рыцари — свой собственный город; и Барбаросса точно так же однажды не обложил по-настоящему Милан, а лишь опустошил все его окрестности и заградил дороги для подвоза. Этого было достаточно, чтобы принудить город сдаться приблизительно через 9 месяцев. Фридрих II был значительно слабее, даже по сравнению с осажденным городом, который, наверное, был гораздо меньше Милана. Барбаросса настолько господствовал в Северной Италии, что он действительно взял Милан измором, без того, чтобы с чьей бы то ни было стороны была сделана хотя бы одна серьезная попытка прийти городу на помощь. Против Фридриха II в 1247 г. было столько вооруженных коммун, что он должен был бороться не только против самого города, но в такой же мере и против его союзников. Тем не менее император, может быть, достиг бы своей цели, если бы не проявленные солдатами во время его случайного отсутствия недисциплинированность и легкомыслие, которые дали пармцам неожиданную возможность нанести ему сокрушительный удар. Фридрих, таким образом, заслуживает упрека не в стратегической неправильности задуманного и проведенного плана, а в неосмотрительности, с которой он оставил свой укрепленный лагерь в такой день, когда гарнизон его вследствие откомандирования части войска был очень ослаблен.

Этот вывод имеет также значение для фактов предшествующего времени. Если император осенью 1247 г. действительно был еще в состоянии выставить большое войско, то нельзя постичь, почему он не приложил усилий к этому в то время, когда еще продолжало отражаться влияние его победы при Кортенуова, и в силу этого он мог рассчитывать на окончательный успех. В 1247 г. в его распоряжении не было никаких особых вспомогательных новых средств, — наоборот, он был ослаблен отпадением от него многих союзников. Но если мы предположим, что его силы теперь очень сократились, то его образ действий становится вполне понятным.

Это более или менее случайное поражение в данный момент, правда, сильно повредило Штауфену, но оно в такой же малой степени было решающим, как некогда его победа при Кортенуова.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОД

Если мы с точки зрения истории военного искусства окинем взглядом эту почти столетнюю борьбу, то мы скоро убедимся, что итальянские города не создали пехоты наподобие античной, как греческая фаланга или римский легион. Хотя пехота порой играет существенную роль, в особенности в сражении при Леньяно, но все же не решающую; как бы многочисленна она ни была, она все же остается вспомогательным войском рыцарства. Даже если считать прямые свидетельства источников о ходе сражения при Леньяно недостаточно достоверными или допускающими различные толкования, то дальнейшее развитие событий выясняет вопрос и не оставляет никаких сомнений. Если бы пехота при Леньяно проявила себя наподобие античной, то это было бы начальным звеном в цепи некоторой эволюции. Но ничего подобного мы не находим.

У миланцев и в мыслях не было прийти в результате своей победы к выводу, что им — обладателям нового, более совершенного военного искусства — нечего более опасаться германского императора; наоборот, мир был ими заключен на весьма скромных условиях.

В ближайшем поколении и в последующих, с которыми мы еще ознакомимся, их военная организация ничем не отличалась от такой же организации других стран и предыдущего или последующего столетия.

Итак, в итальянских коммунах дело не дошло до гражданского ополчения, какое образовалось в древние времена хотя бы в Афинах и в Риме, где все население на основе строго проведенной всеобщей воинской повинности всей массой отправлялось на войну и участвовало в бою. Совершенно независимо от наличия или отсутствия необходимых военных способностей для этого недоставало такой существенной предпосылки, как политическое единство города и деревни, близость городского населения и крестьянства (это было существенным свойством античных республик). Главную массу фаланг и легионов составляли не столько городские жители Афин и Рима, сколько крестьяне, угольщики и рыбаки Аттики и жители сельских триб[155] вокруг Рима. Хотя итальянские деревни находились во власти городов, но не составляли с ними единого организма: крестьяне не были согражданами городских жителей, а сами коммуны, несмотря на свой республиканский строй, в значительной степени сохранили рыцарский военный строй. Мы не имели документальных данных о том, в чем выражалась в них индивидуальная военная служба; в основном это, вероятно, не выходило за пределы призыва добровольцев, что только во времена крайней нужды или крупных политических волнений привлекало к оружию очень значительную часть граждан — по крайней мере для кратких экспедиций и в особенности для защиты стен города. Возможно, что для последней цели стала применяться и всеобщая воинская повинность.

Для ведения войны в открытом поле посылали по-рыцарски вооруженную конницу с подкреплением из стрелков и копейщиков. В этих походах к кадровому воинству присоединялись элементы с врожденной воинственностью, развивавшиеся при его помощи и вместе с ним. Таким образом, пока целое воодушевлено было живым коммунальным патриотизмом, имелось стойкое и храброе войско, отважно вступавшее в бой с германскими рыцарями, которых приводили из-за Альп их короли, хотя гордые немцы и насмехались над лавочниками и ремесленниками, получавшими в Италии посвящение в рыцари.

КАРРОЧЧИО

Мы убедились, что военная организация итальянских коммун была и оставалась рыцарской, но с той особенностью, что в смешанном бою пехота представляла

бóльшую, а порою и гораздо бóльшую потенцию, чем в других странах в ту эпоху. Однако, до образования настоящей пехоты, до создания прочных тактических организмов, как фаланга и легион, дело не дошло. Недостаток тактических единиц до некоторой степени, может быть, возмещался так называемой карроччио. Карроччио — это тяжелая повозка с упряжкой в 8 волов, на которой водружено высокое древко со знаменем; на передней части укреплена была также дароносица с освященными дарами. На повозке стояли священники. Неплохо сравнение этой святыни с израильским библейским ковчегом завета. Нам известна слабость непрочно сплоченной пехоты в бою с конницей; карроччио, двигавшаяся позади фронта, должна была быть всем далеко видна и являлась объединяющим центром, куда вновь собирается все то, что на момент потеряло свое место или оказалось в замешательстве. Раненые также направляются к карроччио или их относят к ней, чтобы перед кончиной получить у священников отпущение грехов. Можно предположить, что перед каждым сражением воинам вновь внушали не покидать знамени, а при крайней опасности — смыкаться вокруг святыни и спасать ее или гибнуть вместе с ней. Настроение решимости и уверенность в победе, само собой возникавшие в упорядоченном легионе с хорошим руководством (впрочем, также имевшем свои боевые значки), искусственно вызывается карроччио и повышается религиозным характером символа. Впервые мы находим упоминание о таком возе со знаменем в Милане в 1039 г., как раз в то время, когда благодаря сплочению сословий образовывались итальянские коммуны и городские элементы, давно отвыкшие от военного дела, опять взялись за оружие. Архиепископ Гериберт,по словам источника, вооружил всех «от поселянина до рыцаря, от бедного до богатого»*.

Таким образом, церковь при первом же появлении эмблемы города (по крайней мере, при первом известном нам случае) уже была, так сказать, восприемником, и позднейший союз церкви с коммунами еще больше способствовал приданию карроччио церковного характера; по сю сторону Альп это особенно заметно в армиях, имевших связь с церковью. Противники Генриха IV имели карроччио с собой в сражении при Блейхфельде в 1086 г., английское ополчение под предводительством архиепископа Иоркского — в сражении при Норгаллертоне в 1138 г., Ричард Львиное Сердце в Сирии — в 1191 г., далее Оттон IV при Бувине — в 1214 г., кельнцы при Ворингене — в 1288 г., майнцы — при осаде Альцея в 1298 г. Что касается итальянских коммун, то у них оно в XII и XIII вв. составляло необходимую принадлежность снаряжения общегражданского ополчения**.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТАЛЬЯКОЦЦО

23 августа 1268 г.

К войнам Гогенштауфенов с итальянскими коммунами (городами) я присоединяю еще обзор сражения, в котором нашел свою гибель последний представитель этого великого рода Конрадин, но уже в борьбе не с городами, а с французским феодалом Карлом Анжуйским, призванным папами, чтобы вытеснить Гогенштауфенов из их наследственной области — Неаполя.

Старейший и основной источник для обычного изложения этого сражения — записи одного французского монаха Примата, который писал, вероятно, в Парижском монастыре Сен-Дени; им пользовался преимущественно Виллани, а все новейшие исследователи, как Раумер, Ширрмахер, Дельпеш, Келер, Бюссон, Гампе, Оман, брали этот рассказ, с небольшими отклонениями в деталях, за

* Арнульф, SS, VIII,, стр. I6.

** Свидетельства источников о карроччио собраны и обработаны Муратори, Antiquitates, II, 489. Ср. далее Вайц, VIII, 183; Сан-Марте, Zur Waffenkunde, стр. 323; Keler, I, 185, II. 147, 190,III, 2, 344. Мнение, что это «приспособление» берет свое начало на Востоке, кажется мне необоснованным.

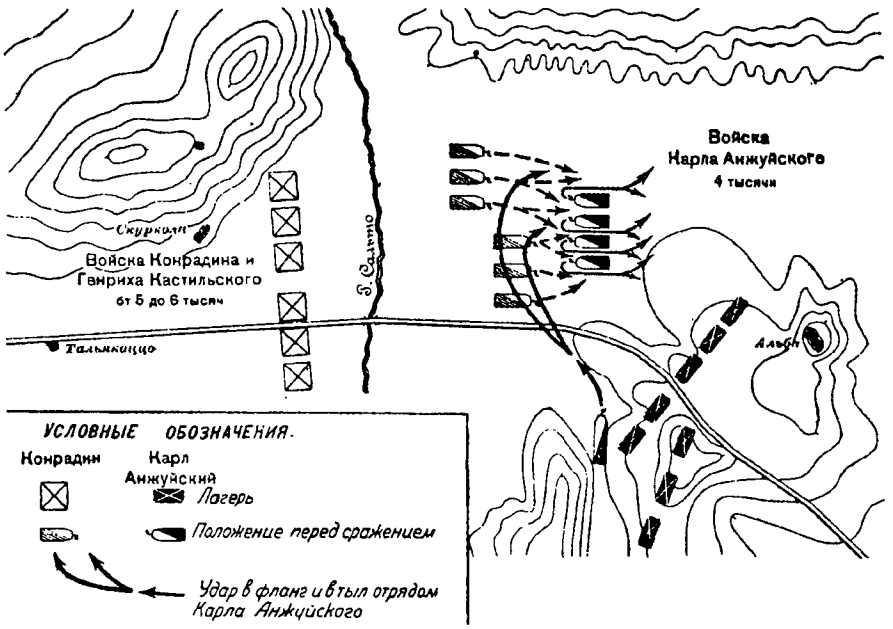


Схема 17. Сражение при Тальякоццо 23 августа 1268 г.

основу. Но в новейшее время Ролофом* на основании лучших и более ранних источников доказано, что он ни в каком отношении не заслуживает доверия. В сущности все, что мы можем сказать об этом сражении с исторической достоверностью, можно взять только из Гибелиновских анналов г. Пьяченцы и из кратких сообщений самого Карла Анжуйского.

Во всех описаниях сражения на той и на другой стороне фигурирует только конница, пехота же, упоминаемая то здесь, то там, играет здесь, следовательно, очень незначительную роль, — может быть, она даже вовсе не участвовала в бою.

Так как и Плацентинские анналы сообщают, что соединенное войско Конрадина и его союзника Генриха Кастильского, римского сенатора (бургомистра), было сильнее армии противников, то с этим, очевидно, следует согласиться. Все же вполне положиться на это я не могу, в особенности потому, что полное отсутствие пехоты в рассказах о сражении также наводит на подозрения; Ролоф считает заслуживающими доверия сообщения, по которым Конрадин имел от 5000 до 6000, а Карл 4000 конницы. Если называть этих конников рыцарями, то этим самым мы в известной степени уже вышли бы за пределы понятия «рыцарь» в собственном смысле. Многие из них не только не были посвящены в рыцари «рыцарским ударом», но были простыми всадниками, хотя более или менее тяжело вооруженными, но не рыцарского происхождения.

Сражение протекало таким образом, что сначала войска Конрадина победили соединенные немецкие, испанские и итальянские войска, но затем, когда у них наступило сильное расстройство боевого порядка, они были разбиты вступившими в бой резервами под начальством самого короля Карла.

С каким намерением и каким образом Карл держал этот резерв как будто скрытым в засаде, — этого по дошедшим до нас источникам не видно и об этом можно только лишь догадываться. Разумеется, нельзя допустить, чтобы Карл с

* «Die Schlacht bei Tagliacozzo», Neue Jahrb. i. d. Klass. Altertum, Gesch. u. D. Liter., 1903, разд. I, т. XI, вып. 1, стр.31.

самого начала намеренно дал разбить большую часть своей армии с таким расчетом, чтобы затем напасть из своей засады на пришедших уже в расстройство победителей и преодолеть их силой своей сомкнутости. Если бы при помощи столь несложного фокуса малочисленное войско могло побеждать многочисленное, то к нему прибегали бы гораздо чаще. При оставлении части войска в резерве может иметься в виду только — ввести ее в бой в то время, когда успех в сражении клонится то в ту, то в другую сторону; более позднее вмешательство могло бы быть легко отражено противником, даже в том случае, когда у него остаются сомкнутыми и готовыми к бою лишь незначительные силы, которые тем самым оказываются ядром для собирания воинов, хотя и рассеявшихся в данный момент, но представляющих сами по себе во много раз превосходящую противника численность.

Ролоф рисует нам наглядно состояние победоносного рыцарского войска следующим образом: «Представим себе бой между двумя рыцарскими армиями. Несколько тысяч единичных бойцов приблизительно одновременно вступают в рукопашный бой; спустя некоторое время, более слабая сторона начинает отступать; понятно, теперь часть победителей начинает теснить отступающих, другая часть соскакивает с лошадей, чтобы перевязать свои раны, привести в порядок поврежденное в бою вооружение, переменить лошадь, добить до смерти или взять в плен противника, сброшенного с лошади, и отнять, у него какую-либо ценную часть снаряжения или оружия. Начальства, которое препятствовало бы такому самовольному грабежу, перерыву в бою и вынуждало бы рыцаря оставаться постоянно в полном снаряжении и готовым в бою ко всему, не существует. Такого рода положение, неизбежно связанное с каждой победой рыцарского войска, без сомнения, в значительной мере понижает его боеспособность, и отряд, застигший противника в такой момент, должен, если он даже значительно слабее, иметь большие преимущества. Многие спешившиеся рыцари почти беззащитны против нападающих конных, а атакуемое войско распределяется на большом пространстве, так что атакующий сразу, может быть, и вовсе не встречает достойного себя противника и может постепенно уничтожать вражеские силы. Какой оборот примет сражение, в случае такого нападения — всецело зависит от особых обстоятельств; при большом численном превосходстве атакуемых не исключена и такая возможность, что они примут бой и добьются победы. Так как рыцарь — боец-одиночка и без затруднений для себя может повернуть в любую сторону, то не имеет большого значения, направлен ли внезапный удар во фланг или в тыл; решающим всегда является вопрос, сколько рыцарей в момент удара выбыло из строя и как далеко они рассеяны».

В такой момент начавшейся дезорганизации, — продолжает Ролоф, — Карл, должно быть, и атаковал войско Гогенштауфенов. Это имело для него очень большие выгоды, но, — следует еще раз подчеркнуть, — к этому привела лишь случайная причина, состоящая в том, что главная часть анжуйского войска была разбита и бежала раньше, чем рассчитывал Карл. Несомненно, дело дошло до жестокого боя; но почему сражение окончилось победой французов, мы не знаем, так как, независимо от всего прочего, вступления свежих отрядов в полном боевом порядке недостаточно для создания решительного перевеса над очень многочисленным войском, испытывавшим благодаря победе большой моральный подъем. Возможно, — как указывает дальше Ролоф, — что в войске Конрадина, состоявшем из 3 национальностей, господствовало большое взаимное недоверие, и в связи с последним в нем сразу началась паника, потому что при внезапном наступлении новых неприятельских войск возникло подозрение в измене.

С точки зрения военной истории это сражение особого интереса не представляет и мало поучительно, ибо мы как раз о двух главных моментах — с какой целью и каким образом Карл Анжуйский образовал свои резервы и держал их в

засаде, а также, каким образом он достиг такого громадного успеха, — документальных данных не имеем, строить же что-либо на одних предположениях невозможно. Только негативным путем можно прийти к заключению, что линейное построение тогда не применялось, ибо если бы войско Конрадина имело вторую боевую линию, то оно не могло бы быть до такой степени расстроено.

Как вклад в критику средневековых рассказов мы добавляем здесь еще следующие детали из текста Ролофа: Генрих Кастильский со своими испанцами при преследовании неприятеля дал себя завлечь так далеко от поля сражения, что вернулся только тогда, когда Карл успел уже победить немцев. Тогда начался третий бой. Это расчленение битвы на отдельные акты, кажется, приспособлено к тому, чтобы объяснить победу меньшего по численности войска, но Ролоф, на основании критики источников и реальных соображений, доказал его баснословный характер. В мнимом третьем бою испанцы, будто бы, образовали плотно сомкнутую стену, так что французы никак не могли прорвать ее. Но Эрард Валери, в сущности главный герой легенды, нашел способ выйти из положения; он вместе с 30 рыцарями симулировал бегство, испанцы же, убежденные, что все французское войско обратилось в бегство, пустились их преследовать и этим расстроили свои ряды. И вот уже французы вступают с ними в единоборство, но напрасно: панцири испанцев непроницаемы для ударов. Но французы вплотную подвигаются к противникам, хватают их за руки и плечи, чтобы стащить с лошадей. Так как французы в своих легких кольчугах были проворнее испанцев, одетых в тяжелую броню, то они этого достигли. После жаркого боя испанцы были окончательно разбиты.

Для более или менее опытного глаза здесь сразу же обнаруживаются признаки военной легенды. Если бы легковооруженные так просто одолевали тяжеловооруженных, мы, пожалуй, слышали бы об этом чаще. Но Ролоф доказывает легендарность этого рассказа на основании первоисточников, устанавливая, что Примат рассказывает подобную же историю о сражении при Беневенте двумя годами раньше, с той только разницей, что здесь живую стену образуют не испанцы, а немцы. Непонятно, почему немцы при Беневенте должны были сражаться другим способом, чем при Тальякоццо. Андрей Венгерский, подробно рисующий нам несколько лет спустя то же сражение, ничего не знает о таких интересных подробностях. Происхождение этого рассказа явно: он всегда относится к тем, с кем французы вели самый жестокий или последний бой. Наиболее близкие к этим событиям старейшие итальянские источники ничего не знают о таких деталях. Легенда эта возникла только в хронологическом отдалении. Вернувшиеся домой рыцари, от которых Примат из Сен-Дени слышал свои истории, рассказывали ему басни о том, какие им пришлось употреблять усилия и хитрости, чтобы разъединить могучих воинов, которых они победили в Италии, и вступить с ними в рукопашный бой, причем настолько преувеличивали непроницаемость испанских лат, что тем самым в сущности лишали своих противников боевых качеств: ибо чего стоят противники, которых, в конце концов, можно взять голыми руками! Неужели опытные в бою испанцы не перерезали бы пальцы своими мечами и кинжалами тем, которые стали хватать их за руки и плечи и стаскивать с лошадей? Легковооруженные или невооруженные могут осилить рыцарей только тогда, когда несколько набрасываются на одного; тогда рыцарь бывает побежден не благодаря своему хорошему снаряжению, а несмотря на него. Это могло случиться и в сражении при Тальякоццо.

Если всмотреться пристальнее, то окажется, что воины, утрачивающие боеспособность из-за тяжелого снаряжения, наши очень давние знакомцы: чем же греки объясняли победу своего, якобы, численно слабейшего войска при Саламине? Финикияне, наиболее из всех народов сведущие в морском деле, построили, будто бы, такие большие и тяжелые суда, что не в состоянии были как следует управлять ими.

Если сравнить изложение хода битвы при Тальякоццо у Ролофа с традиционными, различающимися только в деталях рассказами, то это снова доказывает, как мало может дать критика документальная без критики реальной. Как гордится наша историография точностью методов, применяемых к средневековым источникам, — и при всей своей точности эта современная, вооруженная критикой дисциплина создавала до сих пор относительно Тальякоццо точно такие же сказочные представления, как и античная историография о Ксерксе или о кимврах и тевтонах.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЕХОТА

Представление о том, что итальянские города создали настоящую пехоту и что последняя играла решающую роль в войне против Штауфенов, систематически защищает в своей диссертации Юлиус Рейнгардт Дитрих (Julius Reinhard Dietrich, Die Taktik in den Lombardenkriegen der Staufer, Marburg, 1892). Это исследование основано на тщательнейшем анализе источников и потому очень ценно, хотя основная его мысль, а следовательно, и отдельные выводы неприемлемы. Это, в сущности, своего рода полемическая работа против моих «Perser.- und Burgunderkriege» («Персидские и бургундские войны»). Но противоречие между ними существует постольку, поскольку оно сводится только к фундаментальному недоразумению.

В «Perser.- und Burgunderkriege» я впервые выяснил полярную противоположность между тактическим организмом и войском, состоящим из одиночных бойцов. Дитрих оспаривает это противопоставление, «ибо, — говорит он (стр. 5), — единство воли многочисленного войска выражается хотя бы в том, что два воина для защиты от многочисленного или более сильного противника становятся плечом к плечу, или же в том, что многие становятся так близко друг к другу, что правая грудь одного закрывается щитом другого». Это правильно, но затемняет решающий момент. Речь идет не об абсолютной, но о полярной противоположности, это значит — отряд рыцарей и эскадрон кирасир очень сходны и все же в основном различны, так как в первом — низкая степень единства наряду с высокими личными качествами отдельных воинов, во втором — высокая степень единства и значительно более низкий уровень личной квалификации. Немыслим отряд рыцарей при отсутствии какого бы то ни было единства, какого бы то ни было руководства, и столь же немыслим эскадрон кирасир при полном отсутствии личной храбрости и опыта в пользовании оружием. Но, несомненно, в одном значительно преобладает один момент, в другом — другой. Эскадрон кирасир ни в коем случае, как изображает Дитрих, не есть результат рыцарского отряда, но нечто существенно отличное от него, поскольку приобретаются известные свойства, в то время как другие утрачиваются. Дитрих полемизирует со мной, как если бы я отрицал существование какой бы то ни было органической связи в рыцарских войсках и какой бы то ни было возможности руководства, как вообще руководства. Он совершенно правильно отмечает, что в средневековых войсках также было известное руководство, называет затем части и отряды в этих войсках тактическими единицами и, следовательно, теряет из виду специфический характер войска этой эпохи и отличие его от войск древности и нового времени. В источниках, естественно, встречается множество мест, которые звучат приблизительно так, как если бы в средневековых войсках дело обстояло так или почти так, как сейчас; но кто даст себя ввести в заблуждение и проглядит различия, тот упустит наиболее существенный момент. В сражении при Дорилэе, по Радульфу, Танкред и его брат Вильгельм, выйдя из оборонительного положения, пытались атакой прогнать турок с занятого ими господствовавшего над местностью холма. Боемунд, в чьих руках было главное командование, порицал это как безрассудную отвагу и хотел их удержать, ибо считал такие частные предприятия нарушающими общий порядок. Герман (стр. 17), а за ним также Дитрих (стр. 20) пожелали в этом усмотреть «признаки высокого самоотречения, требуемого также от самых знатных и храбрых», и делают отсюда вывод о субординации и дисциплине. Я хотел бы использовать этот эпизод как доказательство правильности выставленного мною тезиса. Неодобрительное суждение Боемунда, что частичная атака нарушает порядок целого, было, вероятно, высказано тысячу раз, но это еще не доказывает существования дисциплины, которая препятствовала бы такого рода действиям. Другое дело, если бы история о Боемунде и Танкреде имела то же продолжение, как и римская легенда о консуле Манлии и его сыне! Но нет: Танкред не обращает внимания на приказ, его Вильгельм пал на поле сражения, и Боемунд ограничивается своим теоретичес-

ким порицанием! Ничто не может с большей отчетливостью свидетельствовать о том, насколько чуждо было рыцарским войскам правильное понимание субординации и дисциплины.

Точно так же обстоит дело с дальнейшими доказательствами Дитриха. «Мы можем, — пишет он (стр. 24), — по резкому неодобрению несвоевременных атак, легкомысленных предприятий отдельных командиров и частей, беспорядочных и рассеянных выступлений, неповиновения и самоуправства, заключить о строгой военной дисциплине. Достаточно вспомнить слова Фридриха о безрассудной отваге графа Бубиньонского в 1158 г. под Миланом, порицание чересчур поспешных ударов с фронта генуэзцев в 1148 г. на Тортозу и в 1221 г. на Вентимилью, беспорядочное из-за несогласованных действий командиров столкновение павийцев и миланцев в 1155 г. у Тортоны, сражение при Лоди в 1195 г., безумное выступление пьяченцинцев против павийцев в 1213 г., но прежде всего сражения при Кастеллеоне, Кортенуова и Тальякоццо».

Все эти примеры отсутствия субординации должны служить доказательством дисциплины только потому, что они встречали неодобрение!

Дальше.

«Взятый в плен миланцами и после рыцарского обхождения с ним отпущенный на свободу miles explorator павийцев (1157 г.) восхваляет благоразумие, с которым его враги избегали оставлять лагерь и (против воли начальников) идти в атаку. В 1160 г. во время осады Фары, а также и в 1161 г. под Миланом, во время сражения павийцев с миланцами, немецкие milites по приказу императора за немногими исключениями воздерживаются от боя. Одного слова Григория Монтелонгского, командующего войсками союза, достаточно было, чтобы удержать рвавшихся в бой пьяченцинцев от преследования Энцио».

Наконец-то здесь мы на некоторых примерах видим, что приказы начальников выполняются, и это случалось, разумеется, еще гораздо чаще, но, мне кажется, самый тон рассказа показывает, насколько непрочна была эта субординация. Приказа императора или полководца было достаточно, — рассказывают нам, для того чтобы рыцари, — понятно, не без исключения, — повиновались, но в таком случае, что же это за представление о власти командующего и дисциплине, где слова полководца недостаточно, чтобы вызвать повиновение!

ГЛАВА VI

НЕМЕЦКИЕ ГОРОДА

Военная организация немецких городов, совершенно так же, как и итальянская, основывалась на рыцарстве, осевшем в городах, пополнявшемся разбогатевшим купечеством и постепенно слившемся с последним. Первоначально службу на коне, как вполне правильно говорит уже Рот фон Шрекенштейн*, несли жившие в городах рыцари, а впоследствии все те, кто имел для этого достаточно средств. Можно было бы сомневаться, является ли богатство достаточной порукой военной годности, но надо принять во внимание, с одной стороны, сословную традицию, поддерживавшую понятие рыцарской чести, а с другой стороны — военный момент, присущий купеческому сословию в эпоху, когда закон предоставляет очень слабую защиту, и, наконец, возможность заменить себя вооруженным кнехтом. Очень часты случаи, когда горожане в то же время называются рыцарями**. Арнольд в своей «Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte» (II, 186) говорит: «Наполовину это рыцари, которые, так же как те, обладают ленами от духовных и светских сеньоров, служат на коне и в доспехах и пользуются всеми привилегиями рыцарства; наполовину они горожане, настоящее местожительство которых в городах, где они занимаются ремеслами и торговлей и блюдут интересы

* Die Ritterwürde und der Ritterstand, стр. 502.
** Roth, стр. 470.

города»*. Служившие в коннице граждане назывались в Страсбурге, Магдебурге, Цюрихе и в других городах «констафлеры», или «констофлеры» (то же слово, как connétable = comes stabuli). В 1363 г. страсбургские констафлеры выставили 81 копье, цехи — 21, судовладельцы — 5, бакалейщики — 4, виноделы — 4 и т. д. Император Людовик Баварский требовал от имперских городов, чтобы они «по старинному обычаю» на пути его к коронации сопровождали его за горы с отрядом всадников**.

В Италии, как мы видели, долгие войны против Штауфенов все же не создали действительно воинственной буржуазии. Выступления этой массы, которые имели место то здесь то там, имели, по существу, ограниченный и преходящий характер. Еще меньше поводов и возможностей для воспитания воинского духа в населении городов было в Германии. Даже с тех пор как цехи начинают оспаривать власть благородных сословий и бороться с ними за места в городском совете, эта борьба слабо проявлялась в военном отношении; беспрерывные войны с соседними феодалами и рыцарями не вызывают образования активных специфически городских военных организаций. Масса мелкого мещанства, конечно, тоже вооружается и обладает некоторыми военными данными или усваивает их, но остается все же только вспомогательным родом войск для рыцарства, — главным образом в роли стрелков***, последние приобрели себе славу также и на имперской службе. В хронике Арнольда Любекского в одном месте восхваляются горожане, которые благодаря долгому упражнению**** стали добрыми воинами и довольно часто выступали против рыцарей-грабителей, хотя это были скорее побоища, чем войны. В XIV в. вошло в обычай, что члены цехов отправлялись в поход на повозках, сидя по 6 человек верхом на скамье. Но уже в 1256 г. на съезде имперских городов в Майнце решено было по возможности держать наемников*****, для чего не только вербовали наемных кнехтов или рыцарей, но заключали договоры с соседними сюзеренами и рыцарями, которые за соответствующую мзду обязывались оказывать им постоянную помощь.

Эти договоры с наемниками во всех отношениях характерны для военной организации городов. В 1263 г. Кельн заключил договор с графом Адольфом фон Бергом в форме оборонительного и наступательного союза. Граф становится гражданином г. Кельна и обязуется выходить на подмогу городу с 9 рыцарями и 15 оруженосцами верхом на конях, покрытых броней. Город за это платит ему 5 марок кельнскими пфеннигами в день. Кельнцы, со своей стороны, обязуются помогать графу Бергу 25 гражданами из благородных сословий в полном вооружении на покрытых броней лошадях.

Подобные же договоры были заключены с графами Вильгельмом и Вальрамом Юлихскими и Дитрихом фон Каценелленбогеном. Спустя 100 лет этот договор был почти дословно возобновлен******. Город Вормс заключил такого же рода договор с графом Лейнингенским*******. Как мало должны были доверять своим

* Ср. «Bremer Urkundenbuch», изд. v. Ehmk u. Bippen, т. I, N 172. Архиепископ Гербгард обещает в 1233 г. жителям Бремена: «Купцы, граждане Бремена, не будут принуждаемы принимать участие в походах архиепископа Бременского, если не захотят, за исключением тех купцов, которые в качестве министериалов или церковников имеют лены от церкви, из коих кто угодно, будучи призван для участия в церковном походе, может заменить себя воином, достаточно обученным владению оружием». Ср. Donandt, Gesch. d. Bremer Stadtrechts, т. I, стр. 111.

** K. Fischer, Die Teilnahme der Reichsstädte an der Reichsheerfahrt. Leipz. Dissert., 1883 г., стр. 14. Первая поездка в Рим, в которой они приняли участие, была лишь в 1310 г. (стр. 29).

*** Lindt, Beitr. z. Gesch. d. Deutsh. Kriegsv. i. d. Staufischen Zeit (Tübinger Dissert., 1881), стр. 28, приводит много примеров — старейший из них от 1114 г.

**** В 1204 г., «собрав множество рыцарей или просто горожан, которые благодаря непрерывным военным упражнениям неплохо владели мечом, луком и копьем».

***** Arnold, II, 241.

****** Fnnenu, Eckertz, Quellen zur Gesch. d. Stadt Köln, т. II, N 449, стр. 165, и т. IV, N 488, стр. 560. Ср. III, 232. Arnold, Verfassungsgesch. d. deutschen Freistädte, I, 443.

******* Arnold, II, 243.

военным способностям кельнское и вормсское гражданское население, если они считали нужным пользоваться такой помощью! Из-за каких-нибудь 24 или 25 человек заключались такие договоры! Но это были все же рыцари, а 25 рыцарей — это не так мало: достаточно вспомнить, с какой точностью некогда Карл Великий предписывал, чтобы каждый его граф мог оставлять дома 2 или 4 человека из своих воинов. Эти капитулярии становятся понятными только в том случае, если уяснить себе, что военная организация Каролингов основывается на рыцарском военном сословии, а не на всеобщем крестьянском ополчении. Невоинственность масс является естественным спутником рыцарства, поэтому кельнцы также обещают со своей стороны союзную помощь не в виде городского ополчения, а на конях, одетых в броню.

Если горожане вообще выступали, то они хотели быть на таком расстоянии от города, чтобы иметь возможность к вечеру уже вернуться домой: в таком смысле прямо вынесли постановление рейнские и швабские города в 1388 г.*. Частые предписания о вооружении граждан и о том, каково должно было быть их оружие, а также об осмотре их доспехов никогда не имели существенного практического значения.

Подробные рассказы и описания, касающиеся главным образом истории Кельна, — например, в рифмованной хронике мейстера Готфрида Гагена**, — часто дают весьма наглядные картины положения вещей. Однако, сражение при Воррингене (1288 г.), которое по традиции считается победой кельнских горожан над их архиепископом и его рыцарями, сюда не относится, ибо кельнцы играли в нем лишь побочную роль.

БОЙ ПРИ ФРЕХЕНЕ***
1257 г.

В 1257 г. неожиданно вспыхнула война между городом и его архиепископом Конрадом Гохштаденом. После того, как произошло уже несколько стычек, архиепископ занял все дороги, ведущие в Кельн, и отрезал подвоз по воде и по суше, чтобы измором принудить город к сдаче. Один из феодалов, обязанных службой городу в качестве союзников, Дитрих фон Фалькенбург, принял на себя командование горожанами и приказал им выступить и отогнать противника, так как-де позорно для города позволить 400 врагам отрезать дороги. Граждане заявили о своей готовности следовать за ним и под Фрехеном атаковали войско епископа; по Гагену, кельнцы победили благодаря тому, что сам Фалькенбург сначала осторожно сберегал свои силы, а затем вступлением в бой решил исход; но дальнейшие события, как заметил Эннен, отнюдь не создают впечатления действительной победы кельнцев. Если войско архиепископа было, действительно, численностью не больше 400 человек, то военные данные кельнцев выступают в очень невыгодном для них освещении. Можно, пожалуй, предполагать, что Дитрих из желания воодушевить граждан значительно преуменьшил силы неприятеля. Во всяком случае, это остается свидетельством тому, что боевая сила города была невелика.

УЛИЧНЫЕ БОИ В КЕЛЬНЕ

То же самое выявляется и в рассказах об уличных боях между гражданами. При преемнике Конрада, архиепископе Энгельберте II фон Фалькенбург, цехи,

* Königshofen, Chronik deutscher Städte, 9, 845; Bischer, Forsch. d. deutsch. Gesch., т. II, стр. 77; Köhler, т. III, 2, 381.

** Des Meisters Godefrit Hagen, der Zeit Stadtschreibers, Reimchronik der Stadt Köln aus dem dreizehnten Jahrundert. С примечанием и словарем, первое полное издание по единственной старинной рукописи.

*** В 11 *км* к западу от Кельна. — Прим. пер.

подстрекаемые епископом, восстали против господства благородных сословий. Собравшись толпами, они хотели разгромить жилища дворян, дело дошло до ожесточенных уличных боев, в которых патриции одержали победу и устроили кровавую баню, в особенности среди ткачей. Несмотря на тесноту и узость кельнских улиц, рыцари сражались верхом, и Гаген все время повторяет, что они пришпоривали своих лошадей, скакали через цепи, которые цеховыми протягивались поперек улиц. Так как число рыцарей и их приверженцев могло быть только незначительным, тем большим должно было быть их личное воинское превосходство над массой горожан.

Вполне сходно по своему характеру сражение, имевшее место несколько лет спустя на улицах города по поводу спора двух знатных родов — Оверштольцев и Вейзенов. В связи с этим спором побежденные и изгнанные из города Вейзены составили заговор с целью неожиданного захвата города; бедный башмачник, ютившийся под одной из арок городской стены, за деньги согласился выкопать под стеной такое большое отверстие, что всадник свободно мог через него проникнуть в город. Герцог Вальрам Лимбургский, графы фон Клеве и фон Фалькенбург сговорились ночью 14 октября 1268 г. проникнуть в город через это отверстие вместе с 500 воинов. Герцог действительно выполнил свой план: прошел через подземный ход, открыл ближайшие ворота и вторгся в город со всем своим воинством. Но Оверштольцы были вовремя предупреждены, община стала на их сторону, и в жестокой схватке, в которой большая часть дворян пала, вторгшиеся были вновь изгнаны или взяты в плен.

СТЫЧКА ПРИ ГАУСБЕРГЕНЕ
8 марта 1262 г.

Об этом в высшей степени интересном бое между страсбуржцами и приверженцами епископа Вальтера фон Герольдсэка до нас дошло два рассказа из противоположных лагерей. На стороне епископа стоит Рихерий, составитель истории Сенонского монастыря в Вогезах (M. G., SS. XXV, 340), современник этого события, так как труд его заканчивается уже 1265 г. Второе описание этого сражения принадлежит перу неизвестного автора, жившего одним поколением позже; оно составлено приблизительно в 1290 г. в Страсбурге и, следовательно, не относится к первому рангу по внешней достоверности, тем более, что дошедший до нас текст впоследствии, вероятно, кое-где ретуширован и безусловно не вполне точно соответствует оригиналу. Тем не менее «Conflictus apud Husbergen», как этот источник назывался раньше, или «Bellum Walterianum», как его называют теперь, представляет собой очень ценное для военной истории свидетельство, так как, хотя подробностям и придан легендарный характер, составитель явно использовал рассказы непосредственных участников событий, причем отдельные черты обладают такой конкретной наглядностью, какую может создавать только действительная передача жизни, передача того, как в действительности протекало сражение той эпохи. Страсбургский летописец Фритче Клозенер в XIV в., один из первых историков, писавших на немецком языке, для истории борьбы с епископом, в которую был вовлечен также Рудольф Габсбургский, впоследствии император, не мог придумать ничего лучшего, как просто перевести ту старую латинскую запись*.

Борьба между страсбуржцами и епископом продолжалась в течение долгого времени обычным порядком, т. е. обе стороны грабили и сжигали деревни, а епископ отрезал подвоз к городу. «Весь Эльзас был обезлюден, опустошен и

* Эта рукопись напечатана Бемером (Böhmer) в «Fontes rer. German», т III, и переиздана Яффе, в SS. т. XVII, стр. 105. По этому же вопросу см. Wiegand, Bellum Walterianum («Studien z. Els. Gesch.», I), Страсбург 1878 г.; Roth v. Schreckenstein, Herr Walter von Geroldseck, Tübingen, 1857.

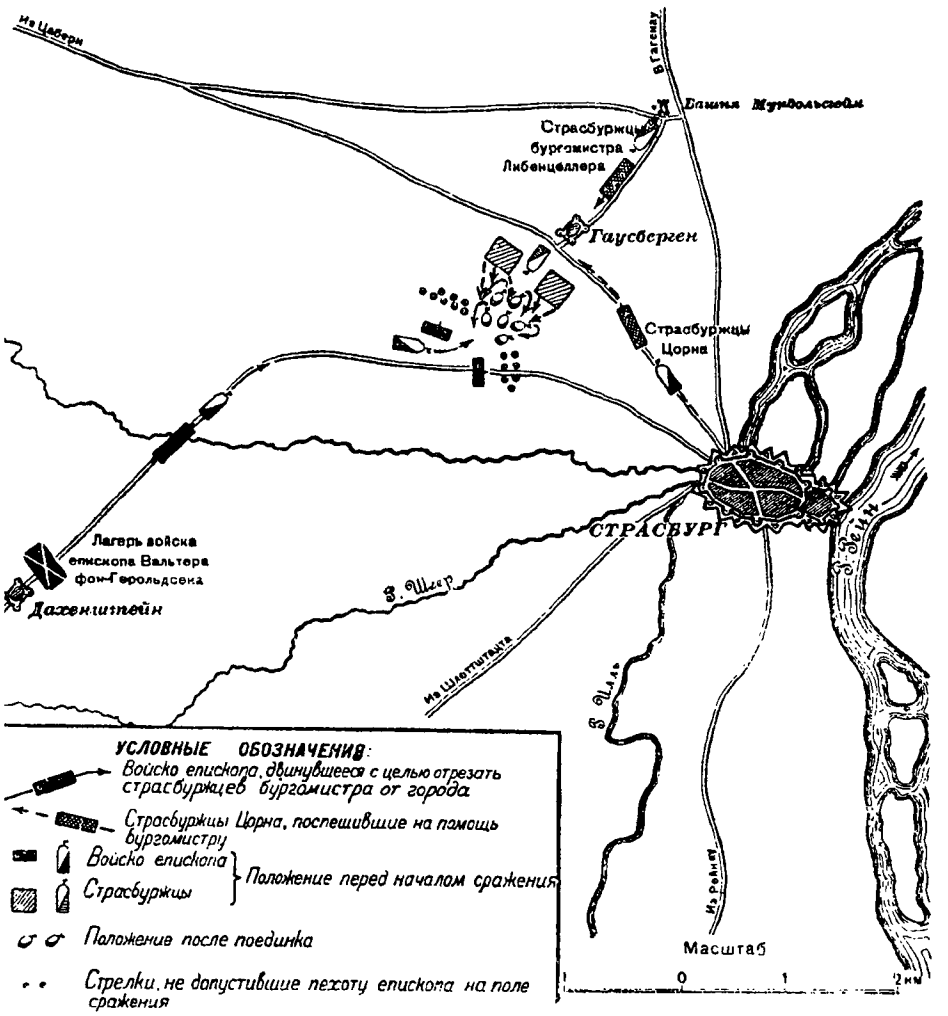


Схема 18. Сражение при Гаусбергене в 1262 г.

погружен в траур», сообщает хронист Рихерий. Так как осевшие в сельских местностях рыцари были приверженцами епископа, то он ввел систему сигнализации, чтобы созывать их в случае выступления страсбуржцев; если в Мольгсгейме в 3 милях от Страсбурга начинали звонить колокола, ближайшие колокола подхватывали набат и передавали призыв дальше по всей стране*.

Когда однажды страсбуржцы выступили, чтобы разрушить башню около Мундольсгейма, на расстоянии более мили к северу от Страсбурга, по дороге в Гагенау и Цаберн, епископ приказал бить в набат и надвинулся со своим войском, чтобы напасть на горожан на обратном пути. На подмогу выступившим горожанам пришли оставшиеся в городе и соединились с ними в 3/4 мили к северо-востоку от города у Гаусбергена. Бургомистр г. Страсбурга, старый рыцарь Реймбольд

* Рот фон Шрекенштейн (стр. 40) полагает, что епископ распределил свое войско по всей стране до Шлеттштадта, Рейнау, Цаберна и Гагенау. Расстояние некоторых из этих пунктов от оборонного пункта Мольсгейма — более 4 миль. По Рихерию, войско епископа не приходилось собирать каждый раз, а оно было сосредоточено под Дахенштейном.

Либенцеллер, командовавший выступившими ранее, сказал Николаю Цорну, приведшему подкрепление: «Слава богу, любезнейший господин Цорн, ни в один из дней моей жизни я не жаждал так вас увидеть, как ныне»*.

Граждане выстроились в боевом порядке и ободряли друг друга, особенно пехотинцев, которым говорили: «Будьте сегодня мужественны и сражайтесь без страха за честь нашего города, за нашу собственную свободу, за вечную свободу нас самих, наших детей и всех наших потомков». Двум рыцарям было еще специально поручено обучать пехоту (populo seu peditibus), как следует сражаться, а горожане дали обет повиноваться.

Увидев силы врага, рыцари епископа стали раздумывать, решаться ли им на атаку. Но когда они предупредили епископа об опасности, он назвал их трусами; если они хотят, пусть расходятся. Тогда они, сообщает летописец, ради чести остались на поле брани, и, хотя предвидели гибель, все вступили в бой.

Страсбургский дворянин Марк Эквергейм, еще не посвященный в рыцари юноша, поскакал впереди всех во весь опор, держа копье наперевес. Епископский рыцарь по имени Бекелариус принял вызов и помчался ему навстречу. Копья обоих разлетелись в щепки, и удар был так силен, что оба противника рухнули вместе с лошадьми, и обе лошади остались на месте. С обеих сторон на помощь им поспешили друзья, причем страсбуржцы спасли своего воина и умертвили противника.

Тогда развернулась всеобщая схватка рыцарей, в которой страсбуржцы вскоре одержали верх, так как вся масса вооруженных копьями пеших горожан бросилась в бой, закалывая лошадей противника, так что вскоре все были распростерты на земле. Рейнбольд Либенцеллер наставлял их, чтобы они кололи всех лошадей без разбора, хотя бы даже попадалась лошадь своего горожанина, так как до дома недалеко и он может вернуться и пешком, Это наставление, о котором наш источник сообщает с полной серьезностью и эпическим спокойствием, могло быть дано старым рыцарем все же, пожалуй, в юмористическом смысле, но оно, во всяком случае, очень ценно для нас как картина смешанного боя рыцарей и пеших копейщиков.

Рыцари епископа были побеждены большим численным перевесом сил и совместными действиями обоих родов войск, так как они лишены были поддержки своих собственных копейщиков. Страсбуржцы использовали своих арбалетчиков не как вспомогательный род войск в рыцарском бою, а выделили их из массы войск и до начала боя поставили их так, чтобы они препятствовали епископской пехоте прийти на помощь своим рыцарям. Как это было возможно, к сожалению, нельзя установить по нашим источникам. Когда горожане с целью обойти один ров взяли направление к городу, епископ будто бы подумал, что они хотят оставить поле сражения, а потому со своими рыцарями опередил пехоту и начал атаку до того, как она (пехота) прибыла к месту сражения.

Но страсбургские стрелки все же не могли быть вдвинуты между неприятельскими рыцарями и их пехотой. Можно было бы себе это представить, может быть, так, что они заняли впереди фронта своих какую-нибудь возвышенную позицию, у подножия которой прошли войска епископа. Рыцари не дали задержать себя стрелами арбалетов, а пехота в страхе перед ними отступила. Но при ближайшем рассмотрении и это предположение вряд ли приемлемо, так как войска епископа едва ли шли по ложбине, а, следовательно, легко могли бы обойти не столь широкое поле обстрела страсбуржцев. Весь этот эпизод, пожалуй, следует вычеркнуть как легендарный, тем более что наш источник насчитывает стрелков лишь 300, а в епископской пехоте 5000 человек. Если бы даже численность этой пехоты была только 1000 или 800 человек, то как могли противостоять ей на таком расстоянии от главного войска 300 стрелков? Как жалки должны были быть

* Таков перевод Клозенера. Латинский текст гласит: «Bene veniatis, dilectissime domine Zorn; nunquam in tantum gesiderabam vos videre».

копейщики, которые не находили в себе достаточно силы, чтобы одолеть в открытом поле меньший по численности отряд стрелков. Быть может, основа рассказа состоит в том, что страсбургские стрелки, расставленные на обоих флангах, оттуда успешно обстреляли следовавших непосредственно за своими рыцарями пеших копейщиков епископа, и это изображалось в таком виде, как если бы они совершенно не допустили их вступления в рыцарский бой.

Суть дела, во всяком случае, была в громадном численном перевесе страсбуржцев, опасность которого недостаточно была оценена епископом рыцарского происхождения, который сам как «благочестивый рыцарь» участвовал в бою и под которым были заколоты два коня.

Епископ был разбит, 60 рыцарей пали и 76 взяты в плен. Сообщение страсбуржцев, будто бы они потеряли только одного воина, которого сперва взяли в плен, но которого затем рыцари, обозленные поражением епископа, убили, стоит в слишком резком противоречии со всем характером этого сражения, чтобы быть правдоподобным. Если, действительно, правда, что рыцари воинствующего епископа ринулись в бой «ради чести», хотя предвидели свою гибель, то и те 60, которые пали, были тоже настолько воинами, чтобы не даром отдать свою жизнь. Да и сражение вовсе не могло быть столь кратким, если епископ, после того как под ним одна лошадь была убита, пересел на другую, а, потеряв и эту, спасся на третьей. Такая бескровная победа умалила бы самую славу страсбуржцев. Этот вымысел следует, видимо, объяснить тем, что наш рассказ был записан позже на целое поколение. Устная традиция в Страсбурге особенно прочно закрепила судьбу мясника Бильгерина, которого побежденные взяли в плен невредимым и впоследствии умертвили; вот почему благодаря этому остальные павшие в бою отступают на второй план, так что в результате о нем и говорили как об единственном убитом.

Мы построили картину этого сражения исключительно на одном из двух источников — на «Bellum Walterianum», так как эта запись, хотя и поздняя, все же имеет преимущество большого внутреннего правдоподобия. Здесь мы хотим в качестве ценного примера критики источников, как мы это делали уже не раз, например, по поводу сражения при Каннах, — привести дословный перевод Рихерия. Так как Рихерий жил недалеко от театра событий и писал непосредственно после них, то, если бы не сохранилось никаких других источников, вероятно, не возникало бы сомнений в том, чтобы точно следовать его данным.

Итак, Рихерий пишет:

«Во время пребывания епископа в одном из его замков, в Дахенштейне, куда им созвано было для своей охраны все войско, страсбуржцы выступили в боевой готовности из своего города. Как только епископ со своими рыцарями узнал об этом, он объявил страсбуржцам войну. (Это выражение не совсем понятно, так как Рихерий перед этим уже рассказывает, как враждующие стороны предпринимали обоюдные опустошения и поджоги. Быть может, он имеет в виду, что епископ приказал своим людям привести себя в боевую готовность.) Но страсбуржцы двинулись вперед против епископа и так вступили в бой. Они заготовили себе секиры, которые у французов называются «датскими» (haches danaises) и которыми они так поражали рыцарей епископа, что ни щит, ни шлем, ни броня и ни одна часть доспехов не могли выдержать. Кроме того, в самый разгар боя и беспощадной резни страсбургское войско получило подкрепление. Так как сражение происходило близко от города, то гарнизон и горожане поспешили к своим на подмогу; увидев их в огне битвы и беспокоясь за исход борьбы, с яростью обрушились на войско епископа и крушили все на пути. Когда феодалы и рыцари епископского войска убедились, что им нет спасения, они предпочли жить в качестве пленников у страсбуржцев, чем умереть в бою. Таким образом, страсбуржцы доставили их, обезоруженных, в свой город. Страсбуржцы, веря, что бог помог им в этом сражении, бросились на отряд, в котором был сам епископ, видевший гибель своих, уничтожили этот отряд и убили лошадь епископа, так что сам он упал на землю. Но несколько рыцарей, которые были при нем, посадили его на коня и побудили его оставить поле сражения. Затем страсбуржцы убивали всех, кого хотели, а остальных отвели пленниками в город. Пленных насчитывают 80, число же павших в бою наверное установить нельзя».

Таково описание этого сражения у Рихерия. Нетрудно убедиться, что все существенные черты этого сражения — за исключением численного превосходства страсбуржцев — утрачены. При этом особого внимания заслуживает упоминание о датских секирах, благодаря которым, якобы, горожане одержали победу. То, что страсбуржцы в начале войны стали заготовлять много нового оружия, можно принять, равно как и то, что среди этого оружия были и секиры. Но что именно это оружие в данном сражении проявило такой эффект — следует отклонить, ибо в этом случае сам страсбургский источник что-либо сообщил бы об этом, и непонятно, почему это страшное оружие не всегда применялось с таким успехом. Несомненно, как это утверждает страсбургское предание, все дело решила масса копейщиков, которая служила опорой для городских рыцарей и закалывала лошадей неприятеля. Существенное значение имело также численное превосходство стрелков, хотя способ их действия в точности установить нельзя. Значение же, которое епископские источники придают не этим факторам, а секирам, может служить только школьным примером для иллюстрации того, что повествователи склонны к необычным мотивировкам, — в частности и в таких случаях, как здесь, когда в типичном и нормальном бою исход его естественным образом был решен численным перевесом.

ГЛАВА VII

ЗАВОЕВАНИЕ ПРУССИИ ТЕВТОНСКИМ ОРДЕНОМ

Роль рыцарских орденов как в истории крестовых походов, так равно в истории церкви и в истории Западной Европы, достаточно значительна, что часто отмечалось нами в настоящей работе. Не следует, впрочем, понимать это в том смысле, что они заполнили собой особую страницу в истории военного искусства и создали в нем своеобразные формы.

Нигде не видно, чтобы они, например, как это прежде всего приходит на ум, проявили в военном деле, в силу дисциплины и своего обета послушания, черты, выделяющие их на фоне обычной повседневной жизни эпохи. Напротив, как раз по орденским предписаниям мы можем судить о наиболее характерных чертах рыцарского военного дела и способа ведения боя. Число настоящих рыцарей-бойцов было всегда слишком незначительно, чтобы они могли как орден оказывать влияние; значение и успех рыцарских орденов зависели от их организации, сумевшей использовать в целях борьбы за святую землю богатство и дары, обильные приношения, стекавшиеся к ним во всех странах латинской церкви.

Однажды, впрочем, один из орденов — Тевтонский — достиг прочного успеха, имевшего бесконечно важные последствия.

Могущественная Германская империя потратила 300 или, если считать, начиная с Генриха I, свыше 200 лет на покорение и присоединение к себе славянских племен между Эльбой и Одером. Если принять во внимание этот срок, то не приходится удивляться, что поляки вообще никак не могли справиться со своими северными языческими соседями, пруссами, жившими между Вислой и Неманом, и, в конце концов, призвали на помощь германских рыцарей — Тевтонский орден*.

Наши сведения об истории своеобразного возникновения государства и колонизации, которая вместе с этим начинается, не слишком полны и достоверны: настоящий их историк, Петр Дусбург, жил целым столетием позже. Но основные военные принципы, которыми руководились при завоевании, проступают достаточно отчетливо.

* Лучшее общее изложение этих событий дает Karl Lohmeyer, Geschichte von Ost- und Westpreussen, ч. I, 2-е изд., 1881 г. Обстоятельно использует источники A. L. Ewald, Die Eroberung Preussens durch die Deutschen, 4 т., 1782-1886 гг. Второе крупное восстание пруссов подробно и хорошо изложено Келером в т. II его «Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit».

Орден не обладал такой постоянной армией, с какой Цезарь при покорении Галлии расположился среди страны, сокрушая и подавляя с непреодолимой силой всякую попытку сопротивления. Орден также не располагал, как Карл Великий, войском вассалов, которое созывалось по мере надобности и в союзе с политикой постепенно сломило и подавило сопротивление саксов. Непосредственная сила Тевтонского ордена ко времени покорения им Пруссии и одновременно с нею Лифляндии и Курляндии была незначительна; свое могущество он приобрел, только овладев этими областями. Замечательно, что число членов ордена ни для какого времени не зафиксировано ни в одном дошедшем до нас источнике и не может быть установлено*; в XIII в. число их, наверное, никогда не превышало нескольких сот или самое большое — одной тысячи. Сила ордена была в том, что орден являлся представителем главнейших идей эпохи, органически соединял в себе церковь и рыцарство и в качестве их передового бойца имел за собой не только Германию, но как бы всю Западную Европу. Папство со своими буллами и проповедями о крестовых походах, воинственный пыл и страсть к приключениям феодалов и рыцарей доставляли ему такой значительный и постоянный приток сил, что он, в конце концов, осилил задачу, которая заставила бы истечь кровью императоров и королей и перед которой в бессильном страхе отступила Польша.

Крестовые походы в Иерусалим не могли иметь длительного политического успеха; ручеек, который, отделившись от этого мощного потока, принял направление к Балтийскому морю, попал на более благодарную почву.

Рыцари прежде всего основали на Висле в опустошенной польской пограничной области сильную крепость Торн (1230 или 1231 г.); отсюда они двинулись вниз по течению Вислы и построили крепости Кульм, Мариенвердер и Эльбинг (1237 г.). Затем они двинулись дальше вдоль берега Фришгафа и построили там Бальгу (1239 г.). В этом продвижении их вдоль границы усмотрели намерение как бы окружить пруссов, но не в этом было дело. Здесь никогда не имело места стратегическое взаимодействие двух различных баз; решающее значение, вернее, имело то, что все эти крепости были связаны между собой и с Германией водным путем. Достигнув вниз по течению Ногата Балтийского моря, они вступили в связь с приморскими городами Германии. Эльбинг до некоторой степени был колонией Любека. Маркграф Генрих Мейсенский, ставший богатейшим феодалом, после того как обнаружилось серебро в руде его гор, посетив однажды во время крестового похода орден, оказал ему большую услугу, чем своим рыцарством, тем, что подарил ему два военных корабля — «Пильгрим» и «Фриделанд», благодаря которым орден овладел Фришгафом.

От крепостей на водных путях рыцари продвигались в глубь страны, основывая все новые укрепления, как, например, Реден, Бартенштейн, Рессль. Это продвижение шаг за шагом — настолько отличное от образа действия Карла Великого в Саксонии — соответствует не абстрактному стратегическому принципу, но особым местным условиям и силам ордена. Сам орден был слишком слаб для наступательных действий, но на помощь ему постоянно приходят крестоносцы, часто крупные феодалы, в сопровождении вооруженных отрядов, маркграфы Мейсенский и Бранденбургский, ландграф Тюрингенский, герцог Брауншвейгский, епископ Мерзебургский, князь Ангальтский; и каждый раз таким подкреплением пользовались для нанесения удара язычникам, для продвижения дальше в глубь страны, чтобы длительно обосноваться в ней. Так, из этих крепостей, прежде всего, покорены были прусские племена, жившие по Висле — полизанцы, погезанцы, а затем эрмландцы. По преданию, в 1236 г. произошло сражение и на Зиргуне (Зорге), но позволительно усомниться, было ли это сражение серьезно и имело ли оно место вообще. Суть здесь, во всяком случае, в местоположении крепостей.

* Вопрос о том, насколько достоверны сведения, взятые у Дусбурга или из хроники Оливы, что в 1239 г. орден насчитывал 600 светских членов, остается открытым.

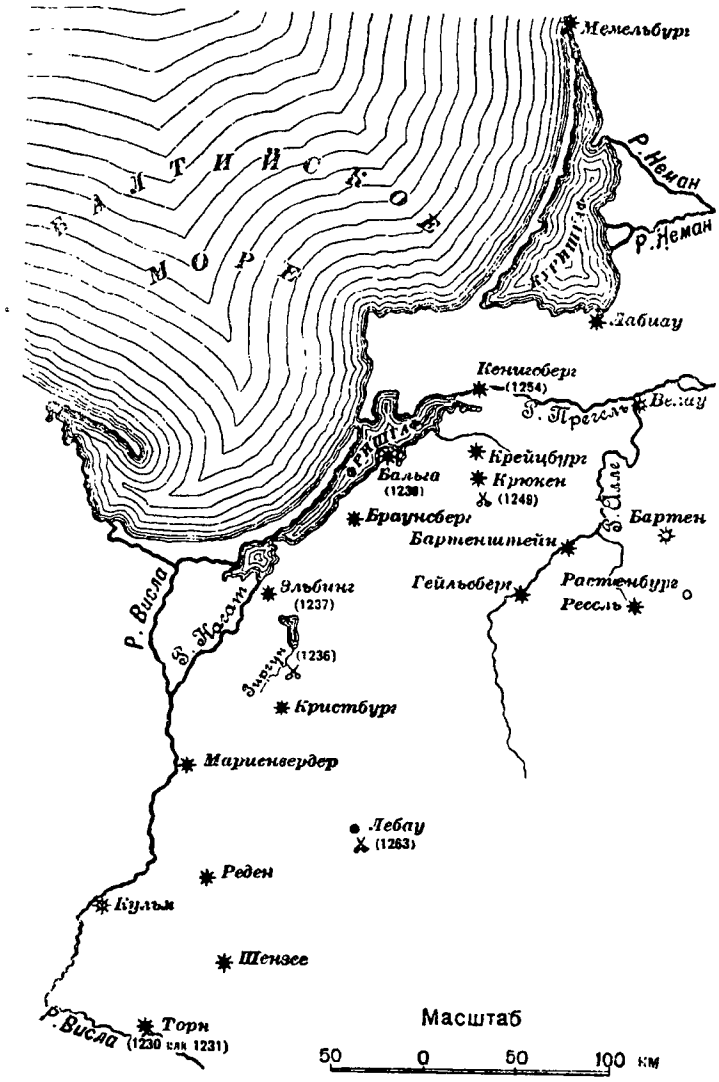


Схема 19. Карта к завоеванию Тевтонским орденом Восточной Пруссии.

Суть в них потому, что решающее значение при всяких колониальных завоеваниях имеет не столько первая удача, которая часто достаточно легко достигается неожиданностью нападения, обманом, сколько в мерах против мятежа, который всегда поднимается, как только покоренные узнают чужеземное владычество, новшества и гнет. На двенадцатом году завоевания (1242 г.) разразилось первое большое восстание, которое продолжалось 11 лет, до 1253 г., и было подавлено не борьбой в открытом поле, а тем, что пруссы не в состоянии были овладеть всеми укреплениями рыцарей и, таким образом, вытеснить их из страны. Все новые воины-паломники поддерживали рыцарей, участвовали в их контратаках и помогли им заложить в глубине страны в Кристбурге новую укрепленную базу. Папский легат Яков Люттихский был посредником при заключении мира с частью повстанцев (7 февраля 1249 г.), документ о котором сохранился по сей

день. Еще раз загорелась борьба, в которой даже рыцари потерпели тяжелое поражение в бою при Крюкене (23 ноября 1249 г.), где пало 54 члена ордена. Но, в конце концов, все восставшие приняли условия мира.

Орден тотчас же возобновил свою захватническую деятельность. При содействии чешского вспомогательного корпуса, приведенного лично королем Оттокаром, основано было укрепление при устье Прегеля — Кенигсберг (1254 г.); еще ранее, для связи с Курляндией, у устья Немана на Куришгафе основан был Мемель (Мемельбург) и внутри страны — Крейцбург. Затем последовали Лабиау на Куришгафе (может быть лишь немного позже), дальше в глубь страны, на Прегеле — Велау. Из этих и некоторых новых пунктов совершалось покорение Восточной Пруссии, которая в большей своей части населена была уже не пруссами в собственном смысле, а литовцами.

Спустя 6 лет, в 1260 г., вспыхнуло второе большое восстание, во время которого литовцы нанесли рыцарям тяжелое поражение при Дурбане, причем, пали 150 членов ордена во главе с магистром Ливонского ордена [156] Бурхардом фон Горнгаузен и маршалом Генрихом Ботелем (13 июля 1260 г.). Помезания, расположенная на Висле, на этот раз осталась верной, но 5 внутренних округов: Земландия, Натанген, Эрмландия, Погезания и Бартен, подготовив заговор, восстали и выбрали себе предводителей — герцогов, как мы бы их назвали, — которые вели упорную 15-летнюю войну. Один из этих предводителей, Генрих Монте Натангенский, получил, как некогда Арминий в Риме, свое воспитание, а быть может, и христианское имя в Магдебурге. Пруссы многократно одерживали верх на полях сражений, в частности в сражении при Лебау, где пал вицемагистр Гельмерих с 40 членами ордена и было уничтожено все христианское войско (13 июля 1263 г.). Война в основном заключалась в непрерывно возобновлявшихся с обеих сторон разбойничьих и опустошительных набегах, в которых пруссы достигли стен Торна и разрушили Мариенвердер. Окончательное же решение и на этот раз дала борьба за укрепленные пункты. Пруссы овладели всеми укрепленными пунктами внутри страны, до Кристбурга. Правда, осадное искусство пруссов стояло невысоко, хотя они и заимствовали у своих противников кое-что из применения осадных орудий, но они блокировали крепости, со своей стороны строили против них свои крепости, держали там сменявшиеся гарнизоны и брали противника измором. Точно так же, как некогда римский гарнизон крепости Ализо с остатками армии Вара, державшийся месяцами против германцев, в конце концов, когда истощились съестные припасы, тайком вышел и благополучно прошел 20 миль до Рейна, так и теперь гарнизоны крепостей ордена в Пруссии спасались, обманывая бдительность осаждавших и тайком выходя из крепости.

Гарнизоны Гейлсберга и Браунсберга ускользнули, таким образом, в Эльбинг, а из Визенбурга (к северу от Растинбурга) через пустынную местность на юге — в Польшу или Зассен. Диван, военачальник бартов, заметив их уход, преследовал их с 13 воинами, лошади которых могли выдерживать такой долгий путь, и, наконец, настиг их. Но когда он сам в схватке был ранен, остальные отказались от борьбы и преследования.

Менее посчастливилось гарнизону Крейцбурга, который был застигнут ночью при попытке к бегству и изрублен.

В продолжение 4 лет Бартенштейн выдерживал блокаду.

Положение его гарнизона стало, наконец, таким безвыходным, что единственным спасением осталось тайное бегство.

Осажденные с хитростью подготавливались к бегству в продолжение нескольких дней, прячась за стенами крепости в полной тишине, так что пруссы считали крепость (бург) уже оставленной, но как только они приблизились, они попали под обстрел и с большими потерями были отброшены. Для ухода из крепости гарнизон разделен был на два небольших отряда, из которых один пошел по пути

в Кенигсберг (9 миль), а другой — в Эльбинг (15 миль); один убогий слепой брат оставлен был в крепости и регулярно звонил в колокол в часы церковной службы, поддерживая у противника, склонного к осторожности после недавних потерь, впечатление, что крепость еще занята гарнизоном. Когда пруссы, наконец, убедились, что тевтоны действительно исчезли, последние были уже далеко и успели скрыться. Оба их отряда благополучно достигли Кенигсберга и Эльбинга.

Для снятия осады со всех этих крепостей орден не мог принять никаких мер; но крепости, лежавшие у водных путей, как Мемельбург, Кенигсберг, Бальга и Эльбинг, удержались; к Торну и Кульму мятежники не решались подступить. Жестокой осаде подверглись Бальга и особенно Кенинсберг; под Кенигсбергом пруссы пытались даже перерезать водный путь, наведя мост на Прегеле, но рыцари разрушили его и получали все время морем новые запасы продуктов, подкрепления и, наконец, морем же прибыло к ним войско, снявшее осаду. Один раз им пришли на помощь графы Юлихский и Берг, которых пруссы прогнали (22 января 1262 г.). В 1265 г. прибыли герцог Брауншвейгский и ландграф Тюрингенский, давшие рыцарям ордена возможность вновь повести наступление из Кенигсберга.

Второе большое восстание приходит к концу в такой же самой обстановке, как и первое; в сущности пруссы не были побеждены. Двое из предводителей или герцогов, Генрих Монте из Натангена и Глаппе из Эрмланда, благодаря хитрости, а возможно какой-либо измене со стороны их соплеменников попали в плен к рыцарям и были повешены; третий, Диван, военачальник бартов, пал при осаде крепости Шензее.

Пруссы убедились, что они не в силах прогнать завоевателей, как ни велико зло, причиненное ими, и как ни много захватили они городов, дворов и крепостей, уничтожив их жителей. Тогда Скуманд, предводитель зудавов[157], долго и храбро сражавшийся на юго-востоке страны, в походах своих доходивший до Кульма, решил сдаться. В полном отчаянии он переселился было вместе со своими в Литву, но затем вернулся, принял христианство и признал власть рыцарей. Так поступали и другие главари пруссов, и в 1283 г., на 53-м году после основания Торна, покорение Пруссии признано было окончательным.

Напрашивается вопрос: не могли ли некогда римляне тем же способом обуздать германцев и ввести у них свою государственную организацию? Разница здесь, прежде всего, в том, что эта задача была гораздо более крупного масштаба. Ведь Пруссия, в конце концов, по сравнению с Германией, только небольшая область, и если последняя была наверняка слабо населена, то плотность населения Пруссии была, должно быть, еще меньше, и даже наиболее далеко выдвинутые посты не так уж далеко отстояли от надежной двойной базы — моря и р. Вислы. В течение всей войны поляки были союзниками ордена. Хотя герцоги Померанские порой и относились враждебно к ордену и были прямыми союзниками пруссов, но все же, в конце концов, они поддавались замирению не только военной силой, но, будучи феодалами, принадлежавшими уже к христианскому культурному кругу, также при помощи дипломатических средств, при помощи вмешательства вождей крестоносцев. Если суммировать силы, потраченные Германией, а отчасти Польшей и всей Западной Европой на покорение и обращение в христианство Пруссии, то по отношению к этой маленькой области они должны показаться непомерно большими. Война, чего не следует при этом забывать, продолжалась в общем 53 года, в то время как Цезарь за 8 лет успел окончательно покорить и замирить громадную Галлию вплоть до Рейна. Интенсивное и более быстрое завоевание, подобное завоеванию Галлии Цезарем, в конечном итоге есть способ, требующий меньшей траты сил. Орден не мог действовать так, ибо сам был слишком слаб, а средства к нему притекали лишь по каплям.

Следовательно, вопрос, почему римляне не овладели Германией по способу рыцарей, отпадает; если бы они вообще стремились покорить ее и потратить на

это свои силы, то они должны были бы действовать по способу Цезаря. Римскому императору никогда не пришло бы на ум применять связанный с огромными тратами метод ордена; при первой же неудаче он немедленно перешел бы к войне большого масштаба. Почему этот род войны после отозвания Германика стал невозможным и почему отозван был Германик, мы уже знаем.

ГЛАВА VIII

АНГЛИЙСКИЕ ЛУЧНИКИ. ЗАВОЕВАНИЕ УЭЛЬСА И ШОТЛАНДИИ ЭДУАРДОМ I

Значение лука в военном деле раннего средневековья трудно уловить в неверном свете источников той поры; во всяком случае, оно представляется неопределенным и изменчивым. У древних германцев мы почти не встречаем в источниках упоминания о луке (см. т. II); но готы и другие германские племена эпохи переселения народов выступают с таким искусством в стрельбе из лука, что Вегеций мог писать, что римляне были осыпаны градом их стрел (см. т. II). В Каролингских капитуляриях предписывается вооружение луком, но в повествовательных источниках той эпохи он упоминается очень редко, и не подлежит сомнению, что немецкое рыцарство следует представлять себе вооруженным почти исключительно копьем и мечом. Напротив, норманны в сражении при Гастингсе чрезвычайно широко используют своих лучников. Крестоносцы же, столкнувшись с турками, находят, что те превосходят их как стрелки, и по их образцу вводят в своем войске конных лучников. Мы узнаем об императоре Фридрихе II, что существенную часть его войска в итальянских войнах составляли его сарацинские лучники, но в сражениях, в которых его сын и внук были разбиты Карлом Анжуйским, по рассказам, стрелки вовсе не принимали участия*.

Наряду с луком постепенно вошел в употребление и арбалет (Armbrust)**. Слово это не стоит в связи ни со словом «рука» (Arm), ни со словом «грудь» (Brust), будучи народно-этимологической переделкой среднелатинского arcubalista, arbalista. Оружие это в древности применялось, по-видимому, не только для стрельбы, но и в рукопашном бою. Изображение его имеется на одном рельефе IV в. нашей эры, ныне находящемся в музее г. Пюи. По-видимому, оно известно было и Вегецию, Аммиану и Иордансу. В средние века в собственном смысле слова первые следы мы находим на миниатюре в библии Людовика IV от 937 г. Анна Комнена упоминает о нем под названием «цагры» как о своеобразном оружии западных стран; кроме того, о нем упоминается в не вполне ясном смысле в одном постановлении Латеранского собора 1139 г***.

Но так как историограф Филиппа Августа утверждает, что впервые Ричард Львиное Сердце ознакомил франков с этим оружием и что Парка[158] пожелала,

* Пращники (fundibularii) упоминаются Contin. Reginonis под 962 г. Casus S. Gallicont, 158.

** Ср. Jähns, Entwickelungsgeschichte der alten Trutzwaffen, стр.333 и след.

*** У Яффе, Reg. pontif., стр. 585, постановление гласит (N 29): «под страхом предания анафеме запрещают применять против христиан и католиков искусство стрелков из арбалета и лука. На основании этого постановления часто, например, у Деммина (Demmin, Kriegswaffen, 2-е изд., стр. 100), а также у Вайца (VIII, 190), утверждают, что собор будто бы запретил употребление арбалета как слишком смертоносного оружия в войне с христианами. Смысл этого запрещения несомненно не таков. У Манси (Mansi, т. 21, стр. 534) постановление гласит: «смертоносное же и ненавистное богу искусство стрелков из арбалета и лука применять против христиан и католиков под страхом предания проклятию запрещаем». Hefele, Concil. Gesch., т. V, 2-е изд., стр. 442, толкует это в том смысле, что тут подразумеваются устраивавшиеся по образцу турниров состязания в стрельбе. Сан-Марте (стр. 188) хочет отнести это к отравленным стрелам. Я скорее всего склонен присоединиться к Гефеле.

чтобы сам король погиб именно от него*, то, видимо, в XII в. арбалет был еще достаточно редок.

По мере того как оборонительное вооружение становилось тяжелее, соответственно изменялось и наступательное оружие. Уже в «Руководстве к стрельбе из лука» времен Юстиниана** рекомендуется стрелять в противника наискось, так как спереди щит непроницаем для стрелы. Арбалет имеет гораздо большую пробивающую силу, чем простая стрела; таким образом, арбалет, очевидно, является лучшим стрелковым оружием против тяжеловооруженных рыцарей; но, несмотря на это, он лишь весьма медленно получил права гражданства, никогда совсем не вытеснял простого лука, а применялся наряду с ним и, в конце концов, еще раз должен был уступить место луку. После того как луком уже долгое время пользовались лишь иногда и кое-где, мы неожиданно встречаемся с таким необыкновенным явлением, что лук в XIV и XV вв. внезапно приобретает преобладающее значение в английских войсках. Как случилось и как возможно было, что такое древнее оружие, техника которого известна была уже тысячелетиями и вряд ли могла быть еще усовершенствована, внезапно получило такое значение?

Уже Оман в своей «Истории военного искусства» отмечает, что начало возрождения лука надо искать в валлийских войнах Эдуарда I Английского, а новейший труд об этих войнах Джона Морриса, ценный и для изучения военного дела той эпохи вообще, подверг тщательному исследованию происхождение этого оружия***.

Моррис, как и Оман до него, исходит из того положения, что раньше натягивали тетиву до груди, теперь же тетиву длинного лука натягивают до уха****. Я не считаю возможным повторять это объяснение дословно, ибо, чем больше натянуть тетиву, тем сильнее выстрел, — это не может быть новым изобретением, а сильные люди были уже и раньше. Сверх того мы находим дословно то же объяснение 7 веками раньше — у Прокопия (ср. т. II), где он хочет обосновать, почему в его эпоху употребление лука получило широкое распространение. Если были времена и народы, употреблявшие не длинный, а короткий лук, — а среди них были и такие прославившиеся стрелки, как персы и парфяне — то разница между отдельными видами лука не могла быть столь существенна, и хорошие стрелки, наверно, всегда натягивали свой лук настолько туго и далеко, насколько это позволяла им их физическая сила. С незначительным видоизменением мысль Морриса все же правильна: если исходить из того положения, что в продолжение тысячелетий применялись лук и стрелы, техника которых была совершенна, то это еще не значит, что техника эта постоянно держалась на одном и том же уровне. Если в средние века были времена и народы, в истории которых о стрельбе из лука почти не упоминается, а большие сражения происходили без участия в них стрелков, то в это время техника как изготовления, так и применения этого оружия, видимо, понижалась. Очень удачно приводит Моррис аналогичный пример, как к концу XIX в. вместе с недосягаемой для предыдущей эпохи быстротой гребных состязаний значительно усовершенствовалось также и устройство такого стародавнего снаряжения, как лодка. Ревностное упражнение в каком-либо искусстве идет рука об руку с изготовлением все более и более совершенных орудий.

* Вильгельм Бретонский, Philipp, lib. II: «В те дни арбалет был вовсе неведомой вещью для наших французов. Я желаю, чтобы Ричард погиб не другой, а этой смертью, чтобы тот, кто впервые научил французов употреблению арбалета, сам первым испытал свое дело на себе и на себе почувствовал силу искусства, которому обучил других».

** Köchly und Rustöw, Griechische Kriegsschriftsteller, II, 2, стр. 37, стр. 201 (см. т. II).

*** The Welsh Wars of Fdward I, a contribution to mediaeval military hisfory, based on original documents by John e.Morris, M. A. formerly Demy of Magdalen College, Oxford, with a map Oxford at the Clarendon Press,1901.

**** Моррис, стр. 34.

Речь, таким образом, идет не о введении чего-либо совершенно нового, касается ли это длинного лука или обычая натягивать тетиву до уха — а о том, что вместе с вызванным известными причинами более интенсивным применением оружия для стрельбы, естественно, и сама собой повышается до тех пор брошенная техника как изготовления, так и пользования им и вновь достигает такой высоты, на которой она, может быть, стояла и раньше, но которая современниками представлялась новой. Итак, совершенство техники — не причина, а следствие такого явления в военной истории, как возвращение к луку, — следствие, которое, правда, затем имеет обратное воздействие на причину: чем с большим успехом им пользуются, тем сильнее становится стимул к употреблению этого оружия.

Поэтому, по существу, вопрос сводится к тому, что вызвало в данное время — и именно в Англии — толчок к возрождению искусства стрельбы из лука.

Начало свое оно получило в валлийских войнах Эдуарда I (1272—1307 гг.), приведших к окончательному покорению Уэльса и присоединению его к Англии. Еще в описаниях предыдущих крупных решительных сражений в Англии — при Льюисе и Эвесгаме, в которых победу одержал отец Эдуарда, Генрих III со своими баронами, — нет указаний на участие в них стрелков, как их нет и в современных им сражениях при Безевенте и Тальякоццо. Будучи еще наследным принцем, Эдуард уже принимал участие в этих сражениях, а после этого совершил крестовый поход в святую землю, в который он должно быть, ознакомился с турецкими стрелками и их значением. По не вполне достоверному преданию Эдуард был даже ранен турецкой стрелой. Вступив на престол, он взял на себя задачу покорить валлийцев, которые в своих горах, несмотря на бури сперва римской, затем англосаксонской, наконец, норманнской оккупации, сохранили свою кельтскую национальность и стародавнюю варварскую воинственность чтобы положить конец вечным пограничным войнам и мытарствам соседних графств. Немногого можно было добиться с настоящим рыцарским войском среди этих гор, лесов и ущелий. На севере валлийцы сражались по древнему обычаю, главным образом еще с помощью пики, как и германцы Тацита; на юге же, где они раньше подпали под англо-норманнское владычество и влияние, развилось искусство стрельбы из лука. Уже за два поколения до Эдуарда I политический писатель и историк Гиральд де Бари (Giraldus Cambrensis, скончавшийся приблизительно в 1220 г.) подал совет, как одолеть валлийцев. Гиральд сам был внуком норманнского констебля в Пемброке и дочери валлийского вождя. Он гордился своим знатным происхождением и проявлял понимание боевых возможностей одной и другой стороны. Он превозносит рыцарство и рисует нам способы ведения борьбы легковооруженных уэльсцев, то бурно нападающих, то быстро и проворно скрывающихся в своих непроходимых лесах и горах. Поэтому Гиральд советует создать вспомогательные отряды из покоренных валлийских племен или их союзников, комбинируя лучников с рыцарями («всегда следует присоединять и примешивать к отрядам рыцарей и лучников»)*.

Таким образом, при помощи комбинированных отрядов покорена была также Ирландия. Точно так же и Вильгельм Завоеватель некогда покорил англосаксов. Но то, что Гиральд рекомендует этот способ как нечто особенное и видит французский метод борьбы только у вооруженного копьем рыцаря, служит для нас новым доказательством того, что за протекший промежуток времени метод Вильгельма Завоевателя действительно пошел на убыль. В ассизе о вооружении (assize of arms) Генриха II от 1181 г. лук как оружие вообще не упоминается**.

* Моррис, стр. 18.
** Оман, стр.558.

* * *

Необходимость ведения войны в горах заставила Эдуарда I культивировать и развивать издавна известное, но заброшенное и недостаточно широко применявшееся искусство стрельбы из лука. Первые контингенты для этого набраны были им в пограничных с Уэльсом графствах, для которых весь жизненный интерес сосредоточивался в этой для них традиционной войне и среди самих валлийцев, которые поступали на английскую службу в качестве наемников. Несмотря на широкое использование лука, с одним феодальным ополчением ничего нельзя было бы достигнуть. Правило, по которому вассалы обязаны были служить только 40 дней, в то время было общепризнанным; случалось, что иногда они служили еще меньше: требовалось всего только 3 недели службы или — по некоторым источникам — ратник обязан был служить лишь такой срок, на который ему хватало принесенного с собой провианта; он приносил с собой окорок, старался возможно скорее справиться с ним и возвращался домой*. Эдуард сознавал, что лишь проведенная крайним напряжением сил война приведет его действительно к цели. Нам известно, что уже издавна в норманнском государстве ленное ополчение пополнялось, а иногда даже заменялось наемниками. В этой войне Эдуард строил свое войско почти исключительно на наемной силе, прибегая к призыву ополчения только наряду с этим или же комбинируя то и другое**: например, он приказывал всем держателям ленов рыцарского звания (с имущественным цензом свыше 40 фунтов) быть готовыми к призыву в ополчение на 3 недели, с тем чтобы по истечении этого срока на следующие 3 недели перейти в королевские наемники («чтобы перейти в наше распоряжение и пробыть на нашем иждивении, когда бы ни последовало требование с нашей стороны, в продолжение 3 недель»)***.

Безвозмездная служба требовалась в собственном графстве или марке[159], но как только переходили через границу, начиналась выплата жалованья. При больших военных операциях, как, например, при серьезной осаде, после 3 дней обязательной безвозмездной службы пребывание в ополчении также оплачивалось и в пределах своего графства****. Наряду с английскими наемниками Эдуард привел еще опытных воинов из Гаскони и вел войну без перерыва даже зимой. На основании сохранившихся многочисленных документов, королевских приказов и счетов оплаты наемникам Моррис вполне выяснил и наглядно изобразил военные методы того времени: все это сплошь и рядом вызывает в памяти войны римлян в Германии и Тевтонского ордена в Пруссии. Главной заботой Эдуарда была организация сообщений и снабжение армии. Как Германик и немецкие рыцари, он использовал с этою целью морские и речные пути и вытребовал для этого моряков из своих 5 гаваней. Подобно тому как Домициан победил хаттов[160], проложивших по их стране 180 км дорог (т. II, стр. 165), так и Эдуард нанял дровосеков, прорубивших просеки в валлийских лесах*****.

Хотя Эдуард и имел непосредственно позади себя свою страну и для этой войны напрягал все свои силы, все же собранные им войска едва ли были больше тех, которые мы до сих пор встречали в средние века. Когда в 1277 г. началась война, Эдуард вытребовал из Франции боевых коней свыше 100, как подчеркивается в наших источниках******; мы, со своей стороны, отмечаем это число как доказательство тому, что в ту эпоху 100 «dextrarii et magni equites» (боевых коней и сильных всадников) представляли уже значимую величину.

* Моррис, стр. 88.
** Там же, стр. 74.
*** Там же, стр. 37.
**** Там же, стр. 95.
***** Там же, стр. 105.
****** Там же, стр. 115.

Моррис (стр. 80 и след.) устанавливает, что при Эдуарде I численность рыцарей не превышала 2750, включая сюда всех обязанных стать рыцарями, и если считать, что на каждого рыцаря приходилось еще по 2 конных воина, то 8000 было самым большим числом конных воинов, имевшихся в Англии в наличности, — разумеется, призвать такое число одновременно было невозможно.

Максимальную численность пехоты в 1277 г. Моррис (стр. 132) оценивает в 15640 человек, но в их числе было немногим больше 6000 человек англичан и свыше 9000 союзных уэльсцев, и эта большая армия сохранила свое единство только на короткое время.

В 1282 г., во время второй войны, численность пехоты достигла 8600 человек, из них 1800 валлийцев. Наряду с этим общее число всадников, рыцарей и кнехтов было приблизительно 700—800*.

Зимой эта армия вследствие потерь и дезертирства сильно растаяла. Но убыль была восполнена прибывшими из Гаскони наемниками. Когда разразилась война, от сенешаля, этого наследственного владения Эдуарда I, было вытребовано** не больше 12 конных и 40 пеших арбалетчиков; теперь же оттуда прибыл отряд, который Моррису (стр. 188) удалось на основании платежных листов точно исчислить а 210 человек конных и 1313 пехоты. Главным их оружием был арбалет; добровольцы привезли с собой в бочках и корзинах 70000 стрел. Высокая наемная плата указывает, что арбалетчиков считали привилегированными воинами***. Благодаря этому подкреплению Эдуард одержал окончательную победу.

В двух сравнительно больших сражениях, имевших место в уэльских войнах, по оценке Морриса (стр. 105), принимало участие всего лишь 2000—3000 человек****.

Если вернуться к тому, что ранее император Фридрих II и Вильгельм Завоеватель были государями, имевшими в рядах своих войск большое число стрелков, то становится ясным, что стрелки появляются каждый раз, когда армия создается крупным военным вождем, обладающим сильной властью в центре; в ленном же ополчении стрелки отсутствуют. Полководец понимает их значение и ценит их, но он может иметь их только в том случае, если в состоянии выплачивать им жалованье (или по крайней мере обещать, как Вильгельм Завоеватель). Вассал и одиночный рыцарь не обучают и не любят стрелков в своей свите, — не потому, чтобы они не умели ценить технику этого рода войск и не понимали бы ее значения в войне, а вследствие известного нам противоречия между понятием феодала-рыцаря и использованием стрелков, так как последние связаны с высшим командованием, выплачивающим жалованье, что противоречит сущности рыцарства.

Почему Эдуард, в конце концов, избрал лук оружием своих стрелков, в то время как арбалет тогда уже пользовался большим почетом и широко применялся и им, — об этом прямых данных у нас не имеется. Французский исследователь Люс (Luce) в своем труде «Bertrand du Guesclin» (стр. 160) полагает, что достаточно бросить взгляд на находящиеся в наших музеях арбалеты XIV в., «si massive et d'un maniement si complicé» (столь массивные и столь замысловатые), чтобы понять, что на войне их не могли с успехом применять против английских

* Моррис, стр. 178.

** Там же, стр. 155.

*** Там же, стр. 87.

**** Эдуард I имел также военную свиту, получавшую поденно паек и жалованье следующих размеров: командиры отряда — 4 шиллинга, рыцари — 2 шиллинга, сержанты (servientes, valetti, scutiferi) — 1 шиллинг.

Число рыцарей в 1277 г. было около 40; позднее, вероятно, больше. Сержантов числилось в 1277 г. около 60, но это была, вероятно, только часть их. Лошадей и вооружение они получали. Каждый из них должен был иметь 2 кнехтов и 3 лошадей. Некоторые были арбалетчиками. В мирное время они образовывали небольшие отряды, составлявшие крепостные гарнизоны. Во время войны численность их значительно возрастала.

луков; это утверждение кажется мне не вполне обоснованным. Арбалет оттеснил лук на второй план и, несмотря на английские победы, надолго сохранил свое значение наравне с ним; если преимуществом одного из этих предметов вооружения была простота обращения с ним, то другой (арбалет) имел гораздо большую пробивную силу. Речь идет здесь, стало быть, не просто о превосходстве одного оружия над другим, а о различных их плюсах и минусах, которые одни другими не уравновешиваются. Одновременное существование лука и арбалета весьма метко сравнивается с конкуренцией в первой половине XIX в. гладкоствольного ружья с нарезным ружьем: зарядить гладкоствольное ружье и выстрелить из него можно было быстрее, но меткость его была меньше; нарезное ружье заряжалось с трудом, но стреляло более метко. Только лишь изобретение огнестрельного оружия, заряжающегося с казенной части, соединявшего в себе преимущество быстроты заряжания с меткостью, разрешило дилемму, оставшуюся неразрешенной в отношении лука и арбалета*.

Жювеналь де Юрсен (Juvénal des Ursins) говорит о герцоге Иоанне Брабантском в 1414 г.: «У него было 4000 арбалетчиков, из которых каждый снабжен был 2 арбалетами и имел 2 сильных оруженосцев; один из них держал большой щит, а другой натягивал арбалет, так что один из двух арбалетов всегда был заряжен».

Я полагаю, что основная причина, по которой Эдуард I культивировал стрельбу из лука, тогда как уже его предшественник Ричард Львиное Сердце предпочитал арбалет, заключается в том, что этот воевал с рыцарями, а тот — с валлийцами, имевшими лишь незначительное оборонительное вооружение. Но когда в этих и в следующих за ними шотландских войнах лук блестяще оправдал себя, то английские короли, как мы увидим ниже, сохранили его и во французских войнах и нашли способ использовать его наивыгоднейшим образом.

С помощью многочисленных и способных лучников, которые поддерживали рыцарей, а также благодаря энергичной администрации, дававшей возможность вести беспрерывную войну, и, наконец, благодаря упорядоченному снабжению, Эдуарду в течение нескольких лет удалось добиться окончательного покорения горцев Уэльса. Созданная здесь вооруженная сила помогла ему в победе над шотландцами.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФАЛЬКИРКЕ
22 июля 1298 г.

Шотландцы под начальством Вильгельма Уоллэса заняли позицию, защищенную с фронта болотами. Они составляли 4 больших отряда копейщиков, между которыми распределены были стрелки и позади которых находилось небольшое число всадников.

* Оман (стр. 558) придерживается того взгляда, что длинный лук со времени Эдуарда I, заменяя употреблявшийся до тех пор короткий, в пробивной силе превзошел также и арбалет. В таком случае введение длинного лука означало бы крупный технический успех. Я не разделяю этого взгляда; если бы он был верен, то непонятно было бы дальнейшее употребление арбалета вплоть до XVI в.

Джорж (George), Battles of Englich History, стр. 51 и след., занялся тщательным изучением удивительной истории лука и его побед. Он также придает решающее значение применению длинного лука, будто бы изобретенного в Южном Уэльсе, между тем как более ранние эпохи будто бы знали только короткий лук.

Преимущество длинного лука и способа применения его в Англии Джорж усматривает в трех моментах: во-первых, его держали отвесно, а не горизонтально, как короткий лук, и поэтому могли тянуть тетиву гораздо дальше назад; во-вторых, в силу этого можно было ему давать большее напряжение и, в-третьих, при более далеком натягивании стрелы стрелок мог лучше измерить прицел.

Если бы дальность стрельбы из лука равнялась 400 ярдам (1200 футов), то нормальная дистанция при упражнении в стрельбе была бы 1 фурланг (равняется 1/8 англ. мили = 600 футам круглым счетом).

Почему, несмотря на эти преимущества, Ричард Львиное Сердце предпочитал арбалет и почему длинный лук, как это действительно и случилось, остался особенностью английской армии, — кажется Джоржу тайной («a mystery»).

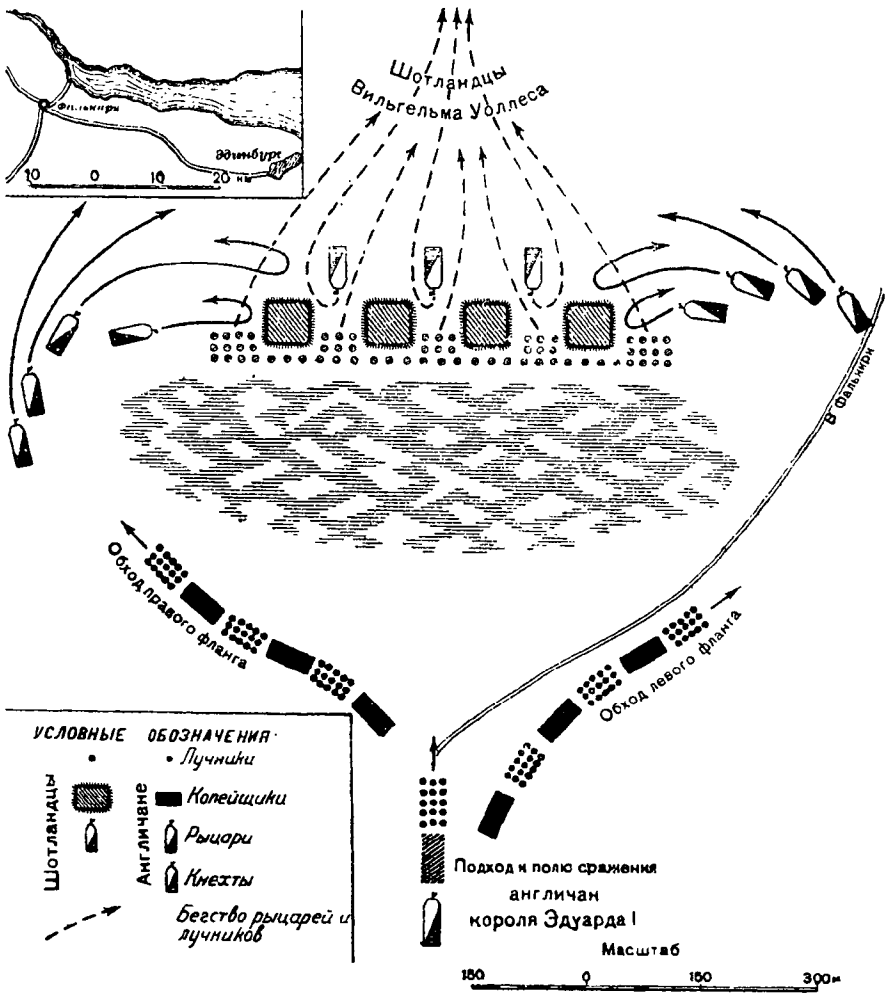


Схема 20. Сражение при Фалькирке 22 июля 1298 г. Поход английской армии и попытка рыцарей прорвать колонны копейщиков.

Эдуард выступил против них с очень сильным войском, главным образом рыцарями и стрелками. Часть шотландцев была также на его стороне. Болота перед фронтом не защитили шотландцев, так как англичане обошли их справа и слева. Под натиском превосходных сил шотландские стрелки тотчас рассеялись, а всадники отступили, не пытаясь вступить в бой. Тогда рыцари обрушились на колонны копейщиков, но не могли проникнуть через густой лес выставленных против них копий. Эдуард отвел рыцарей назад и приказал своим стрелкам открыть стрельбу по сомкнутым колоннам шотландцев; их поддерживали копейщики, которые подбирали полевые камни и метали их в беспомощную массу. Вскоре рыцари прорвали их отряды, ослабевшие настолько, что не в состоянии были оказывать никакого сопротивления, после чего началась повальная резня.

По наименьшим данным шотландцы имели 30000 пехоты и 1000 конных. Главный источник, вообще рассудительный и надежный, гисбурнский каноник Вальтер Геммингфорд определяет численность пехоты в 300000 человек. Оман

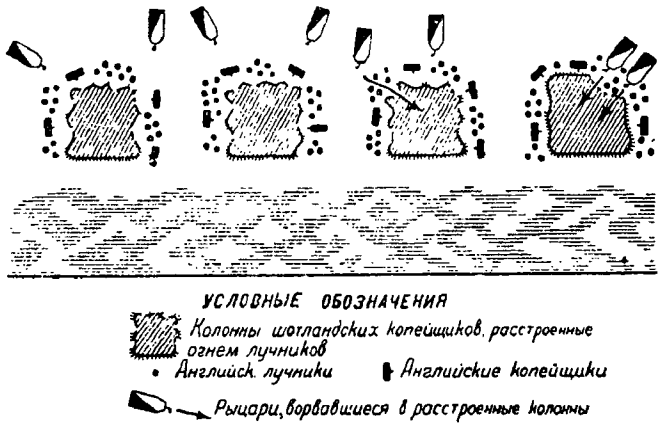


Схема 21. Сражение при Фалькирке 22 июля 1298 г. Поражение шотландцев.

склонен допустить эту численность в 30000 человек; мне же и это число кажется еще очень преувеличенным, хотя мы имеем основание предполагать, что большие отряды копейщиков состояли главным образом из крестьянского ополчения (ландштурма).

Утверждение Келера, что копейщики привязаны были один к другому, основывается на неправильном переводе следующей фразы:

Scotos lancearios,qui sedebant in circulis cum lanceis obligatis et in modum silvae condensis (...шотландских копейщиков, которые сидели в соборе с сомкнутыми копьями, частыми, как лес). «Obligatis» значит только с «соединенными», «тесно державшимися друг возле друга» копьями.

Моррис* сводит английскую конницу к 2400 человек вместо 7000, которые дает одна хроника; конница эта состояла из отрядов 8 графов и одного епископа и разного рода наемников, главным образом гасконцев и валлийцев, как раз именно тех, которые недавно покорены были Эдуардом и теперь сражались у него на службе.

Мнение Келера, будто такая комбинация пехоты и конницы, как в данном случае в английском войске, до того в военной истории никогда не встречалась, скорее может быть заменено обратным: это — нормальное соотношение для аристократического войска, каковым было персидское в войне против греков, и того, которое мы наблюдаем, начиная с Великого переселения народов на протяжении всего средневековья. Значение стрелков оказалось столь велико, во-первых, потому, что у Эдуарда этот род войск был очень широко представлен, а во-вторых, потому, что 4 больших отряда шотландских копейщиков при занятой ими чисто оборонительной позиции представляли исключительно удобную мишень для стрелков. Построение шотландских отрядов, в конце концов, есть не что иное, как построение англосаксов Гарольда при Гастингсе, которые равным образом были побеждены стрелками и рыцарями Вильгельма. Разница в том, что шотландцы все же имели незначительное число конницы, но эта разница отпадает, так как конница немедленно обращается в бегство. Дальнейшее различие заключается в том, что войско Гарольда построено было одной сомкнутой неглубокой массой, шотландцы же были разделены на 4 глубоких колонны. Эту разницу можно объяснить себе наличием рыцарей, которые должны были иметь возможность проскакать между отрядами, и, возможно, также наличием большего числа стрелков, которых нельзя было расположить перед одной единственной фалангой; наконец — разницей в квалификации копейщиков. Солдаты Гарольда были профессиональные воины, шотландцы же, по крайней мере в большинстве своем,

* «The Welsh wars of Edward», I, стр. 79, 82, 313.

являлись ландштурмом. Последний должен иметь глубокие построения, чтобы обладать достаточной устойчивостью; что касается профессиональных воинов, то они могут быть в более тонких построениях, чтобы дать возможность вступить в бой отдельным бойцам. Многие из них сражались не копьем, а более сильным оружием — секирой. Шотландские колонны глубокого построения сохраняли чисто оборонительное положение, держа копья наперевес по всем направлениям.

Таким образом, характерную особенность сражению при Фалькирке придали в гораздо большей степени шотландцы, нежели англичане: другой такой большой массы пехоты, которая при виде рыцарей тотчас же не рассеялась бы во все стороны, в средние века нигде, кроме данного случая, не встречается. В меньшем масштабе еще чаще имело место такое явление: сплоченный отряд пехоты, который может выдержать натиск рыцарей, бывал побежден стрелками, — например, при Бувине в 1214 г., при Кортенуова в 1237 г.

Я приведу еще несколько выдержек из книги Морриса, касающихся финансов и численности войска: в 1283 г., после 9 месяцев войны, денежные средства короля иссякли. По дошедшим до нас счетам, война, включая постройку крепостей, в итоге стоила почти 100000 фунтов стерлингов (98421 фунт стерлингов). Она продолжалась 15 месяцев.

В том же году король, по дошедшему до нас счету, должен был возместить стоимость утраченных и поврежденных на его службе 200 щитов, 140 древков копий и 120 наконечников копий (стр. 83).

Эдуард неоднократно пытался получить эти деньги посредством займов. Об этом см. W. E. Rhodes, Die italienischen Bankiers in England und die Anleihen Eduards I u. II in Historic. Essays by the Members of the Owen College Manchester, ed. by Tout and Tait, 1902.

В 1295 г. Эдуард в нескольких графствах призвал к оружию 25000 пехоты, лучников и арбалетчиков. Винчельсийским указом он назначил своему войску открытый смотр.

Моррис (стр. 97 и след.) доказывает, что вряд ли Эдуард был таким сангвиником, чтобы верить, что таким указом можно создать армию. Вероятно, он надеялся, что, если он призовет такие крупные массы, явятся по крайней мере боеспособные, из которых можно будет составить пригодный для войны корпус. Однако, и эта надежда почти не оправдалась. Те, кто пришел, скоро дезертировали. Это была настоящая гвардия из Фальстафов[161]. В затруднительном положении пришлось брать на службу и преступников.

Призвано на июнь		В Карлейле 1 июля	В Карловероке 10—15 июля	Остаток на август
5 000	Иоркшир	2 912	2 932	919
2 000	Ленкс, включая Бланкенберн .	267	1 327	1 026
2 000	Кемберлэнд	—	940	346
3 000	Нотте и Дерби	386	900	289
3 000	Нортумберлэнд	—	788	570
1 000	Вестморлэнд	—	732	31
16 000		3 565	7 619	3 181
	Ирландия	306	361	306
	Честер	—	307	167
	Стэффордшир	137	216	188
	Гарнизон Лохмабена	—	487	430
	Гарнизон Роксбурга	—	103	93
	Гарнизон Бервика	—	—	785
		4 008	9 093	5 150

Хемингбург оценивает силы графа Сэррея, выигравшего сражение при Дэнбаре в 1296 г., в 1000 конницы и в 10000 пехоты, в то время как силы самого Эдуарда при Бервике были еще больше. Моррис (стр. 274) считает, что войско в целом имело такую численность, какую Хемингбург приписывает армии Сэррея.

Моррис (стр. 286) утверждает, что самой крупной армией, упоминающейся в ту эпоху, была армия, призванная против шотландцев весною 1298 г. В ней насчитывалось 28500 пехоты и 750 конницы. Но эта армия продержалась очень недолго. Из них 7000 было тотчас же отправлено обратно, а оставшаяся часть быстро растаяла; вероятнее всего она частично состояла из ландштурмистов. Эдуард отказался от мысли выступить с ними, отпустил их домой и летом сформировал новую армию, с которой он и выиграл сражение при Фалькирке.

Состояние пехоты во время похода в 1300 г. Моррис характеризует таблицей (см. стр. 245).

«Из этой таблицы видно, — говорит Моррис, — что графства, опоздав на одну неделю, дали меньше чем одну четверть первоначально требуемого призыва, и, в конце концов, меньше половины».

ГЛАВА IX

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ, СРАЖЕНИЯ И БОИ

В дальнейшем я даю обзор как тех сражений и сообщений о них или стратегических положений, которые казались мне особо подходящими — непосредственно и с точки зрения критики источников — для подтверждения изложенных в предыдущих главах взглядов, так и тех, которые, не представляя интереса сами по себе, требуют разбора, так как в противном случае смогут дать повод к недоразумениям и неправильным выводам.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТЕНГИБРЭ
28 сентября 1106 г.

Об этом сражении между королем Генрихом I Английским и его братом Робертом Норманнским следует упомянуть потому, что неправильное толкование источников породило взгляд, будто бы на обеих сторонах рыцари перед сражением спешились. Для той эпохи это было бы таким исключительным явлением, что заслуживало бы величайшего внимания. Но обстоятельное специальное исследование Друммонда* не оставило никакого сомнения, что речь идет не о чем ином, как о вполне нормальном сражении XII в. Король Генрих имел при себе также и пехоту, так как осаждал крепость, Роберт же подступил к ней для снятия осады. Эту пехоту он не пустил прямо в бой, но держал ее в резерве позади рыцарей, очевидно, для того, чтобы в случае бегства рыцарей создать для них опору и ядро с целью сплотиться вновь. Чтобы придать пешим кнехтам большую устойчивость, король, спешившись, остался с ними вместе со своей свитой. Но благодаря своему численному превосходству его рыцари одержали победу и без этой помощи.

Prima, secunda, tertia acies рыцарей, согласно изложенному выше, не должны быть истолкованы непременно в смысле трех боевых линий одна за другой.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БРЕМЮЛЕ
20 августа 1119 г.

В этом сражении мы также слышим о спешившихся рыцарях на стороне Генриха Английского, который, благодаря прочной сомкнутости этого отряда, одержал победу над Людовиком VI Французским. Друммонд, пытавшийся внести осмысленность в предание, в конце концов, должен заявить, что источники, как это могло бы показаться, не дают нам картины событий, разъясняющих значительно

* J. Douglas Drummond, Studien Z. Kriegsgesch. Englands im 12 Jahrh., Dissert., Berlin 1905.

более позднюю стадию развития, но возможно, что мы имеем здесь дело с чистой фантазией. Из 900 человек, участвовавших в сражении: 500 — на стороне Генриха и 400 — на стороне Людовика, — пали только трое; 140 французов были взяты в плен англонорманнами, так как рыцари обоюдно щадили друг друга (ср. выше).

СРАЖЕНИЕ ПРИ БУРГТЕРУЛЬДЕ
26 марта 1124 г.

Бой завязался, когда королевские войска заградили мятежным рыцарям проход в тесном ущелье, который они тщетно пытались взять приступом; их лошади были убиты стрелами защищавших ущелье, и 80 попали в плен, но ни один рыцарь не был убит.

Для защиты ущелья королевские рыцари, естественно, спешились. Достойно внимания и с точки зрения критики источников, что Ордерик Виталис считает, будто бы целью спешивания было сделать невозможным бегство и поддержать мужество воинов*.

СРАЖЕНИЕ ПОД СВЯЩЕННЫМИ ЗНАМЕНАМИ ПРИ НОРТАЛЛЕРТОНЕ
22 августа 1138 г.

Король Давид Шотландский вторгся в Англию, призвав для этого как англосаксонских вассалов равнин, так и варваров-кельтов с гор. На борьбу с их дикими опустошениями, резней и поджогами призван был ландштурм бывших под угрозой графств.

Престарелый архиепископ Иоркский заставил носить себя на носилках по рядам, чтобы воодушевить призванных и внушить им мужество. Было приготовлено карроччио, на котором водрузили вместе хоругви Св. Петра Иоркского, св. Иоанна Беверлейского и св. Вильфрида Риппонского. На верхушке древка была укреплена серебряная чаша со священными дарами. Все постились, исповедались, получили отпущение грехов, причастились и поклялись взаимно поддерживать друг друга. Заняли позицию на холме у Норталлертона, к северу от Иорка, чтобы ожидать атаки врага, и рыцари спешились и построились первой линией фаланги ландштурма. Стефан, король английский, сам не прибыл, но послал рыцарей для подкрепления. Многочисленные стрелки были в общей массе фаланги; вначале может быть одна часть их стояла впереди, а затем они стянулись позади рыцарей, чтобы оттуда стрелять промеж них или поверх голов**.

Об этих событиях сохранилось 4 сообщения, достаточно близких хронологически и хорошо согласующихся между собой. Одно из них принадлежит перу Ричарда, приора аббатства Хексхэм, на шотландской границе, и относится ко времени до 1154 г., второе — аббату Аэльреду Риевосскому (умер в 1166 г.), в молодости жившему при дворе Давида Шотландского, а во время этой войны очень близко к полю сражения.

Сражение, по-видимому, протекало следующим образом. После того как бурное нападение гаэлов[162] и атака отряда рыцарей под командой принца Генриха Шотландского были отбиты, остатки шотландской армии отступили, отказавшись от контратаки.

Возможно также, что принц Генрих с некоторыми рыцарями пробился сквозь левое крыло английской фаланги, но был слишком слаб для атаки с тыла. Это сражение в английских народных преданиях окружено большой славой и разукрашено сагами и преувеличениями. По этим преданиям, шотландцы, якобы, имели большой численный перевес, и 10000 или 11000 из них пало на поле сражения. Можно допустить, что в действительности численное превосходство сил имели англичане, ибо ландштурм, поскольку вообще удается его созвать, всегда бывает многочисленным. Недостаток же его кроется в незначительной военной квалификации и потому на самом деле в высшей степени интересно, каким образом духовное красноречие, церковные и другие средства, — как карроччио и примешивание рыцарей к общей массе войска, в котором они образовали первую шеренгу, — действительно придало войску

* По Друммонду, гл. I.

** Aelredi Abbatis Rievallensis, Hist. de bello Standardii, стр. 338: «Лучшие рыцари, находясь в первом ряду, так разместили между собой копейщиков и лучников, что они под прикрытием рыцарских доспехов... Щиты смыкаются со щитами».

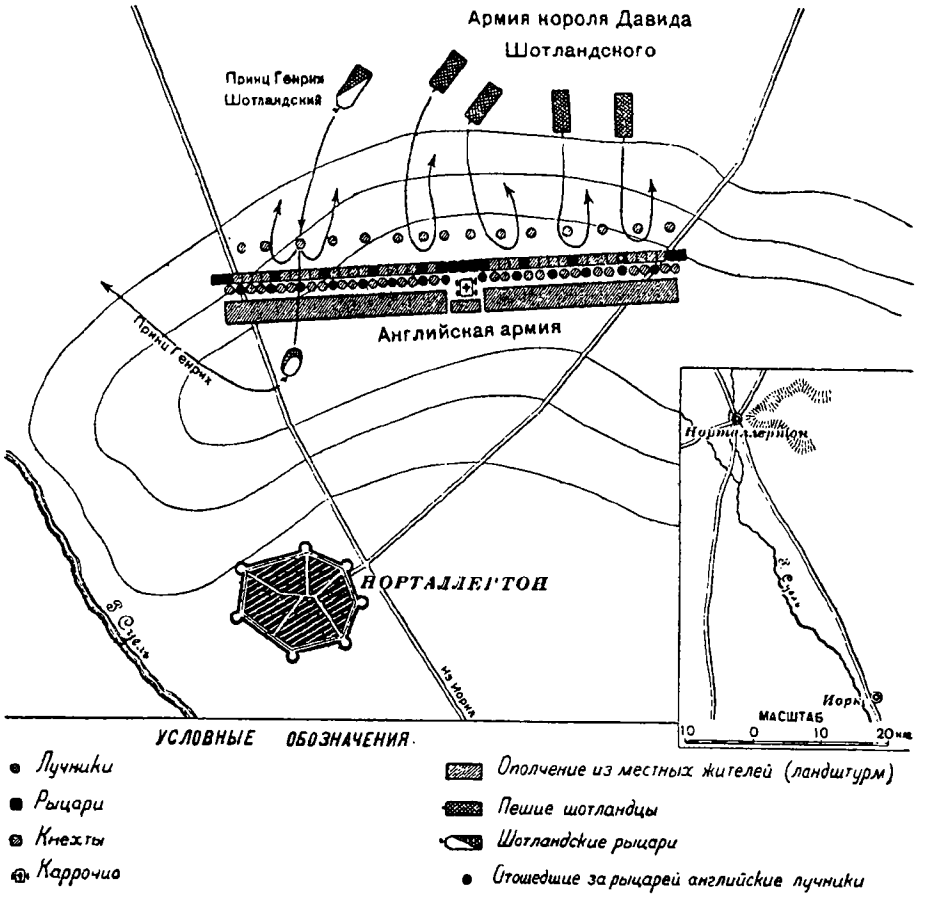


Схема 22. Сражение при Норталлертоне 22 августа 1138 г.

такую стойкость; впрочем стойкость только в такой мере, что оно выдержало и отбило неприятельскую атаку: аналогия с Леньяно, но не с афинским ополчением в Марафонской битве, которое само бегом перешло к атаке.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛИНКОЛЬНЕ
2 февраля 1141 г.

Это сражение замечательно тем, что с обеих сторон сражалась опять-таки пехота, — с одной — горожане, с другой — крестьяне, — моральная опора для которой дана была спешившимися рыцарями. Вероятно, вследствие измены оно окончилось не в пользу короля Стефана, который сам спешился вместе с рыцарями и был взят в плен взбунтовавшимися баронами*.

БОИ И СТЫЧКИ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

подверглись тщательному методическому исследованию в диссертации Отто Геермана (Otto Heermann, Die Gefechtsführung abendländischer Heere im Orient in der Epoche des ersten Kreuzzuges, Marburg, 1887). Поэтому я имею возможность не касаться многих частностей, отсылая читателя к этому ценному труду,

* По Друммонду.

хотя он в такой же мере, как работа Дитриха о ломбардских войнах, исходя из ложных по существу предпосылок, дает принципиально неверное построение. Геерман говорит о пехоте и кавалерии, полках, эскадронах и офицерах у крестоносцев, игнорируя, таким образом, основы военного дела эпохи, коренную разницу между рыцарской военной организацией и современными дисциплинированными армиями. Речь идет здесь не о том, что Геерман применяет современные обозначения там, где лучше было бы избегать их, и не в том, что он этим современным понятиям придает более широкое толкование, чем общепринятое, — суть дела здесь в абсолютном противоречии с эпохой, которым проникнуто каждое положение интерпретации источников. Все искусно построенные боевые линии и маневры, о которых Геерман, исходя из своих предпосылок о характере войсковых частей, вычитал в источниках — и до некоторой степени действительно имел к тому основания, должны быть просто-напросто зачеркнуты, так как именно его предпосылки неправильны в основе: рыцари представляют собой не «кавалерию», а, несмотря на внешнее сходство, нечто совершенно от нее отличное. Правда, это выявляется не в описаниях отдельных сражений, а лишь из всей эволюции военного дела от падения Римской империи до нового времени.

Но если вычеркнуть из труда Геермана все эти ложные картины, понятия, представления и выводы, то все же остается еще весьма ценный материал для использования. Присоединяясь к Геерману, я выделяю моменты, которые имеют значение для наших целей.

Как особенно верное я отмечаю замечание Геермана (стр. 105), что сражения были очень кратки; суммарная их характеристика находится в некотором противоречии с этим и, разумеется, ошибочна (стр. 121):

«Резкие колебания успехов борьбы, рассеивание некоторых колонн или шеренг, полное или частичное окружение всей армии и затем освободительный удар резерва с главнокомандующим во главе в точку наибольшего натиска неприятеля и конечная победа — это главные повторяющиеся характерные черты большинства сражений».

В особенности автора заводит на ложный путь мнение о большом численном превосходстве турок, — пункт, в котором мы не имеем основания доверять христианским писателям.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДОРИЛЭЕ
1 июля 1097 г.

Крестоносное войско подвергается атаке на марше. Рыцари, опрокинутые превосходными силами турок и преследуемые стрелами конных лучников, спасаются бегством по направлению к разбитому в

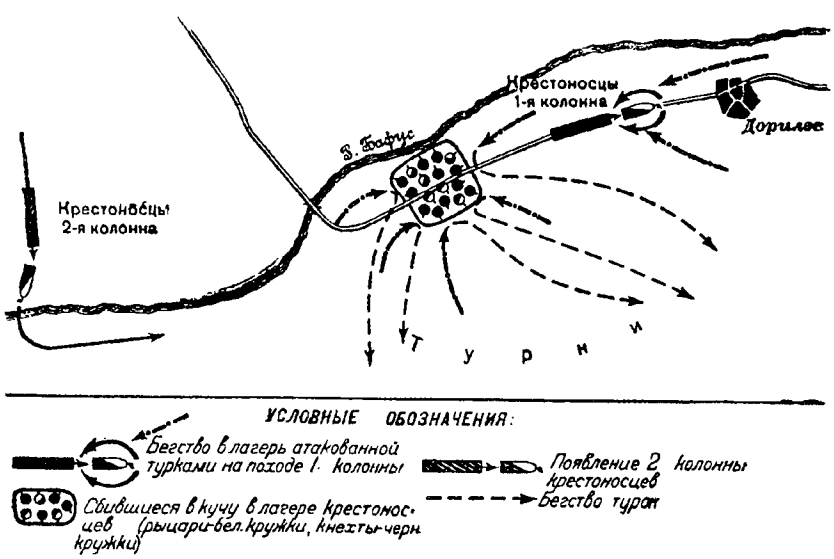


Схема 23. Сражение при Дорилэе 1 июля 1097 г.

отдалении лагерю пехоты. Пехота служит рыцарям прикрытием, рыцари в бегстве топчут медлительную пехоту, и, в свою очередь, густой лес секир пехотинцев то препятствует бегству, то останавливает его*. Таким образом, мы должны себе представить, что турки сильно теснят пехоту и рыцарей, сбившихся в одну кучу. Рыцари ведут оборону, делая вылазки: «и уже не было у нас никакой надежды на спасение... тогда рыцари наши... как могли, оказывали им сопротивление и часто старались наступать на них, хотя и сами испытывали сильный натиск со стороны турок» (Фульхерий).

Христиан, наконец, выручает подоспевшая им на помощь другая половина войска, шедшая по другой дороге в расстоянии 2 миль. При приближении этих рыцарей турки обращаются в бегство.

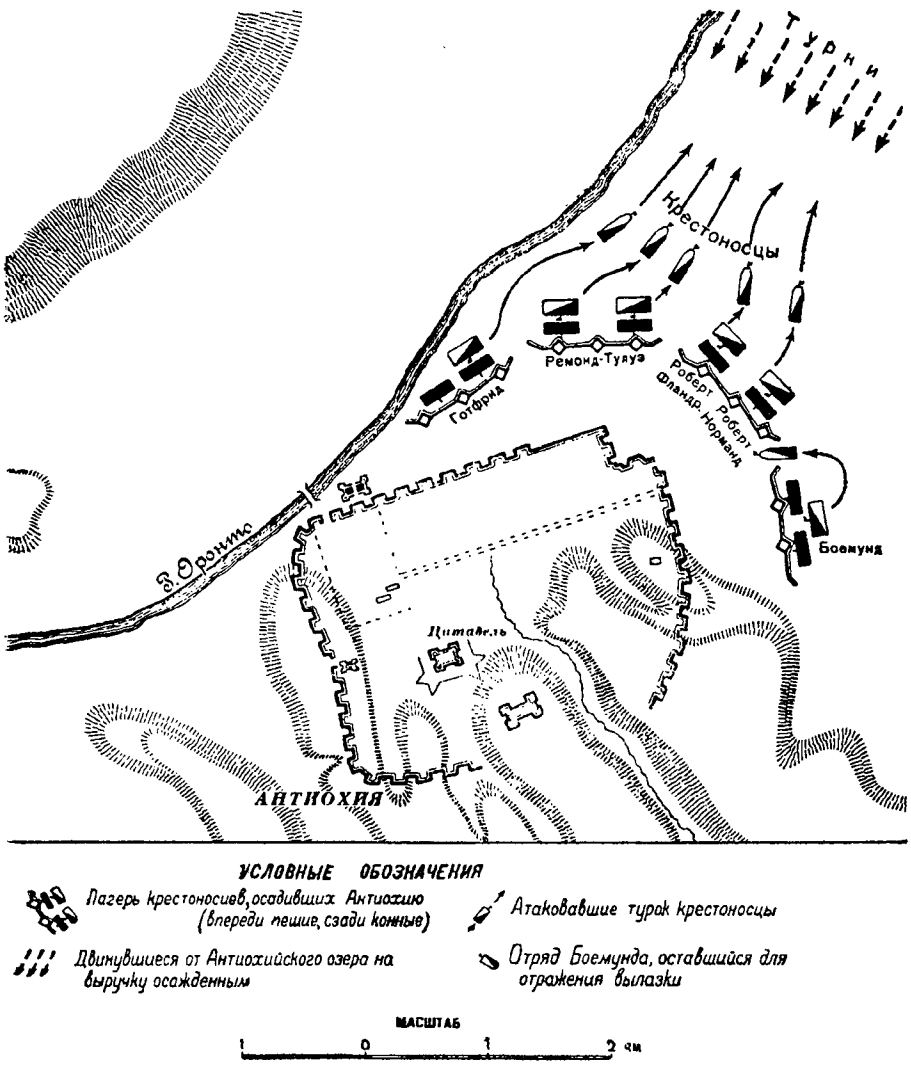


Схема 24. Сражение на Антиохийском озере 9 февраля 1098 г.

* Radulf, Gesta Tancredi, гл. XXII.

СРАЖЕНИЕ НА АНТИОХИЙСКОМ ОЗЕРЕ
9 февраля 1098 г.

Христиане осаждают Антиохию; подходит войско, чтобы снять осаду. Принимается решение, чтобы отряд рыцарей, насчитывавший всего лишь 700 всадников, выступил им навстречу, а пехота осталась бы для обороны лагеря*.

Небольшого рыцарского войска было достаточно, чтобы сильным ударом отбросить противника.

Геерман делает ударение на том, что христиане развернулись по всей, тогда вероятно узкой, равнине, и тем самым воспрепятствовали численно превосходившим их сельджукам (Раймунд оценивает их в 28000 конных!) обойти их. В то же время говорится о построении христиан тремя боевыми линиями. Но это при численности только в 700 человек является противоречием, и уже Келер, III, 3, 159, отметил, что в лучших источниках нет указаний на боевые линии и что только одновременная атака пяти колонн (Боемунд остался с шестой в резерве) могла привести к успеху.

СРАЖЕНИЕ У АНТИОХИЙСКИХ КРЕПОСТНЫХ ВОРОТ
в первых числах марта 1098 г.

Стычка при вылазке христиан, запертых в только что занятом ими городе. При этом заслуживает внимания эпизод об участии пехоты. Раймунд рассказывает, что один провансальский рыцарь, Изуард де Гаджиа, воодушевил к бою отряд пехоты в 150 человек и, после того как они, преклонив колени, помолились богу, повел их в бой с возгласом «эйа, воины христовы!». Такая же картина могла быть и в других отрядах.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ ПОД АНТИОХИЕЙ
28 июня 1098 г.

Хотя мы и располагаем большим числом сообщений очевидцев этого сражения, но все же решающие моменты остаются настолько слабо освещенными, что дают мало поучительного с военной точки зрения.

Христиане едва успели взять город за исключением цитадели, как для снятия осады к нему подошла большая армия под предводительством эмира Моссульского Кербога. Вместо того чтобы дать ему сражение в открытом поле, христиане дают ему возможность запереть себя в Антиохии, терпят жестокий голод и в крайнем отчаянии собираются с последними силами, чтобы дать сражение, в котором победа достается им без особых усилий. Святое копье, найденное под алтарем одним монахом по указанию о том во сне, преисполнило сердца воинов уверенностью в победе. Это событие можно считать проявлением особого свойства рыцарского войска: оно не просто следует команде как дисциплинированная армия, но сражается только при наличии соответствующего настроения у каждого бойца в отдельности. Но если история со святым копьем в высшей степени характерна для рыцарского войска вообще, то она, может быть, все же недостаточна для объяснения связи событий, так как мы узнаем, что на другой стороне, в войске Кербоги, имели место раздоры, недоверие и предательство; отсюда возможно, что именно в этом следует искать решающий мотив победы после такого большого промедления.

По обычному толкованию источников у Зибеля, Куглера, Геермана, Омана, Келера (III, 2, 170) перестроение христиан происходит следующим образом: они переходят через мост на Оронте, становятся так, что мост оказывается у них не в тылу, а с фланга, и затем одно отделение за другим перестраивается слева направо (по Зибелю справа налево).

Мне кажется это совершенно невероятным или, во всяком случае, непонятным. Как мог Кербога, стоявший со своим войском в непосредственной близости от моста, допустить, чтобы христиане у него на глазах совершали такое перестроение? То, что он вначале не препятствовал прохождению через мост, было вполне правильно и естественно, но зачем он пропустил через мост все войско, вместо того, чтобы в тот момент, когда почти половина войска была занята переходом и трудным перестроением на фланге, направить на него свою конницу? Ведь он мог осилить их, оттеснить назад, на мост и здесь, когда произошло бы замешательство, уничтожить их. Если Кербога мог по какой-либо причине упустить эту возможность, то как могли христиане решиться подвергнуть себя такой опасности?

* «Чтобы пехотинцы охраняли лагерь, а рыцари выступили из лагеря навстречу неприятелю». Raimund; по Gesta «pars peditum».

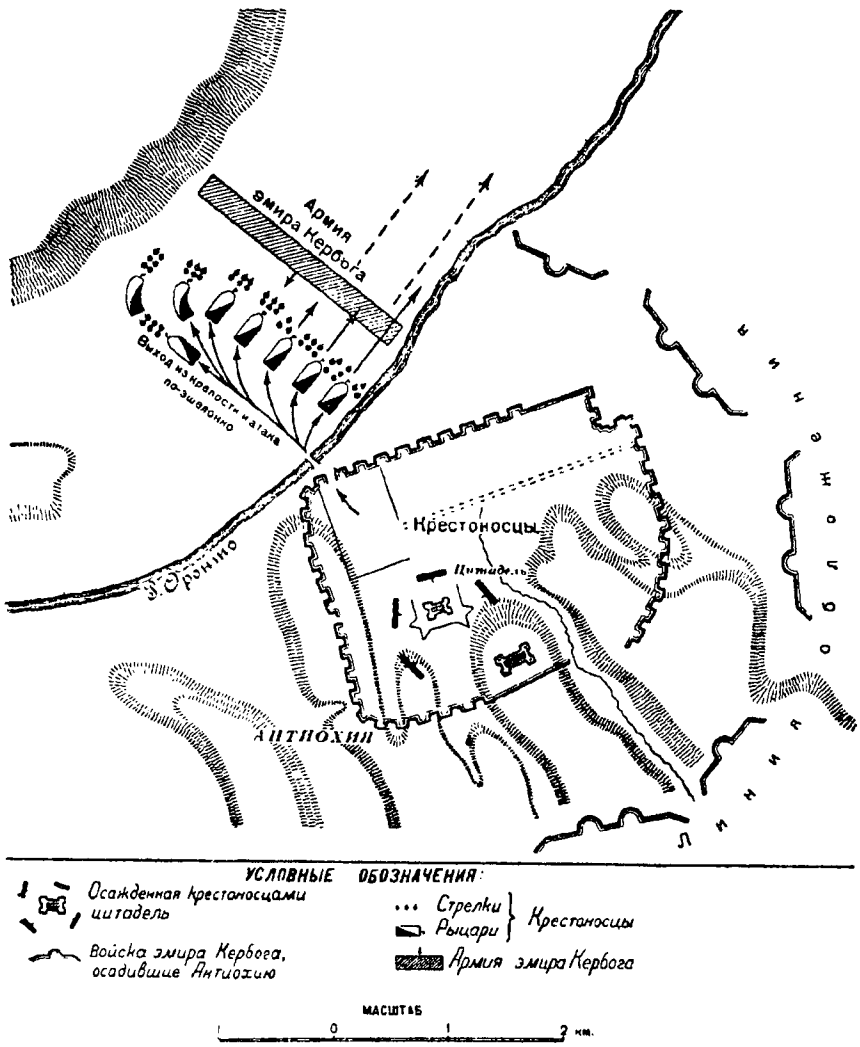


Схема 25. Решительный бой под Антиохией 28 июня 1098 г.

Распределение по родам войск было обычным: пехота — главным образом лучники — впереди, за нею конные (число которых опять увеличилось благодаря захваченным в городе в качестве военной добычи лошадям), которые затем, прорываясь вперед, решают исход сражения.

Численности, последовательности, взаимному положению различных отрядов нельзя придавать существенного значения, как это делает Геерман, и менее всего можно говорить, что 8 acies, которые были образованы, построены были в 4 эшелона. Все они двигались один рядом с другим, и атака началась поэшелонно, начиная с отрядов, стоявших ближе всего к реке, но дальнейшего значения это не имело.

Фронт простирался от Оронта до горного хребта на 2 miliaria, т. е. минимум 2000, а может быть 4000 шагов в длину. Следовательно, отдельные боевые отряды или с самого начала вытянулись в линию глубиною в несколько шеренг, — так как христиане наверное имели самое большее 2000 всадников, — или же они поставлены были на большом расстоянии один от другого.

Один источник (Раймунд) сообщает, что они стояли на таком же удалении друг от друга, как клирики в церковных процессиях*. Келер относит это к расстоянию между отдельными отрядами, Геерман — к расстоянию между отдельными рыцарями; и это последнее объяснение кажется мне наиболее правильным.

Пехота, как сообщается с разных сторон, выступала впереди рыцарей; тем не менее мы находим, что во время сражения пехота была атакована турками позади рыцарей. Геерман (стр. 121 и 122) делает отсюда, пожалуй, правильный вывод, что пехота, пройдя сквозь строй рыцарей, собралась в тылу у них. Но он неправ, утверждая, что затем лучники через головы конницы осыпали неприятеля градом стрел: это было бы слишком опасно для своих всадников и их лошадей.

Интересен эпизод, о котором рассказывает также Раймунд, как один отряд этой именно пехоты, атакованный турками с тыла, образует тесный круг и удерживается на месте; «пехотинцы, образовав круг, мужественно выдержали натиск врагов».

СРАЖЕНИЕ ПРИ АСКАЛОНЕ
12 августа 1099 г.

Крестоносцы должны были после взятия Иерусалима выступить против египетского войска, высадившегося у Аскалона.

Для того чтобы быть готовым встретить внезапное нападение со всех сторон, войско, разделенное в общем на 9 колонн, двигалось 3 колоннами — одна около другой. Геерман, так же как и Дельпеш, рисует эти колонны как линейные построения, но двигаться таким образом на походе было бы не только очень трудно, но при этом и фланги были бы гораздо слабее, чем фронт, чего, очевидно, хотели избежать. Поэтому мы должны представлять себе отдельные колонны приблизительно сходными с пилленрейтскими. Так как войско, по самому достоверному источнику (Раймунд), насчитывало 1200 конных, то, в среднем, в каждой колонне было 133. Когда началось сражение, то задние колонны развернулись возле передних; Gesta прямо сообщают, что вожди стояли друг возле друга. Мусульмане, не приняв атаки, немедленно обратились в бегство**. Геерман, трижды усмотревший в этом построении 3 колоннами не простой походный порядок, а боевой порядок в 3 линии, заключает отсюда, что эти 3 линии были, будто бы, расположены не одна за другой, а уступами (вторая впереди, первая — справа, третья — слева). Так могло быть и на самом деле; тогда не следует называть это «линиями», но можно видеть в этом не вполне законченное развертывание. Келер (стр. 178) также отвергает мнение Геермана, но его собственный взгляд остается неясным — по-видимому, вследствие описки (в прим. 6-м вначале сказано, что acies стояли одна за другой, в конце — они стояли одна около другой). По Келеру (III, 3, 339) линейный боевой порядок и метод боя не могли найти себе применения во время крестовых походов на востоке из-за пехоты.

Наряду с 1200 чел. конницы, по Раймунду, крестоносцы имели 9000 чел. пехоты. Эта пехота состояла из стрелков и копейщиков*** и шла впереди всадников, которые скакали в атаку через ее ряды.

Трудно представить себе, каким образом всадники могли пробираться сквозь такую массу пехоты; равным образом мало вероятно, что при таком численном соотношении конница все же оказывалась единственным решающим родом войск. Указанная численность пехоты, по всей вероятности, значительно преувеличена. Правда, письмо крестоносцев-князей к папе исчисляет христианское войско в 5000 конных и 15000 пехоты. Но так как то же письмо исчисляет войско царя Вавилонского[163] (как оно называет египетского султана) в 100000 конных и 400000 пеших, и так как никоим образом нельзя себе представить, откуда крестоносцы, располагавшие в бою при Антиохии всего только 100 лошадьми, могли добыть 5000 боевых коней, — то мы, во всяком случае, должны предпочесть данные Раймунда (урезая и его в части пехоты), который сам участвовал в сражении, держа святое копье, и рассматривать данное письмо князей как доказательство того, что не всегда можно полагаться на цифры даже официальных документов****.

* «Идя, мы рассыпались на столь широком пространстве, как обычно бывает в процессиях клириков; да таковой и была в сущности наша процессия».

** Письмо князей к папе.

*** Геерман, стр, 52, прим. 2.

**** Впрочем официальный характер этого письма не является безусловно удостоверенным. Hagenmeier, Forschung z. d. Gesch., т. XIII, стр. 40, был того мнения, что автором этого письма является Раймунд. Разногласия в данных о численности войска не могли бы быть аргументом против авторства

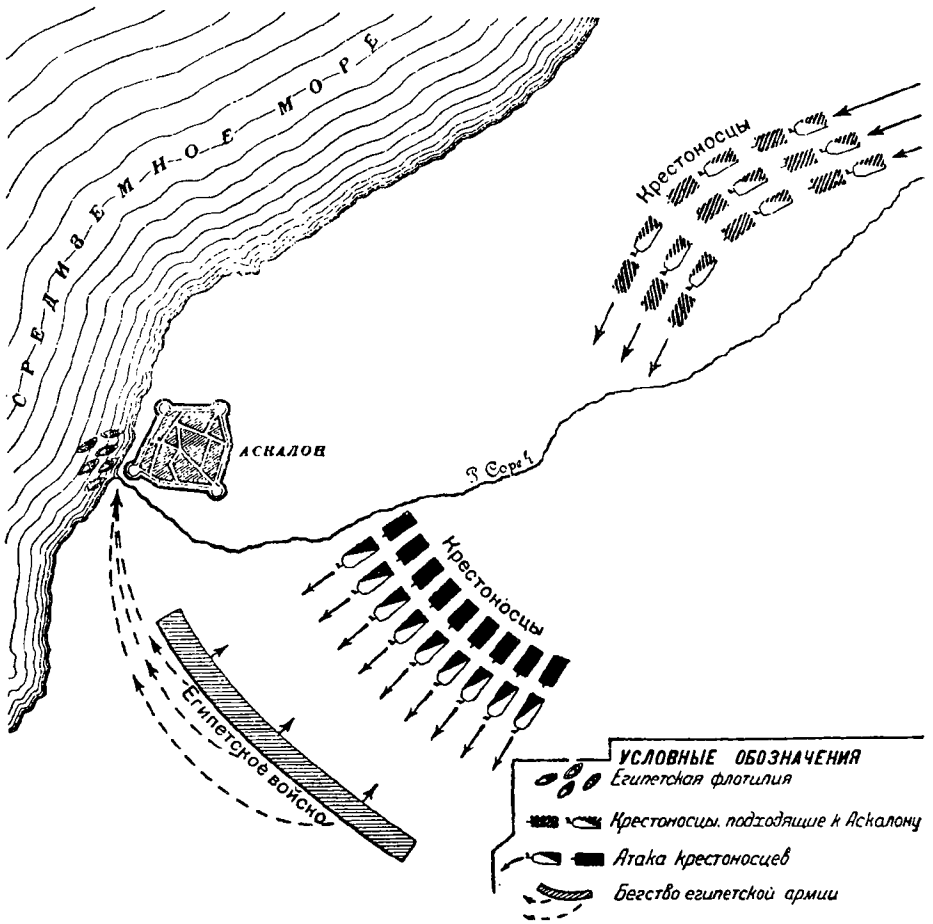


Схема 26. Сражение при Аскалоне 12 августа 1099 г.

БОЙ ПРИ РАМЛЕ
7 сентября 1101 г.

Геерман (стр. 58) пытается найти в источниках указания на искусственное линейное построение уступами, хотя войско христиан под начальством короля Балдуина насчитывало лишь 260 рыцарей и 900 пехотинцев, из коих последние, оставаясь в тылу, фактически не участвовали в бою. Так как говорится об «anteriores acies, о победе «in capite», поражении «in cauda», то источники как будто действительно подтверждают это. Тем не менее такое истолкование их справедливо отклоняется и опровергается Келером, который в других случаях отстаивает линейное построение (т. III, ч. 2, стр. 186).

БОЙ ПРИ РАМЛЕ
в мае 1102 г.

Король Балдуин атаковал превосходящую его силами египетскую армию с помощью одних только рыцарей и потерпел поражение. Фульхерий упрекает его за то, что он повел свой отряд в атаку, не

Раймунда. Эти цифры, в сущности, представляют лишь очень неопределенные оценки, которые один и тот же человек может давать в разное время после разговора с различными людьми; Поэтому они могли значительно расходиться.

построив его в боевой порядок и не дождавшись своей пехоты. Из того, что в 1098 г. у Антиохийского озера победили одни рыцари, Геерман, отклоняя заходящие значительно дальше конструкции Дельпеша (стр. 124 и 66), заключает, что значение «пехоты» с тех пор все же возросло: заключение недопустимое, ибо тот или иной исход мог зависеть от того, что противник во втором случае был многочисленнее или вообще сильнее.

Из порицания по адресу потерпевшего поражение полководца, обычного у писателей, вообще можно заключать об очень немногом.

БОЙ ПРИ РАМЛЕ
27 августа 1105 г.

И здесь Геерман стремится вычитать в источниках подтверждение своему взгляду, что войска построены были уступами в линии. Но сам признает, что невозможно привести доказательство, которое имело бы безусловный характер.

СРАЖЕНИЕ ПРИ САРМИНЕ
14 сентября 1115 г.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АТАРЕБЕ (БЕЛАТЕ)
28 июня 1119 г.

В обоих сражениях Геерман устанавливает, а Келер подтверждает, что атака велась уступами. Ценным источником является для нас сообщение канцлера Роджера Антиохийского. В нем имеется также документальное свидетельство, что понятие «завязка боя» не предполагает того, что части войска стояли одна за другой (см. стр. 160).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ХАБЕ
13 августа 1119 г.

Христианское войско, как при Аскалоне, двигалось трижды тремя колоннами и было атаковано одновременно с разных сторон. При этом несколько колонн были разбиты и рассеяны. Тем не менее, в конце концов, христиане приписали победу себе. Их войско состояло из 700 человек конницы и нескольких тысяч пехоты.

То обстоятельство, что крестоносцы выступали 9 колоннами — 3 рядами по 3 колонны, объясняется тем, что им необходимо было иметь возможность обратиться фронтом по всем направлениям. Геерман обрисовывает эти колонны как линейное построение. Это представляется невозможным ввиду соображений, изложенных на стр. 230—231.

Отдельные колонны, силу которых при Аскалоне Геерман исчисляет в 133, а при Хабе менее чем в 100 конных (не считая пехоты), должно быть имели построение, сходное с Пилленрейтскими колоннами. Такого взгляда придерживается и Келер (III, 2, 211).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГАЗАРТЕ
в 1125 г.

Геерман в своем наброске (кроки) помещает пехоту позади рыцарей. Оснований для этого усмотреть нельзя. К тому же в тексте (стр. 98) указывается, что к тому моменту, когда рыцари начали вступать в атаку, пехота была уже в бою.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЕРДЖИ-СЕФЕР
в 1126 г.

Вильгельм Тирский сообщает, что пехотинцы прикалывали мечами упавших с лошадей раненых врагов, преграждали дорогу бежавшим, а павшим с лошадей товарищам помогали подняться.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ХИТТИНЕ
4 июля 1187 г.

Более подробное изложение у Гро (Groh, Der Zusammenbruch des Reiches Jerusalem, Berl. Dissert., 1909).

Подтверждение моей точки зрения об отношении рыцарей к пехоте и пехоты к оруженосцам.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АККОНЕ
4 октября 1189 г.

Лучники и арбалетчики шли впереди рыцарей.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АРЗУФЕ
7 сентября 1191 г.,

в котором Ричард Львиное Сердце на марше вдоль моря от Аккона в Яффу подвергся нападению со стороны Саладина и одержал блестящую победу, подробно разобрано Келером (III, 3, 234) и Оманом (стр. 305). Келер основывается, главным образом, на сообщении Бенедикта Петерборугского; Оман доказывает, что это сообщение, если принять во внимание топографические условия поля сражения, находится в резком разногласии с 3 ближайшими по времени свидетельствами: Итинерарием короля Ричарда, его письмом к аббату Клервосскому и Боаэддином, историографом Саладина, что аннулирует значение упомянутого сообщения как источника.

Поэтому изложение Келера не выдерживает критики. Прежде всего следует отклонить исчисление сил крестоносцев в 100000 человек. Его мнение, что именно это сражение служит лучшим доказательством правильности его основного взгляда на средневековую тактику, казалось бы мне необоснованным даже в том случае, если бы его изложение (этого сражения) было неоспоримо.

БОЙ ПРИ ЯФФЕ
5 августа 1192 г.

Ричард Львиное Сердце подвергся нападению со стороны, примерно, 7000 мамелюков и курдов, в то время как он сам имел 55 рыцарей, из коих только 15 конных, и 2000 пехоты — преимущественно генуэзских и пизанских арбалетчиков из флота. Он образовал линию из копейщиков, которые опустились на землю на одно колено и направили копья в грудь лошадям. За ними стояли арбалетчики, направленные в интервалы между копейщиками и получившие приказ стрелять беспрерывно, между тем как второй, стоявший за ними воин, натягивал, заряжал и подавал оружие. Итак, стрелы сыпались градом без перерыва. Мусульмане надвигались отряд за отрядом, но не решались атаковать. Стрелами, посылаемыми ими на скаку, они не добились ничего, сами же понесли значительный урон. В конце концов, Ричард со своими рыцарями атаковал их, с силой ворвался в их ряды и лично отбил графа Лейчестера и Ральфа Молеона, которые были окружены и подвергались опасности попасть в плен. Так сражение продолжалось часами; наконец, турки отступили, оставив на поле сражения 700 человек и 1500 лошадей, между тем как крестоносцы потеряли только 2 человек*.

«Так хорошо были они обеспечены своим боевым порядком», — заканчивает Оман передачу документального свидетельства. Присоединиться к такому заключению я не могу. Если бы было возможно отбить выдающегося своей храбростью, обладающего превосходными силами противника при помощи такого простого средства, то его применяли бы чаще. Сообщения о потерях турок показывают нам, что мы должны учитывать здесь очень густо нанесенные краски.

Одна линия копейщиков, даже с двойной линией арбалетчиков позади, есть далеко не достаточное препятствие, чтобы отпугнуть крепкую, хорошо вооруженную массу конницы, а воины Саладина отличались столь же храбростью, сколь и хорошим вооружением. Если бы цифра 7000 турок была хотя приблизительно верна, то этот рассказ все же доказывал бы не непоколебимость боевого порядка Ричарда,

* По Itinerarium Regis Ricardi VI, §21-24, изд. Штуббсом в «Rer. Brit. mediaev. Script.», стр. 415, Oman, Hist. of War, стр.316.

а лишь то, что в этот день атака велась неверными очень вяло. Видимо, у атаковавших был только небольшой отряд, главным образом из легковооруженных всадников, которые, очевидно, несколько раз испытывали, не поддадутся ли христиане испугу и панике при их наскоке, но не отваживались на настоящую атаку.

Наряду с Итинерарием, использованным Оманом, существует еще сообщение очевидца Ральфа Когтехальского (изд. S. Stevenson, Rolls series, стр. 45). По этому сообщению король имел 80 рыцарей и только 6 лошадей и 1 мула.

«Соратников своих... в тесном и сомкнутом строю расположил, каждого плотно поместил к боку другого, чтобы не дать врагам возможности во время самой стычки вонзиться своим клином в пустой промежуток. Немного дров, которые находились там же для постройки шатров, велел положить у ног отдельных воинов как бы в качестве бруствера».

В конце концов, Ричард делает вылазку, все время имея впереди стрелков, и побеждает с потерей только одного рыцаря.

ПЕХОТА В КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ

Келер (III, 3, 209), так же как и Геерман, придерживается того мнения, что во время крестовых походов в школе войны сама собой создалась хорошая пехота. Это, будто бы, можно заметить уже в сражениях при Антиохии и при Аскалоне, после того как при Дорилэе пехота выказала себя еще очень слабой. На Западе в то время, по мнению этих авторов, вообще не существовало боеспособной пехоты. Стимул образования пехоты следует искать в необходимости создать для конницы защиту от турецких лучников. В этом рассуждении упускается из виду связь исторических событий.

Ничем не доказано, что пехота, сражавшаяся при Дорилэе, ничего не стоила. Были ли это конники, лишившиеся своих лошадей, или же они с самого начала были стрелками и копейщиками, — во всяком случае мы имеем основание и должны предполагать, что сеньоры, на службе которых они состояли, выбрали себе для похода боеспособных воинов, а на Западе повсюду представлялась достаточная возможность пройти хорошую школу войны*. Развитие сражения потребовало, чтобы Боэмунд с рыцарями прежде всего произвел удар с фронта. Возможно, что для этого он вовсе не брал с собой пехотинцев, но утверждать этого нельзя, так как Фульхерий при рассказе об этом сражении подчеркивает, что турецкое войско состояло исключительно из конницы, а христианское — из обоих родов войск — пехоты и конницы.

Рыцари — при поддержке ли пехоты или без нее — были разбиты и отхлынули назад, но в бегстве были остановлены протянутыми копьями всей пехоты (Радульф). Вся масса затем стойко держалась, и рыцари отсюда производили вылазки и удары с фронта.

Больших услуг в неудачных сражениях копейщики не оказывали и в позднейшие времена. Только начиная со швейцарцев и гусситов[164], дело меняется.

То, что ни в одном из наших источников не упоминается о стрелковом оружии у христианской пехоты, следует приписать только случайности: это объясняется, вероятно, стремлением возможно более выразительно передать безвыходное положение войска Боэмунда, со всех сторон тесненного турецкими конными стрелками.

Если бы упомянули о христианских лучниках, которые стрелами отразили неприятеля, то опасность не казалась бы такой страшной, а избавление Боэмунда Готфридом и другими рыцарями — столь чудесным. Но так как нам известно, как хорошо норманны умели пользоваться луком, и так как стрелки упоминаются в позднейших сражениях крестоносцев, то вряд ли при Дорилэе они совершенно отсутствовали.

Наконец, мнение Келера, что крестоносцы вынуждены были сформировать пехоту, чтобы создать для своей конницы прикрытие от турецких лучников, полностью игнорирует природу средневековых

* Правда, в подтверждение непригодности пехоты можно было бы сослаться на прямое свидетельство Раймунда Ажильского, говорящего, что, когда рыцари под Антиохией выступили в сражение на берегу озера (9 февраля 1098 г.), пехоту оставили у осажденного города. «Ибо говорили, что многие из нашего войска невоинственны и трусливы и при виде множества турок показывали скорее примеры трусости, чем отваги». Но подобные рассуждения не являются объективными свидетельствами. Кроме того, часть пехоты отправилась (по «Gesta») вместе с рыцарями, а оставшиеся в тот же день успешно отразили вылазку осажденных.

родов войск. Единственно возможная для рыцаря с холодным оружием защита от лучника — как пешего, так и конного — заключалась (помимо его снаряжения) в том, чтобы возможно быстрее самому напасть на него, не дать ему сделать больше одного выстрела — и то уже неуверенного вследствие надвигающейся угрозы. Многократно засвидетельствовано, что рыцари могли быть с успехом подкреплены путем придачи им стрелков или копейщиков не только во время крестовых походов; но этого нельзя изображать так, что эти пехотинцы создавали для них прикрытие.

В действительности большее, чем на Западе, значение пехоты в сражениях в Сирии, несомненно, объясняется не чем иным, как недостатком в лошадях.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЮРЕ (Muret)
12 сентября 1213 г.

Король Петр Арагонский пришел на помощь графу Тулузскому, который как альбигоец[165] находился в большой опасности, теснимый крестоносцами во главе с Симоном де Монфором. Петр штурмовал укрепленный город Мюре на берегу Гаронны, выше Тулузы. Симон бросился в осажденный город, сделал из него вылазку и, застигнув осаждавших врасплох, обратил их в бегство.

Так как об этом событии случайно дошло много рассказов, то оно и стало предметом многих исследований. Особого же интереса в военно-историческом отношении оно не представляет, — разве только из-за многочисленных теорий о средневековой тактике, которые основываются именно на этом сражении.

Источники повествуют, что Симон образовал из своих рыцарей 3 ordines, или acies, или battailles во имя святой троицы. То же сообщает другой источник о короле Филиппе Августе в сражении при Бувине. Отсюда Келер (т. I, стр. 144; ср. стр. 105) делает заключение: «то, что под ordines подразумеваются боевые линии, вытекает из прибавления — во имя святой троицы». Убедительность этого вывода должна оставаться под сомнением до тех пор, пока не будет ближайшим образом выяснена аналогия между порядком построения боевых линий (т. е. одна за другой) и святой троицей.

Тот же автор исчисляет войско Монфора не больше чем в 800 всадников, в меньшей части — рыцарей, армию же Петра — приблизительно в 40000, из которых — 30000 пехоты. «Следует все же, — прибавляет он на стр. 101, — тщательно избегать говорить, что он (Монфор) устоял с 800 всадниками против 40000, так как пехота в сражении почти не идет в счет. По Вильгельму Бретонскому силы вождя еретиков составляли даже 200000 человек».

Потери крестоносцев, по Келеру (стр. 116) сводились к одному рыцарю и 7 сержантам, а потери противника — к 20000 человек. Только для того, кто обладает доверчивой душой, не составляет разницы, провел ли он жизнь за письменным столом или был практиком военного дела.

Сражение это в последний раз разобрано Дьелафуа — Dieulafoy, La battaile de Muret, Париж, 1899 г., 44 стр. («Memoires de l'Acad. des inscriptions», т. XXXVI). Рецензия об этой работе Kiener (Кинера) в «D. Lit.-Z.» за 1900 г., N 26 от 23 июня.

БОЙ ПРИ СТЕППЕ
13 октября 1213 г.

между герцогом Брабантским и епископом Льежским подробно разобран Келером (III, 3, 283) и Оманом (стр, 444). С той и с другой стороны в центре копейщики, стоявшие на стороне льежцев, из горожан. Они все же вводятся в дело только после того, как решен рыцарский бой. До тех пор они должны служить рыцарям прикрытием при отступлении.

Келер и Оман расходятся в том, что по Келеру побеждают оба крыла рыцарей, по Оману же — только левое.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БУВИНЕ (Bouvines)
27 июля 1214 г.

Точнее, чем в предыдущих исследованиях, сражение это рассмотрено в диссертации C. Ballhausen (Jena 1907, I, W. Schmidt). Поэтому я сокращаю сказанное мною в первом издании, но не могу также

разделить взгляда Бальгаузена по некоторым существенным пунктам. Что касается пространных рассуждений Дельпеша (Delpech, La tactique au XIII-me siècle, т. I), то при всей кажущейся их учености можно только согласиться с Молинье (Molinier, «Rev. hist.», т. XXXVI, стр. 185), в целом отвергающем их.

Император Оттон IV соединился со своими союзниками при Нивелле к югу от Брюсселя, Филипп-Август — при Перонне. Двигаясь друг другу навстречу, войска сначала прошли одно мимо другого, и получилось так, что, в конце концов, они обошли друг друга, — Филипп находился на севере близ Турнэ, а Оттон — на юге у Валансьена. Эти переходы объясняются, пожалуй, не чем иным, как тем, что ни один из них не знал о передвижениях другого (я не могу разделить особого взгляда Бальгаузена

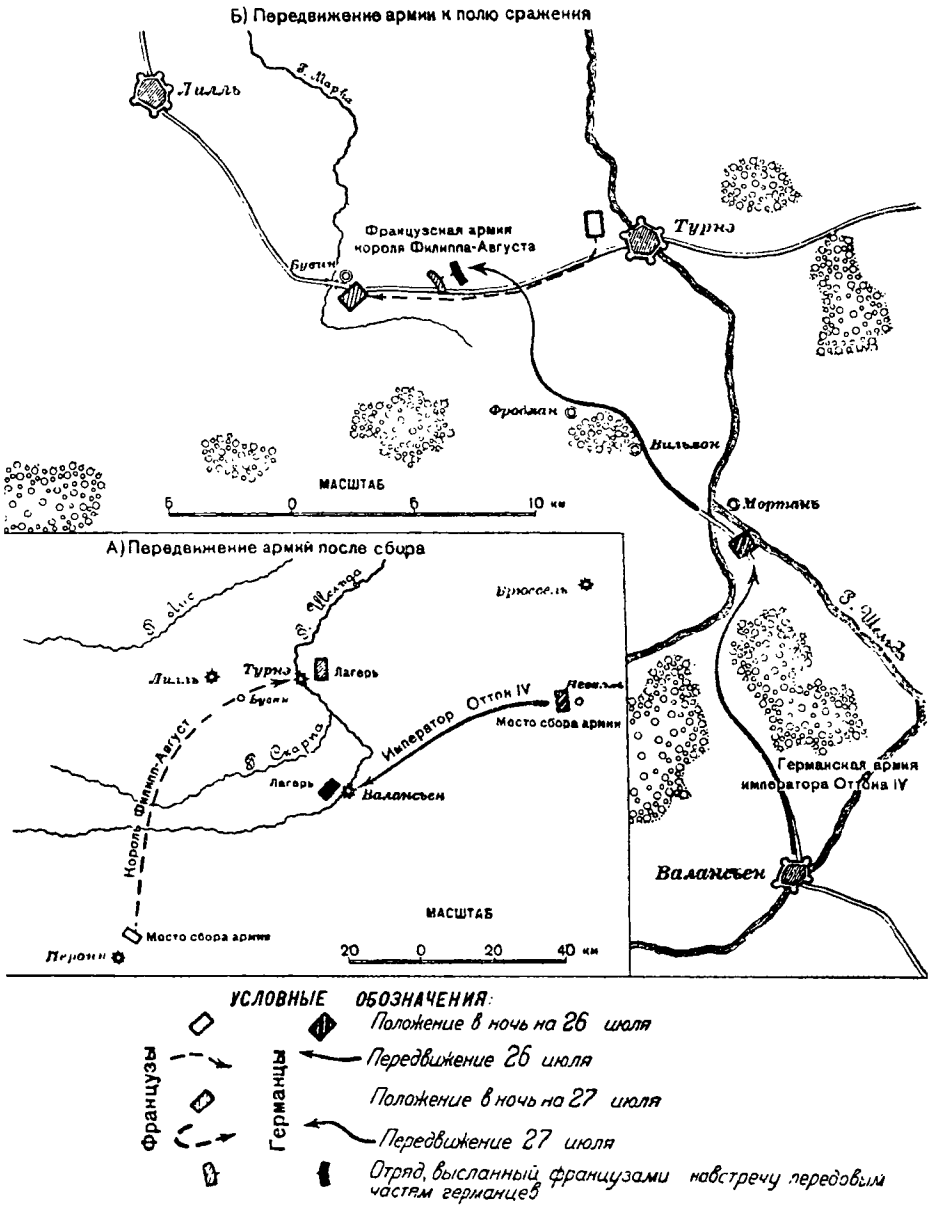


Схема 27. Сражение при Бувине 27 июля 1214 г.

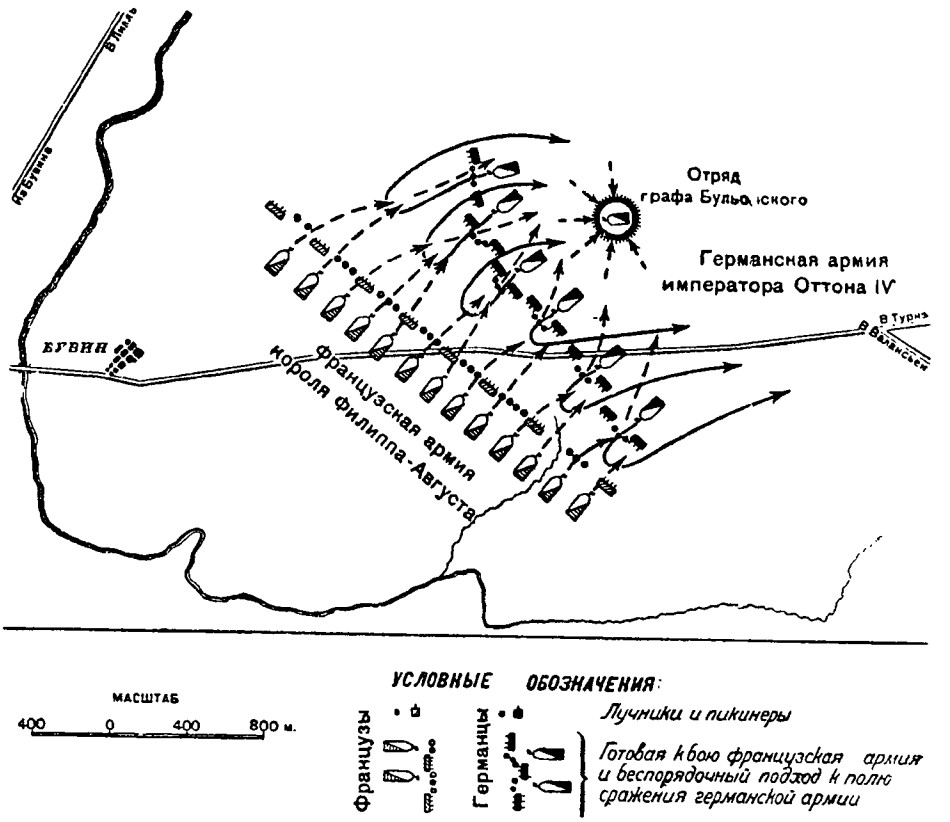


Схема 28. Сражение при Бувине 27 июля 1214 г. Поражение германцев.

по этому поводу: приведенные им мотивы движения Филиппа на Турнэ недостаточны). Получив сведения друг о друге, оба повернули обратно. Филипп решил отойти к Лиллю тем же путем, по которому он пришел, т. е. удаляясь от неприятеля; наоборот, Оттон взял направление на противника.

В то время как Филипп при своем марше с востока на запад переходил мост через р. Марку, у Бувина, пришло известие, что немцы подступают и начали перестрелку с отрядом, высланным им навстречу. Филипп приказал частям, успевшим уже перейти мост, повернуть назад, так как он решил принять сражение.

Вряд ли можно предполагать, чтобы он не мог переправить войско через реку без крупного сражения, так как, хотя значительная часть его находилась еще по сю сторону, но императорскому войску требовалось все же довольно много времени, чтобы перестроиться. Мнение Бальгаузена, что Оттон собирался отрезать арьергард Филиппа, — не обосновано. Со стратегической точки зрения решение Филиппа было весьма рискованным, так как он имел почти перевернутый фронт и, как единственный путь отступления, — мост у Бувина, ибо, как дословно указывает источник, переправиться через р. Марку иначе невозможно. То, что Филипп при такой позиции все же решил принять сражение, объясняется разве только его полной уверенностью в победе и тем, что он, таким образом, имел еще достаточно времени, чтобы развернуться, причем обладал, — на это прямо указывают документы, — по крайней мере в отношении главного рода оружия, рыцарей, значительным перевесом.

Правда, утром король, — вместо того чтобы двинуться навстречу императору, — начал отступление; такая перемена его решений обращает на себя внимание, но абсолютного противоречия в его действиях нет: Филипп утром принял решение не оставаться под Турнэ и не выступать навстречу императору для

сражения; дело изменилось в том смысле, что теперь император двинулся ему навстречу, чего король утром еще не предполагал.

С другой стороны, решение Оттона атаковать короля, невзирая на свою незначительную силу, находит свое объяснение в том, что он рассчитывал напасть на французов на марше, когда их разделяла река. Дословно отмечается, что он выразил удивление, увидев перед собой французов в полном боевом порядке.

Что император, со своей стороны, не отказался от сражения, не представляется совершенно неестественным, ибо следовало ожидать, что, как только немцы обратят тыл, французы сейчас же перейдут в наступление, а это означало бы неминуемый разгром. Следовательно, лучше было удержать за собой хотя бы моральное преимущество наступления и попробовать, нельзя ли повернуть счастье сражения в свою сторону.

Если таков стратегический генезис сражения, то здесь дано и объяснение исхода его: император был разбит, так как его расчет атаковать французов во время их перехода через реку не оправдался; король победил благодаря значительному превосходству своих сил и благодаря тому, что встретил противника в полном боевом порядке, — в лучшем даже, чем был сам наступавший император, о котором прямо сообщается, что его войска подошли к противнику в беспорядке.

Достоверных цифровых данных о силах того и другого войска мы не имеем. Прежде принимали (например Schirrmacher) данные Ричарда фон Сенса, исчислявшего армию Оттона в 25000 рыцарей и 80000 других воинов. Горцшанский (Horzschansky) исчисляет силы Филиппа в 59000 человек (2000 рыцарей, 7000 оруженосцев, 50000 пехоты) и Оттона — в 105000 человек (5500 рыцарей, 19500 конных оруженосцев, 80000 пехоты). Для него самого представляется загадочным (стр. 41), каким образом император при таком соотношении сил мог быть разбит.

Келер оценивает войско французов в 2500 рыцарей, 4000 легкой конницы и 50000 пехоты; немцев — только в 1300—1500 рыцарей, но считает их очень многочисленными в отношении других родов войск. Оценка Омана более умеренна, тем не менее и он полагает, что у Филиппа было, может быть, 25000—30000, а у Оттона — 40000 пехоты.

Во всех этих исследованиях, включая и Омана, численность пехоты вне всякого сомнения преувеличена. Общие указания хроник на «бесчисленные множества», как доказывают многочисленные примеры, — не дают ничего. Оттон должен был пройти добрых 3 мили до поля сражения из Мортани на Шельде, откуда он выступил утром 26-го, так как ему нужно было идти в обход леса, лежащего на прямой линии через Вильмо-Фруадмон. В таких условиях даже для войска с отличной походной дисциплиной было бы трудно после такого перехода развернуть армию в 50000 или хотя бы только 40000 человек и в тот же день дать сражение. Для войска же из недисциплинированных наемников, горожан и рыцарей это представляется едва выполнимым, что в упомянутой мною статье отметил уже Молинье.

Я не думаю вместе с Бальгаузеном, что одно из войск было сильнее 8000 человек. Мне представляется несомненным, что Оттон имел не больше 1300-1500 рыцарей; у Филиппа было больше. Возможно, что оба войска были численностью приблизительно в 5000, так как отдельные контингенты, численность которых неоднократно приводится в источниках, все очень малы.

Прежде всего против предположения, что пехота была такой непомерной численности, говорит самый характер сражения, так как ни на той, ни на другой стороне она ничем себя не проявила. Утверждение Винкельмана, будто бы французские горожане были воодушевлены сознанием, что они борются «pro aris et focis» (за алтари и очаги), висит в воздухе. О каком-либо имеющем решающее значение участии городских отрядов Филиппа в источниках нет и следа. Города, должно быть, выставили в распоряжение короля известное число стрелков, сражавшихся общепринятым способом, сообща с рыцарями. Точно так же фландрские города выставили свои контингенты к войску Оттона.

Потери на французской стороне, по-видимому, были незначительны; по немного более позднему источнику английской хроники Мельроза пало, якобы, только 3 французских рыцаря, и мы должны предполагать, что таких было, действительно, очень немного, так как в противном случае до нас дошло бы больше имен павших со славой. Из числа императорских воинов на поле сражений осталось будто бы 70 рыцарей и 1000 пеших кнехтов, а большое число их (по одному источнику — 127 рыцарей, по другому — 131, по третьему — 220, среди них 5 графов и 25 знаменосцев) было взято в плен*.

* Келер, стр. 156; Оман, стр. 477.

Если поэтому Иоанн Кипрский называет это сражение «durissima pugna, sed non longa» (жесточайшим, но недолгим), то Оман, мне кажется, заходит уже слишком далеко, принимая его продолжительность всего в 3 часа. Я скорее склонен думать, что исход его более или менее решен был при первом же столкновении, которое, однако, произошло не повсеместно в одно и то же время. Незначительные цифры потерь победителя являются более веским доказательством, чем показания всех летописцев. Известиям повествователей о продолжительности сражений приходится всегда доверять очень мало, так как начало и конец сражений — понятия очень неопределенные и предоставляют особенно большой простор их естественной склонности к преувеличениям. Вильгельм Бретонский водном месте («Gesta», 311) говорит, что отряды горожан до начала сражения подошли к центру и, пробираясь сквозь ряды рыцарей, стали перед ними в качестве стрелков. В другом месте («Gesta», 312) он утверждает, что горожане подошли только в четвертый час после начала боя. Неужели оба центра в бездействии наблюдали за боем на одном из флангов? Или, быть может, пока на одной стороне не успели развернуть фланги, другая сторона любезно ожидала, когда противник готов будет к бою? Если отдельные отряды рыцарей часто и вступали в бой не совсем одновременно, то разница в сроках все же может быть только незначительной, — если только не предполагать, что на обеих сторонах, стремясь вперед из походной колонны, вступали в бой последовательно одни за другими.

Основным нашим источником для этого сражения является Вильгельм Бретонский, который был его свидетелем в качестве капеллана короля Франции и описал события как в прозе, продолжая Ригорда, так и в стихах в своей «Филиппиде». Келер подробно останавливается на своих с ним расхождениях, с одной стороны, ставя его высоко как свидетеля (стр. 118), а с другой — упрекая за то, что он лишен был понимания тактической стороны дела и тем способствовал распространению взгляда, что в средневековых сражениях основным и преобладающим было единоборство (стр. 135). В действительности ошибка лежит как раз на стороне Келера. Оман (стр. 471, прим.) справедливо указывает, что у Вильгельма не только нет и следов того деления на 3 стычки, которое хочет у него вычитать Келер, но что такое деление находится в прямом противоречии со всем его повествованием. Таким образом, отпадает вся конструкция Келера здесь точно так же, как в отношении Гастингса.

Граф Бульонский, который сражался на стороне императора, кроме собственных рыцарей, держал 700 (по другому источнику 400) пеших наемников-брабантцев. Он применял их в бою следующим образом: они образовывали круг, в который он отступал, если сам чувствовал себя утомленным боем. Когда сражение было проиграно, и все остальное императорское войско уже бежало, этот отряд еще держался. Французские рыцари боялись пробираться сквозь протянутые копья; но в конце концов, когда подошло подкрепление, отряд был осилен, брабантцы перебиты, граф взят в плен.

Так как источником для этой сцены служит героическая поэма «Филиппида», то мы не должны быть излишне придирчивы к отдельным деталям. Но чем в большей степени эта сцена была правдива, тем больше доказывала она низкое качество пехоты в ту эпоху.

Хроника прямо говорит об этих брабантцах, что они по военному искусству и храбрости равны рыцарям, тем не менее они занимают исключительно оборонительную позицию и служат, будучи достаточно большим отрядом, всего лишь некоторым прикрытием для нескольких рыцарей. Не столь существенно, был ли их отряд разгромлен рыцарской атакой или, возможно, сопротивление его уже было сломлено стрелками: важно, что даже этот отряд, прославленный как особо выдающийся, по нашему источнику никакой самостоятельной активности в сражении не проявляет.

Но в действительности идти так далеко незачем. Можно было бы утверждать, как мне кажется, что описанная сцена — заключительный акт сражения, когда последнее было уже проиграно, и побежденные желали только как можно дороже продать свою жизнь. Первоначально они, вероятно, шли вперед вместе с рыцарями.

Точно это сообщается относительно пеших кнехтов императора Оттона в центре, отогнавших стрелков французских коммун и проникших в гущу рыцарства до самого короля Филиппа Августа, который был сброшен с коня. Наступление это, разумеется, происходило не изолированно, как это понимали некоторые, т. е. таким образом, что рыцари оставались в бездействии позади них, но сообща с ними.

Бальгаузен считает, без всякого в сущности основания, что войска Оттона и английские были приблизительно равны по численности французским, но императорское войско было разбито вследствие утомленности от длительного перехода. Я все же не решаюсь поверить в большой обходный марш и в то, что сражение произошло там, где хочет фиксировать его Бальгаузен.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРНГЕВЕДЕ
22 июля 1227 г.

Данные источники сопоставлены у Узингера (Usinger, Deutsch-dänische Geschichte, стр. 428). Заслуживающие доверия источники не заключают в себе ничего такого, откуда можно было бы почерпнуть что-нибудь относительно хода сражения. Датские источники приписывают поражение своего короля Вальдемара измене дитмарцев, бывших на стороне датчан, но неожиданно напавших им в тыл.

Легендарное описание сражения см. у Германа Корнера (Hermann Korner) и Ламбека (Lambeck, Rerum Hamburgensium libri, II, 37). Якобы, в ответ на обет, данный любишским бургомистром, солнце неожиданно так ярко стало светить в глаза датчанам, что они ничего не могли видеть.

Hasse, Die Schlacht bei Bornhöved, Zeitschr. f. Schl. Holst. Gesch., т. VII, с военной точки зрения не представляет сколько-нибудь значительной ценности.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНТЕАПАРТИ
4 сентября 1260 г.

Синезцы при помощи 800 немецких конных воинов одержали победу над флорентинцами.

Против описания, данного Келером (III, 3, 289), можно многое возразить. В частности сообщаемая им на основании источников численность флорентинцев в 30000 пеших и 3000 конных безусловно слишком велика. По тому, как протекало сражение, главную роль определенно играли немецкие рыцари, разбитые на 4 отряда по 200 человек каждый. Четыре отряда по 200 человек ни в коем случае не смогли бы предопределить весь ход сражения, если бы неприятельское войско насчитывало 33000 человек. Также и потери флорентинцев, фиксируемые Келером в 10000 убитых и 11000 пленных, безусловно неимоверно преувеличены.

Бой пешего гражданского ополчения протекал, по мнению Келера, очевидно правильному, преимущественно как бой стрелков.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛЬЮИСЕ
14 мая 1264 г.

Симон Монфор побеждает во главе английских баронов короля Генриха III, а вместе с ним его брата Ричарда Корнуэльского, избранного немцами в короли, и его сына, в последующем короля Эдуарда I, также командовавших войском. Оба войска состоят из конных и пехоты, но последняя не играет в повествованиях никакой активной роли. Сражение ведется только конницей. Оман (стр. 415) дает блестящий анализ и правильно отвергает данные источников, исчисляющие армии в 40000 и 50000 (из предположения этих цифр исходит Келер, III, 3, 303), как безнадежное преувеличение.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ВОРРИНГЕНЕ
5 июня 1288 г.

Вокруг наследства графа Лимбургского разгорелась борьба, в которой противными сторонами выступали два больших союза; во главе одного стоял герцог Брабантский Иоанн, во главе другого — архиепископ Кельнский Зигфрид. Оба они старые соперники в борьбе за господство в Нижней Лотарингии.

Об этой войне и о сражении, которое, наконец, принесло развязку, мы имеем подробный рассказ в рифмованной хронике Яна ван Геелу, составленной вскоре после сражения в честь победителя, герцога Брабантского.

Келер нашел в этом сражении замечательнейшие тактические явления. То обстоятельство, что часть герцогского войска — рыцари графа Бергского — вступила в сражение лишь значительно позже, привело к комбинации, удачнее которой не мог бы создать величайший гений полководца (стр. 176). Это обстоятельство, будто бы, приобрело еще большее значение благодаря тому, что сражение образует исходный пункт развития метода ведения боя, который часто имеет место в последующих немецких сражениях. Правда, на следующей странице мы узнаем, что то же имеет место уже при Мюре и

Тальякоццо, а в довершение всего несколькими фразами дальше мы читаем, что этот метод ведения боя восходит уже к XII в.

О каком-то особенном методе ведения боя в этом сражении вряд ли может идти речь. Правда, это сражение примечательно благодаря известному маневрированию отрядов рыцарей и вследствие участия с обеих сторон пехоты. Возможно, что развязка, в конце концов, была вызвана тем, что пехота архиепископа, несмотря на карроччио в центре, не устояла, в то время как пехота противника — кельнские горожане и бергские крестьяне — зашла рыцарям архиепископа во фланг и в тыл. Но отчетливо установить этого нельзя, так как наш единственный обстоятельный источник, Геелу, очевидно, прилагал все старания, чтобы возвеличить герцога Брабантского. Рихард Ян (Richard Jahn) в специальном исследовании (Берлинская диссертация, 1907 г.) с большой проницательностью и путем тщательнейшей проверки всех отдельных моментов поэмы Геелу пытался воссоздать картину сражения. Однако, я не могу преодолеть сомнения по поводу того, действительно ли в рыцарской битве могли иметь место такие сложные соображения и передвижения. Но пусть даже и этот автор вычитал из поэтического описания слишком много «тактики», во всяком случае его попытка (поскольку мы в данном случае хоть раз имеем подробное описание рыцарского сражения его современником) тактической ее реконструкции является очень ценной, ибо она предпринята с большой осторожностью, блестящей эрудицией и с полным овладением материалом. Поэтому, несмотря на указанную выше оговорку, я могу только порекомендовать исследование Яна к дальнейшей проверке и подражанию. Быть может, этим путем все же удастся добиться более полного понимания военных операций средневековья.

Относительно «конротов» (Konroots), на которые по Геелу были разделены рыцари, Ян говорит, что они действительно заключают в себе зачатки разделения на эскадроны, но вследствие отрицания подобного порядка, заложенного в самом понятии «рыцарство», эти «конроты» большого значения не имели.

Термины «кнаппы», «сержанты», «кнехты» Геелу, как это установил Ян, применяет без всякого различия в отношении всех, кто не является рыцарями.

Ценным это сражение для нас представляется благодаря двум выражениям Геелу, которые мы уже использовали при общем рассмотрении методов ведения войны рыцарей, — благодаря определенному свидетельству о медленном наскоке рыцарей, «как если бы впереди них была невеста», и благодаря диалогу по поводу того, как лучше атаковать — «густо» ли, т. е. глубоким сомкнутым построением, или же «тонко» — врассыпную и с охватом.

Тут же мы встречаем красивую старую историю о том, что архиепископ Зигфрид, впоследствии побежденный, заранее принес с собой цепи, в которые должны были быть закованы его пленные (ср. Ист. воен. иск., т. II).

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЧЕРТОМОНДО
11 июля 1289 г.

Келер (III, 3, 329) называет это сражение, где флорентинцы победили аретинцев, составляющим эпоху в военной истории итальянцев. Я не могу постичь, в чем именно заключается это значение. Что пехота была построена частью подле, частью позади рыцарей, — в чем Келер (стр. 337) усматривает новое, — не представляет ничего своеобразного. То обстоятельство, что, как рассказывает Келер, пехота аретинцев на четвереньках лезла под лошадей флорентинцев и снизу распарывала им длинными ножами живот, я буду считать басней до тех пор, пока не будет доказано, почему лошади флорентинцев не двигались и не топтали ползущих и почему конные не кололи их пиками сверху. Наконец, то, что флорентинцы соорудили из своих возов позади фронта вагенбург, должно было бы иметь место и в других случаях, а с точки зрения тактического значения (т. е. для того, чтобы войска «держались сообща») должно быть отнесено, выражаясь мягко, к той же книге военных рецептов, что и длинные ножи, которыми снизу распарывают животы лошадям.

СРАЖЕНИЕ НА МАРХФЕЛЬДЕ
26 августа 1278 г.

Келер (II, 106), полагает, что немцы в войске Рудольфа Габсбургского насчитывали 2000 конных, среди них — 300 рыцарей (на конях, покрытых броней), венгры же насчитывали минимум 30000 конных, среди них — 1000 коней, покрытых броней, и 23500 пеших. Так как он в то же время полагает, что пехота в сражении не участвовала, а оставалась в лагере, то, в таком случае, Рудольф имел бы огромный перевес и трудно было бы объяснить, почему исход сражения так долго колебался и Оттокар был даже близок к победе. В сражении особенно примечательно то, что пехота с обеих сторон в многочисленных описаниях не упоминается, и, следовательно, бой был, очевидно, чисто конным. Венгры были большой частью лучниками.

Подробное описание Келера — не что иное, как составленная из различных рассказов фантастическая картина. И все прочие предпринятые исследования не достигают удовлетворительных результатов. Ср. Ottokar Lorenz, Hist. Zeitschr., т. 42 (1879). Его же, Deutsche Geschichte im 13.und 14. Jahrh., т. II; Osw. Redfich, Rudolf von Habsburg, 1903 г. Быть может, какому-нибудь вновь предпринятому специальному исследованию удастся пролить больше света на это важное событие.

БОЙ ПРИ КОНВЕЕ
в январе 1295 г.

Николай Треве, или Триве, доминиканец из Оксфорда (умер в 1328 г.), описывает победу англичан над валлисцами при Конвее в январе 1295 г. следующим образом*: «Когда граф Варвик услышал, что валлисцы в большом числе собрались на одной равнине между двумя лесами, он взял один отборный отряд вооруженных, а кроме того, арбалетчиков и лучников, напал на валлисцев ночью врасплох и окружил их со всех сторон. Они воткнули концы своих пик в землю и обратили острия против наступающей конницы, дабы защититься от ее натиска. Однако, граф поставил между каждыми двумя вооруженными по одному арбалетчику, и когда большая часть вооруженных пиками валлисцев была опрокинута при помощи стрел арбалетов, то он атаковал остаток своим эскадроном конницы и, как полагают, нанес больший урон, чем валлисцы терпели в какой бы то ни было из предыдущих войн».

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕЛЬХЕЙМЕ
2 июля 1298 г.

Имеющиеся у нас сообщения об этом решающем сражении между немецким королем Адольфом Нассауским и королем-соперником Альбрехтом Габсбургским Австрийским представляют его чисто рыцарским сражением; мы не слышим ни о пехоте, ни о стрелках. Численность армий неизвестна.

Альбрехт, якобы, приказал заколоть лошадей, и поэтому число убитых лошадей было так велико, что трупы образовали валы, из-за которых баварские рыцари в пешем строю с князьями во главе продолжали бой. Это, должно быть, такая же небылица, как то, что Альбрехт приказал острия мечей устроить особым образом, чтобы лучше колоть**. Очевидно, мало отвечает действительности также и то, что баварцы, будучи не в состоянии двигаться, по крайней мере смогли получить хоть временный отдых, так как их кони были заколоты***.

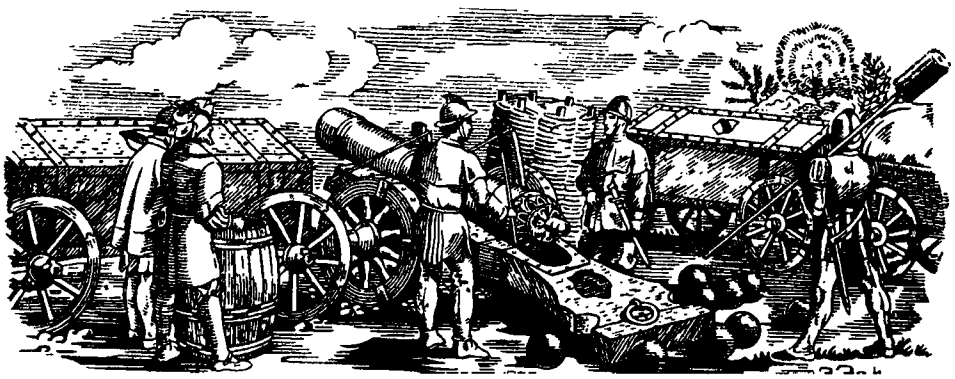
Рыцари, лошади которых заколоты, не выжидают спокойно, что произойдет дальше, — да и противники, наверно, не оставят их в покое даже в том случае, если они ищут прикрытия позади убитых коней.

---

* Моррис, стр. 256; Оман, стр. 561.

** Köhler, II, 206, 207. На основании Регенсбургских анналов. M. G. SS, XVII, 418.

*** Там же, II, 210.



ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ВВЕДЕНИЕ

В ВОЕННОМ ДЕЛЕ XIV и XV вв. приносят ряд новых явлений, которые в некоторых пунктах значительно видоизменяют полученную нами до сих пор картину средневекового военного дела. Поэтому здесь мы снова делаем подразделения. Новые явления отнюдь не приводят старые формы к совершенно новым путям беспрерывного развития; они не находятся также в органической связи между собой. Собственно говоря, они представляют собой единичные явления, которые или вновь отмирают (как, например, развитие сражения стрелков и спешивание рыцарей в соединении с лучниками), или же приобретают значение только через сотни лет (как, например, изобретение огнестрельного оружия или неожиданный, как появление кометы, факт победы городской и крестьянской пехоты над рыцарской армией, или своеобразное явление гусситов). Как ни значительны эти явления, все же они не оказались отправной точкой для основательного изменения военного дела; знакомые уже нам основные черты его сохраняются или вновь появляются в несколько измененном виде до самого конца средневековья. Поэтому мы распределяем материал таким образом: сперва мы рассмотрим принципиальное значение, историческое своеобразие и причинную связь особых явлений этих столетий, каждого в отдельности, а затем продемонстрируем несколько походов и сражений, свидетельствующих о том, что вновь имеют место военные события, которые почти с таким же успехом могли разыграться в XIII и XII вв. и даже еще раньше; это доказывает, что указанные отклонения не означают беспрерывного развития, а представляют собой лишь единичные явления.

Действительно всемирно-исторический прогресс пришел только с одного места и одного пункта: со стороны швейцарцев; поэтому я изъял их из хронологической последовательности и посвятил им особую книгу.

ГЛАВА I

СРАЖЕНИЯ В СТРОЮ ФАЛАНГИ ГОРОДСКОЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ (НАРОДНОЕ) ОПОЛЧЕНИЕ

СРАЖЕНИЕ ПРИ КУРТРЭ
11 июля 1302 г.

Сколько мы до сих пор ни слышали о пехоте в средние века, она всегда, если была на победившей стороне, играла второстепенную роль, — даже при Леньяно, — или же бывала разбита рыцарями в соединении с лучниками. Первым сражением, представляющим иную картину, является сражение при Куртрэ.

При распаде империи Каролингов графство Фландрия, — несмотря на то, что по языку оно было германским, — влилось в Романскую западную империю. Однако, тамошние графы заняли самостоятельную позицию, и это продолжалось до тех пор, пока Филипп Красивый не прогнал их и не присоединил страну к своей короне. Против этого владычества французов восстали города и крестьяне. Один народный вождь в Брюгге, Петр Кениг, поднял массу и изгнал королевские гарнизоны; к нему присоединился целый ряд мелких городов и селений. Гент, наряду с Брюгге наиболее могущественный город, разделился на две партии: партия аристократов, называвшихся лелиардами, держала сторону короля, но не сумела воспрепятствовать демократам отправиться под предводительством Жана Форлута на помощь Брюгге. Во главе движения в качетсве главнокомандующего стал, однако, младший сын плененного графа, Гвидо, и племянник его, граф Вильгельм Юлихский. Последний сделался к тому времени духовным лицом, но врожденная воинственная склонность его натуры взяла верх, и он примкнул к движению.

Оба графа, еще очень молодые люди, примерно 25 лет, приняли командование, понятно, не в силу своего права в качестве представителей наследственного владетельного рода, а на основании свободного соглашения с народными вождями: примечательный союз феодализма и демократии, напоминающий главнокомандование Мильтиада при Марафоне.

Фламандцы еще осаждали занятые французами замки Кассель и Куртрэ, когда на помощь осажденным подошла большая французская армия под командой генерал-капитана графа д'Артуа, зятя короля Филиппа. Ввиду этого фламандцы сняли осаду Касселя и сосредоточили все свои силы под Куртрэ, жители которого также присоединились к движению. Артуа подошел к городу, несомненно полагая, что одно его появление вынудит фламандское гражданское ополчение отступить и снять осаду замка. Но фламандцам было ясно, что если они хотят спасти свою страну, то они должны будут сражаться, и они решили принять сражение именно здесь, перед Куртрэ. Если бы они отступили и распустили свою армию, то французы не только освободили бы замок и разорили равнину, но, возможно, и захватили бы города, даже Брюгге, поскольку он был слабо укреплен. Они могли в еще большей степени, чем некогда персы в Аттике, рассчитывать на сторонников среди самого населения.

Крепкий замок (или цитадель) Куртрэ, который французы хотели освободить от осады, находился в северном углу города на р. Лис (Lys), так же как и сам город, на правом южном берегу ее. Для того чтобы закрыть доступ к цитадели, фламандцы построились непосредственно перед ней, заняв угол между городом и рекой. Справа от них был продолговатый и узкий город, простиравшийся вдоль реки на юг, слева — лежащий у реки монастырь, спереди — довольно глубокий ручей Гренинген, берега которго частично были болотистыми. Позиция не допускала отсупления: в случае поражения горожане были бы сброшены в реку,

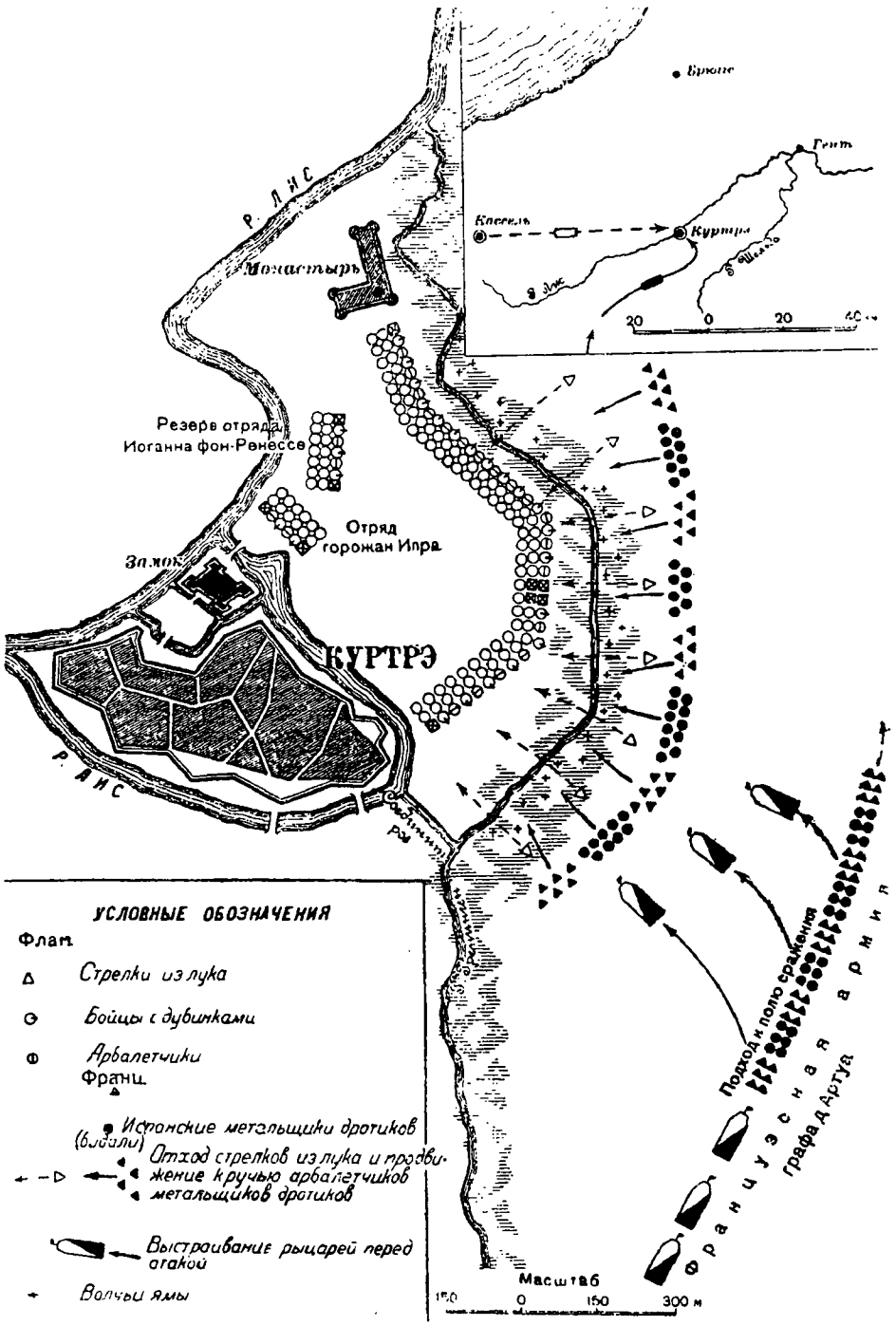


Схема 29. Сражение при Куртрэ 11 июля 1302 г. Завязка боя.

находившуюся непосредственно в тылу их; люди, принявшие здесь сражение, решили победить или умереть.

Их построение описывается как «боевая линия, очень длинная и плотная»; «построенные в одну ровную линию и сдвинутые тесно, с сомкнутыми рядами»; «горожане образовали одну единственную боевую линию, выслав вперед стрелков, затем людей с копьями и железными дубинами — попеременно, — затем остальных» (Genealogia Com. Flandrensium), «serrement et espessement ordonnées» (хроника Сен-Дэни). Таким образом, построение было фалангообразное и в длину имело, очевидно, минимум 600 м, а, может быть, и еще больше; не особенно многочисленные стрелки рассыпались перед фронтом; главная масса была вооружена пиками и годендагами (разновидность алебарды) и только частично — оборонительным оружием. Оба командующих графа и их свита — примерно 10 конных рыцарей — спешились и влились в фалангу, так что ни один воин не был верхом. Препятствие перед фронтом — Гренинген, имеющий, по сообщению хроники Виллани, 5 локтей в ширину и 3 локтя в глубину, — было еще искусственно усилено волчьими ямами и, вероятно, углублением мелких мест.

Один отряд, под командой особенно опытного в военном деле рыцаря Иоганна фон Ренессе, стоял в резерве позади фаланги. Другой отряд, состоявший из горожан Ипра, был обращен против цитадели, дабы гарнизон ее не смог во время боя напасть фаланге в тыл.

Граф д'Артуа, — которого описывают как мужественного, в пяти или шести сражениях испытанного бойца, — понял, что позиция противника очень крепка и что ее нельзя ни атаковать с фронта, ни обойти с флангов. Несколько дней он выжидал, расположившись лагерем в четверти мили южнее города: неужели горожане в самом деле осмелятся сражаться на позиции, не дающей возможности отступить?

Правда, французкий полководец смог бы вынудить их отойти, оперируя против Ипра или непосредственно против Брюгге, и при этом разорить страну. Однако, гарнизон цитадели Куртрэ, очевидно, должен был бы тем временем сдаться, и в то время, как успех других маневров был бы сомнительным, победа на этом участке одним ударом решила бы исход войны и уничтожила бы врага.

Поэтому Артуа решил наступать.

Впереди шли генуэзские арбалетчики и испанские метальщики дротиков, за ними следовали отряды рыцарей; небольшой отряд оставался в резерве.

Арбалетчики и метальщики дротиков погнали неприятельских стрелков и обстреливали фалангу, стоявшую, очевидно, непосредственно за Гренингеном. Их огонь был настолько действителен, что фаланга не могла его выдержать, но графам удалось отвести ее в порядке немного назад. Переправиться через Гренинген для преследования фламандцев на другом берегу французские стрелки не могли, так как им угрожала бы опасность контратаки. Поэтому граф д'Артуа подал сигнал — арбалетчикам отходить, а рыцарям атаковать; ввиду того, что неприятельская пехота достаточно далеко отступила от препятствия перед фронтом, он мог надеяться, что конница переправится через ручей и на другом берегу будет иметь место для разбега. Хотя отход стрелков сквозь ряды атакующих рыцарей вызвал некоторый беспорядок и кое-кто из генуэзцев был потоптан, однако, при совместных действиях этих родов войск такое явление, пожалуй, почти всегда имело место и нисколько не могло повлиять на развитие и исход сражения.

Но тут произошло нечто новое и совершенно неслыханное: в тот момент, когда рыцари приготовились совершить трудную переправу через ручей, — причем этому мешали течение воды, болотистость берегов и сооруженные фламандцами искусственные препятствия, — неприятельская фаланга вдруг зашевелилась, бросилась вперед и, рубя и коля, кинулась на рыцарей. Последние вряд ли были в состоянии употребить свое оружие и уж во всяком случае не могли применить свою

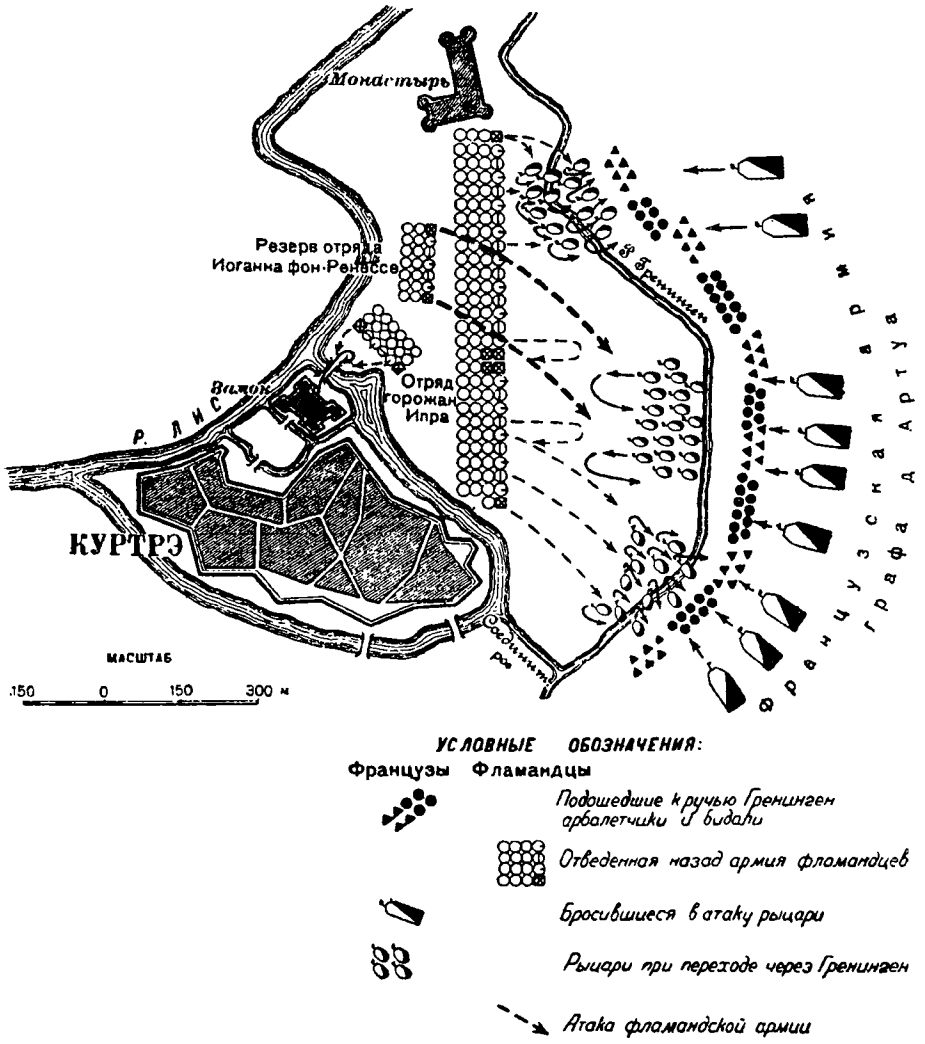


Схема 30. Сражение при Куртрэ 11 июля 1302 г. Атака и поражение французских рыцарей.

настоящую силу — натиск своих тяжелых боевых коней, благодаря которому они обычно рассеивали и сбивали неприятельскую пехоту.

Несомненно, оба фландрских графа предварительно проинструктировали своих горожан в отношении этой тактики и теперь своевременно подали сигнал. После выступления стрелков, численно безусловно превосходивших рыцарей, — так что каждый рыцарь был атакован одновременно многими стрелками, — последние сразу сделались господами положения и массами убивали рыцарей.

У фламандцев перед боем был издан приказ: кто пощадит противника или овладеет добычей до конца сражения, должен быть немедленно заколот стоящими вблизи воинами.

Только в центре рыцарям удалось довольно быстро перебраться через Гренинген и привычным способом атаковать и отбросить неприятельскую фалангу. Но в это время в бой вступил оставленный на всякий случай фламандский резерв под

командой Иоганна фон Ренессе, который и восстановил положение. Эта схватка также закончилась полным поражением побеждавших вначале рыцарей, так как им снова пришлось переправиться на обратный берег Гренингена, где фламандцы легко настигли и разбили их. Сам граф д'Артуа хотел, якобы, сдаться одному воинственному монаху Вильгельму из Сюфтингена; но так как он говорил по-французски, то фламандцы крикнули: «Мы не понимаем тебя!» и убили его.

Вылазка, предпринятая гарнизоном цитадели, без труда была отражена специально для этой цели образованным заслоном граждан г. Ипра. Резерв под командой Сен-Поль, оставленный графом д'Артуа, был не в состоянии спасти или помочь.

Виллани повествует о том, как невероятно горды были фламандцы своей победой при Куртрэ, и говорят, что после нее один фламандец с годендагом в руках решился бы противостоять двум конными рыцарям. К этому он добавляет, что его рассказ так подробен потому, что это все было ново и чудесно.

По утверждению фламандцев, они сняли с убитых рыцарей 700 золотых шпор, почему и назвали это сражение «битвой золотых шпор» (la bataille des eperons d'or).

Основным специальным исследованием сражения при Куртрэ является берлинская диссертация Феликса Водзака (Felix Wodzak, Die Schlacht bei Kortryk, изд. Карла Арнольда, Берлин — Вильмерсдорф, 1905). Там указана и вся более ранняя литература по этому вопросу.

Водзак определяет численность фламандцев в 13 000 человек, французов — в 5 000 конных и 3 000 стрелков. Эти цифры должны быть не очень далеки от правды, но принципы исчисления их очень шатки.

У фламандского поэта Бельтема — нашего главного источника — и у Виллани помещен один и тот же список, сообщающий, по исправлении явных ошибок, численность отдельных французских контингентов и указывающий общую цифру в 7 500 конных. Совпадение обоих источников не должно все же рассматриваться как гарантия достоверности цифр. Оба автора восходят к одному общему первоисточнику, который, однако, — так же как данные Геродота о численности греков при Платее — основывается на чрезвычайно приблизительной оценке. Водзак уменьшает цифру 7 500 до 5 000, полагая, что у французов было 2 500 «копий», по 3 лошади каждое, причем на одной из этих 3 лошадей ездил слуга, не бывший комбаттантом. Сомнительно, однако, что это следует понимать в таком смысле. Платежную ведомость от 1317 г., цитируемую Водзаком на стр. 42, из которой вытекает, что один рыцарь имел 3 коней, следует толковать в том смысле, что под этим подразумевается один тяжеловооруженный всадник, один легковооруженный и один слуга верхом. Между тем источники, говорящие о 7 500 коней при Куртрэ, очевидно, подразумевают 7 500 конных комбаттантов, рыцарей и слуг. Это, понятно, не исключает того, что в бою участвовало только 5 000 человек, причем даже это число представляет огромную военную силу.

Водзак потратил много труда на исследование места сражения, но в этом отношении его диссертация не всегда понятна. Он снабдил свой труд наброском (кроки), в основе которого лежит карта Девентера (XVI в.). Наше кроки (схема 30а) является упрощенным воспроизведением этой же карты, но у Водзака отсутствует масштаб. Из дополнительного сообщения, сделанного мне автором, я почерпнул, что расстояние от места впадения Гренингена в р. Лис (Lys) до цитадели составляет ровно 1 000 м, ширина города вдоль р. Лис — 600 м и длина соединительного рва — 150 м. Изменения местности в этом районе, вызванные культурой, были безусловно очень значительными. Водзак полагает, что фламандцы занимали позицию у соединительного рва до монастыря, и длину этой позиции определяет, примерно в 1 км (стр. 41). Но из масштаба картины явствует, что расстояние между этими двумя пунктами больше 1 км. Однако, даже при 1 км фаланга, по вычислению Водзака, имела бы в глубину только 7 человек (рядов), а это мне представляется слишком малым. Не исключена, однако, возможность, что длина фаланги может быть исчислена значительно меньше, отчего общая картина все же мало изменяется.

Правый фланг, как я уже указал выше, примыкал, вероятно, не к соединительному рву, а к городской стене, а монастырь на левом фланге лежал, должно быть, немного выше, или же местность здесь была ограничена болотом или монастырской стеной.

Правда, согласно сообщению хроники монаха Вильгельма (Matthaeus, Veteris aevi Analecta, т. II, стр. 557), правый фланг фламандцев примыкал к соединительному рву («стремится отыскать более

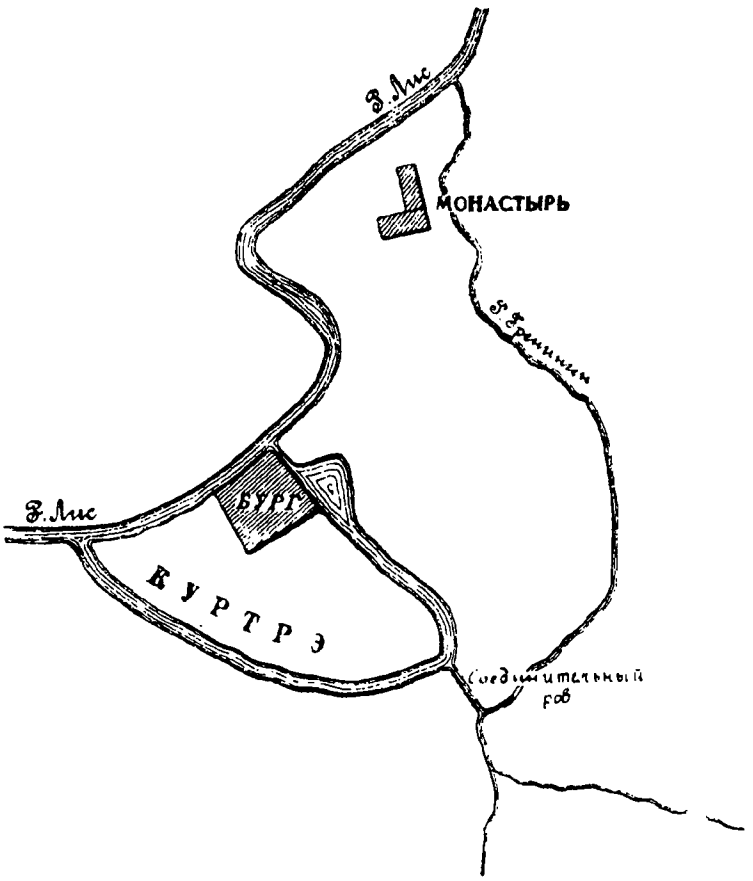


Схема 30а. Сражение при Куртрэ 11 июля 1302 г.

удобную местность и примкнуть своим флангом к древнему рву»), но эта хроника написана позднее, а выдвижение правого фланга до самого рва слишком неестественно, чтобы верить этому сообщению. Зачем бы фламандцам понадобилось выдвинуться за городское укрепление? Ведь стоявшие там бойцы слишком мало были защищены от обстрела со стороны неприятельских арбалетчиков. К тому же буквальный смысл хроники достаточно хорошо может быть увязан с нашим пониманием. Фланг фламандцев должен был подойти ко рву даже в том случае, если фланг примыкал к городскому валу, именно в тот момент, когда этот фланг перешел в наступление в направлении Гренингена.

При этом толковании объяснение Водзака, почему именно в центре французские рыцари сперва побеждают, понятно, отпадает. Ведь если построение войска было таким, как его описывает Водзак, то вследствие изгиба Гренингена центр французов был больше всего удален от него (Гренингена); следовательно, можно сказать, что именно в этом месте рыцари имели больше всего времени, чтобы перебраться через ручей и приступить к правильной атаке, которая и была успешной до тех пор, пока в бой не ввязался резерв фламандцев. Если же правый фланг фламандцев отстоял дальше назад, то этот аргумент остается в силе, но следствие было бы уже не тем.

Отсюда против предположенного мною построения войск все же нельзя извлечь контраргумента. Быть может, известной причиной того, что центр фламандцев отступил, в то время как фланги одержали быструю победу, служили и какие-либо другие обстоятельства, — например, то, что середину рва легче было перейти.

На стр. 30 Водзак приводит цитату из «замечательной хроники», правильность толкования которой Водзаком представляется мне весьма сомнительной. Эта цитата: «Ende de Vlamingen liegen oostward om te commene ter zyde, daer gheen gracht en was» — безусловно означает, что позиция фламандцев простиралась на восток до такого места, где уже не было никакого канала, т.е. рва или ручья. Что же было там? Быть может, болото? Сознаюсь, что мне это место не вполне понятно.

Контроверзе относительно годендага уделено место в исследовании Навеца (Navez) о Куртрэ (Брюссель 1897, стр. 23). По мнению одних (De Vigne, Kohler), это оружие состояло из древка с железным острием на конце; по мнению других (Paulin, Париж, Viollet le Duc, Hardy, Demmin), годендаг имел форму алебарды. В Брюсселе, в музее у Гальских ворот, имеется оружие, похожее на алебарду (N 37, восьмая серия каталога), которое Виоле ле Дюк считает годендагом (Hermann, Van Dnyse, Katalog der Waffen und Rüstungen des Museums am Haller Tor, стр. 130), Ван-Вальдергем (Van Walderhem, Die Wahrheit uber den «Goedendag». Annalen der Gesellschaft fur Archäologie in Brüssel, т. IX, стр. 305) полагает, что это оружие сделано из укрепленного на древке лемеха. По мнению Навеца, вопрос не решен; но не подлежащим почти никакому сомнению ему представляется нижеследующее.

Лучшее описание годендага, по его мнению, принадлежит Вильгельму Гиару (Wilhelm Guiart) в его труде «Branche des royaux lignages». Вполне естественно, почему это описание наиболее точно: Гиар был солдатом (arbaletrier) французской армии, воевашей с фламандцами при Монс-ан-Певель (Mons-en-Pevele). Таким образом, он отлично знал оружие врагов, ранивших его этим оружием при наступлении у la Haiguerie. Гиар говорит, что годендаги: «Grans bastons pesans ferrez A un long fer agu devant» (большие древки,тяжело обитые длинным острым железом).

Это острое (agu) железо позволяло наносить удары копьем, так как владевший годендагом мог:

«Ferir sans s'aller mocquant
Du bout devant en estocquant
Son ennemi parmi le ventre.
Et le fer est agu qui entre».
(Попадать, не двигаясь,
Благодаря тому, что он колол острием
Своего врага в тело.
И остро было пронзавшее железо!)

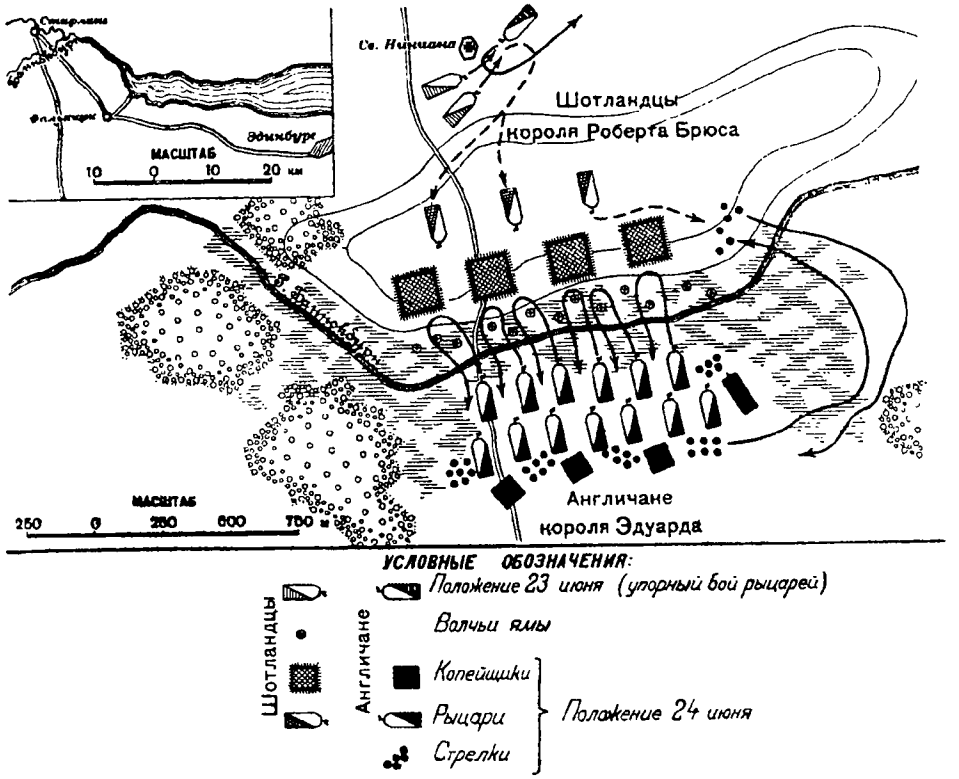
Таким образом, годендаг — длинная пика, и им владеют как всеми пиками, т.е. колют (estoquant); особенность его та, что он достаточно тяжел (baston pesant), для того чтобы его можно было употреблять в качестве палицы:

«Cil baton sont longs et traitis
Pour ferir a deux mains faitis».
(Древко сделано длинным,
Чтобы наносить удары обеими руками.)

Навец полагает, что хотя, согласно этому стиху, оружие держали обеими руками, но это можно также понимать в смысле «колоть», а не «наносить удар». Поэтому он считает годендаг разновидностью пики.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАННОКБУРНЕ
24 июня 1314 г.

Это сражение является полной противоположностью сражению при Фалькирке (1298 г.) и аналогией Куртрэ. Покоренные Эдуардом шотландцы снова восстали и возвели в короли Роберта Брюса. Эдуард II, занятый распрями со своими баронами, долгое время не вмешивался в шотлдандские дела, но, наконец, подошел с большой армией. Роберт отступил до самого Стирлинга (цитадель которого была еще занята англичанами), в нескольких милях к северу от Фалькирка. Здесь он занял позицию на высоком левом берегу р. Баннокбурн, причем эту позицию, примыкавшую с той и другой сторон к болоту или к лесу, нелегко было обойти



С х е м а 31. Сражение при Баннокбурне 24 июня 1314 г.

и фланкировать. Открытый фронт простирается меньше чем на четверть мили: примерно, в середине старая римская дорога ведет через глубокую долину Баннокбурна в Стирлинг. Долина Баннокбурна имеет в ширину неполных 2 000 шагов; шотландцы стояли на вершине, возвышавшейся на 186—240 футов над уровнем долины*.

Расположение шотландцев было очень схожим с расположнием при Фалькирке: 4 больших колонны копейщиков, за ними немногочисленные всадники.

По описанию Омана, сражение протекало следующим образом: Роберт усилил уже само по себе сильное препятсвие перед фронтом — низкую болотистую речную долину — замаскированными волчьими ямами, которые он приказал вырыть на ведущем к его позиции склоне.

Несмотря на все препятствия, английские рыцари ринулись наверх и пытались рассеять шотландские колонны. Но огромная масса англичан, примерно, 10 000 конных и 50 000—60 000 пеших воинов, не могла передвигаться на стес-

* Оман, у которого я заимствовал описание местности, дает (стр. 570) очень наглядное и правильно задуманное изображение. Но довериться я ему не могу, так как источники, от которых мы зависим, представляются мне надежными. Главным источником является поэма архидиакона Джона Барбура из Абердина «The Bruce or the book of Robert de Broyss, King of Scots», написанная между 1375 и 1377 гг., т.е. почти двумя поколениями позже сражения. Из другой поэмы, хотя написанной раньше, трудно что-либо почерпнуть. Автор ее, кармелит Бастон, сопровождал короля Эдуарда, имея задание прославлять его подвиги; когда же после поражения Бастон стал пленником шотландского короля, он воспел сражение уже по заданию последнего (Lappenberg-Pauli, Geschichte v. England, IV, 243). Английские же источники — Geoffroy Baker von Swinbroke (умер в 1358 — 60) и ланеркостская хроника (в этой части написанная, вероятно, францисканцем из Карлисля) — слишком скудны.

ненной местности. Большинство из них вовсе не могло подойти к неприятелю и оставалось в бездействии, а главное — лучников нельзя было пропустить через строй конных и выдвинуть против шотландских копейщиков. Один отряд лучников, которому удалось подойти к флангу шотландцев, был снова отброшен натиском шотландских рыцарей под командой маршала Роберта Кейта. Исход сражения решили кнехты шотландского военного обоза, которые повились на фланге англичан и своими пестрыми платками, привязанными к копьям, произвели впечатление. будто подошла новая армия со знаменами; их громкий боевой клич вызвал панику в рядах английских рыцарей.

Нетрудно доказать, что это место описания является вымыслом. Если даже предположить, что английские рыцари были так пугливы, то спрашивается: откуда могли появиться шотландские кнехты, раз местность на обоих флангах их армии была непроходимой?

Настоящей проблемой является вопрос: почему англичане, прежде чем направить против шотландских копейщиков своих рыцарей, не разбили их сперва при помощи своих лучников, как это они сделали при Фалькирке?

Объяснить это тем, что их прогнали шотландские рыцари, в то время как при Фалькирке последние сами обратились в бегство, недостаточно, ибо возникает вопрос: почему при Баннокбурне английские рыцари, вместо того чтобы безуспешно заниматься отрядами копейщиков, не пришли на помощь своим лучникам и не прогнали сперва немногочисленную шотландскую конницу? Допустимо, пожалуй, еще то объяснение, что шотландские отряды образовали замкнутую фалангу, у которой фланг был так хорошо примкнут, что в лучшем случае его могло обойти несколько лучников, но никак не конница. Ведь можно было бы — как и при Гастингсе — с фронта пустить в дело стрелков; кроме того, фланкирование было, очевидно, не так уж невозможно, поскольку сообщается, что накануне сражения отряд из 800 английских рыцарей зашел за левый фланг шотландцев до церкви св. Нениана, находившейся за центром шотландского фронта, и был отброшен назад только после упорного боя.

Лорд Хейльс, Лингард и Паули полагают, что шотландцы были расположены не за баннокбурнским ручьем, с фронтом, обращенным на юг, а что их левый фланг примыкал к скалам Стирлинга, а правый — к баннокбурнскому ручью. В этом случае их левый фланг нельзя было бы никак обойти, но тем легче можно было обйти правый фланг. Кроме того, это северо-восточное направление фронта не совпадает с сообщением о том. что утреннее солнце светило англичанам в лицо. Зато никакого сомнения, на мой взгляд, не вызывает принятая нами выше за основу топография позиции шотландцев по Оману — за долиной ручья, с тылом, обращенным к Стирлингу.

Быть может, решение вопроса и на этот раз лежит в численности армии. До сих пор общепринятым было мнение, что английская армия численно значительно превосходила шотландскую. Шотландская хроника Фордуна (умер около 1384 г.) говорит о 340 000 конных и таком же числе пеших англачан, — всего 680 000 человек. Большинство новейших историков полагает, что англичан было минимум 100 000 человек, и даже осторожный Оман доводит, как мы видели, число их до 60 000. Эта цифра имеет за собой уже видимость документального обоснования, а именно — сохранившееся послание о призыве Эдуарда II к некоторым шерифам и баронам. Для этой войны контингенты должны были выставить не только валлийцы, но и ирландцы и даже гасконцы. В объявлениях о призыве рыцарей цифры, как и всегда, не указаны. Однако, наряду с рыцарыми призываются и «pedites», причем каждый округ должен был выставить определенное число их: Йорк — 4 000, Ланкашир — 500 и т.д. В общем 12 английских графств, ряд пограничных баронов и Уэльс должны были выставить 21 540 человек. Это, примерно, одна треть всей страны. «Если даже предположить, — говорит Оман, —

что юг послал для этого похода на дальнем севере меньшее число солдат, все-таки вся армия состояла не меньше чем из 50 000—60 000 человек».

Против этого я хотел бы возразить, что, во-первых, вовсе не доказано, что юг, кроме рыцарей и их свиты, вообще выставил какое-либо войско для этой войны. Валлийцев привлекали к этому делу потому, что они, как полуварвары, считались особенно воинственными и пригодными для войны в горах. Но что из южной Англии отправили в Шотландию массовое ополчение — это и не доказано и невероятно.

Затем безусловно ошибочно считать численность армии равной численности призыва. Нельзя переносить современную административную точность даже в условия XVI в., а тем более XIV в. Если йоркскому шерифу предписано было послать 4 000 человек, то это вовсе не доказывает, что в действительности он послал хотя бы половину.

Если ближе присмотреться к письмам о призыве, то сомнение усиливается. Извещение о призыве ирландцев датировано 22 марта. Призыв «pedites» издан 27 мая, а 10 июня войско должно было находиться уже у Бервика. По точному смыслу призыва сомнительно, чтобы здесь речь шла только о повторении старого приказа. Но мотивировка говорит за то, что только теперь решено было послать подкрепление, так как в тексте призыва сказано, что пехота необходима потому, что шотландцы выстроились «в местности, защищенной и суровой (куда труден будет доступ для всадников)».

Но было ли это повторением и строгим напоминанием прежнего приказа или приказом, изданным впервые, — все равно нет оснований предполагать, что вся масса призванных через 14 дней после объявления призыва действительно собралась на сборном пункте на границе Шотландии. Не исключена даже возможность, что отданный сгоряча приказ вообще не был выполнен, ибо если бы при Баннокбурне, действительно, было такое войско, то ведь оно должно было и проявить себя каким-либо образом. Это войско призвали, чтобы добраться до шотландцев там, где они были недоступны для всадников. Следовательно, шотландцы занимали именно такую позицию. Неужели же пехота стояла в бездействии позади рыцарей, вместо того чтобы лесом и вокруг болота зайти во фланг шотландцам?

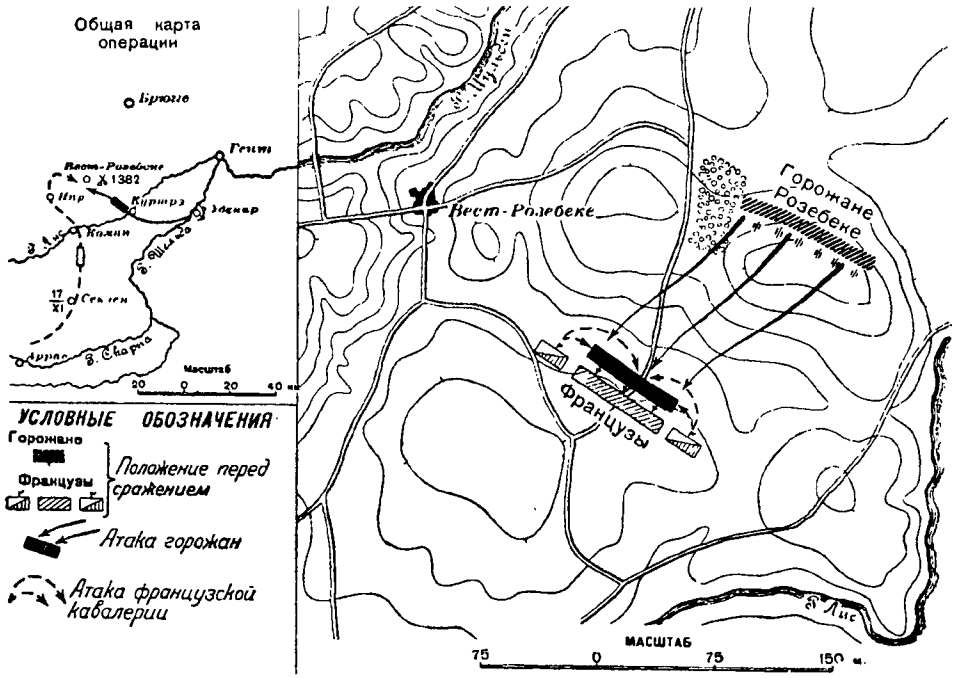
Затем получается еще одно противоречие, а именно, что сперва был издан приказ о призыве пехоты, а потом начали сражение, не дожидаясь прибытия ее. Однако, ждать нельзя было. Поход был затеян с целью деблокады крепости Стирлинг, и комендант ее, сэр Филипп Мобрей, заключил договор, по которому он обязался сдать крепость, если она не будет освобождена до Иванова дня, а это как раз и был день сражения (24 июня).

Быть может, среди рыцарей, окружавших короля, с самого начала было разногласие — стоит ли обременять себя милицией или нет; военная ценность ее очень мала, и некоторые рыцари, очевидно, считали, что она принесет больше вреда , чем пользы, так что без большого колебания решили выступить даже в небольшом числе.

Судя по всему, мне представляется хотя и недоказанным и не доказуемым, но вполне возможным, что английская армия была преимущественно обычной рыцарской армией и численное превосходство оказалось на стороне шотландцев, собравших в своей стране для защиты национальной свободы действительно массовое ополчение.

Если принять эту гипотезу, то ход сражения станет вполне понятным. Шотландцы имели хороший упор флангов, а рыцари не предпринимали никакой попытки обхода, так как были заняты атакой с фронта. Обходное движение одних лучников было отбито шотландскими рыцарями, стоявшими позади фаланги.

Сражение было выиграно оборонявшимися, — в отличии от Гастингса и Фалькирка, но аналогично Куртрэ, — потому, что препятствия перед фронтом



С х е м а 32. Сражение при Розебеке 27 ноября 1382 г.

(болотистый ручей, откос, волчьи ямы) мешали и вредили рыцарям, фланкирование было невозможно, стесненность в движениях не допускала совместных действий стрелков и рыцарей и, наконец, потому, что Брюс повел многочисленную сомкнутую массу в контратаку.

Принципиального превосходства шотландцев или шотландской военной организации над англичанами Баннокбурн не установил. И после этого блестящего успеха Роберт Брюс, как правильно отметил Оман, уклонялся от открытых боев с англичанами, а в 1321 г. допустил даже новое вторжение английской армии до самого Эдинбурга, причем, чтобы заставить ее уйти из страны, он сделал только одно — отрезал подвоз продовольствия.

СРАЖЕНИЕ ПРИ РОЗЕБЕКЕ
27 ноября 1382 г.

Фламандцы и шотландцы победили французских и английских рыцарей, — так же как греческие горожане и крестьяне победили персидских рыцарей, — благодаря мастерскому использованию местности. Но греки пошли вслед за тем дальше и не побоялись дать персам бой в открытом поле; в отношении Баннокбурна мы только-что видели, что он не был отправным пунктом для развития превосходства шотландцев, а после Куртрэ не только не последовало дальнейшей такой же победы, но сражение при Розебеке 80 годами позже показало, что как только городская милиция утрачивала преимущество позиции, превосходство, как и всегда, оказывалось на стороне рыцарства.

Политическая основа и характер этой борьбы отличаются от Куртрэ в том отношении, что на этот раз граф Фландрский находится не на стороне горожан, а на стороне короля. Гент под предводительством Филиппа Артефельде восстал против правителя страны графа Людвига. На его сторону стали — частью

добровольно, частью склоненные силой — другие города Фландрии. Общими усилиями этих городов граф был изгнан. Но он успел позвать себе на помощь юного короля Франции Карла VI, который и отправился для подавления мятежников. Посредником в этом союзе был герцог Филипп Бургундский, зять и впоследствие наследник графа Фландрского, между тем как Филипп Артефельде искал союза с королем Англии. Это политическое развитие между событиями 1382 г. и 1302 г. отразилось и на стратегии.

Артефельде осадил город Уденард на Шельде, в 25 км выше Гента. Этот город упорно защищал один французский рыцарь, стоявший на стороне графа Фландрского. Французский король сумел собрать армию для деблокады города только через 6 месяцев и в середине ноября 1382 г. привел ее со стороны Арраса.

Хотя в источниках сообщается, что Артефельде имел огромные пушки, все же он, собственно говоря, город не осаждал, а старался взять его измором, защитив свою армию от нападения извне укреплениями.

Военный совет французов, собравшийся в Секлене 17 ноября (конетабль Оливье Клиссон и трое дядей короля), должен был, таким образом, решить — повести ли наступление против Артефельде и его войска вдоль Шельды, дабы освободить Уденард, или же путем диверсии заставить неприятеля отказаться от осады, выманить его из сильной позиции и, быть может, принудить или побудить его к решительному сражению в каком-либо другом месте. Памятуя, видимо, печальный опыт Куртрэ, совет решил, как ни тяжело было положение осажденных в Уденарде, отказаться от непосредственной атаки и вместо этого вторгнуться в западную Фландрию.

Если Артефельде смог бы вполне положиться на фландрские города, то он мог бы и не оставлять своей позоции при Уденарде.

Если бы города заперли свои ворота, и французы, вместо того чтобы двинуться на восставшие города и освободить осажденных соотечественников, стали бы опустошать лишь местность близ границы, то моральный перевес был бы, несомненно, на стороне Артефельде. Но ведь в лагере короля находился граф, законный наследственный правитель Фландрии. Старая приверженность и страх перед сильной французской армией, соперничество с Гентом и опасение усиления самого Филиппа Артефельде, — все это способствовало неуверенности настроения городов. Артефельде, как нам кажется, намеревался защищать р. Ли, прикрывавшую фламандцев с этой стороны, но французам удалось форсировать реку у г. Комина, выше Куртрэ, и тотчас же королевской армии сдался Ипр и ряд селений.

Если бы теперь Артефельде продолжал стоять под Уденардом, то французская армия двинулась бы на Брюгге, симпатии граждан которого разделились, овладела бы им, и армия Артефельде просто-напросто разбежалась бы. Теперь ему не оставалось ничего другого, как или отойти к Генту в надежде удержаться там, оставив на произвол судьбы остальную Фландрию, или же повести свою армию из Уденарда навстречу французам и положиться на бога войны, т.е. вступить в открытое сражение там, где придется. В самом деле, даже если бы народный вождь фламандцев искал где-нибудь между Ипром и Брюгге такую же укрепленную позицию, какую его предшественники имели при Куртрэ и какую он без сомнения воздвиг перед Уденардом, то, во-первых, найти такую позицию было не так-то легко, а если бы даже случайно и нашлась такая позиция, то ничто не помешало бы французам не атаковать, а обойти ее, заставив фламандцев атаковать их в более подходящем месте. Недостоточно было глаза полководца, который нашел и избрал бы позицию, как это было с Мильтиадом при Марафоне и с фламандцами при Куртрэ, — нужна была целая политико-стратегическая комбинация, которая вынуждала бы противника атаковать именно эту позицию. Французы, вторгшиеся в 1382 г. во Фландрию, отказавшись от непосредственной деблокады Уденарда,

были свободны в выборе пути для прохода через страну и могли не атаковать позиции, на их взгляд слишком сильной. Такми образом, обороняющийся не имел возможности расположиться в каком-либо определенном, выгодном месте и поставить врага перед дилеммой — или атаковать именно здесь, или отправляться домой. На этот раз речь шла скорее об обычном сражении, которое разыгрывается лишь в том случае, если ни одна из сторон не имеет в местности слишком сильного союзника. Горожане и крестьяне, победившие при Куртрэ с помощью этого союзника, должны были теперь — дабы не быть разбитыми без битвы — показать, что они в состоянии померяться силами с рыцарями и при равных с ними условиях.

Филипп Артефельде, руварт Фландрии, как он себя называл, был достаточно смел, чтобы решиться на такое сражение, а горожане последовали за ним.

Фламандская пехота, копейщики и воины с годендагом образовали тесно сомкнутую фалангу, которая в отличие от Куртрэ не стала ждать атаки, а смело сама пошла навстречу врагу. Нужно подчеркнуть, что это была единственная возможность выиграть сражение. Ждать наступления французов, не имея возможности упереть свои фланги, как при Куртрэ, и без конницы для прикрытия их, — значило заранее идти на верную гибель. Таким образом, Артефельде проявил себя бравым и храбрым солдатом, сделав из создавшегося положения решительный вывод и сам начав наступление. В ночь с 26 на 27 ноября обе армии расположились невдалеке друг против друга, в 2 милях северо-западнее Ипра; на следующее утро они произвели взаимную рекогносцировку и, наконец, в полном развернутом боевом порядке столкнулись у деревни Вест-Розебеке.

Конетабль сосредоточил всю свою пехоту в центре и, чтобы в ожидании удара фламандцев придать ей большую устойчивость, приказал спешиться всем поставленным в центре рыцарям за исключением малолетнего короля и его ближайшей свиты*.

Но задачей этого центра было затягивать сражение, решительный же удар должны были нанести — одновременно с обоих флангов — рыцари, оставшиеся на конях**.

При таком расположении победа была французам обеспечена. Они в наших руках. Наши кнехты смогли бы их одолеть, — заявил, якобы, конетабль, возвратившись с разведки и докладывая королю о предстоящем сражении.

Сперва, правда, фламандской фаланге, спустившейся сомкнутыми рядами после залпа из пушек с холма вниз, удалось немного потеснить французов. «Приближавшаяся с копьями и колами масса походила на лес, — говорит Фруассар, — и, как вепрь, кинулась на врага». Монах из Сен-Дени также признается, что французы отступили на $1^1/_2$ шага.

Но французы не были опрокинуты окончательно и не обратились в бегство, благодаря чему и выиграли сражение: в этот момент на фламандскую фалангу с обоих флангов устремились конные, что остановило также и натиск на фронте. Это поневоле напоминает сражение при Каннах. Много фламадцев было изрублено. Из-за того, что толпа в страхе сжалась, многие задохнулись, среди них и сам Филипп Артефельде (его труп нашли затем, видимо, без ран, среди убитых на поле битвы).

---

* Ни один источник не говорит прямо о причине спешивания рыцарей в центре, но слова, употребленные монахом из Сен-Дени, можно толковать именно по-нашему. Он говорит: «les chevaux même furent éloignés de la vue des combattants, afin que chacun perdant tout espoir de se soustraire au danger par la fuite, monstrât plus de coeur» (лошади были уведены с глаз сражающихся, чтобы каждый, не надеясь в бегстве уклониться от опасности, проявил больше мужества).

** Что являлось целью расположения французских войск, вытекает из самого хода сражения. Описание Монстреле сражения при Отэ (Othée) 1408 г. свидетельствует о том, что эпоха эта уже способна была на такие стратегические идеи. Монстрэле весьма точно описывает этот маневр: «Quand icelle autre compagnie à pied mount plus grande... sera ententive à vous envahir et combattre, iceux que veez à cheval, prestement surviendront de travers par bataille instruite et ordonnée, et s'enforceront de vous séparer et diviser par derrièe, entre temps que les autres vous assaudront par devant».

Относительно численности обеих армий, сражавшизся при Розебеке, нет ни надежных указаний, ни достаточных данных для вычисления.

Для европейской истории это сражение имело большое , но скорее отрицательное, чем положительное значение. Если бы победителями при Розебеке оказались фламандцы, то французские города вышли бы из повиновения королю, а прецедент победы гражданской милиции в открытом бою над рыцарской армией вызвал бы и другие подобные события. Все это придало бы совсем другое направление социальному развитию германно-романских народов.

Источники относительно Розебека буквально погребены под мусорной кучей вымыслов и искажений и выведены на свет только берлинской диссертацией Фридриха Мора (Friedrich Mohr,изд. Georg Nauck, 1906). Этот труд покончил со всеми фантастическими реконструкциями сражения, предпринятыми современными историками.

Для характеристики источников очень интересны сообщения Фруассара по поводу военного совета в Секлене 17 ноября. По словам Фруассара, один из участников этого совета, сеньор де Куси, предложил отправиться вдоль Шельды, где можно было иметь продовольствие и настичь неприятеля у Уденарда. Конетабль, якобы, возразил, что слишком велика честь для врага — сделать крюк; как смелые воины, они должны пойти прямо на противника и потому напасть на западную Фландрию.

В действительности же как раз сеньор де Куси предложил направиться прямо против главных сил противника, но конетабль поступил стратегически более правильно, — диверсией у Комина он, прежде всего, извлек неприятеля из его крепкой позиции и увлек его в западную Фландрию.

Таким образом, здесь мы имеем случай, когда рассказчик — наш источник — слышал нечто совершенно правильное, но затем при записи, будучи сам мало в курсе дела, перепутал обоих оппонентов и их мотивы. Достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в этом. Генерал же Келер в своем подробном изложении сражения (Kriegsw. d.Ritterzeit, т. II, стр. 574 и след.) просто повторил эту нелепицу.

ГОРОДСКОЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ (НАРОДНОЕ) ОПОЛЧЕНИЕ

Сражение при Розебеке показвает нам, почему из зародышей всеобщего гражданского вооружения, — которое при Леньяно по меньшей мере способствовало успеху, а при Куртрэ привело к совершенно самостоятельной крупной победе, — все же не получилось ничего длительного и почему превосходство городской пехоты не утвердилось. Они остались только эпизодами. Правда, мы вновь и вновь сталкиваемся с ополчением городов, с выставлением ими контингентов, даже с частичными успехами их, но все же к концу средневековья военная сила городов не только не развилась, а, наоборот, уменьшилась и даже вовсе исчезла. Германскими городами было издано много приказов о призыве, но войны они все же ведут при помощи наемников; поэтому мы считаем излишним перечислять отдельные предписания такого рода*.

Испытанием дееспособности германских городов явилось сражение при Деффингене (1388 г.), показавшее недостаточную подготовленность их, но описание этого сражения я для контраста и взаимного освещения помещаю в следующей книге, посвященной швейцарцам. Победа нюренбержцев над Альбрехтом Ахиллом при Пилленрейте освещена нами выше и является чисто рыцарской битвой. В Италии всецело господствует наемничество. Английская милиция никогда не имела подлинно военного значения. Французские короли прямо отвергают городскую милицию, как не приносящую пользы и только мешающую.

* По этому вопросу имеется довольно исчерпывающая литература: Mojean, Städtishe Kriegseinrichtungen im XIV и XV Jahrhundert, Progr. des Gymnasiums zu Stralsund, 1876; v.d. Nahmer, Die Wehreverfassungen d. deutschen Städte i.d. 2 Hälfte d. XIV Jahrh., Marburger Dissert., 1888; Mendheim, Das reichsstädtische, besonders Nürnberger, Söldnerwesen, Leipziger Dissertation, 1889; Baltzer, Aus der Geschichte des Danziger Kriegswesens, Progr. des Gymnasiums zu Danzig, 1893; G. Liebe, Das Kriegswesen der Stadt Erfurt, 1896; P.Sander, Die reichsstädtische Haushaltung Nürnbergs, 1902, где во втором разделе второй части подробно трактуется военное дело.

По словам Фруассара, Филипп VI в 1347 г. заявил, что в будущем он будет водить в бой только дворян. Горожане являются просто баластом, который тает и исчезает в рукопашном бою, как снег не солнце. Можно пользоваться только их стрелками да золотом, чтобы оплачивать издержки, а их самих лучше оставлять дома, — пусть стерегут своих жен и детей и ведут свои дела, для военного же дела годятся только дворяне, изучившие его и получившие соответственно воспитание с детских лет*.

В таких замечаниях хотели усмотреть дворянское высокомерие и даже зависть рыцарей, не желавших делиться с горожанами вознаграждением, установленным как раз в то время**.

Однако, в действительности дело, пожалуй, немногим отличалось от того положения, о котором гневно повествует король Филипп.

Дольше всего продержалась и больше всего использовалась городская милиция, понятно, во Фландрии, несмотря на Розебеке. Соседние страны — Брабант, Хеннегау, в конце концов объединившиеся с Фландрией под властью герцогов Бургундских, также выставляли еще в XV в. контингенты для своих сюзеренов. Но как раз тот элемент, который принес победу при Куртрэ и который должен был составить подлинную силу этого войска, если только оно имело будущее, т.е. вооруженное холодным оружием массовое ополчение, — исчезает, а городские контингенты являются, главным образом, ротами стрелков, т.е. только вспомогательным войском для рыцарей, как и во Франции***.

Наглядную картину походного порядка городской милиции дает нижеследующее описание отправления на войну регенсбуржцев против гусситов в 1431 г.****.

«Сперва выпили на дорогу, а затем выступили. Авангард составлял капитан Соллер с 73 конными, за ними следовали 71 арбалетчик со своими флагами, поднимаемыми во время скачек, затем 16 стрелков с ружьями. За этим отрядом двигалась повозка капеллы с капелланом церкви, а за ней кузнецы, сапожники, гладильщики, копейщики, портные, повара и мясники, — всего 284 человека с 6 пушками и принадлежностями к ним, 3 центнерами кремня и 2 центнерами свинцовых пуль. В 41 повозке везли порох и свинец для войска, 6 000 стрел, 300 зажигательных стрел, 19 ружей, коровьи шкуры для стоянок

* Фруассар, т.IV, стр. 270: «qu'il ne voulait désormais guerroyer qu'avec des gentilshommes et que d'amener en bataille les gens des communautés, ce n'est que toute perte et encombrement (баласт) car les gens-là fondent dans une mêlée comme la neige au soleil. Bien y avait paru a la bataille de Crécy, à Blanquetagne à Caen et en tous leslieux où on les avait menés. Aussi il n'en voulait plus avoir, excepté les arbalétriers des cités et des bonnes villes. Ouant à leur or et à leur argent, il en voulait bien pour payer les frais et la solde des gentilshommes, mais voilà tout. Les non nobles n'avaient qu'à rester chez eux pour garder leurs femmes et leurs enfants, faire leurs affaires et leur commerce, cela leur devait suffire. C'était aux nobles seuls à user du métier des armes qu'ils ont appris et où ils ont été dressés dès l'enfance» (и отныне он не хотел сражаться ни с кем, как только с дворянами и , не хотел вести за собой в бой людей общины, так как это только потери и баласт, потому что эти люди в первой же стычке таяли, как снег на солнце. Это подтвердилось и в сражениях при Кресси, Бланкетапе и Каннах и во всех местах, куда их вели. Он не желал также иметь их, кроме стрелков из горожан. Что же касается их золота и серебра, то они были ему нужны для того, чтобы оплатить издержки и жалованье дворянам, и это все. Недворянам оставалось сидеть дома и охранять своих жен и детей, заниматься своими делами и коммерцией. Этого должно было быть для них достаточно. Только дворяне должны заниматься военным ремеслом, которому они учились с дества и в духе которго воспитывались). По передаче у Luce, Bertrand du Guesclin, I, 156. Qu'avons-nous affaire de l'assistance de ces gens de boutique? (Какое нам дело до помощи этих лавочников?) — сказал, якобы, Жан де Бомон в 1415 г., когда город Париж предложил подкрепление. «Religieux de St.-Denys», кн. 35, глава 5.

И Монстрэле в своей хронике пишет : «Assemblées de communes nonobstant qu'ils soient grand nombre, à peine peuvent résister contre multitude de noble hommes accoutuméz et esprouvéz en armes». (Собрания общин, несмотря на их большую численность, едва могут сопротивляться некотрому количеству дворян, привыкших к боям и испытанных в них).

** Michelet, Hist. de France, III, 299.

*** Guillaume, Hist. de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne, Mém. cour. de l'Acad. Belg., т. XXII (1848), стр. 94.

**** Würdinger, Kriegsgesch. v. Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von 1347—1506, T. I, стр. 182 по Gmeiner, III, стр. 23.

и шатров, запас хлеба на 6 недель. Продовольственные запасы состояли из 90 волов, 9 центнеров мяса, 9 центнеров сала, 1 200 голов терминирского сыра, 80 штук трески, 56 фунтов сальных свечей, затем уксуса, древесного масла, перца, шафрана, имбиря, 2 фудеров (большие бочки) и 73 ведер австрийского вина и 138 ведер пива. Стоимость похода составляла 838 фунтов 3 шиллинга.»

Особого упоминания заслуживают приказы о призыве, при посредстве которых некоторые князья пытались организовать народное вооружение в германских областях. Вюртембергские графы в войне с городами (1388 г.) подкрепили свое войско крестьянским ополчением; так же поступали и пфальцграфы, герцоги Баварские* и другие, особенно же герцоги Австрийские, вынужденные, вследствии гусситских войн и борьбы с Венгрией обратить внимание на усиление своей военной мощи** Тотчас же после начала гусситских войн (1421 г.) герцог Альбрехт V приказал составить список всех годных к военной службе от 16 до 70 лет. Согласно одному призыву от 1431 г.***, в основе которого лежали, очевидно, прежние, более ранние подобные призывы, каждые 10 хозяйств должны были выставить одного человека, отличающегося ловкостью и телосложением, а 9 остающихся должны были снабдить его всем необходимым и во время его отсутствия следить за его хозяйством. Остаток отдельных владений после деления на 10 должен был складываться с остатком других владений. Детально предусматриваются также вооружение и снаряжение. Из каждых 20 человек 3 должны быть вооружены ружьями, 8 — арбалетами, 4 — копьями , 4 — цепями; кроме того, каждый должен был иметь шлем, панцирь или кольчугу, железные латные перчатки, меч или нож. На каждые 20 человек полагалась одна повозка. Землевладельцы и должностные лица, укрывавшие лиц, подлежащих призыву, подвергались тяжелому штрафу, часть которого шла к герцогу, а часть — главнокомандующему.

В Австрии подобные призывы объявлялись очень часто. Иногда выставлялся 1 на каждые 30, 20, 15, 10, 5 и даже 3 «оседлых»; чаще всего выставлялся каждый двадцатый или десятый. Иногда те места, которые ближе всего лежали к району военных действий, привлекались в большей степени, чем более отдаленные.

Само собой напрашивается сопоставление этого разделения на группы с группами каролингских капитуляриев; можно было бы даже предположить наличие не прекращавшейся традиции. Но, поскольку мы выяснили, что каролингские указы распространялись не на всю массу крестьян, а только на военное сословие, возможность такого сопоставления отпадает. Австрийское ополчение было связано скорее с повинностью поголовного ополчения, существовавшей — правда, без большого практического значения — всюду и всегда наряду с военной организацией в собственном смысле слова. По капитуляриям должны были выставляться войска, которые летом отправлялись в поход за сотни миль; австрийское же ополчение служило только для обороны страны и лишь изредка для короткого удара по ту сторону границы, — например, для ликвидации разбойничьей шайки в Венгрии (1449 г.). Аналогия разделения на группы не имеет непрерывной исторческой связи с каролингскими капитуляриями, а вытекает из той же потребности, а именно — связать ополчение с налоговым обложением; это та же форма взимания податей, которую мы все вновь встречаем и которая применима как в отношении сословий воинов, сюзеренов и вассалов, так и в отношении крестьян и горожан.

Согласно старейшей редакции австрийского государственного закона, составленного, очевидно, в 1237 г., в случае угрозы стране каждый должен был или отправляться в поход со своим сеньором, чьим «крепостным, посаженным на землю», он является(т.е. от которого он получил дом и двор), или же внести ему военную подать в размере годового дохода своего надела****.

О действительно военных делах этих австрийских ополчений ничего и не сообщается.

Сражением, при котором победили призванные крестьяне, является Секенгейм (1462 г.) , которым я займусь в связи со швейцарцами.

---

* Würdinger, Kriegsgesch. v. Bayern, II, 313.

** Franz Kurz, Oesterreichs Militär-Verf. in älteren Zeiten, 1825; Meynert, Gesch. d. Kriegswesens, II, 11 (1868); Werunsky, Oesterreich Reichs-und Rechtsgesch. (1896), 158 и след.; W.Erben, Das Aufgebot Albrechts V von Oesterreich gegen die Hussiten, Mitlg. d. Inst. f. Oestr. Geschichtsforschung», т. XXIII (1902).

***По Erben, гл. I. с — не в 1426 г.

**** Werunsky, Oesterreichische Reichs- und Rechtsgeschichte, стр. 158.

БОЙ ПРИ РЕЙТЛИНГЕНЕ
14 мая 1377 г.

Предание об этом сражении гласит, что граф Ульрих Вюртембергский преградил у самого города путь рейтлингенцам, совершившим грабительский набег, но был разбит, так как в тыл ему из обычно запертых ворот напали горожане, оставшиеся в городе.

Специальное исследование по поводу этого боя Joh. Jacobsen, Die Schlacht bei Reutlingen, Лейпциг, 1882, доказало, что весь рассказ является вымыслом. Якобсен подвергает сомнению также тот факт, что граф и его рыцари сражались, якобы, в пешем строю, как это сообщает Кенигсгофен. К мнению Якобсена присоединяются V. d. Au в статье «Zur Kritik Königshofens», стр. 18 и Schön, Reutlinger Geschichtsblätter, 1899, стр. 5. Поэтому для военно-исторических целей этот бой использовать нельзя.

ГЛАВА II

СПЕШЕННЫЕ РЫЦАРИ И ЛУЧНИКИ

СРАЖЕНИЕ ПРИ КРЕССИ*
26 августа 1346 г.

Английские короли стремятся объединить под своим скипетром оба больших острова и присоединить к Британии Уэльс, Шотландию и Ирландию. Подобным же образом французские короли стремятся к действительному господству над ленными графствами, подчиненными королевской власти почти только номинально. Но каждое из обоих соседних королевств пытается помешать начинаниям другого, не допустить его усиления. Отдельные области, частной самостоятельности которых угрожает опасность, находят покровителя в сопернике своего угнетателя: шотландцы — за короля Франции, фламандцы — за короля Англии. Длительная борьба между Англией и Францией является в то же время в обеих странах борьбой центральной монархии с сепаратизмом областей, и это противоречие в свою очередь самым разнообразным образом переплетается с сословными домогательствами и династическими разногласиями и связями. Однако, своего наивысшего напряжения борьба достигла лишь тогда, когда старшая линия Капетингов [166] вымерла, и когда племянник последнего короля, король Эдуард III, в противовес притязаниям своего двоюродного брата Филиппа Валуа на наследство по мужской линии, потребовал французской короны для себя и своих преемников, ссылаясь при этом на свои права по женской линии и на получение от своих предшественников Гаскони.

Морская победа, одержанная англичанами над французским флотом в 1340 г. при Слуисе, доставила Эдуарду господство над морем. Он мог высадиться на берегу, где хотел, и, послушавшись одного эмигрировавшего французского аристократа, выбрал в 1346 г. для этой цели Нормандию. Так как главные силы французов были напрвлены против владений английского короля в Гаскони, то англичане без труда заняли и разорили ряд нормандских селений. Это явилось диверсией в отношении южного участка фронта и освободило сражавшихся там и уже сильно теснимых англичан. Поскольку теперь французский король направил свои войска против Эдуарда, последний решил отправиться сушей в союзную ему Фландрию. Не исключена возможность, что это решение он принял не доброволь-

* Основной монографией о сражении при Кресси является берлинская диссертация Рихарда Чеппана (Richard Czeppan), Берлин, изд. Georg. Nauck, 1906. Другие описания — Рюстова, Йенса, Паули, Келера и Омана — сильно расходятся друг с другом в зависимости от того, какого источника они больше придерживаются. Чеппан же окончательно выяснил и разрешил все важнейшие вопросы, связанные с этим сражением. Несколько веских замечаний о действии выстрелов из лука можно найти у Келера, т. III, предисловие, стр. XXXVI. Предтечи сражения при Кресси трактуются Тутом (Tout, Engl. Hist. Rev., т. XIX, стр. 711, 1904 г.).

но. Дело в том, что он разрешил нескольким капитанам кораблей отправиться с больными, ранеными и захваченной добычей домой; но к ним самовольно присоединились и все остальные капитаны, и, таким образом, английская армия неожиданно была отрезана от своей родины и вынуждена была попытаться по суше достичь дружественной земли. На этом марше король Филипп и старался настичь англичан. Несмотря на то, что еще не все войско было в сборе, он приказал уничтожить мосты, которые должен был миновать Эдуард, чем заставил его сделать большой крюк, а сам стал стягивать сюда свои контингенты.

Благодаря ловким маневрам и удаче Эдуарду удалось переправиться через Сену и Сомму. Когда же он продвинулся, таким образом, далеко на север, так что в случае поражения уже имел возможность отступить, он принял бой с преследовавшей его армией.

Английская армия при Кресси исчисляется в 14 000—20 000 человек. Достоверность этой цифры, по-видимому, подтверждается сохранившимся до нашего времени списком рекрутского набора, составленным королевским казначеем Вальтер де Ветевангом перед осадой Калэ, последовавшей за сражением при Кресси. Этот список Ветеванга включает 32 000 человек: если скинуть с этой цифры подкрепления, которые, как доказано, подошли уже после сражения, то остается около 20 000 человек. Хотя эта цифра и не невозможна, все же она так велика, что я не могу подавить в себе некоторое сомнение *.

Трудно сказать, смог ли Филипп VI собрать в течение 6 недель, прошедших со времени высадки Эдуарда в Нормандии (12 июля), такое же или еще большее число бойцов. Войска, сражавшиеся до этого времени в Гасконии и в спешном порядке двигавшиеся сюда, еще не прибыли. Но если французская армия численно даже уступала английской, то и тогда решение Филиппа дать бой вполне понятно, — он безусловно превосходил англичан числом рыцарей, а, кроме того, беспрестанный отход англичан производил впечатление бегства и усиливал самонадеянность фарнцузов.

Если бы теперь произошло обычное рыцарское сражение, то победа, по всей вероятности, досталась бы французам.

Но гений Эдуарда III создал такую тактику, такое применение родов войск, незнакомое до того времени средневековью и настолько отвечавшее условиям местности и стратегическому положению, что об это разбилась вся рыцарская храбрость французов.

Английская армия в большинстве своем состояла из лучников. Обычно в сражениях того времени лучники, как сообщают источники, являлись лишь вспомогательным родом войск для рыцарей. На мало-мальски доступной местности сами они ни в коем случае не могли равняться с соответствующим числом рыцарей. Последние быстрым аллюром опрокидывали лучников, прежде чем их стрелы успевали вывести из строя сколько-нибудь значительное число рыцарей или коней. Сознавая, однако, что рыцари вот-вот врежутся в их ряды и они погибнут, лучники обычно использовали свое оружие не до последнего момента, а искали спасения в бегстве, не ожидая приближения конницы на то расстояние, когда выстрел из лука особенно действителен. Поэтому задачей тактика было заставить линию стрелков задержать противника и держать его под постоянным огнем до последнего момента. С этой целью король Эдуард приказал своим рыцарям спешиться и построиться вместе с лучниками и копейщиками. Оставаясь верхом, рыцари смогли бы в начинающемся рукопашном бою произвести большее

* Моррис (Morris) обсуждая книгу Wrottesley, Crecy and Calais, содержащую соотвествующие документы («Engl. Histor. Review», т. XIV, 1899, стр. 767), обращает внимание на то, что 32 000 воинов сражались вместе только очень короткое время, когда англичанам угрожала диверсия со стороны короля Филиппа. Моррис считает, что при Кресси Эдуард имел 4 000 конных (рыцарей и кнехтов) и 10 000 лучников.

действие, но в данном случае центр тяжести лежал не в этом. Главным назначением рыцарей при Кресси была моральная поддержка массы рядовых бойцов, а это лучше всего было достижимо сражением рыцарей, как и всей остальной массы, в пешем строю. Незначительное число конных рыцарей не дало бы моральной поддержки многочисленным лучникам и копейщикам. Простой воин не смог бы отделаться от чувства, что господ слишком мало для достижения многого, и что в случае неудачи они удерут на своих конях, а он должен будет купаться в собственной крови. Относительно многих средневековых сражений прямо так и говорится, что господа спасались, а пехота бывала изрублена. Хотя это звучит весьма не по-рыцарски, но не следует считать это просто трусостью; господа все равно не могли бы спасти своих слуг и погибли бы вместе с ними.

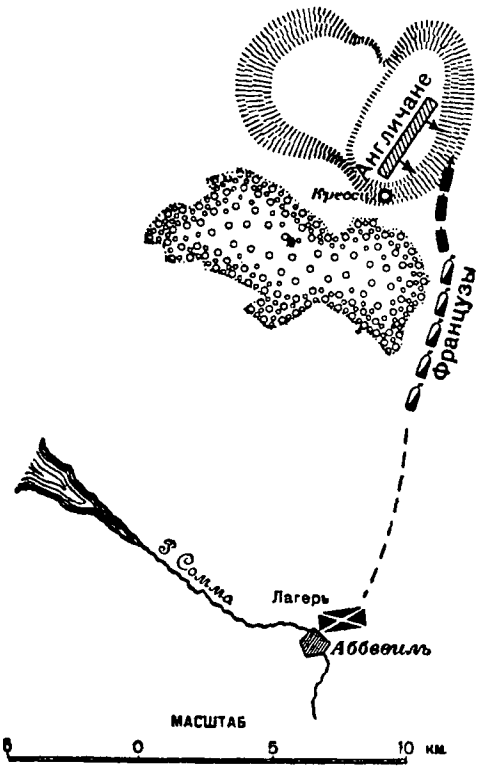


Схема 33. Сражение при Кресси 26 августа 1346 г. Движение французской армии.

Обстоятельства здесь складывались иначе, — если уже сражение проиграно, то и храбрецу разрешалось бежать, пользуясь для спасения всеми доступными средствами. Таким образом, конному легче спастись, чем пешему, а значит последний воспрянет духом, видя, что конный добровольно отказывается от преимуществ своего вооружения. Рыцарь получил свое название потому, что он охотнее и лучше всего сражался верхом; основой его технического превосходства являлся боевой конь. В сражении при Кресси причиной отказа рыцарей от своего лучшего боевого оружия явились не условия местности, а психологически-моральный момент, оттеснивший на задний план технически-физический элемент. Уже с самых ранних времен мы можем в отдельных случаях наблюдать это явление: когда Цезарь повел свои еще не опытные в боях легионы в первое сражение против гельветов[167], то он приказал увести своих коней, а также коней всех высших начальников и пешим руководил сражением: это несомненно затрудняло правильное руководство, но являлось лучшим средством заставить свежеизбранных легионеров устоять под натиском диких гельветов. В сражении при Страсбурге аллеманы даже потребовали от своих собственных князей, чтобы те сошли с коней и сражались в пешем строю вместе с остальной массой воинов, дабы в случае бегства князья не смогли спастись раньше их. Граф Балдуин Хеннегаутский (Balduin von Hennegau) во время боя с Готфридом Левенским в 1170 г., желая возбудить храбрость своих воинов*, также сошел с коня, и часто еще в позднем средневековье мы встречаемся с подобными фактами**.

* Gislebert, SS/ XXI, 519: «Так что его рыцари видели его пешим, но благодаря ему как конные, так и пешие воодушевлялись к бою».

** В гусситскую войну пешие кнехты отказались однажды идти в наступление, заявляя: «Если нас оттеснят, то вы удерете, а мы останемся». Рыцарям пришлось спешиться и сражаться в пешем строю. По Johann von Guben, стр. 64, цитировано Вульфом (Wulf, Die hussitische Wagenburg, стр. 37).

Смешением пеших рыцарей со стрелками Эдуард, таким образом, достиг того, что выстрелы из лука совсем иначе использовались, чем в обычном рыцарском сражении: лучник стрелял до последнего мгновения, уверенный в том, что если даже неприятельский рыцарь приблизится, все равно он сможет ускользнуть от него, отступив несколько шагов назад, а пеший рыцарь, стоящий подле него, должен будет вступить и вступит в бой.

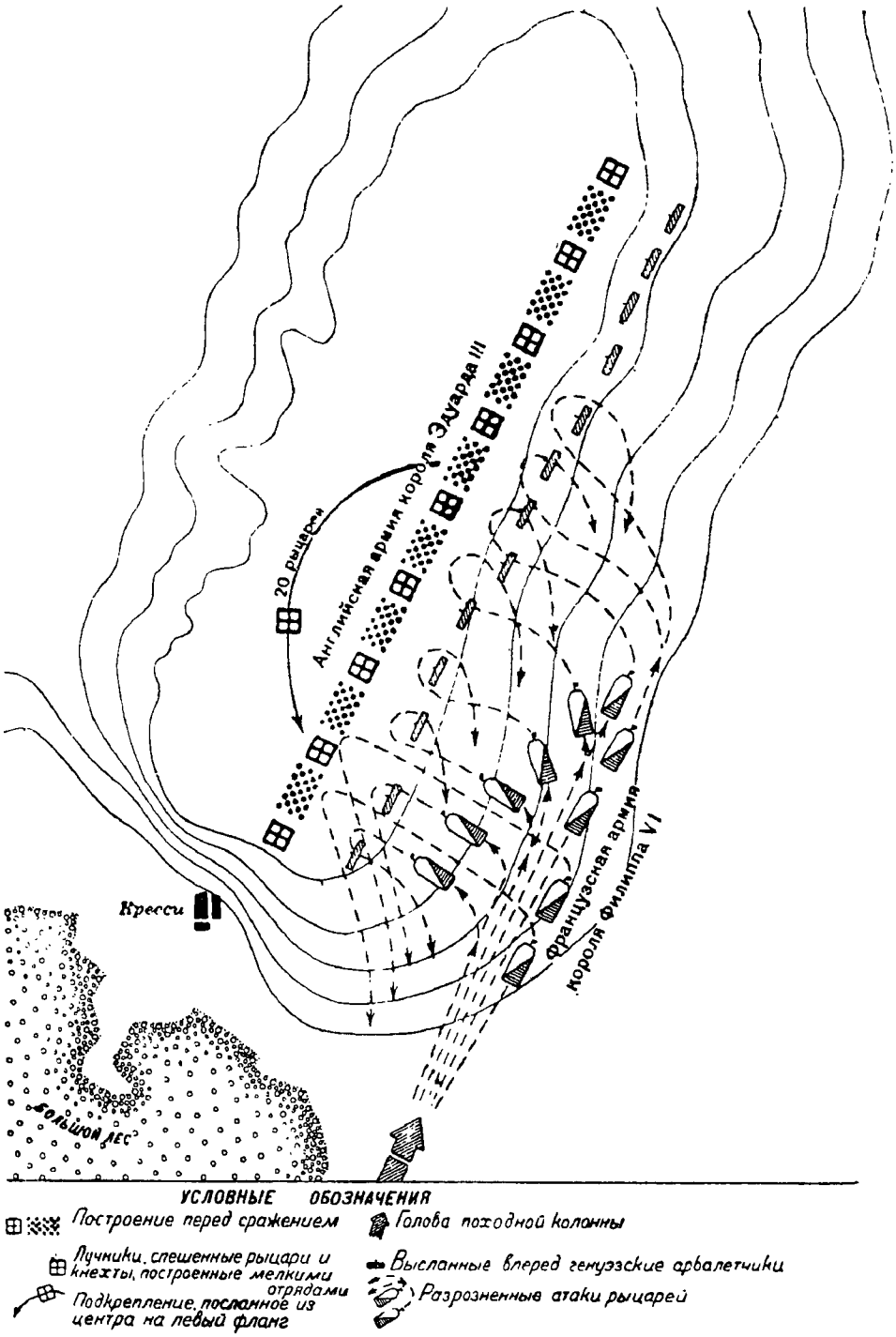
Но Эдуард сумел еще больше усилить действие лучников. Он занял позицию не поперек дороги, по которой двигались французы, а на продолговатом холме, параллельном этой дороге (слева от нее). В то же время густой лес и крутой обрыв прикрывали правый фланг его армии от атаки французов. Таким образом, французы, для того чтобы подойти к англичанам, должны были сначала продвинуться в сторону левого фланга англичан, чтобы затем уже атаковать холм. Но мы знаем — король Эдуард знал это также, — что не так-то легко удержать рыцарей, завидевших врага. Ведь нужна очень дисциплинированная армия, чтобы заставить первые колонны ее, повернутые против неприятельской боевой линии, задержаться прямо перед ней, пока не подойдут и последние колонны. Эдуард мог рассчитывать, что его фланговая позиция — еще больше, чем это имело место при фронтальной, при которой приближение можно заметить издалека, — спровоцирует врага на разрозненные атаки. Но каждая разрозненная атака давала англичанам то преимущество, что еще больше усиливала действие выстрелов из лука, так как в приближавшихся коней и людей можно было пускать стрелы не только с фронта, но — что имеет особенно сильное действие — и с флангов.

Наконец, нужно учесть также форму построения армии. Фруассар сообщает, что лучники стояли «en fourme de une herse». Это выражение, над которым много ломали голову, означает то, что мы называем «в шахматном порядке»: herse — значит «борона», а также опускная решетка или «палисад» (частокол); «палисад» и «опускная решетка» не дают никакого образа, зато выражение «борона» дает правильную картину расположения. В самом деле, ведь зубья не могут быть насажены ни густо (так как в этом случае они собирали бы перед собой кучки земли), ни непосредственно один за другим (так как тогда они взрывали бы слишком мало борозд). На самом деле зубья так прилажены, что каждый задний зубец всегда торчит несколько в стороне от переднего, или же борону тащат по полю не прямо, а наискось, чем достигается то же действие. Итак, чтобы одновременно могли стрелять несколько шеренг, Эдуард приказал задним шеренгам строиться не прямо в затылок передним, а несколько выступить и стрелять в промежутки. Вопрос о том, могли ли таким способом стрелять прямо перед собою больше чем две шеренги, я оставлю открытым*. Вероятно, третья, четвертая и пятая шеренги стреляли только тогда, когда густые массы неприятеля находились еще в некотором отдалении, т.е. когда в них можно было попадать выстрелами с крутой траекторией. Когда французы подступали ближе, то последние шеренги лучников не могли сами стрелять, а помогали передним, заменяя раненых и пополняя оружие и стрелы.

Король Филипп провел со своим войском ночь в Аббевиле и близ него, в $2^1/_2$ милях южнее Кресси. Только в 3 часа пополудни на марше он получил известие, что англичане ждут его в полном боевом порядке, и решил отложить наступление до следующего дня. Но передние отряды находились уже в виду неприятеля, а когда эта весть распространилась, то задние ряды стали напирать на передние; поэтому король и решил тут же начать бой.

Сперва он приказал выступить генуэзским арбалетчикам, но они мало что могли предпринять против расположившихся наверху английских лучников. Сражение стало серьезным только тогда, когда французские рыцари, бросившись

* Ср. выше построение англичан под командой Ричарда Львиное Сердце при Яффе в 1192 г.



С х е м а 34. Сражение при Кресси 26 августа 1346 г.

через строй арбалетчиков и потоптав некоторых из них, обычным образом пытались прорвать неприятельскую позицию. Если бы предварительно было произведено упорядоченное развертывание и вся масса бросилась бы на англичан одновременно, то английские стрелы вряд ли задержали бы приступ. Но французы наступали отдельными отрядами, по мере прибытия их на поле сражения, и вследствие наклона местности двигались медленно. Участники сражения насчитывали, якобы, 15 или 16 разрозненных атак. Широкий фронт англичан осыпал рыцарей каждый раз градом стрел, и хотя многие стрелы не могли пробить снаряжения рыцарей и коней, все же при огромном числе* стрел многие из них попадали; то незначительное число атакующих, которое смогло достичь неприятельских рядов, закалывалось английскими спешенными рыцарями и копейщиками. Главные атаки были направлены, естественно, против правого фланга англичан, который являлся ближайшим к направлению движения французов. Здесь командовал 16-летний принц Уэльский, Черный принц. Один раз он находился в таком тяжелом положении, что его отец послал ему на помощь 20 рыцарей из центра. Этой незначительной поддержки было достаточно, чтобы вновь отогнать французов: число их рыцарей, сумевших довести дело до рукопашного боя, было также очень незначительно.

Сам король Филипп зашел так далеко, что под ним была убита лошадь, но затем он сознал всю невозможность победы и с небольшой свитой покинул поле сражения.

Насколько храбро атаковали французы, показывает список павших: во главе списка стоит слепой король Богемский, граф Люксембургский и отец императора Карла IV. Затем пали брат и племянник короля Филиппа, графы д'Алансон и де Блуа, герцог Рауль Лотарингский, граф Людвиг Фландрский, граф Иоанн де Гаркур, граф Симон де Сальм, граф Людвиг де Сансер, граф Иоанн д'Оксерр, граф Иоанн де Гранпре, наконец — 83 дворянина, командовавших собственными отрядами, и около 1 200 рыцарей.

Победа короля Эдуарда принадлежит к весьма редкому явлению в военной истории — победе, одержанной при помощи чистой обороны. Король категорически запретил всякое преследование и сам не провел ни одной операции, которая подвергла бы его пеших бойцов опасности внезапной конной атаки в долине со стороны противника.

Лучники, при помощи которых Эдуард III одержал победу в сражении при Кресси, были, как мы видели, введены в английскую военную организацию его дедом — Эдуардом I. Никакой новизны, которая имела бы принципиальное значение, в этом не было, а здесь имело место только возобновление и укрепление тех форм, которые были переданы стариной. Уже Вильгельм Завоеватель имел большое число стрелков, а император Фридрих II имел их еще больше. Хотя усиление этого рода войск, проведенное Эдуардом I, и доставило ему покорение Уэльса и Шотландии, но это нисколько не изменило образа ведения войны и не дало англичанам никакого длительного превосходства над противником. Несмотря на наличие лучников, Эдуард II проиграл Баннокбурнское сражение и этим самым снова потерял Шотландию. Да и сам Эдуард III, начиная длительную войну против Франции (1339 г.), не рассчитывал одолеть противника с помощью большого числа и совершенства своих лучников, а заключил договоры о поставке наемников и союз со многими германскими князьями и сюзеренами, как то: с графами

* Коммин (Ed. de Mandrot, 31) по поводу сражения при Монлери говорит: «la souveraine chose du monde pour les batailles sont les archiers, mais qu'ils soient par milliers car en petit nombre ne valent rien, et que ce soient gens mal montés se qu'ils n'aient point de regret à perdre leurs chevaux, ou qui tous points n'en aient point» («главным боевым элементом являются стрелки, но при условии, чтобы их были тысячи, так как в небольшом числе они ничего не стоят, и чтобы это были всадники на плохих лошадях, чтобы не было жалко их терять, или даже вовсе без лошадей»).

Бергским, Маркским, Лимбургским, Голландским, с пфальцграфом, маркграфом Бранденбургским, с герцогами Юлихским, Гельдернским, Брабантским и даже с самим императором Людовиком Баварцем. Для оплаты княжеских кондотьеров в Англии пришлось ввести колоссальные налоги; помимо крупных сумм, вотированных парламентом, король много денг выжал просто силой; он приказал конфисковать предназначенную к вывозу шерсть и получил большие авансы от купцов Ганзейского союза, предоставив им за это льготы в ущерб собственным подданым. Некоторым нижнерейнским князьям, которым не смогли уплатить наличными, предоставлено было право на вывоз определенного количества шерсти. Богатые аббатства также должны были уделить часть монастырских ценностей для военных нужд. Но как ни велика была армия, составленная таким образом, все же, когда Эдуард вторгся с ней в 1339 г. в пределы Франции, он ничего не смог достичь; король Филипп VI, хотя и выступил с ополчением ему навстречу, уклонился от боя, а Эдуард не чувствовал себя настолько сильным, чтобы вынудить его принять бой. Филипп правильно рассчитал, что англо-германская армия удержится недолго: германские князья вскоре заявили, что они уже достаточно сделали, и Эдуард, ничего не добившись, должен был повернуть обратно.

Когда Эдуард на 7-м году войны вторично отправлялся за море, германские рыцари уже не принимали участия в его походе, а были заменены большим числом лучников. Однако, хотя на этот раз армия в большинстве своем и была национально-английской, тем не менее это была наемная армия. Средства были собраны путем чрезвычайно обременительных налогов, а именно, подобно каролингским капитуляриям, были призваны военнообязанные, и им разрешено было выставить вместо себя наемников.

Если при первом своем вторжении английский король не смог добиться решительного сражения, то тем менее он мог на это рассчитывать теперь (1346 г.), обладая столь малым числом рыцарей. Если первоначально он, быть может, намеревался направиться в Гасконь, то, во всяком случае, он преследовал только одну цель — освободить при помощи диверсии осажденные в Гаскони английские крепости и гарнизоны.

До сражения дело, в конце концов, дошло только потому, что французский король, ободренный беспрерывным отходом англичан, положился на свои силы и решил атаковать их позицию, чего в 1339 г. при Бюйронфосе при таком же расположении войск он не сделал.

Неслыханные до тех пор результаты действий английских лучников при Кресси мы приписали особой тактике, созданной в этом сражении обстоятельствами и полководцем. Историки говорят совсем иное; они повествуют и расписывают о преимуществе лука как такового, о скорости стрельбы и действии стрел. Но победа при Кресси не определяется одним только луком, так как в противном случае было бы непонятно, каким образом до и после сражения рядом с луком смог утвердиться арбалет и почему огнестрельное оружие играет небольшую роль в более ранних столетиях средневековья. Действительно сведующего свидетеля этого сражения, который смог бы разобраться и вникнуть в связь событий, — нет. Нам остается только признать фактом единодушное свидетельство источников о том, что стрелы падали, «как снежные хлопья», и самим постараться найти объяснение. Целый ряд источников — даже такой, как Виллани, который, очевидно, сам чувствовал необходимость в объяснении, — сообщает, что англичане расположились вагенбургом. Другие (Рюстов) захотели вычитать из источников, будто англичане возвели перед собой небольшое укрепление, под прикрытием которого они обстреливали рыцарей. Но сопоставление всех показаний не оставляет никакого сомнения в том, что такого прикрытия стрелки не имели. Таким образом, причиной успеха англичан было только искусство полководца — короля

Эдуарда, построившего лучников и придавшего им моральную стойкость смешением с ними рыцарей и копейщиков. С другой стороны, французские рыцари проиграли сражение не из-за отсутствия смелости, а вследствии недисциплинированности, отчего они шли в огонь не все вместе, а отдельными отрядами, что и привело их к гибели.

Для полного уяснения связи событий мы можем задать себе вопрос: почему император Фридрих II, о котором ведь сообщается, что он также располагал большим числом лучников, — почему он не дал подобного сражения? Ведь он, наверное, был тем человеком, у которого могла родиться подобная идея. Ответ на этот вопрос заключается в том, что Кресси было оборонительным сражением. Когда хотят ограничиться обороной, то дело зависит не только от собственной военной мощи, но в равной мере и от противника. Весьма самонадеянные и сильные французские рыцари атаковали на конях английскую позицию при Кресси, так же как в 1302г. позицию фламандцев при Куртрэ. У рыцарей же итальянских коммун такого духа не было. С самого начала они не стремились и не могли стремиться одолеть императора в открытом бою, а, наоборот, старались только затянуть дело и не дать ему одолеть себя. Они стремились вступать в бой только в случае благоприятных условий, как некогда при Каркано и Леньяно. Итак, инициатива всецело находилась в руках императора, и наступление зависело от него. Эдуард же ограничился нанесением неприятелю ущерба тем, что разорял и разрушал его страну и захватывал отдельные недостаточно защищенные города, а инициативу наступления предоставил противнику.

Построение войск при Кресси не было, конечно, импровизицией. В малом масштабе оборонительная сила лучников в неприступной местности часто использовалась уже издавна; уже в XII в. мы имеем подобные примеры — бой при Бург-Терульде (Bourg-Theroulde, 1124 г.), сражение при Яффе (1192 г.), и непосредственно перед Кресси было два таких сражения: при Деплин-Мюире (Dupplin-Muir 9 августа 1332 г.), когда незначительное число изгнанных из страны шотландцев под командой Эдуарда Бальоля, сообща с вторгшимися в страну, одержали победу над шотландским ополчением под командой регента Карла Марского и Халидон-Хилльское сражение при Бервике (19 ибля 1333 г.), когда сам Эдуард III одержал победу над шотландцами под командой регента Арчибальда Дугласа*.

В обоих сражениях спешенные рыцари комбинируются с лучниками, а по поводу Халидон-Хилля один английский историк Бэкер из Свинброка определенно говорит, что здесь англичанин, вопреки обычаю отцов, учился воевать в пешем строю, а коней — сохранять для преследования. Это заключительное преследование на конях, которого не было в сражении при Кресси, при Халидон-Хилле, якобы, имело место. В таком случае это сражение стояло бы в военно-историческом отношении еще выше, чем Кресси. Однако, сообщения об этом сражении кажутся мне не настолько достоверными, чтобы сделать Халидон-Хилль центром обсуждения; особенно под вопросом стоит численность сражавшихся масс, и не вполне понятно, каким образом шотландцы могли осмелиться на штурм позиции англичан при Халидон-Хилле. Исторически обоснованным сражением, при котором победу доставило перемешивание пеших рыцарей с лучниками, остается Кресси, и действительно гениальным представляется нам выбор поля сражения на фланге неприятельского пути наступления с несомненным умыслом раздробить неприятельские атаки, благодаря чему, кроме того, было увеличено поле действий лучников.

* Обе операции замечательно обработаны Оманом в «Hist. of the art of war», стр. 581: Деплин на основании исследования Морриса в «Eng. Hist. rev.», 1897; Халидон-Хилль подробно описан у Tytler, Hist. of Scotland, II, 32 и 454, на основании, якобы, старинной рукописи, достоверность которой, однако, не доказана.

В результате победы у Кресси Эдуард смог начать осаду Кале, который сдался только после упорной защиты, спустя целых 11 месяцев. Один раз король Филипп подступил с большой армией, дабы освободить город от осады. Но во время приближения французов Эдуард стянул сильное подкрепление; так что его армия насчитывала, в конце концов, полных 32 000 воинов. Атаковать такую армию, особенно после опыта Кресси, Филипп не осмелился и, не достигнув никаких результатов, повернул назад и предоставил город самому себе.

Но и Эдуард, имея такую огромную военную силу, не поставил себе большей цели, чем овладение Кале. Это объясняется тем, что ему только при напряжении всех сил своего обширного государства удалось создать такую военную силу, какой в средние века являлись 32 000 воинов; все же удержать такую армию и оперировать ею в течение долгого времени он не был в состоянии.

И после взятия Кале военные действия англичан ничем не отличались от обычных опустошительных набегов. Эти набеги отнимали у них так много внимания и сил, что Шотландия тем временем снова освободилась от английского господства.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОПЕРТЮИ
19 сентября 1356 г.

Через 10 лет после Кресси сын Эдуарда III — Эдуард Черный принц — одержал над французами точно такую же победу. Прежде всего снова нужно отбросить сообщенные в источниках большие цифры. Согласно авторитетному специальному исследованию Карла Лампе (Karl Lampe)*, англичане имели от 1 600 до 1 800 рыцарей и 2 000 лучников, кроме того, некоторое число пеших; французы насчитывали 3 000 рыцарей. С таким превосходством в силах французы наступают на принца, опустошающего от края до края всю страну у Луары. Принц отступает до тех пор, пока не находит выгодной позиции. Король медлит с наступлением, так как ждет еще подкрепления и считает возможным, что принц из-за недостатка продовольствия должен будет уйти. Вступают в переговоры о заключении мира. Тогда принц предпринимает притворное отступление; французский авангард дает вовлечь себя в немедленное наступление, попадает под град стрел английских лучников, натиском английских рыцарей обращается в бегство и своим бегством возбуждает панику среди бивуакирующей еще сзади главной массы войск. Король Иоанн, чтобы спасти честь, приказывает рыцарям спешиться и сражаться в пешем строю. После длительного сопротивления он вместе со свитой попадает в плен.

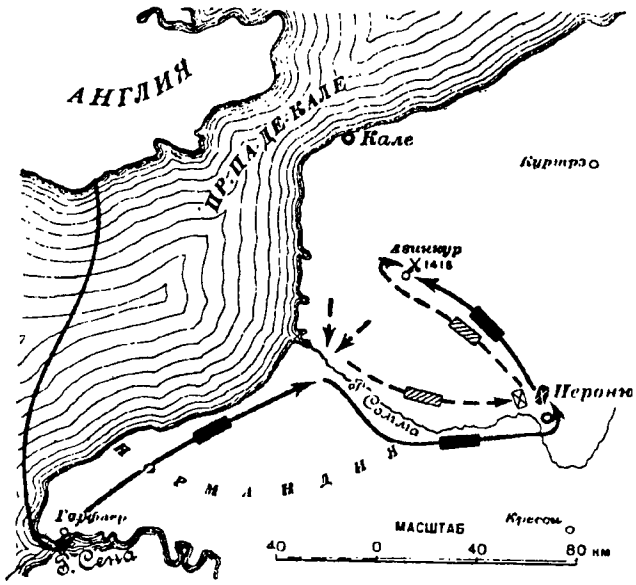
Таким образом, Мопертюи — с большим искусством предпринятое и проведенное Черным принцем оборонительно-наступательное сражение.

В руках хорошего полководца английские воины (хотя половина рыцарей состояла из гасконского ополчения) оказались лучше, чем французские феодальные рыцари. Это свело на нет всю храбрость французов.

СРАЖЕНИЕ ПРИ АЗИНКУРЕ
25 октября 1415 г.

Исходные стратегические предпосылки сражения при Азинкуре имеют еще больше общего с Кресси, чем Мопертюи. Английский король Генрих V высадился снова в Нормандии и отсюда направился во Фландрию. Французы опять пытались преградить ему переправу через Сомму, и так как это им у устья реки удалось, то

* Берлинская диссертация, 1908 г.



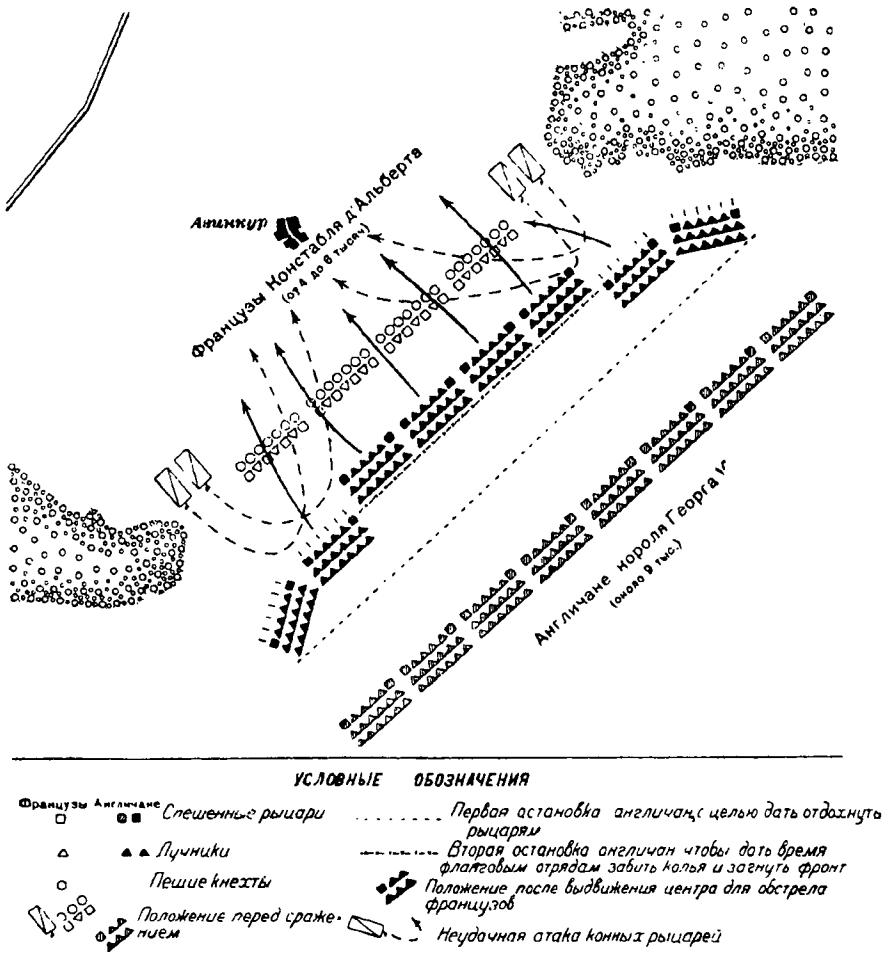
С х е м а 35. Карта общей обстановки к сражению при Азинкуре.

Генрих вынужден был пройти свыше 100 км вверх по реке, почти до истоков ее, до того места, где река делает изгиб к северу, французам же пришлось обойти изгибы; англичане имели на Сене более короткий путь, опередили их и переправились через реку. В 1346 г. после переправы через Сомму произошло сражение, причем англичане остановились, повернули, заняли позицию и стали ждать французов. В 1415 г. французам, благодаря тому что они еще в течение 5 дней двигались параллельно англичанам на север, удалось опередить и стать им поперек дороги, так что англичане вынуждены были атаковать.

Вследствие этого положение стало прямо противоположным положению при Кресси, и сражение должно было быть чрезвычайно интересным в тактическом отношении. Ведь сила английской тактики перемешевания спешенных рыцарей и лучников при Кресси заключалась в обороне, но каким образом добиться успеха при наступательных действиях? Французы выбрали для своей позиции узкое пространство между двумя лесами, шириною, по некоторым данным, не больше чем в 500 м. Полдня Генрих V , очевидно, медлил и колебался — начать ли наступление; но затем, должно быть, он отдал себе отчет в том, что при попытке обойти французов последние все равно атакуют его на марше и даже смогут за это время подтянуть подкрепления, а потому лучше всего начать сражение немедленно.

Задачей описания этого сражения является выяснение причин победы англичан над храбрыми французскими рыцарями, несмотря на отсутствие на этот раз тех преимуществ, которые объясняют их победу при Кресси и Мопертюи, и несмотря на то, что все источники, в том числе и французские, единодушно утверждают, что они были в меньшинстве. Ни одно из прежних описаний не сумело решить эту загадку; мое описание основывается на специальном исследовании Фридриха Ните (Friedrich Niethe)*.

* Берлинская диссертация, 1907 г.



С х е м а 36. Сражение при Азинкуре 25 октября 1415г.

Прежде всего нужно выяснить — действительно ли французы имели численное превосходство или же оно было на стороне англичан? Правда, все источники сходятся на том, что французы были численно сильнее англичан, но нужно помнить, что и французские источники, которыми мы располагаем, являются не друзьями, а врагами побежденных. У нас вообще нет сообщения, которое представляло бы точку зрения сторонников Орлеана — Арманьяков. Источники все сообща и каждый в отдельности исходят из лагеря противников. Впрочем уже из гусситских войн мы узнаем, что после поражения данные о численности своей стороны сплошь и рядом искажают. В отношении Азинкура факты красноречиво говорят, что здесь дело обстояло именно так. Если бы французы считали себя достаточно сильными, чтобы атаковать англичан, то лучше всего это можно было сделать непосредственно после переправы Генриха через Сомму, когда обе армии стояли при Перонне, одна против другой. Французы, однако, пропустили Генриха мимо себя и попытались задержать его при помощи несколько неуклюжей военной хитрости — вызовом на рыцарский бой. Подобную тактику можно объяснить только желанием выиграть время, так как нехватало еще многих контингентов. А

так как и Генрих, сообразно английской тактике, не пошел в наступление, то обе армии двигались в течение 5 дней почти рядом. Это было настоящим состязанием: если бы Генрих обогнал французов, то ему предоставлялся выбор — или без боя идти на принадлежавший ему Кале, или же повернуть и вступить в бой с французами, как это сделал его дед при Кресси; если же опередили бы французы, то они вынудили бы англичан завязать противоречащее их тактике наступательное сражение. Генрих делал огромнейшие переходы, не давая своим войскам, передвигавшимся беспрерывно в течение уже 14 дней (они снялись с лагеря в Гарфлере 8 октября), ни одного дня отдыха. Все же французы оказались более быстрыми, — правда, ценой того, что при таком марше подкрепления не смогли их нагнать. Конетабль д'Альбрет, видимо, утешался мыслью, что двигаясь на север, он по крайне мере идет навстречу герцогу Брабантскому, шедшему с подкреплением. И действительно, когда заняли позицию при Азинкуре, то, должно быть, с часу на час ждали его прибытия: однако, мы узнаем, что, в конце концов, только он лично явился в последний момент на поле сражения, а его рыцари уже не принимали участия в сражении. Все это приводит к заключению, что за 6 дней со времени переправы англичан французы не получили значительных подкреплений, следовательно, при Азинкуре их было не много, как об этом говорят источники, а наоборот — мало. А что Генрих тем не менее колебался атаковать их — вполне объясняется оборонительным характером английской тактики. Ните исчисляет силы англичан, примерно, в 9 000 человек, в том числе 1 000 рыцарей, и в соответствии с этим — французов в 4 000—6 000 человек*. Он полагает, что Генрих не имел пеших копейщиков и, кроме тяжеловооруженных рыцарей, располагал только лучниками, вооруженными наряду с луком также кое-каким холодным оружием.

Французы, соответсвенно своим оборонительным намерениям, спешили часть рыцарей; они были построены вместе с пешими кнехтами и арбалетчиками. Такое чисто оборонительное построение было бы совершенно беззащитно в случае стрельбы многочисленных английских лучников; поэтому два отряда конных рыцарей остались на обоих флангах, дабы в случае приближения английских лучников произвести контрудар и смять их.

Это построение было, очевидно, вполне обдуманным, но являлось в корне ошибочным. Оно исходило из вполне, в сущности, правильной предпосылки, что в открытом поле лучники не сумеют выдержать конной атаки. Но дело зависело еще и от численности обеих сторон. Кучка французских рыцарей, назначенных для атаки лучников, составляла лишь часть французской армии и при этой операции столкнулась со всей английской армией, тогда как главные силы французов оставались в оборонительной позиции, т.е. бездействовали. Следовательно, план французов приводил к раздроблению их сил. Стратегическая обстановка вынуждала французов к обороне. Если бы численность их лучников, хотя бы примерно, соответствовала численности английских, то, несмотря на меньшинство, они смогли бы победить. Но в отношении этого рода войск они были очень слабы**, а для армии, вооруженной холодным оружием, оборона — весьма неподходящий вид боя. Правильнее было бы при приближении английских лучников на достаточно близкое расстояние перейти одновременно с конницей и пехотой в атаку. Этому, вероятно, помешало представление о том, что нужно по возможности держаться оборонительной тактики. Однако, невозможность сохранять исключительно оборонительное положение против английского дальнобойного оружия имела следствием частичное наступление конных, которое теперь уже, во всяком случае, не могло иметь успеха.

Еще правильнее было бы, — поскольку армия по своему составу не годилась для обороны, — атаковать англичан на марше в один из предыдущих дней перехода. И в самом деле, Генрих позаботился об этом, почему и снабдил всех

* Англичанин Вальсингам определяет численность французов в 140 000 человек.

** Это определенно подтверждает Ст. Реми, присутствовавший при сражении.

своих лучников острыми кольями, примерно в 2 м длины, которые они в случае приближения неприятельской конницы, должны были выставить перед собой в форме палисада. В дальнейшем мы увидим, как англичане, несмотря на вынужденный переход в наступление, все же использовали это вспомогательное средство.

Прежде, отправляясь вместе на войну, рыцари всегда следовали на конях за стрелками.

Теперь же король Генрих приказал своим рыцарям спешиться и смешаться с лучниками. Он применил таким образом тот вид боя, к которому англичане до тех пор прибегали при оборонительных сражениях, при наступлении. Причину этого видоизменения нужно искать в численном соотношении обоих родов войск. Генрих имел лучников почти в 8 раз больше, чем рыцарей. Но если рыцари остались бы на конях, то с момента их наступления лучники оказались бы не у дела. Это было допустимо и естественно, когда лучники и численно составляли только вспомогательное войско, а исход борьбы зависел от рыцарей. Когда же, как в данном случае, лучники составляли большинство армии, то рыцари должны были оставаться в самой тесной связи с ними, а это было возможно только путем спешивания, как ни неудобно им было двигаться в их тяжелых доспехах. Для того, чтобы они не очень выдохлись при продвижении вперед, была сделана одна остановка.

Подойдя к противнику на расстояние выстрела, лучники вбили острые колья перед собой в землю. Трудно себе представить, каким образом это было возможно, так как каждую минуту французские рыцари могли перейти в атаку, и, кроме того, эти колья препятствовали бы дальнейшему продвижению самих англичан. Так как, однако, об этом сообщают два совершенно независимых друг от друга источника, причем они категорически заявляют, что французская конница бросилась через колья, то мы должны этому поверить и объяснить такое явление тем, что французы, обороняясь, предоставили англичанам время для применения этого приема их оборонительной тактики также при наступлении. По-видимому, кольями был огорожен не весь фронт, но только некоторые его части на флангах, которые, может быть, были даже несколько загнуты назад в целях обеспечения их от атаки всадников, причем работы были произведены еще до того, как англичане подступили к французам на расстояние выстрела. Таким образом, центр построения англичан был выдвинут вперед, чтобы градом стрел против пехоты вызвать французских рыцарей на атаку, которая затем привела бы их под выстрелы из лука со стороны несколько загнутых назад и защищенных палисадом английских флангов.

Как бы то ни было, но огромной массе английских лучников, соединенной со спешенными рыцарями, удалось, как и при Кресси, отбить атаку нескольких сот французских рыцарей. Когда же всадники или лошади без всадников, сильно израненные, бросились назад, причем привели в беспорядок и обескуражили только теперь начавшую двигаться или даже остававшуюся неподвижной пехоту, а англичане в это время решительно устремились вперед (причем даже лучники взялись за холодное оружие), французы не выдержали натиска и были разбиты. Под действием английских стрел французские стрелки с самого начала сражения отошли назад. Со стороны французов очень многие погибли или попали в плен как при неудавшейся конной атаке, так и в последующем пешем бою, когда для спешенных тяжеловооруженных рыцарей всякая возможность бегства была исключена.

Как в отношении сражений при Саламисе и Тальякоццо, так и в отношении этого сражения имеется рассказ (Вальсингам) о том, что французские рыцари в своих тяжелых доспехах не могли свободно двигаться, а потому их без труда одолели легковооруженные англичане. Таким образом, можно было бы предположить, что воин в доспехах менее боеспособен, чем воин без доспехов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По ходу сражения при Кресси казалось, что английская тактика перемешивания стрелков и пеших рыцарей применима только для обороны. При Азинкуре Генрих V перешел с такой же тактикой в наступление. Однако, это было возможно только при особых условиях этого сражения.

Это ни в коем случае не породило новой тактики, а потому неправильно думать, что английская пехота является переходной ступенью к современной пехоте, и усматривать поэтому в Эдуарде III подлинного создателя ее*. Наоборот, несмотря на блестящие неоднократные успехи такой фаланги из лучников и рыцарей, она все же осталась только эпизодом, а современная пехота выросла совсем из другой основы, с которой мы еще ознакомимся. Лучники, копейщики и рыцари Эдуарда III и Генриха V в конечном счете — обычные лучники, копейщики и рыцари средневековья, с той лишь разницей, что некоторые их качества были гениально и в максимальной степени использованы этими королями в том отношении, что благодаря значительному увеличению числа лучников и лучшей дисциплине рыцарей были созданы новые приемы боя. Спешивание же рыцарей, необходимое при этом, не является прогрессом в техническом отношении, так как при этом пропадает сила рыцарских коней, а фаланга из рыцарей и стрелков и до, и после этого не была в состоянии устоять против энергичного наступления конных рыцарей в открытом поле. Рыцарям было так тяжело двигаться пешком, что в дальнейшем при подобных маневрах, при продвижении указывалось, сколько раз нужно по дороге делать остановку, чтобы дать рыцарям время отдышаться, а гофмейстер Карла Смелого, Оливье де ла Марш, в одном месте рассказывает, что бургундские рыцари так утомились от ходьбы, что пажи вынуждены были поддерживать их под руки, чтобы они не упали**.

Несмотря на это, во второй половине XIV в. спешивание рыцарей стало обычаем. Получается впечатление, что конь служил рыцарям уже не в качестве боевого средства, а только в качестве средства передвижения, так как они садились на коня или для преследования, или же для бегства, а во время сражения коня придерживал оруженосец. Причина такого обычая лежит не в техническом моменте, а ее нужно искать лишь в усилении того психологического фактора, который вызывался обороной: этим до крайности увеличивалась серьезность боя. Рыцари, соскакивающие с коня во время боя, сжигали за собой корабли; они объявляли, что хотят победить или умереть; этот моральный плюс с лихвой компенсировал механический ущерб, тем более что число рыцарей уменьшилось, а число рядовых наемников увеличилось, и спешенные рыцари, давая им моральную поддержку, вливали в них мужество. Можно сказать: после того, как рядовые наемники стали численностью настолько превосходить рыцарей, что непосредственная физическая военная работа последних стала приобретать второстепенное значение, благоразумнее было использовать моральный прорыв рыцарей уже не непосредственно, а косвенно, для подъема духа массы бойцов.

Бывали, разумеется, и такие случаи (сражение при Булленьевилле 1431 г.), когда бургундские рыцари отказывались сойти с коня, но, в конце концов, по настоянию пикардийцев и англичан было постановлено, что каждый воин, вне зависимости от его положения, должен под угрозой смерти спешиваться***.

В этом, я полагаю, и заключается причина, почему в раннем средневековье спешивание рыцарей встречается гораздо реже.

Приведенные психологические моменты имеют длительный характер и смогли бы с таким же успехом проявиться, скажем, во времена Каролингов или Штауфе-

* Так думает, например, Luce, Bertrand und Guesclin, I, 147.

** В Термондском бою в 1452 г., Olivier de la Marche, I, гл. XXV.

*** Monstrelet, II, гл. 108.

нов. Но для проявления этой силы нужно было, чтобы, с одной стороны, ее вызвало возраставшее число кнехтов, особенно лучников, а с другой — должен был последовать толчок, данный при Кресси и последующими английскими победами. Этот толчок был дан англичанами, потому что их рыцари были лучше дисциплинированы и подчинялись полководцу, который благодаря этому и был в состоянии провести такое новшество. А после того как успех спешенных рыцарей стал однажды очевидным фактом, мысли уже сами потекли в этом направлении. Стало уже не только обычаем, но и модой проявлять свое рыцарство отказом от коня. Этим и объясняется поступок французского принца, герцога Брабантского, брата герцога Бургундского, который прибыл в сопровождении нескольких рыцарей в последний момент на поле сражения при Азинкуре и соскочил с коня, дабы сражаться вместе с другими и как другие, но точас же был убит англичанами. Его дед, король Франции Иоанн, основал в память легендарного короля Артура «Орден звезды», статут которого обязывал членов его никогда не отступать больше, чем, приблизительно по их оценке, на 4 arpents*. Это предписание настолько абсурдно, что практически вряд ли выполнялось, но самый факт его издания показывает, что повышенное понятие о рыцарской чести было тогда близко к карикатуре: еще немного — и пришли бы к харакири самураев, японских рыцарей. Мы приводим эту нелепость, чтобы показать всю противоестественность того явления, что рыцарь принципиально спешивается для боя, даже при атаке. Но это настолько противоречило самой природе вещей, что обычай укоренился все же не окончательно, и время от времени мы вновь встречаем конные бои или такие сражения, где по крайней мере часть рыцарей остается на конях**.

Как часто и как далеко переступалась естественная граница для спешивания, необходимого по условиям местности или вследствие желания создать остов для пехоты, — установить трудно, так как источники говорят о спешивании и тогда, когда оно не имело места (по крайней мере не носило общего характера)***.

Хотя спешивание рыцарей было только эпизодом, все же его можно рассматривать как прелюдию для нашего времени в том отношении, что это является известной переходной ступенью к позднейшему офицерскому корпусу: офицер в современном смысле слова сам вовсе не сражается, а только поддерживает дисциплину и подает пример массе бойцов; в этом психологическом воздействии на массу воинов мы и усматриваем главный мотив спешивания рыцарей: ради этого они поступаются существенной частью собственных средств наступления — конем.

ГЛАВА III

ОСМАНЫ

Мы видели, как на смену арабам с их природным воинственным духом пришли несколько столетий спустя сельджукские турки. Еще до окончания крестовых

* Luce, Bertrand du Guesclin et son époque, стр. 169. Рыцари поклялись: «jamais ils ne fuiraient en batàille plus loin que quatre arpents à leur estimation mais mouraient plutòt ou se laisseraient faire prisonniers» (никогда во время боя они не отступят больше, чем, приблизительно по их оценке, на 4 arpents, но лучше умрут или сдадутся в плен).

** Некоторый обзор таких рыцарских сражений дает M. de la Chauvelays, Le combat à pied de la Cavalerie au moyen âge, Париж, 1885 г. Но автор подходит без всякой критики к описываемому, и некоторые данные ни в коем случае не достоверны. M.T.Lachauvelay, Guerres des Français et de Anglais du XI-me au XV-me siecle, 1875 г. Несмотря на различную транскрипцию фамилий, это, очевидно, тот же автор, что и вышеприведенный.

*** Например, Thwrocz, Chronica Hungarorum ошибочно сообщает, что французские рыцари атаковали в 1396 г. при Никополе в пешем строю.

походов Восток был захвачен монголами под предводительством Чингиз-хана. Однако, несмотря на огромные военные подвиги его самого, а также шедшего по его стопам Тимура (Тамерлана)*, мы можем опустить их в нашем контексте. Зато заслуживает описания возникшая на развалинах восточного мира своеобразная военная организация османов.

Османы не являются собственно турецким племенем, как сельджуки, а представляют собой дружину крупного кондотьера Османа (1300 г.) и его не менее воинственных преемников, составленную из самых различных элементов. Ведь и норманны были смешанной крови.

Османы начали свою историю так же, как и другие основанные на Западе и Востоке государства: будучи воинственными наездниками, они завоевывали разные области и располагались в них в качестве военной дружины или военного сословия. Первоначальная система арабов (стр. 118) — содержать свое войско за счет государственной казны, пополняемой податью покоренных, — была перенята ими в форме, очень близкой и постепенно все более приближавшейся к ленной системе Запада. Отдельным воинам отводились земли, подати с которых поступали непосредственно в их распоряжение, и на этих землях они имели определенное право чинить суд**. Сельджуки, а затем османы продолжали это. И все же по сравнению с Западом имеется большое различие. Его можно, как мне кажется, изложить следующим образом. Во-первых, османские лены всегда оценивались и различались по их денежной стоимости; во-вторых, здесь прошло значительно больше времени, чем на Западе, пока утвердилось право наследования, и поэтому, в-третьих, публичная должность, правительственная власть, не была захвачена ленными владельцами, а оставалась в руках султана. Таким образом, османское государство ближе к англо-норманскому, чем к континентально-европейскому: и здесь и там подлинной феодальной системы не развилось. Но османская ленная система в период своего расцвета решительно отличается от англо-норманнской системы, так как лены, тимары, классифицирующиеся по их стоимости, действительно жалуются всегда снова, — они не сливаются с родом владельца, а принадлежат, так сказать, всей корпорации воинов, сипаев. Юноша, сын крупного ленного владельца, не наследует владение своего отца, а начинает с простого военного лена и только в случае отличия наделяется более крупным леном. Но как ни усилилась благодаря этому власть султана над ленниками (тимарли), все же и здесь мы слышим о нерадении последних, когда они должны были следовать его военному призыву. В одной из покоренных областей, в Сербии, высчитали, что примерно на 40 кв.км приходился один наделенный леном сипай. Наряду с тимарли султаны имели непосредственно подле себя сипаев Порты, их лейб-гвардию, которую можно сравнить со скарой франков. Вместе с конными воинами имелись и пешие копейщики, асабы, ничем замечательным, однако, как и на Западе, себя не проявившие. Во всех этих институтах, хотя и имевших своеобразную восточную окраску, все же, как мы видим, нет ничего сильно отличающего их от обычного для того времени. Если бы империя Османа зиждилась только на наделенных или не наделенных ленами сипаях, то вряд ли получилась бы та интенсивная жизненная сила, благодаря которой эта империя так выделяется на фоне предшествовавших мусульманских государств.

* Одно время даже считали, что монголы сыграли громадную роль в истории военного искусства, особенно потому, что существуют и теоретические предписания, составленные, будто бы, Тимуром. Однако, их действия ничем не отличаются от обычных действий кочевников, а предписания Тимура не имеют реального содержания. Обзор военной организации кочевников, равно как и литературу по этому вопросу, можно найти у Иенса, Handbuch, стр. 698 и след. Также и сражение при Лигнице 1242 г., судя по легендарности предания, не представлет собой, на мой взгляд, никакого вклада в военную историю.

** P.A. von Tischendorf, Das Lehnswesen in den moslimischen Staaten insbesondere im osmanischen Reiche. Mit dem Gesetzbuch der Lehen unter Sultan Ahmed I, Лейпциг, 1872.

Но кто придает своеобразие османам, кто основывает и укрепляет их господство на протяжении столетий — это янычары*.

Янычары, или «новые войска» (Jeni dscheri), созданные примерно в 1330 г., были пешими лучниками наподобие английских лучников того времени, но имели совсем иную организацию. Это — постоянное дисциплинированное войско. Английские лучники — также профессионалы, но это — наемники, вербуемые для данной войны и распускаемые после заключения мира. Они возвращаются к своей гражданской профессии или ищут другой военной службы, или же разбойничают и бродят по стране. Янычары, вначале также вербовавшиеся, остаются на постоянной службе у султана и пополняются мальчиками, насильно отрываевыми от семей покоренных христиан; этих мальчиков обращают в мусульманскую веру, строго воспитывают и обучают военному ремеслу. Янычары не женятся и не имеют семей, а живут в замкнутой корпорации, являющейся одновременно и некой хозяйственной единицей и военной частью. Каждые 10 янычар образуют «ряд» (Rotte), имеющий артельную палатку, общий котел и общую вьючную лошадь. 8—12 таких «рядов» образуют роту, «оду», подчиняющуюся особому командиру. В XIV в. имелось 66 од янычар, которых можно, пожалуй, исчислить примерно в 5 000 человек. Магомет II, покоритель Константинополя. добавил к этому еще 33 оды «сегбан», а затем к этому прибавилось еще 100 од, называвшихся «яга»**.

Обязательным условием для поддержания в этом войске необходимых качеств и вместе с тем характерной чертой этого войска являлось абсолютно правильное и бесперебойное снабжение его продовольствием, и османские султаны добились того, чего не сумел добиться ни один христианский монарх того времени, — извлечения необходимых для этой цели средств от подвластных им подданных. Какое значение имел продовольственный вопрос во всей организации янычар, видно из забавных обозначений офицерских должностей: командир оды называется чорбаджи-баши, т.е. «раздатчиком супа», другой называется «главным поваром», третий — «квартирмейстером». Унтер-офицеры называются «погонщиками верблюдов». Сама ода называется «спальней», где товарищи сообща спят, или «ортой», т.е. очагом, на котором варят общую пищу. Котел считается буквально святыней войска. Кроме малого котла для роты, имелся большой общий котел для всей оды, в котором каждую пятницу для воинов Аллаха с кухни самого султана приносился пилав — национальное блюдо из риса и баранины.

В свою войлочную шапку каждый янычар втыкал деревянную ложку.

С самого начала янычарам прививался не только военный, но и религиозный дух ислама. В организации янычар принимал участие и орден дервишей «бекташи»; дервиши-бекташи сопровождали янычар и на войну, исполняя заодно роль певцов и шутов; воины носили войлочную шапку монахов с отличительным знаком — свисающей полоской белого сукна, которая должна была напоминать о развевающихся рукавах благославляющего дервиша. Воспитание молодой смены находилось, надо полагать, главным образом в руках этих дервишей.

Забывшие родителей и родину эти воины не знали другого отечества, кроме сераля[168], другого повелителя и отца, кроме великого господина, никаких желаний, кроме его, и никаких надежд, как на его милость; их жизнь протекала в строгом целомудрии и беспрекословном повиновении; они знали только одно занятие —

* Heinr. Schurz, Die Janitscharen, Preuss. Jahrb., т. 112 (1903); Leop. v. Schlözer, Ursprung und Entwickelung des alttürkischen Heeres, 1900; Ranke, Die Osmanen und die spanische Monarchie. Сочинения, том 35.

** Сегбаны, якобы, составлялись из охотничьей свиты султана. Сообщенная численность ее в 7 000 человек, конечно, преувеличена. Вместе с этим отпадает и вывод, будто одна ода насчитывала 200 человек, и дальнейшие выводы относительно подразделений на «ряды» и палатки Шурц (Schurz), стр. 459. При Селиме I, 1512—1520 гг., янычар, якобы, было только 3 000 человек, а в 1550 г. — уже 16 000; Schurz, стр. 454. В таком случае эти 3 000 относятся, очевидно, только к первоначальным 66 одам. На стр. 459 Шурц указывает, что при Магомете II янычар было 12 000 человек.

войну; их целью было — при жизни добыча, а после смерти — рай, вход в который открывала борьба за ислам.

В казармах, похожих на монастыри, дисциплина была так строга, что ночью никто не имел права оставаться вне их. Младшие молча служили старшим. Тот, на кого налагалось взыскание, должен был поцеловать руку наложившему взыскание.

В отношении вооружения и личной ловкости янычары походили на английских лучников, но благодаря дисциплине были способны на большие дела. Правда, мы слышим, что и им иногда придавались копейщики (асабы) для отражения неприятельских коней, но, очевидно, это являлось только исключением, и асабы в моральном отношении стояли не только не выше, но даже ниже рыцарей. Янычары были достаточно стойки, чтобы без посторонней помощи выдержать любой натиск, но не настолько, чтобы устоять перед атакой рыцарей в открытом поле; со стрелой и луком здесь ничего не поделаешь. Но янычары умели быстро сооружать легкие препятсвия и вырывать рвы, позади которых они выжидали атаку. Наступательные же действия они предоставляли рыцарям, сипаям.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НИКОПОЛЕ*

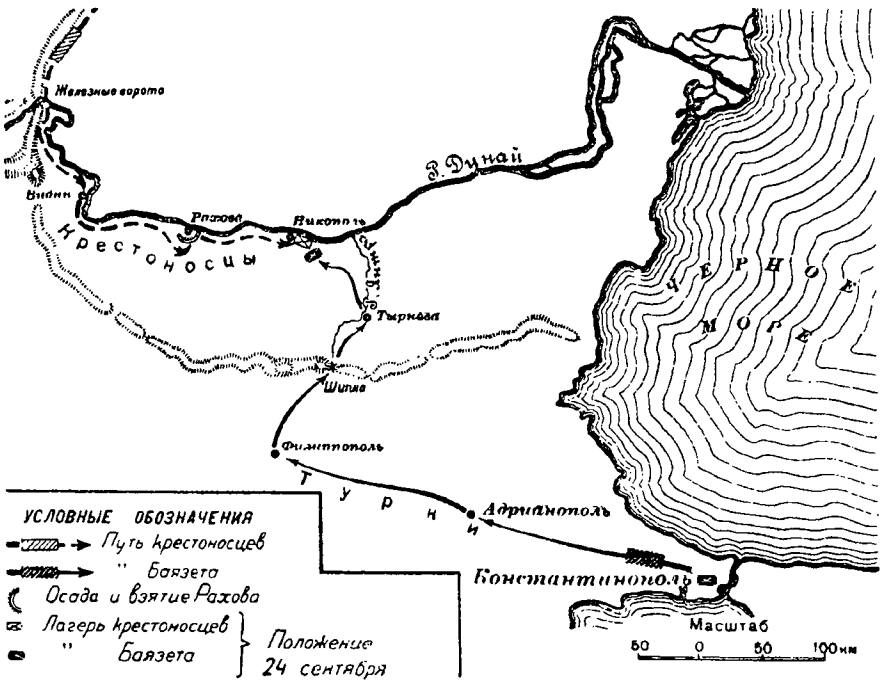
25 сентября 1396 г.

Я уже отмечал выдающееся значение местоположения Константинополя, где выгодные условия местности сочетаются с богатством вспомогательных средств крупного торгового центра и узла путей сообщения. Эта мощь города еще раз проявилась в том, что турки успели раньше занять весь Балканский полуостров, прежде чем им сдался, наконец, Константинополь. Со времени первого утверждения турок в Европе в 1356 г. до падения Константинополя в 1453 г. прошло почти 100 лет; в течение этого столетия столицей падишаха был Адрианополь, опираясь на который падишах покорил сербов и болгар.

Королем Венгрии стал тогда, после женитьбы на наследнице престола, сын императора Карла IV, курфюст Бранденбургский Сигизмунд, который в дальнейшем должен был сам носить императорскую корону. Он понял опасность, угрожавшую не только его империи, но и всей Западной Европе, и использовал все свои связи, чтобы всех поголовно поднять на ноги на защиту от турок. Происходя из рода графов Люксембургских, — из рода, говорившего на французском языке, — Сигизмунд издавна находился в дружественных отношениях с французами; его дед, король Иоанн, пал в сражении при Кресси, а папа Бонифаций IX, признанный в Германии, Италии и Англии, обратился с призывом ко всем христианам и приказал проповедывать крестовый поход.

Успех был таким, каким никогда еще не был в эпоху крестовых походов. Во главе блестящего войска французских рыцарей стал юный граф де Невер, сын герцога Филиппа Бургундского. Венеция обещала корабли. Под команду венгерского короля встали германцы, англичане, поляки, итальянцы; среди германских князей находились пфальцграф Рупрехт и бургграф Нюренберга Иоганн; вместе с ними — городские рыцари из Страсбурга. Гросмейстер иоаннитов, местопребывание которых тогда было на о. Родосе, прибыл с рыцарями, а князь валахов Мирцей послал подкрепление. Одни французы собрали 1 000 рыцарей и пажей, а с вспомогательными комбаттантами, пожалуй, 2 500 человек; вся армия христиан насчитывала от 9 000 до 10 000 конных, из числа которых, за вычетом потерь во время похода и оставленных в гарнизонах, в сражении активно участвовало, примерно, 7 500 воинов. т.е. такое могучее воинство, что становятся понятными надменность и самонадеянность с которыми рыцари совершили этот невероятный

* Основным специальным исследованием является берлинская диссертация Густава Клинга (Gustav Kling, Die Schlacht bei Nikopolis, изд. Georg Nauck, 1906).



С х е м а 37. Передвижение армий перед сражением при Никополе 25 сентября 1396 г.

поход и шли в бой. О пехоте ничего не известно. Переход совершался вдоль Дуная, причем транспортная флотилия везла с собой по реке продовольствие.

Христиане намеревались не только окончательно изгнать турок из Европы, но даже вновь овладеть гробом господним. Пусть небо рухнет, — будто бы заявил Сигизмунд, — и то его армия в состоянии будет выдержать его тяжесть на своих копьях. Кого же из смертных можно было после этого бояться?

Дунай перешли у «железных ворот» и взяли направление не на континент, на Адрианополь, где трудно было бы прокормить колоссальную армию, а отправились дальше вдоль Дуная, имея подле себя флот, везший продовольствие. По пути занимали болгарские города в уверенности, что этим привлекут султана Баязета с армией и смогут дать ему желанный решительный бой.

Без сопротивления сдался Виддин. Рахово было взято после 5-дневной осады с помощью восставшего против турецкого гарнизона болгарского населения города. Только Никополь упорно защищался, и даже 16 дней спустя крестоносцы еще не овладели им, когда получено было сообщение о приближении войска в помощь осажденному городу.

Баязет стоял под Константинополем, когда узнал о приближении крестоносцев. Он потратил некоторое время на снаряжение войска, стремясь тем самым увлечь христиан еще дальше в глубь страны. Затем он подошел к Филиппополю, пройдя через Шипку и Тырново, т.е. с уклоном на восток, очевидно, потому, что на этой стороне Никополя нашел местность, наиболее соответствующую его тактике. Он двигался так быстро, что пришел в Тырново (90 км по воздушной линии от Никополя) почти одновременно с гонцами, сообщившими о его прибытии. Вечером 24 сентября он разбил свой лагерь всего в 5 или 6 км от армии христиан. Последние стояли внизу в долине Дуная перед городом, турки же стояли

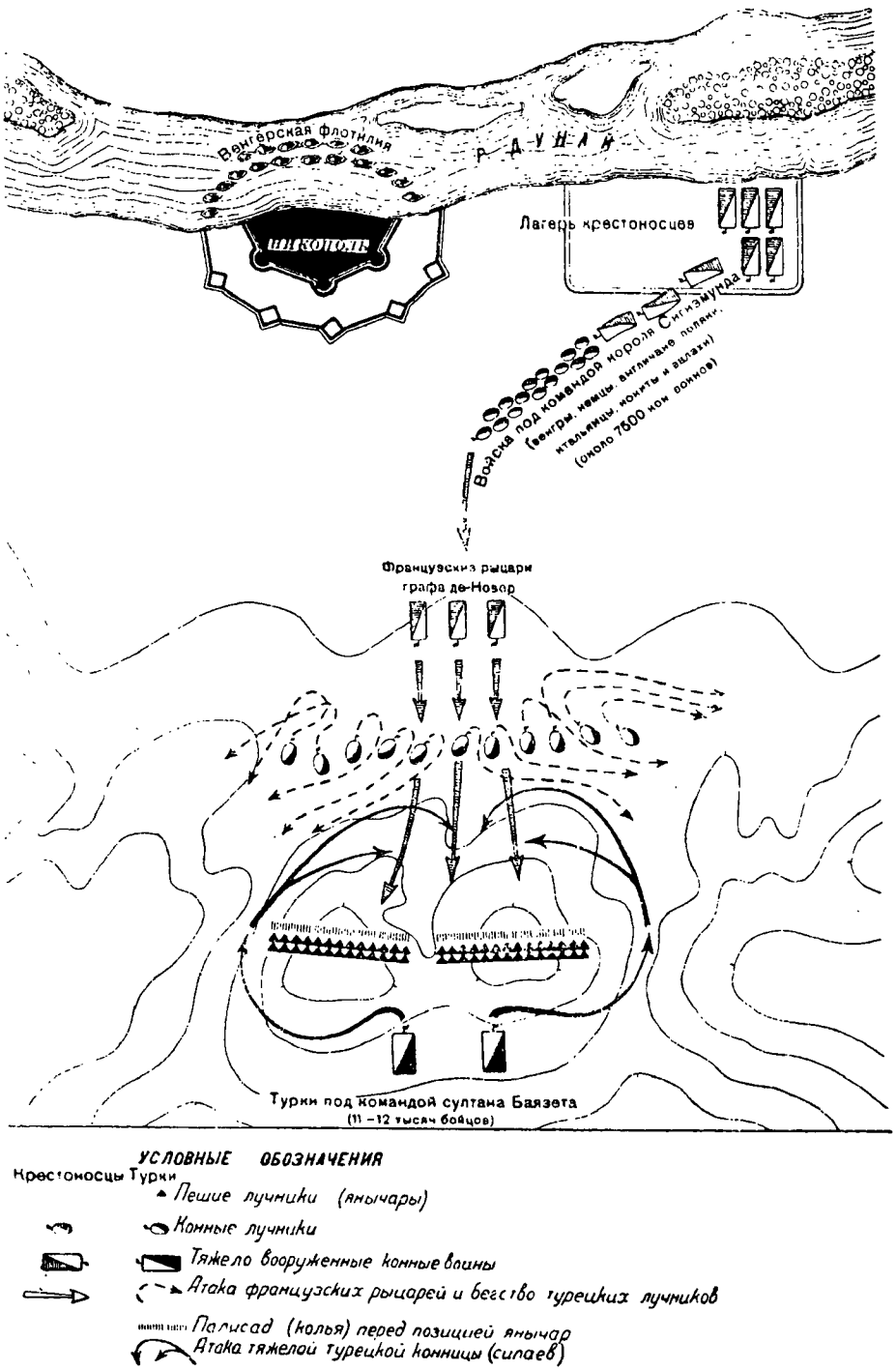


Схема 38. Сражение при Никополе 25 сентября 1396 г.

на волнистой местности, возвышавшейся к юго-востоку над речной долиной шириной примерно в $^1/_2$ мили, ограниченной справа и слева крутыми откосами.

Неожиданное появление турок сразу же поставило армию христиан в очень плохое положение. Если бы в их распоряжении был хотя бы один день, то они двинулись бы навстречу туркам в открытую равнину; теперь же пришлось на виду неприятеля подниматься из долины, откуда ложбина вела на плоскогорье. Правда, осаду города сняли в этот же день, так как поступило несколько сообщений о приближении армии на помощь осажденному городу, но все же не предполагали ее настолько близко, чтобы немедленно начать наступление. Лишь ночью Сигизмунд отправился к французам, чтобы сговориться с ними о наступлении и о плане сражения. Во время этих переговоров, по-видимому, больше всего спорили о том, кому предоставить честь завязки боя; возможно, за этим спором об этикете скрывался вопрос о тактике. Если Сигизмунд желал, чтобы во главе наступавших стояли его венгры, то при этом он имел в виду не столько вопросы чести, сколько вооружения. Венгры издавна были конными лучниками, т.е. больше всего годились для начала сражения. Французы, однако, настаивали и добились того, чтобы первыми завязать бой. Одни за другими поднимались через ложбину на плоскогорье различные контингенты и национальности.

Янычары ожидали их на позиции, защищенной и укрепленной легким палисадом, — точное подобие позиции английских стрелков при Азинкуре. Не исключена возможность того, что англичане прямо подражали янычарам; английские рыцари также принимали участие в этом сражении и были свидетелями успеха турок. В остальном же это сражение имеет больше сходства с Кресси, чем с Азинкуром. Турецкие лучники занимали выгодную оборонительную позицию, а христиане дали себя спровоцировать на атаку этой позиции не сомкнутой массой, а разрозненными отрядами. Вдобавок Баязет приказал всадникам рассыпаться впереди янычар, а сам во главе сипаев спрятался за холмом. Когда французы достигли плоскогорья и увидали немногочисленную турецкую конницу, а за нею пехоту, их нельзя было уже сдержать, и они бросились на противника; может быть, они думали, что вообще этим исчерпывается армия турок, а может быть полагали, что застигли противника на марше. Тщетно Сигизмунд приказывал им обождать прибытия всей армии.

Французские рыцари с легкостью погнали турецкую конницу; последняя завлекала их на расстояние досягаемости выстрелов янычар, а после того как всадники и лошади понесли урон от стрел на холме, появился падишах во главе сипаев и обрушился на заносчивых французских рыцарей. Нужно полагать, что справа и слева от янычар было оставлено пространство, где сипаи могли бы атаковать, не топча в то же время своих собственных лучников. Они имели большое численное превосходство над французами, напали на них одновременно со всех сторон и вскоре совсем окружили. Когда явился Сигизмунд с венграми, германцами и другими войсками, то с французами было уже покончено, а еще через некоторое время победа турок над крестоносцами была окончательно завершена.

Вопрос о том, имели ли турки численное превосходство над христианами, нужно оставить открытым. Источники, говорящие чуть ли не о 400 000 турок («Annales Estenses»), не дают надежной базы для исчисления*. Победу можно в достаточной мере объяснить уже одним только замечательным взаимодействием родов войск и гениальным тактическим и стратегическим руководством турецкой

* Kling исчисляет турок в 16 000—20 000 человек, т.е. вдвое больше, чем христиан. Основываясь на вышеприведенных данных Шурца (стр. 490), он считает, что янычар было только 3 000 человек, но полагает, что, кроме того, была еще нерегулярная пехота, а янычары составляли только ядро армии. Я считал бы более правильным эту «нерегулярную пехоту» совсем отбросить, — вряд ли Баязет имел другое войско, кроме квалифицированных бойцов, — а вместо этого считать, что янычар было больше.

армии при полном отсутствии руководства на стороне христиан. Возможно, однако, что к этому присоединялось и некоторое численное превосходство, так что турецкую армию мы можем исчислять в 11 000—12 000 человек. Вследствие того что янычары выдержали сражение без поддержки рыцарей и вследствие наступательных действий турецкой конницы, эта победа в смысле искусства и силы стоит выше побед англичан при Кресси и Азинкуре.

Такое сравнение напрашивается еще и потому, что не только тактическое развитие сражения, но и решающий момент победы были в обоих случаях аналогичны. И здесь и там мощная армия сильной манархии одержала победу над плохо управляемой феодальной армией, полагавшейся только на личную храбрость бойцов. Сам король Сигизмунд меньше всего повинен в недостаточном руководстве, так как он не имел никакой власти даже над своими венграми, не говоря уже о французах. Но так как султан имел войска значительно более дисциплинированные и покорные, чем войска Эдуарда и Генриха, то он и одержал значительно бóльшую победу, чем они.

Армия христиан, имевшая позади себя запертый город, гарнизон которого произвел вылазки, и кроме того широкий Дунай и неприятельскую страну, была почти окончательно уничтожена*.

Граф де Невер попал в плен к туркам; король Сигизмунд спасся на корабле и, спустившись на нем вниз по Дунаю, отправился через Константинополь и Далмацию снова домой.

Тем обстоятельством, что волна османов не разлилась вслед за победой при Никополе по всему Западу, а Константинополь все еще главенствовал, мы обязаны монголу Тамерлану, который спустя 8 лет в большом сражении при Ангоре победил и взял в плен храброго Баязета.

ГЛАВА IV

ГУССИТЫ

В первую очередь я воспроизвожу ту картину военной организации гусситов, которую набросал Макс Иенс (Max Jähns) в своем «Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens» (стр. 891 и след.).

Табориты[169], утверждает он, распадались на две общины: оседлую и полевую, или военную. Первая занималась ремеслами и сельским хозяйством, поставляя все необходимое для войны, а вторая только вела войну. Однако, создается впечатление, будто общины поочередно сменяли друг друга в этих родах деятельности.

Метод боевых действий Жижки был чрезвычайно рациональным. В его войске не требовалось ни рыцарского образа мыслей, ни герба, ни турнирного искусства, ни галантности, но с тем большей тщательностью учитывалось своеобразие местности.

Табориты ревностно стремились использовать каждое вспомогательное средство фортификационного искусства, как в виде использования земляных укреплений, так и в виде боя при помощи повозок, получившего у них исключительное развитие. Этот последний вид боя явился замечательным приемом Жижки, которым он достигал слияния обороны с наступлением, и притом слияния

* Для иллюстрации того, как беспардонно хроникеры обращаются с численностью армии, очень характерен тот факт, что Кенигсгофен исчисляет армию христиан в 100 000, а их потери — в 200 000 человек.

настолько действительного и беспримерного, что оно возбуждало удивление всех современников.

Вагенбург был подвижной крепостью, отдельными составными частями которой служили повозки, прикрепленные одна к другой цепями и двигавшиеся рядами (колоннами). Каждая повозка запрягалась двумя лошадьми: одна шла в оглоблях, а другая впереди — в постромках. Передвижения регулировались сигнальными флагами, поднимаемыми на передней и задней повозке каждого ряда. Сноровка таборитов в искусном свертывании и развертывании своих подвижных укреплений была чрезвычайно велика. Обычно повозки образовывали 4 колонны (ряда), 2 крайних («krajni») и 2 внутренних («placni»). Передние и задние оконечности крайних колонн были длиннее внутренних, и эти выступавшие оконечности рядов назывались «окридили» (крыльями). Они служили для того, чтобы, в зависимости от обстоятельств, соединяться между собой для быстрого превращения походного порядка в форму закрытого лагеря (табора). Вообще же и во время движения они образовывали самые разнообразные формы, — например, в виде букв V, C, E или Ω.

Если подвижная крепость должна была превратиться в закрытый табор, то лошади распрягались, оглобли надвигались на предние повозки и связывались цепями. Лошади оставались возле повозок, дабы в любой момент их можно было снова запрячь, так как гусситы часто внезапно переходили от обороны к нападению. Они находились под надзором оруженосцев (Paveseni), четырехугольными щитами которых прикрывались промежутки между повозками. На каждой повозке стояли четыре молотильщика, которые были обучены делать окованными железом цепями от 20 до 30 взмахов в минуту, а также воины, вооруженные длинными крюками, и несколько лучников, арбалетчиков и стрелков из ружья. Под каждым возом вдоль его висела доска, которая могла выдержать удары небольших метательных снарядов. Позади повозок в проходах между таборами находились вооруженные батальоны для смены бойцов на повозках. Наконец, в тылу стоял резерв, готовый при отходе отраженного противника броситься на него через один из выходов.

Папа Пий II (Эней Сильвий Пикколомини), современник гусситских войн, дает, правда, не совсем полную, но во всяком случае живую картину метода боевых действий таборитов. Он говорит: «Они вместе с женщинами и детьми, находившимися при войске, располагались лагерем в поле; множество повозок, которые у них были, служили им для устройства укрепления наподобие вала. Отправляясь в сражение, они образовывали из этих повозок два ряда, между которыми находилась пехота, всадники же оставались за их пределами, но держались недалеко. При начале боя возницы, по данному полководцем знаку, быстро объезжали часть неприятельского войска (армии) и снова смыкались повозками. Противник, стиснутый между повозками и отрезанный от своих, погибал от меча пехоты или от метательных снарядов, сбрасываемых с повозок мужчинами и женщинами. Конница билась вне вагенбурга, но когда противник теснил вагенбург, она отступала в вагенбург и сражалась, спешившись, как бы со стен укрепленного города. Этим способом они выигрывали много сражений и добивались победы. Дело в том, что соседние народы не знали такого способа ведения войны, а Богемия с ее широкими, ровными полями дает полную возможность выстраивать повозки в ряды, раздвигать их на широком пространстве и снова соединять их».

Нет сомнений, что дело заключалось главным образом именно в этом. Это особенно ясно вытекает из другого места свидетельства Пикколомини. Он сообщает: «Как только давался сигнал к бою, возницы двигались на врага по определенным, заранее им указанным, фигурам или буквам, образовывали закоулки, которые, будучи хорошо известны опытным таборитам, для противника оказывались гибельным лабиринтом, из которого он не мог найти выход и в котором он запутывался, как в сетях. Когда враги бывали таким образом разбиты,

отрезаны и разрознены, пехота мечом и молотилами без труда завершала разгром, или же противник погибал от стоявших на повозках стрелков. Войско Жижки походило на четверорукое чудовище, которое неожиданно и быстро схватывет свою добычу, душит ее и по кускам проглатывет. Если кому и удавалось выбраться из лабиринта повозок, то он попадал в руки всадников, расположенных вне вагенбурга, и здесь погибал».

Когда в декабре 1421 г. Жижка был окружен на горе Таурганг и ему оставалось или погибнуть или сдаться, он связал свои боевые возы цепями, поставил на них лучших бойцов и устремился с горы. Таким образом он прорвал ряды неприятеля, который не осмелился атаковать движущуюся крепость, а в нерешительности уклонился и отступил к Колину.

Год спустя Жижка предпринял поход на Венгрию. Венгры уклонялись от боя, и гусситы возвратились восвояси. Шесть дней, подвергаясь непрерывным атакам со всех сторон, двигался вагенбург в составе многих сотен повозок с многочисленными пушками по долам и лесам, через горы и реки; но все попытки венгров взять штурмом катившуюся крепость бывали отбиты.

Изложение Иенса в основных чертах восходит, по его собственному свидетельству, к Энею Сильвию Пикколомини, папе Пию II, который был не только современником гусситского движения, но и был близок к лучшим знатокам этого движения. Он участвовал в Базельском церковном соборе; известно о его близости к кардиналу Чезарини, возглавлявшему последний крестовый поход против гусситов. По просьбе Чезарини предводитель богемцев Прокоп при мирных переговорах лично объяснял ему военную организацию гусситов. Эней Сильвий сам был в Богемии и даже в таборе, а позже лично беседовал с оставшимися в живых главарями движения.

Более осведомленного свидетеля, чем папа-писатель, нельзя и пожелать, но если он сам не проявлял критического отношения, то его сообщения прошли через горнило строгой исторической критики. Иенс заимствовал не непосредственно у папы, а главным образом при посредстве чешского историка Палацкого (Palacky), и даже современный историк, проф. Лозерт (Loserth) в своей «Geschichte des späteren Mittelalters», стр. 490, в кратких словах излагает то же. В своей более поздней «Geschichte der Kriegswissenschaft», т. I, стр. 303, Иенс воспроизвел свое прежнее изложение и еще шире обосновал его источниками; по поводу наступательного маневрирования вагенбурга он, в частности, ссылается на два места у Цезаря, где последний указывает на нечто подобное у гельветов и германцев*.

Палацкий, историк Богемии, полагает**, что Николай Гусс и Жижка, «привлекая и других знатоков, набросали новую систему ведения войны, своеобразно приведшею в согласие древний опыт и основоположения римлян с новейшими достижениями военного искусства, обусловленными применением пороха».

Если бы первоисточники были утрачены, то исторической критике было бы, разумеется, очень трудно восстать против этой столь общепринятой исторической картины: Иенс был офицером прусского генерального штаба и преподавателем военной академии; его руководство по истории военного дела посвящено фельдмаршалу Мольтке, а «Историю военных наук» он написал по заданию Мюнхенской исторической комиссии; он ссылается на наилучшие источники, — кто может что-либо возразить против авторитета Цезаря, когда он повествует о каком-либо военном событии? — и лучшие историки стоят за него в качестве присяжных поручителей. И тем не менее все описание Иенса является плодом фантазии. С самого начала моих военно-исторических занятий я по реальным мотивам был убежден, что наступательное маневрирование с вагенбургами невозможно, но для того, чтобы опровергнуть это на основании источников, мне необходим был

* Handbuch, стр. 943.

** «Gesch. Böhmens», III, 2, 67.

исследователь, знающий чешский язык. Каждый семестр я опрашивал мой семинар, нет ли среди участников слависта. Наконец, нашелся балтиец Макс фон Вульф, который, зная русский язык, решил овладеть чешским, взялся за эту задачу и, смею сказать, мастерски завершил ее, хотя мне (тогда я сам не был еще членом факультета) стоило немалых трудов добиться от референта принятия диссертации*.

Ссылка на Цезаря с самого начала оказалась неправильной, так как в соответствующих местах вовсе не сказано того, что Иенс счел возможным вычитать. Далее Вульф доказал, что и у Энея Сильвия нет тех положений, на которые ссылается Иенс. Россказни о высоко искусном маневрировании и буквах встречаются впервые у иезуита XVII в. Бальбинуса. У последнего историк Ашбах позаимствовал краски для своей «Истории императора Сигизмунда». У Ашбаха сделал дословное заимствование Мейнерт в своей «Истории военного искусства» без указания автора и с ошибочным добавлением: «Эней Сильвий сообщает» У Мейнерта же это в свою очередь перенял Иенс, не проверив, имеется ли, действительтно, такое место у Энея.

Скрепление повозок цепями во время передвижений так же не восходит к документальным источникам, как и искусное маневрирование этих повозок: это чистое предположение Палацкого.

Остается еще одно: такой хорошо осведомленный свидетель, как Эней Сильвий, в самом деле сообщает о наступательных действиях вагенбурга, и его сообщение подтверждается рассказом Андрея из Регенсбурга о бое при Клаттау (1426 г.). Однако, относительно и этих двух свидетельств, взаимно подкрепляющих друг друга и казавшихся неопровержимыми, Вульф не только доказал, что они основаны на недоразумениях, но и вскрыл характер этих недоразумений. По поводу боя при Клаттау к счастью сохранился доклад ульмского полководца Генриха Штоффеля своему городу, дающий возможность выправить рассказ Андрея; об ошибке Энея Сильвия мы будем еще говорить ниже.

Я несколько подробнее остановился на этой цепи ошибок и на их окончательном выяснении из соображений методологического характера и ввиду многочисленных аналогичных случаев в военной истории, когда документальное выяснение дела достижимо еще в меньшей степени, и где ученый мир поэтому с таким трудом решается отказаться от традиции, как ни очевидна ошибка для специалиста. Я считаю, что и рассказ Ливия (VIII, 8) о римской манипулярной тактике, которого ученый мир так долго придерживался и от которого Моммзен так и не захотел отказаться, — построение в рукопашном бою с промежутками в 6 шагов между легионерами, к которому вновь и вновь возвращаются ученые, и крестьянские армии Карла Великого, треугольником построенная пехота, — все это вполне может быть поставлено рядом с рассказом Иенса о наступательном вагенбурге, «катящейся крепости». Что делалось с «катящейся крепостью», если неприятельское копье или стрела поражали хотя бы одну лошадь? Или неприятельские войска равнодушно смотрели на то, как гусситские возницы, по знаку сигнальных флагов проезжали, делая искусственные фигуры, сквозь их ряды?

Подобно тому, как Ливий ошибочно превратил учебное упражнение в картину сражения, так и Эней Сильвий не сделал, по выражению Вульфа**, различия между походным порядком повозок и их боевым построением и когда, спустя 25 лет после события, делал свои записи, самым небрежно-фантастическим образом слил одно и другое в картину подвижного, наступающего вагенбурга. Как в том, так и в другом случае доброкачественный источник при переработке сведен, в силу недоразумений, к нелепостям с реальной точки зрения. Критика же, которая не находит в себе мужества быть последовательной до конца и вместо этого

* Max v. Wulf, Die hussitische Wagenburg, Berliner Dissertation, 1889.

** Preuss. Jahrb., 69, 674. Диссертация, стр. 21.

пытается путем ослаблений и перелицовок создать некоторую видимость реальной возможности, упускает из виду цель истинного знания.

Прежде чем непосредственно перейти к предмету нашего изложения, бросим взгляд на предшествующую историю наиболее характерного боевого средства гусситов — повозки.

Боевые повозки встречаются преимущественно в самые отдаленные времена истории, до того момента, с которого начинается наш труд. Затем они несколько раз появляются в виде боевой колесницы с серпами, действенность которой незначительна*. Боевые колесницы — эсседы, употреблявшиеся британцами и известные нам по «Илиаде»[170], Цезарь считает вполне пригодными к употреблению и действенными. Но так как он и сам их не перенял, и к себе на службу британцев с колесницами не взял, как сделал это с германскими конниками, то появление их в военной истории было слишком кратковременым, чтоб их стоило вовлекать в круг нашего рассмотрения. Об этих колесницах мы упоминаем только в связи с тем и в том месте, где повозки внезапно получают несомненно большое историческое значение**.

Повозки, о которых здесь идет речь, не имеют ничего общего ни с колесницами с серпами, ни с боевыми колесницами, заменявшими верховых лошадей; упоминаемые в нашем изложении повозки предназначались исключительно для образования укрепления, вагенбурга.

Уже в древнейшие времена применение вагенбурга признавалось вполне годным приемом обороны на войне. Эврипид в трагедии «Финикиянки» изображает, как одна из враждующих сторон укрывается от другой при помощи вагенбурга. У германцев при переселениях племен с женами и детьми вагенбург, несомненно, сыграл свою роль, — например, при Адрианополе. И в средние века постоянно упоминается о вагенбургах; мысль использовать повозки, которые всегда имеются с собой, одновременно и в качестве легкого прикрытия для лагеря и обороняться за ними в случае надобности напрашивается сама собой. Сохранился боевой приказ полководца чешского короля Вячеслава, Хажек Ходжетина, от 1413 г., т.е. до гусситских войн, в котором предписывается организация боевых возов и вагенбурга. Благодаря гусситскому движению это традиционное лагерное укрепление внезапно приобретает новое значение.

Гусситское движение имеет одновременно и религиозный и национально-чешский характер. Один манифест г. Праги, относящийся к началу войны, прокламировал, что немцы — «природные враги чешского народа»***. Жижка в своем боевом приказе заявлял, что он взялся за оружие не только для отстаивания истины божеского закона, но особенно для освобождения чешского народа и всего славянства****. К движению примкнула и часть знати, а также магистраты Праги и многих других городов; но главным элементом были возбужденные горожане и крестьяне.

Мы знаем, как мало значили ополчения крестьян и горожан. Рыцари, смеясь, рассеивали такие отряды, и самый мощный, религиозно-национальный энтузиазм, как бы он ни повышал личную храбрость, все же не повышает военную годность настолько, чтобы с успехом сражаться против профессиональных воинов. Ведь даже сознание того, что борьба идет за имущество и жизнь, за жен и детей, не смогло придать жителям Франкского и Англосаксонского государств сил для отражения викингов, или римлянам — для отражения германцев.

Богемцы первоначально также были не в состоянии вступить в открытом поле в бой с германскими отрядами, приведенными короллем Сигизмундом для подав-

* Ср. т. I.
** Jähns, Kriegsw, стр. 943.
*** Loserth, стр. 489.
**** Palacky, Gesch. Böhmens, III, 2 361.

ления восставших подданных. Он дошел до Праги и пытался обложить ее, но не смог; армия крестоносцев, которую он вел, была обессилена внутренними раздорами, а упорное сопротивление страны вынудило его, в конце концов, к отступлению. Ему оказывала сопротивление не только неорганизованная масса, но и сословная верхушка, в значительной своей части имевшая корни в прошлом, руководившая движением. Некоторые сражения, происходившие в первое время, в которых немцы еще неоднократно побеждали, напоминают обычные сражения позднего средневековья, с той лишь разницей, что богемских феодалов и рыцарей поддерживали многочисленные горожане и крестьяне, взявшиеся за оружие во имя религиозно-национальной идеи.

Таким образом, в начале войны установилось некоторое равновесие, и гусситы выиграли время для создания во время войны (и благодаря ей) своего собственного своеобразного войска.

Более консервативные элементы, сперва участвовавшие в движении, вскоре откололись от радикалов; во вспыхнувшей вследствие этого гражданской войне верх одержали радикалы, а вместе с ними и новый способ ведения войны. Но сразу начать большое наступление гусситы еще не были в состоянии. Только на восьмом году войны, в 1427 г., начинаются вторжения в Германию. Это развитие аналогично тому, которое затем всемирная история пережила во время английской и французской революций. Религиозный или национальный энтузиазм непосредственно не создает новой грозной военной силы, но он создает условия, благодаря которым такая военная сила может развиться. Бойцы Кромвеля и французской революции добились качественного превосходства над своими противниками также лишь по прошествии многих лет. Французская республика обязана своим удачным сопротивлением, которое она оказала прусско-австрийскому нашествию 1792 г., не столько добровольцами, сколько перешедшим на ее сторону остаткам старой королевской армии и крепостям*.

Перед гусситскими вождями стояла большая задача — добиться, чтобы народ, вооруженный имевшимися под руками оружием — пиками, алебардами, топорами, палицами, молотилами, почти без оборонительного оружия — шлема, панциря и щита, — смог устоять против наступающих рыцарей.

Жижка, опытный в военном деле дворянин, был, якобы, тем, кто задумал и провел в жизнь использование для этой цели вагенбурга. Вначале, быть может, применялись обычные крестьянские повозки, скреплявшиеся одна с другой, а затем для этого стали строить специальные повозки. Они имели крепкие щиты; между колесами вдоль повозки также висела доска, дабы нельзя было пролезть под колесами; железные цепи брали с собой для того, чтобы прикреплять один воз к другому, так что нельзя было образовать проход, вытащив один воз. Каждая повозка была запряжена 4 лошадьми. Вблизи неприятеля повозки ехали в несколько рядов один возле другого, чтобы можно было быстро образовать четырехугольник. Для того чтобы расчищать и делать торными дороги, имелся запас лопат, топоров, мотыг. Это относится, понятно, только к последним моментам занятия позиций. Очень часто перед повозкой вырывался ров, и колеса забрасывались

* Сообщение о том, что гусситы одержали 14 июня 1420 г. большую победу над немцами на Виткоберге (гора Жижки), к востоку от Праги, является вымыслом (ср. Bezold, König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten, I 41 и сл.; Loserth, Gesch. d. spät, Mittelalt., стр. 490). Это сражение вполне может быть сопоставлено со сражением при Вальми 1792 г. Отбили всего лишь одну атаку противника, но уже того, что это удалось, было достаточно; это дало веру в будущее. Победа пр Вышеграде 1 ноября 1420 г. еще не носит никаких специфических черт гусситской тактики. Так как немецкие князья вернулись домой, Сигизмунд располагал только собственными войсками, главным образом из Моравии. Он хотел освободить осажденный Вышеград и твердо рассчитывал на вылазку гарнизона. Но гарнизон, заключивший перемирие, не смог принять участие в операции Сигизмунда. Поэтому есть основание полагать, что пражцы, получив подкрепление от правителей и городов, имели численное превосходство. Из таборитов участие принимал только маленький контингент конных воинов.

землей, так что они были как бы закопаны. Спереди и сзади оставлялись открытыми широкие барьерные ворота, прикрытые четырехугольными щитами. Вагенбург по возможности въезжал на возвышенное место. За повозками стояли защитники с метательными снарядами, пиками, пращами, камнями, луками, арбалетами, а между небоевыми повозками, из расчета 1 на 10 человек, стояли повозки, на которых были установлены вошедшие в употребление с некоторого времени пушки*. Если немцы хотели штурмовать такой вагенбург, то рыцарям приходилось спешиваться, лезть в тяжелом вооружении на гору, где их встречал град выстрелов, в частности и из огнестрельного оружия. Если им и удавалось добраться до повозк, то ворваться внутрь их все же было нелегко; они несли потери, не причиняя в то же время неприятелю никакого сколько-нибудь значительного ущерба. Но как только замечался беспорядок или отступление, из выходов устремлялся стоявший наготове гусситский резерв с холодным оружием. Нечто подобное было, понятно, возможно лишь благодаря тому, что религиозно настроенная толпа получала военное воспитание в духе уверенности в себе и доверия к своим начальникам, а руководители движения на основании опыта и привычки были уверены в своей армии и крепко держали массу в своих руках. Любой другой отряд восставших крестьян, — это нужно отметить и уяснить себе, — и в другое время не смог бы победить рыцарские войска при помощи импровизированного вагенбурга; для проведения гусситской тактики была необходима религиозно-национальная основа, на которой выросли порядок, руководство, организация, уверенность, доверие и значительные люди, которые могли сформировать и применить такие силы.

В качестве характерного примера популярной исторической легенды нужно еще отметить, как Эней Сильвий излагает то обстоятельство, что тяжеловооруженные воины при штурме расположенного на возвышенности вагенбурга, естественно, легко погибают**: он объясняет это хитростью гусситов, жены которых простирали на земле перед повозками свои одежды. Когда спешившиеся рыцари касались этих одежд, они путались в них своими шпорами, падали и их убивали. Эта историйка напоминает переданный Полибием рассказ римлян о голых галлах и их мягких мечах, с той лишь разницей, что здесь галлы — глупцы, а римляне — хитрецы (ср. т. I, часть 4-я, гл. V, VII и VIII).

Огромные результаты, достигнутые гусситской артиллерией, привели к убеждению, что Жижка техническими улучшениями добился прогресса в этом оружии. Но прямых указаний на это мы не имеем: основная причина гусситских успехов заключается в другом. Гусситы не превосходили своих противников ни количеством, ни качеством пушек; пушки лежали непокрытыми на специально приспособленных для этой цели повозках и железными кольцами были закреплены на крепких деревянных площадках. Когда вагенбург выезжал, дула пушек обращались наружу, но в этом положении их нельзя было ни поворачивать, ни изменять угол возвышения***. Заряжание было сложно и длительно. В движении и при атаке эти пушки были почти неприменимы; но гусситы могли ими пользоваться, ибо вся их тактика основывалась на выжидании атаки. Как только враг был на достаточно

* В «Mitteil. d. Ver. f. Gesch. d. Deutschen in Böhmen», т. XXXI, стр. 297 (1893), имеется описание рисунка гусситской боевой повозки в мюнхенской рукописи А. Видемана (A. Wiedemann). Этот рисунок мне доверия не внушает.

Предписание о том, чтобы повозки ехали 4 рядами и чтобы 2 крайних ряда были бы длинней, чемвнутренние ряды, дабы вместе с выступающими повозками образовывать переднюю и заднюю стороны лагеря, является только теорией, или относится лишь к последнему разделению перед подъемом. Целые марши в правильных 4 колоннах могут быть проведены только на очень немногих местах нашей земли. Ср. Вульф, стр. 27, 29. Оба внутренних ряда образовывали внутри малый четырехугольник с проходами.

В 1423 г. в Венгрии Жижка, согласно диссертации Вульфа, стр. 43, образовал перед передним и задним проходами вагенбурга бастион, окопал его и установил пушки.

** «Hist. Boh», гл. 40 по Вульфу, Диссерт., стр. 16.

*** Wulf, Dissert., стр. 43. По Келеру, III, 1, 303 и след.

близком расстоянии, все пушки давали одновременный залп, и это производило, понятно, сильное впечатление, причем впечатление было значительно больше, чем само действие. Следовательно, превосходство гуссисткого оружия заключалось не столько в нем самом, сколько в гусситской тактике.

Древнебогемские анналы описывают сражение при Горице (Horic) в 1423 г. следующим образом: «Жижка расположился лагерем у церкви св. Готтгарда, чтобы иметь возможность со своими орудиями занять позицию на высоте и чтобы прибывшие на конях должны были сойти с коней, не имея к чему привязать их, будучи отягощены своим вооружением больше, чем пешие. Они наступали по горному склону и уставали, штурмуя повозки. Жижка поджидал их с пушками и свежими силами и, прежде чем они смогли штурмовать вагенбург, он бил их, как хотел, а отразив их, он направил на них своих свежих людей». То же самое анналы рассказывают о боях Жижки в Венгрии в 1423 г. «Когда же они однажды предприняли попытку атаковать его, причем конные спешились и устремились на него в пешем строю, то были разбиты, ибо конные, не привычные к пешему бою, не так ловки, как пешие»*.

Постепенно Жижка создавал и конницу, «выискивая», по выражению одного летописца, среди таборитов подходящих людей — «рыцарских оруженосцев» — и давая им вооружение пленных рыцарей. Правда, эта конница никогда не была значительной и самостоятельно не могла сражаться с неприятелем, но была полезна для поддержания пехоты и для развития успеха. Обычно она устанавливалась внутри вагенбурга в глубине и устремлялась через тыльный выход, в то время как пехота делала вылазку через передний. Объезжая вагенбург, конница стремилась атаковать противника во фланг или же преследовать его отсюда.

Решительное значение в гусситском бою имел правильно выбранный момент для вылазки; зачастую случалось, что вылазка начиналась слишком рано, и противник, еще недостаточно обессиленный безуспешным штурмом вагенбурга, в свою очередь атаковал делавших вылазку, беззащитных вне пределов вагенбурга, и разбивал их. Были даже такие случаи, когда противник путем притворного бегства намеренно выманивал чехов из вагенбурга; тогда на них набрасывались стоявшие на готове отряды и избивали их**. Так случилось в 1427 г. при Находе с войском «сирот» и при Вайдгофене (в Австрии) в 1431 г. с армией таборитов.

Сообщение о регулярном чередовании гусситских общин (оставшихся дома и шедших на войну) так же неверно, как подобное же сообщение римлян о древних германцах. Напротив, из первоначально всеобщего народного ополчения постепенно выделился и самостоятельно организовался собственно военный элемент, сделавшись, таким образом, постоянным войском. Наиболее охваченные воинственным духом собрались с женами и детьми в южной Богемии на р. Лушнице и здесь эти «божьи воины» разбили лагерь, названный ими по ветхозаветному «табором». Наряду с таборитами образовал собственное войско город Прага.

Еще при жизни Жижки среди таборитов возник раскол, принявший после смерти полководца (1424 г.) затяжной характер. Непосредственные приверженцы Жижки называли себя «сиротами», так как в нем они будто бы потеряли отца; главой другой партии, в более узком смысле называвшейся таборитами, сделался Прокоп Проповедник, или Лысый. Пражская армия навсегда сохранила характер народного ополчения, а обе таборитские армии приняли характер постоянных военных товариществ и все больше и больше превращались в профессиональных

* Примером того, к какому абсурду может быть приведена сама по себе правильная традиция автором, который больше уже ее не понимает, служит то, что Людвиг фон Эйб (v. Eyb) говорит о построении на возвышенности. Эйб был бранденбургским капитаном и в 1500 г. написал свой «Kriegsbuch». В главе о вагенбургах он также требует, чтобы они въезжали на возвышенное место, но в качестве основания для этого выдвигает — чтобы их нельзя было потопить.

** Wulf, Дисс., стр. 53.

воинов со всеми их положительными, а затем и отрицательными качествами. Они и являются подлинными представителями гусситского военного дела и гусситского военного искусства, которое заставило мир ужаснуться и продолжает жить в сагах. Иногда обе эти армии усиливали себе особым призывом ополчения из тех областей и городов, где правили их приверженцы. В противоположность линейному войску, называвшемуся «большим табором», ополчение остававшихся дома называлось «домашней общиной» или «старым табором»*. Таким образом, следует различать всего 5 армий: 2 — постоянных и 3 — ополчения, которые, однако, никогда совместно не участвовали в одном сражении. Каждую армию можно исчислять в 5 000—6 000 человек, — вряд ли больше, иногда же значительно меньше. Несколько раз 3 такие армии сражались сообща, — например, в сражении при Аусcиге в 1426 г. и при Глатце в 1428 г.**. При вторжении в Германию в 1430 г. собраны были, якобы, все гусситские армии, все военные силы чехов; равным образом и в 1431 г. при Тауссе объединенными богемскими силами была обращена в бегство армия крестоносцев. Когда в походе участвовала большая масса, то на марше она разделялась; знакомые нам трудности передвижения многих тысяч по одной дороге здесь особенно увеличивались, поскольку здесь был огромный обоз с женами и детьми и поскольку вместе с возами с продовольствием и поклажей следовали и боевые повозки.

Когда военный характер гусситов окончательно выяснился и определился, страх перед гусситами стал настолько велик, что немцы рассеивались во все стороны, едва заслышав издалека их боевую песню. Гусситское военное движение внешне и внутренне имело, видимо, большое сходство с движением кимвров и тевтонов или с одним из войск Великого переселения народов.

Несостоятельность гусситской вагенбург-тактики налицо. Будучи схожа со слабостью, присущей тактике, созданной английскими королями, она была применима только для обороны. Недостатки вагенбурга еще больше, чем у английской комбинации лучников с пешими рыцарями, так как вагенбург был более громоздок и даже в виде исключения не мог применяться при наступлении. Но, несмотря на односторонность применения только для обороны и на свою громоздкость, вагенбург имел все же чрезвычайно большое значение, так как он, с одной стороны, способствовал силе действия дальнобойного оружия, — в частности недавно изобретенного огнестрельного оружия, — а с другой стороны, что особенно важно, благодаря ему простая пехота без доспехов, с холодным оружием (даже с таким, как палица и цеп) получила самостоятельное и большое значение.

Укрепление вагенбурга, вылазка и, наконец, победа, — все это придавало гусситам огромную моральную силу, которая вела дальше, правда, не к созданию организованной пехоты, которая решительно осмелилась бы вступить в бой с рыцарями в открытом поле, без прикрытия вагенбургом, но все же к частичным наступательным действиям при благоприятных обстоятельствах, что в свою очередь, при характере армий противника было достаточно для сокрушительного успеха, а порой и для создания этим еретикам репутации непобедимых.

На пути к правильному пониманию гусситских войн, как и всех других войн средневековья, стоят неправильные данные о численности войск. Но здесь, как можно было бы ожидать, численность гусситов не была преувеличена, а наоборот — германские хроники преувеличили численность германских армий, которые были разбиты гусситами. Нет ничего особенно странного в том, что сперва считали достоверным сообщение самих побежденных в поражении их армией, значительно уступавшей им в численности. Но не подлежит сомнению, что это не так: испытавая боль и страх перед ужасными гусситами, немецкие летописцы находили

* Wulf, Pr. J., стр 680.

** Сделанное Вульфом сопоставление дошедших до нас указаний о численности армий помещено в «Mitteil. d. Vereins für d. Gesch. d. Deutschen in Böhmen», 31-й год издания. стр. 92, Прага, 1893 г.

удовлетворение своего уязвленного самолюбия в том, что преувеличивали позор своих поражений, указывая на слишком большую численность своих армий*. Один из участников второго набега германцев на Богемию в 1421 г. сообщает, что армия крестоносцев, которая прибыла по р. Эгер, дошла до Зааца, но при приближении Жижки с богемцами повернула назад без боя, хотя и насчитывала 100 000 конных воинов «вместе с повозками и пешими»**, а другой источник соответственно исчисляет эту армию в 200 000 человек и даже более***. Но случайно сохранилось одно письмо, в котором сообщается, что герольды приблизительно подсчитали армию и нашли, «что мы имеем около 4000 конных рыцарей и кнехтов»****. Так как сюда нужно прибавить еще и пехоту, то армия была безусловно внушительной. Однако, после того как Заац в течение нескольких недель храбро оборонялся, отдельные контингенты самовольно ушли, а оставшиеся не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы дать бой надвигавшимся богемцам, и также начали отступление.

В 1426 г. на рейхстаге в Нюренберге Сигизмунд потребовал себе войска в 6000 копий. Князья возражали, что такого большого войска в Германии, якобы, нельзя собрать и нельзя прокормить в Богемии*****; они согласны были на 3000 или 4000 копий, причем 1000 человек из этого числа должны были дать города; но последние ни в коем случае не желали поставить такое количество******.

Самым большим и важным сражением с гусситами, проигранным немцами, было сражение при Ауссиге (14 июня 1426 г.). Немцы подошли, чтобы освободить богемский город Ауссиг на Эльбе, стоявший на стороне немцев и осажденный гусситами. Армия состояла почти исключительно из мейснерцев и тюрингенцев с небольшим подкреплением из Лаузица. В отношении главного корпуса мы имеем достоверное свидетельство, что в его составе было 1106 лошадей и 8000 человек; вместе с подкреплением все войска вряд ли насчитывали больше 12 000 человек. Силы гусситов почти единогласно исчисляются в 25 000 человек; но даже это число, очевидно, преувеличено, хотя на поле сражения были обе таборитские армии и пражское ополчение. Во всяком случае, гусситы были значительно многочисленнее, и курфюрстина саксонская не была неправа, когда, обращаясь к отправлявшимся в поход воинам, просила их «не быть трусливыми и малодушными из-за большого числа врагов». Однако, летописцы доводят число саксонцев до 10 000 человек, а по Матвею Дерингу на каждого богемца приходилось 5 немцев*******.

Несмотря на численное превосходство гусситов, саксонцы пытались взять вагенбург штурмом и даже проникли туда в одном месте, но, в конце концов, вследствие предпринятой Прокопом вылазки, были отбиты с большими потерями (3000—4000 человек).

В 1427 г. в Богемию снова вторглось войско под командой курфюрста Фридриха I Бранденбургского; некоторые хроники исчисляют это войско в 160 000 и даже 200 000 человек********. Этому противоречит показание Виндеке в его жизнеописании Сигизмунда и сообщение одного участника, рыцаря Генриха Штоффеля, который из лагеря послал совету г. Ульма донесение, что

* Этим соображением мы обязаны превосходной работе Эрнста Крокера (Ernst Kroker, Sachsen und die Hussitenkriege, в «Neues Archiv für sächsiche Geschichte», т. XXI, стр. 1 (1900). Из этой работы, а также из книги Fr. v. Bezold, König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten (1872—1877), мы и позаимствовали последующие цитаты.

** «Deutsche Reichstagsakten», VIII, № 93.

*** Palacky, Gesch. v. Böhmen. III,2, 250

**** «Deutsche Reichstagsakten», VIII, № 94.

***** Там же, 390.

****** Bezold, II, 78.

******* Riedel Cod. Diplom Brandenburg, IV, 1, 210

******** Bezold, II, 110.

войско «очень невелико». При приближении гусситов это войско, обложившее городок Мис (Mies), обратилось в бегство, несмотря на все старания, которые курфюрст и кардинал Англии прилагали к тому, чтобы остановить его.

В 1431 г. германский рейхстаг постановил собрать не менее 8 200 копий; но эта цифра была заведомо фиктивной, так как часть ее падала на Бургундию, Савойю и немецкий орден, относительно которых заранее было известно, что они ничего не пошлют. Но еще более фиктивным было постановление о том, чтобы помимо конных воинов выступила пехота из расчета для ближайших областей — один на 25 мужчин, для отдаленных — один на 50*. Для определения фактической численности собранного войска я все же не нашел никакой точки опоры. Данным хроник (например, 90 000 пеших, 40 000 конных), ввиду знакомых нам примеров, нельзя придавать никакого значения. Но хотя Пфальц, Гессен и прочие области не выслали контингентов, а Австрия и Саксония были заняты другим делом, все же имперская армия, которою и на этот раз командовал Фридрих Бранденбургский, была значительно многочисленнее той армии, которая в 1427 г. бежала при Мисе; но вопрос о том, была ли она больше гусситской армии, выступившей против нее при Тауссе и от которой она без боя бежала так же, как некогда при Мисе, — этот вопрос приходится оставить открытым**.

То обстоятельство, что могущественная Германская империя не собрала больших армий, не удивит нас, если мы вспомним о положении германского государственного устройства того времени. Относительно многих областей и городов не было уверенности, относятся ли они собственно к империи или нет. Государственный организм совершенно распался; отсутствовали какие бы то ни было прочные установления. В то время как рейхстаг постановил начать войну против гусситов, курфюрсты майнцский и кельнский объявили открытую войну ландграфу гессенскому (1427 г.). Когда в 1428 г. взимался специальный налог для нужд войны с гусситами, аугсбургский епископ собрал от своего духовенства 3 000 гульденов, но не сдал их, так как ему самому угрожала война с аппенцельцами. Небольшие деньги, поступавшие в государственное казначейство, расходовались на посольства для напоминания медлившим, ибо никто из князей, дворян и имперских городов не дал ничего или, как выражается один современник, «ни много, ни мало»***.

Как согласовать с этим одновременные сообщения хроник об огромных армиях, которые были выставлены немцами против еретиков?

Человеческая склонность к преувеличениям неискоренима; если позор поражения так велик, что никаким велеречием его нельзя ни скрыть, ни замаскировать, то искажение перебрасывается в другую сторону, и кто не может больше найти удовлетворения в хвастовстве, находит его в самобичивании.

В Бранденбург гусситы явились только один раз: в 1432 г. они стояли один день под Бернау, тщетно штурмуя крепкие стены города, а затем отступили, не понеся урона****. В Саксонии они также были только один раз на правом и один раз на левом берегу Эльбы; до Наумбурга они никогда не доходили.

Так как гусситы благодаря вагенбургу имели перед всеми большое преимущество, немцы захотели подражать им. Но до интересного зрелища — маневрирования

* Интересно проследить по обсуждению этого вопроса, как неясно представляли себе основные числовые взаимоотношения. Были предложения взять каждого 10-го, 20-го, 30-го человека, но представители Ульма полагали, что если даже будет вооружен каждый 100-й, то получится большая армия. Однако, в 1428 г. хотели снарядить каждого 4-го человека. См. Erben, D. Aufgebot Albrechts V gegen die Hussiten, «Mitteil. d. Oesterreich. Inst.», т. XXIII, стр. 264.

** Bezold, III, стр. 144, принимает для этого войска численность в 100 000 человек, но без достаточных оснований. Kroker этого сражения уже коснулся.

*** Bezold, II, 153.

**** Sello, Zeitschr. f. Preuss. Geschichte, т. XIX (1882), стр. 614 и «Die Einfalle der Hussiten in die Mark Brandenburg» — превосходная работа, которую стоит прочесть и всем тем, кто хочет узнать , как далеко может завести патриотизм в обработке исторических событий.

двух армий с вагенбургами, причем каждая хочет переложить инициативу наступления на другую, — все же не дошло. При Ауссиге саксонцы без всякой подготовки атаковали богемцев, а обе крестоносные армии 1429 г. и 1431 г. обратились в бегство, не ожидая прибытия богемцев. Когда же богемцы в свою очередь вторглись в Германию, последняя не имела армии, которая смогла бы состязаться с ними, и немцы ограничились только защитой укрепленных мест.

Таким образом, при помощи одной лишь оборонительной тактики велись и наступательные операции.

Все дикие фантазии, в которые впадают предания, и все позднейшие россказни — объезд противника с тыла, искусственные фигуры, связывание повозок во время езды цепями, крепость на колесах, — все это исходит из одной ошибки, а именно — из предположения, что вагенбург применялся для наступательных действий. На самом же деле вагенбург не был и не мог быть чем-либо иным, как оборонительным прикрытием пехоты, которая еще не полагалась на свои силы, чтобы вступить в бой с рыцарями в открытом поле.

Именно потому, что вагенбург был слишком тяжел для наступления, эта тактика не смогла развиться, и гусситская военная организация явилась, таким образом, не этапом развития, а лишь эпизодом в истории военного искусства. Ошибочное представление, будто бы вагенбург действовал и наступательно, имеется, как мы видели, даже в самом важном первоисточнике для того времени — у Энея Сильвия, хотя последний имел возможность собрать лучшие и вполне надежные данные. Все же Эней Сильвий не обладал достаточным чутьем к такого рода реальностям, чтобы исторически воспринять и обосновать нарисованную его фантазией картину сообразно с общим духом времени, требовавшим, чтобы храбрый человек устремлялся на врага и атаковал его. Эней Сильвий принял это и по отношению к знаменитому, столь действенному вагенбургу и на основании этого сконструировал весь ход дела.

Гусситы остались непобедимыми. Даже в противовес им в Германии не было создано новой более крепкой формы военной организации. Однако, они не были в состоянии создать политически упорядоченное государственное бытие, находясь в религиозном противоречии со всем окружающим миром, и это вызвало реакцию в их собственной среде. Обе действующие армии, которые в гражданской войне одолели умеренные элементы и господствовали в течение 10 лет, в конце концов, стали до того невыносимыми собственным соотечественникам, что дворянство и города, в том числе и Прага, соединились, выставили свое войско и в 1434 г. при Липане победили и уничтожили вышеуказанные армии. Те и другие расположились друг против друга в вагенбургах. Наконец, сословная армия предприняла атаку, была отброшена или преднамеренно отступила в притворном бегстве и этим выманила таборитов из их вагенбурга. И вот рыцари, отогнав таборитскую конницу, напали на них, рассеяли и вместе с пехотой взяли штурмом вагенбург, внутри которго табориты были изрублены*.

Остатки таборитов еще долго сохранялись в качестве наемных банд на службе у различных государей в Германии, Польше и Венгрии, называясь теперь «братскими ротами», или «цебраками».

Для наглядности Вульф (диссертация, стр. 38) произвел расчет численности гусситской армии. Он предполагает наличие крупного самостоятельного отряда в 6 000 человек, среди них — 600 конных. На каждые 15—20 человек приходилась одна повозка, из них 10 человек составляло, по позднейшим данным, собственно команду повозки. Таким образом, на армию в 6 000 человек имелось 300 повозок. Если повозки ехали 4 рядами, из которых крайние были наполовину длиннее, то эти крайние ряды состояли из 90 повозок. Если считать глубину одной четвероконной повозки в 40 футов, то глубина походной

* Примерно таким мог быть ход сражения. Вульф, диссерт., стр. 55 и след.; Köhler, Kriegswesen, III, 3, 394.

колонны составит 90, помноженное на 40, т.е. 3 600 футов, следовательно около 1 км. Два внешних ряда, т.е., примерно, 180 повозок, составляют внешний край вгенбурга; длина повозки около 10 футов; следовательно, вместе с обоими выходами для вылазки лагерь имел, примерно, 2 000 футов в окружности, а площадь, примерно, в 250 000 кв. футов или 25 000 кв.м.

Однако, при этом вычислении не принята во внимание масса повозок с провиантом и вещами. При значительной величине этого обоза такой лагерь для армии в 6 000 человек мне представляется слишком малым. Предписание позднейших уставов для вагенбурга о том, чтобы часть боевых повозок — оба внутренних ряда — была использована для образования второго внутреннего вагенбурга, представляется мне практически сомнительным; более естественным было бы использовать все боевые повозки для вагенбурга в собственном смысле слова, а обозные повозки расположить в виде второго кольца.

От XV в. сохранились многочисленные уставы для вагенбурга, обзор которых дал Иенс в «Handbuch», стр. 943 (также стр. 897) и в «Gesch. d. Kriegswissensch.», I, 304. Ср. Вульф, Диссертация, стр. 9. В этом вопросе нужна, однако, большая осторожность, так как неизвестно, насколько практика отвечала теории. Например в «notdurfft ordenung und geschick der wagenburck in ein feldt zu denen Veind und von denn Veindenn» Филиппа Сельденека (около 1480 г.) советуется придавать внешним рядам вагенбурга несколько далеко выставленных батальонов кнехтов, которые посредством мокрой соломы и сена должны производить много дыма для ослепления противника, дабы он не был в состоянии заметить предпринимаемые вагенбургом маневры. Горы лучше всего переходить ночью; при этом войско должно работать и стучать своими кирками, чтобы казалось, будто вагенбург укрепляют, между тем как в действительности он взбирается по горам.

В одной «Büchsenbuch» с рисунками Августина Дахсберга «ein moler und ein büchsenschiessr» (1443 г.) вагенбург построен даже клиновидно.

Оба места, где Эней Сильвий сообщает о гусситском методе военных действий, дословно гласят следующее:

«В города, окруженные стенами, вступают крайне редко, разве только для необходимых починок; живут с детьми и женами в лагерях. Повозок имеют много, употребляют их вместо стены. Идя в бой, они из повозок образуют два фланга; посредине идут пешие, рядом с ними, почти без прикрытия, отряды конницы. Когда бывает решено вступать в бой, то возницы на флангах по знаку полководца, незаметно окружив намеченную часть противника, стягивают круг повозок; отрезанных неприятелей без помощи со стороны своих умерщвляет частью пехота мечами, частью находящиеся на повозках мужчины и женщины стрелами. Конница сражается за пределами прикрытия, и ее в случае поражения и бегства принимают, внезапно раздвигаясь, повозки; затем она защищается, как за городскими стенами; таким образом они одержали чрезвычайно много побед, так как соседние народы не знали этого способа сражаться и широкое северное поле было весьма удобно для развертывания строев пар и четверок» (Hist. Boh. cap. XLVII).

«Богемцы, в стране которых много равнин и редко встречаются овраги, окружают всю конницу и пехоту повозками; на повозках же, как на стенах, помещают воинов, чтобы они удерживали неприятеля. Когда начинается сражение, то из повозок образуются как бы два фланга. Их развертывают сообразно с числом сражающихся и особенностями местности; они сражаются под прикрытием с тыла и с боков; между тем возницы мало-помалу подвигаются вперед и пытаются обойти неприятельское войско. Таким образом, они, несомненно, готовят победу, так как неприятель повсюду умерщвляется» (Commentarii ad Alphonsum regem, lib. IV, 44).

Сообщения по поводу военных повозок впервые были систематически собраны в труде обер-лейтенанта в отставке Камби (Kammby) «Der Streitwagen. Eine Geschichtsstudie nebst Betrachtungen über die Eigenschaften und den Gebrauch des Streitwagens. Gewidmet Taktikern und Pferdeliebhabern», Berlin, 1864 г. (in Kommission der Springerschen Buchhandlung). Автор непосредственно пользовался не оригиналами источников, а заимствовал свои заметки и рефераты у тех или иных посредников; кроме того, у него нет подлинной исторической критики; несмотря на это, его небольшой труд весьма ценен и интересен той практической целью, которой задается автор, а именно —показать возможность применения боевой повозки в будущем, поскольку она, являясь промежуточным родом войск между кавалерией и пехотой, может соединить в себе некоторые преимущества обоих родов войск. Что «ездящая» пехота может при известных обстоятельствах принести большую пользу, — это очевидно, но удивительно утверждение автора (который в качестве старого артиллериста является и опытным кавалеристом), что повозки и в

чисто кавалерийских операциях могут конкурировать с кавалерией. В отношении собственно гусситских повозок этот труд неудачен, так как автор, плененный своей любимой идеей, усмотрел ее и в источниках и из фантастической картины Эней Сильвий создал другую фантастическую картину, хотя и не вполне невозможную, но, во всяком случае, исторически неправильную. Гусситские повозки он представляет себе в виде боевых возов, производящих шок на неприятеля и рассеивающих его сомкнутые массы.

ГЛАВА V

КОНДОТЬЕРЫ, ОРДОНАНСОВЫЕ РОТЫ И ВОЛЬНЫЕ СТРЕЛКИ

Из трех встречаемых нами в средневековье элементов войска — народного ополчения, войска вассалов и наемников — самым сильным оказался третий элемент, который из поколения в поколение растет и оттесняет все остальные. Однако, в отношении этого развития в четырех странах, которыми мы, главным образом, занимаемся, — Германии, Италии, Англии и Франции, — было известное различие. Раньше и прочнее всего наемничество укрепилось в Англии, но арена действий английских наемников была не на самых островах, а во Франции, где английские короли вели столетнюю войну со своими капетингскими верховными феодальными владельцами и соперниками, а этим вынуждали и последних к усилению наемничества.

Междоусобные войны и внутренние раздоры не прекращаются в Германии на протяжении XIII, XIV и XV вв., правда, не в такой степени, как во Франции и Италии. Главная причина этого в том, что германские города развивались в самостоятельные государства не в такой мере, как итальянские, а сохраняли более хозяйственный и относительно более мирный характер.

Самый большой и самый важный из немецких городских союзов Ганза, как таковой, никогда не вел войны, а городские войны отдельных коммун и различных городских союзов значительно уступали по своей напряженности войнам итальянских коммун против князей и между собой. Поэтому германские вояки, отправлявшиеся на войну наемниками, находили себе применение большей частью вне Германии — во французко-английских войнах и особенно в Италии*.

В Италии уже во времена штауфенских войн военное сословие в значительной степени превратилось в наемников; если гордый Оттон Фрейзингенский с презрением говорит о сыновьях ремесленников, посвящаемых в Италии в рыцарей, то в основе этого лежит именно вышеуказанный факт.

Попытки народного ополчения, к которым прибегали в годы наивысшего разгара борьбы и время от времени вновь появлявшиеся, имели только временный успех. Так как борьба против штауфенских королей была в то же время борьбой коммун-соперников между собой, а эта борьба в свою очередь, была борьбой различных партий внутри коммун, то эта сумятица не улеглась с гибелью Штауфенов, а продолжалась из поколения в поколение под старым партийным названием гвельфов и гибеллинов. Естественным следствием было политическое ослабление горожан и переход власти к наемникам и их предводителям, которые все более усиливались и становились все более самостоятельными, освобождаясь от политических сил, на службе которых они появились и окрепли. Наемники образовывали сплоченные банды — или в виде товариществ, которые сами выбирали себе предводителей и их помощников, или в виде дружин капитана,

* О немецких рыцарях в Италии H. Niese опубликовал в «Quellen und Forschungen a. ital. Archiven», изд. Исторического института, т. VIII (1905), стр. 217, специальное исследование с документальными данными.

кондотьера, на службе которого они состояли. Эти банды и их предводители переходили с одной службы на другую и чувствовали себя самостоятельными владыками.

Снова создалось положение, напоминавшее Великое переселение народов, когда германские короли или родовые товарищества врывались в разные области, разоряли или покоряли их. Как Одоакр, предводитель германских наемников, овладевших Римом, или лангобардские герцоги в VI и VII вв., так в XIV в. предводители родов во главе наемных банд или простые кондотьеры делались хозяевами городов, на службе которых они раньше находились. Так было с Висконти в Милане, Скала — в Вероне, Бонакорси, затем Гонзага — в Мантуе, Эсте — в Ферраре, Малатеста — в Римини, Пеполи — в Болонье.

Другие предводители наемных банд ограничивались вымогательством, которое один швабский рыцарь, герцог Вернер фон Урслинген, возвел в целую систему. Вернер, которого итальянцы называли Гварнерио, носивший титул герцога, так как его предки при Штауфенах были герцогами Сполето, был предводителем одного военного отряда, взятого на службу пизанцами во время войны из-за Лукки с флорентинцами; после заключения мира пизанцы не знали, как отделаться от своих наемников, и нашли следующий выход, — они не просто уволили их, так как это было не безопасно, а предложили заплатить им отступное и одновременно предложили отправиться в неприятельскую страну и жить там на ее счет. Это предложение понравилось наемникам, и они постановили остаться в качестве организованного вольного боевого войска с констеблями и капралами под верховным командованием Вернера (сентябрь 1342 г.); они назвали себя «la gran Compagna» (большая рота) и в течение полугода двигались из одной области в другую, причем заставляли каждую область уплатить за то, что они покидали ее, а в случае отказа грабили и сжигали страну и пыткой вынуждали попавших в их руки жителей выдать спрятанные сокровища. Все попытки жалобой и просьбой добиться у предводителя обуздания бесчинств его людей были напрасны, так как он сам себя называл «враг бога, сострадания и милосердия». Все поступавшее — деньги, драгоценные вещи, оружие, лошади — делилось по твердому плану на доли и разыгрывалось; таким образом, каждый разбойник покидал объединение с внушительным имуществом.

Пожалуй, сильнее Италии терпела Франция от больших наемных банд, нанятых во время Столетней войны обеими сторонами. Это были скопища всякого сброда, охочего на драки и грабежи.

С самого начала этим отрядам была обещана не только плата, но и участие в добыче, особенно в выкупе за пленников. Чем менее регулярно платили им, тем больше они стремились сами оплатить себя. Они отказывались передавать королю города, гарнизоном котрых являлись.

Многие банды вообще были не на королевской службе, а набирались согласно средневековому праву феодальными владельцами, а затем разбухали и жили за счет областей, которые они проезжали, или за счет захваченных и подчиненных себе местностей. Они вступали в переговоры с сословиями и провинциальными властями в качестве самостоятельной силы и вынуждали их откупаться за то, что оставляли страну в целости, обещая за откуп двинуться дальше, — в противном случае грабили города и селения. При отправлении в поход против неприятеля они часто отказывались повиноваться, до тех пор пока им не будет уплачено жалование. Особенно ужасны они были по окончании войны, когда, наподобие Вернера фон Урслингена, самостоятельно блуждали по стране, грабя и предлагая свои услуги тому или другому правителю.

Когда после Бретинского мира (1360 г.) во Франции на знали, как отделаться от «живодеров», папе Урбану V, жившему в Авиньоне, которому также грозила опасность с их стороны, пришла остроумная мысль соединить приятное с полез-

ным и призвать эти банды к участию в крестовом походе. Он вел переговоры с императором Карлом IV и венгерским королем Людовиком по поводу пропуска этих банд через их земли. Это как нельзя лучше могло услужить христианству: Запад был бы защищен от неверных и заодно освобожден от самих защитников; но банды не имели никакого намерения принять предложение. Затем их пытались удалить из Франции, отправив в поход в Эльзас, Швейцарию (1375 г.) и в Испанию*. Те банды, котрые первоначально сражались под английским знаменем, без всякого колебания переходили на службу к французам; будь то англичане, фламандцы, немцы или французы — все они чувствовали себя, так сказать, интернационалистами.

Постепенно эти военные походы поглотили образованные столетней войной банды, за исключением тех, которые, наконец, решили вернуться на родину к мирному труду. Но с новой вспышкой войны снова появлялась нужда в войсках для защиты страны, а когда наступал мир, от них снова не могли избавиться.

Англию этот ужасный бич наемничества миновал, так как великая война велась исключительно на французской территории. Германия также страдала от них лишь постольку, поскольку французские банды неоднократно просачивались через границу. В Италии, как мы видели, часть пердводителей банд обосновалась на длительное господство. Во Франции нужда заставила решиться на большую коренную реформу.

Чтобы избавиться от банд, французские короли создали постоянную армию в современном смысле этого слова.

По преданию этот факт совершился следующим образом: Карл VII, добившись при помощи Орлеанской девы первых больших успехов над англичанами, движимый пробудившимся национальным сознанием, добился на общем собрании государственных чинов в Орлеане в 1430 г. принятия крупной реформы. Собрание вотировало необходимые налоги для содержания постоянного войска из 15 рот по 100 копий, из 6 человек каждое, т.е. всего 9 000 конных. Богатый буржуа и гениальный государственный деятель, Жак Кер, тут же сделал первый взнос и вообще был душою всего дела. Во вновь созданные ордонансовые роты были приняты лучшие бандитские элементы и с их помощью одолели отдельные шайки, которым пришлось разбрестись.

На основании новейших исследований можно, правда, в общих чертах восстановить эту картину в целом, но отдельные эпизоды на самом деле оказались несравненно сложнее, и лишь постепенно они привели к набросанному нами результату**.

В действительности на этом Орлеанском собрании сначала не только не были приняты длительные налоги, но и не было заявлено о необходимости создания постоянной армии также для мирного времени и не было установлено число в 15 рот по 100 копий по 6 человек. Решения этого собрания сперва свелись только к отрицанию за феодальными владельцами права держать войска и содержать их за счет страны; только в своих собственных замках за ними осталось право держать гарнизоны. Вообще же лишь король мог держать войска, назначать офицеров и взимать налоги для их содержания. Капитаны ответственны за своих людей; грабители и мародеры, не принятые королем на службу, подлежат преследованию и преданию суду.

---

* R. Bott, Die Kriegszüge der Engl.-Französ. Soldkompagnien nach dem Elsass u. d. Schweiz. Dissert., Halle 1891. Luce, Hist. de Bertrand du Guesclin et de son epoque, Париж, 1876.

** Реформа по всей своей совокупности образцово изложена Ролофом (Roloff) в статье «Das französische Heer unter Karl VII», Hist. Zeitschr., т. 93, стр. 427. Из новейшей французской литературы, на которую опирается это исследование, нужно особенно отметить : E.Cosneau, Le connétable de Richemont (Artur de Bretagne), Париж, 1886.

Под моральным влиянием этих постановлений удалось при содействии провинциальных властей постепенно собрать средства, достаточные для содержания имевшихся или вновь организованных наиболее надежных банд, чтобы с их помощью мало-помалу сломить сопротивление и окончательно подчинить себе остальных. Ибо и феодалы, которые должны были лишиться своих боевых дружин и боявшиеся сосредоточения всей власти в руках короля, и сами банды, не желавшие быть распущенными, сопротивлялись этому. Тогда прибегли к старому средству — к отправке за границу: их послали в Лотарингию, Эльзас и Швейцарию. В Швейцарии произошло кровавое столкновение под Сен-Жакобом (близ Базеля), из которого арманьяки, как они теперь себя называли, хотя и вышли победителями, но понесли большие потери (1444 г.). В следующем году они еще рыскали по южной Германии, где неоднократно сражались, и лишь тогда в этих походах часть их погибла. Карлу VII удалось с помощью замечательного констебля Ришмонта одолеть остатки их. Несколько наиболее строптивых капитанов было казнено, а солдаты, которым даровали амнистию, вынуждены были отправиться на родину и вернуться к мирным занятиям.

Ордонансы (указы) об организации были изданы лишь в 1445 г., спустя 6 лет после Орлеанского собрания. Дословный текст первого указа, как ни странно, не сохранился, так что точно неизвестно, насколько первоначальная организация предусматривала уже те формы, которые мы позднее находим на практике. Для нас собственно это не имеет большого значения; важно то, что, несмотря ни на какие жалобы со всех сторон по поводу невыносимого бремени, в конце концов, все же была введена твердая налоговая система. Натуральные повинности и натуральное довольствие, которые первоначально еще неоднократно доставлялось сословиями и областями, были превращены в денежные налоги, а ставшая благодаря этому возможной регулярная оплата сделала возможным и все остальное.

Средневековье, как таковое, не знает, — или, по крайней мере, не желает знать, — постоянных налогов, а признает только единовременные, исчисляемые по потребностям субсидии.

Очевидно, из-за отсутствия налоговой системы короли и применяли, согласно сохранившемуся праву, призыв к оружию всех французов, разрешая им в то же время откуп от этих повинностей, вследствие чего призыв превратился в налоговое обложение*. Постоянный налог, появившийся в XV в., создал основу для постоянной армии, вытеснившей и заменившей недисциплинированные, навербованные только для войны наемные банды.

Обычное в исторических трудах замечание о том, что создание этих ордонансовых рот явилось началом постоянной армии во Франции и вообще в Европе, формально не вполне правильно, так как мы видели, что уже Каролинги в лице своей скары имели своего рода постоянное войско, равно как и позднейшие императоры и короли всегда имели в своем непосредсвенном распоряжении небольшое число воинов в качестве крепостных гарнизонов или свиты. Но эти старинные стражи, гвардии и гарнизоны организовывались и содержалиь на основе натурального хозяйства и потому были узко ограничены. Создание французских ордонансовых рот на основе постоянной налоговой системы и регулярной оплаты является как качественно, так и количественно само по себе таким прогрессом, а следовательно, выражение, что ордонансовыми ротами начинаются постоянные армии, можно все же сохранить. Вопрос о янычарах, как принадлежащих к совсем иному миру, мы при этом оставляем в стороне.

Для управления наемниками еще в XIII в. во Франции при Людовике Святом были созданы определенные органы власти и определенные формы. Во главе всего

* Boutaric, стр. 214. Levées générales при Филиппе IV были не чем иным, как prétexte d'etablir des impots (предлог установить налоги). См. также Luce, Bertrand du Guesclin, стр.155, по поводу призывов при Филиппе VI.

военного дела в качестве представителя короля стоял конетабль, которому подчинялись маршалы, гросмейстеры стрелков и воинские казначеи (trésorier de guerre).

Естественное разделение феодальной армии было по эскадронам сюзеренов, в которых различные роды войск перемешивались. Ни в отношении численности рыцарей, ни в отношении перемещения родов войск равномерности не могло быть, да она и не нужна была. Каждый служилый дворянин, начальствовавший над собственным отрядом, в зависимости от личных интересов и состоятельности сам решал вопрос о численности и составе своего отряда для наилучшей стойкости его на войне. С появлением наемников вместо этих начальников появились капитаны*.

Уже наемные войска императора Фридриха II, равно как и наемники, выставленные лангобардским союзом**, были разбиты на роты с capitaneus или comestabulus во главе***, а наемники Эдуарда I Английского были разделены на сотни во главе с центенаром; начиная с 1382г., появляются и тысячи, начальник которых назывался «милленарий» (впервые в 1296 г.)****. Когда в 1264 г. Флоренция заключила с двумя габсбургскими графами договор на поставку 200 конных, было установлено, что они должны быть разбиты на 8 эскадронов по 25 человек в каждом*****, а в больших ротах Вернера фон Урслингена мы уже видим констеблей и капралов. Когда Карл VII, король Франции, создал ордонансовые роты, то эта организация присоединилась к существовавшей уже организации рот наемных банд.

Слово compagnie (рота) происходит от cum и panis, что значит «сотрапезник»; первоначально это слово не имело военного значения, а означало просто общество, товарищество, корпорацию, как еще теперь обозначает в коммерческом языке. В милиционном уставе, изданном Флоренцией в середине XIII в., товарищества граждан, на которых строились призыв и ополчение, именовались kompagnieen, подобно тому, как в немецких городах, например в Берне, они назывались «обществами». Первое применение этого слова непосредственно в военном смысле мы находим у французского летописца Филиппа Муске (относится к тому же времени)******. Ста годами позже слово «компания» уже получило, как мы знаем, право гражданства и в отношении наемных банд *******.

По-видимому, лишь постепенно и для ордонансовых рот образовалась и зафиксировалась твердая цифровая схема и приказная иерархия. В древнейших ордонансах нельзя найти ни 15 рот, ни 10 копий, ни 6 человек на каждое копье. Вместо этого мы находили, примерно, такое предписание:

---

* Если Вильгельм из Тира уже в отношении сражения при Дорилэе во времена первого крестового похода говорит о centuriones и quinquagenarii, то это соответсвует рассказу Видукинда о legiones присражении на Лехфельде. Барбаросса во время своего крестового похода безусловно стремился численно расчленить свою армию.

** По договору союза от 1252 г. жалованье milites выплачивалось через capitanei. Muratori Antique, VI, 491.

*** Rosenhagen, Geschichte der Reichsheerfahrt von Heinrich VI bis Rudolph, Лейпциг, диссертация 1885 г., стр. 65.

**** Morris, The Welsh wars.

***** Archiv. storico Ital., 15, 53. По Келеру, III, 2, 167.

****** La Curne, Diction. de l'ancien langage français, s.v.

******* Уже «lex Salica» tit. 66 §2 дважды применяет это слово в отношении корпораций воинов. Однако, этот единичный пример лежит вне сферы истории развития языка. Еще в латинских источниках и хрониках времен Валуа это слово переводится словом societas или Comitive. Du Cange s.v. Bott, гл. 1, стр. 4. Одно распоряжение короля Иоанна от 30 апреля 1351 г. (цитирую по Guilhiermoz, Origine de la noblesse, стр. 251 из «Ordonn. des rois de France», IV, 69) гласит:

«Le aucuns gens d'armes viennent par menues parties, qui n'aient point de maistre ne de chevetaine, nous voulons et ordenons que par nostre connestable, mareschaux, maistres des arbalestriers, ou autres à qui il appartendra, soit regardé et quis un chevalier souffisant qui leur soit aggréable, auquel soit bailliée et accomplie une route de vingt cinq ou de trente hommes d'armes... et voulons que icelui chevalier qui tel compaignie aura ait pennoncel a queue de ses armes et prengne semblabes gaiges de bannerez».

Froissart ed. Kervyn de Lettenh. VII, 80. En ce temps estoient les compaignies si grandes en France, que on ne savait que faire.

капитан должен быть самостоятельным человеком, который «может что-либо потерять», дабы на него можно было положиться и сделать его ответственным за своих людей. С временем утвердилось следующее положение: рота имела начальника, чаще всего дворянина (подлинное руководство находилось в руках лейтенанта), двух знаменосцев — enseigne и guidon, а также maréchal des logis.

Наиболее существенно то обстоятельство, что роты составлялись не из отдельных бойцов, а по обычаю, сделавшемуся в XIV в. твердым понятием (см. выше), — из копий («Gleven»).

Количество воинов на одно копье всегда было непостоянным и зависело от эпохи, страны, правителей и случая*. И в отношении ордонансовых рот Карла VII источники сообщают различные данные — то рыцарь, «кутилье (легковооруженный конный»), паж и 3 стрелка то только 2 стрелка и один кнехт (valet)**. Все они были конными, но паж, иногда мальчик, и кнехт не были комбатантами, а стрелки нуждались в лошади только в качестве перевозочного средства и сражались спешенными.

Но как ни важно было создание ордонансовых рот для французской военной истории и даже для объединения французского государства, все же эта армия была слишком мала, чтобы отвечать потребностям столь большого государства. Наряду с ними продолжал существовать призыв на случай войны всех рыцарей (дворянства) и всех ленников. Но теперь и эти кучки вассалов были правильно разбиты на роты и в зависимости от приносимого с собой вооружения получали жалованье по многоразрядной шкале***.

---

* Келер, III, 2, стр. 116 и 118, причину образования копий в 1364 г. усматривает в появившемся тогда обычае рыцарей сражаться в пешем строю. Поэтому ему кажется странным, что и в Германии перешли к копьям (1365 г.), так как здесь пеший бой рыцарей был очень редким. Его удивление не уместно, так как между спешиванием рыцарей и образованием копий нет никакой связи.

В т. III, 2, Келер говорит, что копья состояли из 2, 3, 4, 5, 6, 8 и 10 лошадей.

Würdinger в своем труде «Kriegsgeschichte von Bayern» говорит (т. I, стр. 102): «Число солдат, образующих копье, различно. В Швабии — 4 лошади (Jäger, Ulm, I, 418) в Нюренберге 2 лошади в копье (Ulman Stromer, 45), в Страсбурге — 5 (Schaab, II, 277), в Регенсбурге — 1 копейщик и 1 стрелок с 3 боевыми конями(«reg boica», X, 333). Получается такое представление, будто копье получило значение только благодаря соединению с одним стрелком. Другие примеры можно найти у Arnold, Verfassungsgesch. d. deutsch. Freistädte, II, 239; Fischer, Foisch. z. deutsch. Gesch., II, 77; Fischer; Келер, III; 2, 117, 173.

Сообщение хроник, — например, Кенигсгофен при Деффингене, — о том, что армия насчитывала 800 копий и 2 000 пехотинцев, поизводит впечатление, будто 800 копий означают не что иное, как 800 тяжеловооруженных конных воинов. С другой стороны, встречаются и такие места, где исчисление ведется по «шлемам» и на каждый «шлем» падает 3 конных. Chr. F. Stälin, Würtemberg, Gesch, т. III, стр. 321.

В 1381 г. города выставляют союзную армию в 1 400 копий и 500 пеших кнехтов. К этому Аугсбург выставляет 48 hastatos, 30 sagittarios equites, 300 pedites armatos. Würdinger, I, 23 (ср. там же, стр. 96 и 98).

По замечанию Fischer «Teilnahme der Reichsstädte a.d. Reichsheerfahrt», стр. 30, на собрании государственных чинов в Шпейере в 1310 г. был установлен матрикул о том, сколькими копьями каждый город должен принять участие в походе на Рим — копье из 3 коней, т.е. 3 конных воинов. Если это так, то значит понятие и название «копье» в Германии существовало уже в 1310 г. Однако, этот вывод не обоснован, так как цифры относятся к более позднему времени, а постановление от 1310 г. могло иметь и другой буквальный смысл.

Morris, The Welsh wars, говорит (стр. 80), что в Англии соединение различных родов войск в одно целое впервые появилось при осаде Дунбара в 1337 г. До этого еще при Эдуарде I различные роды войск являлись различными корпусами.

Cosneau в прим. к стр. 358 устанавливает, что у англичан каждое копье имело 3 стрелков, и приводит пример, когда 2 «hommes d'armes» и 2 стрелка вместе засчитывались как 9 человек и 9 лошадей.

** У Cosneau, стр. 357. На стр. 610 отпечатан ордонанс Luppé-le-Chastel от 26 мая 1445 г., из которого явствует, что копье состояло из рыцаря, кутилье, пажа, 2 стрелков, кнехта и 6 лошадей.

*** Часто употребляется выражение, что призывались ban et arrière-ban.

По Guilhiermoz, стр. 294, arrière-ban во Франции является, по существу, тем же, что ландвер в Германии, т.е. всеобщим призывом всех способных носить оружие. Позже вассальная служба была ограничена аррьер-баном, и последний был распространен только на ленников.

Бутарик (стр. 140 и след.) подробно говорит об изданных при Людовике IX приказах о призыве, классифицированных на многочисленные «coutumes»; они крайне ограничивали права сюзерена: он имел право призыва только для обороны и только в пределах своего владения, с тем чтобы призванный в тот же вечер снова смог быть дома.

Но как ни велико было участие стрелков, однако, при том значении, которое получил этот род войск в английской войне, его было недостаточно, и король пытался наряду с этим создать также большие самостоятельные стрелковые части*.

Уже в 1368 г. Карл V однажды приказал, чтобы весь народ обучался стрельбе из лука, а в 1394 г. приказ был возобновлен. Оба раза приказ был, якобы, аннулирован, так как дворяне боялись и препятствовали вооружению народа**. Более вероятно, что приказ не имел большого успеха, потому что нехватало луков и стрел, да и большой охоты обучаться стрелковому искусству также не было, — так что дворянство вряд ли имело основание тревожиться. Теперь король не издал общего указа, а распорядился (в 1448 г.), чтобы общины выбирали из каждых 50 хозяйств одного здорового мужчину, которому надлежало обучиться стрелковому делу. Каждый праздник этот воин должен был упражняться в стрельбе и под присягой обязывался последовать первому зову короля. Первоначально этот стрелок должен был сам добывать себе снаряжение; позже было добавлено, что выставлять можно и несостоятельных, но поставка оружия для них возлагалась на общину. Подобно рыцарям они разбивались на роты, во главе которых стояли капитаны, производившие им смотр и при случае собиравшие их для совместных занятий. В виде компенсации эти стрелки освобождались от всех податей, кроме налога на соль и особых военных налогов и вследствие этой льготы получили название francs archers. При призыве на войну они получали жалованье — 4 ливра в месяц.

Практика показала непригодность такой организации: упражнения в обращении с луком и арбалетом были недостаточны, но прежде всего, эти милиционные стрелки имели не настолько прочный военный дух, чтобы устоять в бою.

Сын Карла VII, Людовик XI, отменил институт вольных стрелков, если не формально, то фактически. Таким образом, явно ошибочно усматривать в них начало французской пехоты, — наоборот, они являются примером неудавшегося творчества в области военного дела, и этот пример так же интересен, как и примеры положительных, удавшихся начинаний.

Для наиболее наглядного оттенения этого примера мы сравним его с утвердившимся до настоящего времени мнением научного мира о том, что армия Карла Великого состояла из попеременно призывавшихся крестьян. Ясно, что вольные стрелки Карла VII имели бóльшие преимущества перед подобным призывом VIII в.: один воин должен был выставляться не на каждые 3—6 крестьянских дворов, а на каждые 50, значит в этом случае значительно легче было найти здорового добровольца; на него не только налагалось бремя, но он получал за это и некоторую компенсацию — освобождение от налогов в мирное время, жалованье — во время войны; его обучали и проверяли капитаны. И несмотря на все это, francs archers выявили себя негодными воинами. О них говорили, что они убивают только кур.

Как же в таком случае выглядели призывы, при которых люди должны были отправляться в поход один раз в несколько лет и за несколько сот миль!

Каким видом солдат они были заменены и где нужно искать подлинных отцов французский пехоты, — это мы покажем в следующем томе.

В то время как «вольные стрелки» снова исчезли, ордонансовые роты утвердились на долгое время. Своего наивысшего развития они достигли благодаря

Luce, Du Guesclin (стр. 159), на основании ненапечатанного указа сообщает, что 17 мая 1355 г. король Иоанн призвал «le ban et l'arrière-ban, c'est à dire tous les hommes valides depuis dixhuit jusqu'a soixante ans».

Вряд ли этот указ имел такой смысл, и сам Luce держится того мнения, что французские коммуны не выполнили этого указа. Ошибочно также добавление Luce о том, что Эдуард III действительно придал в Англии аррьер-бану «un caractère vraiment pratique» (действительно практический характер), сзывая всех подданных для военных упражнений.

* Кроме уже приведенной литературы, см. также Spont, La milice des francsarchers, «Revue des questions historiques», т. 61.

** Boutaric, Institutions militaires de la France, стр. 218. Jähns, Handbuch, стр. 759. На основании сообщения Ювенала Урзина и монаха из Сен-Дени. Последний утверждает, что народ упражнялся весьма ревностно.

организаторским способностям другого французского герцога, Карла Смелого, который под именем герцога Бургундского объединил под своей властью ряд французских и германских ленов — Фландрию, Брабант, Хеннегау, Люксембург, вольное графство Бургундию, Бургонь*.

Недостатки в военном отношении сохранившегося от старого времени конституционного ленного призыва — неточность, ненадежность, плохое вооружение и слабый военный опыт дворян — были так велики, что казались невыносимыми**. Карл нашел двоякий выход. Тем дворянам, которые обязывались быть всегда наготове к походу и при смотрах оказывались в отношении вооружения годными, он платил регулярное небольшое вознаграждение. Это были «soudoyers à gages ménagers»***. Но этого было недостаточно.

Быть может, недостаточное вооружение и подготовка феодального войска, имевшие часто место в XV в., встречались также при Барбароссе и при Карле Великом, но из-за этого все же не менялась система. Успешное развитие наемничества не только улучшило, благодаря плате, вассальную службу, но и окончательно заменило ее. Карл издал решительные приказы**** об этом и на полученные таким образом средства по примеру своих кузенов, фарнцузских королей, создал в 1471 г. ордонансовые роты.

---

* Военную организацию Карла Смелого очень хорошо осветил M. Guillaume, Hist. de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne, в «Mémoires couronnés et memoires des savants étrangers» publiés par l'Académie de Belgique, т. XXII, Брюссель, 1848.

Много ценного содержит также La Chauvelays, La composition des armées de Charles le Téméraire, 1879, в «Mémoires de l'Académie de Dijon», т. VI.

В Париже также вышло отдельное издание этого труда. Я лично исследовал этот вопрос в моих «Персидских и Бургундских войнах».

** В 1340 г. граф Арманьяк имел среди 800 «hommes d'armes» только 300 вполне вооруженных (Gr. chron. de St. Denys, т. v, стр. 393, изд. Paulin).

В 1429 г. дворяне, прибывшие на подкрепление к Карлу VII, «n'avient de quoy s'armer et se monter» («Chron. de la pucelle Panth. lit.», стр. 442).

В 1467 г. Карл Смелый выбрал из призванных вассалов тех, которые имели полное снаряжение; из 1 400 таких было только 400. Случалось, однако, что дворяне получали жалованье и снова отправлялись домой (Guillaume, стр. 89).

*** La Chauvelays (стр. 170) высчитал, что оба бургундца выставили Карлу Смелому 32 роты «soudoyers à gages mènagers».

32 роты насчитывали 899 hommes d'armes à trois chevaux (т. е. 899 пажей и 899 слуг), 541 gens de trait à cheval, 178 coutilliers (т.е. бойцы, вооруженные короткой широкой шпагой—contille—ред.) à cheval, 177 demi-lances. (Demi-lance — полукопье — это один рыцарь, но получающий такое жалованье, какое получают 2 стрелка).

Таким образом в копьях было	. . .	2 697 воинов
Одиночек	. . .	541 »
»	. . .	178 »
»	. . .	177 »
		3 593 »
Откинем	. . .	899 пажей как не-комбаттантов
		2 694 воина

**** Приказ для Хеннегау был издан в 1470 г. и, по Guillaume (стр. 113),гласит следующее: «Каждый владелец лена с годовым доходом свыше 360 ливров должен поставить одного homme d'armes вместе с coutillier и пажем и 6 пеших лучников. Каждый владелец лена с 240 ливрами дохода — одного homme d'armes. Владелец с 120 ливрами дохода — 3 пеших (лучник, арбалетчик или пикинер). Владельцы более крупных или более мелких ленов соединялись для выполнения соответсвующей повинности. Кто не мог служить лично, обязан был выставить соответсвующего заместителя, а если он этого не мог, то это делали за него командиры. Каждые 4 месяца предметы снаряжения подвергались осмотру.

Подобный приказ был издан в 1475 г. для Фландрии.

Следует обратить внимание на то, что здесь налицо определенная прогрессия вверх, что самые мелкие ленные владельцы вовсе освобождаются от повинности и что для выставления пешего, а тем более конного воина и для оплаты их требуется довольно значительное состояние. Следует снова сравнить это с представлением о том, будто в империи Каролингов владелец нескольких наделов должен был на свои средства выставлять одного воина.

Он дал им твердое подразделение: первоначально 10 копий по 10 человек в каждом, позднее 4 escadres, распадавшихся в свою очередь на 4 chambres по 6 копий; 25-е копье являлось копьем chef d'escadre.

Знамена различных командиров рот имели различные цвета. Чтобы подразделение было заметно, на флажках изображались одно, два, три, четыре больших С, а под этими буквами С были вышиты номера 1, 2, 3 или 4.

Копье имело не только конных и стрелков, но и пеших воинов: оно насчитывало одного рыцаря, одного coutillier, одного пажа, 3 конных лучников и одного арбалетчика, одного couleuvrinier (стрелка из ружья) и одного пешего пикинера, т.е. 9 человек, к которым нередко присоединялись многочисленные добровольцы*.

Карл издал предписания относительно снабжения, оплаты, отпусков, дисциплины. В мирное время из каждого эскадрона отпуск могли получать не больше 5 hommes d'armes и 15 стрелков, в военное время — 2 hommes d'armes и 6 стрелков. За каждой ротой могло следовать не больше 30 женщин, причем никто не мог претендовать на то, чтобы какая-либо женщина принадлежала только ему.

Наряду с делением на копья Карл провел разделение по родам войск, чего неоднократно требовала практика войны; наконец, он издал даже специальные регламенты, в которых предписывались маневры. В одном из этих регламентов значится следующее: «Для поднятия боеспособности войска путем упражнений во владении оружием герцог повелевает начальникам рот, эскадронов и взводов выводить своих жандармов во время гарнизонной службы или в другое свободное время в поле, иногда в одной только броне, иногда в полном вооружении и там производить упражнения — сомкнутым строем, затем мчаться с копьем наперевес и при этом на всем скаку лошадей всегда оставаться при знамени или же по команде разделяться, затем снова собираться и друг друга поддерживать, дабы выдержать неприятельский натиск. Стрелки вместе со своими конями также должны напрактиковаться в обращении с оружием; их нужно приучить к спешиванию и стрельбе из лука; при этом их нужно обучить, чтобы они выстраивали своих коней, сцепленных уздой, в ряды — по 3 лошади, привязанных к зацепке, прикрепленной к головке передней луки лошади оруженосца, затем быстро построиться в линию и стрелять в полном порядке; наконец, впереди стрелков должны маршировать пикинеры также сомкнутой линией. Однако, по данному знаку эти последние падают на колено с простертыми вперед пиками на высоту груди лошади, дабы через них, как через стену, стрелки могли выпустить свои стрелы, а когда пикинеры видят, что враг пришел в замешательство, они должны быть готовыми броситься на него так, как им будет приказано. Затем пикинерам надлежит, в целях двухсторонней обороны, упражняться в выстраивании друг к другу спинами, равно как в виде квадрата или круга; быть им всегда впереди стрелков и в сомкнутом строе, дабы отражать атаку неприятельской конницы, причем также замыкать пажей и лошадей стрелков. Офицеры могут сперва проводить эти упражнения с небольшими частями; после того как обучится одна, обучается другая. При этом офицеры должны всегда иметь наблюдение над солдатами, которые не осмелятся дезертировать или продавать своих коней или снаряжение, так как они заранее не знают, в какой день офицеры будт производить

По La Chauvelays (стр. 258) большая часть ленов имела годовой доход меньше 50 франков, часто только 10 франков.

Примечателен текст призыва, изданного 3 мая 1471 г. штатгальтером Карла для Бургундии: «Все люди, знатные и другие, какого бы то ни было сословия и профессии, привычные к ношению и применению оружия, вне зависимости от того, имеют ли они лен или нет, поставили ли они кого-либо в нынешнюю армию или нет». (Напечатано у La Chauvelays, стр. 187). Этот приказ можно было бы считать парафразой «cuncta generalitas populi» в капитулярии Карла Великого или «universi» в призыве 817 г.

* Так предписывает регламент от 31 июля 1471 г. Оливье де ла Марш, сам командовавший ротой, в своих мемуарах говорит, что копье насчитывало 2 лучников, 2 couleuvrinier и 2 пикинеров (по Guillaume, стр. 121).

занятия; таким образом каждый должен будет выполнять свой долг и обучаться военному делу».

Когда читаешь эти уставы строевых занятий, кажется, что средневековье осталось далеко позади; некоторые упражнения производят даже вполне современное впечатление. Но это впечатление обманчиво. Переход от одного периода всемирной истории к другому происходит не так быстро и не так легко. Выше мы видели, как тяжело было королям Франции превратить банды наемников в регулярные роты. Мы увидим также, как медленно и с какими трудностями из рыцарей и кнехтов средневековья образовалась современная кавалерия и пехота. Регламентация строевых занятий Карла Смелого не была даже этапом этого преобразования. Это — продукт усердного, находчивого и деятельного ума, продукт, пошедший даже в правильном напрвлении и все же не создавший перехода к новому времени, так как элементы, которыми он оперирует, в короткое время были вытеснены значительно более сильными элементами.

Военная организация этого последнего бургундского герцога не представляет собой ничего современного, а наоборот, это — последний тончайший, можно было бы даже сказать самый надежный побег средневековья. Действительно важным моментом для эволюции военного искусства является начинающееся здесь разделение родов войск. Предписанные же строевые занятия — лишь иллюзия; во всяком случае то, что из них было выполнено, не имеет ничего общего с тем, что мы теперь понимаем под строевыми занятиями. Для этого требуется расход силы сосвсем другого порядка, нежели это предписание свыше, представляющее собой просто хороший совет. На этом моменте мы еще остановимся. Правда, ордонансовые роты, поскольку они составлялись из конных, представляют собой известный переход от рыцарства к кавалерии, но до последней еще очень далеко, а эти «hommés d'armes» первое время были еще всецело рыцарями. Пешие же и стрелки ордонансовых рот вообще не имеют ничего общего с будущей европейской пехотой. Последняя произросла из совсем других корней. Решающей характеристикой, благодаря которой ордонансовые роты должны быть отнесены именно к средневековому военному делу, является сама основа организации — то, что она построена на понятии «копье». В основе «копья» лежит то, что бойцом является рыцарь, а все прочее — лишь подсобное оружие. Правда, число подсобного оружия настолько велико, что можно было бы подумать, что рыцарь в маленьком отряде является офицером, а если мы вспомним, что при спешивании рыцарей и вступлении их в ряды кнехтов действительно играл роль даже момент придачи массе моральной силы, то это и в самом деле является некоторым переходом к современному понятию офицерства. Но и в данном случае мы имеем дело только с созвучием: рыцарь внутри «копья» все же не походит на то, что мы в военной истории называем «офицером», а он остается только главным бойцом. Началом разделения родов войск Карл Смелый создает момент, также указывающий на будущее, но при этом первый момент — превращение рыцаря в «офицера» — снова уничтожается, так как рыцари и кнехты находятся теперь уже не рядом. Таким образом, «копье» внутри ордонансовых рот является лишь, так сказать, утонченным средневековьем, а именно стремлением в смешенном бою создать поддержку рыцарям со стороны вспомогательных родов войск, создать некотрый порядок и руководство.

То, что возвышающиеся князья средневековья пошли этой дорогой, было вполне естественно, но этот шаг все же остался бесплодным. Руководством овладела совсем другая сила. Поэтому нам и не нужно вдаваться в такие подробности организации военного дела XV в., как мы это делали в отношении других столетий этой эпохи. Как только мы познакомимся с новой силой, которая уготовила конец рыцарству, все попытки отмирающей эпохи произвести в себе улучшения теряют для нас интерес.

ГЛАВА VI

СРАЖЕНИЯ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ И МОНЛЕРИ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ БОИ ЭТОГО ПЕРИОДА

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ
15 июля 1410 г.

Как ни ужасна была битва при Танненберге и ее исход , как бы много ни было о ней тогда же записано, все же она дошла до нас в весьма сомнительной передаче*.

Продолжатель любекской хроники Детмара[171] исчисляет польско-литовское войско в 5 100 000 человек, что, таким образом, превосходит даже численность армии Ксеркса, сообщенную отцом истории (Геродотом). Магдебургская шеффенская хроника в соответсвии с этим сообщает, что общее число убитых составляло 630 000 человек. Наименьшее указание хроники о численности немцев — 83 000, поляков — 163 000 воинов. Heveker (Хевекер) исчисляет армию ордена, примерно, в 11 000 человек, из них — около 3 850 тяжеловооруженных, 3 000 оруженосцев и 4 000 стрелков, которые также были конными, но сражались спешившись. К этому прибавляется некоторое число пеших воинов, которые, однако, не вступили в сражение, а оставались во время сражения в вагенбурге.

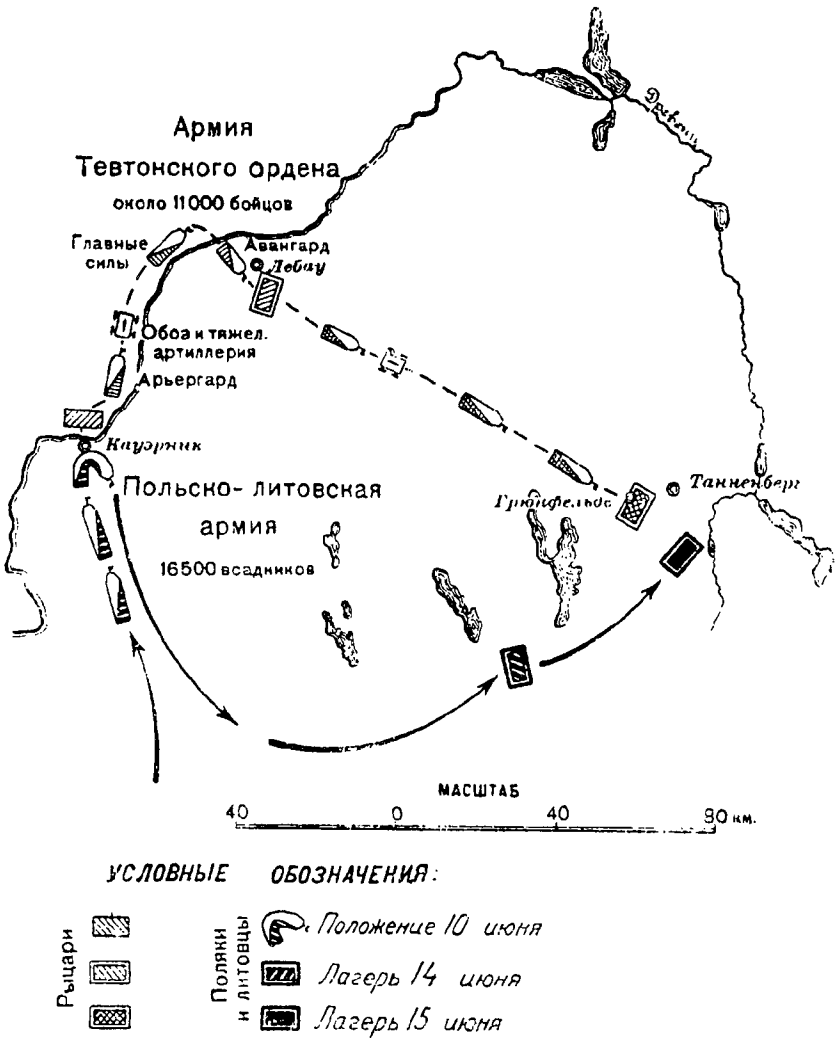
Поляков и литовцев Хевекер исчисляет в 16 500 конных, т.е. на 50% больше, чем немцев. О том, что их было значительно больше, чем немцев, говорит и поляк Длугос (Dlugoss) — наш главный источник для этого сражения. Во главе армии стоял король Владислав, но настоящей душой дела был его двоюродный брат Витольд, великий князь Литовский.

Гросмейстер Ульрих фон Юнгинген предоставил инициативу полякам и, когда они начали операцию на правом берегу Вислы, он занял позицию за притоком Вислы Древенцом. По источникам создается представление, что немцы помешали притивнику совершить переход через Древенц у Кауэрника; причина этого не ясна, ибо так или иначе, а дело должно было дойти до боя. То ли пруссаки не собрали еще своих сил, то ли намеревались дать полякам перейти реку и атаковать их во время переправы, — как бы то ни было, но поляки усмотрели трудность положения, повернули и направились на восток с целью обойти Древенц у его истока.

Немцы двигались параллельно, и так как река делает большой изгиб на север, то они переправились через нее и на виду неприятельского лагеря у деревни Танненберг построились к бою. Наши источники, как польские, так и немецкие, единодушно заявляют, что армия ордена совершила ошибку, остановившись в боевом порядке, вместо того, чтобы тотчас же атаковать еще непостроенную польскую армию.

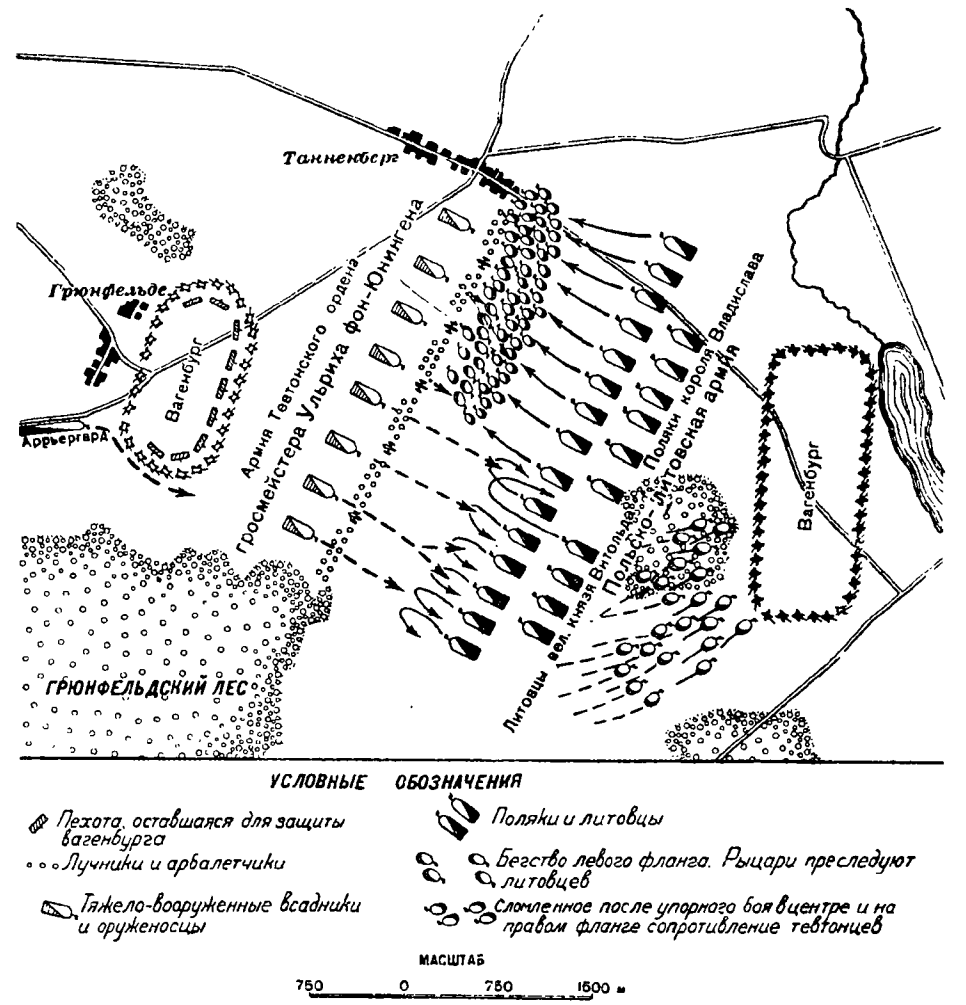
Однако, очевидно, что это лишь высшая мудрость задним числом. Прусский арьергард подошел только к концу сражения, а тяжелая артиллерия подоспела вообще слишком поздно и ее могли использовать лишь для защиты лагеря; значит, и само немецкое войско в начале сражения еще не было окончательно развернуто; рассказ о долгом ожидании исходит от людей, случайно принадлежавших к передним рядам и не понявших причину их долгого стояния. Уже ночью при сильном дожде снялись с лагеря в районе Лебау и сделали переход не меньше чем

* Специальное исследование Karl Heveker, Die Schlacht bei Tannenberg, Berliner Dissert, 1906, изд. Georg Nauck, правда, способствовало выяснению обстоятельств сражения и отмело многое ложное, однако многое еще осталось невясненным. Должен заметить, что в моих попытках добиться ясной картины некоторые моменты все же основываются лишь на предположении. Из более новых работ я укажу на статью S. Kujot в «Altpreuss. Monatschr.» , т. 48, кн. I и статью Krollmann, Oberländ. Gesch. Blätt., кн. 13, 1911 г. Достойно внимания также исследование E. Schnippel, Das Rittergrad von Tannenberg, в «Oberländ. Gesch. Blätter», 1909 г., кн. 11.



С х е м а 39. Сражение при Танненберге 15 июля 1410 г. Передвижение перед сражением.

в 25 км, считая по воздушной линии, в палящий июльский зной, поэтому вполне естественно, что сосредоточение продолжалось очень долго. Что касается поляков, то, выступив в 6 часов утра и совершив переход всего в 1 ½ мили, они уже расположились лагерем, и им осталось только построиться перед ним. О нападении, таким образом, нельзя было и думать. Наоборот, стратегия гросмейстера представляется связной лишь при предположении, что он хотел дать оборонительно-наступательное сражение. Он имел довольно много арбалетчиков и даже пушек, полное действие которых могло проявиться только в обороне. Если при Танненберге он хотел атаковать неприятеля, то непонятно, почему он не сделал этого уже 5 днями ранее при Кауэрнике и позволил полякам оставаться так долго на прусской территории, которую они сильно разоряли. Если же он хотел переложить инициативу наступления на противника, то все станет понятным: и почему он



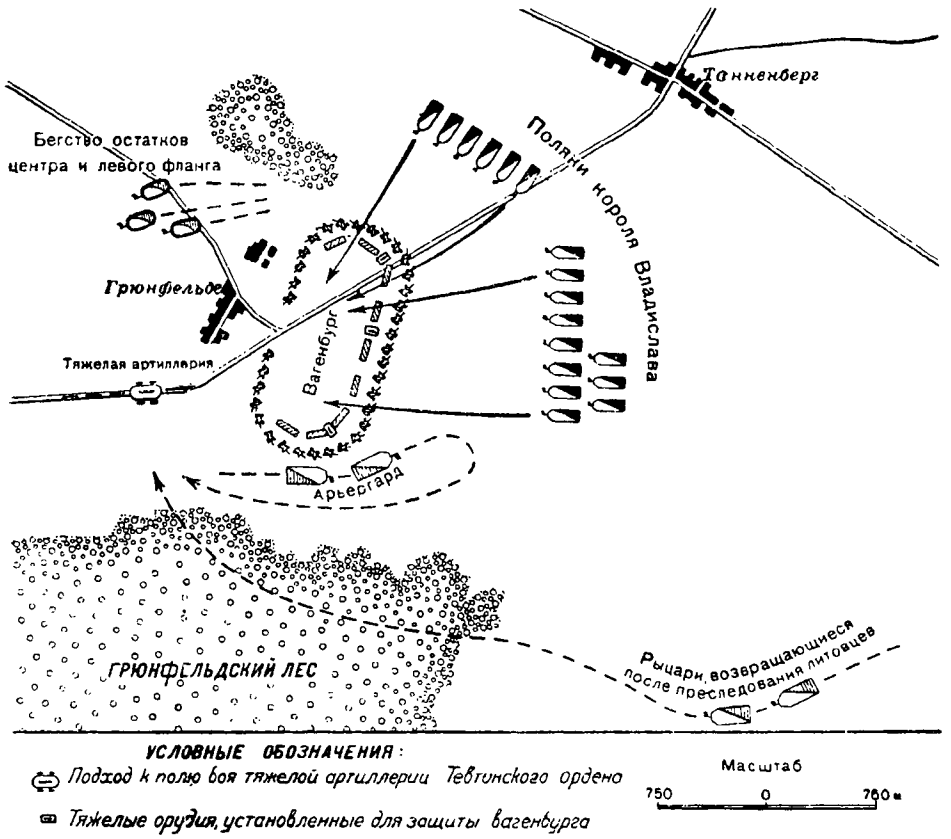
С х е м а 40. Сражение при Танненберге 15 июля 1410 г. Конные атаки.

ожидал противника в собственной стране, и почему занял позицию за Древенцом, и почему так долго оставлял свои войска в бездействии.

Здесь он имел позицию, лежавшую на фланге направления польского марша, так близко, что они не могли пройти мимо нее; справа позиция выгодно примыкала к грюнфельдскому лесу, слева — к деревне Танненберг, впереди же лежала в общем ровная, но местами волнистая, покрытая расселинами и представлявшая все же некоторые затруднения для противника, местность*.

В то время как поляки при первом сообщении о приближении войска ордена быстро оседлали коней и сосредоточились, к королю Владиславу явились 2 герольда, которые по поручению гросмейстера передали ему 2 меча и вызвали на бой. Если усмотреть в этой церемонии попытку гросмейстера выиграть еще некоторое время, то это вполне увяжется с нашим общим взглядом на сражение.

* Очень ценное описание местности см. у Келера, Kriegsw. d. Ritterz. т. II, стр. 717.



С х е м а 41. Сражение при Танненберге 15 июля 1410 г. Штурм вагенбурга.

Замысел сражения, как можно было уже заметить, является полной аналогией замыслу Баязета при Никополе. Хотя и нет сведений о том, что немецкие стрелки соорудили перед собой частокол-палисад, как янычары (впрочем в отношении Кауэрника это определенно упоминается), зато они имели во фронте некоторое число пушек.

Но исход сражения был прямо противоположным Никополю. Действие пушек было незначительно, тем более что как раз в начале сражения разразилась гроза и порох отсырел. Арбалетчики и лучники имели большой успех, по крайней мере на левом фланге, против более легко вооруженных литовцев, которые при наскоке всадников были рассеяны и бежали. Однако, в центре и на правом фланге немцы после упорного боя были разбиты превосходными силами поляков, которые не повторили ошибки французов пр Кресси и Никополе — атаки по частям, а вполне развернули свою армию и двинулись одновременно всей массой. Против этой массы прусские арбалетчики и пушки, равно как и храбрость братьев Немецкого ордена, были бессильны. Вернувшиеся с преследования литовцев рыцари также не смогли уже, так сказать, повернуть судьбы. В кругах ордена утверждали, что имела место измена, что кульмские рыцари, находившиеся в оппозиции к правлению ордена, изменили знамени и бежали.

Этому не нужно верить. При обсуждении различных исходов Никополя и Танненберга следует только принять во внимание, что ни стрелки, ни набранные

в деревнях всадники ордена не могут сравняться по своим боевым качествам и по преданности делу с янычарами и сипаями Баязета: ведь учение Магомета и вытекающая отсюда дисциплина содержат колоссальную военную потенцию. Если еще учесть, что численное соотношение было обратным, чем при Никополе — Баязет был, очевидно, количественно более сильным, а Юнгинген оказался более слабой стороной и не имел даже сначала всей армии в сборе, — то различный исход при одинаковом расположении и тактике не может удивлять.

Вагенбург, сооруженный армией ордена позади боевой линии и снабженный тяжелой артиллерией, был взят штурмом преследующими поляками. Сам гросмейстер и 205 братьев ордена устлали своими трупами поле битвы*.

МОНСТРЭЛЕ О ТАННЕНБЕРГЕ

В качестве примера того, как видоизменяется картина событий при наблюдении ее с известного расстояния, я включаю рассказ о сражении при Танненберге во французкой хронике Монстрэле, прдолжателя Фруассара и одного из важнейших и наиболее цитируемых писателей — источников того времени. Он сообщает:

«16 июля 1410 г. гросмейстер Пруссии в сопровождении многочисленных рыцарей, братьев и других воинов разных наций общей численностью до 300 000 христиан, вторгся в Литву с целью разгрома. Тотчас же ему пошел навстречу король этого государства вместе с королем сарматов [172] — всего около 400 000 сарацинов, и дали друг другу бой. Христиане одержали победу, и около 36 000 сарацинов было убито. Главнейшими из убитых были адмирал литовский и конетабль сарматов. Другие, оставшиеся в живых, бежали. Христиане оставили на поле сражения около 200 человек, но кроме этого они имели много раненых.

Вскоре после того польский король, бывший большим врагом гросмейтера Пруссии и только недавно притворно принявший христианство с целью добиться польской короны, явился со своими поляками на помощь названным сарацинам и стал увещевать их снова начать войну против Пруссии; и вот через 8 дней после этого поражения армии выстроились одна против другой, а именно: польский король и два названных короля с одной стороны примерно с 600 000 воинами против гросмейстера Пруссии и многих других крупных христианских сюзеренов, которые и были разбиты сарацинами. И здесь было 60 000 убитых или больше. Среди них находился гросмейтер Пруссии и один дворянин из Нормандии, Жан де Ферьер, сын сеньора Вьевиля, и из Пикардии сын сеньора дю Буа Д'Аннеке. И все сказали, что дело погибло по вине конетабля венгерского короля, участвовавшего во второй операции христиан и вместе со всеми венграми покинувшего поле сражения**.

Но сарацины добились славы и победы не без потерь, так как, кроме 10 000 поляков, с их стороны пало 120 000 человек, как это было сообщено герольдами, а также бастардом[173] Шотландии, носившим имя граф де Хембе».

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНЛЕРИ ПО КОММИНУ***

13 июля 1465 г.

Как граф Шаролэ со многими владетельными сеньорами Франции выставил войско против короля Людовика XI под предлогом защиты общего блага.

---

* Kujot и Krollmann пришли в некотрых пунктах к другим выводам; я в значительной степени сохранил все же мое прежнее описание.

** Здесь, вероятно, вклинен рассказ французских рыцарей, относящийся к сражению при Никополе, имевшему место 14 годами ранее. При Танненберге никаких венгров не было.

*** Перевод сделан не с немецкого перевода Дельбрюка, а со старофранцузского подлинника, по изданию Chanselanze, Paris (Firmin Didot) 1881. — *Ред.*

Граф Шаролэ (Карл Смелый) вполне примирился с отцом и немедленно отправился с конницей на войну; его сопровождал главный начальник (chief) его войска. Под его началом было около 300 всадников и 4 000 лучников, и много дворян и рыцарей из Артуа, Хеннегау и Фландрии оказалось, по приказу графа Шаролэ, под начальством названного графа. Подобные и не меньшие отряды имели Равастейн, брат герцога Клевского, и Антоний, бастрад Бургундский: они командовали военными отрядами. Были и другие военачальники, которых я сейчас не стану перечислять ради краткости; между прочим, два рыцаря, особенно высоко ценимые графом Шаролэ: один — сеньор де Обурден, проведший юность в войнах между Францией и Англией в те времена, когда Генрих, пятый король Англии этого имени, правил Францией и когда герцог Филипп был его союзником. Другой назывался сеньор де Контэ и был одного возраста с первым. Оба были очень храбрыми рыцарями и стояли во главе войска. Молодых было там достаточно, между прочим один весьма знатный рыцарь по имени мессир Филипп де Лалэн, принадлежавший к роду, насчитывавшему мало таких, которые не были бы отважны и храбры; почти все представители этого рода погибли на военной службе у своих сеньоров. В войске было около 1 400 всадников, плохо вооруженных и плохо обученных, ибо их сеньоры долгое время оставались в мире и после Аррасского договора[174] видели мало продолжительных войн. По моему мнению, они больше 36 лет пребывали в покое, если не считать нескольких мелких войн против Гента, весьма кратких. Кони у всадников были очень хороши, и немногих вы увидели бы таких, у кого не было бы 5 или 6 крупных коней. Лучников было 8 000 или 9 000; после осмотра, где выбраны были наилучшие, оказалось труднее отослать лишних, чем ранее — вербовать.

Благодаря долговременному миру и доброте государя, взимавшего мало податей, подданные Бургундского дома были тогда очень самостоятельны, и мне кажется, что в те времена земля его с бо́льшим правом могла называться землей обетованной, чем все сеньории на свете. Бургундцы жили в изобилии и спокойствии; впоследствии утратили они и то и другое; началось это 23 года тому назад. Обстановка жизни и одежды мужчин и женщин были богаты и роскошны; более обильных и расточительных трапез и пиров я не встречал нигде; купанья и другие увеселения с женщинами — разгульные и бесстыдные; я говорю о женщинах низкого звания. В итоге подданным Бургундского дома казалось, что нет такого государя, который смог бы их разорить; теперь же я не знаю ни одной страны в мире, которая была бы столь же несчастна; возможно, что они несут наказание за грехи, совершенные в счастливые времена, а главным образом, за непонимание того, что все эти милости ниспосылаются богом и распределяются по воле его.

Итак, когда войско было подготовлено, — а было это сделано очень скоро, — граф Шаролэ двинулся со всем войском, которое все было на конях, кроме сопровождавших артиллерию, прекрасную и большую по тому времени, и с большим обозом, сопровождавшим большую часть — его собственного — войска. Прежде всего он направился к Нойону и осадил Нель, небольшой занятый войсками замок, и взял его в несколько дней. Иоахим, маршал Франции, выступивший из Пероны, был все время недалеко от графа Шаролэ, но не причинял ему ущерба, так как имел мало воинов; он укрылся в Париже, когда граф приблизился к этому городу.

На всем протяжении пути граф не предпринимал никаких военных действий, и его люди не брали ничего даром; города по берегу Соммы и все остальные понемногу принимали его людей и доставляли им то, что они хотели за деньги; казалось, они выжидали, кто окажется сильнее: король или сеньоры. Двигаясь таким образом, граф достиг Сен-Дени, близ Парижа, где, согласно их обещанию, должны были находиться все сеньоры королевства, но их там не оказалось.

Вместо герцога Бретани в качестве посланца там был с графом вице-канцлер Бретани, снабженный незаполненными бумагами за подписью герцога; заполняя бумаги сам, он, таким образом, отдавал необходимые распоряжения. Был он нормандец и обладал большой хитростью; хитрость и нужна была ему ввиду подымавшегося против него ропота воинов.

Граф подошел к Парижу; там произошла крупная стычка; к великому ущербу для находившихся в городе, атакующие доходили до самых ворот. Из рыцарей там были только Иоахим и его отряд и монсеньор Нантуйэ, впоследствии управитель королевского дворца, сокровищ и архивов (grand maistre de France), который так верно служил королю в этой войне, как ни один подданный короля Франции не служил ему, и в конце концов плохо был вознагражден, больше из-за преследований врагов, чем по вине короля; но ни те, ни другие не смогли бы найти оправдания для себя.

В этот день, как я узнал впоследствии, многие были настолько напуганы, что кричали: «Они ворвались в город!» (так мне рассказывали впоследствии), но к этому не было оснований.

Монсеньор Обурден (о котором я говорил раньше), который вырос в Париже, настаивал на осаде города: Париж в то время был менее укреплен, чем теперь. Рыцари, презиравшие неприятеля, держались того же мнения, ибо атакующие подходили вплотную к городским воротам. Впрочем возможно, что город нельзя было взять: граф возвратился в Сен-Дени.

На утро следующего дня состоялся совет, идти ли навстречу герцогу Беррийскому и герцогу Бретонскому. Они были близко, как говорил вице-канцлер Бретани, показывая их письма; но эти письма он сам изготовил на бумаге с печатью: больше он ничего не знал.

Решено было перейти Сену, хотя многие настаивали на возвращении, так как остальные не сдержали своего обещания; другие считали, что достаточно будет перейти Сомму и Марну, не переходя Сены; некоторые высказывали серьезные сомнения, ссылаясь на то, что в тылу у них не будет пути к отступлению в случае надобности. Войско сильно роптало на графа Сен-Поль и на этого вице-канцлера; тем не менее граф де Шаролэ перешел реку и расположился у моста Сен-Клу.

На другой день по прибытии сюда он получил письмо от одной придворной дамы, что король (Людовик XI), выступив из Бурбонне, большими переходами спешил к нему навстречу.

Но следует сказать несколько слов о том, как король отправился в Бурбонне. Зная, что все сеньоры королевства против него или, по крайней мере, против его правительства, он сам решил напасть первым на герцога Бурбонского, так как ему казалось, что названный герцог относится к нему с наибольшей враждебностью, и так как по слабости его страны его можно было скоро раздавить. Король захватил ряд пунктов и взял бы и всю остальную территорию, если бы не помощь Бургундии, которую привели сеньор де Куши, маркиз де Вотелен, сеньор де Монтегю и др.; был там и одетый в доспехи канцлер Франции (и ныне занимающий этот пост), человек весьма почтенный, по имени монсеньор Гийом де Рошфор.

Король, видя, что граф Шаролэ приближается в Парижу, и, боясь, как бы парижане не открыли ворота ему и его брату и герцогу Бретонскому, которые шли из Бретани, ввиду того что все они ссылались на общее благо королевства, и как бы то, что сделает Париж, не стали делать и другие города, решил большими переходами идти к Парижу, вступить в него и помешать соединению этих двух больших войск. Он прибыл без намерения сражаться, как он неоднократно рассказывал мне, когда речь заходила об этих обстоятельствах.

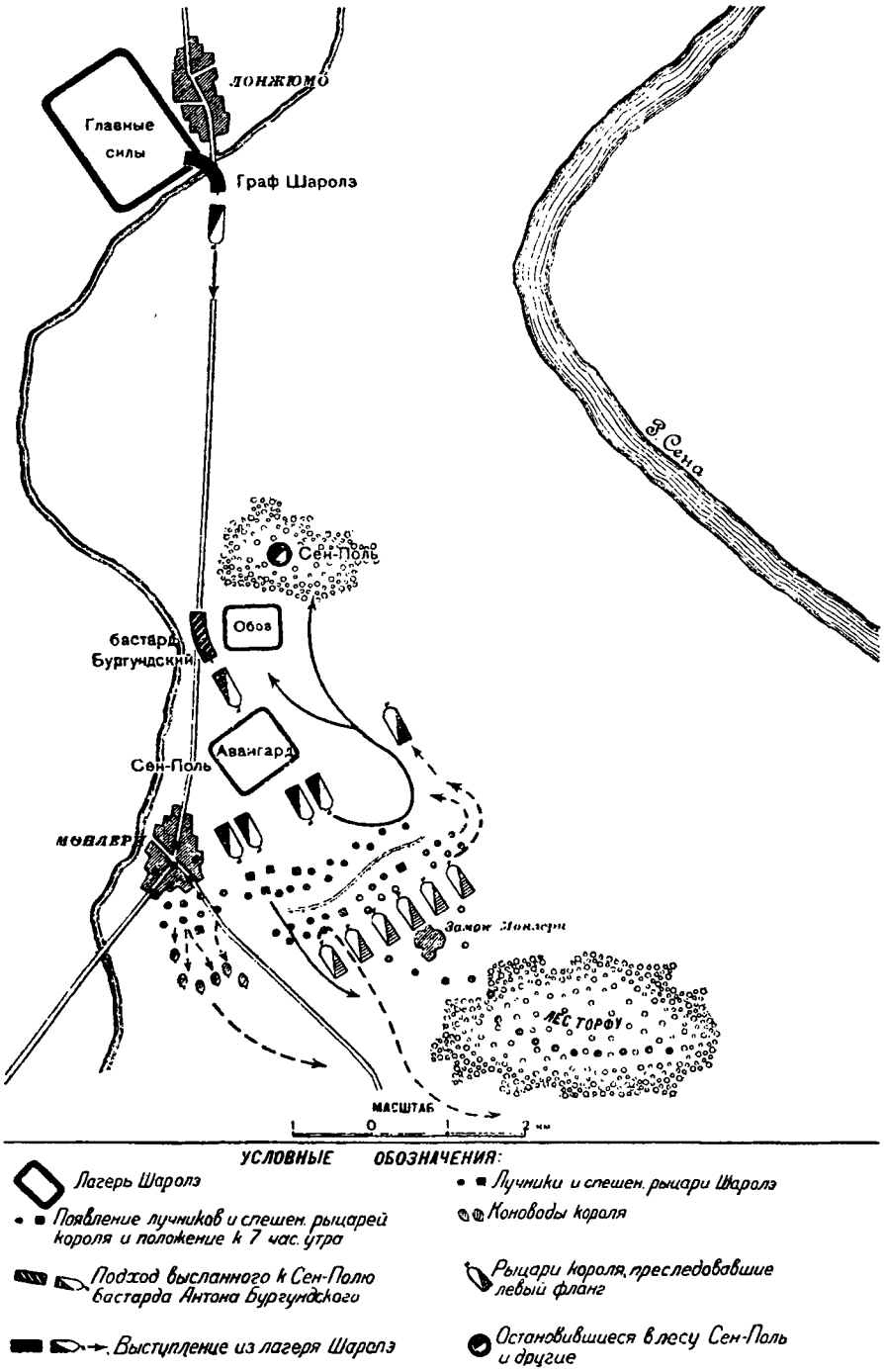


Схема 42. Сражение при Монлери 13 июля 1465 г. Завязка боя и атаки бургундцев.

Как граф Шаролэ расположился лагерем у Монлери и о битве, которая произошла между ним и королем Франции.

Когда, как я уже сказал, граф Шаролэ узнал, что король выступил из Бурбонне и идет прямо на него (или, по крайней мере, граф так думал), он также решил двинуться навстречу королю. Граф огласил содержание писем, не называя лица, которое их писало, и побуждал всех действовать как можно лучше, так как он-де решил попытать счастья. Он расположился лагерем у одной деревни близ Парижа, называемой Лонжюмо; конетабль, командовавший авангардом, остановился у Монлери, в 3 лье выше по реке. Высланы были разведчики, чтобы разузнать о прибытии короля и о его пути.

В присутствии упомянутого графа Сен-Поль выбрано было место для боя у Лонжюмо; согласились на том, что граф Сен-Поль отступит к Лонжюмо, в случае если подойдет король; присутствовали при этом сеньор Обурден и сеньор де Контэ.

В то время как граф Шаролэ стоял лагерем у Лонжюмо, а его авангард — у Монлери, он узнал от одного пленного, который был приведен к нему, что граф Мэйн соединился с королем, и что там находится все войско королевства, около 2 200 всадников, ополчение Дофине и 40 или 50 савойских дворян, а король держал совет с графом Мэйн, с сенешалем[175] Нормандии по имени де Брезэ, адмиралом Франции из дома Монтобан и другими: в конце концов, король решил, что бы против этого ни говорили, не сражаться вовсе, а отправиться в Париж, не приближаясь в бургундскому лагерю. И, по-моему, это намерение было разумно.

Относясь с подозрением к сенешалю Нормандии, король потребовал у него ответа, присягал ли он на верность властителям, объединенным во враждебный королю союз, или нет. На это сенешаль ответил: «да», что присяга его остается у князей, тело же принадлежит королю.

Говорил это он смеясь, так как привык говорить именно так. Король удовлетворился таким ответом и доверил сенешалю командование авангардом, а также и проводников, желая, как сказано, избегнуть сражения. Великий сенешаль сказал тогда одному из приближенных, выражая собственные свои желания: «Сегодня я так плотно сдвину их, что понадобится большая ловкость, для того чтобы их разъединить». Так он и сделал, но он и его люди были первыми из павших. Эти слова передавал мне король, так как тогда я был с графом Шаролэ.

17 июля 1465 г. авангард (королевской армии) прибыл в Монлери, где был лагерь графа Сен-Поль. Названный граф Сен-Поль тотчас же снарядил посольство к графу Шаролэ (стоявшему лагерем в 3 милях оттуда на назначенном для боя месте), прося его немедленно прийти к нему на помощь, так как всадники и лучники уже спешились и приближаются к его обозу; ему-де невозможно отступить (как приказано), так как, если бы он выступил в путь, это было бы понято как бегство и создало бы опасность для всего войска.

Граф Шаролэ спешно выслал бастарда Антона Бургундского со значительным отрядом на соединение с ним, сам же колебался, следует ли ему идти или нет, но, наконец, последовал за другими и прибыл около 7 часов утра. Там уже было 5 или 6 знамен короля, стоявших вдоль разделявшего оба войска большого рва.

Граф Шаролэ нашел графа Сен-Поль пешим; все остальные прибывали друг за другом; лучников мы нашли разутыми, и каждый вкопал перед собой по колу; много бочек вина было пробуравлено, чтобы пить из них; до того я видел немногое, но никогда не встречал людей, которые так рвались бы в бой: это показалось мне очень хорошим знаком и весьма ободрило меня.

Сперва было принято решение всем без исключения спешиться, затем переменили мнение, и конники сели на коней, но многие храбрые рыцари получили приказание оставаться пешими, монсеньор де Кордэ и его брат в их числе. Мессир

Филипп де Лалэн спешился; у бургундцев наибольшим почетом пользовались те, которые сражались пешими с лучниками, и многие знатные прибегали к этому средству, чтобы пехота чувствовала себя более уверенной и лучше сражалась.

Научились они этому у англичан, с которыми герцог Филипп еще юношей сражался в войне против Франции, длившейся 32 года без перемирий. Но главные бои вели тогда англичане, бывшие богатыми и могущественными. В то время у них был мудрый король Генрих, прекрасный и храбрый полководец. Он имел мудрых и храбрых людей и крупных военачальников, как Солсбэри, Тальбот и другие, о которых я умалчиваю, так как в мое время их уже не было: я видел только их останки. Когда бог утомился делать им добро, этот мудрый король умер в Венсеннском лесу, а его безумный сын был коронован в Париже короной Франции и Англии. Соответственно с этим изменились и другие ранги в Англии, и между ними возникло разобщение, существующее до настоящего времени или почти до сегодня. Тогда представители Йоркского дома узурпировали королевскую власть или получили ее по праву, по какому — не знаю, так как такие вещи распределяются на небе.

То, что бургундцы сперва спешились, а затем снова сели на коней, было для них причиной большой потери времени и ущерба. Тогда пал юный храбрый рыцарь мессир Филипп де Лалэн из-за плохого вооружения. Люди короля друг за другом, цепью прошли через лес Турфу, их не было и 400, когда мы прибыли, и многие полагают, что если бы мы тотчас напали на них, то не встретили бы никакого сопротивления, ибо, как я уже сказал, прибывающие могли идти только один за другим, но все же число их возрастало.

Видя это, благородный рыцарь монсеньор де Контэ поспешил сказать господину, монсеньору де Шаролэ, что если он хочет выиграть это сражение, то пора двигаться вперед, обращая внимание на то, что если бы они начали наступление раньше, враги были бы уже разбиты; граф де Шаролэ нашел их в малом числе, теперь же их заметно прибавилось; так и было в действительности.

Обсуждение стало тогда весьма беспорядочным: каждый хотел высказать свое мнение. Уже началась большая стычка в конце деревни Монлери; с той и с другой стороны были только лучники. Со стороны короля ими предводительствовал Понсе де Ривьер, и все это были лучники регулярных войск, в золототканных одеждах, высокого звания, тогда как лучники бургундцев были в беспорядке и без руководства, как партизаны (voluntaires). Когда начались стычки, пешими были с ними Филипп де Лалэн и Жак дю Ма, человек с громким именем, впоследствии ставший конюшим герцога Карла Бургундского.

Бургундцы были многочисленнее; захватив один дом, они сняли две или три двери и пользовались ими как щитами. Они начали пробиваться на улицу и подожгли один дом. Ветер пришел к ним на помощь и погнал огонь навстречу воинам короля, которые затем начали уходить, садиться на коней и спасаться бегством.

Хотели идти 3 эшелонами, так как расстояние между 2 отрядами (batailles) было велико. Войско короля стояло у замка Монлери; перед ним была большая изгородь и ров. На полях были рожь, бобы и другие высокие и густые злаки: земля там была плодородна. Все лучники графа шли пешком, в беспорядке перед ним.

Хотя, по моему мнению, лучники важнее всего на свете в сражениях, но их должны быть тысячи (в малом числе они не имеют никакой цены), у них должны быть плохие лошади: они не должны дорожить своими лошадьми; все же лучше для этого дела такие, которые вовсе не участвовали в боях, чем хорошо обученные, и таково мнение англичан, которые являют собой цвет стрелков.

Как сказано, решено было, что по дороге дважды будет привал из-за дальности пути и густых злаков, мешавших людям идти; случилось как раз обратное, точно они сами себя хотели погубить. Здесь господь показал, что он держит битвы в

деснице своей и дает победу по своему усмотрению; мне кажется невозможным, чтобы разум одного человека мог бы такое большое число людей привести в порядок и сохранять его или чтобы в поле все происходило так, как ранее предполагалось в военном совете; тот, кто этому поверит, согрешит против господа, если он человек здравомыслящий. Впрочем, каждый должен делать при этом что может и что обязан, и постигать, что бог, начиная такие дела по ничтожным мотивам и поводам, дает победу то одному, то другому. И велика тайна того, как королевства и большие сеньории иногда гибнут, а другие начинают расти и возвышаться.

Мы возвращаемся к предмету нашего повествования: граф шел без остановки, не давая перевести дух стрелкам и пехотинцам; воины короля с двух сторон обошли изгородь; когда они приблизились настолько, что пора было взять копья на удар, бургундские конники прорвались сквозь ряды лучников, не оставляя им времени ни для одного выстрела, хотя те были цветом и надеждой войска; я не верю, чтобы среди бывших там 1200 всадников было хотя бы 50 таких, которые умели бы владеть копьем. У 400 не было кирасы; не было ни одного вооруженного слуги.

Все это было следствием длительного мира и того, что герцоги бургундские не держали постоянного войска, чтобы не отягощать народ податями.

С того дня страна не имела покоя до сего часа, когда ей приходится хуже, чем когда-либо. Так бургундцы сами погубили цвет и надежду своего войска. Но господу, чьи пути неисповедимы, угодно было, чтобы фланг, на котором находился граф (он был по правую руку от названного замка), одержал верх, не встречая никакого сопротивления; весь тот день я был при графе и менее испытывал страха, чем когда-либо, так как я был очень молод и не имел понятия об опасности; но меня удивляло, что никто не решался защищаться против властителя, с которым я был: я стал считать его самым могущественным из всех. Таковы люди, имеющие мало опыта; отсюда проистекает и то, что они отстаивают свои мнения при помощи плохих доказательств и недостаточно разумно. Поэтому лучше придерживаться мнения тех, кто знает, что люди никогда не раскаиваются в том, что говорили мало, но очень часто, в том, что говорили слишком много.

По левую руку были сеньоры Равастэн и мессир Жак де Сен-Поль и многие другие, которым казалось, что у них недостаточно конницы для того, чтобы удержаться; но ввиду близости врага нельзя было думать о перестроении. Они действительно были разбиты наголову и отброшены до повозок; большая часть бежала в лес, в полулье оттуда. У повозок некоторые пехотные бургундские отряды вновь собрались. Среди преследователей выделялись рыцарство дофина Савои и многие конники; они думали, что выиграли битву, так как на этой стороне бургундцы стремительно бежали, многие знатные сеньоры стремились к мосту Сент-Максанс, который они считали еще находящимся в наших руках. Многие оставались в лесу; между ними и граф Сен-Поль с довольно большой свитой отступил (обоз был близок к лесу); впоследствии он хорошо показал, что не считал дело проигранным.

Граф Шаролэ на своей стороне преследовал врагов с небольшим отрядом на поллье за Монлери. Со стороны главной массы он не встретил сопротивления и думал уже, что победа обеспечена за ним. Старый дворянин из Люксембурга по имени Антон ле Бретон нагнал его и сказал, что французы вновь собрались, и что он погибнет, если будет продолжать преследование. Хотя ле Бретон сказал это два или три раза, герцог не остановился. Непосредственно вслед за этим прибыл монсеньор де Контэ (о котором я говорил ранее); этот сказал графу нечто подобное, притом столь дерзко и решительно, что тот прислушался и обернулся. Я думаю также, что граф попал бы в плен, как и некоторые другие, если бы продвинулся вперед на расстояние двух выстрелов из лука.

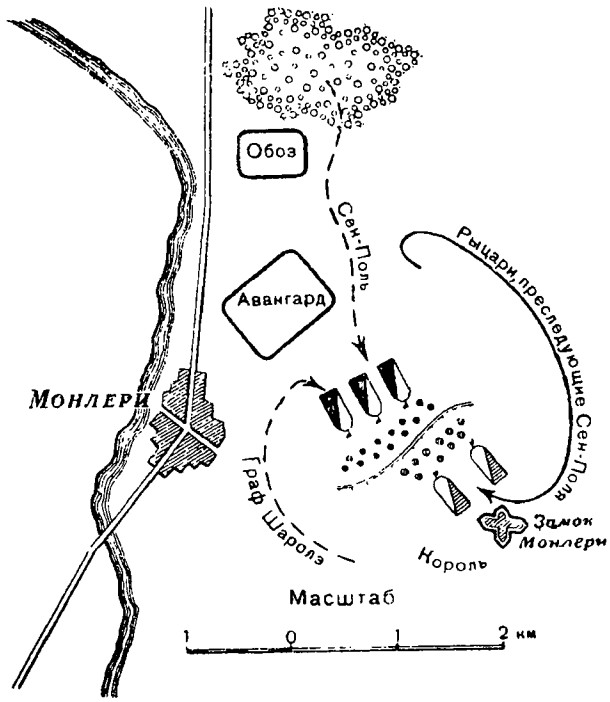


Схема 43. Сражение при Монлери 13 июля 1465 г. Положение остатков обеих армий.

Миновав деревню, граф нашел толпу убегающих пехотинцев; он их преследовал, хотя у него не было и 100 коней. Только один из пехотинцев обернулся и проткнул ему копьем живот: вечером я видел рану.

Большинство других спаслось через сады, но этот один был убит. Проходя мимо замка, мы увидели лучников из охраны короля, стоящих без движения перед воротами.

Граф был поражен, ибо не думал, что воины короля еще защищаются. Он свернул в сторону, напрявляясь в поле; там на него напало около 15 или 16 конников (часть его людей уже отделилась от него); конники убили кравчего графа, называвшегося Филипп д'Уаньи, несшего знамя с его гербом.

Жизнь графа была здесь в большой опасности, он много раз получал удары, между прочим, один удар кинжалом в шею, шрам от чего он сохранил на всю жизнь; нагрудник (baviere) у него отвалился и с утра был плохо прикреплен, и я сам видел, как он падал вниз. Один положил на него руку и вскричал: «Монсеьор, сдайтесь! Я хорошо знаю вас, не давайте себя убить!» Но он все еще защищался; тогда подъехал сын одного врача из Парижа, по имени Жан Каде, который сам был велик , тяжел и силен и сидел на такой же лошади, проскакал между ними и разделил их.

Все воины короля вновь отступили ко рву, где они были утром, так как они не боялись тех, кто подходил. Граф, сильно истекавший кровью, отправился к ним на середину поля. Знамя бастарда Бургундского было так изорвано, что длина его не превышала одного фута, у знамени стрелков графа было всего-навсего не более 40 человек, и мы (не больше 30) соединились с ними в большой нерешительности. Граф тотчас пересел на другую лошадь, данную ему пажем Симоном де Кенжи, впоследствии приобретшим известность.

Граф поскакал по полю, чтобы собрать своих людей; мы же, оставшиеся там, помышляли, только о бегстве, как будто близилось сто врагов. К нам примкнуло 10 человек, 20 человек пеших и конных — пехота, израненная и измученная походом и боем.

Граф тотчас же возвратился, но не привел с собой 100 человек; все же постепенно набралось некоторое число. Поле, на котором еще полчаса тому назад хлеба стояли высоко, было голо и полно ужаснейшей пыли, все было усеяно трупами людей и лошадей, и из-за пыли нельзя было узнать мертвецов.

Вслед за тем мы увидели, что граф Сен-Поль наступает из-за леса, и при нем было не менее 40 всадников и знамя. Шел он прямо на нас, и вокруг него собиралось все больше людей, нам же казалось, что они еще далеко. Раза три или четыре передавали мы ему просьбу поспешить, но он продолжал двигаться шагом; он велел своим людям взять копья, лежавшие на земле, и явился в полном боевом порядке (что очень ободрило наших воинов).

К тому времени, когда он оказался у нас, вокруг него собралось так много воинов, что нас было до 800 всадников.

Пехоты было мало или не было вовсе, что мешало графу одержать полную победу, так как между обеими боевыми линиями были ров и большая изгородь.

На стороне короля бежал граф Мэйн и многие другие, а также до 800 всадников.

Некоторые утверждали, что граф Мэйн был в стычке с бургундцами, но, по правде сказать, я не думаю, чтобы это действительно было так. Никогда у обоих графов не было столь большого бегтсва; в особенности замечательно, что оба государя остались на поле битвы. На стороне короля один человек высокого звания бежал без отдыха до Лузиньяна, на стороне графа почтенный господин — де Кенэ ле Конт. У этих двух не было причин быть друг против друга.

Когда оба войска были построены одно против другого, произведено было несколько пушечных выстрелов, от чего на той и на другой стороне были убитые.

Наши войска были более многочисленны, но присутсвие короля и милостливые слова, с которыми он обратился к всадникам, сделали многое; после слышанного мною там я в самом деле думаю, что если бы не он, все разбежались бы.

На нашей стороне кое-кто желал начать все сначала; к числу таких принадлежал прежде всего сеньор Обурден, который говорил, что, якобы, видел, как бежала неприятельская рота, и если бы нашлись только 100 лучников, чтобы стрелять сквозь изгородь, все обратилось бы в нашу пользу.

В такого рода предположениях и мыслях прошла ночь, даже без перестрелки. Король отступил к Корбейлю, тогда как мы думали, что он расположился лагерем и проводит ночь в поле. Случайно огонь попал в пороховую бочку в том месте, где находился король, и перебросился на некоторые повозки и на всю изгородь; мы думали, что это огни неприятельского лагеря.

Граф Сен-Поль, собственно говоря, настоящий руководитель войны, и сеньор Обурден, тем более, повелели вагенбург передвинуть туда, где находились мы, и окружить нас: так и было сделано. Мы были снова вместе и в боевом порядке; в это время появились многие из королевского войска, которые преследовали бегущих и думали, что победа на их стороне; теперь они вынуждены были пройти мимо нас; некоторые ушли, но большинство было убито. Из именитых людей короля пали Жоффруа де Сен-Белен, великий сенешаль, и Флоке, капитан. На стороне бургундцев умер мессир де Лалэн; пехоты и рядовых погибло больше, чем у короля, но конницы — больше на королевской стороне. Важных пленников — из тех, которые бежали, — больше было у короля. Потери обоих войск, вместе взятых, выразились не меньше как в 2 000 человек; бились жестоко, и как там, так и здесь были храбрые и трусы; но, по моему мнению, великим делом было вновь собраться на поле битвы и 3—4 часа стоять так друг против друга. Оба

государя должны были ценить стойко державшихся в битве, но действовали при этом как люди, а вовсе не как ангелы. Один терял свои должности и отличия, так как бежал; эти же самые должности и отличия передавались другим, которые бежали на 10 лье дальше. Один из наших утратил должность и был удален от лицезрения господина, но месяц спустя пользовался еще большим почетом, чем раньше.

Окруженные повозками, мы расположились как могли хорошо. У нас было много раненых, и большинство пало духом и пребывало в страхе, как бы парижане и маршал Иоахим с 200 всадников, которые были в Париже, не сделали вылазки, и нам не пришлось бы сражаться на два фронта. Так как ночь была очень темна, то выслали 50 копий, чтобы осведомиться, где расположился лагерем король; по случайности ушли только 20. От нашего лагеря до того места, где, как мы предполагали, находится король, было около 3 выстрелов из лука. Между тем монсеньор де Шаролэ немного поел и попил, как и все другие, и ему перевязали рану на шее. Чтобы очистить ему место, следовало убрать 4 или 5 трупов; он сел на двух небольших связках соломы. Когда стали отодвигать одного из этих несчастных людей, он начал просить пить; ему влили в рот немного лекарства, которого отпил граф; жизнь вернулась к нему и в нем признали любимого лейб-лучника графа по имени Саваро; его перевязали и ободрили. Затем стали совещаться, что делать.

Первым говорил граф Сен-Поль; он считал положение опасным и рекомендовал с наступлением дня двинуться по дороге в Бургундию, сжечь часть обоза и сохранить только орудия; никто из тех, у кого было 10 копий; не должен был иметь с собой повозки. Оставаться без провианта между Парижем и королем было невозможно. На это монсеньор Обурден заметил, что следует прежде всего выслушать, какие известия приносят с собой посланцы; того же требовали трое или четверо из остальных.

Последним высказался сеньор де Контэ в том смысле, что если слух (об отступлении) распространится в войске, все обратятся в бегство и попадут в плен раньше, чем уйдут на 20 лье. Он привел много основательных доводов: по его мнению, этой ночью все должны отдохнуть как можно лучше; с наступлением дня нужно напасть на короля не на жизнь, а на смерть; этот путь он считал более верным, чем обращаться в бегство. Граф присоединился к мнению сеньора де Контэ и приказал всем отправляться на покой на два часа и быть готовыми по сигналу трубы; после того он выслал в войско многих, которые должны были ободрять людей.

Около полуночи посланцы возвратились (надо думать, что они ушли недалеко) и донесли, что король расположился лагерем у огней, которые видны. Немедленно туда послали других, и час спустя все привели себя в боевую готовность, хотя большинство предпочло бы разбежаться. К утру разведчики встретились с возницей, который был на нашей стороне и утром попал в плен; он вез меру вина из деревни и сказал разведчикам, что все ушли. Те, отправив весть об этом войску, пошли удостовериться сами; найдя, что дело обстоит так, как говорил возница, они вернулись доложить об этом. Войско было чрезвычайно обрадовано, и многие, за час до того впавшие в большое уныние, считали, что войско короля нужно преследовать. У меня была старая, очень утомленная лошадь. Она выпила полное ведро вина. Случайно она окунула в него морду, и я позволил ей выпить; никогда я не видел ее более бодрой и бойкой, чем тогда. С наступлением дня все сели на коней, и отряды были построены. Между тем вернулись многие из тех, кто попрятались в лесу.

Сеньор Шаролэ призвал одного францисканского монаха и велел ему сказать, что он из бретонского войска и что бретонцы подойдут в течение дня. Это очень ободрило людей, но не всех убедило. Целый день еще Шаролэ оставался на поле битвы, очень радостный, считая, что слава принадлежит ему. Это дорого обошлось

ему впоследствии, так как с тех пор он больше никогда не считался с мнением других, а только со своим собственным. До того времени он не был военачальником и не любил ничего, относящегося к военному делу; но с тех пор он переменил свой образ мыслей; до самой смерти продолжая действовать в том же духе, он потерял жизнь и разрушил — или если не разрушил, то все же очень опустошил — свой дом. Три великих и премудрых государя, его предшественники, очень возносили его дом; немногие короли, кроме французского, были более могущественны, чем он, и ни у кого не было более многочисленных и более прекрасных городов.

Не следует слишком высоко ценить самого себя, в особенности крупному государю, и забывать, что счастье ниспосылается богом. Две вещи хочу я еще сказать о нем: одно — я думаю, что никогда ни один человек не мог больше работать, чем он, во всех областях, где можно проявить себя; другое — что я не видел человека более смелого. Я никогда не слышал, чтобы он говорил: «я устал», и никогда не видел, чтобы он боялся чего-нибудь, так как 7 лет подряд я был при нем на войне, и не только каждое лето, а иногда и летом и зимою. Мысли и решения его были значительны, и ни один человек не смог бы выполнить их, если бы бог не помогал своим могуществом.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНС-АН-ПЕВЕЛЬ
18 августа 1304 г.

Это сражение подробно разобрано Келером (т. II, стр. 25), однако, в итоге получилась явно фантастическая картина. Быть может, возобновленное специальное исследование прольет свет; пока же я склонен утверждать, что сражение вообще не имело места, но просто раздуты отдельные столкновения.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МЮЛЬДОРФЕ
28 сентября 1322 г.

На 8-м году гражданской войны между королями-соперниками, Людовиком Баварцем и Фридрихом Красивым, Габсбург[176] попытался привести дело к развязке, собрав силы и вторгшись в Баварию с востока, его брат Леопольд — с запада, со стороны Швабии, с целью соединиться на неприятельской территории. Людовик и его союзник, король Иоганн Богемский, устремились с превосходными силами навстречу Фридриху, который только что перешел Инн. Это сражение неоднократно подвергалось подробному разбору именно у Pfannschmidt, Forsch. z. deutsch. Gesch. II и IV; v. Weech Forsch. z. d. Gesch. т. IV, который дает критический обзор источников, и Келер, II, 283. Но ни одно из этих изложений не показалось мне убедительным.

Уже самая причина, почему Фридрих, вместо того чтобы уклониться от боя и искать соединения с Леопольдом, находившимся от него всего в 18 милях, принял сражение против превосходных сил неприятеля, источниками не освещена. Его советники, будто бы, ему это рекомендовали, но он, якобы, ответил, что война создала уже так много вдов и сирот, что он не может дальше отсрочить развязки. Пфанншмидт (стр. 58) полагает, что баварцы отрезали австрийцам путь к отступлению через Инн и этим вынудили их к бою; однако, не ясно, в какой мере отступление оказалось для них невозможным. Келер высказался по этому поводу несколько неясно и противоречиво.

Заслуги мюнхенских горожан перед своими господами в этом сражении так же баснословны, как баснословен Зейфрид Швепперманн.

Исход боя, видимо, был решен кучкой рыцарей, дополнительно введенных в сражение бургграфом Нюрнберга. Основывалось ли столь позднее появление Фридриха на каком-либо плане или же просто было случайным — сказать нельзя. Поскольку численное превосходство было на стороне баварцев, непонятно, почему бы эти превосходные силы не могли с таким же успехом доставить победу, если бы их бросили сразу, а не вводили постепенно.

Утверждение одного австрийского источника, что 500 уже сдавшихся в плен богемских рыцарей снова вероломно взялись за сражение, как только заметили успехи бургграфа, должно быть отмечено как легенда одной из враждующих сторон. В самом деле, откуда пленные раздобыли оружие?

На неправильном представлении основана также следующая фраза у Пфанншмидта (стр. 65): «Рыцари сошли с коней, дабы венгерские лучники не смогли застрелить или заколоть их, как это ранее имело место между ними и богемцами; теперь они захотели сражаться на равных основаниях».

Это было бы, пожалуй, плохим методом рыцарского боя с неприятельскими стрелками — спешиваться, вместо того чтобы смять их копьями: ведь пешком-то во всяком случае нельзя было подойти к ним вплотную.

Прим. к 3-му изданию. В 1917 г. В. Эрбен опубликовал тщательно составленное собрание всех источников о сражении при Мюльдорфе. На основании этого труда, а также на основании тщательного исследования условий местности д-р Рейнер в Мюнхене всесторонне проанализировал сражение. В моем распоряжении была рукопись этого исследования. По Рейнеру, сражение происходило непосредственно у самого Мюльдорфа (а не при Ампфинге, лежащем в 8 км дальше). Поле сражения лежит при деревне Эрхартинге на р. Изене, притоке р. Инн, у подножия горы Дорнберг, которую следует искать между Эрхартингом и Плейскирхеном. Это было чисто рыцарское сражение. Фридрих имел около 1 400 шлемов, Людовик вместе с Иоганном Богемским — 1800. Кроме того, Фридрих имел 5 600 конных венгерских лучников. Пехота не играет в сражении никакой роли. Венгерские лучники, по реконструкции Рейнера, были высланы Фридрихом за Инн, чтобы обстреливать неприятельских рыцарей при переходе ими речки. Этот маневр не удался, так как Людовик, прежде чем перейти речку, прогнал венгерцев.

Теперь от имел безусловное превосходство, победил австрийцев и всех забрал в плен. Это объясняется тем, что бургграф Нюрнберга, прогнав сперва венгерцев, теперь зашел во фланг и тыл австрийцам. Неясным остается стратегический момент: как мыслил себе Фридрих соединение со своим братом Леопольдом, что безусловно дало бы ему превосходство. Как случилось, что это соединение не удалось, в то время как Людовику и Иоганну Богемскому такое соединение удалось? Обе стороны безусловно издавна готовились к походу. И в тактическом отношении остаются невыясненными причины отделения венгерских стрелков от главных сил войска.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАЕСВЕЙЛЕРЕ
20 августа 1371 г.

Герцог Венцель Брабантский уже считал себя победителем своего врага Вильгельма Юлихского, когда, — очевидно, потому, что он недостаточно обеспечил фланги, — граф Эдуард Гельдернский с еще неослабленными силами атаковал его с фланга и этим изменил ход сражения в благоприятную себе сторону. Уже начавший отступать граф Вильгельм повернул назад, и сам Венцель был взят в плен. Так описывает сражение Эннен (Geschichte der Stadt Köln, II, 654); это сражение является характерным примером столь частых внезапных поворотов рыцарских сражений.

БОЙ ПРИ НОЖАНЕ НА СЕНЕ
23 июня 1359 г.

Обершикур стоит с лучниками на холме и обороняется по английскому методу. Но его обеспечение флангов недостаточно, и, в конце концов, французские пикенеры обходят и побеждают его.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БАРНЕТЕ
14 апреля 1471 г.

Эдуард IV одерживает победу над Варвиком, последний убит. Из двух имеющихся подробных повествований в «Historie of the arrivall of Edward IV in England»*, принадлежавшем перу современника, приверженца и слуги Эдуарда, и из хроники Уаркворта**, настроенной в пользу ланкастеров, нельзя установить, было ли это сражение конным или пешим. Но «История» говорит, что Эдуард застал войска Варвика построенными «under a hedge side», а Уаркворт сообщает, что Варвик, видя, что проиграно сражение, «lepte on a horse and fiede», Из этого следует, что даже полководцы сражались в пешем строю.

* Издано John Bruce, Camden Society, 1838, стр. 19.
** Издано J. O. Halliwell, Camden Society, 1839, стр. 16

Это подтверждается Коммином (кн. 4, гл. VII), сообщающим, что все воины с обеих сторон были пешими. Вообще же Варвик имел обыкновение, построив свои отряды, садиться на коня, дабы на худой конец иметь возможность ускакать; однако, на этот раз брат побудил его сражаться также в пешем строю.

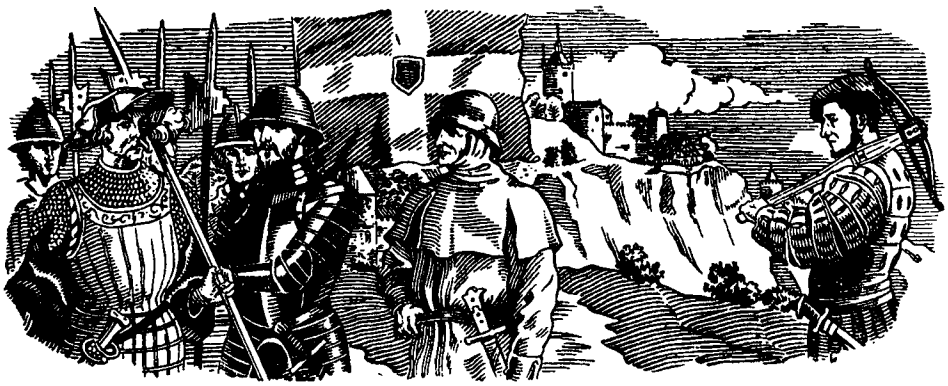
СРАЖЕНИЕ ПРИ ТЬЮКСБЕРИ
4 мая 1471 г.

И относительно этого сражения из «Истории» (стр. 28) нельзя узнать, сражались ли рыцари в конном или пешем строю.

Поэтому для меня утверждение Де ла Шовеле (De la Chauvelays. Le combat à pied de la cavallerie au moyen-age, стр. 51), что все 9 выигранных Эдуардом сражений были пешими, находится под большим вопросом.

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОСВОРТЕ

разобрано J. Cairdner, Лондон 1896.



ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ШВЕЙЦАРЦЫ

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

ФРАНКСКИЕ ГРАФСТВА перестали существовать, превратившись из административных округов в лены, а из ленов — в наследственные владения. Короли сперва предоставили отдельным родам, епископам и монастырям иммунитет от власти графов, а затем наделили их и самих графской властью. Благодаря тому, что эта административная власть распалась и сделалась частной собственностью, многие города добились самостоятельности, многие сельские общины, большие округа и деревни также освободились от феодального господства и стали подчиняться непосредственно королевской власти.

При этом для них часто оказывались благоприятными такие случайности, как то, что графские роды вымирали и они оставались как бы без хозяина, — частью они завоевывали себе особое положение в качестве королевских доменов, частью же у них продолжало существовать старое право сотен — самим выбирать своего старшину, гунно (Tunginus). В то время как вообще гунно был низведен до положения низшего чиновника, назначавшегося графом, в ряде местностей за общинами сохранилось некоторое право участия в назначении этого чиновника, и благодаря этому получилась способная к развитию основа новой самостоятельности.

Такие крестьянские общины, подчинявшиеся непосредственно королевской власти, имелись на берегу Немецкого моря от Дитмаршена до Фрисландии, в Вестфалии, на Мозеле, в Веттерау, в Эльзасе, в Швабии, как на равнине, так и в альпийских долинах. Некоторые, как Дитмаршен, превратились во вполне самостоятельные республики и долго оставались таковыми, другие были сломлены военной силой, как, например Штединги на Нижнем Везере, которых в 1234 г. победил при Альтенеше архиепископ Бременский со своими наемниками.

Когда в VIII и IX вв. и в германских частях франкского государства произошло разделение на сословия — военное и трудящееся,то это коснулось и альпийских областей. В горных долинах герцогства Аллемании или Швабии также возникли наследственные графства, графские роды с крепостями и военными дружинами,

рыцарскими родами и крестьянами с самыми разнообразными степенями свободы и зависимости.

Но в то время как в равнинах при развивавшемся земледелии первоначально большие марки были распределены между вновь возникшими маленькими деревнями, в горных долинах, несмотря на рост населения и возникновение новых селений, все же сохранились большие общинные марки.

Объясняется это тем, что хотя в средневековье земледелием там занимались больше, чем теперь, все же главной отраслью оставалось скотоводство на больших общинных пастбищах. Вместе с общей маркой сохранилось также собрание всех жителей марки; особенно сильной эта организация стала там, где она совпала с политической организацией старой сотни. Это имело место в кантоне Швиц, где еще доныне сохранилось большое общинное владение по протяжению в 10 и по ширине в 5 часов пути. Юго-восточнее Швица находился «открытый выгон, где вершили суд» и где часто происходил сельский сход — народное собрание — сотни. В 1217 г. некто Конрад Гунн заключил от имени своей общины мирный договор с Эйнзидельнским монастырем (неизвестно, занимал ли он должность гунно*, или же эта должность какого-либо предка стала теперь его фамильным именем). Начиная с XIII в., вместо гунно входит в употребление слово «амман». Полагают, что эта марка Швиц (можно бы также сказать «сотня» или «гау» в древнегерманском смысле) имела в XIV в., примерно, такое же население, как и теперь: она насчитывала около 18 000 душ**, т.е. свыше 4 000 мужчин , из которых 3 000 всегда в течении нескольких часов могли быть призваны и собраны амманом для обороны страны. В Швице имелся также ряд дворов, подвластных посторонним крупным владельцам; графу Ленцбургскому или Эйнзидельнскому монастырю; большинство же жителей состояло из свободных крестьян, а марковая община скрепляла, спаивала в одно общее самые различные социальные элементы.

Марковая община оказывается объединением настолько прочным, что Ури, население которого состояло из крепостных, принадлежавших частью женскому монастырю в Цюрихе, частью дворянам, как, например, барону фон Аттингхаузену, в этой форме остался крепкой, сплоченной общиной; зависимость от дальнего монастыря на практике была столь мало обременительной, что она немногим отличалась от свободы.

Если географический и экономический моменты создали основу для сохранения крепкого организма некоторых поземельных общин, то наряду с этим они способствовали также сохранению и поддержанию в них воинственного духа. Чем более знатным становится рыцарство в XII и XIII вв., тем малочисленнее, как мы знаем, делалось оно и тем более нуждалось в пополнении навербованными воинами из народной массы; как на Британском острове гористый Уэльс играл роль главного вербовочного места для английских королей, так эту же роль для немецких королей играли английские области. Скотоводство и охота в горах были больше способны поддерживать воинственно-авантюристический дух, чем земледельческие равнины, а бедность горной жизни побуждала искать занятий и заработка в другом месте.

В источниках XIII в. жители Швица и Ури упоминаются в качестве*** наемников, и не меньше 1 500 швицев сопровождало Рудольфа Габсбургского во время его военного похода в 1289 г. в Бургундию. Их военный профессионализм безусловно восходит к значительно более ранним временам, чем это можно проследить по историческим записям и документам. Мятежный воинственный дух

* Таково мнение Oechsli, Die Anfange der Schw. Eidgenossenschaft, стр. 121.

** Oechsli, стр. 230; Durrer, Die Einheit Unterwaldens, «Jahrb, f. schweizer Gesch.», 1910, стр. 96, подтверждает предположение Эксли.

*** В 1252 г. их нанял аббат из Сен-Галлена, находившийся в раздоре с епископом из Констанцы. Oechsli, стр. 229.

швицев сказывается в беспрерывных трениях с их главным соседом, Эйнзидельнским монастырем. Уже в 1114 г. при императоре Генрихе V у них была тяжба с этим монастырем относительно границ; тяжба эта началась еще за 100 лет до того, во времена Генриха II, и вновь возобновлялась швицами.

В Ури и Унтервальдене низведение крестьян до наследственных крепостных пошло дальше, чем в Швице, но при императоре Фридрихе II сперва Ури (1231 г.), а затем и Швицу (1240 г.) удалось получить вольную грамоту, где было определено, что они не подчинены ни графской, ни какой-либо другой феодальной власти, а подвластны непосредственно общегосударственному правительству. Так как с падением Штауфенов императорская власть крайне ослабела, то императорские вольные грамоты принесли кантонам мало пользы: они являются скорее симптомом и свидетельством стремлений и чаяний этих последних, чем средством их достижения. Решающее значение имеет тот факт, что этим крестьянам удалось противостоять господству рыцарей с оружием в руках. Уже в последние годы правления Фридриха II Швиц, Ури, Унтервальден, а также г. Люцерн заключили между собой союз, и, хотя тогда они еще далеки были от попытки добиться самостоятельности, все же мы узнаем, что их граф обходился с ними осторожно и мягко даже тогда, когда он сам вступил на королевский престол. Это был Рудольф Габсбургский, чей род вследствие постепенного прекращения графских и королевских родов объединил большую часть Швейцарии в одно владение с Эльзасскими областями. Его смерть придала трем крестьянским кантонам смелость заключить «вечный союз» (1 августа 1291 г.), причем они обязались не признавать судьи, не являющегося их земляком или жителем кантона. Но даже и теперь они не домогались права самим выбирать амманов; король Альбрехт со своей стороны пошел навстречу их желаниям и назначал амманов только из коренных старейших фамилий Аттингхаузен, Штауффахер и др.

Смерть Альбрехта от руки своего племянника (1308 г.) изменила эти отношения, не поддававшиеся государственно-правовой фиксации, основанные на взаимных уступках; возникла комбинация, придававшая крестьянам смелость предпринять полное освобождение от власти Габсбургов. Габсбурги утратили корону, перешедшую к графу Люксембургскому Генриху VII, на которого пал выбор курфюрстов. От него союзные кантоны добились декларации (1309 г.) об освобождении их от власти Габсбургов, а когда после смерти Генриха по поводу избрания короля произошел раздор между Фридрихом Габсбургским и Людовиком Баварским, то союзники стали на сторону последнего и начали наступление против своего прежнего государя.

Швиц, как мы уже знаем, был в старинной вражде с Эйнзидельнским монастырем, который в то время находился под юрисдикцией Габсбургов. Уже до этого швицы неоднократно совершали грабежи на территории Эйнзидельна, а фогты, как они ни были сильны, не осмеливались вмешиваться. Теперь же швицы явились под начальством их аммана Вернера Штауффахера, совершенно разграбили монастырь и увели с собой несколько монахов в качестве пленных*. После этого младший брат короля Фридриха, герцог Леопольд, решил наказать крестьян, которые во вспыхнувшей тогда междоусобной войне представлялись в качестве противников Людовика Баварца вдвойне опасными.

Новейшая литература: Karl Meyer, Einwirkung des Gotthard-Passes auf die Anfänge der Eidgenossenschaft, «Gesch. Freud.», т. 74, 1919; « Jahrb. f. Schweizer Gesch.», т.45, 1920.

* Один из пленных монахов написал по этому поводу латинское стихотворение, представляющее большой интерес в культурно-историческом отношении: старый немецкий перевод этого стихотворения с пояснительными примечаниями издан Leo Wirth, «Ein Vorspiel der Morgartenschlacht», Aarau, 1909, стр. 114.

ГЛАВА II

СРАЖЕНИЕ У МОРГАРТЕНА 15 НОЯБРЯ 1315 г.

Груда сказаний и поэтических вымыслов, которая наслоилась поверх первоначальной истории Швейцарии и с большим трудом поддавалась устранению, похоронила под собою также и сражение у Моргартена. С одной стороны, различные вымыслы, басня об австрйском рыцаре Хюненберге, который при помощи выстрела, якобы, послал швейцарцам записку с предостережением: «Берегитесь Моргартена»,а с другой — приукрашивание картины боя, способствовали тому, что исследователи неправильно определяли место, где произошел бой. Поле сражения искали на 1/2 немецкой мили южнее, чем следует, у Фиглерфлу, а так как озеро, игравшее в рассказах большую роль, не доходит до этого места, то прибегли к вспомогательной конструкции, сводившейся к тому, что поверхность озера была в то время значительно выше. Два дилетанта, врач Хр. Итен и кожевенный мастер Карл Бюркли, — вот кто, вопреки всем военным и ученым, обнаружили и доказали истину. Итен, вопреки ген. Цурлаубену, уже в 1818 г. установил, что поверхность озера, — что доказано геологически и исторически, — не изменилась, а Бюркли, исходя из источников того времени в связи с пониманием военного дела и изучением местности, вскрыл истинные стратегические и тактические взаимоотношения, так что теперь его точка зрения получила всеобщее признание.

Мое внимание привлечено было его работой «Der wahre Winkelried». появившейся во время печатания моих «Perser und Burgunderkriege». Проезжая в 1888 г. через Цюрих, я разыскал его: оригинальный старик рассказывал мне, как он в молодости ездил с Виктором Консидераном в Техас, с тем чтобы основать там идеальное коммунистическое государство; потерпев в этом неудачу, несмотря на крупные денежные средства, он испытал ряд приключений на военной службе в Мексике и затем возвратился на родину, где в качестве социал-демократического политика он оказался на долгое время заметным и вместе с тем столь обременительным, что по этой причине, а также ввиду его еретических взглядов по вопросам отечественной военной истории швейцарский ученый мир не желал ничего знать о нем. Он же обладал не только большой начитанностью, но также природным инстинктом исторической критики и поразительной силой интуитивного проникновения в прошлое, особенно в события военной истории. Там и сям его живая фантазия соблазняла его рассказать больше, чем можно прямо вывести из источников, но ничего такого, что не было бы возможно само по себе и психологически вероятно.

Исходить следует из того факта, что здесь речь идет не о революционном восстании мирных, доведенных до отчаяния крестьян, а о планомерной борьбе воинственно настроенной общины с опытными в военном деле вождями под руководством испытанного командования. При наличии таких опытных в военном деле людей мы считаем себя в праве дополнить отдельные дошедшие известия и следы дел в духе хорошо обдуманного и планомерного ведения их.

С древнейших времен в горных странах естесвенное прикрытие против неприятельских вторжений усиливали тем, что преграждали подступы к долинам какими-либо сооружениями. В Швейцарии такие преграды назывались летцами или летцинами, что связано со словом «lass», превосходная степень которого — «letzt»; и теперь еще сохранились следы 85 таких летцинов*. Летцина Ройшибен, как утверждают, еще до-римского происхождения, летцина Зервицель и фундамент Нефельской летцины — римского, а 4 других относятся к IV в. В Швице имеются следы 6 летцин, преграждавших доступ не только на суше; некоторые из

* A. Nüscheler, Die Letzinen in der Schweiz, «Mitteil d. antiquar. Gesellsch. in Zürich», т. XVIII, вып. 1, Zürich 1872; относительно Нефельса см. Dändliker. Gesch. d. Schweiz, I, 531, прим.

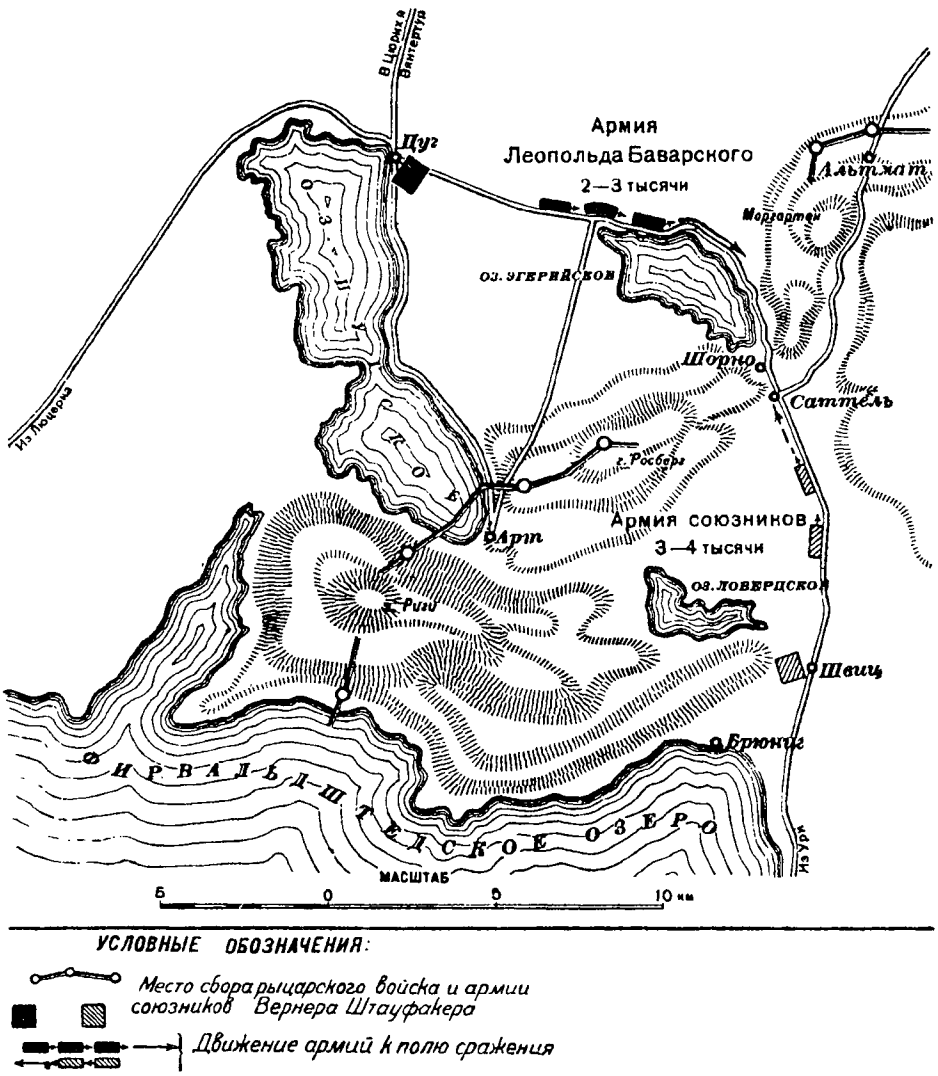


Схема 44. Сражение у Моргартена 15 ноября 1315 г. Положение перед сражением.

них состояли из свай в Фирвальдштетском (Люцернском) и Цугском озерах с целью помешать и десанту; некоторая часть этих сооружений безусловно относится к XII в. и к еще более ранней эпохе, задолго до Моргартенского сражения. И вот, когда близка была решительная борьба за освобождение от графской власти, швицы обратили свое главное внимание на укрепление летцины*. Сохранился также документ, свидетельствующий, что жители Швица продали в 1310 г. участки земли двум братьям, чтобы вырученные деньги употребить «an die Mur ze Altum mata», т.е. на летцину у Ротентурма (Красная башня) при Альтматте, от которой и теперь еще уцелела одна башня. Но прежде всего можно полагать, что в 1315 г. они соорудили огромную, протяжением в целую немецкую милю летцину, которая простиралась от Росберга (между озерами Цугским и Эгери) до горы Риги,

* Об этом прямо говорит Витодуран.

прикрывая весь южный конец Цугского озера и дороги по берегам его. Правда, сообщение о том, что эта летцина была сооружена именно тогда, относится к 1571 г., но об ее существовании свидетельствует уже один документ 1351 г., а внутреннее правдоподобие говорит за то, что постройка ее связана с освободительной войной. Старше постройка не может быть, так как Швиц собственно не доходил уже до сих пор, а кончался близ Ловерцского озера; но марковая община Арт, являвшаяся габсбургским владением, при начале военных действий перешла на сторону Швица и должна была быть теперь укреплена. Еще поныне сохранились значительные остатки укреплений, а большая их часть была цела до 1805 г.; от этого времени мы имеем точное описание сооружения. Это была высокая и толстая стена в полмили длиной, не меньше 12 футов вышины, с воротами при входах и тремя крепкими башнями.

Между Альтматтом и Артом была еще дорога, ведущая вдоль восточного берега озера Эгери через Моргартен, Шорно и Саттель в Швиц*. Можно было бы предполагать, что и этот путь был загражден летциной, но, с другой стороны, сохранившиеся документы говорят, что граждане Швица только в 1322 г. продали 5 поместий, чтобы на полученные деньги построить летцину здесь у Шорно. Если бы летцина существовала там уже в 1315 г., а в 1322 г. она была только обновлена и укреплена, то Швиц уже тогда был бы своего рода огромной крепостью. Однако, не исключена возможность того, что швицы в 1315 г. вполне сознательно пренебрегли летциной Шорно и оставили открытым проход у озера Эгери** Как бы ни был защищен каждый отдельный пункт, оборонительной линии природой или искусственно, но отстаивать укрепление на столь большом пространстве все же очень тяжело; осмотрительный и упорный враг находит неохраняемое место, куда он проникает и с тыла нападает на обороняющегося. Это узнали уже греки при Фермопилах. Но всего вероятнее, что швицы под предводительством аммана Вернера Штауффахера с самого начала составили иной план и сообразно с ним оставили открытой дорогу на Шорно.

Герцог Леопольд собрал у Цуга свое рыцарское войско с подкреплениями из городов: Цюриха, Цуга, Винтертура и Люцерна и пошел не вправо и не влево, вдоль Цугского озера через Арт, где швицы воздвигли свою большую стену, а по восточному берегу озера Эгери, — потому ли, что по этой дороге действительно не было укреплений или потому, что он думал, что здесь их легче обойти и внезапно вторгнуться. Его войско насчитывало 2 000 — 3 000 человек, что в то время, как мы знаем, было очень значительной силой, а против простых крестьян и вовсе необыкновенно большим ополчением.***

К швицам присоединились урийцы; были ли там подкрепления из Унтервальдена, сомнительно, так как герцог Леопольд предусмотрительно дал распоряжение одному из своих графов в это же время напасть на Унтервальден со стороны Интерлакена через Брюниг. Тем не менее можно считать, что армия союзников, начальником которой был, очевидно, Вернер Штауффахер****, насчитывала 3 000—4 000 человек***** Штауффахер, если не с самого начала, то все же

* Моргартен — гора к востоку от озера. Шорно находится в 1 100 м южнее озера, Саттель — еще несколько южнее, на перекрестке дорог от Шорно и от Альтматта.

** Можно было бы задать вопрос, почему же швицы построили затем (в 1322 г.) летцину при Шорно, поскольку отсутствие ее в 1315 г. не могло заманить герцога на опасную дорогу? Ответ таков: ни в коем случае нельзя было рассчитывать застать еще раз врага врасплох на том же самом месте, и поэтому они огородились и с этой стороны.

*** Сообщение Витодурана о 20 000 не имеет, понятно, никакого значения.

**** Вернер Штауффахер предводительствовал швицами при нападении на Эйнзидельн в январе 1314 г. и, по свидельству источников, после этого сражения был главой страны, Oechsli, стр. 352.

***** Эксли исчисляет, как мы уже видели, тогдашнее население Швица, примерно, в 18 000 душ; если их даже было на несколько тысяч меньше, все же нужно полагать, что в данном случае при крайней опасности были призваны все мужчины. Безусловно их было не меньше 3 000 человек. К этому нужно прибавить жителей Арта, Ури и, может быть, Унтервальдена. Однако, некоторое число нужно откинуть за счет гарнизона летцины Арта, а может быть и Бруннена, для отражения нападения с озера.

предусмотрел, что герцог изберет путь через Моргартен; как только шпионы и лазутчики сообщили, что австрийская армия двигается по этой дороге, Штауффахер подвел свое войско в Маттлигютшу, возвышенности над озером Эгери, где швейцарцы построились в укрытом месте и их трудно было обнаружить, так как место с правой стороны, со стороны неприятеля, не было доступно никакой рекогносцировке благодаря покрытой лесом глубокой впадине, — ущелью Газельматтрузе. От Маттлигюшта к озеру путь пролегает по более или менее крутым, но в общем удобопроходимым, поросшим травой склонам. К югу отсюда возвышается крутая гора, вплотную у самого озера, так что дорогу можно загородить одним стволом дерева.

В это узкое место — при Бухвельдли — Штауффахер направил маленький отряд, авангард, состоявший главным образом, очевидно из арбалетчиков*.

Хотя герцог Леопольд знал воинственность швицев и рассчитывал на правильное сражение, все же он вряд ли ожидал встретить сопротивление в этом месте, так как ущелье Бухвельдли лежит уже за пределами территории Швица. Союзники имели смелость ожидать врага не на своей земле, а встретиться с ним на его собственной территории, принадлежавшей г. Цугу. Штауффахер, очевидно, захотел исследовать весь район и выбрал это место как очень подходящее для сражения.

Когда авангард австрийской армии нашел дорогу при Бухвельдли закрытой и не смог отогнать противника ни выстрелами, ни стычками, то несколько пехотинцев или спешенных рыцарей вскарабкались, должно быть, на луговой склон, с тем чтобы сверху обойти импровизированную летцину и рассеять гарнизон. На это ушло некоторое время, а между тем подошла колонна рыцарей, остановилась перед препятствием и стала тесниться по дороге и по более отлогим местам лугового склона. Именно этого и ожидал Штауффахер. Внезапно по крутому склону покатились камни и бревна, все союзное войско крепкими сомкнутыми колоннами устремилось вниз с горы. Перед самым натиском на рыцарей и коней посыпался град камней, а затем сильно превосходящая численностью масса обрушилась, коля и рубя, на смешавшихся рыцарей и слуг; их главным оружием была алебарда, о которой впервые упоминается незадолго до этого. Это слово означает Halmbarte, т.е. топор с очень длинным древком и железным наконечником, так что в одном оружии соединены копье и топор; алебарда явилась реакцией против становившихся все более крепкими рыцарских доспехов, которые могли быть пробиты только сильным ударом длинного топора, и оказалась оружием незащищенных доспехами пехотинцев против тяжело вооруженных рыцарей. В своем позднейшем развитии алебарда с обратной стороны была снабжена также крюком, чтобы зацеплять рыцаря за его доспехи и стаскивать с коня; иногда алебарда снабжалась также остроконечным молотом.

Что могли поделать рыцари против дикого натиска крестьянской толпы с таким вооружением? Они не могли ни взобраться навстречу ей по горе, ни уклониться от нее, имея за собою озеро. Они вряд ли смогли даже владеть своими конями, возбужденными низвергающимися обломками и камнями. Для конного воина, не могущего двигаться, лошадь не только не преимущество, но, наоборот, — неудобство, ибо часть сил и внимания он должен уделять лошади, а если она становится дикой, он вообще лишается боеспособности.

Действенность плана сражения швицев состояла, следовательно, не только в нападении в узком ущелье, но главным образом в замешательстве, вызванном преградой и задержкой на Бухвельдлийском выступе. Если бы швейцарцы предприняли с горы Моргартен просто фланговую атаку на двигавшуюся австрийскую

* В позднейших рассказах авангард называется «изгнанником», и это послужило поводом к самым различным предположениям; здесь, однако, дело в одном непонятном слове. Это недоразумение выяснено Г.Герцогом в «Schweiz Monatshefte f. Offiziere aller Waffen», 1906.

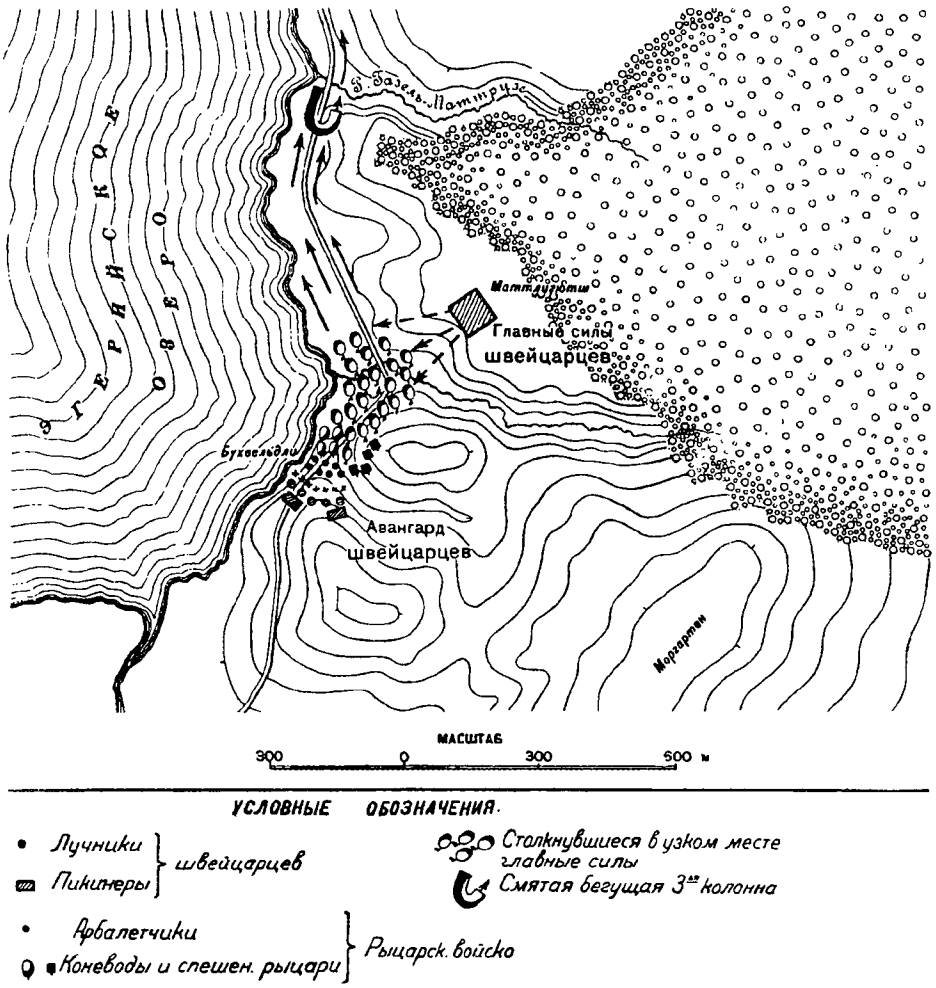


Схема 45. Сражение у Моргартена 15 ноября 1315 г. Поражение армии Леопольда Баварского.

армию, то они, правда, победили бы и в этом случае, но успех был бы очень невелик: те воины, которые не были бы непосредственно задеты атакой, спешно скрылись бы, и даже большинство убегавших вперед ускользнуло бы окольными дорогами. Но благодаря предшествовавшему атаке затору в бой была втянута если не вся австрийская армия , то очень большая часть; уклониться от сражения она не могла и в то же время была небоеспособна в толчее на узком месте. Установление этого факта — главная заслуга Брюкли; для этого необходима не только военная точка зрения, но и полное внутреннее освобождение от легенды, которая видела в швейцарцах мирных пастухов и крестьян. До тех пор пока придерживались такого ложного взгляда, конечно, не могла явиться мысль поискать у них гениальной, заранее подготовленной стратегической концепции. Однако, жители Швица, в результате длительной предшествовавшей борьбы овладевшие оружием, которым крестьянин побеждает рыцаря, и алебардой и полные веры в себя, вдохновившей их пойти в атаку, имели к тому же в лице Штауффахера предводителя, — мы имеем право сказать — полководца, — который воодушевил

наличные силы общины на спасительное для них и вместе с тем всемирно-историческое дело.

Австрийские войска, находившиеся еще в пути далеко позади, были не в состоянии помочь теснимым товарищам; вскоре и они под напором отступавших были захвачены общим бегством. Большинство рыцарей и слуг головного отряда было убито или же утонуло в озере; сам герцог Леопольд спасся с большим трудом. Монах Иоанн из Винтертура (Витодуран), которому мы обязаны сообщением об этом сражении, рассказывает, как он, будучи мальчиком, сам видел искаженное лицо ускакавшего в родной город герцога («от чрезмерной печали он был как бы полумертвым»).

Главный момент моего расхождения с описанием Брюкли — это подчеркивание стратегического и тактического руководства жителей Швица. Брюкли возмущен позднейшей легендой и подтасовкой, при помощи которой пытаются закрепить заслугу победы за рыцарем фон Хюненбергом, обратившем внимание швейцарцев на место у Моргартена, и другим аристократом, Ителем Рединтом, подавшим, якобы, хороший совет. Возмущение это неуместно, поскольку эти басни вовсе не имеют тенденции умалить заслуги народа, а здесь мы просто имеем дело с известной нам психологической чертой — стремлением заменить с трудом улавливаемую историческую реальность чем-либо индивидуально пикантным. Но просто неправ Брюкли, полагая, что такое сражение, как Моргартенское, можно, якобы, истолковать как непосредственно народное дело, как проявление народного инстинкта. Он сам блестяще доказывает, что все задолго было обдумано; однако, нужно было руководство. Как бы ни был велик военный опыт крестьян Швица, все же 4-тысячная община не в состоянии выполнить то, что имело место в данном случае. Должна была иметься правильно функционировавшая наблюдательная и разведывательная служба, а Пуг, где Габсбург собрал свое войско, лежит всего в 3 милях от швейцарской границы. У Витодурана мы находим рассказ о том, что швейцарцы от графа Тоггенбурга узнали, с какой стороны собирается подступить Леопольд. Это сообщение просто неправдоподобно: подобной изменой граф обрек бы себя на смерть, тогда как он пал при Моргартене как боец, преданный своему господину. Также невероятно, что он при предпринятых им попытках посредничества нечаянно выдал план герцога; если бы это даже было действительно так, то все равно это не имело бы значения, ибо что мешало герцогу еще в момент своего выступления изменить направление и взять путь на Арт или Альтматт! Швицкое командование было безусловно подготовлено и к этой возможности; наблюдатели и посланцы, которых они имели вблизи Цуга, очевидно, были настолько опытны и умны, что не дали ввести себя в заблуждение притворным движением. Витодуран определенно сообщает, что Леопольд продвигался не только по Моргартенской дороге, но и другими дорогами, и что войска, двигавшиеся по этим другим дорогам, узнав о поражении главных сил армии, повернули и отступили без потерь. Почему Леопольд выделил такие вспомогательные колонны, а не держал свою армию вместе? Ведь он безусловно рассчитывал на серьезное сражение, и если бы он вышел из него победителем, то все было бы покончено и было бы безразлично, какой дорогой войско вступило в страну. Эти вспомогательные колонны не могли быть многочисленными; все рыцари были безусловно у герцога. Леопольд, очевидно, ожидал, что в случае упорного сопротивления у летцины при Шорно жители Швица, получив известие о появлении неприятеля также справа или слева, отступят, или же что движение по различным дорогам с самого начала побудит их разбросать свои силы по различным летцинам. Для жителей Швица, наоборот, имело решающее значение то, что они своевременно узнали, с какой стороны состоится главный удар, чтобы противостоять ему по возможности с нераздельными общими силами. Это было не случайностью, а делом вполне обдуманного энергичного командования. В тот момент, когда

получено было известие о продвижении врага по восточному берегу озера Эгери, командующий был так уверен в правильности донесения и своего плана, что он тут же отдал распоряжение выступать. И если войско было собрано у летцины при Арте или при Швице, то переход, который нужно было сделать, был не намного короче, чем переход герцога, и при запоздании на один час, т.е. если бы летцина у Бухвельдли была бы взята приступом, и главные силы австрийцев миновали ее, то военный план был бы расстроен, и Швиц, вероятно, потерян.

Итак, граждане Швица безусловно имели такого предводителя, который не только верно оценивал местность и правильно руководил организацией разведывательной службы, но который твердо держал в руках свое войско, так что оно доверяло своему командованию и выступило в тот момент, когда он приказал. Ни общее собрание бойцов, ни любой выбранный командир не смогли бы провести военный план в такой мере рассчитанным на момент. Позволительно вспомнить о Мильтиаде, командовавшем афинянами при Марафоне. Но Мильтиад социально так возвышался над массой афинских граждан, что, выбрав его своим полководцем, толпа оказывала ему и естественное повиновение. Авторитет, с которым крестьянин Штауффахер командовал гражданами Швица при Моргартене, имел корни другого рода; он известен нам еще в древнегерманской истории: швицский амман, который правит общиной (марковой общиной) политически и экономически выводит силу своих военных приказов из единства совместного существования, во главе которого он стоит. Только потому, что здесь, в Швице, жило древнегерманское племя с его первобытной организацией; потому, что боевые качества отдельных воинов слиты в мощное единство с единой волей; потому, что командование было в руках демократии, — народ мог одержать верх над рыцарством.

Основным источником для сражения при Моргартене является длинный рассказ монаха Иоанна из Винтертура (Витодурана), написанный приблизительно спустя 25—30 лет после самого события. Винтертурцы были подданными Габсбургов, и их контингент, из которого погиб только один человек, был в войске Леопольда; следовательно, Иоанн собрал свои сведения от очевидцев, прежде всего от собственного отца, который также был свидетелем сражения. Но повествование Витодурана ясно показывает, что он получал материал и от жителей Швица*.

* Все сообщения, которые вообще имеются, напечатаны в виде удобной для пользования сводки у Th. v. Liebenau, Mitteilungen des historischen Vereins des Kantons Schwyz, вып. 3, 1884. Ценны для критики те примечания, которые Дэндликер дал в 4-м изд. своей «Истории Швейцарии» после того, как он свое первоначальное изложение переработал в духе и с точки зрения Бюркли. К своему первому труду «Die Entstehung der Schweizer Eidgenossenschaft und die Schlacht am Morgarten» (1891) Бюркли присоединил еще второй разбор под заглавием: «Ein Denkmal am Morgarten» в «Zuger Neujahrsblatt» (1895, Verlag von W. Anderwert). К этому разбору приложена хорошая специальная карта.

То, что за этим союзом, направленным против Берна, скрывалась Австрия, является недоказанным предположением; если бы династия Габсбургов действительно хотела нанести поражение Берну, то было бы очень глупо держаться в резерве, вместо того чтобы дать союзникам подкрепление, обеспечивающее победу. Я делаю это замечание для того, чтобы из тайной связи Австрии с противниками Берна не сделали вывода, будто и лесные кантоны, поскольку они были врагами Австрии, также были заинтересованы в войне.

В 1383 г. Ури и Унтервальден получили от Берна за оказанную в Кибургской войне военную помощь 4 445 фунтов.

Союзная грамота от 1353 г. предписывала, чтобы призванные Берном на помощь швейцарцы иди через Брюкинг до Нижних озер (Интерлакен) без вознаграждения, а с этого места каждый человек получал бы ежедневно по одному грошу.v. Elgger, Kriegswesen und Kriegskunst der schweizerischen Eidgenossenschaft im XIV, XV и XVI Jahrh., Luzern 1873, стр. 40. Когда аппенцельские крестьяне, безусловно малоимущие, позвали в 1403 г. швейцарцев на помощь против своего аббата, они также должны были уплатить им (Dierauer, Gesch. d. Schweiz. Eidgenossenschaft, I, 400, прим.2).

ГЛАВА III

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЛАУПЕНЕ 21 ИЮНЯ 1339 г.

Когда вымер знатный род Церинген (в 1218 г.),[177] часть его владений снова отошла к империи, а так как императорская власть как раз в то время (при последнем Штауфене, Фридрихе II) сошла на нет, ряд мелких и мельчайших владений и городов в этих областях, на границе герцогства Швабии и королевства Бургундии, стали имперскими и самостоятельными. В числе их был и г. Берн, незадолго до этого основанный последним представителем дома. Бесконечные распри и войны соседей были следствием исчезновения всякой высшей правительственной власти в этой горной стране. Благодаря междоусобице г. Берн в течение столетия одержал ряд побед, подчинил себе крестьянские общины и вынудил дворян вступить вместе со своей территорией и замком в политический организм города. Конституция города как нельзя лучше соответствовала его завоевательной политике: наряду с аристократическим советом, правившим с политическим инстинктом и господским духом аристократии, существовал и другой совет, который, не давая простора подлинной демократии, все же придавал правительству такой демократический характер, который обеспечивал со стороны всей массы граждан поддержку политики правительства и направлял все силы на служение ему.

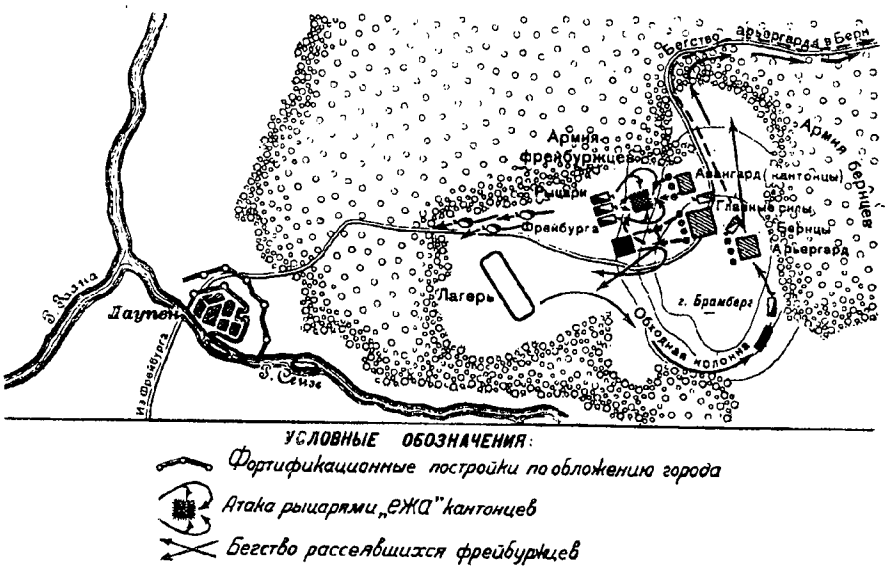
Дерзкое и успешное расширение влияния города вынудило, в конце концов, его главного соперника, г. Фрейбург, отстоящий всего в 4 милях от него и также построенный Церингенами, соединиться с ближайшими мелкими династиями, графами Грейерцким, Нейенбургским, Валенгинским, Нидацским, Ваадтским, Аарбургским и другими, чтобы, прежде всего, снова оторвать от Берна городок Лаупен на р. Сензе, близ Сааны.

Бернцам не по себе от этой большой коалиции; на их стороне был только г. Солотурн, но их дальнозоркая политика нашла выход. Владения Берна простирались уже в нагорье до самого Бриенцского озера и соприкасались с Унтервальденом и Ури. Со времени своей победы при Моргартене эти лесные кантоны приобрели громкую военную славу, и Берн завязал с ними дружеские отношения; к ним теперь город обратился за помощью, к тому же за платной; никакого политического интереса эти лесные кантоны в споре за Лаупен не имели. Поэтому Лаупенская война является, пока еще в пределах самой Швейцарии, предтечей швейцарской службы в иностранных армиях, приобретшей в дальнейшем огромное значение. После победы Ури было уплачено, согласно случайно сохранившемуся документу, 250 фунтов пфеннигов. Город благодаря силе своего капитала, — еще, правда, очень небольшой, но до крайности напряженной решительным правительством, — взял к себе на службу испытанную военную силу крестьян, еще не способных поставить себе какую-либо политическую цель. Эта война приобрела глубокую, хотя в значительной мере имевшую только декоративный характер подоплеку, в результате того, что Берн не хотел признать Людовика Баварца императором, а перешел на сторону папы. Местный пастор Диебольд Безельвин использовал это для воодушевления народа и поднятия его воинственности.

О ходе войны и сражения имеем подробное повествование («Conflictus Laupensis»), исходящее, очевидно, из кругов этого пастора. Рассказ написан очень живо и наглядно, но его безусловно неправильно превозносят в качестве большого достижения военно-исторической литературы*.

Судить по нем о характерных военных особенностях можно лишь с большой осмотрительностью, а так как более поздняя передача его в Бернской хронике Юстингера, записанная 80 лет спустя после события, успела уже перерасти в

* Köhler, Ritterzeit, II, 605.



С х е м а 46. Сражение при Лаупене 21 июня 1339 г.

легенду и, с другой стороны, совершенно отсутствуют документы для проверки; то о сражениии при Лаупене нельзя говорить с той уверенностью, которую желательно было бы иметь в виду его безусловно большого военно-исторического значения.

Союзники осаждали и штурмовали Лаупен, занятый 600 бернцами, когда на 12-й день для снятия осады (21 июня 1339 г.) подошли, наконец, бернцы со своими союзниками. Численность осаждавшей армии определяется в 16 000 пехоты и 1 000 конных, а Юстингером — даже в 30 000 человек; эти цифры не имеют, понятно, никакого значения. Если союзные династии вместе с г. Фрейбургом выставили даже 4 000 солдат, и то это было очень много; армия Берна исчисляется в «Conflictus» всего в 6 000 человек, из них — 1 000 жителей лесных кантонов. Эта цифра представляется вполне вероятной*, во всяком случае надо полагать, что Берн со своей большой территорией и подкреплением со стороны лесных кантонов мог выставить большую армию, чем противники, поскольку лишь Фрейбург мог выступить с поголовным ополчением, а союзные графы явились только с рыцарями и слугами, что всегда составляло небольшую цифру**. Уверенность в победе этой армии основывалась, естественно, не на количественном, а на качественном превосходстве рыцарства над горожанами и крестьянами.

Выйдя из леса между их городом и Лаупеном, на вершине горы Брамберг, бернцы увидели внизу под собой союзников, двигавшихся им навстречу. Хотя расстояние между полем сражения и Лаупеном составляет всего 2—2 ½ км, все же осажденные не могли наблюдать события перед городом.

Бернцы пошли в атаку не сразу, а заняли позицию на вершине, очевидно, желая заставить противника, особенно рыцарей, начать наступление и тем использовать

* Тем более, что это подтверждается краткой записью того же времени в Chronica de Berno, изд. v. Studer в «Anhang zu Justinger», стр. 300.

** Очень правильно отметил и Studer (Archiv d. histor. Vereins Bern, т. IV (1858 — 60), вып. 3), что, согласно сообщению того времени, подлинным противником Берна был Фрейбург; лишь в дальнейшем эта война в соответствии с тогдашними противоречиями превратилась в борьбу против знати.

Епископ Лозаннский, как свидетельствуют документы, также имел под Лаупеном войска, являясь союзником Фрейбурга. Studer, гл. I, стр. 27.

для себя какие-либо препятствия местности. Они могли рассчитывать, что союзники должны либо наступать, либо снять осаду Лаупена, так как, продолжая осаду, не отбив войско, подошедшее на выручку, они подвергали себя опасности внезапного нападения. Таким образом, положение напоминает Никополь.

Бернская армия, нужно полагать, была разбита на 3 построенных четырехугольником отряда: авангард, составленный из жителей лесных кантонов (вальдштедцев), насчитывал 1 000 человек, — примерно, 30 человек в ширину и 30 в глубину; главная баталия — 3 000 солдат, примерно 50 человек в ширину и 50 в глубину; арьергард — 2 000 человек, — 40 человек в ширину и 40 в глубину; перед каждой баталией было рассыпано некоторое число стрелков*, а между ними — рыцари со своей свитой; последние, хотя и в малом числе, но имелись**.

Союзники не решались прямо атаковать бернцев на их выгодгой позиции и послали один корпус в обход; в то же время рыцари парадировали перед неприятельским фронтом и посвящали в рыцари молодых господ. Обходное движение было закончено к самому вечеру; арьергард бернцев сразу обратился в бегство. Но главная баталия выдержала начавшуюся атаку фрейбуржцев с фронта, встретила их стрелами и градом камней и затем перешла в контратаку. От силы этого удара фрейбуржцы рассеялись во все стороны. Одновременно с главной баталией вперед бросился и авангард, но при спуске с горы он был остановлен рыцарями и окружен ими со всех сторон. Хотя рыцари и не смогли прорваться в сомкнутый «еж» направивший во все стороны пики, но вальдштедцы все же погибли бы, если бы рыцари подтянули своих стрелков. Но тем временем главная баталия бернцев уже победила; кантонцы сделали свое дело, приняв на себя удар рыцарей, так что бернцам пришлось иметь дело только с фрейбуржцами. Покончив с этим, они повернули и ударили рыцарям в тыл. Последние могли спастись только бегством; многие были убиты. Тот корпус союзников, который отбросил арьергардную баталию бернцев, больше не принимал участия в сражении. Вероятно, войско было недисциплинировано или же не имело настоящего руководства и устремилось за бежавшими, желая захватить пленных и грабить.

Сражение при Лаупене свидетельствует о таком стратегическом и тактическом превосходстве и руководстве бернцев, что напрашивается вопрос, кто же был полководцем. Занятие угрожающей оборонительной позиции и переход от обороны к нападению снова напоминает Марафон, и характерно, что о бернском полководце существует такое же предание, как и о Мильтиаде. Правда, источник того времени «Conflictus» совсем не упоминает о полководце, но в этом рассказе вообще отсутствует понимание военного дела. Наоборот, повествование Юстингера, в котором, правда, подлинную историю трудно отделить от вымысла, сообщает, что во главе бернцев стоял рыцарь Рудольф фон Эрлах. Этот очень богатый и знатный человек был одновременно вассалом союзного противника, графа фон Нидау, и гражданином г. Берна. Когда нависла туча войны, он покинул своего сеньора и отдался в распоряжение бернцев. Уже его отец командовал однажды бернцами при стычке у Дорнбюля (1298 г.), а он сам «хорошо проявил себя в 6 сражениях»; в нем бернцы нашли настоящего военачальника, который «их умудрял и обучал, как начать и как кончить дело». «У кого больше военных знаний, тот сильней». Эрлах, однако, сперва отказался принять командование, так как граждане слишком надменны и строгий начальник будет от их мести терпеть убытки и позор. Наконец, после долгого упрашивания сошлись на том, что вся община

* Rüstow в «Gesch. d. Inf.». т. I, стр. 152 полагает, что бернцы вовсе не имели дальнобойного оружия. Это в высшей степени невероятно и даже невозможно; во всяком случае этого нельзя заключить из того факта, что дальнобойное оружие в повествовании об этом сражении случайно не упоминается.

** Солотурн выставил 18 шлемов; кроме того, на стороне бернцев сражался барон фон Вейсенбург. В сражении при Гутвиле (1340 г.) упоминается эскадрон, состоявший из одних бернцев, шедший вместе с «вольными» отрядами (Freischaren) впереди главных сил. Юстингер, стр. 97 и 99. Позже бернская конница получила особенно большое значение. Elgger, стр. 302.

поклялась быть послушной во всех вопросах, и что если командир ударит кого-либо за непослушание, хотя бы он нанес при этом рану или причинил смерть, то ни город, ни друзья побитого не привлекут его к ответственности и не будут мстить.

И вот Эрлах принял командование, которое обычно находилось в руках старосты (бургомистра). Эту должность занимал тогда Иоганн фон Бубенберг, также рыцарь и притом знатного рода; его сын командовал гарнизоном Лаупена. Как ни странно, что другой рассказ того же времени ничего не упоминает о командовании Эрлаха, все же это предание вряд ли является простым мифом. Берн все поставил на карту в этой войне; поэтому, естественно, на должность командующего искали наиболее опытного воина. И позже, в вражении при Муртене, хотя и по другим мотивам, командование возложили на одного рыцаря, и все же в хрониках этот факт почти совсем затушеван. Поэтому я думаю, что преданию о командовании рыцаря Рудольфа фон Эрлаха при Лаупене, несмотря на позднейшее происхождение и легендарность, все же не может быть отказано в достоверности. В этом сражении чувствуется настоящий полководец. Если бы одновременно он был и бургомистром, то эта личность была бы отмечена в истории Берна еще и иным образом. Значительно понятнее, что автор «Conflictus», смотревший на все с точки зрения религии и не интересовавшийся и не понимавший военных событий, просто забыл упомянуть полководца. Поэтому я без боязни называю гениального воина, которого военная история видит скачущим по полю Лаупенского сражения, Рудольфом фон Эрлах. Тот факт, что победителем был он, остался в памяти следующих поколений, хотя современный хроникер и не назвал его.

Важнейшим моментом его деятельности является торжественная клятва в послушании, которую по его настоянию ему принесли граждане и в которую эта сильная личность сумела влить содержание.

Когда в следующем году он однажды устроил засаду против фрейбургцев и 8 кнехтов, погнавшихся вопреки его приказу за лошадьми, чтобы захватить их себе в добычу, были окружены фрейбургцами, он запретил выручать их и не воспрепятствовал врагу заколоть их, «так как они — злодеи, нарушившие присягу, которым добыча важнее, чем честь Берна»*. Он крепко держал подчиненых в руках и при Лаупене не допустил главную баталию, победившую фрейбуржцев, заниматься грабежом, а повел ее в тыл рыцарям. Без такого руководства сражение было бы проиграно, так как рыцари, одолев вальдштедцев,безусловно разбили бы и бернцев, которые, будучи дезорганизованными, не смогли бы устоять против них.

Сознаюсь, что изложенное выше описание Лаупенского сражения в значительной мере основывается только на предположении и не может быть доказано источниками, а в некоторых пунктах просто находится в противоречии с ними. Если я, тем не менее, осмеливаюсь считать эту картину вполне вероятной, то это основывается на том, что в рассказе «Conflictus» имеются некоторые противоречия и неясности, которые мне представляются разрешимыми только вышеизложенным образом.

«Conflictus» говорит: «Бернцы, видя многочисленное и сильное неприятельское войско, объединились и, образовав как бы небольший клин, стояли у маленького холма». Эти слова, казалось бы, определенно означают, что бернцы образовали только одну большую баталию, а не 3, как я предположил. Однако, уже то, что жители лесных кантонов (вальдштедцы), как явствует из дальнейшего рассказа, образовали особую баталию, не согласуется с этим, разве только слово «Bernenses» как бы хотят сузить и под ним понимать только воинов из города.

Далее «Conflictus» говорит, что, как только противник повел атаку, 2 000 бернцев в страхе обратились в бегство, некотрые беглецы были невооруженными, но среди них были и воины. Но 3 000 бернцев, не видевшие этого бегства, устояли, перешли в контратаку и победили фрейбургцев.

Из этого рассказа приходится заключить, что помимо вальдштедцев бернцы вместе с другими волонтерами образовали 2 баталии в 3 000 и 2 000 человек. В самом деле, если это не так, как могло случиться, что 3 000 не видали бегства 2 000?

* Justinger, стр. 99.

В более поздней передаче Юстингера этот вопрос как будто разрешен. Здесь говорится.

«Und also (so) man glich zutretten wil, do hat jederman zwen steine oder drye zu im genomen, hies hauptman von in in die vigende werfen und damitte hinder sich tretten an den reine umb daz si dergshalb stunden; do wonden die hindren, die vordren wölten fliechen und floch gar ein gros volk vom huffen; do si aber befunden, daz man bestund und da vor nieman ze fliechenne mut hat, do kerten si zestunt wieder zu dem strit und taten alz biderb from lüte und vachten und stritten als helde usgenomen etlich die in den forst fluchen und nicht widerkerten; dieselben ouch iemerme forster hiessen. Man wolt si ouch darnach an lip und an gut gestraft haben, denne daz es gelassen ward, darumb daz man die vigende, nit erfröwte; doch so wurden si darnach niemer me wert und musten menglichem versmecht sin und unwert. Und als nu die hindrosten flüchen, daz mocht der houptman noch die fromen davor nit gesechen die mitlen die es aber sachen die sprachen zem houptman: O herre da hinder fliechend gar vil lüten von uns. Do antwurt der houptman: es ist gut daz die bösen hi den biderben nit sin; die sprüwer sind gestoben von den kernen».

Этот рассказ, очевидно, означает, что задние шеренги главной баталии неправильно поняли обратное движение метавших камни передних шеренг и обратились в бегство. Но как в таком случае возможно, что бегство не заметили ни полководец, ни передние шеренги? Ведь не началось же бегство как раз в тот момент, когда передние шеренги снова выстроили фронт. Одно из двух: или задние побежали вследствие обратного движения передних, и тогда передние видели это; или же передние не видали бегства задних, — тогда и они не совершали обратного движения, а удерживали фронт. Если же откинуть мотив непонятного отхода как найденное задним числом оправдание бегства, то спрашивается, почему именно самые последние шеренги, находившиеся в наименьшей опасности, так испугались приближения противника?

В рассказе Юстингера заключается явное противоречие, легко, однако, объяснимое взаимным противодействием двух различных источников. Из «Conflictus» он почерпнул, что одержавшая в дальнейшем победу баталия не заметила бегства других, а из устной традиции — оправдание, что эти другие приняли обратное движение камнеметальщиков за бегство.

Но рассказ станет понятным лишь в том случае, если предположить, что здесь речь идет о двух различных баталиях, из которых одна, обратившаяся в бегство, стояла за другой настолько в стороне, что не была видна ею.

К этому присоединяются еще два других момента. В «Conflictus» говорится, что местный проповедник Базельвинд, сопровождавший с просфорой армию, попал в руки врагов и подвергся осмеянию. Как могло это произойти? Если бы проповедник был послан в качестве парламентера и вопреки международному праву был ими задержан, то рассказчик не умолчал бы об этом. Единственно возможным объяснением мне представляется следующее: он находился среди «невооруженных», обратившихся в бегство, т.е. в обозе, а значит враги появились у обоза, т.е. в тылу главной баталии. Вследствие же того, что в бегстве принимал участие не только обоз, но и большое количество воинов, здесь, значит, речь идет не о задних шеренгах главной баталии, а об особом корпусе, который, будучи сам атакован во фланг или с тыла, не смог бы перейти в контратаку против фрейбуржцев.

Только при условии, что это была отдельная баталия, нам станет понятно определенное указание нашего источника, что бежавших было 2 000 человек. Если бы рассказчик определял эту цифру приблизительно, то безусловно он или совсем не указал бы ее или уменьшил, так как мы видим, сколько стараний прилагает он, чтобы в возможно более мягком свете изобразить это неприятное событие, для чего он прибегает к версии — можно смело сказать фикции — о том, будто бы они снова вернулись в сражение. Только наличие целой баталии известной численности могло привести рассказчика, далекого от прямой неправды, к указанию определенного числа. У Юстингера цифра уже выпала и вместо этого появился оправдательный мотив, будто они приняли движение камнеметальщиков за бегство. Юстингер, нам кажется, уже сам не знал, что в бегстве принимал участие весь арьергард; он также вычитал в «Conflictus», что это были задние шеренги главной баталии, и старался смягчить рассказ «Conflictus» о том, что главная баталия не заметила бегства, мифическим рассказом со слов начальника «хорошо, что зерно отделено от мякины», вложив эти слова в уста третьего лица.

Еще «Conflictus» сообщил, а Юстингер это приукрасил, что союзники Фрейбурга атаковали не сразу, а перед фронтом противника «высокомерно вели себя, кичились своим рыцарством и подчеркнуто проявляли свою неприязнь». Далее он ясно говорит, что сражение разыгралось только вечером «после вечерни». Это обстоятельство требует пояснения. Действительно, случается, что две армии стоят друг против друга и каждая ждет атаки другой. Но здесь было совершенно ясно, что если фрейбургцы не

начали отступления, то они должны были атаковать. Промедление отразилось бы на духе войск, поскольку они видели, что их командиры испугались хорошей позиции бернцев. Кроме того, гарнизон Лаупена мог каждую минуту заметить происходившее, сделать вылазку и появиться в тылу союзников.

Несмотря на это, пауза продолжалась все же довольно долго; она понятна только в том случае, если тем временем специальный отряд совершил обход, а опытные начальники для поддержания духа своих воинов заполнили паузу всякими играми.

В конце рассказа Юстингер отмечает еще, что разбитые рыцари бежали в разных направлениях: немцы — вниз от Лаупена через Саану, а романцы — вверх от Лаупена через Сензе. На основании такого различия в направлении бегства можно заключить, что уже во время сражения были различные направления, другими словами один отряд был тем самым корпусом, который совершил обход.

Как же, однако, объяснить определенное указание «Conflictus» о том, что бернцы построились в о д н у баталию? Повествователь — плохой латинист. Поэтому слово «unus» явилось у него простым переводом немецкого неопределенного члена, подобно тому как он вслед за этим пишет: «ad unum parvulum collem», где он безусловно не думает подчеркнуть, что бернцы стояли на одном холме*. Неприятельская армия растянулась, очевидно, на большом пространстве; в противовес этому повествователь хотел подчеркнуть незначительную, сомкнутую баталию бернцев и забыл упомянуть, что они были разбиты на 3 баталии, так же как он не упоминает безусловно имевшуюся особую баталию из жителей лесных кантонов (вальдштедцев). Хроникер, лично присутствовавший при этом и рассказавший это автору «Conflictus», естественно находился под впечатлением победоносной главной баталии и рассказал только о ней. Составитель же был духовным лицом, мало понимавшем в военных делах, и плохим критиком; поэтому он не был застрахован от ошибок, особенно в отношении того, что его не интересовало. Что 3 000 не заметили бегства 2 000, является фактом, котрый мы можем у него почерпнуть как нечто совершенно достоверное, а образовали ли бернцы 2 или 3 «незначительные баталии» — было и ему самому неясно.

То, что бежал арьергард, я заключаю из рассказа Юстингера о том, что сначала был спор, кому предоставить инициативу сражения, причем бернцы, в конце концов, предоставили это дело вальдштедцам. Такого спора в буквальном смысле не могло быть, так как бернцы ведь хотели не наступать, а занять оборонительную позицию. Этот рассказ является фантастическим изменением, легендарным превращением того факта, что авангард был образован из вальдштедцев; на долю этого авангарда по тому расположению, которое было занято тремя баталиями, но которое мы в деталях уже не можем узнать, вероятно, и должен был пасть бой с главными силами рыцарей.

Рюстов в «Истории пехоты», т. I, стр. 154, из рассказа Юстингера о метании камней и отходе захотел вывести заключение о каком-либо особом маневрировании. Он думает, что когда неприятельская пехота приготовилась перейти в атаку, Эрлах заметил, что он «забыл» обеспечить себе господство на возвышенности и поэтому приказал своей «фаланге» повернуть и подняться, примерно, на 100 шагов выше, дабы имет разбег сверху. Это толкование представляется мне невозможным во всех отношениях. Слова Юстингера явно очень неопределенны, но они ни в коем случае не говорят о том, что вся пехота должна была сделать обратное движение: к тому же такое движение на виду приближавшегося неприятеля выполнимо только прекрасно дисциплинированными войсками, а отношении народного ополчения оно так же невероятно, как и то, что полководец, уже когда армия развертывалась, заметил, что в 100 шагах позади имеется лучшая позиция.

В виде примера, как быстро действительная историческая традиция выветривается и становится фантастичной, стоит еще добавить, что Чуди (Tschudi)** дает швейцарцам при Моргартене метательные копья, коих они никогда не имели, а при Лаупене даже своего рода боевые колесницы с серпами: «denn si hattend ysin hörwagen lassen machen, die stiessends ungestümlich den Vienden ir Ordnung.Dieselben Wägen waren gemacht, dass sie nit wider hinder sich gan möchtend hiermit zertrentend sie den Vienden Ir Ordnung und brachtends in die Flucht».

* Я изложил эту интерпретацию также моему коллеге Танглю (Tangl), который счел ее вполне приемлемой: как раз в поздней средневековой латыни часто случалось, что «unus» писался в качестве простого неопределенного члена немецкого языка.

** Bürkli, стр. 106, «Chronikon Helveticum», изд. Iselin. I. 359.

ГЛАВА IV

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЗЕМПАХЕ 9 ИЮЛЯ 1386 г.

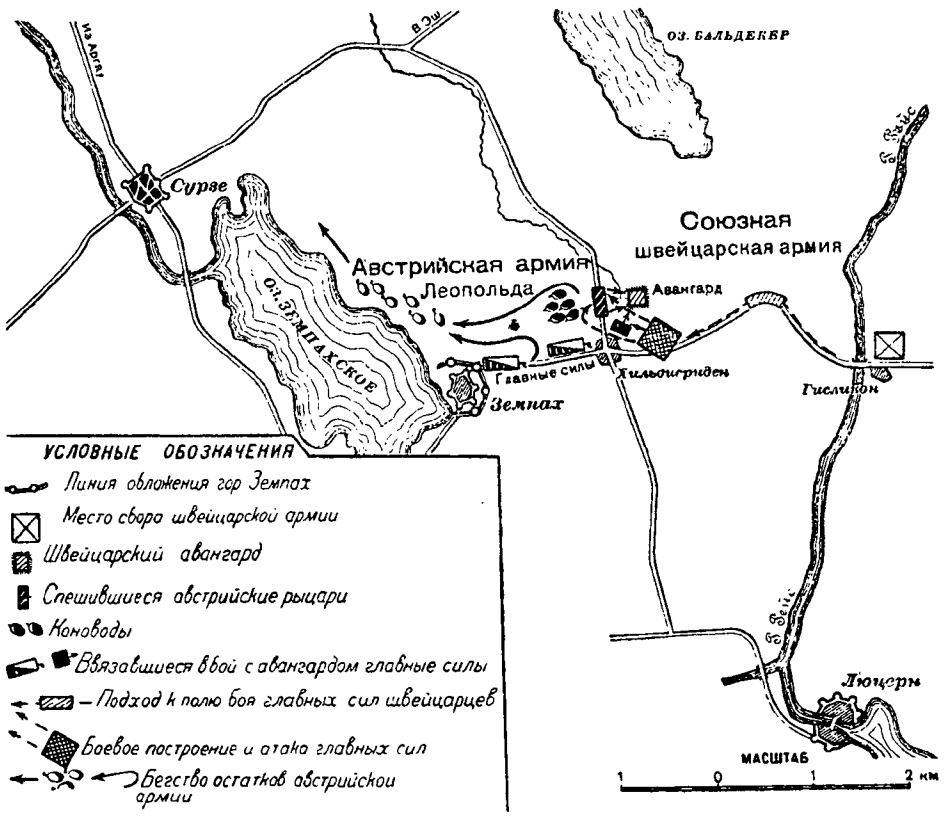
Как ни велика была победа при Моргартене, все же хитрость и внезапное нападение играли в ней слишком большую роль, чтобы этим ударом могла быть окончательно решена война династии Габсбургов со свободолюбивыми крестьянами.

Так же как сражение в Тевтобургском лесу получило значение сражения германцев за свободу не само по себе, а лишь во взаимодействии с внутренними условиями Римской империи, подобно этому и сражение при Моргартене приобрело полное значение лишь вследствии того, что оно сделалось одним из звеньев общей политики. Если непосредственная зависимость лесных кантонов от верховной власти была юридически оформлена уже во время борьбы государства и церкви при Фридрихе II и позднее — во время соперничества различных больших княжеских домов из-за королевской короны, то теперь Габсбурги не могли отомстить за моргартенское поражение, так как все силы их были заняты борьбой с Людовиком Баварцем, который, со своей стороны, письменно подтвердил непосредственную зависимость всех 3 кантонов от государственной власти. Однако, для того чтобы сохранить за собой свободу действий в будущем, Габсбурги заключили с кантонами не мир, а лишь перемирие, возобновляемое из года в год; прерываемое войной и снова возобновляемое, это перемирие позволило союзникам укрепить свою самостоятельность. Значительная польза, оказанная ими Берну при Лаупене, еще больше подняла их авторитет; Цюрих и Люцерн также стали искать их дружбы и союза (союз с Люцерном был заключен в 1332 г.; союз Цюриха с 4 лесными кантонами — в 1351 г.). Наконец, сознавая свою силу и подбодренные огромным успехом, с которым Берн распространил свое господство, союзники перешли к наступательным действиям.

Люцерн, бывший до тех пор австрийским городом, стремясь совсем сбросить это господство, принял под защиту своих законов австрийские селения и г. Земпах и, таким образом, отторг страну у тогдашнего властителя, герцога Леопольда III. Близлежащие замки Габсбургов подвергались нападениям и разрушению, а местности, которые держались за старую власть, — опустошению. Тщетно пытался герцог уступками добиться дешевого мира; союзники переходили от завоевания к завоеванию.

И вот Леопольд решил собрать все силы для спасения владений и чести своего дома; в случае победы от рассчитывал вернуть потерянное. Он заложил города в Италии, чтобы добыть деньги , и стал вербовать себе союзников и наемников среди окрестных рыцарей. Он получил также помощь из Тироля и Милана. Можно полагать, что его армия была значительно сильнее, чем некогда армия его дяди Леопольда I при Моргартене, но и армия 4 кантонов была почти вдвое больше, чем армия моргартенцев, — не только потому, что к ним присоединился Люцерн, но и потому, что сам Швиц с тех пор значительно расширился. Мы можем исчислять армию Леопольда при Земпахе в 3 000, быть может даже 4 000 человек, а армию союзников примерно в 6000—8000 человек. Указания источников о численности швейцарцев колеблются между 1 300 (Юстингер и Русс) и 33 000 человек (Дитмар).

Сначала швейцарцы считали, что под угрозой находится Цюрих, и потому послали туда из лесных кантонов подкрепления, которые совершали набеги на близлежащие австрийские владения. Но Леопольд поступил мудро: он обратил свое внимание сначала не на Цюрих и Люцерн, а направился к местечку Земпах, на добрые 2 мили севернее Люцерна, который изменил и перешел на сторону швейцарцев; герцог рассчитал, что какой бы пункт он ни атаковал, все равно швейцарцы придут туда на выручку и дадут там сражение.



С х е м а 47. Сражение при Земпахе 9 июля 1386 г.

Сражение перед Цюрихом или Люцерном протекало бы в неблагоприятных для Австрии условиях, так как обеспечение такого большого пространства поглотило бы значительную часть ее войска; для осады же маленького городка, каким был Земпах, требовалось немного воинов, и почти вся армия оставалась свободной для боя в открытом поле.

Итак, Леопольд собрал армию при Сурзее, всего в 1 миле от Земпаха, у устья озера, осадил еще в день выступления оттуда (9 июля) Земпах и немедленно отправился дальше навстречу войску, которое, по его расчетам,должно было подойти на помощь осажденному городу; это он сделал потому, что принять сражение при самом Земпахе, непосредственно у озера, было бы и стратегически и тактически неправильно. Австрийцы очутились бы здесь в таком же положении, как некогда у Моргартена. Однако, герцог отправился не прямой дорогой на Люцерн, т.е. на юг, а на восток; следовательно, он очевидно знал,что неприятельская армия придет с этой стороны. Выбор этого направления наступающими легко объясним: часть союзной армии прибыла из Цюриха, с северо-востока, и, чтобы подойти к Земпаху с юга, она должна была бы сделать большой крюк, но к этому было тем меньше оснований, что как раз наступление с востока было опасно для герцога. В случае поражения армия Леопольда была бы оттеснена к озеру и отступать было бы возможно только в сторону фланга. Нужно полагать, что местом сбора и выступления армии четырех кантонов был мост через Рейс у Гисликона.

Так двигались обе армии с запада и востока навстречу друг другу, причем швейцарцы, очевидно, рассчитывали захватить рыцарскую армию у самого Земпаха, с озером в тылу*, а австрийцы не имели ясного представления о том, произойдет ли столкновение тогда же днем, вечером или же только на следующий день. «Один из противников ничего не знал о другом», говорит австрийский поэт Зухенвирт в своем рассказе о сражении. Уже меньше чем в получасе от Земпаха, у самой деревни Хильдисриден, столкнулись около полудня авангарды обеих армий. Место сражения хорошо известно нам благодаря старинной часовне, поставленной на этом месте в память сражения.

Местность, пересеченная разнообразными препятствиями, подымается к востоку от озера довольно крутыми уступами; перед Хильдисриденом — маленькая равнина, подъем оттуда к деревне еще круче.

На равнине противники, должно быть впервые заметили друг дргуа; на самом крутом месте, где вершина, овраг и маленький ручеек с обеих сторон способствуют обороне, может быть, расположился швейцарский авангард. Подступ, вероятно, затруднялся также деревьями и изгородью для скота. По прибытии рыцари соскочили с лошадей и пытаясь взять штурмом трудно доступную для конницы высоту; их стрелки наносили швейцарцам большой урон. Герцог Леопольд, очевидно полагая, что перед ним — вся швейцарская армия, опрометчиво сам вмешался в битву, не дижидаясь подхода задних эшелонов походной колонны. Рыцари с такой силой врезались в неприятельскую баталию, что Люцернское знамя уже склонилось, а может быть, даже попало в их руки. Но на самом деле они сражались только с авангардом союзников, который принял сражение, очевидно, потому, что занимал выгодгую для обороны, — возможно даже наскоро укрепленную, — позицию, и с минуты на минуту ждал прибытия главной баталии, которая почему-то немного запоздала. Наконец, главная баталия подошла, перестроилась из походной колонны и внезапно с громким криком, бросая град камней, сбоку кинулась на рыцарей. Была ли сформирована еще одна баталия, арьергард, об этом источники не говорят, но можно полагать, что была.

Натиск был таким сильным, что сражавшиеся в пешем строю рыцари были опрокинуты, и не только слуги, державшие сзади их коней, были охвачены паникой и обратились в бегство, но и та часть габсбургской армии, которая была на конях и намеревалась выступить, вместо того чтобы построиться и атаковать, также присоединилась к бегущим. Сам герцог был убит, а вместе с ним и большое число дворян и рыцарей.

Обвинение в том, что паника была вызвана изменой, мы должны отнести к обычным со времени Моргартена историям об изменниках; по положению дел бегство еще находящихся на конях рыцарей хотя и мало похвально, но очень понятно.

СКАЗАНИЕ О ВИНКЕЛЬРИДЕ

Действительно замечательным плодом непредубежденного проницательного ума Бюркли является вскрытие корней легенды о Винкельриде. Арнольд Винкельрид из Унтервальдена был в начале XVI в. знаменитым швейцарским предводителем наемников. Он пал в сражении при Бикокке в 1522 г. при попытке проникнуть в ощетинившуюся пиками баталию ландскнехтов; к тому времени ландскнехты усвоили этот швейцарский способ сражения.

Сражение при Бикокке было первым тяжелым и полным поражением швейцарцев, где они потеряли больше, чем приобрели во всех прежних победах; песни

* Что наступление герцога последует немедленно, стало швейцарцам известно, очевидно, уже за несколько дней, так как иначе их армия не смогла бы быть на месте уже в день его выступления. Вспомогательные войска кантонов, стоящие под Цюрихом, выступили оттуда самое позднее 7 июля. Это явствует из постановления Совета от 7 июля. Eidgen, Abschiede, т. I, стр. 72.

ландскнехтов полны насмешек по поводу этого позора. При этом сплетались и перепутывались различные сражения.

Можно ясно проследить постепенный рост сказания. Более старые рассказы в течение 90 лет не содержали в себе ни малейшего упоминания ни подвига Винкельрида, ни имени, ни какого бы то ни было подобного события и не могут заключать ничего подобного, так как обстоятельства не давали никаких для этого оснований. В список одной старой Цюрихской хроники, изготовленный в 1476 г., впервые вставлен рассказ о том, что, когда при Зампахе дело приняло скверный оборот и рыцари своими пиками начали закалывать швейцарцев с их короткими алебардами, некий верный человек схватил много пик и пригнул к земле так, что союзники смогли их порубить своими алебардами; в то же время этот преданный человек призывал их следовать за собой. В этом рассказе героя еще не называют по имени и не сообщают, что и сам он пал. Земпахская боевая песня, уже распространненая в ту пору (сохранилась в хронике Русса, 1480 г.), еще ничего не знает об этом эпизоде. Только 50 годами позже (1531 г.) появляется боевая песня, наверняка неоднократно измененная и переработанная, содержащая строфы о Винкельриде. Это произошло через 9 лет после Бикоккского сражения. Но и здесь сначала значится «один Винкельрид», который затем превращается в «одного из Унтервальдена из рода Винкельрид» и , наконец, во второй редакции Чуди (примерно, в 1570 г.) в «Арнольда Винкельрида». Со времени Бикоккского сражения прошло уже так много времени, что перенесение павшего в нем героя в Земпахское сражение — их жестокого поражения, связанного с тяжелым воспоминанием, в славнейшую победу — не встретило никаких препятствий, а вместе с героем Бикокки Чуди вскоре перенес в Земпахское сражение и весь боевой порядок ландскнехтов, от чьих пик он пал, и даже их укрепления. Для большей наглядности было использовано и находящееся хронологически между упомянутыми двумя сражениями Муртенское сражение (1476 г.): ядра бургундцев срывали с деревьев ветви, которые падали перед швейцарскими баталиями. Это нам сообщает боевая песня о Земпахе, где никаких пушек не было. Даже по боевой молитве можно определить, насколько поздно возникла эта песня: здесь не призывается святая дева; это — верное доказательство того, что она относится ко времени реформации; раньше такое упущение было бы невозможно.

Не менее, чем в методологическом отношении, вскрытие этой связи важно и интересно в отношениях этнопсихологическом, историко-литературном и историческом. Как и в «Песне о Нибелунгах», мы видим здесь слитыми воедино события, расстояния между которыми измеряется многими поколениями — от 1386 г. до победы реформации. Но в каком клубке противоречий оказывается история военного дела, если доверчиво полагаться на такого рода традицию! Легенда переносит тактику ландскнехтов на рыцарей, которые представляют прямую им противоположность. Более того: тактика ландскнехтов ничем не отличается от тактики швейцарцев; таким образом, швейцарская легенда приписывает противнику собственную тактику. К этому присоединяются еще пушечные выстрелы и молитва, идущая по своей форме также вразрез с духом эпохи Земпаха.

Так как в виде тесно сомкнутой баталии с простертыми вперед пиками сражались не рыцари, а швейцарцы, то и подвиги Винкельрида, которые считаются более или менее исторически достоверными, были совершены рыцарями. О первом подвиге сообщает Иоанн из Винтертура под 1271 г.: один габсбургский рыцарь пытался таким образом прорвать баталию и при этом погиб*. Нечто подобное рассказывается о сражении на Шюсгальде в 1289 г., где сын короля Рудольфа

* Ибо когда обе стороны сошлись в поле у города, часть бернцев, образовав круг и сплотившись, противостояла врагу с вытянутыми копьями. В то время как никто из неприятелей не решился напасть... один добрый рыцарь... устремился на них; встреченный кпоьями и растерзанный на куски, он нашел плачевную гибель.

Габсбургского напал на бернцев и разбил их; здесь в качестве героя называется граф Людвиг фон Хомберг-Рапперсвиль. В 1332 г. этот же подвиг совершил австрийский рыцарь Штюлингер фон Регенсбург, опять-таки в сражении против бернцев и золотурнцев, чью баталию он прорвал; при этом пал, но доставил своим победу.* В сражении при Грансоне (1476 г.) то же самое предпринял один бургундец, рыцарь де Шатогюйон, который верхом также ворвался в главную баталию, но не смог прорвать ее рядов и был убит. Швейцарские источники, которые часто не без восхищения сообщают о подвигах противника, называют его Четтегю. Единственным швейцарцем, такой же подвиг которого прославляется, является, наряду с Арнольдом Винкельридом из Бикокки, один урийский предводитель наемников, Гейни Воллебен, который, по рассказу Пиркгеймера, в Фрастенцском сражении (1499 г.) пригнул копья императорской баталии, положив свое копье сверху — поперек, и этим открыл проход для своих, сам же в этот момент был убит выстрелом из винтовки.

Можно с уверенностью предполагать, что в Земпахском сражении принимали участие также члены унтервальденской рыцарской фамилии Винкельрид, хотя прямых доказательств этого мы не имеем. Попытка** спасти по крайней мере имя Арнольда Винкельрида как одного из павших при Земпахе на основании того, что в летописи Станса оно действительно стоит первым в списке убитых, оказывается беспочвенной, так как список сохранился только в копиях, изготовленных в 1560 г., т.е. в то время, когда чудесные строфы боевой песни о «злодеянии» Винкельрида давно стали общим достоянием всех швейцарцев и каждый переписчик считал себя в праве присоединить это имя к списку убитых, в котором оно случайно, может быть, было пропущено.

Бюркли создал основу для правильного военно-исторического анализа сражения при Земпахе, но в его собственной реконструкции было еще несколько настолько явных ошибок, что она не только не смогла получить распространения, ни о то, что было в ней правильно, не получило признания. Поэтому заслуга всестороннего разрешения проблемы принадлежит исследованию Эриха Штесселя (Erich Stössel, Berliner Dissertation, 1905, изд. v. Georg Nauck), против которого, правда, выступал еще Häne в «D. Lit. Zeiting», 1906 г. N 17 (стр. 1063), с не вполне основательными, впрочем, возражениями.

Брюкли вскрыл решающий момент, а именно, что фронт сражения был обращен не на юг, а на восток, но спешивание рыцарей он объяснил таким образом, что, будучи в лагере, они подверглись, якобы, нападению швейцарцев, которые подошли незаметно для них. Для этого Бюркли предположил, что союзный контингент подошел от Цюриха ночным форсированным маршем. Все это невозможно согласовать с источниками. Из союзнических документов вытекает, что граждане лесных кантонов выступили из Цюриха самое позднее 7-го, и все источники согласны в том, что рыцари не были в пешем строю с самого начала, а спешились для сражения. «Неожиданно натолкнулись на противника», говорит Зухенвирт; «Не приняли еще боевого порядка», говорит Хаген; «Беспорядочно, нестройно», говорит Кенигсгофен. Далее источники прямо говорят о спешивании рыцарей:

Die piderben helt, die vielen ab
Und traten zu dem hawffen,

говорит Зухенвирт, и в этой связи «abfallen» означает не что иное, как «спешиться». То же мы находим у Хагена, Кенигсгофена и в так называемой хронике Клингенберга. Из обеих версий, сводящихся к тому, что Леопольд сам спешился, чтобы дорого продать свою жизнь (Хаген и Зухенвирт), или чтобы помочь борьбе с швейцарским авангардом (Кенигсгофен), предпочтения заслуживает последняя . В самом деле, если бы первая имела за собой положительные свидетельства, то она безусловно дошла бы и до Кенигсгофена, который в таком случае, хотя и не был настроен дружественно к австрийцам, вряд ли смог бы полностью вытравить следы ее в своем изложении. Не исключена возможность того, что обычай

* Bürkli, стр. 90; Lorenz, Deutschland Geschichtsquellen, стр. 46; Stössel, стр. 47
** Oeschsle в «Allg. D. Biogr.». 44, стр. 446.

спешиваться для поддерживания мужества рядовых воинов, как раз тогда возникший во Франции, оказал свое влияние и на храбрых габсбургцев. В качестве главного свидетельства Бюркли использует Констанцскую хронику Гебхарда Дахера, где якобы, говорится, что лошади рыцарей были «не взнузданы» (ungezäumt). (Спрашивается, однако, не равносильно ли это выражение ungezähmt (не приручены) — unbändig (неукротимые). По этому поводу я обратился к архивариусу Сен-Галленского монастыря г-ну Иоганну Мюллеру, который был настолько любезен, что полностью выписал мне с соблюдением филологической точности соответствующее место из имеющейся в архиве рукописи.

При этом г-н Мюллер добавил, что написание «ungezämpten» (неприрученные) вполне ясно; кроме того я нашел в послании Бернского совета к своим командирам от октября 1474 г. («Zeitschr. f. Gesch. d. Oberch.», т. 498, стр. 217), что они провинились, в том, что «lediglich etlich ungezämpt lut.».

Таким образом, не может быть сомнения в том, что смысл слова есть «неукротимые».

Этим конструкция Бюркли опровергается и остается вышеприведенное толкование, которое в первую очередь опирается на превосходный рассказ (приблизительно современный) о сражении в хронике Детмара Любекского. Ценность этого рассказа не уменьшается из-за того, что мы находим его так далеко от места события. Письменные сообщения о сражениях при Грансоне и Муртене попали в различные места государства, в том числе и в Любек, при этом, хотя мы и не знаем имел ли Детмар, составляя рассказ о Земпахе, какие-либо письменные документы из первых рук, все же ясно, что перед нами не просто запись понаслышке, а рассказ очевидца со стороны австрийцев, причем промежуточных звеньев не так много. Единственная существенная ошибка Детмара состоит в том, что он чересчур преувеличивает число швейцарцев (33 000); но если бы мы пожелали из-за преувеличеных цифровых данных отводить писателя как свидетеля, то в античном мире и в средние века уцелели бы немногие. Однако, с рассказом Детмара, если его истолковывать сообразно с тем свидетельством, которое представляет само поле сражения, согласуются, несмотря на кажущиеся на первый взгляд противоречия, все другие сообщения, если только иметь в виду природу и происхождение каждого из них в отдельности, и устраняют все проистекающие отсюда аберрации и неясности. Все это детально и убедительно изложено у Штесселя.

Состояние наших источников замечательно еще тем, что в Цюрихской записи бросают камни и атакуют с громким криком не швейцарцы, а рыцари. Таким образом, здесь мы имеем аналогию к рассказу Фруассара о Секленском военном совете перед сражением при Розебеке, где также спутаны обе стороны.

Третьим примером такого же смешения у нас будет еще сражение при Муртене. Самый факт, а именно, что цюрихский летописец превратно понял дошедший до него рассказ, с неопровержимостью установлен Штесселем.

В качестве особой ошибки у Брюкли нужно отметить предположение его, что Леопольд хотел идти на Люцерн и двинулся по пути через Хильдисриден лишь потому, что он мог переправиться через Рейс только значительно ниже, при Гисликоне.

Уже a priori я считаю невозможным предположение, будто Леопольд хотел идти на Люцерн; к тому же об этом ничего нет и в источниках. Какой вид имели тогда укрепления Люцерна, мы не знаем, но совершенно немыслимо, чтобы горожане, предприняв войну против могущественной Австрии, не обеспечили себя от неожиданностей. Леопольд ни в коем случае не мог рассчитывать, что его нападение застанет Люцерн врасплох. Осаждая город, он должен был быть готов к сражению с войсками, которые подойдут на выручку; для этого последнего сражения он выбрал самое подходящее место между озером, городом и р. Рейс. Это уже настолько ясно, что вовсе не требуется приводить все остальные доводы против такого предположения. Можно считать твердо установленным, что, двигаясь на Хильдисриден, Леопольд не хотел идти на Люцерн. Но в таком случае не остается никакого другого мотива, кроме того, что он хотел двинуться навстречу армии союзников, которую он завлек сюда нападением на Земпах.

Из этого опять-таки вытекает, что он принял сражение с фронтом, обращенным на Хильдисриден, а не так, как считают все исследователи, кроме Бюркли, — на юг; если бы союзная армия подошла на выручку Земпаха с юга, со стороны Люцерна, то непонятно, почему же герцог, с одной стороны, и швейцарцы, с другой, взобрались на горы. Кроме того, из источником мы знаем, что часть швейцарской армии подошла со стороны Цюриха. Чем меньше швейцарцы могли знать, куда направит герцог свою атаку, тем целесообразнее было им назначить сборный пункт не у Люцерна, а дальше на восток, по направлению к Цюриху. Избранным пунктом был мост через р. Рейс у Гисликона. Отсюда можно было быстро двинуться как к Цюриху, так и к Люцерну и Земпаху, и здесь скорее всего могли соединиться,

с одной стороны, люцернцы с унтервальденцами, с другой — швицы с урийцами и с третьей — жители лесных кантонов, сражавшиеся под Цюрихом.

Fritz Jacobsohn в своем труде «Der Darstellungsstil der historischen Volkslieder des 14 und 15 Jahrhunderts und die Lieder von der Schlacht die Sempach», Berliner Dissertation 1914, приходит к другому выводу. Он, правда, также полагает, что строфы Винкельрида не имеют исторической основы, но относит их возникновение к 1512—1516 гг., т.е. ко времени до сражения при Бикокке, причем, однако, он все же говорит, что они посвящены Винкельриду, павшему затем при Бикокке, который и до того был знаменитом полководцем. Однако, этот вывод не обоснован; автор исходит из ложных в военном отношении предпосылок. Он полагает, что в то время обе армии двигались навстречу друг другу с пиками наперевес и что, затем, в сущности, всегда единичный воин приводил сражение к развязке тем, что в одном месте образовывал брешь в первых сомкнутых рядах неприятеля. Это неверно относительно Земпаха, а к этому сводится все дело. У рыцарей не было сомкнутых рядов, в которых нужно и можно было бы делать брешь.

ГЛАВА V

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДЕФФИНГЕНЕ 23 АВГУСТА 1388 г.

Сражение при Деффингене обычно рассматривается как аналогия сражению при Земпахе: если бы здесь пал граф Вюртембергский, как там — граф Габсбургский, то с князьями и рыцарством в нижнем герцогстве Швабии так же было бы покончено, как и в Верхней Швабии. Поэтому будет правильным прервать здесь изложение швейцарской военной истории и вклинить исследование о Деффингене*.

Великий союз городов сформировал армию, которая была собрана в январе и целый год (1388 г.) находилась в походе, грабя и сжигая деревни неприятельских князей, особенно герцога Вюртембергского. В Швабии все было так разрушено, что, по выражению Кенигсгофена, в 10—12 милях от городов и крепостей нигде не осталось ни одной деревни, ни одного дома.

Вюртембергские крестьяне бежали со своим имуществом на укрепленное деффингенское кладбище при Вейле и здесь были осаждены горожанами. Тогда явился граф Эбергард, к которому примкнули пфальцграф Рупрехт, маркграф Рудольф Баденский, бургграф Фридрих Нюренбергский, епископ Вюрцбургский, графы Этингенский, Гельфенштейнский, Катценэлленбогенский, и атаковал армию горожан. Армия горожан исчисляется хрониками в 700—800 конных пикинеров и 1 100—2 000 пеших**, армия князей в 600—1 100 конных и 2 000 крестьян или 2 000—6 000 пеших***. Большого значения этим цифрам нельзя придавать. 600 копий для призыва такого большого числа князей — слишком мало. Большой союз городов числом в 39, среди них Нюренберг, Аугсбург, Регенсбург, Ульм, Констанц, Базель смог бы, понятно, для такого решительного сражения выставить совсем другие массы, но так как здесь речь идет о войске, которое долгое время находилось в походе, то 2 000 — 3 000, пожалуй, будут отвечать действительности.

* Источники, без сомнения, очень скудны, а главный источник — Кенигсгофен —сказочен и ненадежен. Christ. Friedr. Stälin, Württembergische Geschichte, III, 334; Paul Friedr. Stälin, Gesch. Württembergs, I, 569; g. v. d. Au, Zur Kritik Königshofen, Tübingen 1881; «Die Annaless Stuttgartenses», abgedr. in Württemberg, Jahrb, 1849, не содержит ничего, имеющего значения.

** 800 копий и 2 000 пехотинцев — по Кенигсгофену; 700 пик конных и 1 100 пеших — по Констанцской хронике.

*** 550 копий и 2 000 крестьян — по Кенигсгофену («Städt. Chronik», IX, 839); 600 пик и 6 000 пеших — по Констанцской хронике; 1 100 пик и около 6 000 пеших — по Ульману Штромеру; 800 пик и 2 000 — по Юстингеру.

Когда бой начался, граф Ульрих, сын Эбергарда, вместе со многими рыцарями спешился; почему — источники не объясняют.

Граф Ульрих и многие дворяне были уже убиты, когда прибыли господа фон Битш и фон Розенфельд с сотней свежих «копий» и решили победу Вюртембергского. Наемников Нюренберга и с Рейна обвиняют в том, что они бежали первыми, а предводители нюренбергцев, графа Хеннебергского — даже в том, что он это сделал намеренно изменническим образом*. Какую роль играли в сражении крестьяне, как осажденные на кладбище, так и прибывшие с Эбергардом, — установить нельзя, но Кенигсгофен прямо говорит, что среди них также было много убитых.

Измену нюренбергского предводителя-капитана мы можем, как мало правдоподобную, отнести к многочисленным историям об изменах, которые должны объяснить поражение**, тем более, что граф Хеннебергский, якобы, был также предводителем габсбургских рыцарей, которые при Земпахе остались на конях и обратились в бегство.

Очень примечателен, однако, один рассказ в Нюренбергской хронике Ульмана Штромера, который гласит: «da was graff Eberhart von Württemberg zu ross und hinten an den Hauffen und schlug und trieb das volk, dass sich das weren muss, also dass die stet den streit verluren». Можно было бы попробовать скомбинировать это сообщение со спешиванием графа Ульриха, а именно: последний с некоторым числом рыцарей стал во главе большой, образованной из пеших и крестьян, сомкнутой баталии, которую сзади сдерживал отец криками и угрозой. Штромер ничего не говорит о подкреплении, неожиданно прибывшем к вюртембергцам во время сражения, но можно было бы предположить, что оба момента совпали: баталия пехоты стойко держалась, а атака рыцарского резерва решила сражение***.

На рыцарей понукание, Эбергарда не могло распространяться. Своеобразие сражения при Деффингене, таким образом, заключалось бы в том, что большая баталия пехоты была усилена крестьянами и подкреплена рыцарями, т.е. была сформирована основательно,обдуманно и предусмотрительно. Это явление станет еще интереснее, если учесть, что мы имеем дело с частным примером швейцарской тактики и менно на княжески-дворянской стороне. Союз городов есть не что иное, как обычная средневековая военная организация: рыцари, частью патриции, чатью наемники и пешие кнехты в качестве только вспомогательного войска — по своему характеру также наемники, несмотря на то, что среди них были горожане и сыновья горожан. Крестьяне же, которых в армии горожан нет, сражаются под начальством и вместе со своим графом. Быть может, Эбергард сознательно подражал швейцарцам при Земпахе. Ведь о том, как рыцарская армия была здесь позорно разбита, должно было говориться при всех княжеских дворах и рыцарских трапезах, а главный начальник, вместо того чтобы показывать пример своим и сражаться впереди, до конца сидел на коне, — это явление неслыханное на всем протяжении средневековья и противоречит всем рыцарским обычаям. Если это имело место, то здесь не было ничего случайного.

Но нам кажется только естественным, что большие имперские города были при Деффингене побеждены, а маленькие швейцарские города, Берн, Люцерн, победили: политический характер союзов совершенно различен. Германские имперские города являлись преимущественно аристократической формацией и хотели свои войны проводить при помощи наемников, — по крайней мере в значительной мере с наемниками.

---

* «Augsburger Chronik», I, 87 (ср. II, 40).

** Rupp, Die Schlacht bei Döffingen, «Forsch z. d. Gesch.», т. XIV, стр. 551, считает рассказ об измене Хеннебергера достоверным и в этой измене видит причину поражения. Но его доводы для меня неубедительны. Также и Ау, гл. I, отклоняет аргументацию Руппа.

*** Кенигсгофен говорит: «und wart der erste drug des Strites den Heeren anngewunnen»; тогда пришли свежие копья — «da wart zehant den Städten der Drug wieder anngewunnen, das sü underlogent».

Швейцарские города также не являлись в полной мере демократическими, особенно Берн, но аристократическому правлению там было придано много демократического, а участие крупных крестьянских общин придало всему союзу столь демократический характер, что их армия представляла собой народное ополчение.

Если бы союз городов победил при Деффингене, все же из него никогда не получилось бы объединения наподобие швейцарского из-за отсутствия в нем демократического элемента. Сражение при Деффингене является не подлинной развязкой, а только свидетельством того, как по существу незначительна была военная стойкость имперских городов. Немецкие князья также имели связь с крестьянско-демократическим элементом и при помощи этого ополчения «Сварливый» одержал верх над гордыми горожанами.

Вопрос о том, действительно ли граф Эбергард так гениально организовал и использовал свою пехоту, как мы выше скомбинировали, нужно оставить открытым. Намеки источников слишком неопределенны, чтобы их считать доказательством, а дальнейшей эволюции, — той печати, которая и на сомнительные сведения налагает штемпель достоверности, — нет. Если бы даже в сражении при Деффингене швабские дворяне повели крестьян к победе, все равно это было бы только эпизодом в истории военного искусства, и именно это делает всю гипотезу очень сомнительной. В самом деле, такой большой успех увлек бы графа Вюртембергского к повторению, и мы бы слышали нечто подобное в позднейших боях. Нельзя сказать, чтобы вовсе не было таких следов, о чем подробнее дальше. Но там,где мы это могли бы ожидать в первую очередь, в гусситских войнах, там мы ничего не находим.

ГЛАВА VI

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗНЫХ КАНТОНОВ*

Три сражения, заложившие фундамент швейцарского величия, были проведены крестьянами древних кантонов, причем Моргартен — ими одними, Лаупен — вместе с бернцами, Земпах — вместе с люцернцами, Таких же побед, только в меньшем масштабе, добились и другие соседние горные общины. Гларус освободился от габсбургского господства и через два года после Земпаха отразил налет австрийских военных банд, дав сражение у Нефельской летцины (9 апреля 1388 г.); однако, сообщение о ходе этого сражения носит легендарный характер.

Аппенцельцы восстали против владычества Сен-Галленского аббата и призвали на помощь швицев. Последние назначили туда сначала своего аммана, а подкрепление прислали как раз в то время, когда для подавления крестьян подошел аббат со своими союзниками. Стычка при Фегелинсеке (15 мая 1403 г.) протекала совершенно аналогично Моргартенскому сражению, а именно: отряд аббата, намеревавшийся прорвать летцину, был атакован с фланга. Отряд потерял около 200 убитых. У Штоса (17 июня 1405 г.) аппенцельцы победили австрийскую армию таким же образом, как при Фегелинсеке, с той лишь разницей, что неожиданный налет с фланга был совершен не во время попытки противника овладеть летциной, а когда противник, пробив узкий проход, как раз пробирался

* Em.v. Rodt, Gesch. d. Bernerischen Kriegswesens, 1831; I. I. Blumer, Staats-und Rechtsgeschichte dei schweizerischen Demokratien, 1848; K. v. Elgger,Kriegswesen und Kriegskunst der schweizerischen Eidgenossen im 14, 15 und 16 Jahrhundert, 1873; Joh. Hane, Zum Wehr und Kriegswesen in der Blütezeit der alten Eidgenossenschaft, Zürich, Schulthess & Co, 1900; Herm. Escher, D. Schweizer. Fussvolk im 15 und im Anf. des 16 Iahrhunderts, erster Teil. «Neujahrsblatt der Züricher Feuerwerksgesellschaft» 1905.

через незащищенную летцину. Источники особо упоминают град камней, который предшествовал атаке аппельцельцев.

В 1419 г. валлисцы разбили многочисленную бернскую армию при Ульрихене, атаковав ее на марше, — опять-таки аналогия Моргартену. Во всех кантонах военная организация была древнегерманской — всенародное ополчение, всеобщая воинская повинность. Идея и следы этой организации сохранились и у чисто германских и даже у романо-германских народов, но настоящее применение и огромное развитие ее находим только в этой части альпийских стран.

В 1438 г. Швицкая сельская община постановила*, что каждый гражданин в соответсвии со своим состоянием должен иметь хорошее оружие. Ежегодно на обычных сельских сходках на каждую часть избиралось по 3 человека, которые обязаны были осматривать броню и оружие в каждом отряде и решать вопрос о том, соответствует ли оно состоянию граждан, и в зависимости от этого налагать штраф. В Ури подобный закон был издан в 1362 г. в день всех святых; что же касается городов, то он подразумевается сам собой.

Воинской повинности подлежали юноши сначала с 14, а затем с 16-летнего возраста.

В отношении Моргартена мы можем предположить, что почти все способные носить оружие швицы были, если не на поле сражения, то, во всяком случае, на границе и что они сами принесли с собой продовольствие на эти 2, 3, максимум 4 дня, в течение которых были удалены от дома и чем дольше продолжался военный поход, Чем дальше место сражения отстояло от их дома и чем дольше продолжался военный поход, тем менее это было возможно. В дальнейшем административная власть кантонов твердо установила величину «аусцуга» и разложила это число на отдельные общины**, которые в свою очередь, по своему усмотрению предписывали, кто должен отправляться в поход. У уклонявшихся должны были, согласно самым ранним «Handveste» церингенских городов, разрушать дома. Иногда казалось, что вопрос о том, кто должен отправиться в поход, разрешен, но в общем в надежде на добычу охотников воевать было больше, чем призывалось, и эти охотники следовали за армией в качестве «свободных». Из неапольского похода 1494 г. некоторые кнехты принесли домой по 100—300 золотых монет, что по современной расценке составляет почти 50 000 франков***.

Продовольствие для отправляющихся на войну должны были давать общины, они же поставляли необходимых вьючных животных. «Паек», собиравшийся для этой цели в виде налога, часто давал повод для трений****.

В городах набор и снабжение также были децентрализованы. В Берне имелось 17 «комнат» или обществ, снабжавших своих членов продовольствием, а в случае необходимости и недостающим вооружением, кроме того они оплачивали их деньгами; начиная с 1337 г. это подтверждается и источниками. За свой отряд эти «комнаты» несли отвественность перед городом*****.

* Blumer, I, 373.

** Например, в 1444 г. Берн требует от Туна, чтобы он выставил 50 честных, добропорядочных кнехтов, «на присягу и честь которых можно положиться, без тех, которые бы несли за ними пику и броню». Так говорит Elgger, стр. 118, на основании «Schweizer Geschichtsforscher», VI, 354. Вместо «пики» (Spiesse) я бы прочел «пища» (Speise).

В 1389 г. энтлебухцы поклялись в случае выступления Люцерна прийти ему на помощь с 600 вооруженными. Elgger, Kriegswesen, стр. 38. В странном противоречии с этим находится сообщение о том, что в 1513 г. Люцерн должен был выставить 1 300 человек, из них 150 — Энтлебух, сам Люцерн — только 100 и Виллисау — 300. Elgger, стр. 68.

Иногда по поводу раскладки возникали споры; например, в 1448 г. маленькая община Краттиген жаловалась, что из 7 человек, павших на долю селения, она должна выставить двоих, между тем как в ней не больше 20 — 21 дворов. Поэтому в 1499 г. и 1512 г. было предписано произвести перепись всех домов, — только тогда (!), замечаем мы, вспомнив, как давно древний Рим имел такую статистику.

*** Häne, стр. 23

**** Там же, стр. 24.

***** Rodt, I, стр. 6.

Наряду с продовольствием, которое давалось с собой и даставлялось на фронт в зависимости от обстоятельств, заботились также о том, чтобы в лагеря подвозились жизненные припасы, которые продавались бы за деньги*.

В описании Швейцарии, переданном во времена бургундских войн эйнзидельнским деканом Альбрехтом фон Бронштеттен королю Франции Людовику XI, высчитано, что сам Берн может выставить 20 000 человек, союз 8 кантонов — 54 000 человек, а весь Швейцарский союз, включая сюда союзников и подданных, — 70 000 человек. Полагают, что и в самом деле имелось, примерно, это число боеспособных мужчин. При Муртене Берн вместе с принадлежавшей ему областью действительно имел около 8 000 человек, т.е. около 10% всего населения, исчисляемого в 80 000 человек.

Форма построения, к которой мы еще вернемся, была самой простой — тесно сомкнутая квадратная баталия, имевшая по фронту и во все стороны одинаковое число людей. Это не является новым открытием, а представляет собой древнегерманский клин («кабанью голову»), подробно рассмотренный нами в предыдущем томе (т. II). Клин — естественная форма построения, в которой пехота может двигаться и в то же время обороняться в случае угрозы со стороны конницы. Во время обороны углы более или менее закругляются. Швейцарцы очень образно называли такую ощетинившуюся пиками во все стороны баталию — ежом. Такие баталии мы встречаем в средние века и в других странах, но не часто, что объясняется тем, что пехота лишь очень редко выступает самостоятельно, а почти всегда рассматривается в качестве вспомогательного оружия конницы, для чего пехота рассыпается, и такая баталия как бы служит убежищем для рыцарей. То обстоятельство, что бернцы, люцернцы и цюрихцы переняли обыкновение сражаться в таких баталиях, несомненно, является следствием их объединения с крестьянами. Особенно у бернцев находим мы следы того, что их первоначальная военная организация ничем не отличалась от других немецких городов — рыцари при поддержке пеших с копьем и арбалетом. Только благодаря союзу с лесными кантонами и их победам бернские главари постигли все значение такой тактики, при которой поддержкой рыцарей являлись не разрозненные пехотинцы, а тесно спаянные массы, наносящие сосредоточенный удар, — массы, составляемые теперь не только из горожан, но и из подвластных крестьян. Отцами этого способа ведения боя являются крестьяне основных кантонов, сохранившие некоторую связь с древними германцами**.

О каких-либо совместных строевых занятиях мы ничего не слышим, безусловно они не производились***. Каждый сам обучался простым приемам обращения с пикой и алебардой, равно как метанию камней и, наконец, более трудному делу — стрельбе из арбалета. Последнее требовало длительных упражнений, но они были необходимы каждому владельцу этого оружия (особенно если он употреблял его и для охоты). Даже молодежь упражнялась в этом, а 1507 и 1509 гг. мальчики Ури и Люцерна приглашали друг друга на стрелковые праздники.

Если в некоторых посланиях о призыве предписано, чтобы должностные лица, производящие осмотр брони, следили за тем, чтобы воины «умели обращаться с

* Протокол заседания Бернского совета от 22 июня 1476.

** Escher, стр. 26, указывает, что в цюрихском государственном архиве имеется инструкция о построении боевой баталии. Из этой инструкции следует, что баталия имела по фронту 56 человек и в глубину — 20 человек. Такким образом, — это скорее фаланга, чем клин. В поздейшее время, когда вместо сплошного четырехугольника из людей перешли к размещению людей на четырехугольной площади, такое примерно соотношение встречается довольно часто. Но в отношении Цюрихской войны я не представляю себе, чтобы указанная Эшером инструкция практически применялась.

*** Häne, стр. 8, хочет из военных игр мальчиков и других признаков заключить, что строевые занятия действительно производились. Меня это не убедило; в частности, тот факт, что рыцарь однажды грозился, что он хочет так обучить ландскнехтов, чтобы один ландскнехт имел больше ценности, чем два швейцарца, не может служить доказательством того, что военные упражнения швейцарцев, которых он (Häne) имеет в виду, действительно имели тогда место.

приносимым с собой оружием* ,то это было вызвано, очевидно, только желанием, чтобы никогда никто не выступал в качестве стрелка из арбалета, раздобытого им каким-либо образом, не умея с ним обращаться.

Единственно, к чему приучался воин с холодным оружием, это — держаться своего знамени и маршировать в затылок впереди идущему, заняв указанное капитаном место, а в случае отрыва, выванного каким-либо препятсвием, снова тесно смыкаться.

Движение происходило под звуки барабана, благодаря чему сохранялся известный такт, «justis passibus ad tympanorum pulsum»**, что, однако, далеко не соответствует движению в ногу современных обученных соладт. Ведь это же знали и древние германцы (т. II).

Каждое селение имело свое знамя. Во время сражения все знамена сосредотачивались в середине большой квадратной баталии; при Муртене в главной баталии находилось 27 таких знамен. Практического значения в сражении они не могли иметь, но на марше или в лагерях каждый воин обязан был держаться своего знамени, и отлучка без разрешения наказывалась.

Связь с гражданской властью дала швейцарскому народному ополчению основы военной дисциплины. В рыцарских армиях, несмотря на авторитет сеньоров или предводителей наемников, дисциплина была очень слабой, так как такое войско всецело базировалось на личном мужестве, храбрости и тщеславии воинов, и руководства в сражении почти не было. Швейцарцы же, — хотя они на марше, в лагерях или при грабежах были так же разнузданы, как и наемные банды того времени, — все же во время сражений слушались команды, а в серьезный момент — вспомним Эрлаха при Лаупене — дисциплина становилась еще более суровой. В Бернской хронике Юстингера (1420 г.) неоднократно упоминается***, что поражение на войне получается из-за непослушания и беспорядка, и командиры призываются не давать пощады «клятвопреступникам» и бесчестным, уклонившимся от знамени, а бернские прославляются (стр. 73) за то, что они «notveste lüte zu hauptleuten erkusen, die men horte, forchte, der Gebot, Heissen und Ordnung man volgete».

Дезертир и паникер подлежат суровому суду, или же их без всякого суда может заколоть сосед****. Согласно постановлению Швейцарского союзного совета в Люцерне в начале 1475 г. перед каждым сражением командиры должны брать клятву с солдат в том, что до конца сражения они не будут грабить, а в арьергарде должно выставляться несколько человек, которые следили бы за порядком и нарушавших его убивали на месте*****.

Наглядное описание выступления швейцарского войска сохранилось в сообщении миланского посланника Бернардина Империалис (Bernardinus Imperialis), наблюдавшего в 1490 г. один «аусцуг» цюрихцев: «Итак, сегодня около 18 человек со знаменами в полном порядке двинулись на обнесенную стеной площадь, — пишет он******, — и там они по обычаю принесли присягу в верности и пообещали слушаться командира. При таком празднестве они прощают взаимные обиды и ненависть».

«Затем они двинулись в походном порядке; сперва шло 12 конных арбалетчиков-дворян в одинаковой одежде; затем 2 конных и несколько сапер с топорами, барабанщики и рота длинных пик числом болше 500. Командиры были сыновьями рыцарей; они шли пешком в полном вооружении, по трое. За ними следовало 200

* Elgger, стр 253.

** Paulus, Jovius i. Jahre 1494.

*** Цитаты собраны Studer «Archiv d. Histor.-Vereins Bern», IV, вып. 4, стр. 36).

**** Земпахское послание 1394 г. Blumer, стр. 374, Kriegsordnung von 1468 und 1490. Rodt, Berner Kriegswesen, I, 250, 253; Elgger, стр. 215.

***** Rodt, Feldzüge Karls des Kühnen, I, 331.

****** По воспроизведению у Häne, стр.29.

стрелков из ружья, потом 200 алебардщиков наподобие наших «спеди». Затем большой барабан и флейтисты; за ними следовало знамя, котрое нес один красавец; все — пешком; знамя нельзя везти на коне. Подле упомянутого знаменосца находилоь два служителя государственного суда с жезлом в руках; это означало, что они являются хранителями правосудия. По желанию, каждый из них может приложить свою руку к чьей-либо груди и отвести его в тюрьму; никто не воспрепятствует этому. Затем следовали, — с позволения сказать, — палач с 3 помощниками и вслед за ними 6 девок, выбранных для похода и оплаченных городом. После этого в порядке прошло свыше 400 других алебардщиков, составленных из самых сильных людей и лучше всех вооруженных, так как, по их словам, они служат охраной знамени; их оружие представляет собой густой лес. Затем следовало 400 арбалетчиков, среди них — много сыновей дворян из всех городов страны; все они шествовали решительным шагом. За ними шло еще много пикинеров. В общем было около 4 000 человек, включая отряды окружных местностей, подвластных Цюриху. Во всем аусцуге было свыше 20 барабанов; наконец, верхом продефилировало 3 трубача, причем они и их трубы были разукрашены в цвета города. Вслед затем на коне ехал капитан, господин Конрад Швенд, рыцарь в полном вооружении; многие предметы снаряжения его лошади были украшены золотым гербом; он был с жезлом командующего и венком из цветов на голове; за ним — паж с копьем; флажок на острие имел позолоченный герб, равно как и щит. Потом двигались 6 телохранителей с копьем у бедра и 12 арбалетчиков, — все на хороших конях, в одинаковой одежде с одинаковыми копьями. Все войско имело на вооружении, на шапках или на чулках белые кресты».

«За капитаном следовал другой рыцарь, которому поручено было наблюдение за порядком во время сражения, со многими конными пикинерами и арбалетчиками, все в одинаковой одежде. Затем около 30 повозок с боевыми припасами и артиллерией, в составе которой было 4 тяжелых 50—70-фунтовых пушек».

«За этими (цюрихцами) промарширует остальная часть союза; это будет большой, готовой к бою армией»

Средневековое войско было сословным; верхушку образуют дворяне; швейцарская же армия как по своему происхождению, так и по своему характеру — демократична. Начиная от сражения при Моргартене и кончая победами над Карлом Смелым, швейцарцы рассматривали свои войны как борьбу с «господами», а для последних не было большего несчастья, как быть побежденными «грубыми мужиками». Несмотря на это, нужно отметить, что и в Швейцарском союзе имеется значительный аристократический элемент, подобно тому как в ультрадемократических Афинах аристократия, хотя и лишенная конкретных политических прав, все же представляла собой — от Клисфена до Перикла — важный, даже руководящий элемент. В Швейцарии этот аристократический элемент был даже еще сильнее, поскольку в швейцарских кантонах, и особенно в самом сильном — Берне — конституция долго оставалась аристократической с небольшим налетом демократизма. Государственное правление и руководство находится здесь в руках старых и новых рыцарских родов, а город обращается с крестьянами как с крепостными, не имеющими никакого влияния на политику городов и даже не претендующими на это. Рыцарские фамилии в Берне правят своими крестьянами как феодальные владельцы. Если, несмотря на это, крестьяне с большой патриотической преданностью сражаются за своих господ, то это объясняется историческим развитием и формой швейцарского военного дела. В большую баталию главных сил можно было включать и крестьянское ополчение, которое с самого начала проявляло очень небольшое рвение; но повторные победы, успех и добыча спаяли крестьянство с городом в одно нераздельное политически-военное целое. Графы Кибургский, Нидауский, Грейерский, барон фон Вейсенберг, Бубенберг,

Рингенберг, Шарнахталь, даже сам Эрлах, понятно, не смогли бы ничего сделать с одним только ополчением своих крестьян; но внутри всеобщего бернского ополчения, влекомые массой и преисполненные ее духом, эти же крестьяне совершали изумительнейшие военные подвиги, вовсе и не желая эмансипироваться от господского руководства. Даже издревле чисто крестьянские кантоны, «сельские», — как они назывались в противовес городам,— при всей своей ненависти к дворянству ясно сознавали, сколь многим они обязаны дворянству, сражавшемуся в их рядах. Эти крестьяне смогли одержать «победу всех побед» — Моргартенскую и без дворян, и мы видели всю гениальность этого дела. Но это была победа при обороне. Для выступления за пределы своих кантонов у этих крестьян хватало сил разве только для простых разбойничьих набегов. Конечный политический успех — полное изгнание Габсбургов из Альп и создание благодаря этому швейцарской государственности — стал возможным только благодаря присоединению городов с их политической дальнозоркостью и многосторонними экономическими и военными средствами. Веское доказательство этому мы находим в истории так называемой бернской борьбы против тирании рыцарских родов. Феодальные притязания бернских рыцарских родов по отношению к их крестьянам послужили незадолго до бургундских войн (в 1470 г.) поводом к конфликту. Один демократически настроенный деревенский старшина по имени Кистлер, мясник по профессии, хотел урезать эти права и вообще ущемить положение дворян, — в частности, сбить спесь с их дам; было сделано предложение о посредничестве союзников, но староста отклонил его, заявив, что союзники настроены слишком доброжелательно к рыцарским родам.Он сказал*: «sy schetzend keinen Berner denn die edlen. Ich bin etwan drü oder vier mal zu tagen gsin by inen, dessgelichen so sy hie sind gsin, hab ich inen flyssiger dann kein Berner gsellschaft gleistet. Aber da ist nach niemants frag, niemants ist inen angenem, keinem wünschend sy dank, niemant hat inen guts tan und das ir erhalten dann der adel von Bern. Ja sy bekennend heiter, das sy im Zürichkrieg und wieder den keiser und die Oesterrycher nit hettend mögen bestan, wenn die reisigen und der abel von Bern nit were gsin, und sprechend heiter, sy hettend üwers fussvolks nüt bedörfen,dann, sy lüten darzu gnun gehept, aber reisigen volks und houptlüten werend sy notwendig gsin, in dem habind ir sy erhalten; rümendt wie sy inen die spyss (еда) erhalten, den fyenden verhalten, alle ding erkundiget, — grosse ding, die sy inen zugebendt, und uns ander all vertutzend».

Противнику Кистлера, хранителю казны Френкли, осталось только подтвердить это описание: союзники всегда рассказывали о минувших войнах и не могли вдосталь нахвалиться бернской конницей и руководством военачальников, без которых они нередко были бы посрамлены**.

СЛУЖБА В ИНОСТРАННЫХ АРМИЯХ

Ремесло наемников, которым горные жители занимались уже с древних времен, принимало все большие размеры по мере все большего культивирования среди них военного дела, и наконец сама правительственная власть взяла посредничество в свои руки***. В 1373 г. была заключена первая сделка такого рода с Висконти, правителем Милана, — подобие тех договоров, на основании которых немецкие князья и рыцари отдавали себя и свои войска на службу иностранного короля или какого-либо имперского города.

* По Türing «Frickharts Twingherrenstreit», изд. Studer, «Quellen z. Schweizer Geschichte», т. I (1877), стр. 137.

** Гл. I, стр. 145.

*** W. F. v. Mülinen, Geschichte der schweizer Söldner bis zur Errichtung der ersten stehenden Garde 1497, Берн 1887.

Я сомневаюсь в правильности сообщения Чуди (II, 197) о том, что Цюрих в 1430 г. выставил подкрепление Ульму против гусситов в 1 100 «хорошо вооруженных парней».

Однако, в 1388 г. 100 пик, т.е. очевидно рыцарей, и 1 000 вооруженных воинов из Берна помогли герцогу Савойскому в войне против епископа Зиттенского. В 1443 г. на его стороне против разбойничьих французских наемных банд — экоршеров — сражалось 338 конных и 981 пеших швейцарцев. В 1448/49 г. снова велись длительные переговоры о поставке бернцами герцогу наемников против Сфорцы. Они, однако, ни к чему не привели, так как герцог не имел денег. Его отец, папа Феликс V, предостерегал его: если он затем не сможет заплатить швейцарцам, то они, до сего времени его лучшие друзья, сделаются врагами.

В это же время, в 1449 г., немецкий союз городов, воевавший с Альбертом Ахилом, просил Люцерн о присылке ему отряда из «800 бравых, опытных, добро вооруженных парней, которым крепко пришлось уже у вас повоевать». Об этом швейцарском подкреплении мы сейчас и поговорим.

В 1453 г. Карл VII хотел для своей войны с Англией навербовать швейцарцев, но союзный совет отклонил его предложение, так как, мол, они не привыкли, чтобы их кнехты сражались за чужих. Однако, на французскую службу на собственный риск поступило так много швейцарцев, что в 1455 г. союзный совет обязал каждый населенный пункт запретить под страхом лишения жизни и имущества поездку во Францию. Тем не менее уже через год 3 000 бернцев пришло на помощь герцогу Савойскому против Дофина. До военных действий дело, однако, не дошло.

Во время борьбы Людовика XI с Карлом Смелым (Ligue du bien public 1465) швейцарский союз снова запретил службу в иностранных армиях. Неверно сообщение, будто швейцарцы принимали участие в сражении при Монлери. Лишь после этого сражения один отряд стал на сторону герцога Бургундского. Когда же солдаты вернулись домой, бернские советы предписали, чтобы каждый своевольный наемник уплатил из своего жалованья 3 гульдена на постройку церкви св. Винценца и был подвергнут заключению на 8 суток. Кто же не уплатит 3 гульдена, тот должен оставаться под арестом на воде и хлебе до тех пор, пока советы не сочтут необходимым освободить его.

Служба в качестве наемников, естественно, немало способстововала поднятию военного духа и обогащению военного опыта швейцарцев даже во времена внутреннего мира в Швейцарии, и наоборот, — имеются некоторые признаки того, что уже тогда они начали заносить особенности своего военного дела в другие страны. Рассказ Оливье де ля Марш об упомянутых выше швейцарских наемниках Карла Смелого*, без сомнения, является скорее свидетелством их ловкости и мужества, чем повествованием о специфических швейцарских чертах. «При перестрелке,— говорит он, — один пикинер, один арбалетчик и один воин с кулевриной шли всегда вместе и взаимно поддерживали друг друга, не боясь, таким образом, конных». Это восхваление Оливье нужно в первую очеред рассматривать как свидетельство того, как, собственно, мало полагались на отдельных арбалетчиков или стрелков из ружья при столкновении с конным воином. Подлинная своеобразность швейцарцев проявляется в приводимых ниже случаях.

СЛУЖБА У НЮРЕНБЕРЖЦЕВ

Вследствие уже упомянутого письма ульмцев к люцернцам нюренбержцы стали также вербовать против Альберта Ахилла (1450 г.) швейцарских кнехтов, принимая вместе с тем к себе на службу также немецких и богемских рыцарей.

* «Collect. Petitot, X», 245.

Вербовщику Гансу Мюллеру было, собственно, поручено набрать 600 человек; к нему же скоро стеклась тысяча. До нас дошел договор, который он с ними заключил. Месячное жалованье устанавливается в 5, задаток — в 2 рейнских гульдена, кроме того, они получают продовольствие и участвуют в добыче; раненные также получают жалованье и довольствие. Перед выступлением в поход кнехты должны принести присягу, что будут соблюдать ряд пунктов военного устава, причем они дают, между прочим, обещание в известной мере щадить страну и жителей ее и ладить друг с другом. Командиры имеют право за ссоры налагать штрафы, вообще же об их дисциплинарной власти ничего не сказано.

Поход начавшийся со стычки при Пилленрейте, заслуживал бы более тщательного разбора. Мы осведомлены о нем благодаря поэме Ганса Розенплюта в его «Nürnberger Rais» Lilienkron, Historische Volkslieder, т. I, стр. 428). Розенплют неоднократно упоминает о «швейцарцах с длинными копьями», но неясно, в каком взаимоотношении с другими находится этот отряд, составлявший со своими 800—1 000 воинами очень значительную часть армии. По Розенплюту маркграф сказал, нападая на нюренбуржцев: «Швейцарцев с длинными копьями, вот кого мы разъединим прежде всего». Это звучит так, как если бы они образовали тесно сомкнутую баталию.

Командир швейцарцев Генрих фон Мальтерс был назначен командиром всей нюренбергской пехоты; он делал ей смотр перед выступлением наряду с трабантами (наемниками) — также горожанами и крестьянами. Согласно рассказу об этом смотре он требовал, чтобы каждый имел хороший арбалет, самострел или алебарду и запрещал «klein bës Spies»*; это следует, пожалуй, понимать в том смысле, что он хотел или алебарду или длинные копья. Следовательно, он предполагал швейцарское вооружение навязать и природной нюренбергской пехоте. Кроме основного оружия, у каждого на боку должно было быть холодное короткое оружие — нож, меч или секира.

Однако, с этой пехотой Мальтерс не отправился налегке на равнину, он имел при себе и вагенбург.

Нюренбержцы выступили с 2 800 пехотинцами и 600 всадниками и на обратном пути подверглись нападению со стороны Альбрехта , когда собирались перейти Редниц у Гембаха. Началась длительная перестрелка, но ни та, ни другая сторона не получила решительного перевеса.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЗЕККЕНГЕЙМЕ
30 июня 1462 г.

У курфюрста Фридриха Пфальцского было 1 100 конных и 2 000 пеших кнехтов; с ними он напал врасплох у слияния Неккара и Рейна на маркграфа Баденского, графа Вюртембергского, епископов Меца и Шпейера, которые опустошили его область. С призывом местных крестьян он получил значительное превосходство сил. При первом столкновении конных сам курфюст пал, а его конники несколько подались назад. Пехота же, о которой прямо сообщается, что она была построена в каре и имела длинные копья (среди пехотинцев были швейцарские наемники), под командой Ганса Вальдмана из Цюриха стойко выдержала натиск неприятельских рыцарей**, и вмешательство других пфальцских рыцарей, которые до тех пор еще не вступали в бой, решило исход сражения.

На пфальцской стороне пало только 8 человек, на противной — 45.

---

* Короткое плохое копье.

** «И уже пфальцская конница готова была отступить, если бы пехотинцы, выйдя из засады, не стали длинными копьями поражать коней баденцев». Gbellinus cit. Roder, Die Schlacht bei Seckenheim (Villingen, 1877). Главный источник здесь — поэма Михаила Богейма.

Маркграф, граф Вюртембергский и епископ Меца попали в плен, маркграф и епископ, его брат, оба тяжело раненые.

Из-за того, что союзники стояли тылом к углу, месту слияния Рейна и Неккара, путь к бегству был почти отрезан.

ГЛАВА VII

БУРГУНДСКИЕ ВОЙНЫ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Невзирая на победы у Земпаха и Нефельса, союзники-швейцарцы отнюдь не перешли к завоевательской империалистической политике крупного масштаба подобно грекам после побед над персидским царем. Уже в 1389 г. они заключили с Габсбургами мирный договор сначала на 7 лет, затем (в 1304 г.) на 20 и, наконец (в 1412г.), на 50 лет, причем древний владетельный род временно совершенно отказывался от известных владений и прав, но все же удерживал в своей власти очень значительную часть современной Швейцарии. Если сопоставить этот мир с военными успехами союзников, то на минуту останавливаешься над вопросом, — так ли значительно было в действительности военное превосходство союзников, если, в конце концов, они довольствовались достаточно скромными результатами. Но при этом все же остается бесспорным, что новая военная сила действительно имела перевес над старым рыцарским ополчением*, ибо причину, по котрой новое войско не проявило себя более сильным политически, следует искать не в военном деле, а в политике. Форма свободного союза — 8 равноправных единиц (Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн, Цуг, Цюрих, Берн, Гларус) — была не приспособлена к большим завоеваниям. Только под руководством господствовавшего города — Афин — и благодаря этому руководству греки могли использовать победы при Саламине и Платее и окончательно прогнать персов из Греции, а затем и из малоазиатских городов; у швейцарцских союзников при завоевательной политике крупного масштаба очень скоро начались бы междоусобия, так как они вели не только общую, но и каждый кантон — свою собственную политику экспансии. Перед лицом опасности междоусобных раздоров, которые могли проистекать отсюда и неоднократно имели место, в вопросе о завоеваниях приходилось держаться узких рамок и действовать с большой осторожностью. Не прибегая к силе меча, многие кантоны — особенно городские — искали способа расширить свои владения мирными средствами: высчитано, что за время с 1358 г. по 1408 г. Цюрих затратил на современные деньги капитал в 2 миллиона франков для закупки и приема в залог земель соседних рыцарских и княжеских владений**.

Лишь когда младший сын Леопольда III герцог Фридрих оказался столь неосмотрителен, что с пустым карманом вступил в конфликт с Констанцским собором, был объявлен вне закона, изгнан и подвергся нападению со всех сторон, — тогда только швейцарцы снова взялись за оружие и овладели Аргау (1415 г.), а одним поколением позже (1460 г.) — Тургау, после чего перешли Рейн и повели наступление на австрийские владения в Южном Шварцвальде и Эльзасе.

Герцог австрийский Сигизмунд, не видя спасения от народа-завоевателя, все более и более расширявшего пределы своей страны, стал, наконец, искать помощи

* Правда, несколько раз, когда швейцарцы покидали свои горы, они также терпели поражения. Так, например, аппенцельцы в 1405 г. при Альтштеттене и в 1408 г. при Брегенце, урнцы в 1422 г. при Арбедо. Но это были лишь незначительные схватки. Об Арбедо см. Fr. Knorrek. Berl. Dissert., 1910.

** Dändliker, Gesch. d. Schweiz, стр. 609.

у герцогов Бургундских, которые в качестве боковой линии французского королевского дома объединили в своих руках большое число немецких и французских владений и являлись самой могущественной династией Средней Европы того времени. Сигизмунд заложил свои граничившие с Швейцарией владения в Эльзасе и Шварцвальде Карлу Смелому, считая его достаточно сильным, чтобы защищать их; более того: он надеялся, что отсюда проистекут конфликты, в которых могущественный бургундец победит швейцарцев и поможет австрийским Габсбургам вернуть себе свои прежние владения (1469 г.) Но результат этой дипломатии был совершенно иной. Карл Смелый был старым другом швейцарцев и отнюдь не склонен впутываться в ссору с ними. Его завоевательные планы были направлены в другую сторону — на Нижний Рейн и на Лотарингию, расположенную между его владениями — Нидерландами на севере и обеими Бургундиями на юге. Герцог Сигизмунд скоро понял, что последствием его дипломатии может быть только то, что ему придется все старые владения своего дома окончательно уступить Бургундскому дому за полученный им за них залог в 50 000 гульденов. Для того чтобы добиться получения своих земель , он решил перейти в другой лагерь: если бургундец не хочет ему помочь осилить швейцарцев, швейцарцы ему помогут осилить бургундца. Смертельный враг Карла Смелого, французский король Людовик XI, принял на себя посредничество в соглашении между австрийцем и союзниками-швейцарцами. Хотя до тех пор в продолжение 150 лет мир заключался на определенные сроки, т.е. по существу заключали просто перемирия, теперь (1474 г.) герцог Сигизмунд выразил готовность «окончательно и навсегда» отказаться от швейцарских земель, а швейцарцы, со своей стороны, за эту уступку обязались при известных условиях ставить ему наемников и помогать ему в случае нападения на него.

Из этого оборонительного соглашения союзники постепенно дали втянуть себя в общий наступательный союз, направленный против герцога Бургундского. Было много споров по вопросу о том, в чем собственно следует искать главную причину этой войны. Подобно тому как во время былых своих войн с Габсбургами, швейцарцы и по сей день склонны изображать дело таким образом, что если они и не подвергались нападению бургундцев, то во всяком случае то, что бургундцы обосновались в Эльзасе, создавало угрозу такого нападения. Об этом не может быть и речи. Если уже ко времени восстания первых лесных кантонов против Габсбургов в бой пошли вовсе не мирные пастухи и земледельцы, а люди, опытные в военном деле и хорошо владевшие оружием, то тем более теперь военная мощь союзников оценивалась соседями их так высоко и внушала всем им такой страх, а сами союзники были так полны сознания своей силы, что для швейцарцев совершенно исключается самая мысль об угрозе им со стороны Бургундии; никаких ссылок или упоминаний об этом ни в одном из различных имеющихся источников не встречается. Скорее вопрос может идти о том, по собственным ли политическим побуждениям, — именно по мотивам экспансии, захвата добычи, завоеваний, — швейцарцы начали и вели войну против Карла Смелого и в результате опрокинули герцога или просто как наемники чужеземного властителя, а именно короля французского.

Мнение, будто бы швейцарцы вели войну лишь как наемники, уже давно высказано в самой Швейцарии и, как я убедился в результате повторно предпринятых мной исследований, является, хотя и не вполне, но в основном правильным. Союзники, правда, были в известной мере заинтересованы в том, чтобы герцог Бургундский не обосновывался в Эльзасе и Шварцвальде, и считали себя вынужденными помочь городам «Нижнерейнского союза» — Страсбургу, Кольмару, Шлетштадту, Базелю — отразить от своих ворот грозившее им бургундское владычество, но заинтересованность эта была исчерпана заключением оборонительного союза, о котором шла речь выше; 7 восточных кантонов также отказались

идти, ибо завоевания в войне с Бургундией могли пойти на пользу только все расширявшему свои границы Берну.

Таким образом, политика союза натолкнулась на то же препятствие, о котором мы уже узнали: военная мощь, так же как и стремление к войне и завоеваниям, имеется здесь налицо, но не проявляется в действии из-за соперничества кантонов между собой. Лесные кантоны считали, что путь к славе и трофеям ведет через Сен-Готард в Италию. В Берне же господствовало мнение, что наступление следует направлять на запад, чтобы захватить Юру и Ваадт, которые принадлежали союзнице Бургундии — Савойе. Но завоевательные планы Берна никогда не увлекли бы другие кантоны, если бы им на помощь не пришло золото Людовика XI.

Государственные мужи, стоявшие у кормила правления в Берне, сами также служили по найму у французов; но между французскими деньгами и политическим образом мыслей Берна было настолько полное соответствие, что нельзя просто сказать, что Берн продался французскому королю. Что касается остальных 7 кантонов, то не подлежит никакому сомнению, что они просто подчинились руководству Берна и французским деньгам, когда обратили свое оружие против Бургундии.

Итак, что бы мы ни считали решающим моментом: завоевательные планы Берна, или принципиальную борьбу с возраставшим могуществом соседней Бургундии или, наконец, деньги Людовика XI, который купил как влиятельных политических деятелей лично, так и целые кантоны, — все равно речь здесь идет не об освободительной или даже оборонительной войне, а о предпринятой швейцарцами наступательной войне. Такого рода политический характер войны имел громадное влияние на ее стратегию и поэтому должен быть рассмотрен несколько подробнее.

Война протекала совершенно иначе, чем это представляли себе швейцарцы. В то время как при объявлении войны они прямо подчеркивали свою роль не как «главной» воюющей стороны, а только лишь союзников Германской империи, дома Габсбургов, «Нижнерейнского союза» и короля французского и предполагали вести безопасную и выгодную для себя второстепенную войну, им скоро пришлось узнать, что как император Фридрих III, так и король французский заключили мир с бургундским герцогом и последний, пылая жаждой мести, обратился против них же.

Война, возникшая таким образом, не только имеет исключительное значение в политической и военной истории, но представляет в то же время значительный интерес с точки зрения методологии истории и народной психологии. О ней наряду с современными ей источниками имеется написанная 2—3 поколениями позже запись реформатора Буллингера, которая воспроизводит народную традицию об этой войне. Я впервые опубликовал в моих «Персидских и Бургундских войнах» эту часть до сих пор не напечатанного исторического труда Буллингера не потому, чтобы в ней можно было почерпнуть какие-либо до сих пор неизвестные нам данные о ходе событий, но потому, что эти рассказы служат чрезвычайно поучительной параллелью к рассказам Геродота о персидских войнах: нигде нельзя установить столько внешнего сходства, чтобы явилось подозрение в подражании, но черта за чертой проявляется совершенно та же работа фантазии; здесь мы находим даже беседу изгнанного спартанского царя Демарата с персидским царем перед Фермопилами: Карл Смелый заставил одного пленного, швейцарского полковника Брандольфа фон Штейна, изложить ему образ действий швейцарцев, полковник своими объяснениями вызвал удивление и ужас герцога. По этим рассказам Буллингера можно и должно учиться, настолько критически следует подходить к народным преданиям в таком роде, как у Геродота.

ЛИТЕРАТУРА

Незадолго до того, как я в первый раз исследовал политические взаимоотношения швейцарцев и Карла Смелого в моих «Персидских и бургундских войнах» (1887 г.),появилось исследование Генриха Витте (Heinrich Witte), Zur Geschichte der Entstehung der Burgunderkriege (Программа Гагенау 1885), которое до меня дошло настолько поздно, что я не мог его использовать. Тот же ученый в «Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins»,т. 45, 47, 49 (1891, 1893, 1895) опубликовал ряд своих дальнейших исследований по этому вопросу, чрезвычайно ценных благодаря тщательному привлечению и сравнению как архивных, так и напечатанных источников. Но при всей акрибии (точности, тщательности — Пер.) исследования они не лишены некоторого пристрастия — положительного отношения к швейцарцам как к «германцам» и отрицательного к бургундцам как к «французам», и я поэтому не мог найти в них основания, чтобы видоизменить взгляды, изложенные мною в «Персидских и бургундских войнах». В программе, например, на стр. 8, сказано, что если Сигизмунд искренно желал мира с союзниками, он мог бы заключить его и помимо Бургундского союза; «как ни воинственны вообще были союзники, как ни побуждало их еще более к наступлению сознание своего численного превосходства в открытом поле и ненависть к рыцарям, все же они во всякое время готовы были бы к миру, если бы Сигизмунд сделал серьезные шаги к обузданию своего рыцарства и если бы он окончательно отказался от того, что фактически им уже было потеряно», — я считаю эту точку зрения неправильной: в союзниках была жажда завоеваний, которая хотя и удерживалась препятствиями внутреннего характера, но, в конце концов, все же прорвалась бы, даже если бы Габсбурги по-прежнему стремились сохранить мир.

Одним поколением позже завоевательным стремлениям швейцарцев пришел конец только благодаря переключению их воинственных стремлений в наемничество. Витте сам прибавляет в примечании: «Сигизмунд, может быть боялся честолюбивых планов Берна, но сражение при Вальдсгуте показало как раз, что союзники вовсе не так-то склонны поддерживать подобные планы. И, кроме того, Берн также не был настолько воинственным, как это принято думать».

Против этого можно возразить, что если бы Берн не был действительно в высшей степени воинственным и жадным к завоеваниям, то вообще не было бы политических оснований к разрыву с герцогом Бургундским 25 октября 1474 г., и пришлось бы без обиняков принять старое мнение, что эта война была просто не чем иным, как службой наемников у французского короля.

В своей статье в «Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins», т. 45,стр. 16, Витте думает, что мир между союзниками и Австрией мог бы осуществиться и без вмешательства короля Людовика. «Чем определеннее Карл рассчитывал на создание королевства Бургундского, тем более эта общая для них опасность, которую невозможно отрицать, все возраставшая и помимо вмешательства Гагенбаха, необходимо должна была свести Сигизмунда с союзниками». Правильно в этом тезисе то, что союзники не желали основания великодержавной Бургундии у своих границ, и что это было для них политическим мотивом, с целью заключить договор с габсбуржцами и обеспечить этим старым своим врагам помощь для возвращения им их заложенных верхнерейнских областей; но нельзя согласиться с утверждением, что королевство Бургундия представляло для союзников «опасность», которую нельзя не признать; наоборот, эта опасность скорее должна быть просто отвергнута. Даже правнук и наследник Карла Смелого, император Карл V, располагавший мощью совершенно иного масштаба, чем его прадед, не мог стать опасным для швейцарцев. Очень правильно говорит сам Витте (стр.74) по поводу депеши миланского посланника Черрати своему государю: «В Берне создалось преувеличенное представление о силе сопротивления своей и других членов союза; в своих горах они считают себя достаточно сильными, чтобы схватиться одновременно с Бургундией, Савойей и Миланом, и король Людовик знал, что он делает, когда навязал союзникам войну со своим бургундским противником».

Этому более или менее противоречит то, что Витте на стр. 72 говорит о «состоянии самозащиты», в котором, якобы, находились союзники по отношению к завоевательным стремлениям Бургундии, а на стр. 367 утверждает, что Берн, вероятно, оставил бы в покое владения фон Ромонта, если бы тот не стал нарушать интересов Берна. Я думаю, что наоборот: как бы ни действовал граф фон Ромонт, бернцы в условиях этой войны всегда нашли бы предлог занять хотя бы часть его владений, в крайнем случае хотя бы Муртен.

Настоящий корректив о фактической обстановке внесен был Фишером (Vischer) в экскурсе его к напечатанному под его редакцией дневнику Кнебеля в «Baseler Chroniken», т. III. стр. 369, где доказано, что посольство, отправленное герцогом Бургундским к союзникам, установившее дружеские взаимоот-

ношения (и на этот факт я ссылался еще в «Истории персидских и бургундских войн», стр. 175), объездило кантоны не в 1474 г., а раньше этого — еще в 1469 г. Из этого, однако, еще нельзя сделать выводов, касающихся общего политического положения, как это делает, например, Дэндликер (Dandliker) в своей «Истории Швейцарии», т. II, стр. 841 (3-е изд.); Берн еще в марте 1474 г. передал герцогу: «Городу Берну останутся незабвенными добрые отношения, бывшие некогда между ним и предками герцога — особливо отцом его, из коих и проистекает взаимное понимание, которое Берн хранит по наследству из поколения в поколение». Город намерен и сейчас относиться к каждому так, как подобает его чести и положению. (Witte, Zeitschr. f. d. Gesch. d. Oberrheins. новое изд., т. VI, стр. 23, прим.). Из приподнятого тона только что приведенных слов ясно видно, что Берн старается перейти от этих до сего момента его хороших отношений к враждебным.

С исключительным отсутствием предвзятости рассматривает события Дирауер (Dierauer) в своем труде «Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft» (т. II, 1892), вообще очень ценной книге.

Дэндликер «Истории Швейцарии» (т. II) подобно Витте старается выставить швейцарцев находящимися под угрозой, а войну эту — оборонительной. Он говорит (стр. 200) об «ужасном страхе» союзников и думает (стр. 201), что народ был преисполнен «страха пред яростным безрассудным герцогом». Все эти переживания в действительности были союзникам совершенно чужды и создают неверное представление о них. На стр. 841 он приводит то место из моих «Персидских и бургундских войн», где и я придаю французским деньгам второстепенное значение, но опускает моменты, с моей точки зрения, решающие: во-первых, противоречия между Берном и другими 7 кантонами и, во-вторых, то, что политические мотивы Берна были завоевательного, а не оборонительного характера. Для 7 восточных кантонов я придавал французким деньгам отнюдь не только второстепенное значение.

Руководящей , составленной на основании первоисточников работой по бургундским войнам остается, как и прежде, Эм. фон Родт (Em. v. Rodt, Die Feldzüge Karls des Kühnen, Herzogs von Burgung, und seiner Erben, mit besonderem Bezug auf die Teilnahme der Schweizer an denselben, 2 тома, Шаффгаузен, 1843; представляет ценность пространная биография американца Дж. Фостера Кирка, (J. Foster Kirk, History of Charles the Bold, duke of Burgundy, 3 тома,Лондон 1863—68). C. Toutey, Charles le Téméraire et la Ligue de Constance, Париж 1902, очень обстоятельное исследование, но ничего не дает для нашей цели.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГЕРИКУРЕ
13 ноября 1474 г.

Швейцарцы, эльзасцы и австрийцы тотчас после объявления войны, — в то время как герцог Карл со своими главными силами находился на Нижнем Рейне, — выступили с войском в 18 000 человек для осады Герикура. С севера шло на выручку бургундское войско; так как оно во всяком случае было гораздо слабее осаждавших (вряд ли там было 10 000 человек, о которых упоминают источники)*, то неизвестно, что они, в сущности, имели в виду, — может быть только попытку демонстрации. Союзники выступили им навстречу, и бургундцы, не завязав серьезной борьбы, обратились в бегство. А то, что конные бургундцы, якобы, изумились непривычной смелости, с какой так бесстрашно наступали на них простые кнехты**, — это без сомнения только воображение швейцарцев.

С точки зрения критики источников интересны указанные в них потери.

Золотурнские военачальники сообщили домой, что убитых врагов было 600 человек.

Бильские военачальники сообщили домой, что врагов убито «около 1 000 человек».

Бернцы сообщили французскому королю, что на поле сражения насчитано было 1 617 неприятельских трупов*** помимо множества погибших в одной

* Nicolaus Rusch, городской летописец г. Базеля, указывает даже, что бургундцев было 10 000 конных и 8 000 пехоты. «Basler Chroniken» (1887), т. III, стр. 304.

** Rodt, I, 304.

*** Согласно примечанию в Шиллинге (I, стр. 163) Тоблерса золотурнцы сообщили себе на родину о 1 635 трупах.

деревне во время пожара, так что враг сам, якобы, оценивает свои потери приблизительно в 3 000 человек.

Другой официальный источник сообщает о 2 000 мертвых.

Бернский летописец Шиллинг — о 2 000 павших на поле боя и 1 000 сгоревших.

В первую минуту 1 617 неприятельских трупов, которые насчитали бернцы, кроме сгоревших, пожалуй, покажутся достоверной цифрой, и новейшие исследователи пытались согласовать с этим подсчетом данные того сообщения, которое было отправлено золотурнцами домой в следующую же ночь после боя, предполагая, что победа на другой день оказалась более крупной, чем это представлялось накануне. С подобными фактами мы сталкиваемся достаточно часто, но здесь это не соответствует ни ходу сражения, ни собственным потерям союзников.

Базельский городской хронист Николай Рюш* и бернский хронист Дибольд Шиллинг утверждают, что у союзников будто бы не было ни одного убитого, а лишь несколько раненых, которые затем выздоровели. По другим сообщениям,** убитых было трое; бильские военачальники сообщали домой лишь о двух убитых. Родт*** из какого-то источника, им не называемого, приводит цифру — 70 человек убитых.

Даже при потере в 70 человек у швейцарцев трудно допустить возможность потерь в 2 000 человек и более на другой стороне, так как бургундцы не подвергались атаке ни с фланга, ни с тыла и во время бегства не встретили никаких препятствий; тем не менее это можно допустить потому, что тут же рядом приводятся ложные сведения о собственных потерях швейцарцев. Но если считать верным сообщение, что у союзников вовсе не было потерь или самое большее 2—3 человека убитых, то потери бургундцев, исчисляемые тысячами окажутся совершенно невероятными.

Следовательно, цифру в 1 617 убитых бургундцев, представляющуюся результатом тщательного подсчета, нельзя рассматривать как достоверную.

Из числа пленных 18 наемников-ломбардцев по обвинению в святотатстве и иных преступлениях, совершенных ими при нападении на Эльзас, были подвергнуты пыткам и сожжены живыми. Но на будущее время постановлением союзного совета было установлено, — как и раньше вообще уже было принято у союзников, — не брать пленных, но убивать всех немедленно.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРАНСОНЕ

2 марта 1476 г.

Прошло целых полтора года, пока Карл, занятый в Лотарингии и на Нижнем Рейне, смог подойти к границе Швейцарии для защиты своих владений. Швейцарцы тем временем совершали поход за походом и опустошали соседнюю Бургундию и Ваадт. Жители Штеффис, тихого местечка на Нейенбургском озере, осмелившиеся оказать сопротивление, были вырезаны все до одного. Гарнизон замка, который позже подвергся нападению, был сброшен с башни в пропасть; даже тех мужчин, которых впоследствии находили в каком-нибудь потайном месте, связывали вместе одной веревкой и топили в озере. Затем явились фрейбургцы со 100 возами, чтобы увезти сукно, которое изготовлялось в этом городке и составляло его богатство. Уцелевшим женщинам и детям ничего из имущества не было оставлено. Даже сами грабители почувствовали некоторое сострадание при виде столь ужасного горя, и большой совет Берна обратился к

* «Basler Chroniken». т. III. стр. 305.

** Witte, Zeitschrift f. Gesch. d. Obberh., т. 75,стр. 394.

*** См. т. I, стр. 326. Dierauer, т. I, стр. 197, также признает число 70.

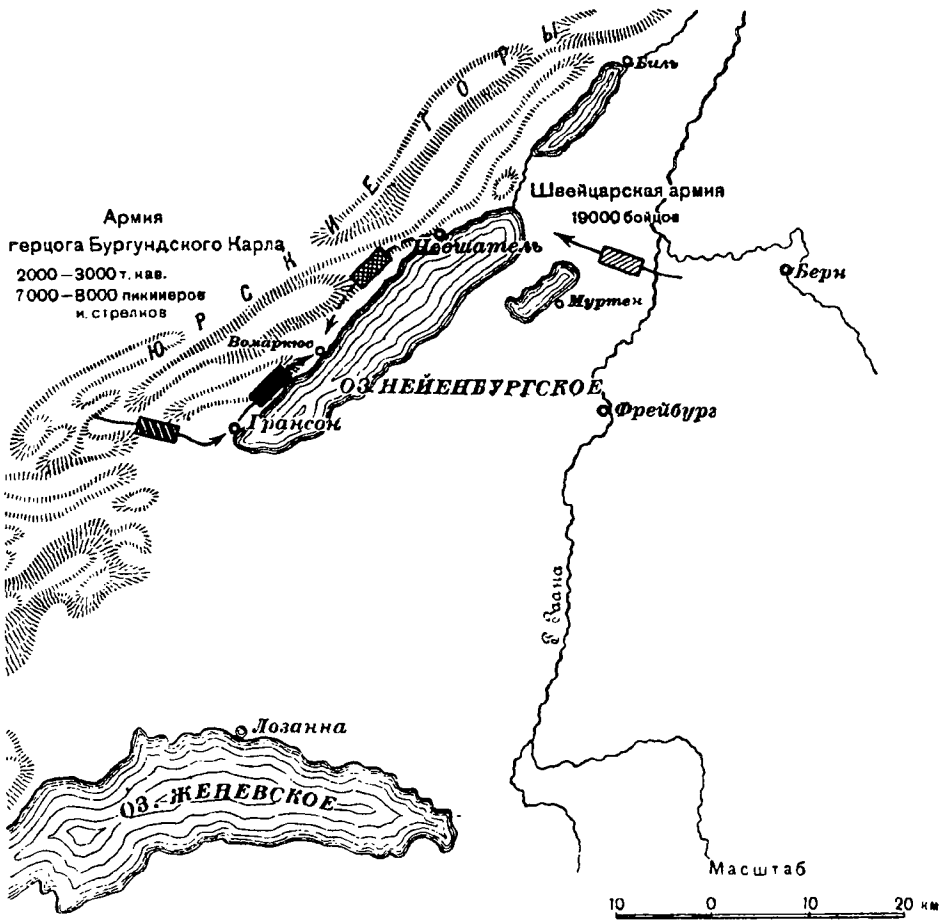


Схема 48. Сражение при Грансоне 2 марта 1476 г. Движение к полю сражения.

своим военачальникам с мягким увещеванием по поводу их «бесчеловечных жестокостей»*.

Бернцы использовали предпринятые совместно с фрейбургцами грабительские походы для того, чтобы со своей стороны, захватить укрепленные пункты, главным образом на Юрских перевалах. Но когда затем появился герцог с мощной армией, замки были снова оставлены, так как выяснилось, что восточные кантоны по-прежнему не были склонны сражаться ради завоевательных планов Берна. Дальше всего выдвинутым постом, который бернцы решились отстаивать, был Грансон. Бернцы поместили там гарнизон в 500 человек, рассчитывая, что они смогут удержаться и что, если положение их станет более серьезным, прочие союзники, в конце концов, не откажутся выступить им на выручку.

Относительно этого похода мы хорошо осведомлены не только благодаря подробным повествованиям швейцарских и бургундских хроник, но главным образом благодаря подробным отчетам, которые в два дня раз посылал своему

* Witte, Zeitschr. f. Gescht. d. Oberrh., т. 49 (1895), стр. 217.

господину Панигарола, состоявший при Карле посланником герцога Миланского; отчеты эти напечатаны*.

Самый близкий путь, по которому герцог Бургундский мог проникнуть в Швейцарию, пролегал пожалуй через Юру, — например, на Невшатель или Биль. Карл, однако, избрал новый путь. Целью, которую он себе ставил, было прежде всего не вторжение в швейцарскую область, а освобождение Ваадта — части Савойи, захваченной швейцарцами. Таким образом, Карл направился сюда и сделал Ваадт своей операционной базой, так что позже, во время войны, его фронт обращен был к северо-востоку.

Первым стратегическим объектом, который наметил себе герцог, был Грансон. Этот пункт расположен в стороне от дороги, которая прямо привела бы его к главному его врагу — г. Берну. Но именно поэтому, видимо, Карл избрал такой маневр: его соображения были, очевидно, параллельны соображениям бернского Большого Совета, но шли в противоположном направлении. Он знал, что отнюдь не все кантоны согласны с политикой Берна. Но если бы он прямо двинулся на Берн, то следовало ожидать, что, несмотря на все разногласия, союзники не оставили бы Берн без поддержки. Однако, так как Карл напал на Грансон, кантоны прежде всего были поставлены перед вопросом, есть ли у них повод поддерживать Берн в отстаивании этого его завоевания. Возможно было, что при таком настроении они не стали бы действовать изо всех сил, оказали бы незначительную поддержку или, быть может, даже вовсе не оказали бы ее. Таким образом, безразлично, решился ли бы Берн самостоятельно или с помощью своих ближайших союзников дать бой за освобождение Грансона, или же предоставил бы гарнизон крепости своей собственной судьбе, — шансы Карла как раз для этого предприятия в том и другом случае были особенно благоприятны.

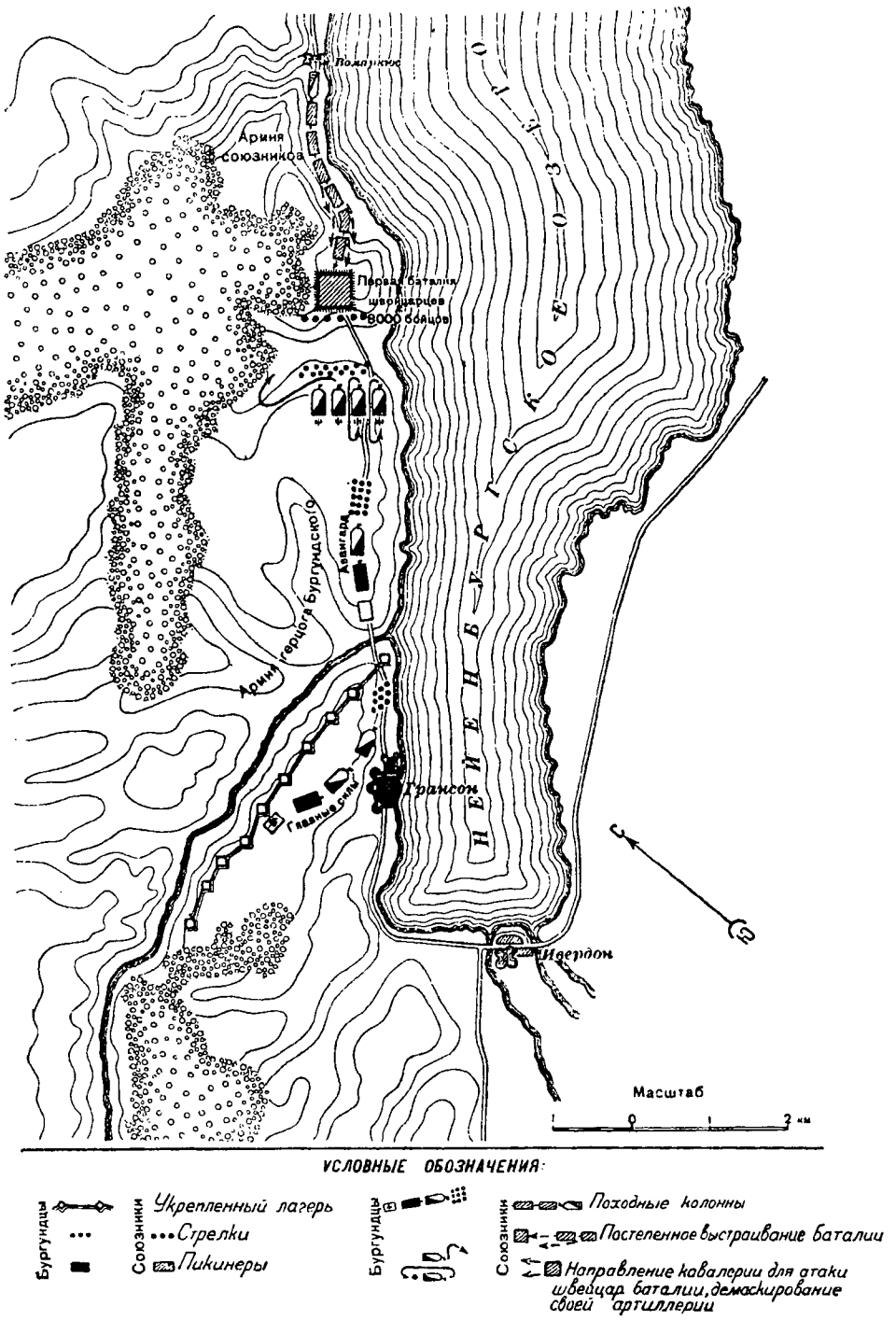
Все произошло так, как рассчитывал герцог. Никакие сведения о бургундском наступлении, никакие посольства Берна со слезными мольбами о помощи не заставили восточные кантоны немедленно приступить к действиям. Только спустя более чем 3 недели после того как бургундцы начали переход через горы, союзная армия пришла, хотя и не вполне, в боевую готовность. Между тем гарнизон Грансона вынужден был сдаться на милость победителя: разъяренный герцог приговорил его к заслуженному наказанию за совершенные злодеяния — к казни.

Несомненно, всего безопаснее для Карла было бы ожидать наступления швейцарцев в хорошо укрепленном, защищенном артиллерией лагере на равнине под Грансоном. Его войско насчитывало приблизительно 14 000 человек: 2 000—3 000 тяжелой конницы, 7 000—8 000 стрелков, остальные — пешие пикинеры.

Хотя швейцарцы, насчитывавшие до 19 000 человек, имели перевес в несколько тысяч, но все же было сомнительно, осмелятся ли они напасть на лагерь, и Карл поэтому решил выступить им навстречу. Со своими профессиональными воинами, со своей артиллерией он считал свою победу над народным ополчением обеспеченной. Дорога шла вдоль Нейенбургского озера; на некотором промежутке подступавшие к озеру горы обращали ее в ущелье. Для того чтобы обеспечить себе проход через него, Карл прежде всего лежавший у противоположного (северного) его выхода замок Вомаркюс и поставил в нем гарнизон (1 марта)**.

* F. de Gingins-La-Sarra, Dépêches des ambassadeurs Milanais sur les campagnes de Charles le Hardi, de 1474 à 1477. Paris 1858.

** Оливье де ля Марш, который в качестве приближенного герцога мог хорошо знать все его намерения, в своих мемуарах (в которых он, к сожалению, об этой войне дает очень скудные сведения) свидетельствует, что гарнизон Вомаркюса должен был служить только приманкой, чтобы вызвать швейцарцев на наступление. Нельзя сказать, чтобы этот мотив был вполне понятен, так как герцог по ту сторону ущелья не мог больше рассчитывать найти такое выгодное поле сражения, какое представляла для него укрепленная позиция под Грансоном, и что для него легче, чем для швейцарцев, было в продолжении нескольких недель сохранить боевую готовность своего войска и выжидать. Нетерпение и недооценка сил противника, многими источниками приписываемые герцогу, как главные свойства его характера, в данном случае подтверждаются фактами.



С х е м а 49. Сражение при Грансоне. Завязка боя.

Эта операция определила и дальнейший образ действий швейцарцев. До этого они действительно не решались нападать на укрепленный лагерь бургундцев, теперь же они приняли решение немедленно наступить на Вомаркюс. Можно было быть уверенным, что Карл поспешит ему на выручку, и, таким образом, представится возможность сразиться на неподготовленных, т.е. на не обеспеченных артиллерией позициях.

Утром 2 марта оба войска выступили навстречу друг другу: швейцарцы — по направлению к северному выходу из ущелья, на Вомаркюс, бургундцы — к южному выходу. Карл намерен был продвинуть свое войско только до этого места, приблизительно на расстояние одной мили от Грансона. Таким образом, обоих противников разделял бы еще горный хребет шириною приблизительно в полмили. Но тут неожиданно для обеих сторон разыгралось сражение.

Часть швейцарцев, — преимущественно швицы, бернцы и фрейбургцы, — вступила в бой с бургундским постом, расположенным на дороге через хребет. Разгоревшийся бой привлекает на эту дорогу один отряд за другим, а когда они, преследуя противника, переходят на другой склон хребта, то замечают перед собой в долине все его войско. Авангард уже прибыл и приступил к разбивке лагеря; главные же силы еще были на походе.

Герцог сам прибывает с авангардом и принимает бой с выходящими из ущелья швейцарцами, выдвигая против них, в первую голову, своих стрелков.

Создавшаяся обстановка с абстрактной точки зрения была как нельзя более благоприятной для бургундского войска. Оба войска еще только подходили, но бургундцы шли по долине, швейцарцы — по затруднявшему передвижение дефиле. Следует поэтому предполагать, что бургундское войско могло быть собрано и выстроено раньше, чем швейцарское, далее, оно могло атаковать еще развертывавшихся швейцарцев, и если бы ему удалось опрокинуть их, то, теснясь у входа в дефиле и образуя здесь затор, швейцарцы должны были понести тяжелые потери.

Своеобразные состав и тактика того и другого войска сделали неосуществимым для бургундцев этот, сам по себе естественный, маневр. Дорога, по которой наступали швейцарцы, представляла собой не непосредственный переход из лесистых гор в долину, а отлогий спуск по усаженным виноградом холмам. В такой местности Карл почти совсем не мог пустить в ход ни одного из тех двух родов войск, на которые он по преимуществу возлагал надежды, — рыцарство и артиллерию. Пусти он одно только великое множество своих стрелков в наступление, они бы, возможно, и заставили швейцарцев повернуть назад в ущелье, но настоящего поражения стрелки, не смевшие подойти к врагу вплотную, а тем более вступить с ним в рукопашный бой, нанести не могли бы.

Поэтому Карл принял решение — развернуть свое войско в долине и там встретить атаку швейцарцев. Можно думать, что этим самым он отказался от главного преимущества, которое предоставляла ему обстановка, а именно — возможности завязать сражение до прибытия основных сил противника. Но даже это удалось ему. Он послал в бой несколько отрядов стрелков, которые, численно превосходя швейцарских стрелков, вероятно, создавали большие затруднения для формировавшейся на холмах четырехугольной баталии швейцарцев. Эта последняя, охватывавшая менее чем половину швейцарского войска — приблизительно 8 000 человек, — таким образом, вынуждена была перейти в наступление, не дождавшись подхода остальных частей.

Ее сопровождала немногочисленная конница* и несколько орудий, подвезенных бернцами. Едва ли можно представить себе обстановку, более благоприятную для бургундского войска, если бы только оно успело полностью развернуться. Но

* Главным образом, из базельцев, численность которых указывается в 60 человек. Однако, наличие среди них и предводителя австрийских рыцарей, Германа фон Эптингера (письмо Мельтингера у Кнебеля), доказывает, что в этом сражении, по крайней мере частично, участвовали и эти австрийцы.

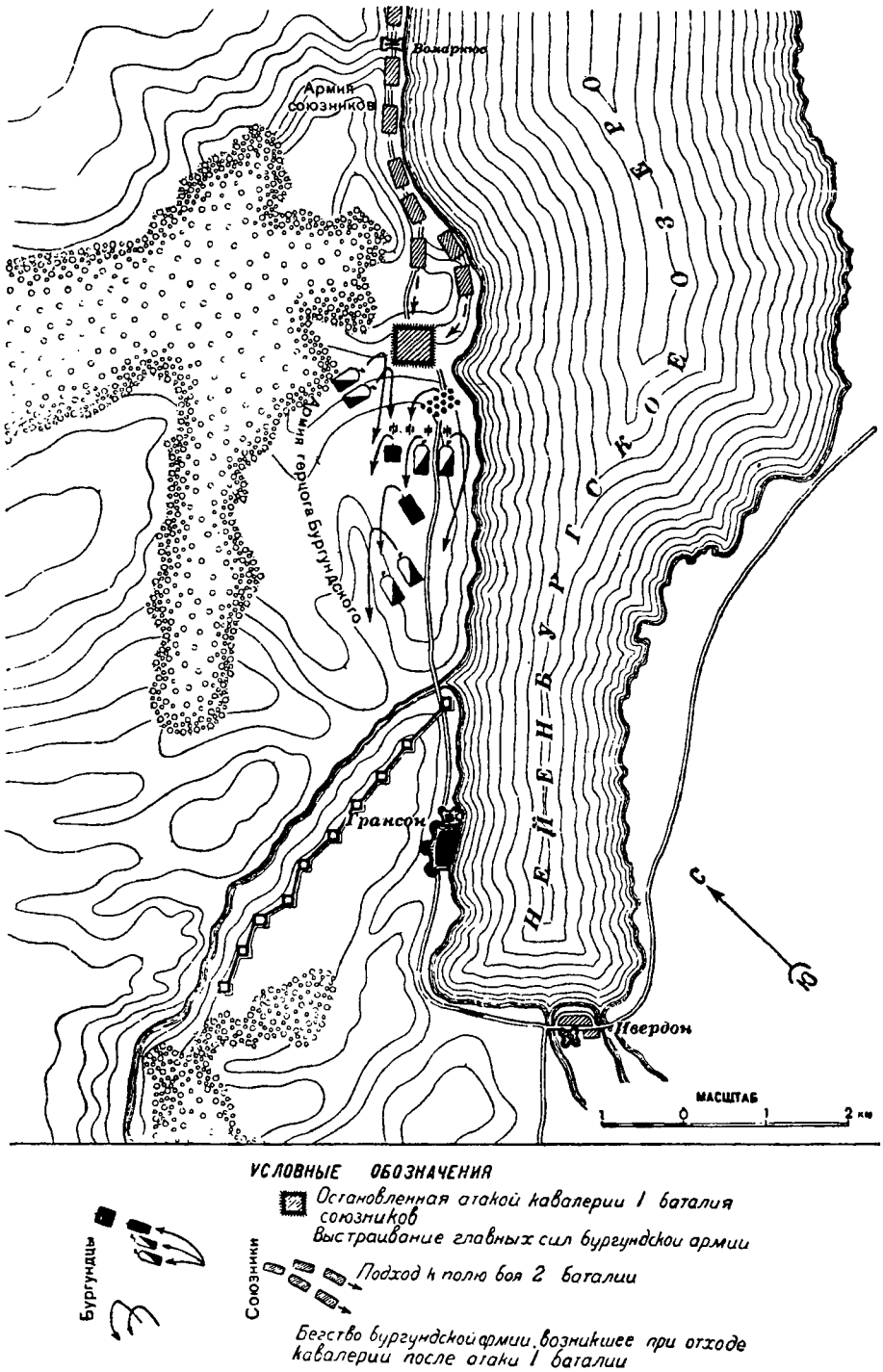


Схема 50. Сражение при Грансоне. Атака бургундских жандармов и бегство бургундской армии.

этого еще не случилось. Можно предположить, что к моменту наступления швейцарцев бургундская армия была уже полностью в сборе, но частично, несколько позади перестраивалась из походного порядка в боевой. Возможно, что швейцарцы дали увлечь себя в обособленную атаку именно в расчете на то, что и бургундцы еще не вполне готовы.

Как бы то ни было, но герцог по-прежнему был убежден, что все преимущества на его стороне. Если бы швейцарская баталия спустилась в долину, то он смог бы атаковать ее со своими жандармами с фланга, а с фронта — подвергнуть ее обстрелу артиллерии и стрелков. Немногочисленным швейцарским отрядам конницы и стрелков, сопровождавшим баталию, не под силу было бы защитить ее от фланговых и, возможно, даже тыловых атак; чтобы защищаться от них, она должна была бы остановиться и, в конце концов, была бы сломлена атаками со всех сторон.

Карл поэтому приказал нескольким отрядам своих жандармов предпринять фланговую атаку со стороны гор, другим — отойти с фронта, чтобы демаскировать артиллерию. Снаряды попадали в швейцарскую баталию. Атака жандармов проведена была блестяще: легкая пехота союза укрылась в глубину баталии; жандармы подступили на расстояние удара копья, но не были в состоянии проникнуть в глубь сплоченных отрядов, которые выставили им навстречу свои длинные копья. Рыцарь Шатогюйон при попытке ворваться в их ряды верхом был заколот, остальные повернули назад. Атака была отбита; бургундцы должны были отступить перед лесом пик сплоченной баталии швейцарцев.

Это предрешило исход дня. Среди находившихся еще позади и, вероятно, еще только строившихся отрядов бургундцев, а также в обозе, началась паника, которая распространялась все дальше и дальше. С криком «sauve qui peut» («спасайся кто может») одна часть за другой обращалась в бегство. Панигарола объясняет эту панику тем, что части, стоявшие позади, сочли за бегство передвижение, имевшее целью открыть свободное поле действия для артиллерии. Швейцарцы же решили, что на бургундцев нагнало такой страх прибытие остальных союзников, которые двигались непрерывным потоком из обоих проходов (по горе и по берегу озера). Возможно, что имело значение и то и другое, а кроме того неудача атаки жандармов под командой Шатогюйона*. Во всяком случае до всеобщего сражения не дошло. Главную силу бургундского войска составляли стрелки, которые не могли допустить дело до рукопашной схватки с пикинерами и алебардщиками, к тому же им недоставало сплоченности тактического организма, которая не дает отдельным воинам поддаться общей панике. Бургундское войско ринулось в бегство; напрасно Карл старался удержать своих воинов и кое-где пытался продолжать еще бой. Швейцарцы преследовали бежавших; но так как прибыли к месту боя еще только немногие из конных воинов, и эти последние не решались двинуться вперед, оторвавшись от главной массы войска, то они не могли уже больше причинить никакого ущерба бургундцам.

Урон, исчисленный в некотрых источниках в 1 000 человек, во всяком случае преувеличен; Панигарола утверждает, что пали лишь немногие, — и это в большей степени соответствует характеру данного сражения, — а нальник сен-галленцев, барон Петер фон Хевен, на следующий день после сражения доносил своему аббату, что на поле битвы осталось только 200 бургундцев**.

На стороне швейцарцев было довольно значительное число убитых и раненых бургундскими стрелами и снарядами; их было немало и среди контингентов, находившихся не в авангарде, а в баталии главных сил; так, например, люцернцы имели 52 раненых, получивших свои раны, вероятно, большей частью во время

* Это подчеркивает бургундский придворный историограф Молинэ.

** Приведено в «St. Gallens Anteil an den Burgunderkriegen», издано «Historisches Verein in St. Gallen», 1876.

преследования от стрел бежавших. К авангарду, будто бы примкнуло также известное число отдельных воинов остальных контигентов, а возможно, что некоторые из них были ранены и в самом сражении*.

Dierauer, т. II, стр. 207, подверг сомнению мой подсчет численности бургундского войска в 13 000—14 000 человек, так как к тем 11 000, которые привел Карл (не считая 400 копий, высланных вперед), по его мнению, следует еще прибавить савойские и миланские подкрепления. Но весьма сомнительно, получил ли Карл в действительности подкрепления из Милана и участвовали ли савойцы в сражении под Грансоном, тогда как, напротив, вполне возможно, что отдельные части армии Карла уже ранее были им отделены от нее и куда-либо отряжены (ср. «Персидские и бургундские войны», стр. 150).

Feldmann, Die Schlacht bei Granson (Freienfeld, 1902), пытается доказать, что численность бургундской армии была выше предполагаемой мною, так как я не включил в нее артиллерийских команд; «жандармов» и савойцев. Но артиллерийские команды состояли главным образом из некомбаттантов: наличие не принятой мною в расчет «жандармерии» не доказано, а о савойцах мы уже говорили выше.

Фельдман придает также значение возгласу Карла: «20 000 человек удрали» и полагает, что Карл ведь не мог желать представить победу швейцарцев еще более крупной, чем она была в действительности. Против этого я возражаю: ясно, что приведенный в ярость трусостью своего войска Карл преувеличил цифры не в его пользу.

В депеше от 31 декабря 1475 г. Панигарола сообщает, что по утверждениям герцога у него имеется уже 2 300 копий и 10 000 лучников. Я принял («Персидские и бургундские войны», стр. 149), что 10 000 лучников входили в то же время в состав копий. Фельдман отвергает такое толкование, и, быть может, в этом он прав: герцог действительно хотел сказать: 2 300 копий (13 800 человек) и 10 000 стрелков. Но это все же не дает нам никаких данных для исчисления сил под Грансоном. В этом решающее значение имеет сообщение Панигаролы от 16 января, из которого вытекает, что герцог в том более раннем своем указании допустил крупные преувеличения.

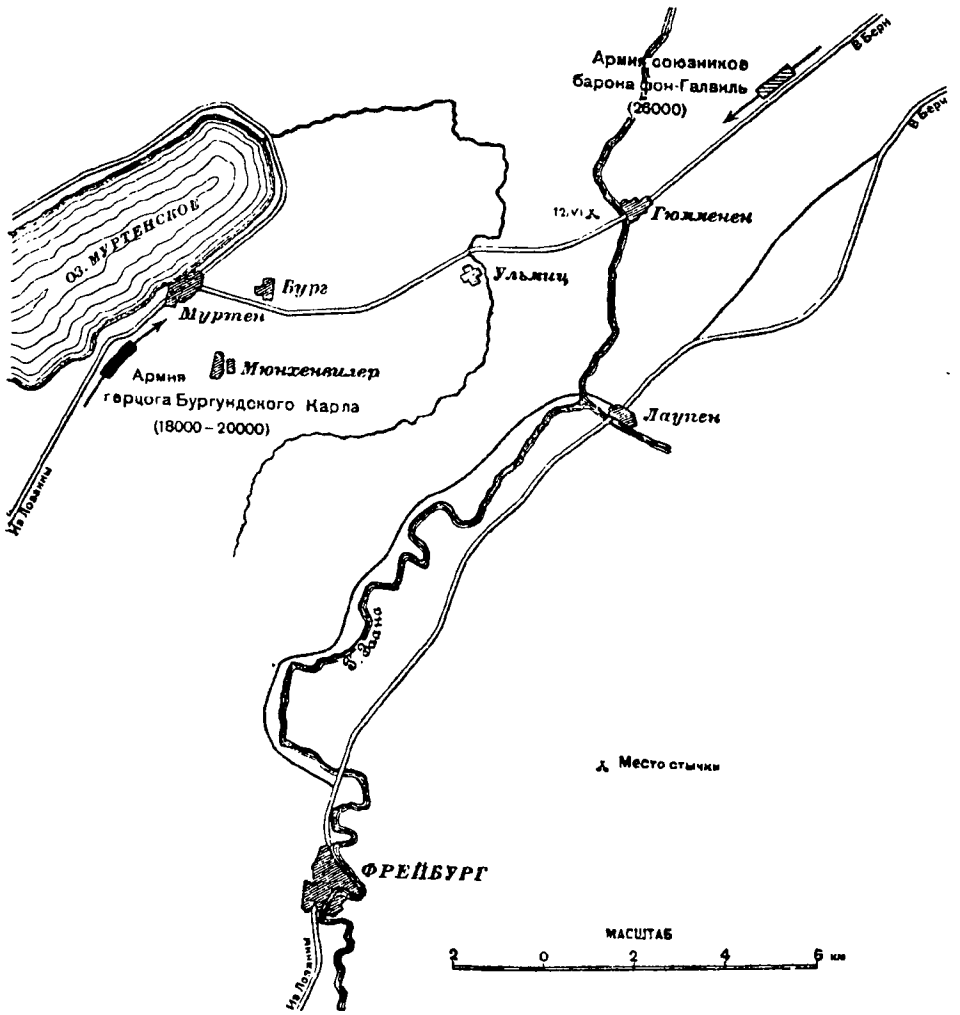
СРАЖЕНИЕ ПРИ МУРТЕНЕ
22 июня 1476 г.

Как ни настаивали бернцы, но швейцарцы не использовали плоды своей победы, чтобы перейти к широким наступательным действиям; они не использовали ее даже далеко за пределами лагеря под Грансоном, а, захватив добычу, тотчас же разошлись с нею по своим родным кантонам**.

* В протоколе союзного совета от 15 мая («Eidg. Abschr.», т. II, стр. 593) приводятся только 50 человек убитых («by fünfzig Mann tote»). Но в том же протоколе утверждается, что найдено было 1 500—1 600 убитых бургундцев и что у Карла было 60 000 одних только добрых рыцарей и еще большее число прочих войск. Таким образом, этот протокол заслуживает не слишком большого доверия. Швицы имели 70 раненых и 7 убитых (по Кнебелю они потеряли в целом 80 человек). Общее число раненых на основании счетов издержек на лечение исчисляется приблизительно в 700 человек, — таким образом, убитых было, вероятно, 50—70 человек.

Bernoulli, Baseler Neujahrsblatt, 1899, стр. 23 и Feldmann, Schlacht bei Granson, стр. 56, исчисляют потери всего в 50 убитых и 300—400 раненых.

** Дэндликер в своей «Истории Швейцарии» (Dändliker, Geschichte der Schweiz, т. II, стр. 224) объясняет это неиспользование швейцарцами своей победы под Грансоном исключительно военным недомыслием союзников. Он пишет: «В торжестве по поводу своего исключительного успеха под Грансоном союзники в первое время совершенно перестали обращать внимание на бургундцев; они считали свою задачу выполненной. Когда Берн, не предаваясь такому самообману и беспечности и считая положение вещей все еще серьезным, стал настаивать на продолжении войны, то большинство союзников решило разойтись по домам». Неужели люди с таким военным опытом, как цюрихцы со своим бургомистром Вальдманом и другие союзники, действительно не в состоянии были понять, когда Берн старался убедить их в том, что преследованием разбитой армии противника они бы вернее всего обеспечили себя от нового его нападения? Мы видим к чему, в конце концов, может привести ошибочная основная гипотеза. Дэндликер не желает признать, что в этой войне наступающей стороной были швейцарцы, но пытается объяснить ее (войну) требованиями известного рода самообороны: они-де считали, что им грозит нападение со стороны бургундского герцога. Если бы и помимо того из достоверных источников не было ясно видно, как бесконечно далеки были швейцарцы от мысли считать себя под угрозой бургундского могущества, то это доказано было бы их поведением после победы под Грансоном.



С х е м а 51. Сражение при Муртене 22 июня 1476 г.

Благодаря этому Карл имел возможность реорганизовать свою армию в Ваадте, в 11 милях от Берна. Его штаб-квартирой была Лозанна. За два месяца он закончил здесь все свои приготовления, собрал армию, значительно более сильную, чем под Грансоном, — приблизительно в 18 000—20 000 человек, — и снова начал поход*.

Бернцы на этот раз не решились удержать столь далеко выдвинутые посты, как Грансон. Единственный пункт в Савойской области, который они еще сохранили, был Муртен, в 3 милях от Берна, заграждавший более северную из двух дорог, ведших из Лозанны в Берн, как Фрейбург заграждал южную. Карл

* Мой подсчет бургундских сил при Муртене (максимум 20 000 человек) неоднократно подвергался критике швейцарских авторов, но без противопоставления ему чего-нибудь существенного. Дирауэр (Dierauer, стр. 211) доходит до цифры в 23 000—25 000 человек на том основании, что в последние дни перед сражением, якобы, подошли подкрепления; это, однако, не доказано. В моих исчислениях исправлению подлежат только примечания в «Персидских и бургундских войнах», стр. 153, где, по последнему критическому изданию Номина Мандро, т. I, стр. 363, число «18 000» все же означает «18 000 убитых», т.е.в общей сложности — всех убитых, между тем как «prenant gages», т.е. воинов, по Номину убито было 8 000.

прежде всего должен был атаковать один из этих двух пунктов. Направиться, минуя их, прямо на Берн не представляло никакого расчета. Бернцы одни вряд ли приняли бы сражение в открытом поле; герцогу пришлось бы осаждать город, и при этом он подвергся бы здесь такой же атаке армии, пришедшей на выручку города, какую он мог ожидать под Муртеном и Фрейбургом, но в неизмеримо худших для себя условиях. В силу этого он вынужден был двинуться прежде всего на один из этих двух городов. Предвидя это, Бернский совет усилил фрейбургское ополчение «подкреплением» в 1 000 человек, а расположенный на неприятельской территории г. Муртен, отношение которого к обеим сторонам было под сомнением, он снабдил гарнизоном в 1 580 человек, под начальством особо испытанного воина, Адриана фон Бубенберга.

Герцог Бургундский решил обратить свои силы против этого последнего пункта. Какие бы специфически военные соображения ни повлияли на его решение — то ли более удобная линия отступления, то ли топографические условия, — но решающими здесь были те же причины, которые побудили его первый свой поход направить на Грансон. Отрицательное отношение к этой войне восточных кантонов после Грансона оставалось таким же, каким было до него*. Поэтому они, невзирая на все убеждения Берна и несмотря на очевидность военных преимуществ, которые они могли бы приобрести, немедленно после победы разошлись по домам и дали бургундцам возможность устроить свое место сбора в непосредственной близости от них. Они даже отказались защищать Муртен и хотели ограничиться защитой территории, действительно принадлежавшей Швейцарскому союзу. Нападение на Фрейбург заставило бы их немедленно поголовно взяться за оружие, — с Муртеном же легко могла повториться та игра, какая имела место весною под Грансоном.

Каковы были дальнейшие намерения герцога на тот случай, если бы ему удалось взять Муртен до прибытия шедшей на помощь этому городу швейцарской армии, — сказать трудно. Хотя он говорил Панигароле, что в этом случае он направится прямо на Берн, но точно также можно допустить, что он стал бы выжидать нападения швейцарцев на укрепленной позиции. Взяв в плен полуторатысячный гарнизон Муртена и держа его в своих руках в качестве заложников, он, вероятно, располагал бы достаточным средством для достижения своих целей; а если бы он, как при осаде Грансона, велел казнить их, ему не пришлось бы идти до Берна, чтобы встретиться с швейцарцами в желанном для него бою в открытом поле.

Итак, натупление Карла на Муртен было им хорошо обдумано. 9 июня он начал осаду и одновременно возвел укрепления против армии, могущей напасть на него с целью деблокады города. Он не обнес свой лагерь этими укреплениями в непосредственной близости от города, так как здесь господствующее положение над укреплениями занимала бы окружавшая их более высокая местность, а выдвинул их на ближайшие высоты в $1^1/_2$—2 км от города, перед которыми вновь расстилалась широкая равнина, Вильское поле, к востоку от Мюнхенвилера и Бурга. Она представляла собой великолепное поле сражения в том отношении, чтобы еще издалека взять наступающего противника под обстрел, затем встретить его ядрами, дротиками и стрелами стрелков и, наконец, сделав вылазку с рыцарями и пехотой, перейти в атаку**.

---

* Панигарола, от 10 июня; см. Gingins, II стр. 242.

** Панигарола, 13 июня; Gingins, т. II, стр.258.

Указания Панигаролы о том, что Карл укрепил свой лагерь, подтверждаются и иллюстрируются картинами из хроники Шиллинга (одна из них воспроизведена в «Сборнике документов» Оксенбейна) и в трактате полк. Мейстера, а также боевой песней Поллера (напечатано у Оксенбейна, стр. 494). Эта песня гласит:

Darumb verletzet er das her,
von dem se uf nach siner beger,

В другом месте, вероятно при Монтелье, он запрудил ручей, чтобы заградить подступы. Укрепление состояло, — как говорят швейцарские хронисты, — из «живой изгороди», частью из плетня, частью из частокола, за который на возвышениях установлены были орудия. Для вылазок в этой изгороди оставлены были бреши. Мы не имеем документальных данных относительно того, на каком протяжении лагерь был обнесен ею с восточной стороны, но, во всяком случае, настолько, что открытой могла остаться только южная сторона, а возможно, что лагерь обнесен был изгородью по всей своей окружности. Возможно ограда примыкала к лесу на юге от Мюнхенвилера, который сделан был непроходимым благодаря заске. Нельзя было ожидать, чтобы швейцарцы, чей естественный сборный пункт находился на северо-востоке, могли сделать более далекий обход.

Ввиду укрепленности своей позиции герцог был убежден, что швейцарцы вообще не решатся подступить, и, значит, от него одного будет зависеть довести ли дело до сражения или нет, т.е. выступит ли он из своего укрепленного лагеря или останется там*.

Подвоз для своего укрепленного лагеря он обеспечил при помощи этапных отрядов, которые были размещены в подходящих для этого укрепленных пунктах.

Герцог всего вернее защитился бы от внезапного нападения со стороны войска, предназначенного для снятия осады, если бы занял переправы через р. Заане, протекающую с юга на север приблизительно на половине дороги между Муртеном и Берном, именно — Лаупен и Гюмменен. Он и начал с того, что сделал попытку (12 июня) овладеть этими пунктами, но не возобновил ее, когда был отбит. Он, очевидно, не хотел подвергать далеко выдвинутые посты опасности снятия, чтобы не оказаться вынужденным выступить к ним на выручку.

Теперь швейцарцы уже имели возможность собрать свое войско непосредственно за р. Заане и, когда главные силы были собраны, переправившись через реку, продвинуться до Ульмица (12 июня), не далее 5—6 км от бургундских палисадов (частоколов). Вместе с коренными швейцарцами выступает герцог Ренэ Лотарингский с несколькими сотнями конницы, австрийская конница, страсбургцы и другие контингенты из Эльзаса. Но только 22 июня, на 13-й день после начала осады, вся армия была более или менее в сборе. Кантоны не реагировали ни на известие о продвижении бургундского войска, ни даже на известие об осаде Муртена; только когда нанесен был ущерб древнебернской области, что произошло при стычке на аванпостах у Зааны 12 июня, — только тогда кантоны призвали к оружию свои ополчения.

Несмотря на большие усилия, бургундцам за это время не удалось овладеть Муртеном. Они пробили бреши и штурмовали его, но были отбиты. Комендант Бубенберг руководил защитой города с величайшей энергией и осмотрительностью. Он сумел удержать враждебно настроенные элементы населения в повиновении и увещеваниями и строгостью поддержать уже падавшее мужество своих людей. На помощь ему по озеру присланы были подкрепления. Поэтому бургундские капитаны посоветовали герцогу, отказавшись от вторичного штурма, ограничиваться продолжением обстрела и все усилия направить на подготовку предстоящего сражения, в результате которого должна определиться и судьба города.

Когда герцогу доложили, что швейцарцы подошли очень близко, он 21 июня, за день до сражения, вместе с несколькими командирами, лично произвел

---

ein bach den liess er schwellen,
er haget fast zu aller stund
da lag der graf in von Remund,
gross bōum die liess er fellen.
Wer gesach grosser werk iemer
geschechen in vierzechen tagen?

* Панигарола — 12 июня, 13 июня.

рекогносцировку. Они настолько приблизились к швейцарцам, что те начали обстреливать их; стали соображать, не снять ли осаду и не лучше ли обрушиться сперва на этого противника в открытом поле*. Но герцог был против.

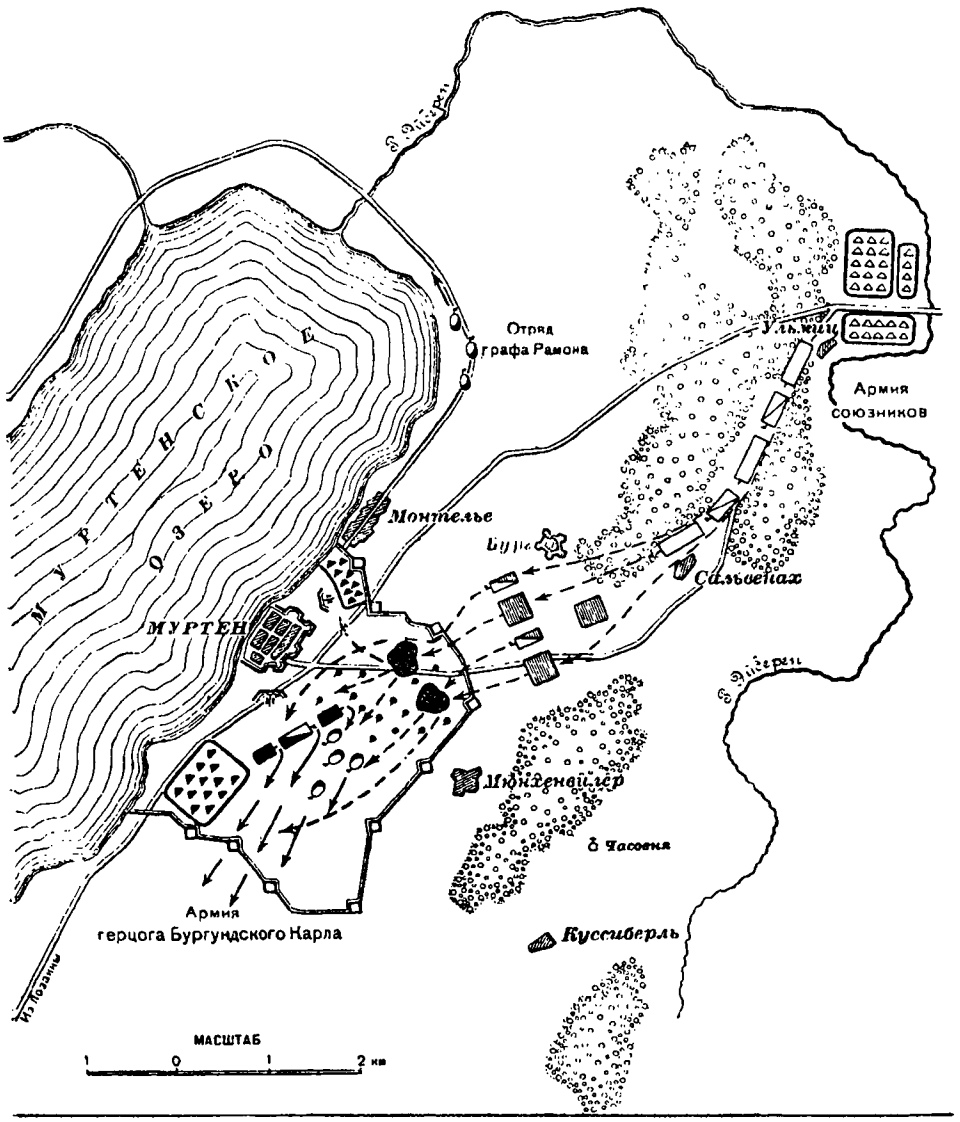
Местность близ Ульмица, которую швейцарцы избрали сборным пунктом, была непригодна для рыцарского наступления; она была пересечена ложбинами и окружена лесом так, что невозможно было даже оценить и учесть силы противника. Герцог полагал, что собрались еще немногие. Тем не менее желательно ему было прервать осаду, которая все-таки должна была привести к цели. Разделить же свою армию, с тем чтобы продолжать осаду и одновременно атаковать при Ульмице войско, предназначенное для ее снятия (как поступил, например, Фридрих, отправляясь из Праги в Коллин против Дауна), он, кажется, не намеревался; да это и не было бы уместным, так как силы неприятеля при Ульмице не были достоверно известны; к тому же противник был хорошо защищен условиями местности. Поэтому герцог остался при своем решении — продолжать осаду и выжидать наступления войска, предназначенного для ее снятия. Панигарола, предостерегая герцога, указывал на коварство, кроющееся в образе действий швейцарцев; с часу на час можно ждать их внезапного появления. Но после того как бургундская армия за предыдущие дни неоднократно выстраивалась для их встречи за частоколом, и день за днем проходил в напрасном ожидании, герцог вообще перестал верить в возможность наступления швейцарцев, считая, что, на худой конец, достаточной защитой от неожиданности будут те 2 000 пехотинцев и 300 копий, которые охраняют и ночью его укрепление на фронте, обращенном к Ульмицу. Главные силы армии, которые уже простояли в боевой готовности в течение всей второй половины дня, он отправил обратно в лагерь.

Ночью начался сильный дождь, который продолжался и все утро следующего дня. Швейцарцы утром начали было рекогносцировку, но тотчас же отошли назад и больше их не было ни слышно, ни видно. Теперь герцог окончательно уверился в том, что они не отважатся на атаку.

Но швейцарцы, собственно говоря, уже в предыдущие дни намеревались предпринять атаку и ждали только прибытия цюрихцев, которые двигались форсированным маршем и после ночного перехода от Берна в субботу утром, наконец, подошли к Ульмицу. Цюрихский совет, желавший с достаточной ясностью дать понять бернцам свое отношение к завоеванию Ваадта, отправил свое ополчение только 18 июня, — больше чем через 3 недели после выступления герцога бургундского со своим авангардом из Лозанны и на десятый день после начала осады Муртена; помимо этого ополчение было несоразмерно малочисленно — только в 1 450 человек и во всяком случае не больше 2 000.

Тем не менее союзное войско в целом имело еще больший перевес над бургундским, чем под Грансоном. Его следует исчислять приблизительно в 26 000 человек, а если сюда прибавить еще гарнизон Муртена, который тоже, разумеется, должен быть принят в расчет, так как он отвлекал часть бургундцев и, в конце концов, сделал вылазку, — то оно насчитывало около 28 000 человек. Бургундская

* 16 июня герцог велел написать магистрату г. Дижона следующее: «avons été la nuyt passée veilant et debout en intencion de marcher à toute notre armée au devant de nos ennemis, prouchains de nous à deux petites lieues et lesquelz, comme l'on nous avait rapporté, s'estoient uniz et assemblez pour plus avant nous aprouchier et combattre et les actendons de heure à autre» (Ochsenbein, стр. 280). («Прошлую ночь мы провели бодрствуя и настороже, готовые выступить всей армией навстречу неприятелю, находившемуся от нас на расстоянии менее чем в 2 мили, который, по полученным сведениям, собрал все свои силы и собирался подступить еще ближе к нам и дать нам сражение. Мы ждем его с часу на час»). Wattellet (стр. 29 и дальше) относит это к намерению Карла выступить навстречу швейцарцам. Но тут явно имеется в виду принятие сражения у живой изгороди. Ваттле ошибочно дважды использовал здесь одно и то же сообщение — в отношении 16 и 19 июня. Равным образом я считаю неправильным то, как он излагает в прим. 85 сообщение Панигаролы от 18-го, по которому Карл имел в виду 19-го атаковать швейцарцев при Гюмминнене. Слова «dar la bataglia» (дать сражение) относятся к проектируемому штурму Муртена, как это понял в своем переводе уже Гингинс.



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Лагери бургундцев
Осадные батареи
Укрепление
Сборный пункт и лагерь союзников 26 июня
Передвижение утром 22 июня
Положение перед атакой (3-я баталия только строится)
Потерявшие после атаки боевое построение баталии и бегство бургундской армии

Схема 52. Сражение при Муртене 22 июня 1476 г.

же армия, как мы уже сказали, насчитывала 18 000 — 20 000 человек; отсюда следует вычесть еще известное число воинов на этапных пунктах.

Швейцарская традиция, насчитавшая 100 000 человек в бургундской армии под Грансоном, приписывала герцогу под Муртеном втрое большую армию.

Герцог, обладая армией значительно меньшей численности, чем швейцарская, находился и с стратегической точки зрения в менее выгодном положении, имея в тылу осажденный город с сильным гарнизоном; но самым опасным для него обстоятельством было то, что его укрепления из-за необходимости приспособляться к местности выдвинуты были более чем на 0,5 км впереди лагеря и растянулись на очень далекое расстояние. При атаке все зависело от того, будут ли бургундцы в нужный момент стоять наготове у частокола, притом именно в том месте, куда устремятся швейцарцы. Знать заранее, какое именно будет это место, было невозможно.

Полководец должен с готовностью рисковать и с мужественной решимостью соединять неусыпно бдительную предусмотрительность, чтобы по малейшим признакам предугадывать хитрости и козни противника. Когда при Хотузице австрийцы хотели напасть на пруссаков (17 мая 1742 г.), последние избегли поражения только благодаря тому, что главнокомандующий, наследный принц Леопольд Ангальтский, еще до восхода солнца уже сам был на коне и, получив известие о приближении противника, тотчас же мог отдать приказ бить тревогу и построиться в боевой порядок. Когда австрийцы собирались при Зооре захватить Фридриха врасплох (30 сентября 1745 г.), контрудар прусской армии возможен был лишь благодаря тому, что король подымался каждое утро в 4 часа, а также благодаря тому, что, когда ему доложили о приближении противника, при нем находился уже дежурный генерал. Но и Фридрих при Гохкирхе был застигнут врасплох, а Гнейзенау, вероятно, одержал бы свою победу до Бель-Альянса уже при Линьи, если бы он вовремя, на несколько часов раньше, заметил приближение Наполеона. Приближение целой армии представляется настолько внушительным, что не может остаться незамеченым. В действительности же в военной истории много раз отмечено, что целые армии в непосредственной близости от противника оказывались им незамеченными.

Напомню здесь еще о некоторых аналогичных случаях, так как в сущности только беспрестанно повторяющийся опыт заставляет верить в возможность подобных фактов. 16 октября 1813 г. французы при Варене ждали силезскую армию на тщательно подготовленных позициях и оставили эти позиции, считая, что с этой стороны наступление не угрожает. Полученное непосредственно вслед за этим донесение констатировало, что неприятель подступил уже вплотную; возвращаться на прежние позиции было невозможно, а пришлось занять новые, отступая на четверть мили близ Мекерна, куда как раз и подошла французская армия. Еще более разительный пример представляет битва при Кенигреце, когда австрийцы на правом крыле заметили приближение войска прусского кронпринца лишь тогда, когда оно оказалось уже среди их рядов. 4 августа 1870 г. вся III армия наступала на Вейссенбург, оставаясь незамеченной французскими патрулями; ген. Дуэ, получив донесение патрулей, отдал по своим частям приказ заниматься приготовлением обеда, когда внезапно открыт был огонь по передовым постам. Бои при Траутенау в 1866 г., когда пруссаки не заметили прибытия главных австрийских сил, и при Бомоне в 1870 г., когда пруссаки напали на французов, относятся к этой же категории случаев постольку, поскольку ошибка заключалась в том, что неприятель не был обнаружен, потому что его не ждали. Для иллюстрации этого явления можно упомянуть еще о том, что немцам понадобился весь день 17 и все утро 18 августа 1870 г. для того, чтобы обнаружить правое крыло французкой позиции при Сен-Прива, находившееся на расстоянии одной мили от них.

Если, таким образом, своевременное обнаружение приближающегося противника, к тому же в данном случае прикрытого лесом, само по себе является вовсе не столь есстественным и легким делом, то к тому же герцог несомненно лишен был тех необходимых для полководца качеств, благодаря которым он мог бы оказаться на высоте задачи. Вместо того чтобы установить за швейцарцами, местонахождение лагеря которых ему было известно, тщательное наблюдение, сосредоточить на нем все внимание лично самому или поручить эту задачу самому надежному из своих командиров, он упорно оставался при убеждении, что они не отважатся на атаку, и даже, когда в полдень ему было доложено о наступлении неприятеля, он некоторое время относился к этому с недоверием и не принял никаких мер.

Начальники швейцарских отрядов тщательно взвесили, куда надлежит направить удар, и военный совет пришел к решению — предпринять атаку не на осадный корпус, стоявший у северной части города, на берегу озера, а на центральные бургундские позиции на Вейльском поле. Если бы там удался прорыв, то этим большая часть неприятельской армии была бы оттеснена и ей были бы отрезаны пути отступления.

Подлинные слова бернского хрониста, касающиеся этого решения военного совета, заслуживают того, чтобы привести их:

«Da warent alle Hauptlüht, Venner und Rähte, von Stetten und Lendern, dazu andere Pundgnossen und Verwanten, Tag und Tag by einandern zu bedencken und rahtschlagen, wie sie die Sachen nach Ehren angriffen und handeln möchten, dann sy allweg in Fürsorgen warent, der Hertzog und die Rechtschuldigen wurden inen entrinnen, als vorhin vor Granson auch beschechen was, und wurden des mit einandern enhellichen zu Raht, dass sy in dem Namen Gottes, und mit seiner Göttlichen Hilf, den rechten Herrn am ersten angriffen, und den inmassen hinderziehen wolten, das er inen nit wol möcht entrinen, dann sy meinten, ob sy joch dem Grafen von Reymond, der sin Lager hier diesenthalb Murten auch mechtiglich geschlagen hat, am ersten angriffen und erschlugen, so würden der Herzog und die andern Rechtschuldigen zu Flucht bewegt».

Наступление, таким образом, начато было от Ульмица прямо по небольшому плато, между деревнями Бург и Сальвенах (меньше четверти мили к югу от Бурга) на бургундские укрепления, тянувшиеся приблизительно от деревни Мюнхенвилер к северу по направлению к Бургу или к Адеровскому холму. Между* колоннами копейщиков и алебардщиков построились рыцари, числом не меньше, чем 1 800 человек, и стрелки.

Главное командование было, — что достаточно характерно для натянутых отношений внутри союза, — в руках не швейцарца, а вассала того королевского дома, с которым еще за три года до того швейцарцев разделяла исконная вражда: в руках австрийского рыцаря Вильгельма Гертера. Бернский летописец не в силах был заставить себя отметить этот факт; он совершенно умалчивает о главнокомандующем, не называет также командира баталии — уроженца г. Цюриха, Ганса Вальдмана, а лишь с особой похвалой выделяет личность начальника авангарда, бернца Ганса фон Гальвиля, и наряду с ним называет только начальника арьегарда Каспара Гартенштейна**.

* Оспаривали, в частности Ваттле (ср. ниже), что швейцарцы при Муртене, как обычно, образовали три баталии пехоты, но прямое указание Шиллинга по этому поводу не теряет достоверности от того, что некоторые источники говорят только о двух баталиях, менее же всего от того, что Панигарола видел только две баталии, или же от того, что при рассказе Шиллинга о сражениях в дальнейшем фигурируют только две баталии. Третьей просто не пришлось участвовать в самом сражении, а она лишь ворвалась вслед за двумя первыми в лагерь, после вего боевой порядок был утрачен. Даже если бы мы имели свидетельства Шиллинга, было бы совершенно непонятно, почему как раз при таком крупном войске швейцарцы отказались от привычного деления на три баталии. Они не могли быть заранее уверены в том, не стоит ли вся бургундская армия в боевой готовности у частокола и не последует ли с какой-либо стороны фланговая контратака, отразить которую было бы уже затем задачей арьегарда.

** То, что Гертер был главнокомандующим, вполне подтверждается двумя не зависящими друг от друга показаниями Кнебеля и Эттерлина. Молчание Шиллинга нельзя рассматривать, как это имело место, в качестве аргумента против этого. Само по себе это значения не имеет, так как в такой армии

Нельзя не отметить, что эта гражданско-крестьянская армия во время похода сделала в лесу продолжительный привал, во время которого граф Тирштейн посвятил в рыцари большое число лиц, среди них и бургомистра Цюриха Вальдмана. Церемония так затянулась, что войско, наконец, потеряло терпение.

Но, несмотря на эту задержку, когда конница, стрелки и, наконец, сильные каре с развевающимися знаменами появились на Вильском поле, бургундцы все еще были покойны, и защита изгороди оставалась той же, что и ночью, — 2 000 пехоты и 300 копий.

Как ни незначительно было охранение, тем не менее первая атака была отбита, — в этом сходятся сообщения той и другой стороны. Согласно рассказу бернского летописца Шиллинга следовало бы предполагать, что колонны подошли вплотную к бургундским частоколам, не смогли их преодолеть и повернули обратно. Более вероятным нам кажется, что достаточно было действий бургундских орудий и одного внешнего вида занятых стрелками укреплений, чтобы вызвать замешательство в атакующих колоннах. Рассказ другого очевидца, люцернца Эттерлина, гласит:

«Do hattent sich die vygent treffenlich gesterckt, und treffenliches grosses geschützes, Schussent treffenlich und vygentlich gegen den Eydtgenossen in yr ordnung, des gelichne in die Rütter die dann nebent der Ordnung hieltent in einem valdlin und tatten an dem ende grossen schaden, dann ich paterman etterlin, setzer diser coronick und menig fromm mann, so do warent, gesüchent ettliche Reysigen und Ritter, an mitten entzwey schiessen das das oberteyl gantz anweg kam und der unterteyl im sattel beleyb, des gelichen wurdent ettlichen der kopf ab auch sust erschossen und geletzt, aber dennoch von den gnaden gottes nit viel».

Если бы швейцарцы подошли вплотную к палисадам и должны были бы отступать под неприятельским обстрелом, то потери их были бы довольно значительны. Следовательно, не столько число убитых, сколько моральное воздействие ужасающих поражений, причиненных пушечными ядрами, было тем, что заставило колонны остановиться.

Панигарола сообщает, будто бы капитан Яков Галиото и все другие капитаны ему сказали, что если бы бургундское войско было на месте, когда швейцарцы повернули назад и отступили к лесу, они несомненно были бы разбиты*.

Можно сомневаться, были ли швейцарские каре действительно так сильно поколеблены, но верно только то, что для бургундцев это был подходящий момент, чтобы перейти в наступление.

Несколько рыцарей нашло в себе достаточно мужества, чтобы вскачь устремиться на швейцарцев**, но эти немногие ничего не могли добиться, а бургундское войско еще не прибыло. Только теперь герцог Карл внизу, в лагере, велел дать сигнал вооружаться, седлать коней и садиться на них. Панигарола сам был на высоком пункте, лично видел швейцарцев, их конницу, лес торчавших пик и развевавшиеся знамена; он бросился вниз к герцогу и помог ему надеть доспехи. Но даже и в этот момент у того еще были сомнения; когда он, наконец, сел на коня, исход был уже решен.

Швейцарцам нетрудно было в волнообразной местности укрыться от бургундских пушечных ядер за возвышением; помимо этого нелегко было быстро

главнокомандующий не является полководцем, задача и заслуга которого — в стратегическом руководстве. Здесь решающей инстанцией был военный совет в целом; на обязанности Гертера лежало лишь проследить техническое выполнение решений совета. Явление это следует отметить только из-за аналогии к внутренним отношениям греческих кантонов во время персидских войн: как здесь, так и там крупное дело удается только при беспрестанном подавлении чрезвычайно острых внутренних раздоров, отголоски которых повсюду дают себя чувствовать в источниках.

Вместе с Дэндликером (3-е изд., стр. 842) я склонен считать достоверным, что Вальдман был начальником баталии главных сил.

* Сообщение от 8 июля. Гингинс, II, 345.

** Edlibach, стр. 157.

перезаряжать пушки и менять направление их стрельбы. По одному базельскому рассказу*, амман Швица посоветовал произвести это передвижение и при этом сам с алебардой в руке стал во главе его.

Когда бургундское войско, рыцари, лучники и пикинеры, будучи встревожены, отдельными частями поспешили из лагеря к живой изгороди, то последняя была уже преодолена и сломана, и навстречу им уже бежали спасшиеся бегством бургундцы, а за ними сплошными массами следовали швейцарцы, хотя и утратившие уже боевой порядок**. Герцогу больших трудов стоило спастись самому, и он не сделал больше никаких попыток, чтобы задержать своих на новой позиции. Подавляющее численное превосходство и бурное продвижение швейцарцев, замешательство и разъединение отдельных отрядов у бургундцев сделали тщетными все усилия. Спастись удалось только части конницы: пехота, — в том числе и знаменитые английские лучники, — застигнутая весьма многочисленной неприятельской конницей, была почти сплошь изрублена; те же части, которые обложили г. Муртен, отрезаны были раньше, чем узнали о случившемся. Они были все до единого заколоты или утоплены в озере; только отряд графа Ромонта, расположившийся у северной части города, мог спастись бегством вдоль р. Заане, сделав большой обход неприятельской армии.

В качестве примера ненадежности источников, которые по их происхождению могли бы считаться весьма достоверными свидетелями, приведем сообщение Лотарингской хроники, согласно которой швейцарцами командовал герцог Рено. Молинэ — бургундский придворный историограф — сообщает, будто бы швейцарцы укрепились живой изгородью, которую бургундцы тщетно пытались взять. Геутерус говорит, что Карл построил свою пехоту большой четырехугольной баталией, причем конница образовала фланги, а стрелки — арьегард.

Общие потери Панигарола один раз (8 июля) исчисляет в 8 000 — 10 000 человек, включая сюда и обоз; позже (13 июля) он сообщает, что из числа 1 600 копий герцог спас 1 000 копий и 200 знатных, что, видимо, следует понимать в том смысле, что эти 1 000 копий сохранились в полном составе, а из 200 остальных спаслись только знатные, имевшие наилучших коней, рядовые же воины и особенно стрелки погибли, и что остальные 400 копий сплошь были истреблены. Таким образом, по этому сообщению потери приблизительно выразились в одной трети всей армии — в 6 000 или 7 000 человек, что, примерно, согласуется с вышеприведенным указанием (в котором следует отбросить еще и обоз). В третьей депеше (от 27 июля) Панигарола сообщает о смотре, который Карл устроил уцелевшему войску. Здесь собраны были 11 рот, в которых должно быть 1 100 копий, но в действительности насчитывалось немногим больше половины. Благодаря этому подсчет потерь должен был бы оказаться преждевременным по сравнению с приведенными выше свидетельствами, но Панигарола прибавляет, что не все те, кого не досчитались, пали: многие итальянцы и бургундцы отправились домой. Следовательно, можно принять, что из общего числа около 20 000 воинов, составлявших армию Карла, кроме 2 000 — 3 000 савойцев спаслись приблизительно 8 000 — 10 000, убитых было 6 000 — 8 000 и большое число из состава обозной и лагерной команд.

Относительно потерь швейцарцев мы не имеем достоверных свидетельств***. Панигарола, который во время бегства сам видел, как бургундские воины с

* «Базельские хроники», III, 26.

** Шиллинг говорит, что после того, как взята была живая изгородь, «und wurden alle ordnungen von Stund zerbrochen» (с этого момента был нарушен всякий порядок). Издатели считают это показание неправдоподобным, или, может быть, это был тот же маневр, который в песне Лурлебат (сочиненной по поводу этого сражения и сохраненной нам тем же Шиллингом) обозначается как «die spitz die tat sich vornen auf»? Это несомненно так, только речь идет не о маневре, а лишь об естественной утрате сомкнутого порядка во время подобного штурма и после него.

*** Сообщения из летописи Швица, приведенные в «Anz. f. Schweiz. Gesch». (1895 г., стр. 160), едва ли имеют ценность.

отчанием бросались на землю и, скрестивши руки, без сопротивления давали себя закалывать, — впоследствии неоднократно сообщает, что он слышал от освобожденных пленных и спасшихся женщин, как дорого отдали свою жизнь отрезанные бургундцы.

Это находит себе подтверждение в письмах Мольбингера*, узнавшего, якобы, что немецкие кнехты, среди которых было даже много швейцарских перебежчиков, «стойко держались» и «рыцарски защищались» («vast fest gestanden», «ritterlich gewehrt»). Тем не менее потери, понесенные союзной армией, по Панигарола — в 3 000 человек, безусловно преувеличены.

ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

С тех пор как я впервые разбирал сражение при Муртене в «Персидских и бургундских войнах», документальный материал значительно разросся и видоизменился, так что я был вынужден коренным образом переработать свое изложение. Общая концепция и принципиальная ориентировка в истории военного искусства остались, правда, без изменения, но детали мне пришлось переработать. Появились новые критические издания дневника Кнебеля («Базельские хроники», т. III, 1887) и хроники г. Берна Дибольда Шиллинга, в 2 томах, 1897 и 1901 гг. Но что важнее всего — найдено считавшееся потерянным описание сражения Панигаролы, датированное Сен-Клод, 25 июня 1476 г., и опубликованное в «Archivo storico lombardo», anno XIX, Милан 1892; перевод на нем. яз. и комментарии Дирауэра (Dierauer) в «Schweizerischen Monatsschrift für Offiziere aller Waffen», 1892 г. N 10; Фрауенфельд, издание J. Huber. Как ни важно это свидетельство, но для реконструкции сражения все же более важно исследование Dr. Hans Wattelet, Die Schlacht bei Murten. Historischkritische Studie («Freiburger Geschichtsblatter», herausgegeben vom deutschen geschichtsforschenden Verein des Kantons, Freiburg, I. Jahrgang, Freiburg i. He. 1894, Verlag der Universitätsbuchhandlung), в котором автор на основании критики источников и архивных материалов убедительно доказывает ошибочность общепринятого мнения о том, что часовня св. Урбана при Куссиберле была воздвигнута на месте сражения. Такое представление создалось на много поколений позже благодаря различным случайностям. Уже в 1888 г., когда я вместе с г. Оксенбейном, издателем юбилейного сборника документов к празднеству секуляра, посетил поле сражения, у меня возникли сомнения, действительно ли наступление швейцарцев имело столь широкий охват и могла ли здесь стоять живая изгородь. Но против факта, казавшегося неоспоримым, а именно, что на этом месте стояла боевая капелла, ничего нельзя было возразить. Однако, после того, как Ваттле в его столь же остроумных, сколь и тщательных исследованиях удалось выделить фальсификат в документальном материале, а вместе с тем установить действительную линию наступления и место атаки швейцарцев, изменилось и представление о всех деталях и все событие сделалось гораздо более понятным. Карл не провел необозримо длинной, но все же остававшейся открытой со стороны Фрейбурга линии укреплений, а обнес свой лагерь кольцом укреплений, которые, правда — ввиду образуемого местностью склона — выдвинуты были далеко вперед, но все же были настолько близки к лагерю, что в случае вовремя поданного сигнала тревоги быстро могли быть заняты войском. Я представляю себе, что линия главных укреплений могла тянуться приблизительно на высоте 540 м по ту сторону Форе (леса) дю-Кро (к югу от него) вдоль Пьер-Бесси и Эрмельсбурга по направлению к Бургу. Здесь благодаря рву возможность приближения неприятеля была почти совершенно исключена. Между Бургом и Комбетом линия, должно быть, поворачивала и спускалась при Монтелье вниз к озеру. С другой стороны, возможно, что Карл довольствовался прикрытием, которое представлял лес с засеками; но возможно также, что он укрепился со стороны Фрейбурга. Затем линия укреплений тянулась, вероятно, от Форе дю-Кро на некотором расстоянии к северу от (сожженной) деревни Мюнхенвилер к Пети Буа Доминг, а оттуда через ущелье вниз и к северо-западу по напрвлению к озеру.

Деревянный домик, служивший Карлу ставкой полководца, стоял на Гран Буа Доминг на высоте 531 м, откуда открывается широкий вид на далекие окрестности. Охват этой линии укреплений был очень велик, но с того момента, как стало известно, что неприятель собирается при Гюмменене, а затем, что он стоит под Ульмицем, принимался во внимание фронт только с этой стороны.

* Ochsenbein, Urkunden, стр. 339, 341.

В исследовании Ваттле, вообще превосходном, отмечу лишь следующие детали, требующие внесения коррективов.

На стр. 25 автор говорит, что защитники Муртена вынудили Карла «упустить самый ценный момент для нападения на несобранных еще швейцарцев». «Несобранные швейцарцы» вряд ли предоставляли возможность такой атаки. Если бы Карлу в первые же дни удалось взять Муртен и он продолжал наступление, то швейцарцы временно отступили бы и предоставили бы герцогу решить, следует ли ему приступить к осаде Фрейбурга или Берна.

На стр. 68 говорится, что для позиции на Вильском поле на левом крыле прикрытием служили ров и лагерь Ромона, расположенный у северной части города; «в тылу, в качестве вторичной позиции, находился укрепленный лагерь». Лагерь Ромона едва ли может быть назван «прикрытием», так как он сам представлял часть позиции и мог подвергнуться нападению. Представление о том, что за высокой линией на Вильском поле находилась еще вторая линия непосредственно лагерных укреплений, я считаю фактически неверным. Об этом не говорится нигде, — даже в рассказах об этом сражении, где как-то, хотя бы только с отрицательной точки зрения, должно было бы быть упомянуто о попытке удержать это укрепление. Укрепления лагеря и представляют линию укреплений на вильском поле. Панигарола (сообщение от 12 июля, «Gingins», II, 248) прямо говорит: герцог «e stato a vedere titi questi monti circonstanti per fortificare questo campo interno» (осматривал эти окрестные горы, чтобы укрепить внутренний лагерь).

На стр. 74 говорится, что 22-го об атаке на Ромона не могло быть больше речи, так как герцог уже захватил позицию на Вильском поле. Но почему части, стоявшие у живой изгороди на Вильском поле, должны были помешать союзникам атаковать при Монтелье корпус Ромона (через Бюкслен - Левенберг), — это остается непонятным.

СРАЖЕНИЕ ПРИ НАНСИ*
5 января 1477 г.

В итоге победы при Муртене Ренэ, герцог Лотарингский, с помощью Нижней Лотарингии снова овладел своим герцогством, а после непродолжительной осады отвоевал и столицу. Карл пока еще оставался в Бургундии, занятый мыслями о дальнейшей войне со швейцарцами, когда полученные им из Лотарингии известия заставили его прежде всего отправиться туда. Эта область, которая отделяла его от Нидерландов, представлявших наибольшую часть его владений, была для него важнее всех остальных. Он собрал остатки своей муртенской армии, стянул подкрепления и осадил Нанси. Герцог Ренэ тотчас же вынужден был им к отступлению, так как неоплаченные наемники и союзники из Нижней Лотарингии занялись мародерством и отказались вступать в бой. Но опасение, что Карл снова утвердит свою власть в Лотарингии и оттуда нападет на Эльзас, побудило города оказать герцогу Ренэ денежную помощь, так что, когда он предложил швейцарцам ежемесячное жалованье по 4, а затем по 4 1/2 гульдена на каждого, они дали ему разрешение вербовать войско под наблюдением должностных лиц. Таким образом Ренэ собрал из лотарингцев, эльзасцев, австрийцев, французов и швейцарцев войско приблизительно в 20 000 человек, которому Карл мог противопоставить, пожалуй, самое большое 10 000 человек.

Карл не мог решиться на отказ от Нанси, который ввиду начавшегося голода был уже близок к сдаче, а продолжал осаду и с главными своими силами под самой южной частью города вступил в сражение с войском, предназначенным для снятия осады. Таким образом, он должен был оставить еще часть своих войск для

* Сражению при Нанси посвящены два специальных исследования: Rob. Schoeber, Erlanger Dissertation, 1891 и Max.Laux, Rostocker Dissert. 1895, изд. Süssenguth, Берлин. У Ло (Laux) имеется порядочный план сражения и хороший обзор источников; он исправляет ряд ошибок своих предшественников, но и сам не обходится без промахов.

прикрытия лагеря на случай вылазки и имел в тылу неприятельский город, который отрезал ему естественные пути к отступлению*.

Возможно ли, что он не имел представления о подавляющем превосходстве приближающейся армии**? Или же он с необузданным упрямством решил осуществить высказанное им в гневе по поводу дурного поведения своих войск перед миланским посланником грозное обещание***, что в следующий раз он построит их так, что они должны будут либо драться, либо умереть?

Этому же посланнику он говорил также, что в следующий раз он в войне с швейцарцами даст приказ половине своих копий спешиться и одной большой колонной сражаться пешими. При этом он исчислял армию в 2 000 копий, а баталию пехоты — в 10 000 человек. В этом некоторые авторы хотели усмотреть запоздалое подражание швейцарцам****, а Рюстов в своей «Истории пехоты» (т.I, стр.186) по этому поводу отмечает, что из этого видно, что Карл ровно ничего не понял в местной природе швейцарской пехотной тактики. Ибо швейцарская колонна представляет собой колонну с холодным оружием, которая сильным натиском опрокидывает противника, и сопровождается только небольшим отрядом ведущих перестрелку лучников; копье в армии Карла состояло, якобы, из 3 арбалетчиков, 3 стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, 3 пикинеров и одного рыцаря*****, большинство копья составляли, следовательно, стрелки, которые ни в коем случае не в силах были устоять под натиском одной мощной сомкнутой колонны алебардщиков и пикинеров. Но упрек Карлу в том, что он все еще не сумел усвоить тактику швейцарцев, я считаю необоснованным; он вовсе не высказал намерения вполне подражать швейцарцам, но сказал лишь, что он пехоту свою построит в единую мощную колонну, потому что так поступают швейцарцы******. Разница сравнитель-

---

* Laux (стр. 20) исчисляет силы Карла к концу июля в 4 000 — 5 000 человек, к чему прибавились незначительные подкрепления. Он считает поэтому наиболее близким к истине донесение швейцарских разведчиков, которое сообщало союзникам, что у герцога имеется для боя только небольшая армия, приблизительно в 6 000 человек. Но надо полагать, что у герцога было все-таки больше, ибо если Ло (Laux) ссылается на то, что Панигарола не упоминает о каких-либо подкреплениях, против этого можно возразить, что тот оставил герцога уже при его вступлении в Лотарингию и что последнее его сообщение датировано 19 октября. С этого времени до января герцог мог стянуть значительные подкрепления из Нидерландов.

Шебер (Schoeber) оценивает его силы, не давая подсчета, в собственном смысле в 7 000 — 8 000 человек.

Источники бургундской ориентации понижают эту цифру до 2 000 и даже 1 200 (Rodt, II, 392). Родт принимает цифру в 14 000, из коих 4 000 составляло прикрытие лагеря от возможных вылазок из Нанси, а 10 000 принимало участие в сражении. Но его исчисление основывается на показаниях самого герцога, намеренно преувеличинных. Ср. Laux, стр. 20, Mémoires de Comines, éd. Mandrot, т. I, стр. 386.

В виде примера того, как мало значения можно придавать указаниям повествователей, — даже таких, которые, казалось бы, могли пользоваться самой верной информацией, — мы приведем Оливье де ля Марш. Он был гофмейстером герцога Бургундского и при Нанси попал в плен к лотарингцам, откуда за крупный выкуп был освобожден. Таким образом, он имел возможность получать сведения из того и другого лагеря; его мемуары напечатаны были в «Coll. Petitot», т. IX и X. Он говорит о «bien douze mille combattans» («добрых 12 000 комбаттантов») — вместо приблизительных 20 000, «et le duc de Bourgogne leur ala audevant: et pren sur ma conscience, quil na n'avait pas deux mille combattans» (во главе их стоял герцог Бургундский, и я по совести скажу, что у него было меньше 2 000 комбаттантов) — вместо 8 000—10 000.

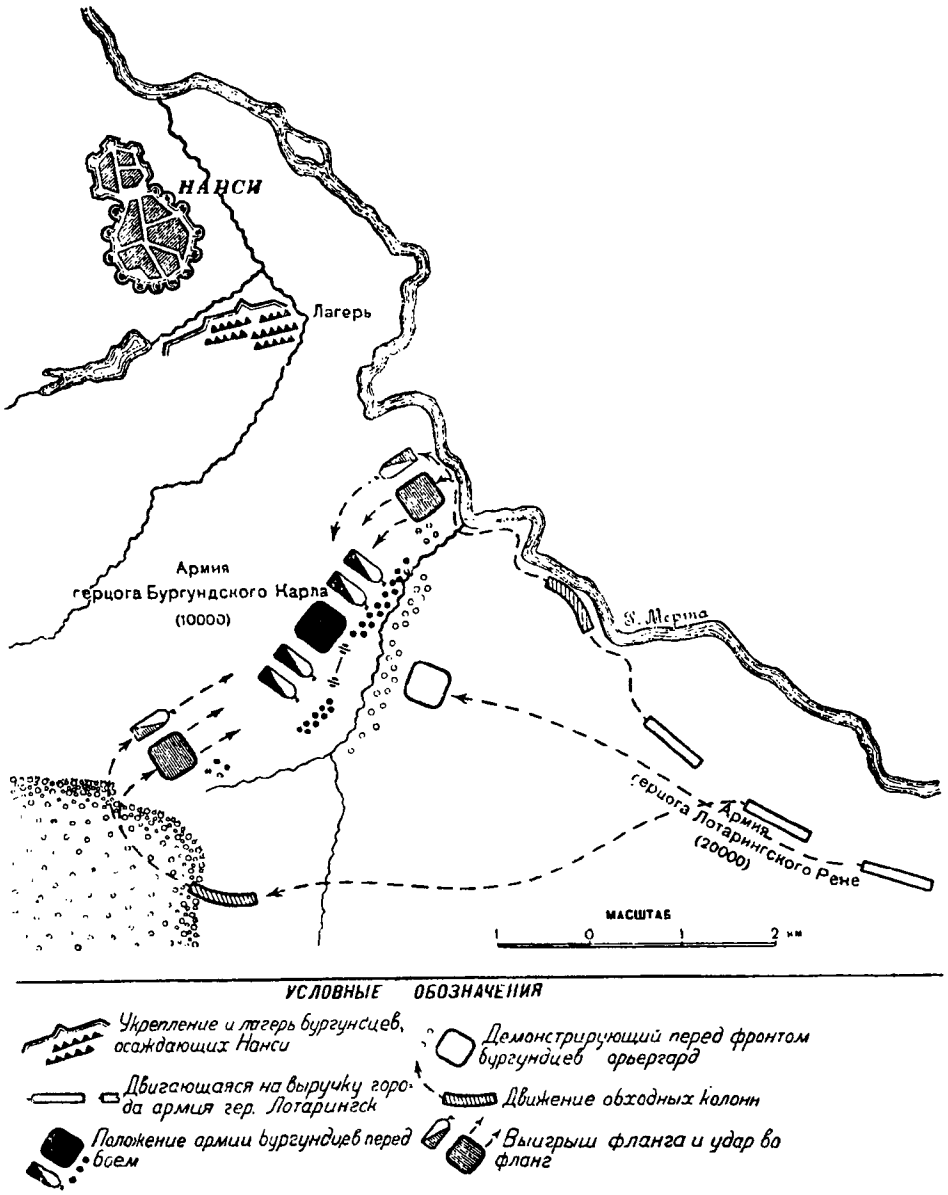
** По рассказу Коммина (извл. Мандро, стр. 386) ему, впрочем прямо указали на значительное превосходство сил Ренэ; но такого рода возникшие впоследствии рассказы имеют мало доказательной силы.

*** «Dépêches des Ambass. Milanais, изд. Gingins, т. II, стр.349».

**** v. Rodt, Kriege Karls des Kühnen, т. II, стр. 315.

***** Незначительные различия в толковании этого места роли не играли. Ср. Schoeber, стр. 33, прим. Jähns, Handbuch d. Gesch. d. Kriegswesens, стр. 109. См. выше, стр. 295 и 297—298.

****** Место это дословно гласит: «intendendo di questi 2 m (2 000) lanzmeterne mille a piedi quando si trovara con Svicerj, li quali habiano 14 (10?) combattenti per uno, cive tri archieri, tri janti con lanze longhe e tri schiopeteri e balestrieri, che verinaro ad essere 10 m (10 000) combattenti in uno squadrone poiche Svicari li fonno cosi grossi. Li altri mille lanze a cavallo, con loro cinque milia archiere a cavallo, e lo resto, dil campo, in modo havera circa 30 m (30 000) combattenti» . Gingins, La Sarra, т. II, стр. 361.



С х е м а 53. Сражение при Нанси 5 января 1477 г.

но с прежними его распоряжениями состоит лишь в том, что вместо боя по отдельным копьям, — причем различные роды войск могли оказывать друг другу взаимную поддержку, — теперь одна половина войска смыкается теснее, а рыцари спешиваются и, следовательно, теснее сливаются со стрелками и пикинерами.

Это — издавна знакомая нам картина. Карл не создал, да и не хотел создавать, чего-либо принципиально нового. Если бы сражения под Грансоном и Муртеном получили полное свое развитие, вместо того чтобы с самого же начала вследствии паники и внезапного нападения перврватиться в хаос, то и там получились бы

подобные результаты. Различие заключается лишь в том, что с самого начала благодаря спешиванию рыцарей и сплочению копий в одну массу костяк войска делался более прочным.

Свою малочисленную пехоту, построенную таким образом, Карл поставил на таком месте, где между р. Мертой — слева и лесом — справа, фронтом на юг, оставался неширокий проход; справа и слева от пехоты выстроилась конница. Из этого видно, что он, так же как и прежде, рассчитывал на то, чтобы огнем стрелков, в особенности же артиллерийским огнем, нанести неприятелю тяжелый урон, возможно даже остановить его наступление и затем атакой рыцарей опрокинуть его. Фронт пехоты имел еще, кроме того прикрытие в виде ручья и отчасти густой живой изгороди.

Но союзники остерегались атаковать с фронта эту сильную позицию. Карл вероятно, ошибся в расчетах в отношении своего флангового прикрытия. Союзники образовали 3 колонны, из которых одна, составлявшая арьергард, только демонстрировала* в центре, в то время как колонна главных сил — с левой стороны и авангард — с правой одновременно произвели обходное движение обоих флангов бургундской армии. Переход произошел при сильной снежной метели, что весьма затрудняло, но вместе с тем и маскировало его; дорога через лес и полузамерзший ручей справа от бургундцев была для колонны главных сил весьма затруднительна и утомительна, но зато привела ее вместе с провожавшими ее отрядами конницы и стрелками к флангу противника. Смелая атака бургундских рыцарей на лотарингских вначале имела некоторый успех, но, в конце концов, была сломлена огнем стрелков и отрядом пикинеров.

Попытка навести на них бургундские пушки дала незначительный эффект. Колонна главных сил, быстро продвигаясь вперед, смяла бургундцев.

С другой стороны подошла приблизительно столь же сильная колонна из авангарда. Идя в тесно сомкнутом строю вплотную вдоль реки, она осталась вне обстрела бургундских орудий. Снежная метель, вероятно, оказалась для нее еще более важным прикрытием, чем для колонны главных сил.

Едва только обе колонны с их огромным превосходством сил подступили к бургундской позиции, как, конечно, одержали верх и уничтожили большую часть неприятельского войска. Сам герцог Карл пал.

Обход и атака швейцарской колонны главных сил следующим образом описываются в «Chronique scandaleuse» Жана де Труа (Jean de Troyes, Collection Petitot, т. XIV, стр. 50); «Et si tost que lesdits Suisses se trouverent au dessus et au costé dudits duc de Bourgongne, tout à und coup se tournerent le visaige vers luy et son armee, et sans arrester, marcherent le plus impetueusement et orgueilleusement que jamais gens firent. Et a l'approucher pour joindre deschargerent leurs coulevrines à main, et à ladicte descharge qui n'estoit pas des generaulx des finances, tous les gens de pié dudit de Bourgongne se mirent en fuite».

Отсюда ясно, что представление писателя о ходе дела в общем правильно, но если бы у нас было только его свидетельство, то мы несомненно приписали бы слишком большое значение действию кулеврин[178], и, может быть, Жан де Труа избрал гиперболический оборот для того, чтобы иметь возможность ввести игру слов («décharge» (залп) стрелков отнюдь не есть «décharge» (квитанция) сборщиков податей).

Впрочем, и Коммин переоценивает швейцарских стрелков.

* В «vraye déclaration»(Commines, Lenglet, т. III, стр. 492) говорится, что арьергард состоял только из 8 000 стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, которые «un jecte de boulle» выступали за колонной главных сил, чтобы служить ей тыловым прикрытием. Это я затрудняюсь себе представить. Для чего понадобилось, чтобы при переходе через лес за холодным оружием следовало такое большое число стрелков? Настоящей атаки, поскольку ее вообще можно было ожидать, они с этой стороны все равно не в состоянии были бы отбить. Лотарингская хроника (стр. 293) говорит об одном отряде, но, по-видимому, только из 100 человек, которому приказано было вступить в схватку с неприятелем и отвлечь его. Для этой цели настолько уместны были бы упомянутые выше 800 стрелков, что , быть может, есть основание принять ошибку или пропуск в «vraye déclaration».

ГЛАВА VIII

ТЕОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

По моему плану, за пятой частью, заканчивающей средневековую эпоху военной истории выступлением швейцарской пехоты на окрестные равнины, должна была следовать еще шестая часть, где я хотел объединить ряд таких моментов общего характера, которые или не могли быть включены в последовательное историческое изложение, или же вытекают из этого изложения. Но этот том уже настолько разросся, что я изменил свое намерение. То, что я имел в виду еще сказать относительно истории оружия и строительства крепостей, в рамках этого труда вообще может быть обойдено молчанием.

По затронутому выше вопросу о том, сделалось ли около 1400 г. рыцарское вооружение временно снова более легким (что утверждает также Бутарик, стр. 286), я также еще не пришел к вполне определенному выводу. Главнейший момент — возникновение огнестрельного оружия — я перенопу в следующий том. Но, как мы видели, существенного значения это оружие (хотя и употреблявшееся уже в течение 150 лет) до 1477 г. еще не получило: рыцарство было побеждено не благодаря этому изобретению, как все еще продолжают говорить, а напротив, его осилили пехотинцы с холодным оружием, несмотря на то, что под конец оно (рыцарство) пыталось укрепить себя огнестрельным оружием*. Поэтому правильно будет рассматривать возникновение и характер огнестрельного оружия в том месте нашего труда, где по ходу события это новое оружие начинает приобретать решающее значение для ведения войны, а не только применяется, как до тех пор, наряду с луком и арбалетом и «Blide» и «Tribock» в качестве несколько иначе сконструированного, но подобно им действующего оружия.

Я опускаю и другие мелкие исследования, сопоставление засвидетельствованной и действительной численности армий, вновь и вновь повторяющиеся легенды и т.п. и коснусь только вороса о военной теории в средневековье.

ТЕОРИЯ

Даже в классической древности военная теория, как мы видели, за исключением некоторых рассуждений Ксенофонта, была очень скудна. Тем менее мы можем требовать чего-либо от средневековья, где сословие воинов было существенным образом разобщено от сословия носителей культуры — духовного.

Рабан Мавр (Rabanus Maurus), аббат из Фульды и архиепископ Майнцский (умер в 856 г.), посвятил королю Лотару II, внуку Людовика Благочестивого, трактат о душе с приложением, в котром указано было все заслуживающее подражания в римском военном деле. Бедствия, которые претерпевали отдельные части Каролингской империи от норманнов, вероятно, побудили искать способ спасения также и в литературе, а так как образованный архиепископ происходил из знатного франкского, следовательно, военного рода, то в нем объединились необходимые для такого предприятия качества и познания. Он, разумеется, не мог сделать ничего другого, как составить извлечение из Вегеция, чей труд был в свое время написан по таким же точно побуждениям. Поскольку Рабан только воспроизводит Вегеция, он не говорит ничего нового, но его сочинение** становится интересным, если сопоставить, какие выдержки он сделал, что опустил и какие добавления ввел. Из того немногого, что Вегеций говорит по поводу римских строевых занятий, Рабан подчерпнул только одну фразу о том, что римляне

* Относительно принципиальной стороны этого вопроса сравни статью «Ueber die Bedeutung der Erfindungen in der Geschichte» в моих «Historische u. polit. Aufsatze», 1887.

** Издано Дюммлером (Dümmler) в «Zeitschrift für deutsches Altertum», т. XV, стр. 433 (1872).

соблюдали порядок и в пылу сражения следили за своими знаменами («ordines seruare scirent et uexilla sua in permixtione bellica custodirent», гл. XIII). Главным образом воспроизведены замечания о физических качествах рекрут и о физических упражнениях во владении оружием. По поводу упражнений конницы архиепископ прямо добавляет, что это искусство процветает у франков (гл. XII). Но интереснее всего его замечание (гл. III) о том, что юноши, предназначенные для военной службы, должны с ранних лет воспитываться и закаляться для своей профессии и что это соблюдается и в переживаемый составителем период, особенно при дворах властителей. (Legebantur autem et assignabantur apud antiquos milites incipiente pubertate: quod et hodie seruatur, ut uidelicet pueri et adholescentes in domibus principum nutriantur, quantinus dura et aduersa tollerare discant, famesque et frigora caloresque solis sufferre).

Следующий средневековый теоретик, которого мы встречаем только спустя 450 лет, также является духовным лицом. Это — Эгидий Роман или Колумн (Aegidius Romanus или Columnus или a Columnis), родился в 1247 г., умер в 1316 г., итальянец по происхождению, августинский генерал, парижский профессор, архиепископ Буржа и кардинал. Он написал для короля Филиппа Красивого, тогда еще наследника престола, книгу «De regimine principum», в которой трактуются также и военные вопросы*. Эгидий также в основном воспроизводит Вегеция и не в состоянии устранить или со знанием дела заменить то, что не отвечает условиям его времени. Следуя своему римскому образцу (I, гл. XXVI), он описывает (гл. XII) строевые занятия пехоты и конницы: они должны приучиться выстраиваться по рядам в линии, сдваиваться, образовывать четырехугольник, треугольник, круг и т.п., т.е. вещи, которые частично не существовали ни во времена Вегеция, ни в какое-либо другое время, а меньше всего в средние века**.

Эгидий, однако, приумножает приукрашает «старинную теорию» замечательным утверждением, что треугольник нетрудно образовать: нужно только разрезать четырехугольник по диагонали и составить стороны четырехугольника. Даже для самого знаменитого мастера строевой службы страропрусской армии 1806 г., ген. фон Сальдерна, выполнение этого предписания представило бы трудности.

Эгидий, понятно, воспроизводит и 7 знаменитых боевых порядков Вегеция (III, 20) — круг, клин, подкову. Он пропускает только косой боевой порядок, «quadrengularis forma» (четырехугольная форма), он считает «magis inutilis» (менее полезной), очевидно потому, что это не имело такого красивого вида, как «щипцы» или «подкова».

Наш автор оказывается в некотором затруднении (гл. V), так как его авторитет, Вегеций, говорит, что наиболее пригодным для войны является rustica plebs (деревенский народ). Эгидий противопоставляет ему urbani (горожан) и nobiles (знатных) и, в конце концов, считает очень правильным, что для боя нужна не только мозолистая рука, но также «velle honorari ex pugna et erubescere turpem fugam... industria et prüdencia, sagacitas et versutia» (воинское честолюбие и стыд перед позорным бегством, изобретательность, предусмотрительность, мудрость и хитрость). Этими качествами обладают nobiles (знатные) и поэтому им, — особенно на конях , что помогает переносить физическое напряжение, — нужно вопреки Вегецею отдать предпочтение перед rusticis (деревенщиной). Средневековый ученый не доходит до той мысли, что между сражением по рыцарскому и по римскому способам имеется разница, и что именно поэтому его смущение и его рефлексия могут служить нам благоприятным свидетельством.

* Эта часть перепечатана также и у Hahn, Collectivo monumentorum, т. I, Braunschweig, 1724.

** Alw. Schultz, Höfisches Leben z. Ziet der Minnesänger, II. 160, на основании этого высказывания полагает, что в средние века имели место строевые занятия. Как это было возможно, и ему самому представляется неясным (стр. 162), так как крестьянам запрещено было носить оружие.

В заключении приведем еще 12 пунктов, на которые , по Эгидию, нужно во время сражения обращать внимание, причем то здесь, то там проглядывает кое-что из средневековых понятий. Прежде всего от требует (гл. IX), чтобы полководец был sobrius, prudens, vigilans, industrius (трезв, предусмотрителен, бодр, изобретателен) и обращал внимание на:

1) число бойцов;

2) упражнения (exercitatio): «те, у которых руки непривычные колоть и члены не подготовлены упражнением к войне», никуда не годятся; при этом, следовательно, принимается в расчет только индивидуальное упражнение, а не коллективное, которое мы называем строевой подготовкой;

3) закалку в перенесении тягот;

4) мужество и duricies corporis (телесную крепость);

5) versutia et industria (хитрость и изобретательность);

6) virilitas et audacia mentis (мужество и отважный дух);

Далее:

1) кто имеет большее число лучших лошадей;

2) лучших sagitarii (стрелков);

3) больше всего продовольствия;

4) поле сражения «qui sunt in altiori situ vel meliori ad pugnandum» (расположенное на более высоком месте, т.е. более удобном для боя);

5) солнце и ветер;

6) кто больше всего ожидает auxiliares (вспомогательные силы).

Как здесь, так и в дальнейшей главе (XIV), в которой автор еще раз возвращается к вопросу об условиях, когда удобно и выгодно принимать (давать) сражение, он , кроме замечания о том, что воевать лучше в порядке, чем в беспорядке, не дает никаких указаний. То, о чем мы охотнее всего послушали бы, — о вопросах взаимодействия разных родов войск, тяжелых и легких всадников, пеших копейщиков и стрелков, — об этом мы ничего не находим у Эгидия, хотя Вегеций кое-что об этом и говорит (вспомним, например, его замечание о том, что стрелы и пращи должны наносить урон противнику раньше, чем сблизятся боевые линии).

Примерно, в то же время король кастильский Альфонс Мудрый приказал составить свод законов (1260 г.), содержащий также и тактические уставные предписания*, опять-таки позаимствованные у Вегеция. Как мало общего они имеют с действительным военным делом своего времени, еще больше, чем заимствованные у древнего писателя, свидетельствует добавление по поводу формы полого четырехугольника. Его образуют, — говорит мудрый правитель, — для того чтобы король смог там укрыться и найти защиту. Это действительно напоминает то, что обычно приписывалось средневековым пешим кнехтам; но, — слышим мы дальше, — чтобы сами воины не могли бежать, им связывают ноги.

При этом понятно, — продолжает король Альфонс, — при победе нельзя преследовать противника, но эта неподвижность выражает презрение к врагу. Говорится ли это в шутку? Ни малейшим образом: все это излагается с полной серьезностью, а самое главное — два практика, ген. Келер (III, 2, 264) и подполковник Иенс** без всякого возражения включили этих связанных по ногам воинов в свои работы. Иенс прямо присоединяется к Дельпешу в том смысле, что здесь речь идет «не об одних лишь ученых подражаниях», а об изображении действительно принятых в XIII в. способах сражения. Здесь будто бы не только

* Подлинный испанский текст этих уставных предписаний и перевод их помещен у Келера, т. III, 2, 230.

Некоторые ошибки перевода исправлены Эшером в «Neujahrsbl. der Züricher Feuerwerkergesellschaft», 1905, стр. 44.

** Geschichte der Kriegswissenschaften, I, 121.

латинские обзначения всюду заменены кастильскими, «но угрозы наказания, заключающие закон, обязывают начальников к выполнению как дисциплинарных, так и тактических уставов, что безусловно имело предпосылкой возможность выполнения их войсками». Поскольку не только в XIII в., но и во все времена для победы чрезвычайно важно, чтобы солдаты не дезертировали, то, быть может, и теперь следовало бы попробовать связать ноги солдатам, а для того, чтобы парни не смогли перерезать веревку, пожалуй лучше всего отобрать у них оружие: тогда противник сразу увидал бы, как сильно его презирают.

Мораль: будем снисходительны к ученым профессорам, которые пропускают сотни тысяч воинов Ксеркса через греческие ущелья, и при определении разницы между македонскими фалангитами и римскими легионерами приходят к несколько невероятным результатам.

Я не сомневаюсь, что тонкий знаток Вегеция, составивший военные уставы короля Альфонса, был невоенным человеком, а так же как и Рабан и Эгидий, — духовным лицом, и именно благодаря своему знакомству с классическими авторами поддалася соблазну ввести в судебник приведенные выше размышления.

Следующий военный писатель средневековья — опять-таки не военный, а женщина — Христина де Пизан (Christine de Pisan)*. Она была (родилась в 1364 г.) дочерью итальянского врача и астролога при дворе французского короля. Поэтому Христина имела аристократические связи, между прочим, при английском и бургундском дворах, и пользовалась большим уважением как ученая, писательница и поэтесса. В одном стихотворении незадолго до своей смерти она уже прославляла выступление Орлеанской девы. Среди ее многочисленных произведений находится также военно-исторический трактат под заглавием «Faits d'armes de chevalerie», написанный между 1404 и 1407 гг.**. Этот труд в основе своей также является обработкой древних писателей: наряду с Вегецием особенно Фронтина. Христина несколько больше разбирается в разнице времени, чем Эгидий и Альфонс, но все же она в состоянии написать (кн. 1, гл. XXIV), что древние обращали внимание на то, чтобы hommes d'armes при развертывании для боя не пугались крика, который испускали иногда gens de commune или воины, испытывающие страх, и поэтому руководили ими при помощи трубного сигнала.

Она хочет, чтобы юношество воспитывалось в военном духе, но делает разницу между дворянством и народом. Дворянство должно с детства упражняться во всех видах рыцарского искусства, простой же народ — только в метании камней и стрельбе из лука.

Свои рассуждения по поводу боевого порядка (гл. XXIII) она начинает очень разумным замечанием о том, что ее время отличается от времени Вегеция в том отношении, что теперь больше воюют на коне, чем пешком. Но вместо того, чтобы ознакомить нас со своим временем, она, к сожалению, сообщает, что в этом пункте будет очень кратка, так как все это известно привычным к оружию людям.

Жан де Бюэйль (Jean de Bueil, умер в 1477 г.), поколением моложе Христины, был известным капитаном при Карле VII и уже в старости (между 1461 и 1466 гг.) частью составил, а частью помог составлению книги в форме романа, наподобие «Киропедии» («Воспитания Кира»), которая должна была служить руководством военному воспитанию молодых дворян. Книга называется «Le Jouvencel» и может быть причислена как к исторической, так и к теоретической литературе***, она представляет собой военные мемуары Бюэйля, но только под вымышленным именем (Амидас — король Карл VII). Действительными составителями были, по

* Friedrich Koch, Leben und Werke der Christine de Pizan, Leipz. Dissert, 1885, Verl. v. Ludw. Koch. Goslar.

** Напечатано под названием «L'art de chevalerie selon Végèce», 1488.

*** Иенс в «Истории военной науки» пропустил это сочинение. Оно издано Favre и Lecestre, 2 тома Париж, 1887, 1889.

всей вероятности, трое из свиты капитана, которые, очевидно, и внесли в роман ученые украшения из древних авторов. «Le Jouvencel» должен был юного дворянина учить «слушаться, воевать и, в конце концов, приказывать»; это заставляет нас от книги ожидать многого. И действительно, я нашел в ней кое-что интересное: например, указание о том, что князь должен треть своих расходов употреблять на разведывательную службу (en espie), и настоятельное предостережение с многочисленными примерами не атаковать в пешем строю, а выжидать атаки*. систематическая обработка и сравнение с действительностью теоретических мыслей XV в. по поводу тактики и стратегии Jouvencel, Христины и некоторых более мелких сочинений могли бы послужить предметом специального исследования. Но по причинам, указанным выше, я счел возможным отказаться от этого. К тому же крупных результатов это не дало бы.

Совсем другой характер имеет военная книга под названием «Bellifortis», написанная в Богемии современником Христины де Пизан, франкским дворянином из Эйхштедта Конрадом Кьезером (Konrad Kyeser). Это книга чисто технического характера и состоит из многочисленных рисунков, снабженных объяснениями на латинском языке, большей частью в гекзаметрах. Подобные картины появились очень давно и восходят, быть может, частью к византийским образцам; в течение всего XV в. распространялись, продолжались и вновь изготовлялись такие военные книги с картинами. Стимулом для подобной литературы послужило новое искусство пиротехники, но эта литература глубоко отвечает также духу времени. Иенс** превосходно охарактеризовал ее следующим образом: «Технические рисунки античных кодексов, особенно часто втречающиеся в византийских военных энциклопедиях, своеобразно соответсвовали вкусам конца средневековья. Ведь это было время, когда при помощи рычагов и винтов надеялись постичь всевозможные тайны. Время, когда воображали, что все засовы, закрывающие доступ к сверхъестественной силе, можно отодвинуть, если только бородка употребляемого ключа достаточно замысловата. Непонятное не отвергалось, а тем старательнее оберегалось традицией, чем меньше могли постичь. Античные предания и собственные изобретения странным образом соединялись с астрономическими, мистическими и алхимическими элементами. Именно пиротехника создавала мост между этим таинственным знанием и житейской практикой, тем более что большая часть того времени была посвящена этой отчасти технике некромантов в военном деле. Пиротехника и оружейное ремесло были к концу XIV и к началу XV в. еще окружены своеобразным нимбом, в свете которого, не свободном от таинственных побочных отблесков, пиротехники казались одним из самых почетных классов мудрецов вообще, а в частности — признанными носителями военной магии».

Решающее значение в этой характеристике имеет выражение, что непонятное не отвергалось, а старательно оберегалось в традиции. То, что прибавляли от себя, было, — как Иенс опять-таки очень метко говорит в другом месте (стр. 291), — смесью опыта и воображения, часто носящей наивный характер. Поэтому для истории военного искусства из этих многочисленных книг почти ничего нельзя почерпнуть, — и не только потому, что они касаются техники, которая как таковая не составляет предмета нашего труда, но и в силу того, что прочие случайные данные не заслуживают доверия. Уже говоря об античности, мы установили, как мало можно почерпнуть из теоретических сочинений, поскольку они невероятно противоречат действительности, вместо того чтобы ее отражать. Если приходится так говорить о древнем мире, который все же более воспитан в духе рационального

* «Le Jouvencel», кн. I, гл. XVII, т. II, 63: «une bataile a pié ne doit point marcher, mais doit toujours attendre ses ennemis pié coy. Car quant ils marchent, ils ne sont pas tous d'une force, ils ne peuvent pas tenir ordonnance. Il ne fault que un buysson pour les départir».

** «Geschichte der Kriegswissenschaften», I, 248.

мышления, то, тем более, это служение касается средневековья, для которого и без того непривычна критика. Эти технические сочинения XV в. полны авантюрных подробностей, а потому им можно доверять только при наличии основания для такого доверия. Так, например, у Кьезера встречается боевая колесница с серпами, плавающие башмаки, кони, навьюченные пылающими поленьями, которые приводят противника в ужас, пушка, которая должна стрелять каменными ядрами диаметром в 1 $^1/_2$ фута, но которая так непрочно сконструирована, что явно не может выдержать ни одного выстрела. К этой школе принадлежит и вышеупомянутый «moler und buchsenschiesser», который хочет атаковать противника клинообразно построенным вагенбургом и рекомендует в морской войне бросать в противника бочки с размягченной известью, чтобы ослепить его, или бочки с жидким мылом, чтобы сделать палубу скользкой. Здесь вы найдете и пушку, стреляющую за угол, по праву называемую «machina mirabilis» (чудесная машина).

Тактические предписания имеются главным образом в одном анонимном сочинении, приблизительно от 1450 г.*, и в ненапечатанных сочинениях Филиппа фон Зельденека (Von Seldeneck)** около 1480 г., но дух тот же, что и в рукописях с рисунками: противоречащее действительности теоретизирование, из которого трудно что-либо почерпнуть. В заслугу Зельденеку можно поставить уже то, что он, по крайней мере, не имеет ничего общего, как анонимный автор, с треугольным построением пехоты, которая своим острием должна врезываться в противника.

Наиболее значительным из этих трудов является книга итальянца Роберта Вальтурио (Roberte Valturio), написанная около 1460 г. и 1472 г., — может быть, первая книга, напечатанная в Италии. В «Истории военной науки» Иенса имеются основательные рефераты по поводу всех этих сочинений, что избавляет от необходимости касаться их более подробно в данной связи.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТРУДЕ ГЕНЕРАЛА КЕЛЕРА

В этом томе я больше всего вынужден был полемизировать с большим трудом ген. Келера*** и поэтому в заключение считаю необходимым дать о нем связный отчет.

Этот автор после 41 года практической работы в качестве артиллериста занялся изучением военной истории средневековья и с железным прилежанием овладел как огромным материалом первоисточников на разных языках, так и соответствующей литературой. Он знает требования исторического метода и в своем предисловии (а также в предисловии в т. 3, стр. XIV) развивает совершенно правильно тезисы и взгляды относительно значения и трактовки военной истории; он особенно подчеркивает, что не только историк нуждается в особой подготовке для анализа военно-исторического события, но и военный ни в коем случае не может на основании одних только знаний современного военного дела правильно понимать минувшие эпохи военного искусства и судить о них; он приводит целый ряд достаточно уважаемых военных имен, которые приступили к такого рода задачам, не имея правильной исторической перспективы, и поэтому — по безусловно правильной оценке Келера — потерпели неудачу. Он не впадает также, — и в этом заключается его особенная заслуга, — в естественную ошибку — переоценку значения военной истории для солдата и даже прямо говорит (т. I, стр. XXI), что для практического образования молодых офицеров она ничего не дает.

Но как ни удачна комбинация военного опыта, большой эрудиции и энергичного порыва овладения предметом изнутри, — он все же не достиг того слияния всех этих качеств, являющегося предпосылкой научной плодовитости. По поводу сражения при Кортенуова (I, 212) он переводит «cum ad rem ventum est neutrum eligerunt» (т.е. когда дошло до дела, они отвергли и то и другое) «что сражение должно было происходить при равных условиях, даже в отношении ветра», так что можно даже усомниться, понимает

* Опубликовано Келером в «Anzeiger f.d. Kunde d. deutschen Vorzeit», 1870.

** Реферировано у Иенса, I, 323.

*** Die Entwickelung des Kriegswesens und Kriegführung in der Ritterzeit von Mitte des 11. Iahrhunderts bis zu den Hussitenkriegen. Drei Teile in fünf Bänden, von G. Köhler, Generalmajor a. D., 1886 —1889.

ли он вообще по-латыни. Здесь, однако, мы имеем только случайную невнимательность; впрочем, только очень редко встречается мелкая ошибка в переводе, которая с лихвой искупается тем, что тот же автор сумел бесспорным образом исправить текст одного латинского документа — Вейсенбургского права министериалов (т. I, стр. 212, нем. изд.). Таким образом, он был отлично вооружен внешним аппаратом, но не обладал в достаточной степени ни силой критики, ни силой интуиции. У Вайца также не было никакой интуиции, но благодаря своей энергичной критике он дал многое. Иенс имел, по существу, очень мало от обоих качеств — критики и интуиции, проявляя их, я бы сказал, только редко, но благодаря неутомимому усердию, легко обозримому расположению материала и блестящему изложению он создал столь радующие и полезные труды, как «Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance» или «Geschichte der Kriegswissenschaften».

Келер задался более высокой целью, но ввиду ограниченных сил потерпел неудачу в основном. Правда, в отношении некоторых деталей его оценка была правильной. Его замечания относительно стрельбы из лука (II, 367, III, предварительные замечания) превосходны; его описание местности Танненбергского сражения образцово; его взгляды на вооруженную свиту рыцарей имеют значение открытия; его резкая критика труда* Дельпеша обоснована, и можно было бы привести еще многое. Но достойное похвалы и ценное в его книге остается, к сожалению, в пределах такого рода деталей.

Уже самый план его работы ложен.

Келер говорит (т. I, стр. XXXIII), что труд его порожден «полным преобразованием военного дела, вызванным введением ленной системы; середина XI в., когда система достигла известного завершения, знаменует собой некоторый исторический рубеж».

Но к середине XI в. ровно ничего не было завершено. Феодализм завершил создание военной организации в IX в., а процесс образования замкнутого военного сословия из возникшего воинства завершился в XII в., после того как в XI в. этот процесс зашел уже очень далеко.

Ложный исходный пункт дал повод к установлению самых невероятных связей. Оружие и военное дело германо-романских народов исходят, якобы, из Византии. «Рипуарская правда знает в качестве оружия только меч, копье и щит. Это было обычным для того времени византийским оружием» (III, 1, стр. IV; III, 1, стр. 8). « Положением своего военного искусства в XIII в. Запад обязан только 800-летнему соприкосновению с Византией» (III, стр. I). «Средневековье не только усвоило основы ведения боя римских легионов, подобно тому как они в Византии были перенесены на сражение конницы, но, прогрессируя, оно в основном создало методы сражения, которые господствуют и теперь» (III, 3, стр 1).

Недостаток исторического инстинкта, проявляющийся в этих замечаниях, все время находится в странном противоречии с критическим методом, значение которого автор теоретически хорошо понимает.

В 1302 г. фламандцы, по словам Келера, на основании какого-то источника были построены в форме щита с острием, направленным вперед, причем отдельные бойцы были связаны друг с другом, благодаря чему нельзя было прорвать их ряды(III, 2, 261). И при Фалькирке он изображает шотландцев связанными друг с другом (III, 2, 264). При Никополе храбрые французские рыцари так испугались главной массы турецкой армии, что не были даже в состоянии вытащить мечи (II, 650). Также и при Азинкуре французские рыцари погибают почти без сопротивления (II, 771).

В т. III, 2 , 266, Келер описывает , как Ричард Львинное Сердце с 80 рыцарями и 400 арбалетчиками устоял против армии в 20 000 конных, под начальством самого Саладина. Бой продолжался с утра до 3 часов пополудни, когда Ричард сам перешел к нападению.

Вагенбург Келер рассматривает как прикрытие во время марша (III, 3, 384).

«Предшественники ландскнехтов не смогли создать свои организации, так как были истреблены после войны». Спрашивается, почему сильные люди, которые истребили «свободу» после войны, не вели войну без нее? Освещению вопроса не помогает и следующее признание: «в 1386 г. герцог Рупрехт младший приказал бросить в печь для обжигания кирпича и сжечь 60 человек из этих своевольных кнехтов» (Кенигсгофен, 845). «После епископских войн страсбуржцев в 1393 г. была устроена форменная охота на них» (Кенигсгофен, 691).

---

* Henri Delpech, La Tactique au XIII-me siècle, Paris, 1886.

А.Молинье в подробной рецензии в «Revue historique», т. 36 (1888), стр. 185, также доказывает, что Дельпеш не знаком с самыми элементарными положениями исторической критики.

Генезис всех этих противоречий ясен и поучителен. Келер делает ту же ошибку, которую часто делают и наши филологи при трактовке древней истории: он слишком зависит от отдельных случайно сохранившихся, случайно носящих ту или иную окраску показаний историков. Но если бы дело ограничивалось только этим, то его книга все же давала бы хорошо упорядоченную и очень ценную регистрацию. Но так как он, — по его мнению критически, а на самом деле очень произвольно и фантастически, — эти источники в то же время и толкует, то получается обычный в таких случаях результат.

По поверке с источниками в руках его изложений и анализов сражений, на которых должна быть построена всякая история военного искусства, мы должны их отвергнуть во всех случаях. Мы уже видели, что зачастую она представляет собой чистый продукт фантазии; нет смысла возвращаться к этому. Больше всего вреда он причинил тем, что новейшие швейцарские исследователи, опираясь на его авторитет, а также на Иенса, в противовес Рюстову и Бюркли снова приняли нелепое представление о боевом порядке в виде треугольника. Особенно В. Эксли (W. Oechsli) в своей статье, помещенной в «Schw. Monatsschrift für Offiziere aller Waffen» (1902 г.), пытался на основании источников выставить «острие» в виде треугольника. Поэтому я вновь кратко повторяю уже сказанное по этому поводу. Прежде всего нужно установить различие между пехотой и конницей. Конница вообще не может иметь глубокого боевого построения, по отношению к ним «острие» — не форма боя, а форма сближения и в качестве такового является просто надуманной тонкостью, не имеющей практической ценности, хотя и бывшей иногда в моде. Иначе обстоит дело с пехотой. Здесь глубокое построение имеет тот смысл, что задние ряды нажимают на передние, — у конницы это может не иметь места.

Если колонна имеет глубокое построение (и людской квадрат больше в глубину, чем в ширину, вследствие того, что расстояние от переднего воина больше, чем от соседа), то легко случается, что или оба передних угла настолько отстают, или задний в пылу сражения напирает, или одновременно имеет место и то и другое, и, таким образом, четырехугольная колонна при столкновении действительно принимает форму, напоминающую треугольник. Это может случиться даже с линией — пример чего приводит Фридрих Великий в сражении при Фонтэне в 1745 г. («Hist. de mon temps.», II, 355). То же сообщают и относительно английского каре в сражении при Бель-Альянсе; иногда, — правда, очень редко, — эта информация изображается средневековыми рассказами о сражениях как преднамеренная*, а теоретики, начиная с Вегеция, с пониманием действительности которых мы познакомились, вновь и вновь возвращаются к представлению, что с таким острием можно, якобы, «рассечь» врага. Но это невозможно, потому что для рассечения неприятельской колонны воин, образующий острие треугольника, должен был сперва одолеть воина, с которым он сталкивался.

Этого он, однако не может даже в случае значительного превосходства над ним, так как во время боя его атакуют два соседа его противника, не имеющие никого непосредственно перед собой, а даже самый сильный человек не может устоять против троих. Даже в том случае, если в первом ряду треугольника стоит не один воин, а несколько, получилась бы та же картина: передние всегда были бы окружены. Только если острие клина достаточно широко, т.е. когда оно представляет собой не треугольник, а четырехугольник, то это неудобство так мало, что совсем пропадает (см. т. II, стр. 43 и 399 нем. изд.).

Слова «Spitz» и «cuneus» вовсе не могут служить доказательством треугольного построения. Слово «Spitz» в двуязычных документах просто переводится словом «acies», а «cuneus» уже у Ливия является обозначением фаланги и в древне-верхненемецких глоссах переводится словами «folch» или «heriganoscaf» (как multitudo), а немецком Вегеции Людвига Гогенванга (отпечатано около 1475 г.) переведено «ain

* Сражение при Виспе, на которое ссылается Эксли, известно нам только по источнику, появившемуся через 80 лет после события; методически неправильно пользоваться явно легендарным рассказом как свидетельством только потому, что швейцарец XV в. представлял себе нечто подобное, говоря об «острие». Летописец, пишущий о столь отдаленных временах, достаточно часто, не задумываясь, вводит самые чудесные сказки. Очень недостаточным основанием для заключения о треугольном боевом порядке является то, что рыцарь барон фон Штейн из Швабии в стычке при Рогаце 1446 г. «zuworderst» ехал во главе, пытался прорваться в ряды швейцарской колонны и был убит при этом. Возможно, что рыцарь был впереди товарищей и пытался проделать проход для своих, «так как конь и всадник покрыты были доспехами», но, разумеется, ему было по душе, если бы наряду с ним то же делали и другие, вместо того чтобы ради треугольного строя отставать на длину лошади. Неприятельский боевой порядок делят и ломают лучше всего тогда, когда врываются в ряды один или несколько, но по возможности большее число.

besamelte mengin der ritter»* и в боевых песнях встречаем выражение: «ordenten ihr Heer in spitz und ordnung wie ein mur».

На одном уровне с треугольным построением находится представление Келера о 3 линиях рыцарства. Подумать только: каждая их этих линий состоит в свою очередь, из «клиньев », т.е. колонн в 20—30 лошадей глубиной; и таковы не походные, а боевые построения! Единственные бойцы, которые при таком боевом порядке в состоянии пустить в ход свое оружие, это бойцы первой шеренги в первой линии; следовательно, одна шестидесятая или девяностая часть армии. И это у всадников, где задние ряды даже не в состоянии нажимать на передние, тесня их вперед,и где естественная слабость флангов еще гораздо больше, чем у пехоты! Ничего нет удивительного в том, что автор с такого рода представлениями верит в построение испанцев, при котором солдаты были связаны между собой ногами.

Венцом этих откровений являются «круглые» фаланги германцев, о которых сообщает Цезарь, и в которых аллеманы, якобы, рубились под Страсбургом[179](III, 2, 233, 235; III, 3, 136).

И саксы в сражении при Унструте, в 1075 г., будто бы сомкнулись в круг, «который, впрочем, после отважного сопротивления не выдержал повторных атак императорского войска» (III, 2, 257). Место, которое при этом цитируется, гласит у Ламберта, стр. 184: «Когда они, едва переведя дух от страха, внезапно остановились, то образовали весьма тесный круг, не ожидая сигнала, как это обычно у готовящихся вступить в бой» — здесь обрывается цитата у Келера; Ламберт же продолжает: «дают шпоры коням и во весь опор несутся на противников».

В конце концов, Келер не имеет права считать себя авторитетом в области истории военного дела и не должен был позволять себе грубо и свысока третировать исследователей как Рюстов, Оман, Бюркли и Бальцер.

ГЛАВА IX

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место дисциплинированных легионов древнего мира и средневековья заняла военная каста, основанная всецело на личном мужестве и личных качествах воина. Одновременно с исчезновением тактической единицы древнего мира исчезла также резкая грань и обособленность между отдельными родами войск. Квалифицированный единоборец сражается на коне или пешком в зависимости от обстоятельств и попеременно употребляет пики, меч и лук. Постепенно вновь образуемые в средние века роды войск возникли путем дифференциации. Венцом единоборства является, с одной стороны, закованный в тяжелые латы рыцарь на закованном в панцирь коне и, с другой — вследствии односторонности и беспомощности этого рода войск — различные вспомогательные роды войск, конные и пешие, которые, однако, играют только вспомогательную роль и не развиваются до способности действовать самостоятельно.

Особенно пешие копейщики не могут в отрытом поле соперничать с рыцарями: наскок рыцарей, в случае нужды при содействии стрелков, рассеял бы их и лишил наступательной силы; одни стрелки также не могли выдержать рыцарской атаки в открытом поле.

Эти рыцари и эта пехота не представляют того, что мы называем кавалерией и пехотой. Несмотря на большую схожесть вооружения, они все же по духу, образу действий и по своему понятию в корне различны.

Остановимся сперва на пехоте с холодным оружием. Разница между баталий средневековых копейщиков и фалангой, легионом или когортой заключается в том, что баталия не образует тактической единицы, т.е. организма, в котором множество воинов сливается в одну единую волю. Только организованные подо-

* Lilienkron, II, 310.

бным образом пешие бойцы могут действительно называться пехотой. Пробой для нее является бой с конницей в открытом поле.

При помощи вагенбурга гусситской пехоте удается одолеть рыцарские армии. Но это только эпизод. Вагенбург — слишком громоздкий инструмент, чтобы вполне удовлетворять требованиям войны. Сколько-нибудь длительных последствий гусситская военная организация не имела.

Настоящая пехота снова возникает только у швейцарцев. В сражениях при Лаупене, Земпахе, Грансоне, Муртене и Нанси мы снова имеем дело с пехотой, напоминающей фалангу и легионы.

Сочетание ряда моментов способствует возникновению нового искусства и силы в этой части германских альпийских стран. Горная страна сама по себе очень благоприятна для сохранения первобытной военной силы. Распад герцогства Швабии и гибель герцогского рода Штауфенов, вымирание Церингенского дома — все это помогло возникновению бесчисленных маленьких областей, подчиненных непосредственно имперской власти. Эти области, как некогда маленькие греческие кантоны, в постоянной борьбе между собой напрягали и упражняли свою военную силу. К тому же горная природа издавна давала крестьянским и городским общинам возможность искусным использованием местности не уступать рыцарским армиям и побеждать их.

В этих войнах они создали подходящее оружие и соответсвующие боевые формы, сперва метание камней и алебарду, затем длинную пику, выставленную вперед многими шеренгами, и этим могли отразить нападение рыцарей. Ученые долго спорили о времени возникновения длинных пик, оспаривая даже изобретение их швейцарцами: это, мол, оружие не крестьянское, а городское. Вопрос не так легко разрешимый да и не столь важный. Длинные пики упоминаются уже в числе оружия древних германцев (Тацит, Анналы, II, 14; ср. т. II, стр. 41, нем. изд.), затем снова у квадов [180] и сарматов (Аммиан, XVII, 12), у саксов (Видукинд, 1, 9; Космас IV, 27) и в Италии («Annal Januenses», 1240)*. Одни из них во все времена должно быть выбирали длинные пики, дабы держать врага подальше от себя, другие — покороче, дабы лучше владеть ими. Слишком длинную, свыше 20 футов, пику носить неудобно (ср. т. I, стр. 435, нем. изд.), и она пригодна только для боя сомкнутой баталией (она не годится даже для охоты). Атаку тяжело вооруженных рыцарей можно отразить уже с помощиью пики в 10 или 20 футов при условии, что баталия тесно сомкнута. Поэтому нет надобности полагать, что швейцарские крестьяне уже при Моргартене или до него употребляли длинную пику. Быть может, только когда эти бои повторились снова и швейцарцы поняли огромную важность отражения конницы, они стали в крайних шеренгах четырехугольной баталии выставлять воинов с возможно более длинными пиками. Опыт Лаупена, очевидно, способствовал возникновению мысли о том, что в будущем с удлиненными пиками можно будет стать еще сильнее. Однако, ни из источников, ни из хода сражения не видно, что такие пики применялись при Земпахе, а недавно высказано было даже предположение, что к очень длинным пикам перешли только после бургундских войн (т. IV. стр. 14, нем. изд.).

Щит непригоден ни при алебарде, ни при длинной пике, так как для владения им необходимы обе руки.

Воины с алебардами не носят также и панциря. Их защитой является то, что они составляют внутренние шеренги и ряды четырехугольной баталии. Только после того как сомкнутая баталия, «овладев натиском», раскидав врага, рассыпа-

* M.G. SS. XVIII, 192. H.Escher, Das schweizerische Fussvolk, стр. 19, далее указывает (без ссылки на источник), что в 1202 г. в Италии различали «lanceae longae» и «lanceae de milite» и что в 1327 г. гражданам Турина приказано было иметь «пики в 18 футов». Келер, III, 1, 50, говорит, что рыцарская пика, первоначально не более 10 футов длиной, в XIV в. была удлинена до 14 футов и стала столь тяжелой, что владеть ею пешком сделалось невозможным (III, 1, 85).

ется и начинает преследование, только тогда начинается работа алебардщиков. Последние не нуждаются в особом оборонительном оружии, так как подлинная боевая сила противника уже сломлена. Пикинеры же, образующие крайние ряды четырехугольной баталии для отражения атак рыцарей, имеют панцирь и шлем, защищающие не только от копья и меча рыцаря, но и от стрел, дротиков и пуль стрелков. Пика и панцирь так тесно связаны друг с другом, что когда в источниках говорится о броне (Harnisch), то пика даже не упоминается отдельно, а подразумевается сама собой*.

Стрелки идут врассыпную подле баталии, а если их теснят, они вливаются в нее.

Чем больше сомкнута баталия, тем труднее коннице разбросать ее и тем сильнее ее натиск. Все же не советуется выстраиваить все войско в одну баталию, так как такая баталия очень легко может попасть под двухстороннюю атаку, как это имело место со швейцарцами при Лаупене; в таком случае баталия становится беспомощной. Поэтому швейцарцы выработали следующий метод: вне зависимости от численности армии они строились в 3 большие, согласованно действующие баталии. Эти 3 баталии стояли не непосредственно рядом или одна за другой, а уступами, так что не мешали друг другу, и задняя баталия, вступавшая в бой несколько позже предыдущей, сохраняла некоторую свободу движений. Даже очень большая баталия в 10 000 человек, имея узкий фронт всего в 100 человек, располагала большой легкостью движений. Построение в 3 баталии можно с уверенностью доказать по источникам только начиная с XIV в.; при Моргартене и Земпахе в сражении ясно различимы только 2 баталии: одна, придерживавшаяся оборонительной тактики, и другая, совершавшая атаку во фланг. Не исключена, однако, возможность, что здесь имелась и третья баталия, а так как она действительно вытупает на сцену при Паупене, то вообще мы можем предположить существоание трех баталий еще в XIV в.

Владея соотвествующим оружием, имея подходящую форму боевого построения и опытных руководителей, умевших использовать преимущества горной страны, крестьяне и горожане наполнялись духом уверенности, превратившей весь народ в воинов.

Еще и поныне швейцарский патриотизм не хочет расстаться со сказанием о Телле и Винкельриде и с представлением, будто их праотцы были невинным народом набожных пастухов, — народом, взявшим в руки оружие только для защиты своей свободы от чужих тиранов, сперва Габсбургов, а затем герцога Бургундского, направивших несчетные полчища против этого маленького народца. Благодаря этим ложным представлением уничтожается всякая возможность понимания событий. Правда, народное понимание может, очевидно, орудовать только такими картинами: это мы уже видели на примере с греками, которые также сумели прославить свои персидские войны только тем, что изобразили их как победу очень малого войска над бесчисленным противником. И в том и в другом случае наука должна внести исправления в подобные представления, что вовсе не умаляет славы народных подвигов, а только перемещает их в другую сферу.

Швейцарские воины имеют тот же разбойничий, насильственный и жестокий характер, как и древние германцы. Швейцарские общины, — поскольку первый успех придал им самоуверенность, а снабжение в непосредственной близости от дома не представляло затруднений, — имели возможность против самой большой средневековой армии выставлять еще более внушительную армию; объясняется это тем, что рыцарские войска, даже включая кнехтов и наемников, по природе

* Бюркли полагает, что это и есть обозначение термина Stangharnisch. G. Escher, стр. 44, прим. к стр. 19, оспаривает его, но признает, что другого объяснения слова Stangharnisch еще не найдено. Бюркли безусловно неправильно утверждал, что под этим Stangharnisch следует понимать позднейшую длинную пику. Escher, Feuerwerksbl. 1907 (102), стр. 34, приходит к выводу, что под броней подразумевается такое оружие в виде шеста ... «как пика, так и алебарда».

своей всегда были маленькими. Начиная от Моргартена и кончая Нанси, союзные армии всегда численно превосходили противников почти вдвое. Только благодаря этому они развернули всю свою колоссальную мощь; отдельные элементы, из которых складывалась эта мощь, максимально усиливали друг друга: в то время как повсюду в Европе профессиональными воинами становилась лишь очень малая часть народной массы, в швабских альпийских странах военный успех, практика, а также и сама природа придают всему войску профессиональный характер, а массы, которых при таких условиях легко призвать под ружье, удваивают, в свою очередь, самонадеянность и уверенность в победе. К тому же государственное правление сознательно стремилось к тому, чтобы всех обуял страх перед швейцарцами.

В то время как европейские профессиональные воины, — как рыцари, так и наемники, — до известной степени щадили друг друга и, если убийство не было безусловно необходимо, довольствовались тем, что брали в плен, швейцарцы сразу же стали убивать каждого настигнутого врага; они категорически запретили брать пленных и убивали уже взятых. Даже во время междоусобных войн между самими союзниками (Старая Цюрихская война)[181], когда жители лесных кантонов[182] вместе с бернцами и другими кантонами захватили замок Грейфензее, они казнили (1444 г.) гарнизон цюрихцев, вынужденный сдаться «на немилость». Кровожадное убийство всех граждан мирного городка Штеффиса, хотя и вызвало некоторое порицание среди самих союзников, по существу представляло собой лишь обычное толкование принципа, что в бою никто не должен быть пощажен.

Если щадили «юных мальчиков», то источники именуют это уже снисходительностью, а в первом общем военном уставе союзников — Земпахской грамоте[183], 1393 г., пришлось категорически предписать, чтобы, поскольку «благодаря женщине обновляется и размножается благополучие всех людей», никто не смел убивать, закалывать и насиловать жен и дочерей. Основной причиной военной жестокости швейцарцев была та опасность, которую грабеж и взятие в плен представляли для самих военных действий. Земпахская грамота была издана со ссылкой на то, что в бою можно было бы убить значительно больше врагов, если бы победители не слишком быстро бросались на добычу. Но так или иначе своим категорическим запрещением брать пленных они усилили страх в неприятельском лагере, и возможно, что паника, охватывавшая австрийский арьергард при Земпахе и бургундскую армию при Грансоне и Муртене, как только дело принимало — или даже казалось только, что принимает — неблагоприятный оборот, объясняется именно известным противникам обычаем швейцарцев не давать никакой пощады.

Когда Карл Смелый пошел против швейцарцев, то при выступлении из Нанси он обратился к своим капитанам с речью* о том, что противник по своему обыкновению даст сражение у самой границы, в случае победы или нанесения ему даже самого незначительного поражения противник будет сломлен и его дело будет проиграно. Хотя выражения этой речи несколько утрированы, все же по своей идее она правильно выражает существо дела: храбрость швейцарцев основывалась на их успехе; успех вселял в них уверенность в победном исходе безудержного натиска, от которого рассыпались плохо спаянные отряды неприятельских армий, как бы ни была велика личная храбрость отдельных рыцарей или наемников.

Швейцарцев этой эпохи можно сравнить с древними германцами, а также с афинянами времен Перикла. По своей природе жители полуострова Аттики не были ни более храбрыми, ни более искусными мореплавателями, чем остальные греки. Но ход исторического развития и политика превратила все население в воинов на суше и на море, и это придало их мирной жизни основные черты военного профессионализма. Вот что заявил им их полководец Никий в своей

* Сообщение миланского посланика Панигаролы от 16 января 1476 г. (Gingins, Dépêches Milanaises, I, 266); «Non dubitaria secondo il costume loro, li presentariano la bataglia: ab la prima intrata che bisognava romperli; perche ogni picola sconfitta li desseno, de la prima restariano inviliti et perduti».

речи перед сражением с сиракузцами[184]. Сиракузцы представляют собой простое народное ополчение; они же являются отборными воинами, опытными в военном деле и понимающими войну*.

Подобно этому и швейцарцы отличаются от остальных германцев не природными задатками, а различным историческим развитием и политическим воспитанием. Большинство габсбургских воинов было такими же швейцарцами, как и жители лесных кантонов. Победители Грансона и Муртена — в большинстве своем те самые люди, которые побеждены были при Моргартене, Лаупене и Земпахе: поскольку эти побежденные частью добровольно, частью по принуждению вступили в ряды победителей, они переняли также и их качества.

Четырехугольные баталии швейцарцев имели мужество, будучи пешим войском, вести наступательные действия против рыцарских армий и даже атаковать укрепленные позиции. Это представляет собой нечто совершенно новое с момента окончания древних времен и возникновения ленной военной организации. Еще в 1475 г. в начале бургундских войн союзная пехота при отступлении из Франш-Конте (Franche-Comté) прикрылась от бургундских рыцарей тем, что построила вагенбург. В дальнейшем об этом никогда не было речи.

Снова появляется пехота, являющаяся не простым вспомогательным оружием рыцарей и осмеливающаяся биться с ними только при наличии укреплений, а пехота, которая, вполне полагаясь на свою силу, вступает в любой бой с любым противником. Форма построения (четырехугольная баталия), оружие (длинная пика и алебарда), масса, представляющая собою народное ополчение, и военный дух, выкованный в продолжительных войнах, — все это действует сообща. Когда в 1444 г. Швейцарии грозило вторжение французских наемников — арманьяков, отряд швейцарцев численностью в 1 500 человек с беззаветным мужеством вступил с ними при Сен-Жакоб на р. Бирс близ Базеля (26 августа) в бой, окончившийся, правда, полным поражением швейцарцев, но проведенный с такой храбростью, что даже враги были в восхищении.

Все народы очень ценили швейцарских наемников и предъявляли большой спрос на них.

Победы над Карлом Смелым, хотя при этом большую роль играли случай и ошибки бургундского командования, до крайности подняли веру в боеспособность швейцарцев и усилили самонадеянность их самих. Союзники спускаются с гор и добиваются победы при Нанси уже не в качесте обычных наемников, а как своеобразная, совершенно новая военная сила. Эта победа при Нанси уже не единичный случай, как в свое время победа фламандцев при Куртрэ, нет — это начало новой эпохи в истории военного искусства. Средневековье военной истории закончилось в самый день Муртенского сражения, когда в лице герцога Бургундского и его армии в принципе побеждено было средневековое военное дело, причем побеждено было не случайно, не в момент слабости и упадка, а наоборот — на наивысшей ступени совершенста, когда оно вдобавок было подкреплено изобретением огнестрельного оружия. Нужно полагать, что при лучшем полководце, чем герцог Карл, победа досталась бы швейцарцам с гораздо большим трудом, но нет сомнения, что и в этом случае швейцарцы, в конце концов, все равно победили бы; никакие стрелки с луками, арбалетами и кулевринами не были в силах выдержать натиск этих вооруженных пиками и алебардами громадных сплоченных баталий, искусно руководимых своими начальниками; никакое рыцарское войско не было в состоянии рассеять или остановить одновременно все 3 баталии путем атаки во фланг.

Одни стрелки не могут устоять против холодного оружия, а одни рыцари не имеют такого тактического руководства, которое смогло бы сломить баталии

* Т. I, стр. 135. нем. изд. Фукидид, VI, 68.

комбинированным маневром. Швейцарская пехота образует тактическую единицу; у рыцарей, стрелков и копейщиков средневековья она отсутствует. Швейцарцы имеют не только оборонительную и наступательную силу, но и руководство. У фламандцев 100 годами ранее также были задатки к этому, но силы, как показало сражение при Розебеке, еще нехватало. Федерация горных кантонов путем постепенного прогресса в течение 150 лет развивала и укрепляла силы, которые теперь одержали окончательную победу и, выйдя за пределы гор, преобразовали военое дело всей Европы. Мы находимся здесь у такого же исходного пункта новых начинаний, как в свое время при Марафонском сражении. Как в персидских, так и в бургундских войнах пехота с холодным оружием победила армию рыцарей и стрелков. Эта победа должна была все изменить, так как военное дело каждой эпохи представляет собой нечто целое, и значительное измененние в каком-либо месте влияет и на все остальные части этого целого.

Мы признали, что естественным пополнением рыцарства в то время служила не пехота, а только пешие кнехты. Затем эти пешие кнехты стали пехотой и вскоре повсюду сделались таковой. Следовательно, и рыцарство должно было превратиться в кавалерию.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

[1] Франки — германская народность, состоявшая из многих племен. Более крупными среди них были: бруктеры, херуски, сикамбры , салические франки, рипуарские франки, хамавские франки и др. В V в. франки завоевали Галлию и создали франкское королевство.

[2] Вассалитет — личная зависимость, которая существовала в средние века между феодалом-сюзереном и феодалом-вассалом (см. прим. 3).

[3] Ленная (или феодальная) система землевладения — основным элементом этой системы, существовавшей в средние века, являлся феод, или лен, т.е. участок земли, который отдавался в условное владение одним лицом другому. Человек, давший участок земли, становился сюзереном, получивший лен — вассалом. Взамен права владения леном вассал должен был выполнять ряд повинностей по отношению к сюзерену: оказывать ему помощь во время войны, нести определенные судебные обязанности; кроме того он был обязан ему целым рядом платежей.

[4] Каролинги — вторая династия франкских королей, получившая свое название от имени Карла Великого. Династия эта оставалась у власти с 751 г. по 987 г.

[5] Рипуарское право — законы рипуарских франков. Основная чать рупуарского права относится к VI в.

[6] Солид (solidus) — византийская золотая монета, введенная императором Константином в 312 г.

[7] Капитулярии — указы, издававшиеся франкскими королями.

[8] Саксы — союз германских племен, живших в III в. по Нижней Эльбе; саксы совершали набеги на франков. В V в. часть саксов завоевала остров Британию, где в последствии образовалось англосаксонское королевство. Другая часть саксов осталась в Германии, вела почти непрерывные войны с франками, пока в VIII в. не была покорена Карлом Великим.

[9] Меровинги — первая династия франкских королей (481—751 гг.). Первым королем этой династии был Хлодвиг.

[10] Колонат — форма крепостной зависимости крестьян в древнем Риме, получившая особенное развитие в III и IV вв. до нашей эры.

[11] Графские должности — графы (comtes) назначались королями для управления областями, собирали налоги и наблюдали за исправностью ополчения, являясь вместе с тем и его военачальниками. За это графы пользовались доходами с участков земли, которые давались им в качестве бенефиций (см. прим. 28). Позже должность графов стала наследственной, земля их превратилась в лен, а название графов стало почетным титулом феодалов.

[12] Вестготы — западная (вест) ветвь готов, древнегерманской народности, делившейся на два племени: ост- (восточн.) и вестготов.

[13] Эдикт — указ, распоряжение высшей власти (в древнем Риме — римских императоров, во франкском королевстве — королей и т.п.).

[14] Переписка того времени велась преимущественно на латинском языке.

[15] Позднее Средневековье, т.е. эпоха с XII в. по XV в.

[16] Сорбы, или венды — у германских народов общее название славян. В частности, вендами называли лужицких (полабских) сербов, живших по обоим берегам Шпре и по рр. Одеру и Эльбе.

[17] Центурион — командир центурии — подразделения римского легиона, численность ок. 60—100 пехотинцев.

[18] Курия — двор папы и его управление.

[19] Аквитания — юго-западная часть Галлии между Гаронной и Пиренеями, завоеванная римлянами и превращенная в римскую провинцию. Позднее Аквитания была последовательно покорена

сначала вестготами (V в.), потом франками. Ко времени, о котором идет речь (VII и VIII вв.), Аквитания — почти самостоятельное герцогство.

[20] Аллеманы — древнегерманская народность, жившая между средним течением Одера и Эльбой. В начале III в. в поисках новых земель для земледелия и скотоводства и под напором соседних племен начинают теснить римлян и, упорно продвигаясь вперед, к началу V в. доходят до Боденского озера. В начале VI в. аллеманы были покорены франками и полностью включены в состав меровингского королевства на правах особого герцогства Аллемании. Само название аллеманы сохранилось в современном французском языке (allemand — немец, Allemagne — Германия).

[21] Рипуарские франки — см. прим.1.

[22] Авары — народ, переселившийся в VI в. из Каспийских степей на Дунай и постепенно проникший на территорию современной Венгрии. Здесь авары образовали самостоятельное сильное государство. В результате похода Карла Великого — 791 г. — могущество аваров было сломлено, и они признали его власть.

[23] Лангобарды — германская народность, жившая первоначально на левом берегу Нижней Эльбы, а потом переселившаяся в область р. Дуная. В течение V и VI вв. лангобарды покорили ряд германских народностей (герулов, гепидов). В 568 г. лангобарды завоевали Северную Италию, где основали Лангобардское государство. В 744 г. государство это было покорено Карлом Великим и присоединено к франкскому королевству.

[24] Домены (Dominium) — земли, леса и пр., доход с которых (натурой) шел в пользу короля. В настоящее время в Западной Европе доменами называется государственное недвижимое имущество, доход с которого идет в пользу главы династии или государства.

[25] Здесь Дельбрюк неправ. Несомненно, натуральное хозяйство определяло характер и формы так называемого кочевого королевства. Именно сама форма кочевого королевства явилась прямым результатом натурального хозяйства. Ссылка на то, что основа его кроется глубже, в самой идее власти германских королей, конечно неверна.

[26] Видам (vidam) — викарий или наместник епископа.

[27] Каноник — член капитула, т.е. собрания католического духовенства, служащего при кафедральном соборе.

[28] Бенефиции — земли, дававшиеся в условное владение, с обязательством военной службы или других повинностей в пользу сюзерена. Бенефициальная система в средние века являлась основой феодализма.

[29] Клирик — причетник католической церкви; в широком смысле этого слова клириками называют всех духовных лиц вообще.

[30] Фохт — наместник короля, должностное лицо на королевских иммунитетах (см. прим. 108); он же исполнял обязанности судьи. Фохты бывали также на иммунитетах церковных и светских (частных). В XI в. должность фохта превращается в наследственный лен (см. прим. 3).

[31] Гунно (Hunno) — от слова сотня — hundert; у германцев — старейшина рода, впоследствии — название сельского старосты. Гунно являлся руководителем жизни деревни и вождем ее воинов во время войны.

[32] Манс — земельный надел.

[33] Ливр — старинная французская серебряная монета в 20 су.

[34] Фризы — древнегерманское племя, живщее на северо-западе Германии. В VIII в. они были покорены франками и область их — Фрисландия — присоединена в франкскому королевству. В Западной Фрисландии, где язык фризов смешался с французким и нижнесаксонским, и образовал голландский, к X в. появились отдельные наследственные графства — Голландия и Зеландия (Zeeland). Таким образом исчезает самое имя фризов.

[35] Ассизы — постановления или узаконения, принимавшиеся в средние века в феодальных государствах на собраниях совета или суда.

[36] Плантагенеты — династия английских королей, произошедшая от рода французских графов Анжуйских и правившая с 1154 г. по 1399 г.

[37] Анналы — летописи, хроники, хронологические записи событий.

[38] Аббаты — с V в. на Западе так назывались настоятели (аббатиссы — настоятельницы) монастырей. В средние века аббаты больших монастырей были важными сановниками церкви и пользовались большим экономическим и политическим влиянием. С падением значения монастырей падает и влияние аббатов.

[39] Календы — так называли римляне первый день каждого месяца.

[40] Викарий — епископ, не имеющий самостоятельной епархии, помощник местного епископа.

[41] Герибан — штраф, налагавшийся за уклонение от воинской повинности.

[42] Салическая правда — один из древнейших и наиболее значительных сборников писанного права одного из германских племен — салических франков, живших в северо-западной Галлии. Временем ее возникновения считают начало VI в.

[43] Хамавские франки или хамавы — одно из древних германских племен. Первоначально хамавские франки жили на правом берегу Нижнего Рейна: страна их носила название Chamaland — страна хамавов. Впоследствии хамавы вошли в состав рипуарских франков, но сохранили некоторую самостоятельность и даже свое особое право. Кодекс хамавского права (хамавская правда) сохранился до наших времен.

[44] Диспенсация — акт католической церкви, отменяющий закон или предоставляющий льготу или исключение для данного случая. Право это принадлежало папе и епископам в пределах папского полномочия.

[45] Гепиды — германская народность, родственная готам. Жили они в бассейне р. Дуная. Впоследствии гепиды слились частью с лангобардами, частью с аварами.

[46] Паннонцы — славяне, жившие между р. Савой и Дунаем. Паннонцы были в середине IX в. объединены моравским князем Прибиной в особое паннонское или платенское княжество. В начале X в. Паннония была завоевана венграми.

[47] Норики — так называлась у римлян область восточных Альп. Древнейшими жителями Норики было кельтское племя таврисков, которое позже стало называться племенем нориков. После падения Римской империи большая часть нориков отошла к остготам.

[48] Булгары (болгары волжские) — народ тюркского происхождения, который создал на Каме и Волге сильное государство, существовавшее с VIII в. по XIV в. Исследователи считают потомками волжских болгар современных чувашей. Центром государства болгар было пространство между нижним течением Камы и средним течением Волги. Главным городом был Великий Булгар. Судя по сохранившимся развалинам, население его доходило до 50 000. Монгольское нашествие XIII в. сокрушило Волжскую Болгарию наравне с древней Русью, но Болгария довольно быстро оправилась. Нашествие Тамерлана разорило окончательно города волжских болгар.

[49] Литы или альдии — особое сословие полусвободных людей и древних германцев. Литами становились главным образом покоренные германцами народности. Литы были лично свободны, но владеть самостоятельно землей они не могли и в политических делах никакого участия не принимали. Такое же сословие существовало и у франков.

[50] Гастальды — воины, дружинники.

[51] Викинги — дружины морских разбойников, норманнов, выходцев из Скандинавии, производивших постоянные набеги на побережья Западной и Южной Европы. Свои набеги они совершали иногда небольшими отрядами, иногда целым войском. Разбойничья и отчасти торговая деятельность викингов падает главным образом на VIII—X вв.

[52] Вира — штраф, пеня.

[53] Шультхейс или шульц — выборный староста сельских общин. На обязанности шультхейса лежало наблюдение за раскладкой податей.

[54] Югер — древнеримская поземельная мера, равная 2518,88 м^2.

[55] Бургунды — древнегерманское племя, жившее вначале по р. Висле, а затем продвигавшееся все дальше и дальше на запад.

[56] Вергельд — деньги, уплачиваемые в виде виры (см. прим. 52).

[57] Гридень (puer) — член младшей дружины сеньора.

[58] Пфальцграф — так назывался у франков придворный сановник, помогавший королю творить суд. Позже на пфальцграфа были возложены самостоятельные административные и финансовые обязанности. Должность эта скоро сделалась наследственной, и пфальцграфы превратились во владетельных князей.

[59] Принцепс — принц-князь. Слово это римского происхождения, где так называли высокопоставленных лиц. Этим же именем римляне стали называть знатных вождей древних германцев. В средние века титул этот применяли к высшей имперской аристократии: герцогам, маркграфам, пфальцграфам и т. п., а также и к высшему духовенству — епископам и архиепископам.

[60] Титул «Август» — один из титулов римских императоров — означает «священный, достойный поклонения». Римские императоры, приняв этот титул, хотели этим подчеркнуть божественное происхождение императорской власти и самой особы императора. В 800 г. Карл Великий принял этот императорский титул.

[61] Херуски — большое древнегерманское племя; жили они по берегам р. Везера и вели постоянные войны с Римской империей.

[62] Бруктеры — древнегерманское племя, жившее между р. Липпе и Верхним Эмсом.

[63] Марсы — древнесабелльское племя, жившее на Аппенинском полуострове, на правом берегу р. Атерна.

[64] Ангриварии — древнегерманское племя, жившее по обоим берегам р. Везера.

[65] Вестфалы — жители Вестфалии. Так называлась во второй половине VIII в. западная часть Саксонского герцогства, присоединенная Карлом Великим к франкскому государству.

[66] Ирминов столб (Irminsûl) — так назывался у древних саксонцев деревянный столб, посвященный богу Ирмину. Один из таких столбов находился в Вестфалии и был разрушен в 772 г. Карлом Великим.

[67] Норманны — от слов Nord (север) и Mann (человек), германские племена, населявшие Скандинавию и совершавшие в VIII в. набеги на побережье почти всей Европы (см. прим. 51). Многие из норманнов были профессиональными пиратами. В разных странах норманнов называли различно. В Англии — датчанами, в древней Руси — варягами, но везде их одинаково боялись. В VIII в. норманны стали массами выселяться на берега Великобритании и почти всю ее подчинили своему владычеству. Во Франции норманны появились при Карле Великом и произвели большие опустошения. При его преемниках набеги эти участились. В X в. король Карл Простоватый окончательно уступил норманнам Роллонскую область, где было основано герцогство Нормандия.

Вторгались норманны также и во Фландрию, Северную Германию, Италию, Испанию, Прибалтийские страны.

[68] Венгры или мадьяры (угры) — восточно-финское племя. Теснимые с востока печенегами (угро-финское племя), они кочевали между Волгой и Дунаем. Продвигаясь на запад, венгры пришли в Тиссо-Дунайскую равнину (IX в.). С этого времени начались частые и опустошительные походы венгров в немецкие и славянские земли. Только в конце X в. венгры потерпели решительное поражение от императора Оттона Великого, после чего они прекратили дальнейшие набеги. Именно с этого времени начала складываться между Тиссой и Дунаем мадьяро-славянская держава, остававшаяся самостоятельной и неразделенной до половины XIV в. Потомки венгров — нынешние венгры (или мадьяры) — живут в Венгрии, главным образом, в Венгерской низменности.

[69] Лимес (limes) — пограничный вал возведенный римлянами в защиту от германцев. Проходил извилистой линией от Кольгейма (близ Регенсбурга) на Дунае до Сейнболя (близ Кобленца). Римляне удерживали за собой этот вал до конца III в.

[70] Варяги — древнерусское название скандинавов, известных на Западе под именем норманнов (см. прим. 67). Первые точные сведения о появлении варягов среди восточных славян относятся к IX в. В середине IX в. в Восточной Европе образовался ряд варяжских княжеств. Русская летопись изображает появление варягов у власти как результат призвания варягов-князей новгородскими славянами и мирными финскими племенами. Прибывшие на зов три брата из племени варягов Русь — Рюрик, Синеус и Трувор — основали княжество в Новгороде, Белоозере и Изборске. От них, по преданию, получила свое название русская земля. Рассказ этот, несомненно является легендой, возник в позднейшее время и дошел до нас в редакции XII в., когда был использован князем Владимиром Мономахом после киевской революции 1113 г. для возвеличивания княжеской власти.

[71] Кимвры — германский народ, появившийся впервые в 113 г. до нашей эры в Восточных Альпах и пришедший с берегов Северного моря.

[72] Тевтоны — германское племя, жившее первоначально к востоку от р. Эльбы. Во II в. до нашей эры тевтоны двинулись на юг, соединились с кимврами (см. прим. 71) и сделали попытку вторгнуться в пределы Римской империи, но потерпели жестокое поражение в боях с римскими войсками во главе с полководцем Марием (102 г. до нашей эры).

[73] Палисад — частокол из заостренных вверху бревен, предназначенный для прикрытия обороняющихся войск и для задержания штурмующих.

[74] Берсеркер — первоначально это было прозвищем героя скандинавской мифологии Ангрима и его 12 сыновей, обладавших сверхчеловеческой силой. Потом это название применялось к диким скандинавским воинам, носившим звериные шкуры, опьянявшим себя спиртными напитками и в состоянии неистовства яростно бросавшимся в бой.

[75] Фульдские анналы — летописи, исторические хроники, которые велись в немецком городе Фульда на р. Фульде.

[76] Гекзаметр — стихотворный размер в античной литературе (древнегреческой и римской).

[77] Брандер — небольшое деревянное судно, нагруженное горючими материалами и снабженное порохом и зажигательной трубкой; в эпоху деревянного флота употреблялся для поджогов неприятельских военных кораблей, стоявших на якоре.

[78] Великое переселение народов — передвижение варварских племен, главным образом германского происхождения, по Европе с Востока на Запад. Передвижение это заняло эпоху

с конца IV в. до VII — IX вв. Началось это движение с приходом в Европу гуннов — народа тюркского племени. Первыми двинулись вестготы (см. прим. 12), заняли Италию и разгромили Рим; затем остготы (см. прим 12) и другие племена.

[79] Австразия (Austrasia) — восточная часть франкского королевства в эпоху Меровингов; в состав ее входили бассейны рр. Мааса, Мозеля и территория к востоку от Рейна. Население было преимущественно германского происхождения. В течение VI и VII вв. Австразия неоднократно становилась самостоятельным государством. Позднее именем Восточного королевства называются вновь завоеванные на Востоке земли. Отсюда и название Австрии (Oesterreich).

[80] Герцогская власть — именем герцога (Herzog) назывался у древних германцев предводитель, выбираемый на время войны. Позже эти предводители сделались наследственными вождями германских племен, и титул герцога стал наследственным. Герцоги начали считаться ленниками короля; им, в свою очередь, были подчинены графы. Карл Великий совершенно уничтожил это звание, но при его преемниках герцоги вновь получили власть и сделались почти независимыми правителями отдельных провинций — герцогств. Король мог быть одновременно и герцогом какой-либо провинции. После усиления королевской власти звание герцога утратило свой первоначальный смысл и сохранилось только в виде аристократического титула.

[81] Суверенитет — буквально «верховенство», т.е. совокупность верховных прав, принадлежащих государству или его главе.

[82] Запись Видукинда — летопись, которую вел Видукинд, монах Корвейского монастыря в Вестфалии, и которая называлась «Res gestae saxonicae» («Саксонская история», написанная около 967 г.). Летопись эта является одним из главнейших источников для изучения эпохи Генриха I и Оттона I. Кроме того Видукинд написал еще одно сочинение «Gesta Ottonis» («Деяния Оттона»), но оно не дошло до нас.

[83] Ронкальские распоряжения Фридриха I — император Фридрих I Барбаросса созвал в Ломбардии (Северная Италия) на Ронкальском поле в 1158 г. сейм, на котором присутствовали представители ломбардских городов. Целью этого сейма было определение власти императора над Ломбардией. На этом сейме был издан ряд законов, заимствованных главным образом из римского права. Эти законы делали Фридриха полным властелином Ломбардии.

[84] Саксонское зерцало (Sachsenspiegel) — средневековый германский судебник; написан он между 1230 и 1235 гг. на нижнегерманском наречии и представляет собой запись обычного права саксонской земли.

[85] Аллод — первоначально в эпоху Меровингов (VII и VIII вв.), аллодом называлось всякое движимое и недвижимое имущество. Позднее, с развитием феодализма, аллодом стали называть наследственные земельные владения, в противоположность феоду или лену. Аллод составлял полную собственность владельца, не обусловленную какими-либо повинностями или службой.

[86] Саксонская династия — династия германских королей и императоров, правившая Германией с 919 г. по 1024 г. Короли этой династии : Генрих I, Оттон I, Оттон II, Оттон III, Генрих II.

[87] Салическая (или франконская) династия — время ее царствования — с 1024 г. по 1125 г.; представители ее: Конрад II, Генрих III, Генрих IV и Генрих V.

[88] Штауфенская (или Гогенштауфенская) династия — занимала германский императорский престол с 1138 г. по 1254 г. Представители ее: Конрад III, Фридрих I Барбаросса, Генрих VI, Фридрих II, Конрад IV.

[89] Матрикулы — запись чего-либо, список лиц или доходов.

[90] Чинш — натуральный или денежный налог в эпоху феодализма; взимался с недвижимого имущества, отданного крупным феодалом в продолжительную, а позднее в вечную аренду. Арендатор назывался чиншевиком. Между прочим, эта форма феодальных отношений сохранилась до Февральской революции в западных губерниях (Польша, Литва) царской России, где целые поселения (местечки) были построены на чиншевом праве.

[91] Тусийские (или Тосканские) города, т.е. города итальянского великого герцогства (ныне провинции) Тосканы. В состав его входили города: Ареццо, Флоренция, Гроссетто, Ливорно, Лукка, Масса-э-Каррара, Пиза и Сиена.

[92] Маркграф — первоначально граф, которому поручено управление пограничной областью — «маркой». В своих областях маркграфы имели власть, сходную с герцогской (см. прим. 80). «Маркой» называли первоначально только пограничный округ, позже — и внутренний округ в известных границах, заключавший в себе разного рода владения, как общинные, так и частные. Впоследствии наименование «маркграф» сделалось простым титулом.

[93] Виллан (villanus) — от латинского слова «villa» (село). Вначале этим термином обозначали вообще всякого поселянина; в феодальную эпоху так называли полусвободных или крепостных крестьян, которые были обязаны своему помещику целым рядом повинностей. При переходе от натурального хозяйства к денежному крепостные отношения стали заменяться вольнонаемными. Впрочем, остатки вилланского состояния держались довольно долго, особенно во Франции.

[94] Сражение при Марафоне (селение в Аттике) — произошло между греческими войсками и вторгшимися в Грецию персидскими полчищами в 490 г. до нашей эры; закончилось победой греков.

[95] Англосаксы — общее название для германских племен англов и саксов (см. прим. 8), к которым примкнули и юты. В V в. англосаксы переселились на остров Британию, после чего на этом острове постепенно образовался ряд англосаксонских королевств, которые в 827 г. объединились в одно королевство, получившее название «Англия».

[96] Глафорд (Hlaford) — старинное англосаксонское название землевладельца-помещика. Глафорды были административными начальниками округов.

[97] Эльдормен — преемник старых родовитых князей в графствах или шайрах (chire) — административных единицах, на которые делилась древняя Англия. После норманнского завоевания (IX в.) эльдормены исчезли из государственного строя Англии.

[98] Гайда — земельная мера в средневековой Англии. Гайда = 4 виргатам; виргата = 30 акрам. Размер акра = 0,4 га. Но акр в средневековой Англии не являлся строго фиксированной величиной, равно как и виргата, которая могла содержать от 15 до 80 акров, как гайда, заключавшая иногда 5, 6, 7 и 8 виргат. Таким образом, указание, что «надел тэна состоял из 5 гайдов», надо понимать как условную величину.

[99] Шериф — в древней Англии представитель экономических и финансовых интересов короля в графстве. Позже в руки шерифов перешла и судебная, и административная власть. В новое время шерифом называлось высшее гражданское должностное лицо в графстве.

[100] Фаланга — боевой порядок пехоты в древности, сплошной развернутый строй в несколько (8 — 12) шеренг тяжеловооруженных воинов (гоплитов).

[101] Эрл (earl) — граф в средневековой Англии (см. прим. 95). Первоначально должностное лицо, потом — титул феодальных землевладельцев. Этим названием был заменен после норманнского завоевания титул эльдормена (см. прим. 97).

[102] Непотизм — протекционизм, оказывание покровительства родственникам.

[103] Кадастр — оценка стоимости и доходности недвижимого имущества, произведенная с целью равномерного уравнительного распределения поземельных податей и налогов.

[104] Великая хартия вольностей (Magna charta libertatum) — хартиями назывались в английской истории королевские грамоты, которые даровали или подтверждали различные льготы всему народу или отдельным общинам. «Великую хартию вольностей» вынудили в 1215 г. у Иоанна Безземельного бароны. Она обеспечивала за ними ряд гражданских свобод. Буржуазные ученые считают «Великую хартию вольностей» основой английской демократической конституции.

В действительности же она обеспечивала свободу только для привилегированных классов и является скорее памятником феодальной реакции.

[105] Кондотьеры — предводители наемных войск Италии в XIV—XV вв.

[106] Датские деньги — сборы, производившиеся в средневековой Англии для уплаты контрибуции датчанам (норманнам).

[107] Витан — национальный или королевский совет древней Англии, члены которого — витаны — заседали, чтобы оказывать содействие королю в юридическом и административном отношениях.

[108] Иммунитет — этот термин в средние века обозначал права, которые получал феодал и которые состояли в том, что функции государства переходили к этому феодалу. Последний был освобожден от въезда государственных чиновников на его землю для сбора податей; он сам собирал эти подати. Кроме того он имел право суда над своими крестьянами и мелкими вассалами. В средние века появление прав «иммунитета» означало децентрализацию и переход власти на места.

[109] Баливы или бейлифы — так назывались в Англии назначавшиеся королем низшие должностные лица в областях.

[110] Констебль (constable) — в средние века в Англии констебли были членами королевского совета и выполняли функции военного управления, соединяя с этим широкие судебные полномочия. Позже звание констебля становится исключительно придворным званием и в XVIII в. исчезает окончательно. Теперь констебль — название полицейских офицеров в Англии.

[111] Сервианский порядок разбивки на классы — по преданию, древнеримский царь Сервий Туллий (VI в. до нашей эры) разделил обязанное военной службой население Рима на 5 классов, в зависимости от имущественного положения. Следуя некоторым историкам Рима, Дельбрюк считает, что рассказ о реформе Сервия Туллия вымышлен во II в. до нашей эры партией Катона, отстаивавшей интересы средневладельческого класса.

[112] Денарий — монета в Древнем Риме, введенная в 269 г. до нашей эры. Денарии были золотыми и серебрянными.

[113] Сарацины — первоначально под этим именем был известен народ, живший в так называемой «Счастливой Аравии». Название это означало сначала кочующее разбойничье племя, но уже в начале средних веков оно было распространено христианскими писателями на всех арабов, а потом и на всех мусульман вообще.

[114] Восточноримская империя — возникла после разделения Римской империи в 395 г., после смерти римского императора Феодосия Великого, на две части: Восточную и Западную империи.

[115] Вандалы — народ германского происхождения . В Европе вандалы появились в I в. в бассейне р. Одера. Постепенно они двигались на юг. В 450 г. вандалы под предводительством царя Гейзериха заняли и разрушили Рим. В начале V в. вандалы переправились через Гибралтарский пролив в Африку, заняли там все римские владения и образовали могущественное Вандальское королевство. Полководец византийского императора Юстиниана Велизарий в 534 г. разрушил царство вандалов. Остатки вандалов бесследно исчезли среди туземного населению Северной Африки.

[116] Остготы — в IV в. готы распались на две части: вестготов (см.прим.12) и остготов, живших на юге нынешней Украины, между Днестром и Доном. Постепенно они передвигались на запад и в V — VI вв. завоевали Италию, Иллирию и южную часть Галлии. Так образовалось Остготское королевство, которое было разрушено Византийским полководцем Велизарием в 554 г.

[117] Новелла — название законов и императорских указов, издававшихся византийским императором Юстинианом (см. алф. ук.) и следовавшими за ним императорами в дополнение к основному Кодексу законов.

[118] Калиф — точное значение этого слова «наместник», «заместитель». Так назывались арабские и турецкие цари, считавшие себя наместниками пророка Магомета на земле и являвшиеся одновременно духовньми и светскими правителями.

[119] Сельджуки (или сельджукские турки) — ветвь гузов, западно-тюркского племени.

[120] Манипулярная тактика — римские легионы делились на 30 манипул (рот). Перед боем легионы выстраивались в 3 боевые линии по 10 манипул в каждой. Состав воинов в каждой линии был различен по возрасту: I) «гастаты» — юноши; 2) «принципы» — воины зрелого возраста; 3) «триарии» — ветераны. Между манипулами были промежутки, равные длине фронта манипулы. В случае надобности гастаты отступали в промежутки между манипулами принципов, последние же занимали их места или в свою очередь вместе с гастатами отступали в промежутки между манипулами триариев, которые служили резервом.

[121] Македонская фаланга — т.е. древнегреческая фаланга (см. прим. 100), усовершенствованная царем Александром Македонским, который выстраивал войско по 16 человек в глубину вместо 8—12 человек простой фаланги.

[122] Крестоносцы — т.е. участники крестовых походов. Крестовыми походами назывались в средние века военные экспедиции на Восток. Целью их выставлялось освобождение Палестины и находившихся там христианских святынь от владычества мусульман. В действительности же мотивом этого движения было стремление захватить прямой торговый путь на Восток и избавиться от невыгодного посредничества Византии. Наиболее активное участие принимала в них Франция, заинтересованная в средиземноморской торговле, и Италия, заинтересованная в торговле с Востоком. Походы эти длились с 1095 г. по 1270 г.

[123] Стратегос — военачальник.

[124] Парфяне — воинственное племя, жившее к юго-востоку от Каспийского моря; к I в. до нашей эры парфяне стали самыми грозными врагами Римской империи на Востоке.

[125] Берберы — общее название туземных народов, населяющих Северную Африку.

[126] Геркулесовы столпы — две горы по берегам нынешнего Гибралтарского (в древности Геркулесова) пролива.

[127] Теократия — такое государственное устройство, при котором верховным правителем государства предполагается само божество, выражающее свою волю через посредство жреческого сословия или духовенства, которое и является фактическим правителем государства.

[128] Эмир — по-арабски вождь. Так назывались у арабов полководцы. Позже эмирами назывались мусульманские правители, объединявшие в своих руках духовную и светскую власть.

[129] Сафар — месяц мусульманского календаря.

[130] Шеффены — коллегия городских судей средневековой Германии.

[131] Орден храмовников — духовно-рыцарское братство, основанное в феодальном Иерусалимском королевстве с целью защиты интересов христиан от иноверцев. Название «храмовники» (тамплиеры) ведет свое начало от легенды, по которой дом ордена был выстроен на месте, на котором некогда находился храм библейского царя Соломона Мудрого.

[132] Этнический признак — расовый признак.

[133] Иоанниты — древнейший духовно-рыцарский орден, возникший в Иерусалиме в половине XI в.

[134] Гросмейстер — начальник рыцарского ордена.

[135] Магистр — начальник средневековых монашеских и рыцарских орденов.

[136] Тевтонский (немецкий) орден — братство германских рыцарей, основанное в 1128 г. в Иерусалиме. Первоначально это было религиозно-благотворительное учреждение, потом превратилось в военную организацию германской аристократии. В течении XIII в. Тевтонский орден завоевал всю Пруссию, населенную народами литовского племени — пруссами, и колонизовал ее немцами. Кроме того он вел постоянные войны с Литвой и Польшей.

[137] Патриции — высшее сословие древнейшего периода римской истории.

[138] Оптиматы — представители консервативной партии в Риме.

[139] Римские консулы — высшая должность в Римской республике.

[140] Магистраты — государственные должности в древнем Риме. Со времени диктатора Суллы (82 г. до нашей эры) было произведено резкое разграничение магистратуры — с гражданской и промагистратуры — с военной властью (управление провинциями).

[141] Проконсулы — консул (см. прим. 139) по истечении годичного срока делался проконсулом и получал в управление какую-либо провинцию.

[142] Пропретор — претор (должностное лицо в древнем Риме) по окончании годичного срока своих полномочий становился пропретором и управителем провинции.

[143] «Песнь о Нибелунгах» — германский героический эпос XII в.

[144] Сага — эпическое сказание древнескандинавской литературы.

[145] Комтур — член ордена (монашеского или рыцарского), которому поручалось управление принадлежавшей ордену областью и отдавались доходы с нее.

[146] Трубадуры — провансальские поэты, певцы любви XI, XII, XIII вв. В Германии такие певцы назывались минезенгерами.

[147] Гунны — азиатский кочевой народ, появившийся в III в. в степях между Волгой и Дунаем и производивший опустошительные набеги на Европу и Азию.

[148] Брабантцы — население исторической области Брабанта, занимавшей пространство между нижним течением рр. Шельды и Мааса.

[149] Фламандцы — жители Фландрии. В X в. Фландрия образовала самостоятельное государство. В настоящее время Фландрия составляет часть Бельгии.

[150] Баски — одна из ветвей вымершего ныне племени иберийцев на Пиренейском полуострове.

[151] Венецианский дож — высший правитель в республиках Венецианской и Генуэзской (Италия). Дож был выборным лицом и пользовался почти неограниченной властью.

[152] Ломбардский союз — союз ломбардских городов (XIII в.) во главе с Миланом; вел борьбу за независимость Ломбардии с императором Фридрихом Барбароссой.

[153] Равеннский экзархат — так называлась часть Италии, принадлежавшая с VI в. по VIII в. Византийской империи. Главным городом экзархата была Равенна, где и жил наместник византийского императора экзарх.

[154] Гвельфы (или вельфы) — политическая партия, существовавшая в средние века в Германии и Италии. Партия эта была сторонницей папской власти в противоположность партии гибеллинов — сторонников императорской власти.

[155] Трибы — части, на которые делилась римская территория и ее население.

[156] Ливонский орден — рыцарский религиозный орден, основан в Ливонии (нынешние Прибалтийские страны) в 1202 г. рижским епископом Альбрехтом.

[157] Зудавы (или судины) — одно из славянских племен, живших по западному берегу р. Немана. Язык их был близок к древнерусскому языку.

[158] Парки — по греческой мифологии три богини судьбы, из которых одна прядет нить жизни, другая назначает время, когда третья должна эту нить перерезать.

[159] Марка — так первоначально называлась граница страны. Потом «маркой» стали называть округ, расположенный в известных границах и заключавший в себе разного рода владения, как общинные, так и частные (см. прим. 92).

[160] Хатты — древнегерманское племя, жившее в бассейне рр. Мозеля и Ланна; предки нынешних гессенцев (г. Гессен).

[161] Фальстаф — комический герой комедии Шекспира «Виндзорские проказницы», который был труслив, толст и прожорлив.

[162] Гаэлы (или гэлы) — одно из кельтских племен, обитателей Северной Шотландии и Гебридских островов.

[163] Царь Вавилонский — царь древнеазиатского государства Вавилона, находившегося в долине р. Ефрата. Основано оно было в 3800 г. до нашей эры. Достигло наивысшего расцвета к началу VI в. и в 538 г.(до нашей эры) было завоевано греками.

[164] Гусситы — слово это произошло от имени вождя националистического и религиозного движения XIV в. в Моравии и Чехии — Яна Гусса. Гусситами называли приверженцев Гусса. С 1420 г. по 1431 г. гусситы вели ряд войн против короля польского Сигизмунда.

[165] Альбигойцы — религиозная секта, распространенная в XII — XIII вв. в Южной Франции. В начале XIII в. приверженцы этой секты были истреблены по повелению папы Иннокентия III, а область их разорена.

[166] Капетинги — третья династия французских королей, давшая Франции 6 королей и правившая от 888 г. по 1328 г.

[167] Гельветы — жители Гельвеции (старинное название Швейцарии).

[168] Сераль — дворец султанов в Константинополе.

[169] Табориты — одна из сект гусситского религиозного движения (см. прим. 164). Движение это было националистическим и демократическим. Табориты боролись за независимость Чехии. Кроме того они были противниками королевской власти и сторонниками демократической республики. Слово «табориты» происходит от названия горы Табор, на которой происходили их собрания.

[170] Илиада — героический эпос в древней Греции, по преданию составленный слепым певцом Гомером.

[171] Продолжатели любекской хроники Детмара. О них известно только то, что они, как и сам Детмар, были монахами Францисканского ордена.

[172] Сарматы — так назывался в древности народ, живший между Вислой и Волгой. Здесь сарматами называется русская часть войска Витовта.

[173] Бастард — рожденный вне брака.

[174] Аррасский договор — мирный договор 1435 г. между Бургундским герцогом Филиппом Добрым и французами.

[175] Сенешаль — высший сановник французского королевства, советник короля и главнокомандующий военными силами.

[176] Габсбурги — германо-австрийская династия; свое имя она получила от названия родового замка Габсбурга. Габсбурги делились на австрийских и немецких.

[177] Церингенский дом — старинный германский герцогский дом, вымерший в 1218 г.

[178] Кулеврина — род длинной пушки. Длина канала — до 56 калибров.

[179] Аллеманы под Страсбургом — здесь имеется в виду сражение римского императора Юлиана-отступника с аллеманами (IV в.). см. прим. 20.

[180] Квады — часть германского племени свевов.

[181] Старая Цюрихская война — война между швейцарскими кантонами — Цюрихом, с одной стороны, и Швицем и Гларусом — с другой.

[182] Лесные кантоны — под этим именем объединяются швейцарские кантоны: Швиц, Ури, Унтервальден, Гларус.

[183] Земпахская грамота — юридический акт, санкционировавший союз швейцарских кантонов.

[184] Сиракузцы — жители г. Сиракуз на острове Сицилии. Здесь имеется в виду так называемая сицилийская экспедиция, предпринятая Афинами в 414 г. до нашей эры, с целью завоевания Сицилии.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СРАЖЕНИЙ

Число месяца	Год	Место сражения	Стр.
	634	Адшнадейн	133
	636	Сражение на мосту	132
	636	Гиеромакс	135
	637	Кадезия	132
	637	Джабул	132
26 и 27 июля	657	Сифин	136
	782	Зюнтель	45
	783	Детмольд	46
	783	На р.Газе	47
	876	Андернах	72
	881	Сокур	54
	886	Париж	57
	891	Левен	54
	891	Первое сражение с венграми	83
	933	Сражение с венграми	83
10 августа	955	Лехфельд	72
	1041	Оливенто	119
	1041	Канны	119
14 октября	1066	Гастингс	97
	1071	Манцикерт или Малазгард	128
9 июня	1075	Гомбург на р. Унструт	83
7 августа	1078	Мельрихштадт	85
27 января	1080	Флархгейм	86
15 октября	1080	Эльстер	87
	1081	Диррахиум	120
11 августа	1086	Плейхфельд	94
1 июля	1097	Дорилэй	249
9 февраля	1098	На Антиохийском озере	251
В начале марта	1098	У Антиохийских крепостных ворот	251
28 июня	1098	Решительный бой под Антиохией	251
12 августа	1099	Аскалон	253

Число месяца	Год	Место сражения	Стр.
7 сентября	1101	Рамла	254
Май	1102	Рамла	254
27 августа	1105	Рамла	255
28 сентября	1106	Тенгибр	246
14 сентября	1115	Сармин	255
28 июня	1119	Атареб (Белат)	255
13 августа	1119	Хаб	255
20 августа	1119	Бремюль	246
	1123	Асдод	140
26 марта	1124	Бургтерульд	247
	1125	Газарт	255
	1126	Мерджи-Сефер	255
22 августа	1138	Норталлертон	247
2 февраля	1141	Линкольн	248
	1146	Сражение с венграми	179
9 августа	1160	Каркано	205
29 мая	1167	Тускулум	208
16 марта	1176	Карсеоли	211
29 мая	1176	Леньяно	211
4 июля	1187	Хиттин	256
4 октября	1189	Аккон	256
7 сентября	1191	Арзуф	256
5 августа	1192	Яффа	256
27 июля	1206	Вассерберг	213
12 сентября	1213	Мюре (Muret)	258
13 октября	1213	Степп	258
27 июля	1214	Бувин	258
22 июля	1227	Борнгевед	263
27 ноября	1237	Кортенуова	214
	1247/48	Осада Пармы	216
23 ноября	1249	Крюкен	235
	1257	Фрехен	227
13 июля	1260	Дурбан	235
4 сентября	1260	Монтеапарти	263
8 марта	1262	Гаусберген	228
13 июля	1263	Лебау	235
14 мая	1264	Льюис	263
26 февраля	1266	Беневент	166
23 августа	1268	Тальякоцио	220
26 августа	1278	Мархфельд	265

Число месяца	Год	Место сражения	Стр.
5 июня	1288	Ворринген	263
11 июля	1289	Чортомондо	264
	1289	Сражение на Шюсгальде	363
Январь	1295	Конвей	265
2 июля	1298	Гельхейм	265
22 июля	1298	Фалькирк	242
	1298	Дорнбюль	356
11 июля	1302	Куртрэ	267
18 августа	1304	Монс-ан-Певель	341
24 июня	1314	Баннокбурн	273
15 ноября	1315	Моргартен	347
28 сентября	1322	Мюльдорф	341
9 августа	1322	Депплин-Мюир	290
19 июля	1333	Халидон-Хилль	290
21 июня	1339	Лаупен	354
	1340	Гутвиль	356
26 августа	1346	Кресси	283
19 сентября	1356	Мопертюи	291
23 июня	1359	Ножан на Сене	342
20 августа	1371	Баесвейлер	342
14 мая	1377	Рейтлинген	283
27 ноября	1382	Розебеке	277
	1384	Висп	410
9 июля	1386	Земпах	360
9 апреля	1388	Сражение у Нефяльской летцины	368
23 августа	1388	Деффинген	366
25 сентября	1396	Никополь	300
15 мая	1403	Фегелинсек	368
17 июля	1405	Штос	368
	1405	Альтштеттен	376
	1408	Отэ	279
15 июля	1410	Танненберг	327
25 октября	1415	Азинкур	291
	1419	Ульрихен	369
	1422	Арбедо	376
	1423	Горица	311
16 июня	1426	Аусcиг	312
	1426	Клаттау	307
	1427	Наход	311
	1428	Глатц	312

Число месяца	Год	Место сражения	Стр.
	1431	Булленьевилль	296
	1431	Вайдгофен	311
	1431	Таусс	312
	1433	Гильтерсрид	174
16 июня	1434	Липан	315
	1446	Рогац	410
11 марта	1450	Пилленрейт	173
30 июня	1462	Зеккенгейм	375
13 июля	1465	Монлери	331
14 апреля	1471	Барнет	342
4 мая	1471	Тьюксбюри	343
13 ноября	1474	Герикур	380
2 марта	1476	Грансон	381
22 июня	1476	Муртен	388
5 января	1477	Нанси	399
	1499	Фрастенц	364
	1522	Бикокка	362

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

А

Аргау 376
Аахен 53, 198
Аббасиды 134
Аббевиль 286
Аббо 56—58, 194
Абердин 274
Абу-Бекр 131, 132
Август 41, 130
Авиньон 318
Аврелиан 122
Австразия 60
Австрия 282, 311, 314, 353, 361, 365, 379
Адальберон 158
Адальгард 38
Адда 207
Адемар 197
Аджшнадейн 133
Адольф фон Берг 226
Адольф Нассауский, нем. король 265
Адриан 33
Адрианополь 130, 300, 301, 308
Адриатика 124
Адриатическое море 119, 121
Азинкур 291—294, 296, 297, 303, 304, 409
Азия 124, 125, 179
Айстульф 35, 154
Айхах 77
Аквитания 15, 38
Акка 197
Аккон 136, 256
Алансон де, граф 288
Алезия 50
Александр Великий 127, 133, 150
Александр III 209
Алексей, импер. 120, 121
Али 134, 136—138
Ализо 47, 48, 235
Аллемания 344
Альбани 10
Альберт Аахенский 183
Альбрехт Ахилл 173, 174, 280, 374, 375
Альбрехт Габсбургский Австрийский, король 265, 346
Альбрехт фон Бронштеттен 370
Альвин Шульц 197
Альвы 153
Альма 49, 50
Альп Арслан 128
Альпы 15, 26, 36, 66, 68, 80, 82, 193, 197, 202, 204, 209, 211, 213—215, 219, 220, 373
Альтенеш 344
Альтматт 348, 349, 352
Альтмюль 80
Альтштеттен 376
Альфонс Допш (Alfons Dopsch) 8
Альфонс Мудрый 405, 406
Альфред Великий 96, 105
Альцей 220
Аммар ибн-Ясир 136—138
Аммиан 237, 412
Ампфинг 342
Англия 11, 12, 17, 96, 101, 102, 104, 106, 108—112, 114, 115, 117—120, 123, 140, 143, 147, 155, 167, 180, 188, 193, 195, 196, 202, 239, 241, 242, 247, 276, 278, 283, 289, 292, 300, 314, 317, 319, 322, 323, 332, 336, 374
Ангора 304
Ангриварийский вал 41
Андрей Венгерский 233
Андрей из Регенсбурга 307
Анжу 9, 68
Анкона 208—210
Анна Комнен 121, 125, 237
Ансберт 173
Ансельм 161
Антиохия 123, 124, 129, 140, 170, 185, 190, 251—253, 257
Антиохийское озеро 185, 250, 251, 255
Антон, бастард Бургундский 332, 335
Антон де Бретон 337
Аппенины 209
Аппиан 182
Апулия 65
Аравия 23, 126
Аракс 128
Арбедо 376
Арденны 54
Арзуф 167, 179, 256
Ариовист 166
Аристотель 98
Арманьяк, граф 324
Арманьяки 293
Армения 124, 128
Арминий 41, 42, 45, 131, 235
Арнольд Любекский 225, 226
Арнульф 39, 50, 54, 65, 71, 74, 80, 186, 202, 220
Аррас 278
Арт 349, 352, 353
Артефельде 277—279
Артуа де, граф 68, 165, 187, 267—269, 271, 332
Артур 297
Арчибальд Дуглас 290

Асдод 140
Аскалон 140, 151, 181, 183, 185, 190, 253—255, 257
Асклепиодот 177
Атареб (Белат) 179, 184, 185, 255
Аттика 219, 267, 414
Аттингхаузен 345, 346
Аугсбург 63, 65, 72—75, 77—79, 81—83, 322, 366
Ауссиг 312, 313, 315
Афины 61, 219, 372, 376
Африка 121, 133
Ашбах 307
Ашлоо (Эльслоо) 53
Аштар 137
Аэльред Риевосский 247

Б

Бавария 9, 13, 60, 72, 74, 77, 79, 80, 82—84, 86, 87, 142, 341
Баесвейлер 342
Базель 186, 320, 366, 377, 380, 415
Базельвинд 358
Байекский ковер 97, 98, 101
Балдуин Геннегауский (Хеннегаутский) 168, 285
Балдуин Фландрский 154, 195, 254
Балканский полуостров 125, 126, 300
Балтийское море 68, 23
Бальбинус 307
Бальга 233, 236
Бальгаузен 259—262
Бальдамус 38—40
Бальоль Эдуард 290
Бальцер 65, 69, 71, 149, 178, 186—188, 191, 411
Бамберг 68
Баннокбурн 165, 273—277
Барбаросса, см. Фридрих Барбаросса
Барбура Джон 274
Барденгау 47
Барка 133
Барнет 342
Бартен 235
Бартенштейн 233, 325
Бассора 134
Бастон 274
Баязет 301—304, 330, 331
Безевент 239
Безельвин 354
Бекелариус 230
Беллинцон 211
Бель-Альянс 394, 410
Бельтем 271
Бемер 228
Беневент 166, 191, 233
Бенедек 74
Бенедикт Петерборугский 256
Беовульф 96
Бервик 245, 246, 276, 290
Берг 236
Бергамо 39, 215, 217
Берлин 102, 140, 153, 184, 193, 271
Берн 321, 353—357, 360, 367—370, 372—374, 376, 378—382, 383, 388—392, 398, 399
Бернар Клервосский 141
Бернардин Империалис (Bernardinus Imperialis) 371
Бернау 314
Бернгард Итальянский 16, 26
Бернольд 189
Бертольд из Рейзенбурга 73, 74
Бертольд из Рейхенау 38, 84—87, 94, 178
Бертольд Каринтийский 63, 85
Бертольд IV, Церингенский 65, 211
Бехейм 149
Бибракте 50
Бикокка 362—364, 366
Биль 383
Бильгерин 231
Бирк-эль-Гимад 132
Бирс 415
Битш 367
Бланкенберн 245
Бланкетап 281
Блейхфельд 186, 220
Блуа де, граф 288
Боаэддин 179, 256
Богейм 375
Богемия 15, 16, 23, 194, 305, 306, 311, 313, 407
Бозо 53, 209
Болдуин Иерусалимский 172
Болонья 68, 318
Бомон 281, 394
Бонакорса 318
Бонифаций IX 300
Бонн 54
Борециус 22—24, 31, 32
Борнгевед 263
Борнеховеде 72
Босворт 343
Бофор 197
Бохольт 45
Брабант 281, 324
Брамберг 355
Брамстеде 72
Бранденбург 314
Бранденбург, провинция 13, 70
Братислав Богемский 86
Браунсберг 235
Брегенц 376
Брезе де 335
Бремен 226
Бременсиз 70
Бременский архиеп. 35, 154
Бремюль 151, 183, 246
Бреннер 204, 211, 214
Бреслау (Breslau) 80, 82
Бретань 15, 68, 113, 333
Брешия 189, 205, 214, 216
Бриенцское озеро 354
Бриксен 87
Брилон 49
Британия 16, 95, 283
Британские острова 51, 54, 104
Бруннен 349
Бруннер (Brunner) 8, 25, 32, 66
Бруно 20, 75, 83—87, 90, 91, 93, 194
Бруно, Кельнский архиеп. 78, 79
Брюгге 267—269, 278
Брюкинг 353
Брюкли 351—353
Брюниг 349
Брюс 273, 274, 277

Брюссель 259, 273, 324
Бубенберг 357, 372, 390, 391
Бувин 167, 171, 177, 183, 186, 194, 220, 245, 258—260
Булленьевилль 296
Буллингер 378
Бурбонне 333, 335
Бург 390, 395, 398
Бургонь 324
Бургтерульд 247, 290
Бургундия 53, 60, 66, 161, 314, 324, 325, 333, 340, 345, 354, 377—379, 381, 399
Бурже 38
Бурхард Вормский 160
Бурхард фон Гарнгаузен 235
Бутарик 67, 178, 196, 322, 323, 403
Бухвельдли 350, 353
Бэкер 290
Бюйронфосо 289
Бюкслен-Левенберг 399
Бюркли 347, 362, 364, 365, 409, 411, 413
Бюссон 220
Бюхнер 163
Бюэйль Жан де 406

В

Ваадт 378, 381, 383, 389, 392
Вавилония 44
Вагенбург 305, 310, 331
Вадиль Кафра 131
Вайдгофен 311
Вайфар Аквитанский 38
Вайц (Waitz) 15, 18, 20, 26, 38, 39, 65, 71, 72, 80, 150, 151, 153, 172, 189, 191, 193, 220, 237, 409
Валаньен 259
Валент 130
Вальдемар, король 263
Вальдман 375, 388, 395, 396
Вальми 309
Вальнер 82, 83
Вальрам Лимбургский 228
Вальрам Юлихский 226
Вальсингам 294, 295
Вальтер Геммингфорд 243
Вальтер де Ветеванг 284
Вальтер фон Герольдсек 228
Вальтер фон дер Фогельвейде 160
Ван-Вальдергем 273
Вар 42, 235
Варвик, граф 265, 342, 343
Варен 394
Вари 130
Варрентрапп 209
Василий II 124
Вассерберг 213
Ваттле д-р Ганс 392, 395, 398, 399
Вац 103, 161
Вегеций 124, 125, 166, 170,237, 403—406, 410
Ведель 155
Везер 41, 42, 44—49
Вейда 87
Вейдерау 93
Вейзены, род 228
Вейла 366
Вейльское поле 395
Вейсенберг фон 372
Вейсенбург 356, 372, 394
Велау 235
Велизарий 33, 149, 208
Вельгаузен (Wellhausen) 138
Вельф Баварский 85, 94, 205, 207
Венгрия 194, 282, 300, 306, 310, 311, 315
Вененция 189, 300
Вентимилья 225
Венцель Брабантский 342
Верден 20, 46, 65
Вернер фон Урслинген 318, 321
Вермондуа 68
Верона 318
Вертах 82
Верхняя Лотарингия 65
Верхняя Швабия 366
Вестеде 72
Вестминстер 113, 115
Вестморлэнд 245
Вест-Розебеке 279
Вестфалия 45, 47, 50, 344
Веттерау 344
Вигенские горы 44
Вигмодиа 39
Виддин 301
Видеман 310
Видерхоф 93
Видукинд 20, 45—47, 61, 62, 69—74, 77, 81, 83, 173, 188, 194, 201, 321, 412
Византия 119—121, 125, 130, 133, 140, 193, 194, 409
Визенбург 235
Виллани 220, 269, 271, 289
Виллисау 369
Вильгельм I, импер. 61, 67, 106, 118
Вильгельм Бретонский, Philippis 171, 177, 186, 238, 258, 262
Вильгельм Завоеватель 70, 96, 97, 99—101, 103, 104, 106—109, 111, 112, 117, 119, 123, 150, 173, 193, 196, 202, 239, 241, 244, 288
Вильгельм Ипернский 194, 195
Вильгельм из Камбрэ (Гильом де Камбрэ) 195, 197
Вильгельм из Сюфтингена 271
Вильгельм Людвиг Нассауский 124
Вильгельм Мальмесберийский 98
Вильгельм Отвилльский 224
Вильгельм Пуатьерский 96—98, 104
Вильгельм Тирский 167, 186, 255, 321
Вильгельм Уоллэс 242
Вильгельм Юлихский 226, 267, 342
Вильмерсдорф 271
Вильмо-Фруадмон 261
Вильское поле 396, 399
Виндеке 313
Винекен 74
Винкельман 261
Винкельрид 362—364, 366, 413
Винтертур 349
Винчестер 116
Виоле ле Дюк 181, 273
Випо 144
Вирнт фон Гравенберг 154
Висконти 318, 373
Висла 232, 233, 235, 236, 327

Виспа 410
Виталис 193
Виткоберг 309
Витодуран (Винтертур) 348, 349, 352, 353
Витольд, князь Литовский 327
Витте (Witte) 379, 380, 382
Виттекинд 41
Виттенбах 81
Виттория 217
Владислав, король Богемский 67
Владислав, король Польский 327, 329
Владислав Чешский, король 195
Вогезы 228
Водзак Феликс 271—273
Воллебен 364
Вольфгардт 158
Вольфдитрих 156
Вольфрам фон Эшенбах 156
Вомаркюс 383, 385
Вормс 47, 65, 226
Воррингeн 171, 172, 177, 184, 220, 227, 263
Восточная Пруссия 235
Вотелен де 333
Вудстон 155
Вульф Макс фон 285, 307, 310, 312, 315, 316
Вульфстан 95
Вышеград 309
Вьевиль 331
Вюрдингер 174
Вюрцбург 65, 94
Вюстенфельд 131
Вячеслав, король 308

Г

Габсбурги 341, 346, 352, 353, 360, 373, 376, 377, 378, 413
Гагенбах 379
Гаген Готфрид 227, 228
Гагенау 229, 379
Гадемерш 72
Газа 21, 47
Газарт 225
Газельматтрузе, ущелье 350
Галиото 396
Галле 141
Галленбах 77
Галлия 26, 42, 55, 104, 140, 145, 233, 236
Гальбурштадт 84
Гальвиль 395
Гальские ворота 273
Гаммер (Hammer) 126
Гампе 220
Гамурет 195
Ганзейский союз (Ганза) 289, 317
Ганнибал 150, 187, 201
Ганновер 49
Ганов 213
Гаральд 70, 96, 98—103, 106
Гарольд 244
Гаронна 258
Гартенштейн 395
Гартман 33, 34
Гартунг 172
Гарун-аль-Рашид 134
Гарфлер 294
Гарц 44, 194
Гаскония 113, 240, 241, 283, 284, 289
Гассан 133
Гастингс 96, 97, 100, 101, 104, 121, 199, 237, 244, 262, 275, 276
Гауберген 171
Гаусберген 228, 229
Гауфред Малатерра 119
Гварнерио 318
Гвасталле 217, 218
Гвидо 179, 267
Гвидо Амьенский 104
Гвильельмо 206
Гебгард, еп. Бременский 35
Гебгард Суплинбургский 84
Гегель 33—35, 71, 173, 203
Геелу 171, 172, 177, 184, 263, 264
Геерман Отто 140, 179, 181, 185, 186, 189, 248, 249, 251—255, 257
Гейлеберг 235
Гейслер 26
Гейстербург 45
Гельмерих 235
Гельферих 194
Гельхейм 171, 265
Гембах 375
Генгист 104
Гензерих 54
Генрих I Английский 246, 247
Генрих I Саксонский 54, 60—63, 65, 68, 70—72, 80, 134, 151, 172, 179, 194, 232
Генрих II Английский 29, 67, 106—113, 115, 117, 155, 167, 183, 196—198, 201, 239, 346
Генрих III 71, 80, 106, 110, 113, 114, 161, 193, 202, 239, 263
Генрих IV 64, 65, 69, 70, 83, 85—87, 89—94, 111, 112, 119, 139, 163, 186, 193, 199, 202, 220
Генрих V 29, 193, 291—296, 304, 332, 336, 346
Генрих VI 162, 214
Генрих VII 63, 346
Генрих Ботель 235
Генрих, герц. Баварский 63, 79
Генрих, герц. Бургундский 168
Генрих Гордый 191
Генрих Кастильский 221, 223
Генрих Лаахский 93
Генрих Лев 160, 162, 199, 200, 203, 205, 207, 211, 213
Генрих Мейсенский 233
Генрих Монте 167, 235, 236
Генрих Рейс фон Плаен 173, 174
Генрих Уленбуш 167
Генрих фон Гуттингдон 111
Генрих фон Зибель 140
Генрих Шотландский 247
Генрих Штоффель 307, 313
Генрих Язомирский (Язомирготт) 179
Гент 267, 277, 278, 332
Генуя 189, 210
Гера 87
Геракл, импер. 126
Герард 72, 75, 79, 82, 83
Гербгард 226
Гервазий Кентерберийский 108
Гериберт, еп. 220

Герикур 380
Геристаль 47
Герлянд 130
Герман Рейхенауский 196
Германик 41, 42, 237, 240
Германия 26, 42, 54, 60—62, 67, 68, 72, 79, 85, 111, 132, 143, 146, 147, 150, 152, 156, 158, 160, 162, 190, 191, 195, 198, 200, 203, 205, 207, 209, 211, 213, 214, 216, 226, 233, 236, 240, 300, 309, 312, 313, 315, 317, 319, 320, 322
Герман фон Зальца 152, 224
Герман фон Эптингер 385
Геродот 62, 97, 114, 271, 327, 378
Герон 71
Герсфельд 65
Гертер Вильгельм 395, 396
Гессен 9, 41, 42, 48, 49, 87, 90, 314
Гетцель, граф 65
Гефеле 237
Гефнер-Альтенек (Hefner-Alteneck) 82
Гиар Вильгельм 273
Гибралтар 51
Гиеромакс 135
Гизебрехт 66, 71, 72, 86, 93, 189, 207, 213
Гийом де Рошфор 333
Гильермо 69, 109, 147, 153—155, 162
Гильтерсрид 174
Гингинс 392, 396
Гинкмар 38, 39
Гиральд де Бари 239
Гиральд Кембрийский (Giraldus Cambrensis) 167, 183
Гисликон 361, 365
Глаппе 236
Гларус 368, 376
Глатц 312
Гнейзенау 394
Гнейст 114, 117, 118
Гоар 40
Гогенванг 410
Гогенштауфен 139, 170, 199, 203, 220, 222
Голенхофен, ферма 77
Голленхофен 77, 82
Голштиния 72
Гольштейн 47
Гомбург 83
Гомер 149
Гонзага 318
Горз 104
Горица 311
Гослар 84, 87
Готфрид Бульонский, сын Густава 97
Готфрид, герц. Бретани 155
Готфрид де Прельи 156
Готфрид из Фитербо 213
Готфрид Левенский 285
Готфрид Малатерра 173
Готфрид Мартелль 200
Готфрид Норманнский 53, 65
Готье 170, 179, 184
Гохкирк 394
Гран Буа Доминг 398
Грансон 364, 365, 382—385, 388—390, 392, 394, 401, 412, 414, 415
Грауэрт 141
Грегоровиус 209
Грейфензее 414
Гренинген 267, 269—272
Греция 61, 125, 152, 376
Григорий I 32
Григорий VII 85, 87, 97, 119, 127
Григорий IX 67
Григорий Монтелонгский 225
Гримм 81, 172
Гро (Graux) 130, 256
Грона (Грана) 90, 93
Грунау 93
Гуго Капет 62
Гугон Пайенский 141
Гукульби 47
Гундобад 161
Гунтер 146
"Гунценлее" 82, 83
Густав Бульонский, граф 97
Гутвиль 356
Гюияр (Гюйар) 172, 177, 187
Гюмменен 391, 398
Гюмминнен 392
Гютербок 213

Д

Давид Шотландский 247
Дазинг 77
Далмация 304
Дальман 57, 163
Дамаск 136, 186
Даниель (Daniel) 153
Даниельс 18
Дания 17, 45, 46, 51, 54, 163
Даун 392
Дахенштейн 229, 231
Дахер 365
Дахсберг 316
Девентер 271
Дезидерий 21
Дейстер 45
Дейц 45
Дельбрюк 83, 114, 331
Дельпеш (Delpech) 168, 194, 220, 253, 255, 259, 405, 409
Демарат 378
Деммин 237
Денисон 160
Депплин-Мюир 290
Дерби 245
Деревенское ущелье 46
Деринг 313
Детмар 327, 365
Детмольд 21, 46, 47
Деффинген 280, 322, 366—368
Джабул 132
Дженкс (Janks) 105
Джильберт 195
Джорж (George) 242
Диван 235, 236
Дигенис Актритас 122
Диденгофен 46
Дижон 392
Дизентис 211
Диллингер 75

Димель 42, 47—49
Дипольт 81
Дирауер (Dierauer) 380, 389, 398
Диррахиум 120
Дитбальт, граф 83
Дитмар 360
Дитмаршен 344
Дитрих 224, 225, 249
Дитрих Лаузицкий 211
Дитрих фон Каценелленбоген 226
Длугос (Dlugoss) 327
Домициан 240
Донауверт 79
Дорилэй 140, 151, 170, 185, 186, 224, 249, 257, 321
Дорнбюль 356
Дортмунд 49
Древенц 327, 329
Друз 50
Друммонд 117, 118, 246—248
Дуисбург 40, 49, 233
Дунай 48, 72, 73, 75, 77, 80, 121, 126, 139, 301, 304
Дунбар 322
Дурбан 235
Дуэ 394
Дьелафуа (Diulafoy) 258
Дэнбар 246
Дэндликер 353, 380, 388, 396
Дюканж (Ducange) 153, 184, 193
Дюммлер 403
Дюран 197

Е

Европа 51, 111, 127, 140, 147, 194, 300, 301, 320, 414, 416
Евфрат 124, 126, 133, 136
Египет 130, 131, 133, 134, 137, 141

Ж

Жак дю Ма 336
Жак Кер 319
Жан де Труа 402
Жан де Ферьёр 331
Жан Каде 338
Жан Форлут 267
Жермен Оксеррский св. 57
Жижка 304, 306, 308, 310, 311, 313
Жоффруа де Сен-Белен 339
Жуанвиль 197, 198
Жювеналь де Юрсен (Juvènal des Ursins) 242

З

Заале 41, 48, 87, 90, 92, 93
Заане 391, 397
Заац 313
Зальц 48
Зальбург 194
Западная Европа 51, 54, 134, 141, 186, 190, 194, 232, 233, 236, 300
Западная Франкония 79
Зара 32
Зассен 235
Захарий 155
Зебен 65
Зейфрид Гельблинг 154
Зейфрид Швепперманн 341
Зеккенгейм 375
Зелигер (Selliger) 60
Земландия 235
Земпах 178, 360—368, 376, 412, 413, 415
Зервицель 347
Зест 49, 50
Зибель 251
Зигибург (Гогензибург) 44, 45
Зигфрид Кельнский 263, 264
Зигфрид, морской король 56, 160
Зиргун (Зорге) 233
Зоор (Soor) 394
Зудендорф 209
Зухенвирт 195, 362, 364
Зюнтель 45, 46

И

Ибн-Али-Сарх 138
Ибн-Будейль 136, 137
Ибн-Джиль-Калы 137
Ибн-Исхак 131
Идронти 15
Изар 79, 82
Изен 342
Израиль 131, 141
Изуард де Гаджиа 251
Иена 141
Иенс 127—130, 170, 174, 177, 192, 283, 298, 304, 306, 307, 316, 405—410
Иерусалим 118, 133, 140, 180, 182, 233, 253
Иль-де-Франса 62
Ингольштадт 74, 75, 77, 79
Индистави 41
Индия 133
Ине 94
Инман 117, 118
Инн 79, 82, 341
Иннокентий IV 151
Интерлакен 349
Иоанн Английский 106, 109, 110, 112, 113
Иоанн Брабантский 184, 242, 263, 264
Иоанн де Гаркур 288
Иоанн де Гранпре 288
Иоанн из Винтертура 351, 353, 363
Иоанн Киннам 186
Иоанн Кипрский 262
Иоанн, король Франции 291, 296, 300, 321, 323
Иоанн Неймаркский (Нейнбургский) 174
Иоанн д'Оксерр, граф 288
Иоахим 332, 333, 340
Иоганн Богемский 341, 342
Иоганн, бургграф 300
Иоганн Скилиций 123
Иоганн фон Ренессе 268, 269, 271
Иорданс 237
Иорк 247, 275
Иоркшир 245
Иосиф Флавий 182
Ипр 268, 269, 271, 278, 279
Ирландия 167, 239, 245, 283

Испания 14—16, 23, 45, 121, 133, 134, 152, 319
Италия 26, 34, 35, 42, 53, 60, 62, 64—67, 79, 85, 118, 120, 121, 133, 143, 144, 152, 157, 190, 191, 193, 195, 198, 199, 202, 203, 207, 209, 211, 214, 219, 223, 226, 280, 300, 317, 318, 360, 378, 408, 412
Итен 347
Итинерарий 257
Иттер 49

К

Кадезия 132, 137
Каликста II 195
Калифат 140
Калькштейн 57
Калэ (Кале) 284, 291, 294
Камбрэ 65
Камби (Kammby) 316
Кампен 65
Канны 119, 182, 187, 201, 231, 279, 281
Каносс 85
Капетинги, династия 283
Каринтия 194
Каркано 205—207, 214, 290
Карл III 53—56
Карл IV 288, 300, 319
Карл V 323, 379
Карл VI 278
Карл VII 319—324, 374, 406
Карл Анжуйский 166, 220—223, 237
Карл Арнольд 271
Карл Великий 7, 8, 10, 12—22, 25, 28—31, 33, 36, 39, 41, 42, 44—52, 54—56, 59, 60, 62, 64, 66, 68, 73, 95, 109, 122, 134, 140, 142, 148, 153, 158, 164, 187, 198, 199, 227, 233, 307, 232—325
Карл, герцог Бургундский 336, 380, 381, 383—385, 387—390, 392, 396—402
Карл Лампе (Karl Lampe) 291
Карл Лысый 10, 12, 24, 25, 37, 39, 51, 57, 156
Карл Марский 290
Карл Мартелл 59
Карл Рюбель 17, 49
Карл Смелый (граф Шарлоэ) 163, 296, 324—326, 331—337, 340, 372, 374, 377—379, 414, 415
Карл Толстый 80, 123
Карл Хаданк (Гаданк) 83, 214
Карл фон Шмидт 184
Карлейд 245
Карловерок 245
Карлсбург 45
Каролинги, династия 8, 11, 14, 15, 17, 18, 20, 28, 36, 42, 49—51, 59, 61—63, 71, 95, 114, 134, 149, 153, 194, 199, 202, 227, 267, 296, 320, 324
Карроччио 219, 220
Карсеоли 211
Карфаген 54, 133
Кассель 267
Кастеллеоне 225
Кауэрник 327, 328, 330
Кеис ибн-Саад 136
Кейтген 71
Келер 21, 102, 103, 149, 152—154, 168, 172, 174, 177—180, 184, 188—192, 194, 196, 198, 213, 216—218, 220, 232, 244, 251, 253—258, 260—265, 280, 283, 310, 321, 322, 329, 341, 405, 408—411
Келлингхузен 72
Келькштейн 57
Кельн 53, 65, 111, 151, 171, 213, 226, 227
Кемберлэнд 245
Кенигтрец 74, 394
Кенигсберг 167, 235, 236
Кенигсгофен 283, 304, 322, 364, 366, 367, 409
Кентербери 96
Кенэ ле Конт 339
Кербога 251
Киликия 123, 124
Киндит Эль-Ашат Ибн-Кеис 137
Кинер (Kiener) 258
Кирк, Дж. Фостер 380
Кистлер 373
Клаттау 307
Клаузевиц 181
Клаус, граф 70
Клеве 228
Клинг (Kling) 300, 303
Клингенберг 364
Клисфен 372
Клозенер 228, 230
Кнебель 379, 385, 395, 398
Кнут 17, 96, 111
Кобленц 53
Коданьелло 206, 207
Коленнучио из Майнардино де Имола 217
Колин 306
Колиталь 82
Коллин 392
Кольденкеркен 72
Кольмар 377
Комбет 398
Комин 163, 278, 280
Коммин 288, 331, 343, 400, 402
Комо 200, 205, 206, 211—213
Конада 25
Конан Бретонский 193
Конвей 265
Коно 65
Конрад II 69, 144
Конрад III 186, 203
Конрад (отец Генриха III) 161
Конрад, герц. 74, 75, 79, 81, 83
Конрад Гохштаден 227
Конрад Гунн 345
Конрад Красный (Рыжий) 69, 188
Конрад Кьезер (Konrad Kyeser) 407, 408
Конрад Плат (Konr. Plath) 17
Конрад фон Вюрцбург 153
Конрад Швенд 372
Конрадин 221—223
Консидеран 347
Константин Великий 33, 145
Константин VII Багрянородный 129
Константин VIII 129
Константин IX 123
Константинополь 51, 119, 125—127, 139, 299—301, 304
Констанц 65, 157, 345, 366
Констанция 120
Контэ де 332, 335—337, 340
Корбейль 339

Кордэ де 335
Корнер Герман (Korner Hermann) 263
Корсика 36, 38
Кортенуова 167, 190, 200, 202, 214—216, 218, 225, 245, 408
Космас 412
Красс 130
Крейцбург 235
Крема 182, 199, 205, 207, 215
Кремер А. 130
Кремона 206, 214
Кресси 281, 283—292, 294—297, 300, 303, 304, 330
Кристбург 234, 235
Крит 129
Крокер 313, 314
Кромвель 309
Крумбахер 128, 129
Крюкен 235
Ксенофонт 403
Ксеркс 224, 327, 406
Ктесифон 132
Куглер 251
Кульм 233, 236
Кунц фон Кауфунген 173
Курляндия 233, 235
Куртрэ 165, 187, 267—273, 276—281, 290, 415
Куршигаф 235
Куссиберль 398
Куфа 134, 136
Куши де 333
Кэпке 71, 72
Кюленталь 82

Л

Лаана 45
Лабиу 235
Лалэн 339
Ламбек (Lambeck) 263
Ламберт 72, 83, 84, 123, 178, 203, 411
Лангобардия 193
Ландау 92, 93
Ланкашир 275
Лаон 39
Лаузиц 313
Лаупен 354—357, 359, 360, 368, 371, 391, 412, 413, 415
Лахман 81
Лебау 235, 327
Лев, импер. 124, 127—130, 135, 136, 170—173, 182, 185, 187
Лев III Исавр 129
Лев IX, папа 193, 196
Левен 54
Левктры 201
Лейне 49
Лейпциг 26, 283, 298, 321
Лейчестер, граф 256
Лексис 172
Леле 79
Ленкс 245
Леньяно 170, 200, 211, 212, 214, 215, 219, 248, 267, 280, 290
Леопольд Австрийский 162
Леопольд Ангальтский 394
Леопольд I 360
Леопольд III, герц. 341, 349—351, 353, 360—362, 364, 365, 376
Лех 72, 74—83
Лехфельд 62—64, 72, 73, 75—80, 82, 173, 198, 199, 201, 202, 321
Ли 278
Либенцеллер 230
Либрехт де Дормэль 177
Ливий 124, 182, 187, 307, 410
Лигниц 298
Лигурин 155
Лидекерке 177
Лилль 260
Лимузин 197
Лингард 275
Линденшмидт 21
Линзинген 187
Линкольн 108, 248
Линь, князь 124
Линьи 394
Липан 315
Липпе 41, 45, 47—50
Лис (Lys) 267, 268, 271
Лисей 200
Литва 236, 331
Литтл (Little) 105
Лиутгарда 161
Лифляндия 233
Ло (Laux) 399, 400
Ловерцкое озеро 349
Лодь 206, 208, 209, 225
Лозанна 389, 392
Лозерт (Loserth) 306
Ломбардия 204
Лондон 100—102, 115, 116, 202, 343, 380
Лонжюмо 335
Лоренц 38
Лотарингия 53, 60, 75, 78, 79, 320, 377, 381, 399, 400
Лотарь 16, 36, 38, 39, 80, 84, 143, 198
Лотарь II 403
Лотарь Брешианский 189
Лохмабен 245
Луара 8, 13, 109, 133, 291
Лудольф 158
Лузиньоло 214
Лузиньян 339
Луитпранд 187, 203
Лукан 208
Лукка 64, 318
Лушница 311
Льюис 239, 263
Любек 44, 157, 233, 365
Люгде 47
Людвиг де Сансер, граф 288
Людвиг-Дитя 83
Людвиг Немецкий 51, 53, 72, 156
Людвиг Фландрский, граф 277, 288
Людовик II 36
Людовик IV 237
Людовик VI 145, 183, 246, 247
Людовик VII 194, 196
Людовик IX 153, 197, 198, 322
Людовик XI 163, 323, 331, 333, 370, 374, 377—379

Людовик Баварский 226, 289, 341, 342, 346, 354, 360
Людовик Благочестивый 7, 9, 12, 16, 26, 50—52, 60, 138, 145, 403
Людовик, венгерский король 319
Людовик Заика 54
Людовик Святой 197, 320
Люксембург 337
Люс (Luce) 241, 323
Люттих 65
Люцерн 346, 349, 360, 361, 365, 367, 369—371, 374, 376

М

Маас 47, 53
Маврикий 121, 122, 124, 128, 182
Магдебург 45, 73, 77—80, 226
Магомет 131, 132, 134, 136
Магомет II 299
Майер Эрнст 70
Майн 8, 9, 48, 49
Майнц 65, 87, 162, 226
Майтлад (Maitland) 105
Максимилиан 162, 177
Малатеста 318
Малая Азия 126—128
Малик 137, 138
Мальтерс 375
Манербио 205, 214
Манлий 224
Манси 237
Мантуя 214, 318
Манцикерт 125, 128
Марафон 73, 96, 99, 185, 201, 267, 278, 353, 356
Мариенвердер 233, 235
Марий 97
Марк Квирин 197
Марк Эверсгейм 230
Марка 260
Марна 333
Марсова гора 57
Мартезана 205
Мартин, исслед. 57
Мартин, папа римский 32
Мархфельд 171
Матильда 113—115
Маттлигютша 350
Мейер фон Кионау 93
Мейнерт 307
Мейстер 390
Мекель 184
Мекерн 394
Мекка 131
Мексика 347
Мельзен 93
Мельрихштадт 85, 86, 92, 94, 206
Мельроз 261
Мельтингер 385
Мемель (Мемельбург) 235, 236
Мерджи-Сефер 167, 185, 255
Мерзен 24, 25
Меркадье 195
Меровинги, династия 8, 13, 18, 21, 25, 50, 59, 61, 104, 105, 134, 142, 153, 155, 194, 199
Мерта 402
Мец 66, 375, 376
Милан 158, 199, 200, 202—205, 207, 211, 215, 216, 218, 220, 225, 318, 360, 373, 379, 388, 398
Мильзин (Мельзен) 90
Мильтиад 100, 133, 201, 267, 278, 353, 356
Минден 47
Мириниан, еп. Равенский 32
Мирцей, князь 300
Мис (Mies) 314
Михаил III 125
Моавия 133, 136—138
Моден 202
Мозель 344
Молеон Ральф 256
Молинэ 387, 397
Молинье 259, 261, 409
Мольбингер 398
Мольгсгейм 299
Мольтке 306
Моммзен 307
Мона 49
Монлери 163, 164, 288, 327, 331, 335—337, 374
Монмартр 53, 57
Монс-ан-Певель (Mons-en-Pevel) 273, 341
Монстрэле 279, 281, 331
Монтеапарти 263
Монтегю де 333
Монтекукколи 124
Монтелье 391, 398, 399
Мопертюи 291, 292
Мор Фридрих (Mohr Friedrich) 280
Моравия 309
Моргартен 347, 349, 350, 352—354, 359—362, 368, 369, 372, 412—415
Морен 208
Моррис (Morris) 238—241, 244—246, 284, 290
Мортань 261
Муаенмутье 191
Мундольсгейм 229
Муратори 220
Мурбах 65
Муртен 357, 365, 370, 371, 379, 388—395, 397—399, 401, 412, 414, 415
Муске Филипп 321
Мэйн 335, 339
Мюллер А. 136, 138
Мюллер Ганс 365, 375
Мюльбахер 48
Мюльгаузен 86
Мюльдорф 341, 342
Мюнхен 342
Мюнхенвилер 390, 391, 396, 398
Мюре 258, 263

Н

Навец (Navez) 273
Нагдебург 235
Нанси 399—401, 412, 414, 415
Нантуйэ 333
Наполеон 394
Нарагарра 201
Нарсесс 54
Наталис де Вайн 197

Натанген 236
Наумбург 90, 93, 314
Наход 311
Неаполь 53, 140, 220
Невер де 300, 304
Невшатель 383
Недлиц 93
Нейбург (Нейнбург) 74, 78, 174
Нейман 123, 124
Некар (Неккар) 69, 78, 80, 85, 86, 375, 376
Нель 332
Неман 232, 235
Немецкое море 344
Нефельс 347, 376
Нефельская летцина 347, 368
Нивелль 259
Нидау 356
Нидерланды 78, 377, 399, 400
Ниднер 153
Нижний Везер 344
Нижняя Италия 64, 118, 119
Нижняя Лотарингия 65, 263, 399
Нижний Рейн 380, 381
Никий 414
Никифор Ботониат 123
Никифор Бриений 125
Никифор, визант. импер. 187
Никифор Фока 123—125, 129, 130
Николай, граф 72
Николай Гусс 306
Николай Рюш 381
Николай Треве (Триве) 265
Николай Цорн 230
Никополь 297, 300—302, 304, 330, 331, 356, 409
Нитe Фридрих (Niethe Friedrich) 292, 294
Нич (Nitsch) 38, 70, 71, 80
Ногата 233
Ножан на Сене 342
Нойон 332
Номин 389
Норвегия 51, 54, 163
Норик 33
Нормандия 67, 68, 110, 113, 155, 283, 284, 291, 331, 335
Норманн 102
Норталлертон 171, 220, 247, 248
Норторпе 72
Нортумберлэнд 245
Ноттс 245
Нюренберг 173, 174, 300, 313, 322, 341, 342, 366, 367

О

Обермарсберг 42, 47
Обершикур 342
Обурден де 332, 333, 335, 339, 340
Оверни 8, 197
Оверштольцы, род 228
Одер 232
Одо 56, 182
Одоакр 119, 318
Оккер 44, 45
Оксенбейн 390, 398
Оксерр 16
Оксеррское предместье 57
Оксфорд 265
Олива 233
Оливенто 119
Оливье де ля Марш 296, 325, 374, 383, 400
Оливье Клиссон 278
Олио 214, 215
Омайяд 136
Омайяды 134
Оман 95, 102, 127, 128, 220, 238, 239, 242, 251, 256—258, 261—263, 274, 275, 277, 283, 290, 411
Омар 131, 132
Оносандер 129
Опперман 44
Ора 45
Ордерик Виталис (Ordericus Vitalis) 108, 140, 183, 247
Орлеан 16, 293, 319
Орлеанэ 68
Орлеанская дева 319, 406
Оронт 251, 252
Осман 136, 138, 298
Османы 297, 298
Оснабрюк 47
Остфалия 47
Оттокар Штирийский 155, 235, 265
Оттон Великий 20, 33, 54, 61, 62, 71—74, 77, 79—81, 158, 161, 164, 194, 198, 199, 203, 208, 209, 213
Оттон II 64, 65, 198
Оттон III 29
Оттон IV 220, 259—262
Оттон Нордгеймский 70, 86, 91, 186
Оттон Фрейзингенский 145, 155, 172, 179, 189, 317
Отэ (Othee) 279

П

Павзаний 133, 201
Павия 200, 211, 213, 217
Падера 49
Падерборн 16, 45, 46, 48—50
Палацкий (Palacky) 306, 307
Палестина 139—141, 152
Панигарола 383, 387, 388, 390—392, 395, 396—400, 414
Париж 46, 50, 53, 55—57, 80, 101, 123, 141, 194, 197, 198, 218, 258, 273, 281, 297, 319, 324, 332, 333, 335, 336, 338, 340, 380
Парка 237
Парма 180, 216—218
Парсифаль 160, 195
Паули 275, 283
Паупен 413
Певенсейская бухта 100
Пегау 93
Пейкер 38
Пелопоннес 126
Пемброк 239
Пеполи 318
Перикл 372, 414
Перльбах 183
Перонна 259, 293, 332

Персия 131, 132
Пертинакс 122
Перц 81
Песит 130
Песнь о Нибелунгах 153, 158, 363
Петер фон Хевен 387
Пети Буа Доминг 398
Петр Альфонси 156
Петр Арагонский 258
Петр Винейский 215
Петр Дусбург 232
Петр Кениг 267
Пешель 194
Пий II (Эней Сильвий Пикколомини) 305—307, 310, 315—317
Пикардия 68, 331
Пилленрейт 173—175, 178, 184, 280, 375
Пипин, король 18, 38, 51, 155
Пипин Короткий 59
Пипин Майордом 59
Пиренеи 8, 16, 45, 68
Пиркгеймер 364
Пистенский Эдикт 24, 25
Питрупо 25
Плантагенеты 111, 114
Платеи 201, 271, 376
Плейскирхен 342
Плейхфельд 94
Плутарх 97
По 218
Погезания 235
Полибий 187, 310
Полиевкт 130
Полиен 129
Поллер 390
Польша 233, 235, 236, 315
Помезания 235
Понсе де Ривьер 336
Понтье 68
Порта 298
Прага 75, 308, 309, 311, 312, 315, 392
Прегель 235, 236
Пренцель 26
Примат 220, 223
Проб 122
Прокоп 306, 311, 313
Прокопий 238
Протеро (Prothero) 104, 105
Пруссия 70, 136, 232, 233, 235, 236, 240, 331
Пруц 149, 179, 184, 207
Прюм 65
Пуату 113, 194
Пуг 352
Пупардэн (Poupardin) 60
Пфальц 314
Пфанншмидт 341, 342
Пьер-Бесси 398
Пьяченца 203, 205, 207, 215, 221
Пюи 237

Р

Рабан Мавр (Rabanus Maurus) 156, 403, 406
Рабиа, племя 137
Равенна 32, 33, 35, 126, 203
Рагевин 193, 204
Радульф 170, 224, 257
Раймонд Тулузский 180
Раймунд 251, 253, 254, 257
Ральф Коггехальский 257
Рамла 152, 172, 185, 254, 255
Ранке 52, 81, 134, 139, 160
Растинбург 235
Ратгер 75, 78
Рауль Лотарингский, герц. 288
Раумер 207, 220
Раунд И. Г. 117, 118
Раунд И. Х. 102, 103, 105
Рахевин 182
Рахово 301
Регенсбург 65, 79, 322, 364
Реден 233
Рединг Итель 352
Редниц 375
Рейзенбург 73, 74
Реймбольд 229
Реймер 174
Реймс 10
Рейн 9, 13, 16, 32, 41, 45—49, 55, 78—80, 85, 197, 204, 235, 236, 367, 375, 376
Рейнальд Кельнский 207—210
Рейнау 229
Рейнер 151, 342
Рейнские провинции 16
Рейс 361, 365
Рейтер 209
Рейтлинген 283
Рейхенау 68
Реме 47
Реми 294
Ренэ, герц. Лотарингский 391, 399, 400
Рерихт 183
Рессль 233
Риги 348
Ригорд 262
Рим 33, 34, 51, 53, 64, 67, 68, 97, 119, 126, 131, 152, 165, 170, 186, 193, 203, 209, 211, 219, 226, 235, 318, 322
Ример 196
Римини 318
Рингенберг 373
Рипуария 46
Риттер 81
Рихард Рихер 20
Рихард Чеппан (Richard Czeppan) 283
Рихард Ян (Richard Jahn) 264
Рихерий 151, 182, 228, 229, 231, 232
Ричард Львиное Сердце 136, 155, 179, 195, 197, 198, 220, 237, 238, 242, 247, 256, 257, 286, 409
Ричард I 106, 109, 112
Ричард Корнуэльский 263
Ричард Фитц-Неаль 108
Ричард фон Сенс 261
Ришмонт 320
Роберт Благочестивый 155
Роберт Вальтурио (Roberte Valturio) 408
Роберт Гискар 119—121, 170, 186, 193
Роберт Норманнский 246
Роберт Кейт 275
Роберт Фландрский 196
Рогац 410

Рогенсбург 366
Роденберг 71
Роджер Антиохийский 170, 255
Роджер Говеден, см. Роджер Ховеден
Роджер Ховеден 112, 155, 184
Родос 300
Родт 381, 400
Розебеке 277, 280, 281, 365, 416
Розенплют Ганс 375
Розенфельд 367
Ройшибен 347
Роксбург 245
Ролоф (Roloff) 221—224, 319
Ролло 54, 96
Роман IV 128
Ромон 399
Ромонта, граф фон 379, 397
Рона 96, 204
Ронкальские поля 63
Росберг 348
Росвит 71
Россия 51, 123
Рот (Roth) 8
Ротентурм 348
Ротланд 115
Рот фон Шрекенштейн 162, 225, 229
Рудольф Баденский 366
Рудольф Габсбургский 228, 265, 345, 346, 363
Рудольф Швабский 85—87, 91, 92, 199, 202
Румольд 153
Рупп 367
Рупрехт 300, 366, 409
Рур 44, 49
Русс 360, 363
Рюбель 44, 45, 48
Рюстов 185, 283, 289, 359, 400, 410, 411
Рютен 49

С

Саана 354, 359
Саба Маласпина 166
Саваофа 141
Саваро 340
Савойская область 389
Савойя 314, 337, 378, 379, 383
Саганский, герц. 174
Саид бен-Мунаде 132
Саксония 16, 39, 41, 42, 45, 46, 49, 54, 60, 66, 69, 72, 73, 84, 85, 87, 142, 233, 314
Саладин 134, 136, 179, 200, 256, 409
Саламин 223, 295, 376
Салерно 118
Салии, династия 61, 199
Салимбене 216
Саллюстий 124, 144
Сальвенах 395
Сальдерн фон 404
Сан-Марте 220
Сардиния 189
Сармин 185, 255
Саттель 349
Свен 96
Свинброк 290
Северная Германия 146
Северная Италия 218
Северное море 41, 48, 208
Сегбер 194
Сейфеддин 136
Секенгейм 282
Секлен (Seclin) 278, 280
Селим 299
Сельденек Филипп, см. Филипп фон Зельденек
Семиградье 194
Сена 11, 13, 22, 23, 53—58, 140, 284, 292, 333
Сен-Бернар 204
Сен-Блазиен 208, 209
Сен-Галлен 20, 65, 345
Сен-Готард 378
Сен-Дени 220, 223, 269, 279, 323, 332, 333
Сенека 155
Сен-Жакоб 320, 415
Сен-Жермен д'Оксерруа 58
Сен-Жермен де-Прэ 58
Сензе 354, 359
Сен-Клод 398
Сен-Клу 333
Сенлак 190
Сен-Поль 68, 271, 333, 335, 337, 339, 340
Сен-Прива 394
Сент-Максанс 337
Сеприо 205
Сербия 298
Сигизмунд, король 300—304, 307—309, 313
Сигизмунд, герц. Австр. 376, 377, 379
Симон де Кенжи 338
Симон де Монфор 258, 263
Симон де Сальм 288
Синтенфельд 49
Сирия 131, 133, 136, 141, 170, 220, 258
Сифин 136
Сицилия 119, 143, 214, 216
Скала 318
Скуманд 236
Слуис 283
Слюи 195
Сокур 54
Соллер 281
Солотурн 354, 356
Солсбэри 336
Сомма 284, 291—293, 332, 333
Сона 96
Сплюген 204
Сполето 318
Средиземное море 51, 53
Средняя Галлия 9
Станс 364
Стеббс (Stubbs) 96, 114, 116, 155
Степп 258
Стефан, король 106—108, 195, 247, 248
Стирлинг 273—276
Страсбург 65, 156, 226, 228, 229, 285, 300, 322, 377, 411
Стуббс 105
Стэффордшир 245
Сугерий 151
Сулла 97
Сурзее 361
Сфорца 374
Сципион 201
Сэррей, граф 246

Т

Тавр 129
Тайо 16
Тальбот 336
Тальякоццо 171, 181, 220, 221, 223—225, 239, 264, 295
Тангль 359
Танкред Отвилльский 173
Танненберг 174, 181, 327—331
Таранн 57, 58
Тассило 21
Таурганг 306
Таусс 314
Тацит 41, 94, 105, 142, 153, 156, 239, 412
Тевтобургский лес 41, 44, 46, 49
Теган 26
Телль 413
Тенгибрэ 246
Теодерик 46
Теодорих 156, 163
Теодорский 15
Техас 347
Тиберий 42
Тигр 125, 136
Тимур (Тамерлан) 298, 304
Тироль 360
Тирштейн 395
Тит, см. Ливий
Титмар 69, 187, 194
Тоблерс 380
Тоггенбург 352
Толозан 213
Торн 233, 235, 236
Тортоза 225
Тортон 155, 189, 217, 225
Тоскана 193, 209, 210
Тости, брат Гаральда 100
Тотила 161, 200
Траутенау 394
Тревизо 217
Триполи 133
Трир 53, 65
Тулуза 258
Туль 26, 31, 65, 80
Тун 369
Тунис 133
Тур 147, 200
Тургау 376
Туркестан 133
Турнэ 259, 260
Турфу 336
Турон 68
Тускулум 208—210
Тут (Tout) 283
Тырново 301
Тьюксбери 343
Тюрингия 41, 46—48, 85—87, 90, 92

У

Уаза 56
Уаркворт 342
Удальрих 83
Уденард 278, 280
Удо Нордмарский 84
Узингер 263
Уленбуш, см. Генрих Уленбуш
Ульм 73, 75, 77, 78, 83, 313, 314, 366, 373
Ульман Штромер 366, 367
Ульмиц 391, 392, 395, 398
Ульрих, еп. 72, 82
Ульрих Вюртембергский 283, 367, 368, 375, 376
Ульрих фон Юнгинген 327, 331
Ульрихен 369
Унна 49
Унструт 69, 83, 84, 172, 178, 411
Унтервальден 346, 349, 353, 354, 362, 363, 376
Урбан V, папа 318
Урзин Ювенал 323
Ури 345, 346, 353, 354, 369, 370, 376
Урсеоло 193
Уэльс 109, 167, 237, 239, 240, 242, 243, 275, 283, 288, 345

Ф

Фалькенбург 228
Фалькирк 242—246, 273—276, 409
Фара (Fara) 225
Фарсал 166, 201
Фастрада 39
Фатима 136
Фегелинсек 368
Феликс V 374
Фельдман 388
Фермопилы 349, 378
Ферра 15
Феррара 318
Фиглерфлу 347
Филипп III 154, 278, 300, 332
Филипп VI 281, 283, 284, 286—289, 291, 320
Филипп Август 68, 183, 186, 197—199, 237, 258—262
Филипп де Лалэн 332, 336
Филипп д'Уаньи 338
Филипп Красивый 267, 320, 404
Филипп Морбей 276
Филипп Фландрский 195, 277, 278
Филипп фон Зельденек (Von Seldeneck) 316, 408
Филипп Швабский 213
Филиппополь 301
Фирвальдштетское (Люцернское) озеро 348
Фишер 379
Флавий 45
Фландрия 66, 68, 111, 127, 267, 278—281, 283, 291, 324, 332
Флархгейм 86, 87, 92, 206
Флоке 339
Флорентиус Вигорниензис 101
Флоренция 321
Флотов 93
Фогель В. 58
Фолькер 158
Фонтэн 410
Фордун 275
Форе дю-Кро 398
Форхгейм 85
Франкония 60, 62, 85, 87, 92

Франция 13, 60, 67, 68, 71, 97, 104, 145, 147, 152, 154—156, 161, 190, 191, 195, 196, 202, 240, 262, 278, 281, 283, 288, 289, 317—322, 326, 331—333, 335, 336, 365, 374
Франш-Конте 415
Фрауенфельд 398
Фрейбург 141, 354, 355, 358, 389, 390, 398, 399
Фрейзинг 65
Фрелих 187
Френкли 373
Фрехен 227
Фриауль 204
Фридрих Барбаросса 63—66, 134, 139, 145, 154, 155, 157, 160, 162, 182, 189, 193, 194, 199, 200, 211, 213, 214, 218, 321, 324
Фридрих Великий 98, 124, 196, 199
Фридрих Габсбургский 346
Фридрих («герцог с пустым карманом») 376
Фридрих I 159, 173, 203, 204, 206, 214, 313, 314
Фридрих II, импер. 15, 63, 120, 145, 146, 151, 152, 154, 155, 157, 180, 189—191, 200, 202, 204, 205, 207, 209, 211, 214—218, 225, 237, 241, 288, 290, 321, 346, 354, 360, 410
Фридрих III, импер. 378
Фридрих Красивый 341, 342
Фридрих Нюренбергский 366
Фридрих, пфальцграф 85
Фридрих Пфальцский 375
Фридрих Швабский 207
Фриман (Freeman) 97, 98, 102—104, 117
Фрисландия 52, 53, 344
Фрицлар 42
Фришгаф 233
Фронспергер 177
Фронтин 406
Фруассар 279—281, 286, 331, 365
Фульда 48, 49, 403
Фулькон Анжуйский 193
Фульрад 20, 31
Фульхер 140, 151, 152
Фульхерий 172, 250, 254, 257

Х

Хаб 170, 185, 255
Хабил 136
Хаген 364
Häne 370, 371
Hans Jahn 140
Халид 132, 135
Халидон-Хилль 290
Хардрад 18
Хатти, архиеп. Трирский 31, 80
Хдера 45
Хевекер (Heveker) 327
Хейлс, лорд 275
Хембе, граф де 331
Хеминбург 246
Хеннебергер 367
Хеннегау 281, 324, 332
Хильдисриден 362, 365
Хинкмар 10
Хиттин 256
Хлодвиг 10, 18, 25, 28, 59, 127, 163, 193
Ходжетин 308
Хомберг-Рапперсвилль 364
Хотузиц 394
Христиан 193, 208—211
Христина де Пизан 406, 407
Хур 65
Хюненберг 347, 352

Ц

Цаберн 229
Цалингер 151
Цадрики, род 96
Цезарий Гейстербахский 39
Цезарь Юлий 42, 50, 55, 124, 140, 150, 166, 180, 187, 201, 233, 236, 237, 285, 306—308, 411
Цейц 90, 91, 93
Ценгер Гейнц 174
Церинген, род 85, 354
Цуг 349, 350, 352, 376
Цугское озеро 348, 349
Цурлаубен 347
Цюрих 154, 157, 226, 345, 347, 349, 360—362, 364, 366, 372, 374—376, 395, 396

Ч

Чезарини, кардинал 306
Черрати 379
Чертомондо 191, 264
Честер 245
Четтегю 364
Чингиз-Хан 298
Чуди 363, 374

Ш

Шарент 197
Шарнахталь 373
Шаролэ, граф см. Карл Смелый
Шатогюйон де 364, 387
Шаффгаузен 380
Швабия 9, 60, 66, 74, 77, 78, 82, 84, 86, 211, 322, 341, 344, 354, 366, 410, 412
Шварцвальд 80, 82, 194, 377
Швейцария 319, 320, 346, 347, 349, 353, 354, 370, 372, 374, 376, 377, 381, 383, 388, 415
Швеция 105, 163
Швиц 345—348, 350—353, 360, 369, 376, 388, 397
Шебер 400
Шельда 9, 261, 278, 280
Шензее 236
Шенефельд 72
Шефер Дитрих 69, 71, 81, 82, 128
Шеффер-Бойхорст 67, 217
Шиллер 159
Шиллинг Дибольд, бернский летописец 380, 381, 390, 395—398
Шипка 301
Ширрмахер 220
Шлеттштадт 229, 377
Шлумбергер 129, 130
Шмуттербах 82
Шнейер 375

Шорно 349, 352
Шотландия 243, 276, 283, 288, 291, 331
Шпац (Spatz) 102, 103
Шпейер 65, 75, 322
Шредер А. (Alfred Schröder) 82, 162
Штауфены, династия 199, 213, 218, 224, 226, 296, 317, 318, 346, 354, 412
Штауффахер 346, 349—351, 353
Штейн 378, 410
Штенцель 38
Штессель 364, 365
Штеффис 381, 414
Штильк Г. 83
Штирия 194
Штос 368
Шульц 153
Шурц 299, 303
Шухгард 49
Шюрштаб Эдгард 173
Шюсгальд 363

Э

Эбергард, герцог 158
Эбергард, граф 366—368
Эберинг Э. 94, 102
Эвесгам 239
Эврипид 308
Эгберт, см. Экберт
Эгер 313
Эгери, озеро 348—350, 358
Эгидий Роман 404—406
Эгина 61
Эдгар 104
Эдер 49
Эдесса (Урфа) 140
Эдинбург 277
Эдуард I 106, 109, 237, 238—246, 263, 288, 321, 322
Эдуард II 165, 273—275, 288
Эдуард III 11, 116, 180, 283, 284, 286—291, 296, 304, 323
Эдуард IV 342, 343
Эдуард Гельдернский 342
Эдуард Исповедник 106
Эдуард Черный принц 288, 291
Эйб (Eyb) 311
Эйнгард, см. Эйнхард
Эйнзидельн 346, 349
Эйнхард (Einhard) 20, 21, 48, 153
Эйхгорн 38
Эйхштедт 407
Экберт, король 51, 95
Эккегард (Эккегарт) 20, 86, 92, 140, 172, 208
Эксли 345, 349, 410
Элиан 129, 131, 175, 177
Элий Галл 130
Эллис 117, 118
Эльванген 65
Эльба 41, 45, 47, 48, 68, 70, 109, 143, 232, 313, 314
Эльбинг 233, 235, 236
Эльзас 65, 69, 194, 228, 319, 320, 344, 376, 377, 381, 391, 399
Эль-Микдод-бен-Амр 131
Эльслоо 54
Эльстер 87—93, 169, 186
Эмнер 47
Эмс 41
Энгельберт II 227
Эней Сильвий Пикколомини, см. Пий II
Эннен 227, 342
Эннодий 156
Энтлебух 369
Энцио 218, 225
Эпаминонд 201
Эрард Валери 223
Эрбен 163, 342
Эресбург 42, 44, 45, 47—49
Эрлах 356, 357, 359, 371, 373
Эрмельсбург 398
Эрмланд 236
Эрмландия 235
Эрнест Баварский 84
Эрнст Майер (Ernst Mayer) 13
Эрнст Швабский 144, 158
Эрфурт 87
Эрхартинг 342
Эсте 318
Этельберт Кентский 94
Эттерлин 395, 396
Эшер 370, 405

Ю

Южная Германия 85, 146
Южная Италия 15, 143, 193, 199
Южный Уэльс 242
Южный Шварцвальд 376
Юлихский, граф 151, 236, 289
Юнгинген, см. Ульрих фон Юнгинген
Юра 378, 383
Юрские перевалы 382
Юстингер 354—356, 358—360, 366, 371
Юстиниан 121, 122, 125, 130, 132, 133, 238

Я

Ягелло 181
Ядер 32
Якобсен 283
Якобсон Фриц 336
Яков Люттихский 234
Яффа 136, 185, 256, 286, 290

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая
КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ЕГО ПОТОМКИ

Глава I. Карл Великий . . . 7
Скара и домены . . . 16
Присяга-клятва в верности . . . 18
Вооружение и тактика . . . 20
Каролингские капитулярии о воинской повинности . . . 22
Предписания о мерах взыскания . . . 26
Диспенсация . . . 30
Призыв . . . 31
Снаряжение . . . 31
Итальянские капитулярии . . . 32
Скара . . . 38
Глава II. Покорение саксов . . . 41
Глава III. Империя Каролингов, норманны и венгры . . . 50
Осада Парижа . . . 56

Часть вторая
ЗАВЕРШЕННОЕ ФОЕДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава I. Государственные образования на развалинах империи Каролингов . . . 59
Феодальное ополчение . . . 62
Военная служба крестьян . . . 69
Реформы Генриха I . . . 71
Глава II. Сражение на Лехфельде . . . 72
К критике источников . . . 81
Указание о первом сражении с венграми . . . 83
Глава III. Сражения при императоре Генрихе IV . . . 83
Сражение при Гомбурге на р. Унструт . . . 83
Война между Генрихом IV и его соперником Рудольфом . . . 85
Сражение при Мельрихштадте . . . 85
Сражение при Флархгейме . . . 86
Сражение на Эльстере . . . 87
Сражение при Плейхфельде . . . 94
Глава IV. Покорение англосаксов норманнами . . . 94
Сражение при Гастингсе . . . 97
Литература и критика . . . 102
Англосаксы и англичане . . . 104
Сотенная организация у англосаксов . . . 104
Гезиты и тэны . . . 105
Закон о пяти наделах . . . 105
Глава V. Норманнский военный строй в Англии . . . 106

Указ о вооружении в Англии . . . 114
Указ о наборе войска . . . 115
Указ о вооружении . . . 116
Винчестерский статут . . . 116
Статистика вооруженных сил по литературным источникам . . . 117

Глава VI. Норманнское государство в Италии . . . 118
Сражение при Диррахиуме . . . 120

Глава VII. Византия . . . 121
Сражение при Манцикерте . . . 128
Византийская военная литература . . . 128

Глава VIII. Арабы . . . 130
Сифинское сражение . . . 136

Глава IX. Общий обзор крестовых походов . . . 139

Часть третья

СЕРЕДИНА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Глава I. Рыцарство как сословие . . . 142
Обряды посвящения. Опоясывание мечом и рыцарский удар . . . 162
Северные германцы . . . 163

Глава II. Рыцарство с военной точки зрения . . . 163
Бой при Пилленрейте . . . 173
Пеший и конный бой германского рыцарства . . . 186
Рыцари и кнехты . . . 188

Глава III. Наемники . . . 193
Некоторые нормы денежной оплаты наемников . . . 197

Глава IV. Стратегия . . . 198

Глава V. Итальянские коммуны и Гогенштауфены . . . 202
Первое покорение Милана . . . 203
Второе покорение Милана . . . 205
Сражение при Каркано . . . 205
Осада Милана . . . 207
Сражение при Леньяно . . . 211
Филипп Швабский . . . 213
Император Фридрих II . . . 214
Сражение при Кортенуова . . . 214
Дальнейший ход войны после сражения при Кортенуова . . . 216
Осада Пармы . . . 216
Заключительный вывод . . . 219
Карроччио . . . 219
Сражение при Тальякоццо . . . 220
Итальянская пехота . . . 224

Глава VI. Немецкие города . . . 225
Бой при Фрехене . . . 227
Уличные бои в Кельне . . . 227
Стычки при Гаусбергене . . . 228

Глава VII. Завоевание Пруссии Тевтонским орденом . . . 232

Глава VIII. Английские лучники. Завоевание Уэльса и Шотландии Эдуардом I . . . 237
Сражение при Фалькирке . . . 242

Глава IX. Отдельные походы, сражения и бои . . . 246
Сражение при Тенгибрэ . . . 246
Сражение при Бремюле . . . 246
Сражение при Бургтерульде . . . 247

Сражение под священными знаменами при Норталлертоне . . . 247
Сражение при Линкольне . . . 248
Бои и стычки первого крестового похода . . . 248
Сражение при Дорилэе . . . 249
Сражение на Антиохийском озере . . . 251
Сражение у Антиохийских крепостных ворот . . . 251
Решительный бой под Антиохией . . . 251
Сражение при Аскалоне . . . 253
Бой при Ралме . . . 254
Сражение при Сармине и при Атаребе . . . 255
Сражение при Хабе . . . 255
Сражение при Газарте . . . 255
Сражение при Мерджи-Сефер . . . 255
Сражение при Хиттине . . . 256
Сражение при Акконе . . . 256
Сражение при Арзуфе . . . 256
Бой при Яффе . . . 256
Пехота в крестовых походах . . . 257
Сражение при Мюре . . . 258
Бой при Степпе . . . 258
Сражение при Бувине . . . 258
Сражение при Борнгеведе . . . 263
Сражение при Монтеапарти . . . 263
Сражение при Льюисе . . . 263
Сражение при Воррингене . . . 263
Сражение при Чертомондо . . . 264
Сражение на Мархфельде . . . 265
Бой при Конвее . . . 265
Сражение при Гельхейме . . . 265

Часть четвертая

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Введение . . . 266

Глава I. Сражение в строю фаланги. Городское и крестьянское (народное) ополчение . . . 267
Сражение при Куртрэ . . . 267
Сражение при Баннокбурне . . . 273
Сражение при Розебеке . . . 277
Городское и крестьянское (народное) ополчение . . . 280
Бой при Рейтлингене . . . 283

Глава II. Спешенные рыцари и лучники . . . 283
Сражение при Кресси . . . 283
Сражение при Мопертюи . . . 291
Сражение при Азинкуре . . . 291
Заключение . . . 296

Глава III. Османы . . . 297
Сражение при Никополе . . . 300

Глава IV. Гусситы . . . 304

Глава V. Кондотьеры, ордонансовые роты и вольные стрелки . . . 317

Глава VI. Сражения при Танненберге и Монлери и некоторые другие бои этого периода . . . 327
Сражение при Танненберге . . . 327
Монстрэле о Танненберге . . . 331
Сражение при Монлери по Коммину . . . 331
Сражение при Монс-ан-Певель . . . 341
Сражение при Мюльдорфе . . . 341
Сражение при Баесвейлере . . . 342

Бой при Ножане на Сене . . . 342
Сражение при Барнете . . . 342
Сражение при Тьюксбери . . . 343
Сражение при Босворте . . . 343

Часть пятая

ШВЕЙЦАРЦЫ

Глава I. Введение . . . 344
Глава II. Сражение у Моргартена . . . 347
Глава III. Сражение при Лаупене . . . 354
Глава IV. Сражение при Земпахе . . . 360
Сказание о Винкельриде . . . 362
Глава V. Сражение при Деффингене . . . 366
Глава VI. Военная организация союзных кантонов . . . 368
Служба в иностранных армиях . . . 373
Служба у нюренбергцев . . . 374
Сражение при Зеккенгейме . . . 375
Глава VII. Бургундские войны . . . 376
Причины возникновения . . . 376
Литература . . . 379
Сражение при Герикуре . . . 380
Сражение при Грансоне . . . 381
Сражение при Муртене . . . 388
Литература и критика . . . 398
Сражение при Нанси . . . 399
Глава VIII. Теория военного искусства в средние века . . . 403
Теория . . . 403
Дополнительные замечания о труде ген. Келера . . . 408
Глава IX. Заключение . . . 411
Примечания редакции . . . 417
Хронологический указатель сражений . . . 426
Указатель собственных имен и названий . . . 430

Ганс Дельбрюк

ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА
В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Том третий. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Публикуется по изданию: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., Гос. военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. М., 1938

Утверждено к печати редколлегией серии «Историческая библиотека»

ЛР № 020297 от 27.11.91. Подписано к печати 13.08.96. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36.4. Уч.-изд. л. 42.7. Тираж 3050 (из них, 110 нумерованных экз.). Тип. зак. № 3213. С 1463.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН. 199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.